

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА –
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2010

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2010**

ББК 60.5
С 69

Серия
«Теория и история социологии»
Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел социологии и социальной психологии

Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ

Редакционная коллегия:

Н.Е. Покровский – д-р социол. наук, главный редактор;
Д.В. Ефременко – д-р полит. наук, зам. главного редактора;
А.Б. Гофман – д-р социол. наук; *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук;
О.А. Симонова – канд. социол. наук; *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук;
О.Н. Яницкий – д-р. филос. наук

Социологический ежегодник, 2010: Сб. науч. тр. / РАН.
С 69 ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии
и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ /
Гл. ред. Покровский Н.Е.; Ред.-сост., Ефременко Д.В. – М.,
2010. – 27,9 л. – 442 с. (Сер.: Теория и история социологии).
ISBN 978-5-248-00464-2

Рассматриваются тенденции и перспективы развития социологии как научной дисциплины, анализируются теоретические и эмпирические проблемы модернизации, социологии культуры, социологические аспекты научных коммуникаций. В сборник включены перевод книги Питирима Сорокина «Общество, культура и личность», а также статьи, посвященные его социологическому наследию.

Для социологов и философов, преподавателей, аспирантов и студентов.

In the materials submitted to your attention under consideration are tendencies and development perspectives of sociology as a scientific discipline; theoretical and empirical problems of modernization; issues on the sociology of culture; sociological aspects of scientific communications. The collection also contains a translation of Pitirim Sorokin's book «Society, culture and personality», as well as several articles concerning his sociological heritage.

The yearbook is intended for sociologists, philosophers, lecturers, postgraduate and undergraduate students.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00464-2

© ИНИОН РАН, 2010
© Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ

СОДЕРЖАНИЕ

Социология–2010: На всех направлениях без перемен. Предисловие Editor's preface: Sociology–2010: All quiet in any direction	8
--	---

I. К ИТОГАМ XVII ВСЕМИРНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА (ГЁТЕБОРГ, 11–17 ИЮЛЯ 2010 г.) To the results of the XVII world sociological Congress (Gothenburg, 11–17 July 2010)

Отклики участников конгресса Feedback from congress participants

Н.Е. Покровский. Гётеборг – город весь серый, или Социологическая ИКЕА: Заметки участника XVII Всемирного социологического конгресса	
N.E. Pokrovsky. Gothenburg a city all grey, or A sociological IKEA: Notes of a XVII World sociological congress participant	10
О.Н. Яницкий. К итогам XVII Всемирного социологического конгрес- са: Тезисы к выступлению на заседании Ученого совета Института социологии РАН 29 сентября 2010 г.	
O.N. Yanitsky. To the results of the XVII World sociological congress: Theses of the speech at the RAS Institute of sociology Academic board meeting (29 September 2010)	20
Я.В. Евсеева. Заметки о Всемирном социологическом конгрессе в Гётеборге	
Ya.V. Evseeva. Notes on the World sociological congress in Gothenburg	24

Из материалов конгресса Congress materials

У. Бек. Переосмысливая неравенство и власть в эпоху климатических изменений: Возникновение «космополитических» риск-сообществ	
U. Beck. Re-mapping inequality and power in an age of climate change: The emergence of «cosmopolitan» risk communities	27

Дж. Ритцер. Потребление по ту сторону кризиса	
G. Ritzer. Consumption beyond the crisis	37

После конгресса
After the congress

М. Буравой. Принимая вызов глобальной социологии – от Гётеборга к Йокогаме	
M. Burawoy. Meeting the challenges of global sociology – from Gothenburg to Yokohama	42

Рефераты
Abstracts

Р.А. Морроу. К вопросу о переосмыслении публичной социологии	
М. Буравого: Постэмпиристская реконструкция	
R.A. Morrow. Rethinking Burawoy's public sociology: A post-empiricist reconstruction	48
В. Белл. Публичная социология и изучение будущего: Возможное, вероятное, предпочтительное	
W. Bell. Public sociology and the future: The possible, the probable, and the preferable	59

II. МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ:
ДИСКУССИОННЫЙ ФОРУМ
Modernization in Russia and beyond: Discussion forum

Статьи
Articles

В.Г. Федотова. Модернизация: Переосмысливая теорию и практику	
V.G. Fedotova. Modernization: Rethinking theory and practice	63
С.Н. Смирнов. Модернизация в атомизированном обществе	
S.N. Smirnov. Modernization in an atomized society	81
О.Н. Яницкий. Модернизация России: Гуманитарные проблемы	
O.N. Yanitsky. Modernization in Russia: Humanitarian issues	86

Рефераты
Abstracts

З. Бауман. Коммунизм: Postmortem? Двадцать лет спустя, другая годовщина	
Z. Bauman. Communism: A postmortem? Two decades on, another anniversary	104
П. Вагнер. Множественные траектории модерна: Почему социальная теория нуждается в исторической социологии	
P. Wagner. Multiple trajectories of modernity: Why social theory needs historical sociology	109

В. Кнёбль. Зависимость от траектории предшествующего развития и цивилизационный анализ: Методологические вызовы и теоретические задачи	
W. Knöbl. Path dependency and civilizational analysis: Methodological challenges and theoretical tasks	113
Модерн и модернизация в Латинской Америке. (Сводный реферат)	
Modernity and modernization in Latin America (Joint abstract)	118
Чж. Хон. Международные аспекты «китайского пути» в контексте глобализации	
Zh. Hong. The world implications of the «Chinese road» in the context of globalization	123

III. НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Latest tendencies in the sociology and psychology of culture

Статьи и обзоры *Articles and reviews*

А.Б. Гофман. Социальное – социокультурное – культурное: Историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура»	
A.B. Gofman. The social – the sociocultural – the cultural: Historico-sociological notes on the correlation of the notions «society» and «culture»	128
О.А. Симонова. Пути реализации «сильной программы» в культурной социологии Дж. Александера: Концепция иконического сознания и иконического опыта	
O.A. Simonova. Ways of realizing the «strong program» in Jeffrey Alexander's cultural sociology: The concepts of iconic consciousness and iconic experience	137
Е.В. Якимова. Культурная психология сегодня: История, теория, мета-теория. (Аналитический обзор)	
E.V. Yakimova. Cultural psychology today: History, theory, metatheory. (Analytical review)	166

Рефераты *Abstracts*

А. Реквитц. Актуальные тенденции теорий культуры	
A. Rekwitz. Topical trends in culture theories	186
Cultural studies и теория медиа. (Сводный реферат)	
Cultural studies and media theory. (Joint abstract)	193
Н. Хайних. Искусство и критика	
N. Heinich. Art and critique	200

IV. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ Sociological issues of scientific internet communications

Статьи *Articles*

- Е.З. Мирская. Состояние и роль ИКТ в российской науке: Результаты социологического мониторинга 1994–2002 гг.
E.Z. Mirskaya. The state and role of ICT in Russian science: Results of the 1994–2002 sociological monitoring 205
- М.Е. Соколова. Социальные научные сети Рунета и «открытый код» «поколения Google»
M.E. Sokolova. Runet social research networks and the open source of the «Google generation» 219

Рефераты *Abstracts*

- М. Кастельс. Коммуникация, власть и контрвласть в сетевом обществе
M. Castells. Communication, power and counter-power in the network society 243
- К.А. Сколари. Картирование дискуссий о новых медиа: Теоретическая область цифровой коммуникации
C.A. Scolari. Mapping conversations about new media: The theoretical field of digital communication 248
- Д. Мурти. Цифровая этнография: Рассмотрение использования новых технологий в социальных исследованиях
Murthy D. Digital ethnography: Examination of the use of the new technologies for social research 255

V. ДВА ЮБИЛЕЯ: ПИТИРИМ СОРОКИН И РОБЕРТ МЕРТОН Two anniversaries: Pitirim Sorokin and Robert Merton

Социологическая классика *Sociological classic*

- П.А. Сорокин. Общество, культура и личность: Их структура и динамика. Система общей социологии. (Главы из книги)
P.A. Sorokin. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology (Book chapters) 261

Статьи, материалы *Articles, materials, correspondence*

- В. Джеффрис. Одиннадцать тезисов об интегрализме
V. Jeffries. The eleven theses of integralism 290

А.Ю. Долгов. Питирим Сорокин и Роберт Мертон: Взаимоотношения в науке и в жизни	
A.Ju. Dolgov. Pitirim Sorokin and Robert Merton: Relations in science and life	310
Переписка П.А. Сорокина и Р.К. Мертон	
Correspondence of P.A. Sorokin and R.K. Merton	313
Н.Е. Покровский. Ранний вечер на Утренних Холмах, год 1990-й (Предельно субъективные заметки о Роберте Мерптоне)	
N.E. Pokrovsky. Early evening on Morning Heights (Utterly subjective notes on Robert Merton).....	355
Письма Р.К. Мертон Н.Е. Покровскому	
Letters of R.K. Merton to N.E. Pokrovsky	370
Д.В. Ефременко. Неюбилейное послесловие	
D.V. Efremenko. A non-anniversary afterword	375

VI. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАФЕДРА

Sociological tribune

Н.Е. Покровский. Университет уходит в виртуальную реальность	
N.E. Pokrovsky. University moves to virtual reality	378
Мир в движении / Телемост с Джоном Урри	
World on the move / Telebridge with John Urry	381
Производство-потребление: Новый социальный феномен / Телемост с Джорджем Ритцером	
Prosumption: A new social creature / Telebridge with George Ritzer	392
Публичная социология: Обзор тенденций / Телемост с Майклом Буравым	
Public sociology in review / Telebridge with Michael Burawoy	405
Гражданская сфера vs публичная сфера / Телемост с Джеффри Александером	
Civil sphere vs public sphere / Telebridge with Jeffrey Alexander	421
Аннотации статей и ключевые слова	
Abstracts and keywords	432
Сведения об авторах	
About the contributors.....	440

СОЦИОЛОГИЯ–2010:
НА ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ БЕЗ ПЕРЕМЕН
Предисловие

Стоит лишний раз отмечать на страницах нашего издания, что социология есть мера того, что общество существует и как именно оно существует. Это не вопрос нашего профессионального самомнения, а объективное положение дел. В любом обществе столько осмысленности, сколько в нем научной социологии. Разве это не так?

2010-й в этом отношении не стал поворотным годом. Высокий общественный статус социологии, завоеванный в 1990-е годы, постепенно стал размываться, а то и просто снижаться. Вроде бы никто открыто не подвергает сомнению предназначение нашей науки. Но уже никто особенно и не стремится воспользоваться ею. В известном смысле она стала существовать в своем «отдельном» мире, напрямую не связанном с обществом. В этом не видится злого умысла. Просто, в общем и целом, не до нее!

На фоне множащихся внешних признаков социологизации – всякого рода опросов, ссылок на мнение аудиторий, маркетинговых усилий, армий выпускников социологических факультетов, многочисленных конференций и пр. – социология в известной мере виртуализировалась. Она ушла в сферу своих собственных интересов, самоопределений и самоидентификаций. Смешно сказать, но многих социологов стало интересовать не столько общество, сколько поиски философского камня в своей собственной душе. Мол, общество есть не что иное, как совокупность смыслов, которые создаются самими социологами в процессе когнитивно-го конструирования социального мира. Получается, что если вдруг социология исчезнет, то и общество погаснет наподобие выключенного телевизора. Немного витиевато, но эпатажно. Но вот социологию постепенно «отключают», однако общество отнюдь не гаснет, а достаточно спокойно идет дальше и без познающего его коллективного интеллекта.

В наши дни не слишком любимая и не слишком востребованная (но и не гонимая), она тем не менее сохранила себя, хотя и не преумножилась. Но и самосохранность эта дорогого стоит в общественной ситуации, все более и более акцентирующей принцип выживания сильнейшего. Впро-

чем, не стоит драматизировать. Социология есть и будет! До тех пор, пока существуют те, кому интересна наука и кому не безразлично общество.

Думается, эти простые-непростые принципы и легли в основу предлагаемого читателям очередного номера «Социологического ежегодника». В различных тематических жанрах и на материале различных культур и исторических эпох на страницах нашего издания реализует себя позиция уважения к обществу и человеку.

Редакционная коллегия

I. К ИТОГАМ XVII ВСЕМИРНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА (ГЁТЕБОРГ, 11–17 ИЮЛЯ 2010 г.)

ОТКЛИКИ УЧАСТНИКОВ КОНГРЕССА

Н.Е. Покровский

ГЁТЕБОРГ – ГОРОД ВЕСЬ СЕРЫЙ, ИЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИКЕА:

Заметки участника XVII Всемирного социологического конгресса

Гётеборг – город своеобразной цветовой гаммы. Даже в середине июля оттенки серого доминируют в колористической картине этого балтийского порта. Надо думать, туристические каталоги могут предложить вам в Гётеборге самые разнообразные развлечения и достопримечательности по усредненным международным стандартам. Но на поверку все это оказывается неким клоном чего-то инородного для Швеции, ибо во всем господствуют серая цветовая гамма, умеренность, неспешность, можно сказать – вялость. Кажется, шведам мало кто нужен в этом мире, включая и туристов. Вполне самодостаточное общество. Таким, по крайней мере, оно предстает по внешнему ходу.

В этом смысле лучшего места для проведения конгресса нельзя было и придумать. За пределами конгресс-холлов и аудиторий, в сущности, и делать было нечего, что в немалой степени разочаровало немалочисленных поклонников научного туризма, раз за разом использующих десять дней очередного конгресса для пополнения своих представлений о географии и истории дальних территорий.

Можно и дальше продолжить эту мысль. Атмосфера конгресса в Гётеборге – это спокойствие, усредненность, отсутствие захватывающих дух интеллектуальных взлетов и падений. Все по правилам, все по стандарту, все не дорого и не дешево, все предельно функционально¹. Короче, ИКЕА в чистом виде. Вроде бы на мировой слет социологов собрались почти все

¹ Даже традиционная сумка, входящая в оргпакет участника конгресса, на этот раз предстала в виде дешевой тряпично-матерчатой торбы неопределенной формы. Как-никак, на дворе экономический кризис. И кроме того, во всем в Швеции господствует принцип «умеренности и осторожности».

значимые фигуры, всем им было предоставлено слово, но они перераспределили свои силы явно не в пользу Гётеборга. В этой минусовой картине есть и свои заметные плюсы. Во-первых, отдельные выступления во многом получились яркими и запоминающимися на остальном неярком фоне. Во-вторых, отсутствие внутренней и внешней драматургии позволило более детально присмотреться к лицу всей современной социологии. Интриги не было, зато получилась замечательная статика.

По поводу организации конгресса, или О принципе «control through non-human technologies»

Казалось бы, это не главный вопрос: как конгресс организован. Но тем не менее с технической организации конгресс начинается задолго до своего фактического открытия, и от уровня организации зависит весьма многое. На этот раз (по сравнению с предыдущими конгрессами в Дурбане, Брисбене, Монреале, Билефельде) машина электронной регистрации и обработки заявок и тезисов не давала заметных сбоев. Вроде бы все шло по накатанной. Правда, время от времени на интернет-сайте конгресса воцарялась неразбериха в отношении того, где и как докладчики могли найти себя в программе конгресса. И потому в одних случаях докладчик (помимо своей воли) дублировался с одним и тем же докладом в разных секциях, а в других случаях начисто исчезал из программы конгресса, и ни одна сила не была в состоянии его туда вернуть. Пробить стену сопротивляющейся компьютерной технологии, впавшей в порочный круг негативного ответа, не представлялось возможным. В конце концов, компьютер не способен к сопереживанию.

Это лишний раз подтверждало неовеберовский принцип «макдональдизации», предложенный Дж. Ритцером, – *control through non-human technologies*. В самом деле, воцарившиеся повсеместно компьютерные технологии начинают постепенно забирать под свою власть все процессы, что лишний раз и продемонстрировал конгресс в Гётеборге уже на своей начальной стадии.

Но вот пример прямо противоположного свойства.

Упомянутый выше Джордж Ритцер, один из докладчиков на пленарном заседании, за два дня до своего выступления был вынужден выехать в Нью-Йорк по неотложным семейным делам. Дабы не ослабить композицию сессии, ее руководитель попытался организовать на пленарном заседании онлайн-телемост с Ритцером, находившимся уже по ту сторону океана: мол, в наши дни физическая точка нахождения человека не столь важна – по-настоящему важно его онлайн-присутствие в киберпространстве в означенное «реальное» время. Все это так хорошо звучит в теории. На практике же администрация великолепно оснащенного гётеборгского конгресс-центра под разного рода благовидными предложениями отказала в этой, в общем-то элементарной по нынешним меркам, услуге. Но любо-

пытно другое. Сама просьба оперативно использовать телемост вызвала святое недоумение на всех уровнях шведского национального оргкомитета и самой Международной социологической ассоциации (МСА). Об онлайн-коммуникациях они что-то слышали, но где и когда, сказать трудно.

Этот частный пример иллюстрирует один весьма настораживающий факт. Современная социология, сделавшая еще со времен Маршалла Маклюэна столь много для опережающего воссоздания картины информационного и коммуникативного общества, в своей повсеместной инфокоммуникативной практике весьма архаична. И прогресса пока не предвидится. Уже после конгресса новый президент МСА Майкл Буравой в своем программном послании к Исполкому вроде бы принялся говорить о необходимости включения МСА в среду «медиа». Но выяснилось, что на поверку речь идет всего лишь о новом электронном журнале (компьютерном аналоге печатного органа) – и интернет-сайте «Университеты в кризисе»¹. Признаемся, все это довольно древнее *déjà vu*.

Но от диагноза необходимо переходить и к лечению. В этом смысле МСА, дабы сохраниться на плаву в мировом информационно-коммуникационном пространстве (и вообще в пространстве), предстоит в ближайшее четырехлетие и с перспективой следующего конгресса в Йокогаме решительно перейти в современные форматы медиа – будь то онлайн-сетевые образовательные сообщества, спутниковый ТВ-канал, вещающий на различные континенты, превращение всемирного конгресса в постоянно действующее и полностью онлайн-мероприятие мирового масштаба и многое другое. По отдельным компонентам все это имеется, тестируется и даже работает в тех или иных университетах, но пребывает в свернутом виде. Кому, как не МСА, быть лидером в этом направлении. Тем более что инфокоммуникационная революция, разворачивающаяся на наших глазах, но, увы, без участия мирового социологического сообщества, не будет до бесконечности приглашать социологов стать членами информационного клуба. Не ровен час, двери и закроются.

Книжный рынок: Конец с продолжением?

Помимо всего прочего, каждый всемирный социологический конгресс – это и впечатляющий рынок социологической литературы. Все мировые издательства-мастодонты (*Sage, Blackwell, Oxford University Press*) и десятки более мелких университетских и частных издательств привозят и выставляют свою продукцию в специально отведенной зоне. Обычно выставки-продажи социологической литературы впечатляют посетителя сами по себе. Это толпы участников конгресса, жаждущих прикоснуться к новейшим издательским шедеврам, порой поучаствовать в презентации новых книг (с неизменным угощением по этому поводу), иногда получить бесплатный экземпляр книги или журнала (или проспект, на худой конец),

¹ <http://www.isa-sociology.org/universities-in-crisis/>

обсудить свои возможные проекты с потенциальным издателем и заручиться его поддержкой в этом смысле.

Так было всегда прежде. Но в Гётеборге случилось все по-новому. Праздник социологической литературы фактически отсутствовал. Формально основные издательские группы открыли свои стенды. Но на них зияли пустотой целые полки: нечего было выставлять. Стендисты в основном прогуливались в каких-то иных местах, оставляя на прилавках горы бедно изданных листовок, заменивших буклеты. Да и числом своим приехавшие издательства настолько поредели, что это рождало немой вопрос: а что, собственно говоря, произошло?

Дружеские беседы с заинтересованными лицами и экспертами отчасти прояснили картину. Во-первых, продолжающийся экономический кризис нанес весьма ощутимый удар по научным издательствам. Их продукцию просто никто не покупает. И что не покупается, то и не продается (и не производится) – таков закон рынка и в этой академической сфере. Во-вторых, – и, возможно, это главное, – печатная продукция обвальюно уступила свое место электронным носителям и онлайн-депозитариям научных текстов. Все уважающие себя социологические журналы вложились в свои онлайн-версии и там реализуют свои проекты. Журналы и книги в традиционном формате превращаются в артефакты, служащие украшению богатых библиотек и кабинетов профессоров (не всех, разумеется). Научная книга как источник массового социологического знания уходит в тираж, т.е. самоуничтожается. Университетские библиотеки, традиционно бывшие главным потребителем издательской продукции, тоже подсократили свои аппетиты и ушли в виртуал. И если этот процесс еще не завершился в полной мере, то, судя по всему, финальные аккорды не за горами.

Стоит ли оплакивать социологическую книгу как традицию и жанр? Трудно сказать. А стоит ли оплакивать все остальное: живой драматический театр, фигуративную живопись, художественную литературу как таковую, наконец, хорошее доброе университетское образование? Все это – звенья одной цепи, а именно радикального изменения культурного ландшафта нашей современности. Так стоит ли оплакивать ту самую современность, к которой принадлежим? Вопрос чисто философский и, во всяком случае, риторический.

Конгресс: Ключевые понятия

Да, берусь утверждать: конгресс проходил в формате ИКЕА – скромно и со вкусом (шведским). И тем не менее как минимум два удара колокола-набата разрушили эту серую гамму и поставили на дыбы социологическое сообщество.

Первый – это *инвайронментальная тематика*, отношение общества и окружающей природной среды, социальная экология. Теперь это получило и свое опознавательное понятие – *climate change*. Нельзя сказать, что

прежде эти темы не звучали в исследовательских комитетах МСА и на конгрессах. Но это звучание было приглушенным, а тема окружающей среды рассматривалась наряду со всеми другими. В Гётеборге она стала главной и определяющей. И, думается, отныне такой и останется. Не только конгресс открылся выступлением профессора Ли Юань Цзе, лауреата Нобелевской премии по химии из Тайваня, посвященным ближайшим и конечным угрозам человечеству со стороны природной среды, но практически во всех значимых докладах, произнесенных на съезде, экологический кризис современного общества присутствовал в качестве само собой разумеющейся и осмысливаемой константы.

В связи с этим напрашиваются несколько выводов.

Судя по всему, в *любом* социальном анализе и моделировании *чего-либо* экологическая составляющая отныне сравнялась по своей значимости с такими составляющими, как экономика, политика и культура. Теперь мы имеем не триумvirат факторов, а взаимообусловленную комбинацию четырех факторов. Можно сказать, конгресс в Гётеборге узаконил эту ситуацию и сделал ее абсолютно нормативной. Иное соображение в этой связи подсказывает, что социологическое образование должно (прямо-таки *должно!*) реагировать на этот меседж мировой социологии.

Исходя из сказанного, я бы осмелился дать конгрессу в Гётеборге подзаголовок – Конгресс социального инвайронментализма.

Вторая тема или, если угодно, второе послание-набат конгресса касалось кризиса, охватившего современный мир. Здесь тоже обнаружили себя различного рода нюансы. Начнем с того, о каком кризисе шла речь. В основных пленарных докладах недвусмысленно прозвучала идея: современный кризис не есть только лишь кризис финансовый и ипотечный. Это кризис практически всех оснований западного, а потому и мирового сообщества. Маргарет Арчер, первая леди современной социологии, недвусмысленно указала на концепцию экономического человека. Именно он, наш родной и любимый экономический человек, столь хорошо знакомый на близком расстоянии, и есть источник этого кризиса: мол, оптимизация прибыли не выдерживает исторической миссии регулирования и балансировки сообществ в современных условиях. Конечно, мировая социология всегда была равнодушна к социал-демократической альтернативе, что тут говорить, но уж больно расширился и набрал в весе круг критиков современного капитализма – это бесспорно. Притом со стороны отнюдь не леваков, а вполне умеренных социологов. В этом смысле упреки в адрес социологии в том, что слишком поздно она включилась в обсуждение кризиса, теряют свою основную убедительность. Коль скоро кризис не есть только лишь финансовый кризис, а сотрясение основ Запада, то социология медленно запрягает, да быстро едет.

В этом алармистском ключе, так или иначе, звучали выступления почти всех грандов социологии, представленных на конгрессе. Мануэль Кастельс, достаточно спокойный и не вспыхивый мыслитель, анонсируя

свою новую, пока еще не опубликованную книгу «Сетевые войны» («Net wars»), нарисовал апокалипсическую картину распространения войны (а не просто «конфликта» или «столкновения-clash», как у С. Хантингтона) по всем сетям и на всех уровнях – от семьи до мегадержав и мировой системы в целом. Мол, «война» уже идет в сетях, она тихо входит в дома и семьи, проникает в бизнес, политику, СМИ, образование и т.д. Микроконфликты как ручейки вливаются в большие реки неуспокоенности, социального раздражения и кризиса ценностей. Иногда война, как протуберанец, вспыхивает вооруженным конфликтом, но в основном все происходит внутри, под поверхностью. Когда выйдет в свет книга Кастельса, ее можно и нужно будет обсуждать. А пока лишь зафиксируем общее впечатление: было бы трудно предположить более алармистское выступление от одного из наиболее уважаемых современных социологов. Глядя на Кастельса, спокойно выступающего с трибуны или улыбочиво позирующего фотографам в группе российских социологов в кулуарах конгресса, понимаешь, что мрачноватый алармизм социолога не есть проблема его личностного психологического состояния (что можно было бы принять во внимание в рамках анализа его субъективности), но, напротив, это взвешенная и продуманная макросоциологическая экспертиза теоретического уровня, и от этого становится еще более не по себе.

Джон Урри и другие

Джона Урри нет смысла представлять каким-то особым образом. Кто не знает его известнейших книг по туризму, мобильностям, социологии за пределами общества! Короче – один из столпов социального знания наших дней и, кто знает, разворачивающейся исторической перспективы.

Урри заявил свой доклад о так называемом «посткарбонном обществе». С ним в паре, но по самостоятельной теме выступал В.И. Ильин из Санкт-Петербургского университета.

На этой сессии произошел редкостный аншлаг. Желающие послушать докладчиков не только заполнили все свободные места, но и шпалерами лежали на полу, высланном ковролином. Выглядел подобный энтузиазм весьма живописно и даже духоподъемно в икеевской Швеции. Но в преддверии начала сессии появились местные пожарные и так по-родному, по-русски заблокировали сессию: мол, вместимость аудитории превышена в два раза, «не положено!». Всеми правдами и неправдами с пожарными договорились, и заседание началось. И извечно и абсолютно невозмутимый Урри получил возможность сделать свое послание городу и миру. И надо сказать без всякой иронии, доклад был обращен и городу и миру. Так получилось.

Под нейтральным и бесстрастным заглавием («Системы и их будущее») развернулся эпический рассказ о том, что будет с нашим миром в не столь отдаленном будущем. Коль скоро многочисленные и постоянно

множащиеся интерфейсы порождают все новые и новые взаимодействия систем и подсистем, социальные системы переходят в непредсказуемый режим трансформаций. Двадцатый век был основан на нефти («углеродное общество») и металлических средствах передвижения («автомобиль»). Это обеспечивало физическую / географическую мобильность и создало условия для мобильности виртуальной – различных форм дистантных контактов и сетей общения. В наши дни все это расцвело гипермобильностью населения, включая мобильность в коммуникативных сетях. Но покинуть углеродную цивилизацию наши сообщества не смогут. И потому всем нам придется осознать себя живущими в условиях сокращения основного ресурса – углеводородов. (Альтернативные виды энергетики, по мысли Дж. Урри, не смогут стать полноценной заменой углеводородов.) Таким образом, «будущее систем» видится английскому социологу весьма характерно: постепенно истощающийся основной ресурс, что приводит к примитивизации жизни. Не прекрасные города будущего, отделяющие себя от внешней среды климатронами, а бугенвилльские поселки, построенные из остатков древесины и картона, опоясывающие деградирующие мегаполисы.

Весьма интересным продолжением доклада Дж. Урри стало выступление профессора В.И. Ильина, который анализировал повседневные практики бытового креатива в условиях кризиса (в том числе и ресурсного). И вновь был поднят вопрос о возрождении примитивных форм выживания и экономии. По мысли Ильина, это и домашнее шитье, и домашняя кулинария, и обработка приусадебных участков и пр. Все эти «мелочи жизни» предстали в виде достаточно монументальной реакции общества на нынешний и, главным образом, будущий кризис. Траектория будущего – это не только и не столько усложнение систем, сколько их примитивизация.

Стоит ли говорить, что оба доклада вызвали шквал вопросов и стали генератором спонтанной дискуссии прямо в зале заседаний.

Новый / старый социологический дискурс

Не секрет, что попасть в число участников конгресса с правом голоса и выступления не просто. Разного рода фильтры выделяют не столько лучших, сколько соответствующих профессиональным стандартам. Такова традиция и таковы правила. Однако заметные изменения в этих стандартах заявили о себе на конгрессе в Гётеборге.

Согласно традиционно-базовым представлениям социология в любом случае есть аналитика, т.е. раскрытие внутреннего содержания социальных явлений в соответствии с существующими научными понятиями и принципами. Все так, да не так.

Во многих секциях конгресса возобладала некая иная линия. Условно назовем ее широко *квазисоциологическим дискурсом* без определенных границ. Докладчики «рассказывают» о своих видениях своего объекта восприятия, своих ощущениях в связи с ним и, безусловно, своем «мнении» в отношении того, что хорошо или плохо в этом объекте и как надо

ему развиваться. Более всего для определения этого подхода можно использовать термин внеаналитический *нарратив* по принципу tell me something about anything. Это своеобразная социология без ясно очерченных дисциплинарных границ, в которой любое высказывание о социальной реальности уже по умолчанию есть социология.

Более всего демонстрируют этот нарратив молодые социологи аспирантского уровня, представляющие региональные университеты развивающихся стран. И делают они это без страха и упрека. Видимо, их так научили, и других способов делать социологию они не знают. В связи с данной тенденцией возникает вопрос: это временное явление переходного характера или долговременный тренд? Не идет ли речь о некоем новом состоянии социологического дискурса, в котором нарративная внеаналитическая позиция будет окончательно канонизирована? И еще более широко: не есть ли это постглобализированная социология, принявшая и вобравшая в себя волны молодых социологий указанных регионов, но при этом переходящая на позиции, существенно отличные от классических?

Вопросы эти отнюдь не риторические. Ближайшее четырехлетие (всемирные конгрессы социологии проходят раз в четыре года) должно показать, будет или не будет реализована эта перспектива.

Выбор без выбора?

Всемирный конгресс – это и выборы на очередные четыре года президента Международной социологической ассоциации, членов Исполнительного комитета, Программного комитета. Словом, небольшая коррида в мировом социологическом масштабе.

На этот раз выборы президента заключали в себе любопытную интригу. Задолго до конгресса стало ясно: на пост президента будет претендовать Майкл Буравой. Почему стало ясно? Да просто неумемая энергия известного социолога была полностью и точно сфокусирована на мобилизацию всех национальных ассоциаций и исследовательских комитетов в перспективе главной цели – избрания. М. Буравой за четыре предшествующих конгрессу года объездил все страны и веси, организовал конгрессы МСА в Тайбэе (Тайвань), выступал с различного рода инициативами (например, сайт University in Crisis), выступал в качестве докладчика на ведущих конференциях (например, на Европейской конференции ЕСА в Лиссабоне). Все это делалось с большой энергией, напором и хорошо продуманными заходами. Надо сказать, подобная активность выходила далеко за рамки традиционной и нормативной активности вице-президента МСА. То есть избирательная кампания началась давно и велась по всем правилам политических кампаний, но в приложении к академическому сообществу. Это само по себе было любопытно.

Соперником М. Буравого выступила Элиса Рейс из Бразилии – весьма известный и уважаемый профессор Университета Рио-де-Жанейро, в свое время возглавлявшая комитет МСА по социологической теории.

Пикантность ситуации состояла и в том, что американское прошлое и настоящее Майкла Буравого, по общему мнению, было очевидным минусом его кандидатуры в международном сообществе социологов с доминированием непроамериканских настроений, в том числе и в социологии. (Само по себе это представляется мне несколько странным. В конце концов, именно академический потенциал по идее должен доминировать над всем остальным, а не национальная принадлежность. Но это только «по идее».)

В этом смысле Элиса Рейс из Бразилии имела неплохие шансы побороться с Майклом Буравым на равных. Тем более что она представляла социологическое сообщество самой мощной латиноамериканской страны, в которой в абсолютных цифрах социологов больше, чем в США. Но свои шансы она реализовала не в полной мере. Она восприняла свою задачу исключительно в академическом ключе: мол, опубликовать заявление о намерениях и список публикаций. Все остальное и так ясно.

Выборы, состоявшиеся в Гётеборге, на мой взгляд, с очевидностью продемонстрировали, что и в социологическом сообществе срабатывают избирательные технологии, воплощением которых стал Майкл Буравой. Основанная им так называемая «публичная социология» и стала самым действенным инструментом решения избирательной задачи. Бесконечная публичность и мобильность, яркость и сценичность выступлений, инструментарий, заимствованный в СМИ, – все это сработало на все сто процентов. И хотя, безусловно, мировой научный авторитет Буравого не подвергается никакому сомнению, но именно ориентация на публичность обеспечила ему триумф.

Триумф, кстати сказать, чего или в каком смысле?

Думается, прежде всего, политический. Судя по всему, Буравой последовательно и успешно проводит в жизнь концепцию перманентной революции в социологии, подразумевающей, что ядро и энергия («энергетика») современной социологии находятся на периферии традиционных и исторически сложившихся центров генерации и распространения социологического знания. В рамках этой концепции МСА играет важную роль в качестве авторитетного форума всех социологий мира, на котором партию первых скрипок, по мысли Буравого, призваны сыграть новые исполнители. Да и сама партитура социологии, естественно, существенно видоизменяется. Ее научно-академическая миссия уступает миссии публично-преобразовательно-конструктивистской. Четко по одиннадцатому тезису о Фейербахе, но в применении к социологии. Все это очень интересно и важно. Как на это отреагирует все мировое социологическое сообщество? Коснется ли это только МСА или более широких сфер институализиро-

ванной социологии? Ближайшие годы станут ответом на поставленные вопросы.

Стоит ли удивляться тому, что по своему внутреннему смыслу избирательный процесс в Гётеборге носил отчасти политизированный характер, ибо переориентация социологии – задача не столько академическая, сколько конструктивистски-политическая. В какой степени это осознавали голосовавшие участники конгресса? Сказать трудно. Сам Майкл Буравой, надо полагать, для себя (и не только) четко формулировал цели и задачи. Остальные участники находились на различных этапах осознания.

* * *

Конгресс, как принято говорить, уже стал достоянием истории. Оценить его несколькими словами невозможно, ибо он – отражение (и достаточно адекватное) положения социологии в современном обществе, вернее, в современных обществах. В любом случае, конгресс заставил задуматься о том, что в науке за «лесом» частных задач существуют большие стратегические направления. Возможно, в этой отрезвляющей функции и была его основная недекларируемая задача. И с ней он справился, на мой взгляд, вполне.

О.Н. Яницкий
К ИТОГАМ XVII ВСЕМИРНОГО
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА:
Тезисы к выступлению на заседании Ученого совета
Института социологии РАН 29 сентября 2010 г.

1. Этот конгресс вполне можно назвать *климатическим, или анти-углеродным, конгрессом социологов*. Впервые его открывали и участвовали в ключевых пленарных заседаниях крупнейшие ученые-естествоиспытатели, которые объяснили собравшимся, что мир стоит на грани экологических мегарисков и катастроф, которые непредсказуемым образом могут изменить всю его институциональную и жизненную среду, если мы сами не поспешим изменить существующие институты и господствующие ценности.

2. Конгресс показал, что социологи начинают всерьез воспринимать принцип «устойчивого» сосуществования человечества и природы, хотя несоциологи его сформулировали почти полвека назад. Я имею в виду серию докладов «Римскому клубу», международные программы типа «Человек и биосфера» и др.

3. Конкретно речь на конгрессе шла о пределах. Каких? О пределах нового экспоненциального роста экономики после окончания кризиса; роста совокупной нагрузки потребления на среду, если Китай и Индия достигнут уровня благосостояния США; о пределах роста народонаселения Земли и, следовательно, о необходимости сокращения потребления энергии на душу населения. Но самый главный предел – это необходимость сокращения выбросов CO₂ – основного агента изменения климата. Наш ведущий полярный исследователь и политик Артур Чилингаров уже серьезно обеспокоен судьбой Норильска и других российских городов, стоящих на вечной мерзлоте, которая начала подтаивать.

4. Методически поворот к устойчивому развитию означает междисциплинарность. А. Турен, М. Арчер, М. Кастельс, П. Штомпка и другие ведущие социологи подчеркивали, что социология, чтобы сохранить свою идентичность и институциональную автономию, должна повернуться лицом к экономической науке и политике, в первую очередь – к геополитике.

Как сказал Штомпка, «социологи, как и политики, должны принять *междисциплинарный подход* как норму». Отсюда, добавлю от себя, *социальная интерпретация* знаний, продуцируемых другими гуманитарными, а также естественными науками, есть сегодня ключевая задача социологии.

5. Теперь о других важных выводах. По мнению многих социологов и ученых-естественников, особенно из стран Третьего мира, мир сегодня делится не на развитый и развивающийся, а на «переразвитый» и деградирующий, международная помощь которому неэффективна: она просто проедается и разворовывается. Общество потребления порождает замкнутый круг: оно требует все больше энергии, загрязнение среды растет, соответственно, увеличиваются и расходы на снижение выбросов CO₂, все это увеличивает нагрузку на бюджет, государственные долги растут, финансовый пузырь снова надувается, что ведет к новому кризису.

6. По мнению М. Арчер и ряда других участников конгресса, современная социология приложила руку к созданию нынешнего экономического кризиса, так как: 1) пропагандировала индивидуализм как образец человеческой деятельности; 2) индивидуализм как политико-экономическая философия не способна противостоять неограниченной экспансии финансового рынка; 3) социологи не смогли концептуализировать реальную гражданскую экономику и здоровое гражданское общество; 4) политика западных государств была основана на индивидуалистической модели современного человека. Арчер назвала все это «молчанием социологии», что явно звучало как парафраза названия известного фильма «Молчание ягнят». От себя замечу, что Арчер, как и А. Гидденс, У. Бек, М. Элброу и другие, – постоянный автор ежегодника «Глобальное гражданское общество».

7. Россия не интересна социологам западного мира. Мы для них и они сами достаточно хорошо изучили российскую ситуацию. Если к России и есть интерес, то только *ресурсный* и *геополитический*. Мы можем включиться в мировой социологический диалог только одним способом: участием в *международных компаративных исследованиях*. Их цель – понять место и роль России в процессах глобализации.

Новый президент ISA М. Буравой уже сделал первую рассылку электронного Newsletter'a ISA, приглашая всех к участию в обсуждении двух проблем: глобализации и кризиса университетов. Это хороший шанс для нас высказаться по этим проблемам и, значит, быть услышанными. Ирония истории: 30 лет назад, когда мы были авторитарным государством, мы участвовали в крупных компаративных исследованиях, например по бюджетам времени. 25 лет назад я сам инициировал и организовал сравнительное исследование участия граждан в охране городской среды в 16 европейских странах! А сегодня, когда мы включены в процесс глобализации, мы в таких масштабных исследованиях не участвуем.

Чем ценны для нас компаративные исследования практически? Они помогают понять: 1) где на шкале глобализации мы находимся; 2) что у нас с остальным миром общее и что – различное; 3) что можно заимство-

вать, а что придется делать самим; 4) очень важный человеческий момент: в ходе таких исследований возникают контакты и доверие; 5) наконец, компаратив – это канал продвижения наших исследований в мировую социологическую копилку.

8. Теперь – о некоторых методологических основах изучения глобализации. Вот что утверждают А. Турен и другие: 1) сегодня социальное поведение зиждется на *несоциальных принципах и процессах*; 2) метаболизм, т.е. потоки и трансформация финансовых, людских и информационных процессов, – инструмент познания социальной динамики; 3) на место систем и действий приходят ситуации и связи; 4) кто сегодня является субъектом действия; например, в социологическую теорию введено понятие неинституциональных акторов; 5) место общества теперь занято «публичным пространством», ключевую роль в котором играют медиа и виртуальные структуры.

9. Какими могут быть эмпирические подходы к изучению глобализации? Один из них предлагает У. Бек. В своем выступлении он говорил об исследовательском компаративном проекте, основанном на идее «методологического космополитизма» для социологической интерпретации последствий изменений климата с двух взаимодополняющих позиций. Первая: в какой степени изменения климата будут фактором глобальной трансформации власти и неравенства, потенциально ведущих к конфликтам с применением *насилия*? И вторая: как сильно грядущие изменения климата будут способствовать созданию *космополитических «риск-сообществ»*, или, в моей терминологии, риск-солидарностей¹, пока что сильно разобщенных социально и отдаленных друг от друга географически?

Основной политический вопрос, полагает Бек, это – *от кого придет поддержка* проэкологическим изменениям, – поддержка, которая во многих случаях, вероятно, подорвет их собственные условия и стиль жизни, привычные стандарты потребления и социальный статус? Или иначе: каким образом *космополитическая солидарность*, идущая поперек любых границ, станет реальным сообществом, которое является необходимой предпосылкой для транснациональной политики *сдерживания* климатических изменений?

Ключевая гипотеза Бека звучит следующим образом: чем более мир будет объединен изменением климата, тем более он будет им разделен, разобщен. Бек, именуя это *космополитической диалектикой* климатических изменений, задается вопросом: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? Иначе говоря, что ждет нас впереди: нарастающая череда конфликтов или все же кооперация усилий, т.е. космополитическая солидарность?

Ответы на эти вопросы предполагают изменение исследовательской парадигмы: от все еще доминирующего сегодня «методологического на-

¹ Яницкий О.Н. Риск-солидарности: Российская версия // Интер. – М., 2004. – № 2–3. – С. 52–61.

ционализма», основанного на принципе соответствия (и даже территориального совпадения. – О.Я.) между нацией, территорией, обществом и культурой – к «методологическому космополитизму». Точнее, говорит Бек, мы живем не в век космополитизма (в его старом философском понимании. – О.Я.), а в век космополитизации – «глобальный Другой» уже внутри нас. ***Мы нуждаемся в космополитической солидарности, говорит Бек.*** Сегодня мы живем в исторически переходный период «космополитизации». Поэтому мы нуждаемся в разработке социологического взгляда и затем – проекта, на основе которых эта солидарность может быть создана. Практически ее несущей конструкцией могут стать несколько крупнейших мегаполисов мира, объединенных в сеть. Сети этих городов безграничны и всепроникающи.

Как климатические изменения инициируют новые формы власти, неравенства и новые сообщества – вот фокус эмпирического исследования, которое проводится Беком в четырех мегаполисах: Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае. Как мы, спрашивает он, сможем противостоять силе климатических изменений, мы, живущие в мире, который больше не имеет «наружной части», «выхода из него» и «Другого»? Отсюда еще одна историческая загадка для нас с вами: Генплан г. Москвы 1935 г. верстался на основе открытого обсуждения общественностью и международного конкурса урбанистов, хотя наше общество было тогда тоталитарным и отделено от остального мира «железным занавесом». А сегодня Москва – интегральная часть системы крупнейших городов мира, а ее новый Генплан сверстан по лекалам XIX в.

Наконец, подчеркивает Бек, космополитизация рисковенна, и мы, социологи, должны понять, каковы глобальные риски переходного периода к нему. Познание глобальных рисков – средство предвидения и предупреждения глобальной катастрофы. Частью этого исследования должно быть изучение (глобального) неравенства, равно как и (экологической) справедливости.

Я.В. Евсеева

**ЗАМЕТКИ О ВСЕМИРНОМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В ГЁТЕБОРГЕ**

11–17 июля 2010 г. в шведском городе Гётеборге состоялся XVII Всемирный социологический конгресс, проводимый Международной социологической ассоциацией (МСА). В нем приняли участие более 5 тыс. ученых со всего света, в том числе и из России. Широко были представлены страны Азии, Африки, Латинской Америки.

В своей приветственной речи на церемонии открытия бывший на тот момент президентом МСА французский социолог Мишель Вевьорка отметил постоянное увеличение числа профессиональных социологов в мире и повышающийся статус социологии как в академической среде, так и в глазах широкой общественности. Среди основных черт современной социологии он назвал глобализацию знаний и развитие междисциплинарности. Вместе с тем он пожелал ученым не забывать о наследии прошлых эпох и укреплять теоретическую составляющую исследований.

Притом что в работе конгресса принимали участие члены всех входящих в состав МСА исследовательских комитетов и представленные доклады охватывали все возможные аспекты социологического знания, основной темой конгресса все же стала социология окружающей среды. Этой теме были посвящены президентские сессии и ряд пленарных заседаний, в рамках которых выступили с докладами ведущие социологи. Одним из наиболее ярких стало выступление немецкого исследователя Ульриха Бека. В своем докладе У. Бек обозначил необходимость перехода от методологического национализма к методологическому космополитизму. Вместе с тем он отметил, что новый подход неизбежно вступит в противоречие с привычным для жителей западных стран образом жизни и, вероятно, породит новые риски и конфликты. Получит ли методологический космополитизм поддержку снизу, со стороны обычных людей? На этот вопрос должен ответить проект, осуществляемый в данное время под руководством У. Бека: в четырех крупных городах, а именно Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае, исследуется потенциал развития космополитической солидарности.

Автор настоящей статьи принимала участие в работе исследовательского комитета «Социология старения». Среди тем, обсуждавшихся в рамках данного исследовательского комитета, – культурные репрезентации пожилого тела; этнические и гендерные аспекты старения; уход за пожилыми людьми; пенсионное обеспечение и другие вопросы социальной политики в отношении пожилых людей.

На заседании секции «Старение и медиа» («Aging and media») указанного исследовательского комитета автор сделала доклад на тему «Пожилые в российской телерекламе». В этом докладе был представлен ретроспективный обзор развития российской телерекламы, прежде всего с точки зрения воплощенных в ней образов пожилых людей и восприятия этих образов в российском обществе. Характерной особенностью современного состояния российской телерекламы является наличие двух типов героев: так называемые *old old* – пасторальные бабушки из страны с заливными лугами (как, например, в рекламе молочных продуктов) и *young old* – успешные пожилые люди до 70 лет (предстающие в рекламе продукты для омоложения, здорового образа жизни и пр.). В ситуации характерной для государственных телеканалов самоцензуры и ограниченных возможностей для самовыражения ресурсом инноваций автору видится коммерческое телевидение и Интернет. В рекламе в Интернете пожилые герои предстают в оригинальных, в том числе иронических, контекстах. И если социальная реклама практически отсутствует на телевидении, то Сеть – это неиссякаемый источник социальной рекламы, в том числе посвященной проблемам пожилых людей.

На заседании секции «Старение и медиа» был сделан ряд заслуживающих внимания докладов. В частности, Джулия Розанова и ее коллеги сделали доклад о репрезентации обитателей домов для престарелых в американской прессе. Аня Хартунг представила исследование об образах пожилых героев в современном немецком художественном кино. Работа Ренаты Седлаковой и Люси Видовиковой касалась изображения пожилых людей в чешских, а Гражины Раполене – в литовских медиа. Наконец, Войцех Ковалик выступил с сообщением, посвященным пожилым пользователям Интернета в Польше.

Как можно видеть, докладчики делились на представителей западных стран (Западной Европы и США) и Восточной Европы. Этот факт во многом предопределил содержательные различия, которыми характеризовались сделанные доклады. В Восточной Европе представление о пожилых людях носит стереотипный характер, их по-прежнему часто воспринимают как слабых и пассивных. Чтобы сюжет о пожилых людях был опубликован в прессе или появился в выпуске новостей на телевидении, они должны совершить поступок, который будет оценен окружающими как нечто экстраординарное. Отсюда оттенок сенсационности, скандальности в изображении пожилых людей в восточноевропейских медиа. Сотрудники же западных медиа, согласно докладчикам, изображая пожилых

людей, преследуют цель привлечь внимание публики к важным, с их точки зрения, проблемам.

Что касается освоения пожилыми людьми Интернета, то в отличие от западных стран, где данный процесс идет полным ходом, для восточно-европейских стран это все еще новое явление. Тем не менее за расширением круга пользователей, в том числе за счет пожилых людей, восточноевропейским исследователям видится будущее.

Социология пожилого возраста в настоящее время, как показал, в том числе и конгресс в Гётеборге, находится в авангарде исследований в социальных науках. Положение пожилых людей рассматривается в связи с такими вопросами, как устойчивое развитие, равенство и демократия, медиа, новые технологии. Старение населения – общемировой процесс, и по мере развития этой тенденции общественные и научные ресурсы будут все в большей мере переориентироваться на проблемы пожилого возраста.

На закрытии конгресса было названо имя нового главы МСА. Им стал бывший президент Американской социологической ассоциации Майкл Буравой. В своей ответной речи он обозначил актуальные проблемы и перспективы развития мировой социологии. В частности, он отметил следующее. С одной стороны, в современном мире для отношений на разных уровнях характерно неравенство. С другой стороны, многие процессы принимают глобальный характер; вне этих процессов не может остаться практически ни один регион. Скажем, текущий экономический кризис затронул не только Северную Америку и Европу, но и Азию и Латинскую Америку. В связи с этим необходимо поощрять диалог между странами и культурами. Одним из способов стимуляции этого диалога должно стать развитие электронной коммуникации. Подобное общение необходимо развивать и между учеными.

Завершились официальные мероприятия конгресса презентацией Йокогамы – столицы следующего Всемирного социологического конгресса, который состоится в 2014 г.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ КОНГРЕССА

У. Бек

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ НЕРАВЕНСТВО И ВЛАСТЬ В ЭПОХУ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КОСМОПОЛИТИЧЕСКИХ» РИСК-СООБЩЕСТВ¹

Мы должны без долгих предисловий задать ключевой вопрос: почему угрожающее человечеству разрушение окружающей среды не влечет за собой штурма Бастилии, почему в экологической области не происходит своей Октябрьской революции? Почему самые неотложные проблемы нашего времени – климатические изменения и экологический кризис – не были встречены с тем же энтузиазмом, энергией, оптимизмом, идеалистическими настроениями и демократическими ожиданиями, как прошлые трагедии нищеты, тирании и войн? Вот один из ответов на эти вопросы.

Дискурс экологической политики до сих пор остается экспертным, элитарным дискурсом, в котором народы, общества, граждане, работники, избиратели и их интересы, взгляды, их голоса во многом игнорируются. Поэтому, чтобы поставить политику климатических изменений с головы на ноги, необходимо принимать в расчет социологическую перспективу.

Многие годы ученые, занимающиеся проблемами климата, приводят убедительные доводы в пользу решительных мер в борьбе с глобальным потеплением. Стерн добавил к этому недостающий экономический аргумент: по его утверждению, расходы на необходимые сегодня мероприятия по борьбе с глобальным потеплением ничтожны по сравнению с ценой бездействия (11). В будущем бездействие может ежегодно стоить глобальной экономике 20% ее производительности. Современное обоснование экологических мер состоит в том, что сделанные сегодня инвестиции в защиту окружающей среды в будущем принесут многократную прибыль. Продолжением этой линии аргументации стала книга Э. Гидденса «Политика климатических изменений» (4).

Экономические и политические инициативы, направленные на борьбу с климатическими изменениями, предполагают *экологизацию об-*

¹ Тезисы лекции, прочитанной на XVII Всемирном социологическом конгрессе.

ществ. Экологическая политика обречена на провал, если большинство общественных групп, при всех их различиях, не перейдут от разговоров к реальным действиям и голосованию в ее пользу – подчас вопреки своим собственным интересам. Только если мы найдем ответ на неотложный и в известном смысле табуированный вопрос: откуда должна прийти повседневная *поддержка снизу*, поддержка со стороны обычных людей, принадлежащих к разным нациям, общественным стратам, стоящих на разных идеологических позициях, происходящих из стран, которые в неодинаковой мере затронуты климатическими изменениями и по-разному их воспринимают, – лишь в этом случае политика по противодействию климатическим изменениям перестанет быть элитарным «журавлем в небе».

«Недостающее социологическое звено» – это не просто возможности и пожелания. Если бы только было достаточно одних благих намерений! Ключевой социологический вопрос: с какой стороны и от кого придет поддержка проэкологическим изменениям, – поддержка, которая во многих случаях, вероятно, подорвет привычный образ жизни людей, их стандарты потребления, социальный статус и изменит их условия жизни? Или иначе: каким образом космополитическая солидарность поверх любых границ приведет к реальной «экологизации общества», являющейся необходимой предпосылкой транснациональной политики климатических изменений?

Я говорю здесь об исследовательском проекте, а не о каких-то результатах. Цель этого проекта состоит в использовании идеи «методологического космополитизма» для создания социологического концепта, позволяющего понять последствия изменений климата с двух взаимодействующих позиций. Первая: в какой степени изменения климата будут фактором глобальной трансформации власти и неравенства, потенциально ведущих к конфликтам с применением насилия? И вторая: насколько изменения климата будут способствовать созданию «космополитических» риск-сообществ, пока что сильно разобщенных социально и отдаленных друг от друга географически?

Ответы на эти вопросы предполагают изменение парадигмы: переход от доминирующего сегодня «методологического национализма», основой которого служит неоспариваемая предпосылка точного соответствия между нацией, территорией, обществом и культурой, – к «методологическому космополитизму». Особого внимания заслуживает то, как климатические изменения влияют на общество, инициируя новые формы власти, неравенства и небезопасности.

Проект предполагает эмпирическое исследование в четырех городах – Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае. Ключевая исследовательская гипотеза состоит в следующем: *чем более климатические изменения сплавляют мир в одно целое, тем более он оказывается разобщенным, и наоборот.* Используя несколько старомодный термин, я называю это *космополитической диалектикой* климатических изменений. Исследовательский проект

связан с поиском ответов на вопросы: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? Будут ли они провоцировать конфликт или побуждать к сотрудничеству? А если и то и другое, то в какой пропорции и при каких условиях? Как можем мы совладать с нашей уязвимостью перед мощью климатических изменений, мы, живущие в мире, который больше не имеет «внешней среды», «выхода из нее» и «другого» («no “outside”, no “exit”, and no “other” anymore»)?

Цель моего проекта состоит в том, чтобы проверить на практике *парадигмальный сдвиг от методологического национализма к методологическому космополитизму*. Термин «космополитический» стал неотъемлемой составляющей описаний эпистемологического вызова, который порожден климатическими изменениями и в рамках которого «человечество» и «мир» – не только мыслимые, но необходимые социальные, политические и моральные характеристики положения человека в современном мире. Тем не менее этот проект призван расширить и углубить космополитическую теорию благодаря исследованиям ее применимости в неевропейском контексте и проявлению ее методологических основ. Мой исследовательский императив состоит, таким образом, в том, чтобы поставить подчас неверно понимаемый концепт космополитизма с его философской головы на научные социологические ноги. *Мы живем не в век космополитизма, а в век космополитизации – «глобальный другой» уже внутри нас.*

1. Кейс-стади № 1. Инсценировка и отображение в медиа глобальных рисков, конфликтов и солидарности: «Мировое кино»

Внимание, уделяемое «инсценировке» и «отображению в медиа», тесно связано с фокусировкой социальной теории на «новых глобальных рисках», т.е. *ожидаемых* рисках, которые не предзаданы извне (природой, богами), не являются вычисляемыми неизвестными (допустимыми в современной науке, технологиях, экономике и т.п.), но представляют собой рукотворные, некалькулируемые феномены, от которых невозможно застраховаться. Подобные новые «риски» часто остаются незамеченными, и будут ли они осознаны, зависит от того, какое определение они получат в структуре «знания» и в каком ракурсе их станут обсуждать в качестве его составляющей. Наши экологические перспективы во многом находятся в зависимости от глобальных новостных медиа, Интернета, кино, распространения книжной продукции, публичных выставок и т.п. В таком случае вопрос состоит в следующем: будучи инсценированными и отображенными в медиа, при каких условиях глобальные риски могут стать «*космополитическими событиями*», взрывная волна от которых охватит весь мир? Каков будет результат, когда за глобальными кризисами вроде климатических изменений станет следить аудитория, выходящая за пределы национальных государств? И является ли концепция воображаемых космополитических сообществ – в новом, расширенном варианте – подходящим

инструментом для изучения социальных и политических последствий изменений климата?

«Мировое кино» является многообещающей исследовательской областью, исследование которой призвано помочь найти ответы на эти вопросы. Под «мировым кино» я имею в виду не какой-то конкретный фильм или какое-то из средств массовой коммуникации, я имею в виду весь спектр форм публичной инсценировки – таких, как репортаж в СМИ, популярное искусство и т.п. «Мировое кино» рождается лишь в глазах его зрителей, в рассуждениях комментаторов – как на национальном уровне, так и на уровне мирового общественного мнения. Говоря точнее, это пример такого типа рефлексии, при которой Другой включен в точку зрения субъекта. Недавний и пока недостаточно изученный феномен подобного рода – это фильм «Аватар», в котором рассматривается тема экологического империализма. Этот фильм представляет собой культурный продукт, который, среди прочего, неожиданно вызвал серию парадоксальных интерпретаций в разных обществах по всему миру. В первую очередь «Аватар» породил прямо противоположные мнения по разные стороны Тихого океана. Китай восхищался героическим, неспорченным туземным племенем в изображении Джеймса Камерона. В глазах китайских зрителей «Аватар» стал «великой моделью». Заместитель руководителя департамента по кинематографической политике и цензуре призвал китайских режиссеров брать пример с Камерона и изображать «дарованные небесами права человека». Напротив, американские правые камня на камне от «Аватара» не оставили за его, с их точки зрения, антиамериканский характер (см. статьи Джона Нолта, главного редактора блога *Big Hollywood*, и Джона Подгорца, сотрудника журнала *Weekly Standard*). Республиканцы клеймили Камерона как «врага государства», поскольку многие примеры зла в его фильме были навеяны американскими образцами. Общественная интерпретация и реконфигурация «Аватара» относительно таких вопросов, как эксплуатация природных ресурсов, экологическое неравенство, властные отношения в обществе, свидетельствуют о реальной ориентации на космополитическую перспективу. Китайские зрители не просто с сочувствием отнеслись к показанным в фильме далеким сообществам, фильм не просто дал им почву для размышлений о жестокой международной конкуренции – они также использовали его как мерило для оценки собственных китайских реалий. Демонстрация «мирового кино» и вызванные им реакции приглушили жесткие оппозиции «мы – они», «природа – общество», «глобальное – локальное», «настоящее – будущее». Но, конечно же, понятие «мировое кино» подлежит расширению, причем не только за счет включения в него опыта будущих фильмов, но и за счет большего разнообразия художественных инсценировок, в которых общественные дискуссии по поводу климатических изменений станут воображаемым сценарием, призывающим реципиентов (слушателей, читателей, посетителей картинной галереи) узнать больше об угрожающих человечеству эко-

логических проблемах и поразмышлять о возможных способах реагирования на них.

2. Кейс-стади № 2. Переосмысливая неравенство и власть: Саммиты по проблемам климата

В эпоху климатических изменений социология неравенства больше не может исходить из посылки о различии между национальным и интернациональным. Отождествление социального и национального неравенства – постулат методологического национализма – явилось источником принципиальных ошибок. Поэтому необходимо перейти к новой парадигме, методологическому космополитизму, и задаться в этой связи рядом вопросов. Каким образом климатические изменения обостряют социальное неравенство в национальном и международном контекстах? Как экологические проблемы разделяют победителей и побежденных по всему миру? Чтобы основательно изучить эти вопросы, необходимо отказаться от излишне узких методологических рамок, в которых проблема неравенства ограничивается категориями «валового национального продукта» или «дохода на душу населения». Соответственно, исследование, ведущие к выходу из нынешнего тупикового состояния социальной теории, должны концентрироваться на вредоносной комбинации бедности, социальной уязвимости, коррупции, накопления опасностей и потери достоинства, имеющей место на глобальном уровне.

В глазах доведенных до нищеты жителей стран Юга «космополитизация», или, иными словами, идея о «глобальном Другом внутри нас», представляет собой ситуацию *двойной асимметрии*. Эти люди наиболее уязвимы, их страдания самые тяжелые; при этом они в наименьшей степени ответственны за глобальное потепление, и в то же время у них меньше всего средств для борьбы с экологическими бедствиями. Какое значение имел для них саммит по проблемам климата, состоявшийся в декабре 2009 г. в Копенгагене? Была ли это для них катастрофа или уникальная возможность быть услышанными всем миром? Не прояснив понятие «географическая социальная уязвимость» и не проведя глубокого эмпирического исследования данного явления, невозможно понять, какой смысл несут в себе климатические изменения для переоценки неравенства и власти.

Феномен уязвимости, безусловно, невозможно понять вне связи с будущим. Но у него есть и исторические корни. Например, составляют ли «культурные раны», являющиеся результатом колониального прошлого, важную часть исторического опыта, который мог бы способствовать пониманию экологических конфликтов, выходящих за рамки внутренних проблем одного государства? Подобные вопросы могут стать предметом рассмотрения на международных политических саммитах по проблемам климата. Недавний пример – саммит в Копенгагене. Но не стало ли для таких стран, как Бразилия, ЮАР и Индия, колониальное прошлое наибо-

лее существенной составляющей идентичности, которую они проявили на этой всемирной ассамблее? Подобно китайцам, они утверждали, что требовать от бедных стран более радикального сокращения вредных выбросов в атмосферу, нежели требуется от США или Евросоюза, в принципе несправедливо, тем более что именно индустриальный Запад ответствен за повсеместное распространение тех климатических угроз, от которых страдает сейчас весь остальной мир. Символично, что бразильские и китайские лидеры прибегли к одной и той же шутиливой метафоре, иронично сравнив США с богачом, который, объевшись на банкете и раздосадовав своим поведением окружающих, приглашает соседей на чашку кофе и просит их разделить с ним счет. Вопрос, следовательно, состоит в том, каким образом и в какой мере ощущение несправедливости, являющееся частью космополитической перспективы изменений климата, способно помешать разработке глобального экологического Нового Курса.

Положительный контрпример являет собой «саммит действия», организованный в Хельсинки в январе 2010 г. ради спасения Балтийского моря от последствий многолетнего загрязнения, экологической деградации и человеческого равнодушия. Хельсинкские события продемонстрировали, что маленькие страны, частные компании и индивиды не должны ждать, пока в игру вступят крупные международные игроки. Это была первоклассная иллюстрация того, как в условиях относительного регионального равенства (т.е. в отсутствии глобального дисбаланса, существующего между развитыми и развивающимися странами, а также напряжения, имеющего место в отношениях Китая и США) подобная инициатива снизу, поддерживаемая активистами и аналитиками после событий в Копенгагене, способствует созданию воображаемых космополитических риск-сообществ.

3. Кейс-стади № 3. Космополитические сообщества транслокальных городских пространств

Если национальный угол зрения сменить на космополитический, возникает совершенно иной образ сообщества. Климатические изменения означают не только угрозу небывалых катастроф, потенциально угрожающих человечеству, но в то же время и именно по этой причине они открывают невиданные прежде возможности для формирования новых социальных сетей, сообществ и общественных институтов. Мы, таким образом, оказываемся перед вызовом: каким образом нам следует концептуализировать города и городские сообщества в качестве важных коллективных акторов, способных направить в определенное русло восприятие рисков и организовать создание космополитических сетей и сообществ с целью противодействия последствиям климатических изменений? Какова взаимосвязь между социальным неравенством, национальными и религиозными различиями и возникновением воображаемых космополитических риск-сообществ? Национальные сообщества считаются ограниченными и

эксклюзивными по своему характеру. Если же космополитические сообщества, напротив, вообразить себе безграничными и инклюзивными, то что именно в данном контексте означает «инклюзивный»? Означает ли это, что космополитизация не является дихотомическим Другим национализма? Могут ли национализм и космополитизм рассматриваться как диалектические близнецы? И если да, то каким образом?

Методы. Настоящий проект разрабатывается для того, чтобы при помощи эмпирических методов максимизировать возможности наблюдения за космополитическими сообществами, возникновение которых связано с риском и солидарностью в сфере климата. Единица эмпирического анализа концептуализируется как «транслокальное пространство» различных городов по всему миру, характеризующееся двумя чертами: а) активная городская политика, направленная на предотвращение негативных последствий климатических изменений; б) наличие городов (портов) с космополитической традицией и активное сетевое взаимодействие по проблемам климата с городами в других странах. Данный кейс будет фокусироваться на изучении ситуации в четырех городах, расположенных в двух географических регионах, с возможностью последующего расширения области применения методики и на другие регионы мира. Эмпирические задачи, стоящие перед исследователями в каждом из названных городских пространств, состоят в следующем. *Какие* экологические инициативы предпринимаются в данном городе (скажем, формирование новой транспортной инфраструктуры, строительство новых жилых районов, разработка новых климатических приспособлений и т.п.)? *Каким образом* эти инициативы находят свое отражение в меняющихся социальных нормах и практиках (например, как под их влиянием трансформируются потребление, отношение к экологичным стилям жизни, политическая активность в сфере проблем климата и т.д.)? И *как* новые воображаемые сообщества, воплощаемые в этих инициативах, задумываются и конституируются на основе разделяемых всеми участниками представлений о риске и солидарности (в частности, в том, что касается неравенства и общей ответственности)?

4. Методологический космополитизм

Пришло время рассмотреть значение и границы применимости космополитической социологии за пределами Европы. В этом состоит одна из целей проекта, и это станет важным шагом вперед для теории и исследовательской практики методологического космополитизма. Разнообразные международные контексты подвергались анализу в прошлом (прежде всего в голову приходят гендерные исследования и исследования опыта различных меньшинств). То были многообещающие начинания, но осуществлялись они все еще в рамках националистической социологии. Некоторые последующие попытки предполагали обращение к транснациональной социологии миграции и иным подобным феноменам. Тем не менее предло-

жение взглянуть внутрь Европы со стороны, иными словами, использовать социологические концепции, по большей части разработанные в Европе (такие, как космополитизация и воображаемые космополитические сообщества), – это настоящий вызов. Какотреагируют те, кто получит такое предложение, и в какой мере они будут способны изучать свои собственные реалии сквозь линзы, изготовленные и отполированные в Европе? А как насчет европеизированных социологий и социологов? Как ониотреагируют, если их посылки и исследовательские перспективы будут разоблачены как порождение фальшивого универсализма? Если вновь разрабатываемой космополитической социологии когда-либо и был брошен вызов, то это он и есть. На данный вызов я предлагаю методологический ответ, состоящий из двух частей: а) единица анализа и б) социальная теория космополитических климатических изменений.

Единица анализа. Настоящий проект подвергнет сомнению одно из наиболее влиятельных убеждений, касающихся общества и политики. Это убеждение сковывает и социальных акторов, и социальных ученых. Речь о методологическом национализме. Единицей анализа в рамках методологического национализма является общество, организованное в территориальных границах нации-государства. Тем самым эпистемологический вопрос, порожденный космополитическим поворотом в социальных науках, звучит следующим образом: какая единица анализа способна стать (примемлемой) основой социальной теории и социальных исследований *за пределами* методологического национализма, так чтобы у нас появился инструмент для сравнительного анализа? В последние годы эмпирические исследования в различных дисциплинах – таких, как антропология, география, историография и международные отношения, – привели к разработке большого числа концепций, призванных опровергнуть якобы «естественное» отождествление общества, нации и государства. Примерами подобного подхода служат осуществленная Полом Гилроем концептуализация «Черной Атлантики» (5), принадлежащая Саскии Сассен идентификация «Глобального города» (10), идея «бегства» («scapes») Арджуна Аппадурай (2), проведенное Мартином Элброу исследование «Глобальной эпохи» (1) и написанный мной в соавторстве с Эдгаром Грандом анализ «Космополитической Европы» (3).

Подобное разнообразие концепций и исследовательских подходов представляется возможным успешно систематизировать с помощью двух отличительных признаков. С одной стороны, новые единицы анализа можно идентифицировать в зависимости от того, касаются ли они процессов транснационализации или *транснациональных структур*. Примером первого феномена являются транснациональные миграционные процессы, в то время как иллюстрацией последнего случая могут стать сообщества-диаспоры, где мигранты осваивают новые формы транснационального (со)существования. Второй отличительный признак характеризует *локализацию и спектр* проявлений космополитизации. Под подобным спектром

имеются в виду те роли, которые национальное как единица анализа все еще играет в эпоху космополитизации. Локализация же отмечает точку, в которой на космополитизации делается особый акцент. На сверхнациональном уровне это относится к феноменам вроде мировых регионов и мировых религий, на субнациональном уровне – к таким акторам, как локальные сообщества, частные компании, рабочий коллектив, семья, индивид и т.п. Конечно же, возможен вариант, при котором государство-нация и национальное как институт продолжают существовать, но при этом лишатся своей методологической монополии – речь идет, например, о том случае, когда они становятся частью новых форм политической организации и общественного устройства. Методологическим следствием подобного положения вещей станет необходимость находить новые единицы анализа, которые содержали бы в себе национальное, но содержательно с ним не совпадали. Я бы назвал это «укоренением национального». Вместе с тем значительно более многообещающие возможности связаны с «замещением национального» иными объектами исследования. Это вовсе не значит, что национализм устаревает или теряет свою актуальность. Исследовательский вопрос в данном случае заключается в том, каким образом нижеследующий инструментарий может быть использован для оптимизации и развития практик и норм методологического космополитизма.

Инструментарий методологического космополитизма

	Процессы	Структуры
Укореняя национальное	космополитическая европеизация; «рекурсивная космополитизация» (9)	режимы транснациональной политики (7); мировые режимы
Замещая национальное	«корабли в движении» (5); «мировое кино»; «космополитические инновации» (12)	транслокальные городские пространства; транснациональные мигрантские сети (6); локальные сообщества; семья; индивид

Социальная теория космополитических климатических изменений. Наконец, в рамках данного тематического комплекса будут разрабатываться различные направления эмпирического и методологического анализа, результаты которых лягут в основу социально-политической теории космополитических климатических изменений. В дополнение к национальным конструктам «мы» – «они» можно идентифицировать три дуалистические пары модерна (представляющие основные направления в социальной теории), посредством которых мы можем наблюдать процессы космополитизации в климатической сфере (8).

1. «Природа – общество»: различие между естественным климатом и климатом антропогенным (искусственным) иллюзорно; это область онтологии.

2. «Глобальное – локальное»: глобальный климат и локальная погода стали взаимосвязанными категориями; запутанность метеорологических прогнозов оказывает значительное влияние на формирование смыслов и идентичностей; это область географии.

3. «Настоящее – будущее»: настоящее и будущее взаимодействуют по-новому, на непознаваемом будущем делается особый акцент; это эпистемология.

Три указанных направления являются плодотворными линиями социологического исследования. Они могут позволить нам лучше понять, почему климатические изменения имеют такое значение как для отдельных обществ, так и для всего мира в целом.

Литература

1. *Albrow M.* The global age: State and society beyond modernity. – Cambridge: Polity, 1996. – 246 p.
2. *Appadurai A.* Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1996. – 229 p.
3. *Beck U., Grande E.* Cosmopolitan Europe. – Cambridge: Polity, 2007. – 311 p.
4. *Giddens A.* The politics of climate change. – Cambridge: Polity, 2009. – 264 p.
5. *Gilroy P.* The Black Atlantic: Modernity and double consciousness. – L.; N.Y.: Verso, 1993. – 261 p.
6. *Glick Schiller N.* Beyond methodological ethnicity and towards the city scale: An alternative approach to local and transnational pathways of migrant incorporation // Rethinking transnationalism: The meso-link of organisations / Ed. by L. Pries. – L.: Routledge, 2009. – P. 40–61.
7. *Grande E.* Vom Nationalstaat zum transnationalen Politikregime – Staatliche Steuerungsfähigkeit im Zeitalter der Globalisierung // Hrsg. von U. Beck, Ch. Lau Entgrenzung und Entscheidung: Was ist neu an der Theorie reflexiver Modernisierung? – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. – S. 384–401.
8. *Hulme M.* Why we disagree about climate change: Understanding controversy, inaction and opportunity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 392 p.
9. *Levy D.* Recursive cosmopolitization: Argentina and the global human rights regime // British j. of sociology. – L., 2010. – Vol. 61, N 3. – P. 579–596.
10. *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – 447 p.
11. *Stern N.* The economics of climate change. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 692 p.
12. *Tyfield D., Urry J.* Cosmopolitan China? Lessons from international collaboration in low-carbon innovation // British j. of sociology. – L., 2009. – Vol. 60, N 4. – P. 793–812.

Перевод Я.В. Евсеевой под ред. Д.В. Ефременко

Дж. Ритцер

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПО ТУ СТОРОНУ КРИЗИСА¹

«Мы» как потребители несем свою долю ответственности за «Великую рецессию», начавшуюся в конце 2007 г. Но фокусироваться только на том, что мы сделали как потребители, значило бы – как минимум в какой-то степени – «заклеймить жертву» (1). Я не говорю, что мы ни при чем, что мы не сыграли значительную роль в создании своих экономических проблем (жадностью, проявившейся в слишком большом потреблении и колоссальном долге; наивностью в отношении проблем, которые мы сами себе создали). Но *есть* и другая сторона медали, и это то, что «они» сделали «нам». «Они» в данном случае – финансовые кудесники, банкиры, чиновники кредитных организаций, магнаты и брокеры в сфере торговли недвижимостью, воротилы маркетинга и рекламы, остатки наших «капитанов промышленности» (2, с. 209) и «капитаны коммерции» (например, те, кто рулит торговой сетью Wal-Mart, и те, кто рулил почившей сетью Circuit City). Конечно, фокусировка на том, что сделали «они», столь же однобока, как и интерес исключительно к тому, что сделали «мы». Тем не менее обратиться к тому, что сделали они, вполне резонно. В конце концов, именно они:

- создали блистательные новые финансовые инструменты (деривативы, кредитные дефолтные свопы);
- создали инновационные новые ипотечные закладные (закладные с устойчивым процентом и даже такие, при которых выплату процентов можно переносить на следующий месяц с добавлением этих процентов к основному, неснижаемому платежу; кредиты с плавающей процентной ставкой; кредиты для лжецов, подталкивающие людей предоставлять ложные сведения о своем финансовом положении, особенно о своем доходе);
- создали маркетинговые и рекламные кампании, призванные побудить нас к покупке всякого рода вещей (компактный гриль GEORGE

¹ Перевод текста, подготовленного Дж. Ритцером к XVII Всемирному социологическому конгрессу. Автор не смог выступить на сессии конгресса, в рамках которой был запланирован его доклад. – *Прим. ред.*

FOREMAN, «Виагра»), которые нам не нужны и которыми мы часто не пользуемся;

- умудрились угробить такие крупные корпорации, как GM, Chrysler, AIG, Lehman Brothers и др.;

- изобрели такие храмы потребления, как Wal-Mart, IKEA и Carrefour, чтобы подтолкнуть нас к гиперпотреблению, например с помощью «ценовых лидеров» и иллюзии низкой цены («дорогое по низкой цене», «дешево»);

- изобрели другие храмы потребления – казино-отели Лас-Вегаса, гигантские круизные лайнеры (новейшие из них вмещают до 6 тыс. туристов), Диснейленды, мегамоллы – дабы завлечь нас в них крупными зрелищами (и побудить тратить в них большие денежные суммы);

- были и остаются неотъемлемыми элементами капиталистической системы (особенно крайностей американской капиталистической системы), жадность и алчность которой поставили ее на грань саморазрушения.

Итак, я хочу сосредоточить внимание на том, что они сделали нам, хотя должно быть ясно, что мы тоже несем значительную долю ответственности за «Великую рецессию»; ведь во многих отношениях мы – это они, а они – это мы (переиначив известные слова коммодора Перри «мы встретили врагов, и они оказались нашими», мы могли бы сказать, что «мы встретили врагов, и они оказались нами»).

Хотя в американской экономике все более преобладает потребление (им объясняется около 70% американской экономики), журналистское и научное внимание к ней чаще всего фокусируется на вещах, относящихся к производству: на производительности труда, заводах, рабочих физического труда, профсоюзах, уровне безработицы и т.д. Хотя вопросы эти остаются важными, мы часто мыслим экономику в терминах, больше пригодных для 1950 г. или даже 1900-го. В двух словах, предприятие уже не находится в центре американской экономики; скорее в центре ее находятся места (или храмы) потребления, такие как торговый молл, гипермаркет (типа Wal-Mart), ресторан быстрого питания и шопинг, все более переходящий в онлайн-режим. Поэтому если мы хотим по-настоящему понять «Великую рецессию», мы не можем опираться только на объяснения, относящиеся к производству, а нам нужно также взглянуть на роль потребления в этом едва ли не полном коллапсе экономики.

Я сосредоточусь на роли, сыгранной храмами потребления, которые являются одним из главных моих интересов; однако у «Великой рецессии» есть и другие связанные с потреблением причины.

В течение десятилетий рынок США наполнялся дешевыми продуктами (например, блестящими электронными гаджетами из Азии), часто стоящими в странах, которые их производят, гораздо дороже. Этому оказалось трудно и даже глупо сопротивляться. Как показали многие исследователи, в том числе совсем недавно Эллен Шелл в книге «Дешево» (2009), низкие цены дорого нам обходятся (эта идея чаще всего ассоции-

руется с Wal-Mart), и в числе этих издержек – их роль в подстегивании гиперпотребления.

Кроме того, есть продаваемые вроде бы по низким ценам (но при этом высокоприбыльные) продукты промышленного изготовления (см. *Food Inc.*), все больше покоряющие полки наших супермаркетов и составляющие основу успеха ресторанов фаст-фуда, а также более солидных ресторанных сетей. Недорогие продукты питания промышленного изготовления (апельсин будет стоить, скорее всего, больше, чем гамбургер из «Макдоналдса») тоже несут с собой такие же высокие издержки, не говоря уже о пагубном воздействии на здоровье потребителей (ожирение, диабет, особенно у детей).

Америку характеризовали чрезмерные масштабы легкомысленного и даже мошеннического кредитования. При тех событиях, которые привели к «Великой рецессии», мне не нужно углубляться в эксцессы и злоупотребления, связанные с ипотекой и кредитными и дебитными картами, которые втянули миллионы американских потребителей в такие долги, с которыми они никогда не могли и не имели никакого способа расплатиться.

Всевозможного рода компании вкладывали миллиарды – а возможно, и триллионы – долларов в то, чтобы сделать продукты привлекательными и даже неотразимыми. В этом плане очевидные злодеи – это маркетинг и реклама (см. телесериал «Чокнутые»), ведущие потребителей, обычно ненамеренно, в сторону потребления плохих продуктов (например, сигарет в эру Чокнутых) и гиперпотребления.

Нельзя забывать и о роли, сыгранной в стимулировании потребления у американцев, особенно среднего класса, правительством США (это касается и других стран). Есть, например, долгосрочные налоговые льготы, такие как льготные процентные ставки и налоговые льготы при платежах по кредитам, помогающим ускорить постройку или покупку дома. Далее, есть сделанные после 11 сентября заявления мэра Нью-Йорка Руди Джулиани и президента Джорджа Буша, что нам нужно выходить из дома и покупать (а также ответ Роберта Райха, который спросил, с каких это пор потребление стало нашим общественным долгом; а оно, конечно, таковым стало и остается). Заявления и программы, оглашавшиеся с начала «Великой рецессии» по настоящее время, включают:

- пакеты мер по стимулированию покупок, скидки с налогов (2008), а также страхи по поводу того, что люди станут сберегать деньги, а не тратить их на потребление;
- обеспокоенность сохраняющимся нежеланием потреблять и *ростом* нормы сбережений (после десятилетий озабоченности крохотными нормами сбережений в нашей стране);
- выплата наличными деньгами за старые драндулеты, скидка в объеме 8 тыс. долл. при покупке первого жилья и т.п.

Здесь явно есть фундаментальное противоречие: правительство питает отвращение к причинам «Великой рецессии» – особенно к гиперпот-

реблению и колоссальному долгу, – критикует их (по крайней мере публично), но никак не может допустить медленного роста экономики и снижения налоговых поступлений, связанных с падением потребления. Правительство чувствует необходимость стимулировать экономику вообще и потребление в частности, но это ведет к возможности по крайней мере постепенного возобновления гиперпотребления и чрезмерного долга.

Каковы «наши» (США) возможности в свете «Великой рецессии»?

1. Возвращение в сельскохозяйственную эпоху? По многим причинам маловероятно: здесь недостаточно денег, прибыли; в эпоху промышленного сельского хозяйства недостаточно рабочих мест; мало кто из американцев вернулся бы (мог бы вернуться) на ферму и к фермерскому труду.

2. Возвращение в промышленную эпоху? Тоже невероятно, поскольку большинство наших некогда успешных «копящих отраслей» мертвы или умирают; возрождать их слишком дорого; другие части мира ушли в этих отраслях далеко вперед, особенно технологически; нам пришлось бы платить нашим «новым» промышленным рабочим зарплаты, близкие к тем, которые им платят в менее развитом мире, и т.д.

3. Возвращение в эпоху услуг? Услуги все еще важны, но находятся в упадке, по крайней мере в некоторых районах США (например, центры обработки вызовов, радиология), в результате аутсорсинга; упадок в сфере обслуживания обусловлен также недавним падением потребления, поскольку многие сервисные рабочие места («McJobs») связаны с потреблением; и хотя есть много высокооплачиваемых, высокостатусных сервисных рабочих мест, в секторе обслуживания имеется также растущее число этих низкостатусных, низкооплачиваемых «McJobs», которые лишь немногие хотели или могли бы себе позволить занять ввиду низкой оплаты труда.

4. Отсутствие приведенных выше альтернатив возвращает нас, хотим мы того или нет, к потреблению как пути к экономическому успеху в США (учитывая то, что потребление составляет 70% американской экономики, то, что индекс потребительского доверия (CCI) вырос относительно индекса цен производителей (PPI), и то, что в плане корпоративной значимости и размера компания «Дженерал Моторс», например, вытесняется сетью Wal-Mart).

5. Какие еще альтернативы? Альтернативная энергия и экологически чистые продукты и процессы; скорее всего, они не будут находиться в центре американской экономики, по крайней мере в обозримом будущем.

Таким образом, после нынешнего кризиса потребление скорее всего продолжит преобладать в американской экономике и нести с собой целый спектр плачевных последствий; среди них особенно важно разрушительное воздействие такой экономики на среду. Другие проблемы следующие:

1) можем ли мы покупать друг у друга достаточно услуг, связанных с потреблением, чтобы обеспечить процветание экономики;

2) действительно ли помогает нашей экономике покупка сравнительно более дешевых (но иногда опасных и вредных для здоровья) продуктов из Китая и т.д.;

3) можем ли мы, как и любая другая экономика, достичь посредством потребления состояния изобилия? (Сегодня кажется очевидным, что в эпоху до 2007 г. многие достигали потреблением лишь иллюзии изобилия.)

Вероятный сценарий будущего.

1. Глобальное экономическое положение США после Второй мировой войны (преимущества в производстве) и после 1950-х или 1970-х годов и «Республики потребления» (преимущества в потреблении; подъем потребительского общества) было одинаково неустойчивым.

2. США нужно будет приспособиться к относительно более скромной экономике (снижение уровня заработной платы; меньше гиперпотребления и демонстративного потребления).

3. Грядет глобальное перераспределение богатства (ОПЕК, Китай, Индия, Бразилия и т.д.).

4. Большее глобальное экономическое равенство приветствуется (мне это легко сказать), хотя возникают и новые неравенства (например, между нефтедобывающими странами, внутри Китая и между ним и его соседями).

Есть ли какие-то основания для надежды на лучшее?

А. Творческое разрушение: шумпетерианская вероятность того, что на руинах прежнего производства и потребления в США (пустые автозаправки, стрип-моллы, гипермаркеты) родится что-то новое.

Б. Сравнительные преимущества США: как практически и у всех, у США есть сравнительные преимущества, на которые можно опереться, в том числе система высшего образования и долгая история творческого созидания, изобретательность, способность к инновациям – особенно в будущем на основе сжатия пространства и времени и повышения скорости.

Литература

1. *Ryan W.* Blaming the victim. – N.Y.: Vintage, 1976. – 351 p.
2. *Veblen T.* The theory of the leisure class: An economic study in the evolution of institutions. – N.Y.: Macmillan, 1899. – 400 p.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

ПОСЛЕ КОНГРЕССА

М. Буравой

ПРИНИМАЯ ВЫЗОВ ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ – ОТ ГЁТЕБОРГА К ЙОКОГАМЕ¹

Более 5 тыс. социологов из 103 стран собрались 11–17 июля 2010 г. в Гётеборге на XVII Всемирный социологический конгресс. Число участников было велико как никогда – больше, чем в Билефельде в 1994 г., в Монреале в 1998 г., в Брисбене в 2002 г., в Дурбане в 2006 г. Мы должны поблагодарить и поздравить программный комитет, возглавляемый Хансом Йоасом, национальный оргкомитет Швеции, возглавлявшийся Уллой Бьёрнберг, и прежде всего мадридский секретариат, руководимый неутомимой Изабеллой Барлинской, которые так блестяще справились с нашествием социологов. Значительно возросло не только число зарегистрированных участников конгресса, но и число собственно членов МСА, которое теперь почти вдвое больше, чем восемь лет назад. Этим мы во многом обязаны президенту Вевьорке, стоявшему во главе МСА последние четыре года. Именно он уловил новый тренд в социологии и запечатлел его в теме Гётеборгского конгресса: «Социология в движении». Он призвал нас к более ясному пониманию того, как, почему и где мы находимся впереди других.

Если в пору своей юности МСА и социология в основном черпали силы в том, что плыли на волне истории – послевоенной и далее постколониальной реконструкции, – то сегодня они движимы тем, что плывут против течения, против разрушительного сговора рыночного фундаментализма и новых регулятивных государств. Критика неуправляемого превращения всего в товар и безудержной бюрократизации характеризовала историю социологии от классиков до современников, от марксизма до структурного функционализма, от феминизма до глашатаев социальных низов. Но по мере того как этот поток превращается в губительный сель, все больше ставится под удар вдохновляющий социологию образ: само понятие общества. Можно сказать, что социология становится реальной

¹ Перевод выполнен по источнику: *Buraway M. Meeting the challenges of global sociology – from Gothenburg to Yokohama.* – Mode of access: <http://www.isa-sociology.org/global-dialogue/newsletters/globaldialogue1.pdf>

утопией, озабоченной судьбой нашей вечно ненадежной планеты и ее взаимосвязанных сообществ, и она заставляет нас бить тревогу, но также находить и предлагать альтернативы.

Силы, ополчившиеся против нас, внушительны. Университеты и исследовательские учреждения по всему миру сталкиваются с двойными угрозами. С одной стороны, приватизация и коммодификация производства знания грозят превратить ученых в придатки университетских бизнес-офисов и их частных партнеров. С другой стороны, бюрократическое регулирование и лишенные разумности системы ранжирования в академическом мире удушают освоение новых интеллектуальных областей и отвлекают силы от исследований насущных социальных проблем. В некоторых странах эти двойные угрозы усугублены старомодной системой подавления или новомодным надзором за учеными. Если вы сомневаетесь в том, что дела обстоят настолько скверно и жутко, загляните в интернет-блог МСА «Университеты в кризисе».

В этом контексте социология особенно уязвима. Во многих местах социологи могут выжить, только подрядившись обслуживать корпоративные задания или бюрократические программы, в которые они не верят. Там, где социологи проявили твердость и отказались поддерживать безбрежные рынки и служить регулятивным государствам, они объединились с другими социальными силами и стали бастионом защиты – не только от приватизации знания и превращения его в товар, но и, в более широком плане, от новых форм коммодификации труда, денег и природы, порождающих кумулятивные кризисы XXI в. Социология является здесь связующим центром, потому что встает на позиции общества – будь то гражданское или негражданское, стабильное или нестабильное, – в противовес чрезмерной маркетизации и имперскому этатизму. Но эта битва уже не может удержаться в национальных границах. Она требует от нас выковывания активного глобального социологического сообщества и одновременно выстраивания своих зон интересов вне академической науки. Это одна из причин того, почему МСА обретает все большую важность и почему она привлекает все больше членов в свои ряды.

Это непростой вызов, но мы сможем достичь успеха, если будем опираться на значительные достижения МСА. Если говорить конкретно, то согласно моей программе глобальная социология должна держаться на трех «китах», или трех «М»: *Media, Membership, Message* – Медиа, Членстве и Послании городу и миру. *Мы будем творчески пользоваться электронными медиа, чтобы выстроить более инклюзивное и интерактивное членство, продвигая в то же время глобальное послание, адресованное собственному сообществу и людям за его пределами.* Эти новые и старые проекты будут предполагать тесное сотрудничество нового вице-президента по публикациям Дженнифер Платт, сменившей на этом посту Девору Калекин-Фишман, и Роберта ван Крикена, нового вице-президента

по финансам и членскому составу МСА, который приходит на смену Джен Фриц.

Позвольте мне начать с первого «М» – электронных медиа. Тут у меня есть шесть предложений, которые я надеюсь реализовать в ближайшие четыре года.

- *Информационный бюллетень.* Я начну издавать информационный бюллетень «Global Issues». В настоящий момент вы читаете материал для его первого выпуска. Президент и вице-президенты будут высылать членам МСА регулярные отчеты о своей деятельности. У членов организации будет форум для предложений и критических замечаний, дабы они могли открыто заявлять о своих ожиданиях в отношении МСА. Бюллетень будет средством двусторонней коммуникации между Исполкомом и членами ассоциации со всего мира.

- *Электронный бюллетень.* Мы возродим под новым названием электронный бюллетень, постоянным редактором которого будет Винеета Синха, сделав его широко доступным и гораздо более заметным, создав для него собственный веб-сайт и расширив круг тех, кто будет участвовать в его издании.

- *Университеты в кризисе.* Нам нужно развить лучшее понимание быстро меняющегося контекста исследований и преподавания, в поле которого мы развиваем нашу социологию. Соответственно, я продолжу и наполню большей значимостью интернет-блог «Университеты в кризисе», в котором анализируется академическая жизнь во всех уголках земного шара.

- *Переводы.* Одна из вечных проблем нашей ассоциации – это языки, которые нас разделяют. Мы много раз ее обсуждали и продолжим обсуждать дальше. Мы должны быть к ней восприимчивыми. Одно из предложений, выдвинутых мной и другими, состоит в том, чтобы предпринять согласованные усилия по переводу важных научных статей, опубликованных в разных концах мира, на английский язык с целью сделать их доступными для всех членов МСА. Нужно также найти способ сделать журналы «International sociology» и «Current sociology» доступными для тех, кто преподает и пишет на иных языках, нежели английский.

- *Портреты социологии.* За многие годы разнообразие членов МСА выросло во многих направлениях. Чтобы оценить это многообразие и лучше понять, что значит делать социологию в разных контекстах, я бы предложил создать и разместить на нашем веб-сайте видеокolleкцию материалов о повседневной жизни социологов – известных и неизвестных – из разных стран.

- *Глобальная социология – Live!* Я предлагаю открыть регулярную программу по глобальным проблемам, включающую короткие лекции и / или интервью с социологами всего мира. Это будет поток видео- и аудиозаписей, размещенных в YouTube. Задача – создать международную аудиторию для живого вещания глобальной социологии. Нам нужно доказать

себе и другим, что наши взгляды являются как критическими, так и конструктивными.

Такими способами *медиа* реально создают *членство*, и это мое второе «М». Электронные медиа могут собирать нас вместе по-новому, позволяя огромному числу социологов, которые не могут позволить себе ездить на всемирные форумы и конгрессы, участвовать в нашем сообществе. Кроме того, электронные медиа могут наполнить интервалы между конгрессами непрерывной виртуальной глобальной беседой. Таким образом мы можем заложить основы более широкой публичной сферы – международной для нашей организации в целом, но вместе с тем связывающей нас с непосредственно окружающим нас миром.

Однако самих по себе электронных медиа недостаточно. Нам нужен вовлеченный, уполномоченный членский состав нашей организации, охватывающий весь мир. Построение такого членского состава требует дополнения виртуальной коммуникации взаимодействием членов МСА по принципу «лицом-к-лицу». Здесь МСА уже сослужило нам добрую службу. У нас уже есть очень активное «созвездие» исследовательских комитетов и множество конференций, проводимых на регулярной основе; кроме того, есть национальные ассоциации социологов со своими конференциями, не говоря уже о региональных ассоциациях Латинской Америки, Европы, Азии и Тихоокеанского региона, Африки, тюркоязычных стран, франкоязычной и португалоязычной ассоциациях и т.д. МСА ежегодно поддерживает также два-три региональных симпозиума.

Построение динамичного глобального членства МСА означает уделение большего внимания Младосоциологам, особенно растущим рядам молодых социологов «Глобального Юга». Это непросто, поскольку Младосоциологи озабочены построением своих индивидуальных карьер, имеют мало времени и обладают ограниченными финансовыми ресурсами. Между тем они – наше будущее, воплощающее в себе новое поколение идей, и они составляют более одной пятой наших членов. Многое мы уже делаем и сейчас. У нас есть ежегодные лаборатории для аспирантов, инициированные в период президентства Альберто Мартинелли, и конкурс научных эссе для молодых социологов, проводимый раз в четыре года, – но я хотел бы создать для молодых социологов еще и другие площадки и поводы для встреч, которые лучше помогали бы им интегрироваться в МСА. Во время поездок по миру я буду предпринимать особые усилия для встреч с молодыми коллегами.

Два крыла нашей ассоциации – Комитет координации исследований, представляющий 55 исследовательских комитетов, и Комитет по связям между национальными ассоциациями, представляющий 55 национальных ассоциаций, – проводят свои промежуточные конференции. И здесь мы переходим от вопросов медиа и членства к Посланию «городу и миру». Как совместить эти организационные формы с новыми медиа, чтобы продвигать в мир и сообщества Послание глобальной социологии?

На самом деле мы уже сделали большие шаги в этом направлении. Так, Артуро Родригес Морато, бывший вице-президент по исследованиям, выступил с таким начинанием, как Всемирный форум МСА, впервые проведенный в Барселоне в 2008 г. Маргарет Абрахам, наш новый вице-президент по исследованиям, будет отвечать за организацию следующего подобного форума в 2012 г. Информация о подаче странами заявок на его проведение широко разослана. Помимо сбора исследовательских комитетов в одном месте, задача форума – сделать так, чтобы профессиональная социология оказывала влияние на уникальные и усугубляющиеся проблемы нашего времени. Следовательно, форум нацелен на построение и укрепление связей с потребителями социологического знания вне академического мира.

Миссия Всемирного форума созвучна идее публичных социологий, овладевшей умами многих и, что не менее важно, вызвавшей в нашем обществе яростные споры о том, кто мы такие и чем мы занимаемся. На сегодняшний день мы имеем более 20 симпозиумов по публичной социологии, материалы которых опубликованы в разных журналах в разных частях нашей планеты; социологи анализируют свою область изучения с целью лучше разобраться в проблемах локального, национального и глобального значения. При этом нельзя мыслить публичную социологию вне связи с профессиональной, критической и прикладной социологией. Каждый тип социологии зависит от других, но их конфигурация кристаллизуется в иерархические поля, выглядящие в разных частях мира очень поразному. Несмотря на эти различия национальных социологий, есть между ними и много общего. В результате введения международных систем оценки, международных рейтингов университетов, гегемонии английского языка в научных публикациях и глобальной конкуренции за студентов социологи сбиваются в противостоящие лагеря: тех, кто ориентирован на международные сети, и тех, кто укоренен в своих ближайших окружениях, космополитов и локалистов. Эти лагеря отдаляются друг от друга.

Мы должны бороться с такими центробежными тенденциями, и, вообще, нам надо пытаться наводить мосты через многочисленные геополитические расколы, укрепляя ткань нашего глобального сообщества социологов. Эту ткань надо плести не сверху, с высот некой единственной гегемонистской социологии, а сообщая создавать снизу – через национальные ассоциации, исследовательские комитеты или иные инструменты, признающие и уважающие разнообразие социологий. Так, например, во всем мире много институтов, укорененных в локальном обществе и обладающих долгими традициями публичной социологии, таких, как SWOP (Институт общества, труда и развития при Витватерсрадском университете в Южной Африке), CREA (Центр социальных и образовательных исследований при Барселонском университете) и CENEDIC (Центр изучения прав гражданства, Университет Сан-Паулу). Поэтому еще один проект состоит в том, чтобы сделать работу этих и подобных им учреждений бо-

лее известной, связав их друг с другом в глобальную сеть и, возможно, подсоединив к конкретным исследовательским комитетам. Всем этим учреждениям удастся встраивать свою публичную ангажированность в серьезные исследовательские программы, подвергая социологию постоянному критическому переосмыслению и даже предпринимая принципиальные вмешательства в область политики.

Наконец, Комитет по связям национальных ассоциаций спонсирует собственную конференцию, проводимую раз в четыре года. Тина Ус, наш новый вице-президент по национальным ассоциациям, будет организовывать очередную конференцию в 2013 г. Последняя проходила в 2009 г. в Academia Sinica на Тайване. В ней приняли участие представители 43 стран, и она была посвящена обсуждению неравенств и господств, которые нас разделяют, т.е. применению социологии для анализа нас самих – по-настоящему опасной научной «забаве». Повестка дня этой волнующей конференции включала: языковое доминирование, неравенство в материальных и социальных ресурсах, приватизацию исследований и потребность в развитии альтернативных теоретических схем. В трех региональных изданиях опубликовано 53 статьи; их можно найти по электронному адресу: <http://www.ios.sinica.edu.tw/cna/index.php>

Ракель Соса, нашему новому вице-президенту по программе, и мне хотелось бы использовать дискуссии в Тайбэе как платформу для конгресса 2014 г. в Йокогаме. Его обобщающий лозунг – «Перед лицом неравного мира: Вызовы глобальной социологии». Мы перейдем от расколов, с которыми мы сталкиваемся внутри нашего сообщества, к ошеломляющим неравенствам на мировой сцене. Дело не просто в том, чтобы зафиксировать их множественные параметры, хотя это само по себе важно. Нам нужно понять глубинные процессы, которые их порождают, – в особенности создание новых форм эксплуатации, но также исключение рабочей силы, опустошающие последствия новых финансовых систем, разрушение окружающей среды, приватизация знания (здесь названы лишь четыре процесса, общие для всего мира). Одного объяснения здесь недостаточно; мы многое узнаём, предлагая и используя способы, с помощью которых можно аннулировать эти неравенства, от микроэкспериментов в экосообществах до таких систем кооперативов, как Мондрагон, и налога Тобина на финансовые транзакции. Для каждой критической позиции мы должны обеспечить конструктивные и конкретные альтернативы. Социология как реальная утопия должна укрепляться связями с другими реальными утопиями.

Многие из тем, предлагаемых нами, уже были приведены «в движение» в Гётеборге. Мы намерены уделить им всестороннее и пристальное внимание в Йокогаме. Тем временем впереди нас ждет многообещающая программа, осуществление которой будет планироваться на страницах предлагаемого бюллетеня. Движения МСА в предстоящие четыре года больше всего зависит от вашей реакции, как критической, так и позитивной.

Перевод с англ. В.Г. Николаева под ред. Н.Е. Покровского

РЕФЕРАТЫ

Р.А. Морроу

К ВОПРОСУ О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ М. БУРАВОГО: ПОСТЭМПИРИСТСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Morrow R.A.

Rethinking Burawoy's public sociology:

A post-empiricist reconstruction // Handbook of public sociology /

Ed. by V. Jeffries. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2009. – P. 47–69.

Рэймонд А. Морроу, профессор социологии Университета Альберты (Эдмонтон, Канада), полагает, что призыв Майкла Буравого к институционализации публичной социологии (2, с. 4–28), являясь по форме политическим манифестом, на деле представляет собой «амбициозную социально-теоретическую схему реконструкции всего дисциплинарного пространства социологии как науки» (с. 470). К сожалению, предложенная схема, при всей ее внешней привлекательности, осталась непроработанной: она напоминает поле, которое забыли возделывать, прежде чем бросить туда семена. Если сама по себе идея обновления социологии, прозвучавшая в президентском обращении Буравого к Американской социологической ассоциации в 2004 г., импонирует автору статьи, то способы ее теоретико-практической реализации в рамках модели социально-политической переориентации всей дисциплины вызывают серьезные возражения. Предложенное Буравым разделение дисциплинарного поля социологии на четыре отдельных сегмента (профессиональная, политическая, критическая, публичная социология), ориентированных (попарно) на инструментальное либо рефлексивное знание, нуждается в радикальном переосмыслении. Такой шаг, в свою очередь, предполагает выработку «конструктивных альтернатив», обсуждение которых и составляет основное содержание настоящей статьи.

Обращение Буравого к своим коллегам в США вызвало широкую дискуссию в международном сообществе социальных ученых – беспрецедентную по своей географии и полемической заостренности, замечает Морроу. У создателя проекта четырехчастной социологии нашлось немало

оппонентов – и не меньшее число сторонников. Последних привлекала «используемая Буравым умиротворяющая фразеология дюркгеймовского плюрализма, сулящая надежду на эффективность новейших форм разделения труда» в социологии (с. 48). Не причисляя себя к заложникам этой иллюзии, Морроу тем не менее не разделяет и огульного отрицания программы Буравого, в особенности ее «реконструктивного пафоса». «Проблема состоит в том, что при ближайшем рассмотрении эта модель в ее настоящем виде – несмотря на всю провокационную дидактическую интуицию, которая подготовила ее возникновение и послужила основанием для ее эвристического использования, – не может быть одобрена в качестве (мета)теоретической схемы социологии», – констатирует Морроу (там же). Другими словами, канадский социолог выступает за кардинальную реконструкцию проекта М. Буравого – при сохранении его «реконструктивной направленности». В этом он видит отличие своей точки зрения (и задач своей статьи) от принципиального неприятия позиции Буравого многими социологами Нового и Старого Света.

Автор намерен пересмотреть идеи Буравого «в международном контексте европейской социальной теории, канадских и латиноамериканских социальных исследований», а также собственных разработок в русле «критической теории и методологии» и «постфундаменталистской критической теории» (подробнее см.: 6). Такой контекст представляется тем более необходимым, что проект Буравого, базирующийся на принципе полноты рефлексивного и инструментального типов знания, «является образчиком исторически сложившейся конфигурации аналитических тенденций, наиболее заметной именно в американской социальной науке» (с. 48). Морроу предлагает переместить модель Буравого в иное метатеоретическое пространство, где: а) будет преодолено неадекватное методологическое противопоставление теории и практики в общественном знании; б) расширится сегмент критической социологии за счет внедрения в нее элементов социальной теории; в) получит иную интерпретацию профессиональная социология; г) произойдет внутренняя дифференциация политической социологии и будут выявлены ее связи с социологией публичной; д) будут найдены убедительные аргументы в защиту современных форм разделения труда в социологии.

Обоснование своей альтернативы программе М. Буравого Морроу предваряет кратким обзором критических замечаний, уже прозвучавших в адрес ее автора. В обобщенном виде критика публичной социологии может быть сведена к четырем ключевым темам:

1) «социологическая миопия», которая мешает взглянуть несоответствие амбициозных замыслов Буравого его ставке исключительно на социологию; социология, даже в ее «публичной» форме, в одиночку не сможет реализовать программу Буравого хотя бы потому, что значительная часть ее исследований и теоретических разработок базируется на результатах, полученных в других областях социального знания (в частно-

сти, почву для публичной социологии подготовили многочисленные междисциплинарные проекты в русле традиции «action research» (4); в отличие от экономики, политической теории или теории права, социология пока не может претендовать на самодостаточность;

2) сомнительный статус публичной социологии как представительницы интересов гражданского общества в его противостоянии государственным и рыночным структурам; одномерность прочтения ее задач исключительно в терминах оборонительных тактик;

3) степень обоснованности и «прочности» публичной социологии перед лицом позитивистской и эмпиристской критики ее эпистемологического выбора (приоритет ценностно-моральных суждений в ущерб «канонам строгой науки»);

4) адекватность программы Буравого задачам современного общественного сознания; проблематичность главного тезиса о разделении труда в социологии на фоне общепризнанной тенденции к созданию «внутридисциплинарного единого фронта»; приверженность худшим стереотипам социально-теоретического мышления с его склонностью к схематизации и категоризации явлений и субъектов общественной жизни.

По мнению большинства оппонентов Буравого, расчленение социологии неоправданно хотя бы потому, что эта дисциплина «одновременно публична, профессиональна, политически ориентирована и критически заострена»; социология «всегда интеллектуальна, моральна и публична», а продуцируемое ею знание – «рефлексивно, инструментально и ценностно окрашено» (3, с. 365–372; 1, с. 195–209; 8, с. 169–175). Морроу особо выделяет критические замечания Э. Эббота, который считает «ужасной ошибкой» Буравого метатеоретическое структурирование социологии вокруг оси «средствацели» (инструментальное знание *против* рефлексивного) и расценивает как некорректное однозначное сопряжение критической социологии с левыми политическими течениями. Моральные суждения вполне возможны вне всякой связи с политическим выбором, справедливо замечает Эббот, а реализация гуманистических ценностей не привязана ни к какому из социологических методов (1, с. 188).

Морроу использует аргументы Эббота как отправной пункт своей альтернативной метатеоретической схемы. Ее методологическим фокусом становится отказ от жесткого противопоставления практически ориентированной и теоретической социологии. Соответственно, необходимо пересмотреть и принцип попарного противопоставления сегментов дисциплины: профессиональной и политической на одной «оси» социологического знания, критической и публичной – на другой. Альтернативная схема, пишет автор статьи, предполагает уменьшение напряженности и конфликта между «осями» социологического знания (по Буравому) и в то же время – выявление внутренней неоднородности и даже противоречий в пределах вычлененных секторов социологической науки. Принципиальным момен-

том новой схемы должна стать относительная автономия всех типов социологического знания, составляющими которого выступают:

1) профессиональная социология – эмпирическое знание, опосредованное прикладной рефлексией, базирующееся на тех или иных социально-теоретических предпосылках и использующее разнообразные объяснительные стратегии;

2) социальная теория – концептуальное знание, эмпирически и контекстуально обусловленные гипотезы, философское обоснование социологического знания в междисциплинарном пространстве.

Перечисленные области социологии как научной дисциплины являются прерогативой академического сообщества ученых, две другие так или иначе связаны с публичной сферой общественной жизни; это:

1) политическая социология, постулирующая относительный приоритет средств над (идеальными) целями общественного развития – при несовпадении двух ее возможных фокусов: технократического (акцент на выработке средств и их инструментальном применении для решения текущих политических задач) и либерального (акцент на демократическом обсуждении соотношения средств и целей в рамках социально-политического плюрализма);

2) публичная социология – относительное превалирование идеальнo-нормативных целей общественного развития в ущерб «техническим расчетам» и поиску путей их достижения; реализует себя в контексте традиционного (в рамках политических элит) либо демократического (гражданские инициативы и социальные движения) общественного диалога.

Критической социологии в этой схеме отведена промежуточная, но отнюдь не второстепенная роль опосредующего звена между четырьмя областями теоретического / прикладного социологического знания, а также функции медиатора академической и публичной сфер общественной жизни. Этот тип социологической рефлексии связан с объяснительными стратегиями, квазиэмпирическим знанием и знанием неэмпирическим. Предложенная схема, разумеется, уступает в элегантности «исходной матрице 4×4 », замечает Морроу, но ее преимущество состоит в наглядной демонстрации того факта (отмеченного Э. Эбботом), что «все социологические исследования так или иначе рефлексивны и не свободны от ценностного компонента, а критика не может быть редуцирована до уровня политической категории» (с. 51).

Конкретизацию своей модели Морроу сочетает с детальной и даже изощренной критикой целого ряда теоретических тезисов М. Буравого. Первым шагом на этом пути становится доказательство несостоятельности ссылок Буравого на авторитет М. Вебера, в частности – его попыток связать собственное толкование форм социологического знания с веберовской концепцией типов рациональности. Так, инструментальное знание (во всех его ипостасях) оказывается соотношенным с целерациональностью, рефлексивное (также в любом его виде) – с рациональностью ценно-

стной. При этом Буравой причисляет к разряду целерациональных действий как «разгадывание ребусов» профессиональной социологией, так и «решение общественных проблем» социологией политической. Аналогичным образом ценностная рациональность (нормативное знание) характеризует как академический дискурс, связанный с познавательными стратегиями и методами, так и общественные дебаты о перспективах социального развития.

С точки зрения автора статьи, доводы Буравого уязвимы сразу по нескольким позициям. Во-первых, Вебер вряд ли согласился бы с уподоблением социологического исследования «разгадыванию ребусов». Во-вторых, если «разрешение политических проблем» с некоторой натяжкой еще можно отнести к разряду целерациональных (инструментальных) действий, то к «разгадыванию теоретических ребусов» такая характеристика явно неприменима: «логика эффективности» (по Веберу) едва ли может быть оправдана, если речь идет о поиске научной истины. В-третьих, ценностная рациональность (нормативное знание, по Буравому) и целерациональность (знание инструментальное) – это категории, которые использовались Вебером для типологии социальных действий, но не знания. В таком случае может ли (опять-таки в терминах Вебера) рассмотрение процессов конституирования социального знания (в любой его форме) быть рядоположено таким инструментальным действиям, как предпринимательство или политическое реформирование общества? В данном случае в аргументацию автора четырехчастной социологии «вкралась некая подмена типологии действий тем, что выглядит как дифференциация эпистемологическая: инструментальное знание против знания рефлексивного», – констатирует Морроу (с. 55).

Кроме того, М. Буравой не вполне ориентируется в том многообразии терминов, которые использовал Вебер для классификации типов рациональности. Несмотря на отмечавшуюся комментаторами некоторую непоследовательность Вебера в этом вопросе, «социально-научная деятельность все же принадлежит сфере концептуальной либо формальной (или, может быть, теоретической) рациональности, но никак не рациональности инструментальной... в ее понимании как средства технического контроля» (там же). Таким образом, апелляция Буравого к авторитету классической социологии не достигает своей цели: принцип поляризации рефлексивного и инструментального знания никак не согласуется с теорией рациональности М. Вебера. Еще меньше эта установка согласуется с веберовским пониманием социологии как таковой, поскольку Вебер «не только не отождествлял концептуальную рациональность социологии с инструментальным ее использованием», на чем настаивает Буравой. Он «также не принимал и тезиса о том, что ценностная рациональность может быть формой “знания”», поскольку, как известно, разделял естествознание и науки социальные, базирующиеся на понимании социальных смыслов (с. 56).

Следующий шаг в реконструкции четырехчастной схемы социологии связан с переосмыслением рефлексивно-нормативной критической социологии, которая должна быть абсорбирована социальной теорией. Задачу, поставленную М. Буравым перед критической социологией – «анализировать основания исследовательских программ профессиональной социологии – как явные, так и скрытые, как нормативные, так и дескриптивные», – Морроу называет «призывом к шизофреническому раздвоению сознания» (цит. по: с. 56). Критическая социология, по Буравому, обязана в одно и то же время быть на уровне современных исследовательских практик (т.е. являться профессиональной) и осуществлять функции мета-теоретического и морального арбитра социологической дисциплины в целом. Подобная двусмысленность назначения аналитической области, обозначенной как «критическая социология», не является исключительной особенностью модели Буравого, подчеркивает автор статьи. Данное понятие изначально подразумевало как осмысление философских оснований социального знания, так и анализ социальной практики. Не случайно о работах Хабермаса иногда говорят, что в них больше философии, чем реальной социологии (см.: 7, с. 27–45). Поэтому целесообразно отказаться от этого термина и включить «критическую социологию» в контекст социальной теории – как один из аспектов систематического рефлексивного теоретизирования, каковым так или иначе грешат все социологи. Аналитическая деятельность, которую принято называть «критической социологией» в узком смысле слова (в частности, традиция Франкфуртской школы), на самом деле является «отчетливой конфигурацией рефлексивного дискурса, возможного в самых разных формах». Вместе с тем социальная теория не принадлежит исключительно социологии; это часть дискурса междисциплинарного, пронизывающего все гуманитарные науки. Слово «критика» в данном случае не связано только с негативными либо нормативными его коннотациями, оно «подразумевает весь спектр рефлексивных процедур, являющихся базисом неэмпирических методов, которые лежат в основании исследовательских практик», – подчеркивает Морроу (с. 57).

Понимание социальной теории как (в том числе) относительно независимого компонента профессиональной социологии позволяет очертить круг вопросов, входящих в компетенцию систематического рефлексивного теоретизирования. Это неэмпирический дискурс, охватывающий нормативную теорию (ценности) и метатеорию социального знания (онтология, эпистемология, методология), квазиэмпирический анализ его социального конструирования и общие социально-исторические концепции его генезиса и развития. Рассмотренный под этим углом зрения, призыв Буравого к институционализации публичной социологии также может считаться примером социальной теории: он содержит нормативные постулаты, размышления метатеоретического порядка об основаниях социологической науки, исторический экскурс, касающийся формирования социологии как науч-

ной дисциплины, общетеоретические рассуждения по поводу ее ближайшего и отдаленного будущего.

Третий шаг в разработке метатеоретических альтернатив модели Буравового связан с критическим анализом его интерпретации профессиональной социологии как корпуса инструментального знания, реализующего себя в разнообразных исследовательских программах. Предполагается, замечает автор статьи, что эти программы «информируют» политическую социологию и опосредованно могут быть транслированы в социологию публичную. Понятие «исследовательская программа» заимствовано Буравым из концепции И. Лакатоса, но это заимствование неудачно, так как неадекватно задаче осмысления собственно социологического знания, считает Морроу. Последнее в его настоящем виде не удовлетворяет главным методологическим требованиям к научно-исследовательской программе, сформулированным Лакатосом: здесь нет концептуального «жесткого ядра» и весьма проблематично кумулятивное приращение знания. В качестве примера успешной социологической исследовательской программы, имеющей выход на публичную практику, Буравой ссылается на социальную геронтологию. Однако при ближайшем рассмотрении эта область профессиональной социологии оказывается крайне неоднородной. Она опирается на исследовательские стратегии и знание, аккумулированные другими социальными дисциплинами (психологические исследования жизненного цикла, теория социального обмена, анализ возрастной стратификации, социальный конструктивизм, феминистские и прочие критические теории). Другими словами, здесь нет единой исследовательской программы, есть только общий для всех перечисленных подходов интерес к проблемам пожилых людей.

Обращение Буравового к «лексике Лакатоса» только осложняет дело, замечает Морроу. Рассмотрение профессиональной социологии в рамках методологии научно-исследовательских программ мешает четкому пониманию того, что в данном сегменте социологического поля сосуществуют самые разные объяснительные стратегии, из которых только часть обладает надлежащим инструментальным потенциалом и может быть переведена на язык социальных практик. Основная масса исследовательских подходов имеет весьма слабые инструментальные возможности либо не имеет таковых вовсе. Автор статьи считает целесообразным «дифференцировать теоретические стратегии профессионального социологического знания в зависимости от их локализации в агентно-структурном континууме, который может трактоваться онтологически – как часть отношений субъекта и объекта, либо эпистемологически – с точки зрения трех базовых “познавательных интересов” (по Хабермасу)» (с. 60). В таком случае на объективистском (позитивистском, преимущественно количественном) полюсе континуума будут располагаться подходы, базирующиеся на формальном анализе причинно-следственных связей. На его противоположном полюсе сосредоточатся интерпретативные (герменевтические) страте-

гии, фокусом которых выступают социальное действие и взаимодействие (символический интеракционизм, социальная феноменология, этнометодология). Середину континуума займут промежуточные (опосредующие) стратегии, анализирующие взаимодействие субъекта и социальной структуры в терминах социально-исторической каузальности (функционализм и неофункционализм, историческая и критическая социология).

В ряду этих базовых стратегий только объективистские исследования могут рассматриваться в качестве инструментального знания, подчеркивает Морроу. При этом все три класса стратегий профессиональной социологии прибегают к помощи социальной теории – для конструирования уже «прикладных» стратегий, которые призваны легитимировать используемые исследовательские парадигмы. Прикладная рефлексия включает нормативные и метатеоретические (методологические) допущения и предпосылки, а также соображения относительно возможных социальных контекстов текущего исследования (например, функционализм опирается на биологическую теорию систем, многие формы критической социологии – на постулаты исторического материализма и т.п.).

Таким образом, требуется «осмысление профессиональной социологии с более четких и очевидных постэмпиристских (и постпозитивистских) позиций, которые учитывают мультипарадигмальное разнообразие ее объяснительных стратегий», – замечает Морроу (с. 61). При этом необходимо иметь в виду, что возможность использования наработок, накопленных профессиональной социологией, – как чисто инструментальных, так и «коммуникативно-ориентированных» – не может быть известна заранее.

Альтернативная интерпретация профессиональной социологии позволяет также более четко представить ее отношения с социальной теорией и критической социологией. Эта интерпретация подтверждает сформулированный выше тезис о том, что критическая социология, несмотря на отличающий ее ценностный акцент и ярко выраженную социальную ангажированность, все же остается в рамках профессиональной социологии и зависит от поставляемого ею эмпирического знания. Что же касается социальной теории, то она является не столько формой «знания» (в строгом эмпирическом значении этого понятия), сколько «совокупностью рациональных (междисциплинарных) дискурсов квази- и неэмпирического характера, интеллектуальная функция которых... состоит в постоянном инспектировании практики трех других когнитивных стилей (профессиональной, политической, публичной социологии. – *Е.Я.*) и их отношения к системе академического знания в целом» (с. 61–62). Соответственно, между социальной теорией и профессиональной социологией сохраняются «отношения взаимного дополнения». Таким образом, отказ от дихотомии рефлексии и инструментального знания в социологии позволяет уяснить, что главное различие когнитивных стилей всех его сегментов «обусловле-

но конкуренцией требований относительно автономной теории и не менее острой конкуренцией стратегий социальной практики» (с. 62).

Четвертый шаг в реконструкции модели Буравого связан с новым прочтением: а) отношений публичной и политической социологии; б) внутреннего содержания последней; в) связей каждого из этих сегментов дисциплины с профессиональным социологическим знанием. Отказавшись от принципа рефлексивно-инструментальной поляризации знания, Морроу задается вопросом об «альтернативной локализации несхожих когнитивных стилей политической и публичной социологии» (с. 62). Альтернатива в данном случае состоит в замене дихотомии целей и ценностей рядоположенностью двух вариантов этики ответственности. Заимствуя термин Вебера, автор статьи поясняет, что в современной социологии дилемма ценностных / целерациональных ориентиров уступает место конкуренции *стратегий комбинирования* (идеальных) целей и средств их достижения. С этой точки зрения необходимо различать узкопрагматическую, или конвенциональную, этику ответственности (политическая социология) и плюралистический критический прагматизм, или радикальную этику ответственности (социология публичная).

Радикальный вариант этики ответственности ставит во главу угла более или менее отдаленные цели (ценности) социального развития (не пренебрегая обсуждением возможных средств их реализации, пусть даже утопических и непрактичных в плане текущей политики). Конвенциональная ее разновидность делает выбор в пользу калькуляции сиюминутных средств (не всегда оставляя вне поля зрения цели социально-политической трансформации). При этом, продолжает Морроу, знание, аккумулируемое профессиональным сегментом дисциплины, не следует считать эмпирическим источником только политической социологии, поскольку к этому же знанию обращается и социология публичная в поисках способов конструирования «иного» социального порядка. Кроме того, отношения между этими сегментами социологического поля никак не могут считаться статичными, как полагает Буравой (то же самое справедливо и применительно к отношениям публичной социологии с государством и рынками). Публичная социология в той или иной ее форме не чужда самым разным политическим режимам (например, нацистской Германии); она может быть «сильной», и тогда ее голос становится рупором гражданского общества, или «слабой», и тогда политическая ипостась дисциплины низводится до уровня средства технического обслуживания интересов привилегированных социальных слоев.

Таким образом, резюмирует свои выводы автор статьи, «поляризация политической и публичной социологии в модели Буравого, привязанная к необоснованному противопоставлению рефлексии и инструментализма, затушевывает существенную внутреннюю разнородность первой и заставляет ассоциировать вторую исключительно с гражданским обществом в их совместной оппозиции государству» (с. 64). Морроу предпочита-

ет не отдавать политическую социологию на откуп сугубо инструментальной перспективе социального видения, лишенной ценностного компонента, а просто дифференцировать две модели прикладного социально-политического знания – технократическую и демократическую (просвещенный либерализм), которые «обуславливают несовпадение типов рефлексии о приоритете целей / средств в границах демократических форм организации публичной сферы». Помимо этого, «в противовес модели Буравого, акцентирующей защитные функции публичной социологии, радикальная этика ответственности поддерживает неизменный интерес к содержательной стороне публичной политики и ее трансформации» (с. 64).

В суммарном виде отношения политической и публичной социологии, по версии Морроу, выглядят следующим образом. Оба сегмента дисциплины определяются в терминах средств и целей рациональной трансформации общественной жизни. Политическая социология более «краткосрочна», ее пространственный и временной горизонты уже, чем у социологии публичной. Кроме того, она в основном имеет дело с государственными структурами и частными лицами и опирается на эмпирическое знание, используя его для обоснования по преимуществу инструментального решения проблем (с позиций узкой, или конвенциональной, этики ответственности, в рамках которой, однако, возможно соперничество технократической и либеральной моделей). Публичная социология, не связанная необходимостью принятия быстрых сиюминутных решений, выступает главным образом от имени «униженных и оскорбленных», а также – грядущих поколений и защищает ценности, которые по разным причинам остались за бортом текущей политики (и политической социологии). При этом «традиционная» публичная социология ориентирована на изменение политики государства, а «органическая» – на мобилизацию ресурсов для защиты гражданского общества.

Заключительный этап преобразования схемы Буравого автор статьи связывает с решением вопроса об условиях институционализации социологии как научной дисциплины в современном (и будущем) демократическом обществе. Он считает бесперспективной попытку Буравого решить эту проблему путем сопоставления своей модели со схемой Парсонса, между которыми создатель четырехчастной социологии усматривает «ненамеренное сходство». Морроу считает ошибочной саму попытку классифицировать типы социологического знания в рамках какой-то бы ни было формальной матрицы, равно как и стремление провозгласить один из них (в данном случае – публичную социологию) всемирно-историческим основанием социального познания и общественной трансформации. «Альтернативное объяснение, – пишет Морроу, – состоит в интерпретации профессиональной социологии, социальной теории, политической и публичной социологии как исторически конституированных условий, обеспечивающих легитимность социологических исследований в рамках европейского модерна». Четыре лика социологического знания, за каждым из

которых стоят те или иные эпистемологические и ценностные предпосылки, «обеспечивают теоретическую и практическую возможность институционализации социологии в современном демократическом обществе – как автономного дисциплинарного знания (знаний), которое могло бы способствовать информационному обеспечению социальных практик (в качестве политической и публичной социологии) в интересах гуманизации и демократизации общественной жизни» (с. 65).

Литература

1. *Abbot A.* For humanist sociology // *Public sociology: Fifteen eminent sociologists debate politics and the profession in the twenty-first century* / Ed. by D. Clawson. – Berkeley: Univ. of California press, 2007. – P. 195–209.
2. *Burawoy M.* For public sociology: 2004 American sociological association presidential address // *American sociological rev.* – Wash., 2005. – Vol. 70, N 1. – P. 4–28.
3. *Ericson R.* Publicizing sociology // *British j. of sociology.* – Oxford; L.: 2005. – Vol. 56, N 3. – P. 365–372.
4. *Handbook of action theory: Participative inquiry and practice* / Ed. by P. Reason, H. Bradbury. – L.; Thousand Oaks (CA): SAGE, 2001. – 468 p.
5. *Morrow R.A.* Critical theory and methodology. – L: SAGE, 1994. – 381 p.
6. *Morrow R.A., Torres C.A.* Reading Freire and Habermas: Critical pedagogy and transformative change. – N.Y.: Columbia univ. press, 2002. – 211 p.
7. *Turner G.H.* Is public sociology such a good idea? // *American sociologist.* – N.Y., 2005. – Vol. 36, N 3–4. – P. 27–45.
8. *Wallerstein I.* The sociologist and the public sphere // *Public sociology* / Ed. by D. Clawson. – Berkeley: Univ. of California press, 2007. – P. 169–175.

Е.В. Якимова

В. Белл

**ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ИЗУЧЕНИЕ БУДУЩЕГО:
ВОЗМОЖНОЕ, ВЕРОЯТНОЕ, ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЕ**

Bell W.

**Public sociology and the future:
The possible, the probable, and the preferable //
Handbook of public sociology. –
Lahnham: Rowman & Littlefield, 2009. – P. 89–105.**

Реферируемая статья написана почетным профессором Йельского университета Венделлом Беллом. Используя метафору «ангела истории», смотрящего в прошлое и видящего в нем одни катастрофы, – метафору, к которой обращался в проекте публичной социологии М. Буравой, – В. Белл акцентирует внимание читателя на возможности тем или иным образом влиять на ход истории. Он призывает современных мужчин и женщин не просто плыть по реке Лете в будущее, но, оглядываясь на пройденный путь, аккуратно проходить пороги и лавировать между водоворотами.

Белл вполне разделяет проект публичной социологии Буравого. Особенно тот его аспект, который указывает на взаимозависимость и взаимообусловленность всех четырех «социологий» (профессиональной, политической, критической и публичной). Однако Белл предлагает обратить внимание на два аспекта публичной социологии в проекте Буравого, не получивших у него достаточного развития, но требующих пояснения. Это, во-первых, выдвижение публичной социологией предположений о будущем, которые должны быть валидными и надежными. И во-вторых, это вынесение ею ценностных суждений нормативного характера.

Оба эти момента непосредственным образом связаны с будущим, с прогностическими возможностями социологии и ее нормативностью. Внося социальное знание в публичное пространство, социальные ученые не только определенным образом влияют на решение актуальных проблем, но и добавляют к текущей дискуссии элемент долженствования. Отсюда и возникает проблематика валидного социального знания и ценностных су-

ждений социологов. Она раскрывается в двух вопросах, поставленных автором в настоящей статье. А именно: как возможно социальное знание о будущем, если будущее *per se* является недоступным для измерения с помощью методологии эмпирических социальных исследований? И каким образом социальные исследования могут быть основой для нормативных оценок, если конвенциональные убеждения ученых являются субъективными?

Автор поставил перед публичной социологией достаточно серьезные вопросы, поиск ответов на которые требует углубленного обсуждения эпистемологических оснований социологии. В рамках данной статьи основное внимание сосредоточено на проблемах прикладной социологии, инструментарий которой позволяет изучать отношение людей к будущему, исследовать их планы на будущее, а также их представления о том, каким оно должно быть. Автор напоминает, что это могут быть как одномоментные, так и лонгитюдные исследования. По словам Белла, будущее присутствует здесь и сейчас. И социологи в состоянии зафиксировать то, что может произойти в будущем. Белл предлагает говорить о прогностической силе социального знания, о каузальных связях, раскрытие которых создает предпосылки для контроля над будущим. Контролю поддается и повседневная практика планирования будущего, связанная с разработкой проектов, инвестированием и т.п.

Привнесение в публичное пространство информации об обществе, о перспективах на будущее оказывает влияние на действия людей. Автор напоминает читателю о самосбывающихся и самоопровергающихся прогнозах, реализация или нереализация которых является следствием того, что саморефлективное общество определенным образом реагирует на новую описательную или прогностическую информацию. Индивиды, осуществляющие планирование на микроуровне социальных отношений, в рамках этого процесса накапливают опыт принятия решений и социальной активности.

Большинство методов социологических исследований ориентировано на прошлое, на анализ того, что уже было, а не того, что может произойти. Тем не менее существуют и более амбициозные и адекватные проекты исследования будущего. Среди них – прогнозирование и моделирование (Д. Медоуз и др.), игровые методы, конструирование «альтернативных сценариев будущего» (3; 4). Хотя само будущее исследованию не поддается, существует широкий спектр возможностей применения хорошо зарекомендовавших себя методов исследования к верованиям, представлениям и отношениям людей, ориентированным на будущее.

Автор также отмечает, что социологические прогнозы, внесенные в публичное пространство, в свою очередь порождают проблемы, связанные с моральными нормами и ценностями. Говоря об аксиологическом аспекте поставленной им проблемы, Белл в первую очередь указывает на постоянный процесс отбора и трансформации человеческих ценностей. Это про-

исходит на трех уровнях: биопсихологическом (связанном с первичными потребностями человека), моральном (связанном с основаниями социального порядка) и общечеловеческом, гуманистическом (представленном такими ценностями, как стремление к свободе, жажда справедливости и пр.). Именно о последнем уровне автор говорит более подробно, приводя в качестве примера теории ценностей различных социальных мыслителей (от Платона до П. Сорокина). Наличие межгосударственных законов (например, о правах человека) Белл также интерпретирует как доказательство существования ядра общечеловеческих ценностей. Тем не менее автор соглашается, что это ядро может иметь исторически обусловленный характер, т.е. меняться в зависимости от места и времени его фиксации. Более того, далеко не все общества обладают оптимальными ценностями. Ценности некоторых обществ – их Белл, вслед за Р. Эджертоном (1), называет «больными» – могут быть губительными для них самих. Поэтому даже разделяемые большим числом людей ценности необходимо подвергать проверке.

Автор обращается к проблематике ценностей и морали потому, что они имеют непосредственное отношение к будущему. Утверждения должностности («ought» assertions) относятся не только к настоящему, но и к будущему. В качестве примера Белл приводит категорический императив И. Канта: в нем говорится о максиме поведения, которая может стать универсальным законом. Этика и мораль, по Беллу, не только регулируют поведение людей, но и могут стать основанием их мотиваций.

Чтобы выйти из затруднения с ценностными суждениями, недоступными для научного анализа, автор предлагает пятиступенчатый метод, именуемый «эпистемической импликацией» («epistemic implication») и заимствованный им у К. Ли (2). Данный метод представляет собой научную попытку выведения суждений нормативного характера. Истинное суждение основывается на истинных аргументах. А чтобы получить признание в качестве «истинных», аргументы должны отвечать пяти требованиям. Первое требование – «серьезность», которая проявляется в объективности суждения (мнение должно быть не единичным, относиться к реально наблюдаемым явлениям и быть доступным для оценки независимыми наблюдателями). Второе требование – референциальная релевантность, которая есть не что иное, как адекватность отношения суждения и аргумента (они должны соотноситься с одним и тем же предметом суждения). Третье требование – каузальная релевантность, которая подразумевает адекватность причинно-следственной связи между аргументом и суждением. Четвертое требование – каузальная независимость аргументов от заключения, т.е. отсутствие самореферентности; иначе образуется круг в доказательстве. Пятое требование гласит, что аргумент в пользу выдвигаемого суждения должен быть эмпирически проверяемым. Если аргумент удовлетворяет первым четырем критериям, он – в качестве истинного аргумента – должен подтверждать суждение, а не опровергать его. Этот метод, утвер-

ждает автор, позволяет социологам не только проверять существующие ценностные суждения, но и оценивать адекватность собственных, вновь выносимых суждений.

Схема эпистемологического вывода суждений нормативного характера, которую приводит Белл, является рабочей. Автор настаивает на ее использовании социологом, который ориентируется на публичный диалог с различными группами общественности. Социологу, оперирующему суждениями долженствования, следует выполнять два ключевых требования: проверять свои суждения по пяти критериям и соотносить их с пространством других подобных суждений. Важно, чтобы процесс формулирования суждений о будущем, а также их моральная составляющая были прозрачными для окружающих. Подобные суждения, или, иначе, «основания прогнозов» («predictive grounds»), могут, с точки зрения автора, стать для исследований будущего тем, чем являются факты для исследований настоящего и прошлого. Конечная же цель публичной социологии, в представлении В. Белла, – это лучший мир, более свободный и гармоничный. И помогая людям в оценке суждений о будущем, публичная социология может и должна способствовать достижению этой цели.

Литература

1. *Edgerton R.B.* Sick societies: Challenging the myth of primitive harmony. – N.Y.: Free press, 1992. – 278 p.
2. *Lee K.* A new basis for moral philosophy. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1985. – 252 p.
3. *Textor R.W., Ladavalva M.R.B., Prabudhanitisarn S.* Alternative sociocultural futures for Thailand. – Chiang Mai: Chiang Mai univ. press, 1984. – 155 p.
4. The limits to growth / Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens, W.W. III. – N.Y.: Universe, 1972. – 205 p.

*Е.А. Кожеевникова,
Я.В. Евсеева*

II. МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ: ДИСКУССИОННЫЙ ФОРУМ

СТАТЬИ

В.Г. Федотова

МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ТЕОРИЮ И ПРАКТИКУ

Понятия, применяемые науками об обществе, формируются чаще всего на основе естественного языка, в котором они имеют повседневный смысл. Для использования в науке, в частности в социологии, слова быденной речи нередко проходят длинный путь трансформации от повседневного значения к метафоре, к термину, а затем к понятию, сформированному в рамках определенной теории. Когда описываемый теорией процесс трансформируется, теория меняется, будучи неспособна в прежнем виде объяснить новые факты. В новой теории меняют свое значение и понятия, наполняясь новым содержанием. Не составляет исключение и понятие модернизации.

Однако в политической лексике сегодняшней России это понятие вернулось к исходным повседневным значениям: преобразование, усовершенствование, улучшение, обновление, приведение в соответствие с новыми требованиями и показателями качества. Разумеется, все это необходимо стране. До уровня повседневно-понятного «доросло» в постоянно онаучиваемой действительности и представление о догоняющей модернизации – как знак того, что отставшим странам необходимо кого-то догнать (Запад в технологическом и политическом смыслах, Китай по уровню экономического роста).

Сделать модернизацию государственным курсом таким путем невозможно, даже если добавить сюда строгое соблюдение закона, борьбу с коррупцией и административным произволом. И призывы к ней повисают в воздухе как очередная риторика. Надежда на модернизационную мобилизацию активных слоев в условиях неясности задач модернизации либо их формулирования *ad hoc* не может реализоваться ни в теории модернизации, ни в ее практике, поскольку модернизация, в которой нуждается общество, уже не может быть основана на мобилизации. Даже будущая

перспектива Сколково не компенсирует в глазах людей отсутствия пожарных машин, хороших дорог и качественных продуктов. Риторика модернизации действует тогда, когда ясны цели последней и надо призвать людей их осуществлять.

Немного истории и теории догоняющей модернизации

Запад был первым вступившим в модернизацию регионом, и время начала его модернизации было обозначено как Новое время. Новое потому, что произошел переход от естественной эволюции к ускоренному развитию, изменившему протекание времени. Запад развивался по-новому под влиянием таких факторов, как Ренессанс, буржуазные революции, Реформация и Просвещение. До начала этого ускорения темпов развития – в период Средневековья – Запад в плане развития был таким же, как и многие другие незападные общества. Подъем Запада связан с формированием нового типа личности, отличающейся рациональным отношением к своей жизни как к путешествию, которое тщательно спланировано, что, по мнению М. Вебера, коренным образом отличало этого человека от людей незападных обществ.

Модернизация Запада (Западной Европы и Северной Америки) произошла органическим, естественно-историческим, эволюционным путем, без предзаданной цели или внешних источников развития, без модернизационной мобилизации. Для стран *«второго эшелона развития»*, цивилизационно относящихся к «другой Европе» (как, например, Россия) или к «другой Америке» (как, например, Мексика), *источники* развития являются внешними (вызов Запада), а *способом развития* становится догоняющая Запад модернизация, основанная на мобилизации населения для модернизационных задач. *Восточные и южноазиатские общества* были поставлены перед необходимостью реагировать на смешанное воздействие вызова Запада и внутренних проблем (поражение Японии в войне, бедность и перенаселенность Китая и Индии). *Доиндустриальные, прежде колониальные страны* не преуспели в модернизации. *Неразвивающиеся в пределах одного поколения* архаические сообщества «четвертого мира» имеют органические препятствия к развитию и не могут модернизироваться.

История модернизации помогла построить ее теорию. Модернизация есть *переход традиционного общества в современное*. Традиционным называют общество, которое воспроизводит себя на основе традиции и допускает инновацию только до тех пор, пока она не прерывает традиции. Современным же является общество, воспроизводящее себя на основе инновации и допускающее традицию до тех пор, пока она не вредит инновации.

Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональ-

ности; преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; преиндустриальный докапиталистический характер; отсутствие массового образования; преобладание особого психического склада – недеятельного человека; предзаданный статус; ценностная рациональность; ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; преобладание локального над универсальным.

В отличие от традиционного, современное общество (modern society) включает в себя: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную личность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса; индустриальный, капиталистический характер производства; массовое образование; активный деятельный психологический склад личности; целерациональность; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий; достижимый статус; преобладание универсального над локальным.

Современные общества по существу противоположны традиционным. Поэтому модернизация – это драматический процесс, и ее задачи для незападных обществ ставятся первоначально как задачи догоняющей Запад модели. Запад становится образцом развития для незападных стран, которые пытаются подражать ему. Среди этих стран – Россия, Мексика, Турция, государства Восточной Европы. Российская модернизация исторически начиналась в военно-технической сфере, с попытки Петра I сблизиться с Западом. Но основным мотивом модернизационных усилий Петра были опасения отставания и колонизации России Западом. Тем не менее Петровские реформы не проросли всего общества: «Нравы народа указами не изменишь», – объяснял ситуацию русский историк Сергей Соловьёв.

И только Александр II своими реформами ввел Россию в европейскую семью народов, достигнув значительных успехов в осуществлении догоняющей модернизации, которая на долгое время становится судьбой России, в том числе и в советский период.

Многообразие моделей модернизации

Долгое время догоняющая модель модернизации считалась ведущей и едва ли не единственной схемой исторического развития. Речь шла о попытке незападных стран равняться на Запад и стремиться догнать его в своем развитии. Но концепция изменилась. С. Хантингтон указывает на возможность нескольких путей развития (19, с. 75).

Путь первый – *вестернизация без модернизации*. Многим подобная возможность представляется сомнительной, так как вестернизация и модернизация взаимосвязаны. Трудно представить себе вестернизацию без

модернизации, равно как модернизацию без вестернизации. Между тем существование подобных вариантов развития – это реальный факт. Вестернизация без модернизации характеризует внешнее, иногда операциональное усвоение западного опыта при отсутствии восприятия принципов и культурных особенностей западной жизни. Она связана с разрушением собственных культурных традиций общества без их хотя бы частичного заполнения заимствованными образцами. Такое общество называется разрушенным традиционным обществом, не перешедшим на следующую ступень развития. По такому пути пошли Египет, Филиппины. Казалось бы, американское присутствие на Филиппинах должно было способствовать заимствованию американского опыта и образа жизни, однако западный капитализм там не сложился; напротив, сформировалось одно из самых непродуктивных обществ.

Путь второй – *модернизация без вестернизации*. Поскольку классические модернизации всегда сопровождаются вестернизацией, этот способ развития стал принципиально новым. Иногда его называют постмодернизацией. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Они модернизировались, не меняя своей идентичности. Американский оккупационный режим в Японии после Второй мировой войны потребовал распада коллективных структур как проводников милитаристского сознания, и началась либерализация, которая на деле вела к разрушению традиционного общества. В 1950-е годы японские социологи выдвинули другую программу: не ломать традиционные общинные структуры японского общества, обвиняемые в распространении милитаристских взглядов, а изменить приоритеты государственной политики, поскольку общинные структуры могут стать хорошими проводниками нового немилитаристского государственного воздействия. Иерархия японских общинных структур позволяет управляющему воздействию государства, направленному на «вершину» пирамиды общины, к ее лидерам, легко спуститься вниз. Иногда Японией управляли всего десять чиновников. Следуя проекту своих социологов, отказавшихся от либерализации, японцы провели реформу и поддержали имеющуюся коллективную продуктивность (термин А. Кара-Мурзы). Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели. Здесь не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Они поступили как древнегреческий законодатель Солон. Когда его спрашивали, мудрые ли законы он придумал, он отвечал, что его законы мудры, потому что народ по ним может жить. А если вводятся законы, по которым народ не привык и не может жить, законы, основанные на предположении, что народ надо изменить, рекультивировать так, чтобы он мог этим законам следовать, то мало что может получиться.

Японцы модернизировались на собственной культурной основе. Не меняясь культурно, они производили современные вещи, осуществляя

технологическую революцию. Многие, однако, говорят, что стагнация Японии 1990-х годов – следствие недостаточной вестернизации. Японцы производят то, что им самим в жизни не очень нужно, большинство населения живет в прежнем мире. Этот опыт относительно успешен, но, как представляется, ограничен в своих возможностях вследствие незавершенной модернизации.

Путь третий – *догоняющее развитие*, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и другие страны. Но и эта модель, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге заводит в тупик: во-первых, из-за новой фазы развития Запада, которая не сформировалась настолько, чтобы ее можно было «догнать»; во-вторых, вследствие попыток рекультуризации (отрицания собственной культуры), которые провоцируют неизбежные откаты назад. Неудачи российских реформ в 1990-е годы наглядно иллюстрируют данный тезис, показывая опасность возврата если не к прежним формам правления, то к новым формам социальной деструкции и маргинализации.

И наконец, *четвертый путь*. Наиболее адекватной формой развития обществ Хантингтону представляется модель модернизации, которую мы называем *национальной*. Она формируется на некотором уровне уже осуществленной вестернизации. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, начатой еще Петром I, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений, правовых основ государств Запада. Вестернизация в сегодняшней России – это освоение экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. На Западе издано немало книг, в которых говорится, что демократия будет трансформироваться, поскольку она не является вечным спутником капитализма. Вестфальская мировая система после Тридцатилетней войны дала миру систему национальных государств, о демократии речь не шла. В Америке после Филадельфийского конгресса возникла Филадельфийская система, в которой демократия уже выступила на передний план. И сейчас в связи с глобализацией происходит не только трансформация Вестфальской системы, но и трансформация Филадельфийской системы. По мнению известного специалиста Т. Иногучи, демократия на Западе тоже трансформируется, фетиш демократии сегодня не может стать основанием для преобразований (21). Но все-таки, если мы хотим жить в демократическом обществе, а мы этого хотим, то можем перенимать существующие западные институциональные структуры – демократические, управленческие, экономические, образовательные; все, что нам представляется ценным, мы можем брать с учетом того, что они подходят (если подходят) России. Никто и ничто этого не запрещает, но мы не можем сказать, что мы догоняем Запад или развиваемся по западной модели, потому что За-

пад сам трансформируется, а мы часто «догоняем» фазы, давно уже им пройденные.

Итак, по мнению Хантингтона, надо достичь некоторого уровня вестернизации, а далее перейти к *локальной* или, как мы предпочитаем ее называть, к *национальной модели модернизации*, т.е. к типу развития, продиктованному национальными нуждами. Национальный в данном контексте понимается не этноцентристски, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности – национальному государству, идентичности по гражданству. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта необходим для национальной модели развития незападных стран и ведет к многообразию возникающих типов модернизации при глобализации и глобальном капитализме. Эта мысль Хантингтона, которую нередко воспринимали как самую сомнительную часть его концепции столкновения цивилизаций, вскоре нашла подтверждение благодаря новому характеру социальных изменений в конце XX – начале XXI в. и ряду новых концепций. Среди них обращает на себя внимание концепция одного из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш. Эйзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации Запад, находящийся в процессе серьезных изменений, не может по-прежнему оставаться универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в какого рода модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов» (вариантов модернизации), складывающихся на локальном уровне (16). Из мегатренда, универсализирующего мировое развитие, модернизация превращается в ряд локальных способов развития, уступая место новому мегатренду – глобализации (6).

К этой мысли можно было прийти и раньше. Мало кому удалось «догнать» Запад. Даже Германия заплатила такую цену, как Первая и Вторая мировые войны, чтобы, находясь в середине Европы, лишь в конце XX в. стать Западом по сущности своей культуры. Причем и сегодня между восточной (бывшей ГДР) и западной частями единого немецкого государства наблюдаются принципиальные различия, лишь частично обусловленные коммунистическим прошлым ГДР и во многом связанные с культурным отличием прусских земель от остальной части Германии. Португалия, Италия, Испания становились западными очень болезненно и долго. Никто из других регионов мира не превратился и не может превратиться в Запад. Утверждение о единственности западного пути означает, что развитие на основе догоняющей модели и вестернизация должны быть продолжены. Может быть, такой выбор возможен до определенных пор, пока мы не осознаем, что у страны есть свои, отличные от Запада, задачи, что некоторые наши особенности не позволяют нам превратиться в Запад, как бы мы того ни хотели. Такая перспектива по крайней мере не единственная. Вьетнам, например, не собирается стать Западом, а японцы, которые со времен революции Мэйдзи заметно вестернизировались, не считают, что они должны имитировать Запад до такой степени, чтобы отказаться от

своей культуры. Это единственная развитая страна, которая следует национальной модели потребления, а не западному, в особенности американскому, консюмеризму. *Поэтому идущие от западников и славянофилов, но осрубленные в конфронтациях конца XX в. антиномические утверждения «развитие должно осуществляться по западной модели» / «развитие должно быть самобытным» представляются одинаково неправильными.*

В чем же отличие сегодняшнего утверждения о многообразии модернизаций и переходе к национальным моделям модернизации от прежнего применения классической модернизационной теории и получения результатов ее применения, имевших национальную специфику? *Отличие в том, что классическая модернизационная теория, основанная на модели догоняющей модернизации, рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран с этим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества вариантов модернизации и национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, обусловленными спецификой этих стран, отрицает единый образец. Был предложен и вариант новой западной модернизации в политической сфере (концепция третьего пути Э. Гидденса), но вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, является дискуссионным.*

Некоторые ученые усматривают противоречие между догоняющей моделью модернизации, цель которой – максимально приблизиться к избранному образцу, и перманентным «нерешением» задач страны в «недогоняющих» моделях модернизации. Эта мысль ясно выражена В.В. Лапкиным: «Итак, в чем же заключается основное содержание модернизации: она есть *переход от традиционного общества к современному или движение, однократно начавшееся, но незавершенное в принципе?*.. В одном случае модернизация понимается как определенная эволюционно-историческая задача – в ряду других задач, тех, что решались обществом на более ранних исторических этапах, а также тех, которые будут решаться им в будущем, обеспечивая тем самым условия для его развития. В другом случае мы имеем дело со своего рода логикой “конца истории”, который в данном случае отнесен к моменту вступления того или иного общества на путь модернизации: с этого момента начинается бесконечное восхождение к никогда не достижимой цели» (5, с. 54). Поскольку и Запад стоит перед задачами модернизации (как уже было упомянуто со ссылкой на Гидденса), догоняющие возможности незападных стран кажутся явно исчерпанными. Догонять убегающего по нелинейной траектории, каким стал Запад сегодня, – это не то же самое, что догонять стабильно движущегося в заданном направлении, каким он был пятьсот лет. Однако ду-

мать, что рассмотренная национальная модель неэффективна из-за отсутствия единого образца, к которому следует стремиться, неверно: следуя ей, ставятся достижимые цели, которые решаются, потом появляются другие, они тоже осуществляются, продолжая процесс модернизации как инновационной деятельности. Это мы увидим ниже на примере китайской модернизации. Но ведь и российская догоняющая модернизация, начавшаяся при Петре I, так и не получила завершения. В этой незавершенности одна из причин отказа от догоняющей модели модернизации.

Национальная модель модернизации

Наиболее адекватной формой развития обществ многим теоретикам сегодня представляется *национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации*. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России – это освоение экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран, достижение уровня комфорта, качества медицинского обслуживания, контроля над качеством продукции, которые существуют на Западе, обеспечения безопасности, демократических свобод и правового порядка. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта сегодня не только не препятствует национальной модели развития – напротив, он способствует ее осуществлению, а значит, и благоприятствует возникновению многообразия вариантов модернизации в современном мире. Как уже отмечалось, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт, Л. Харрисон и ряд других исследователей считают, что в наше время каждое общество само решает, какая модернизация ему нужна. Многие склонны к оценочному восприятию этой теории. Однако любая модель развития имеет свои плюсы и минусы.

Неолибералы, как правило, не приемлют этих новых идей. Однако само появление национальной модели модернизации является ответом на один из главных тупиков неолиберализма. Критикуя капитализм, К. Маркс тем не менее отмечал его цивилизующую миссию. Распад коммунизма способствовал началу глобализации, открывая прежде закрытые для капитала территории. В рамках Запада функционирование капитала возвращало его социальную субстанцию. Запад оставался безразличным к способам усвоения демократии и формированию правового государства в модернизирующихся странах. Даже политика колонизации нередко имела сходные цели, что можно видеть на примере Сингапура, успешно подготовленного британским колониализмом к развитию по современному сценарию. При глобальном распространении капитализма капитал стал терять цивилизующую миссию. А.И. Фурсов в работе «Колокола истории» показал, что капитализм перестал заботиться о социальной субстанции модернизирующихся обществ. Для него стала важной только функция капитала

(обогащение, рост капитала), а не социальная и культурная среда его функционирования (14). Капитализм превратился из западного – «веберовского» (основанного на протестантской этике, на заимствовании его рациональности в инорелигиозных странах Запада), «дюркгеймовского» (основанного на разделении труда и переходе от механической солидарности к органической) – в «зомбаровский» (основанный на чем угодно – на честном труде, на нечестной наживе, на грабеже, войне и т.п.). Если раньше капитализм перемалывал чужие (незападные) культуры, то теперь эти культуры перемалывают капитализм, заимствуя его экономические механизмы почти так же, как новинки автомобильной промышленности.

Можно говорить как о тупике о том, что неолиберализм внутри США породил Дж. Буша-младшего и неоконов, а в посткоммунистических странах – неумение приспособиться к радикализму требований догоняющей модернизации, провоцирующее откат к автохтонным формам развития, где утрачена забота об адекватной социальной и культурной среде производства капитала. Главный тупик неолиберализма – приспособление стран незападного разума к западным технологиям, а в будущем, возможно, и к элементам политической системы Запада, но при сохранении исключительного значения их собственной культуры. Но главное – вероятность соперничества этих стран с Западом и глокализация (термин, означающий равные шансы глобализации как всемирной победы либерализма, и локализации, или освоения хозяйственных и технологических систем Запада как подчиненных локальным культурам и цивилизациям) (12; 13).

Примером национальной модели модернизации можно считать китайское развитие. На наш взгляд, дело объясняется тем, что *китайцы при выборе модернизационной модели учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами и стать американцами и т.п.* Руководство страны принимало во внимание и численность населения (более одного миллиарда человек), и низкий стартовый экономический уровень, и отсутствие нужного количества природных ресурсов, и явный недостаток грамотных кадров. Поэтому оно посчитало необходимым осуществлять модернизацию под единым централизованным руководством авторитарного коммунистического режима. Одновременно китайские лидеры понимали, что модернизация – это не одномоментное действие, а длительный процесс. Следует сказать, что успех реформ в Китае обеспечивался коллективом единомышленников, на деле заинтересованных в процветании страны. Во главе его стоял такой незаурядный человек, как Дэн Сяопин. Реформы в Китае начались с реформы экономики – производственных отношений в деревне. При этом постепенно шел и процесс реформирования теоретических представлений – в начале реформ говорили о возвращении к плановым принципам социалистической экономики, которые были извращены в период «культурной революции», затем – об использовании рынка, но при господстве плана, и только потом появился

термин «социалистическая рыночная экономика». *Методология китайских реформ – постепенность и учет национальных условий.* Это, говоря словами К. Поланьи, «золотое правило реформ», отличающее их от революций и требующее согласования скорости реформ со способностью людей к ним адаптироваться.

Широкую известность получили работы Ту Вэймина о национальной модернизации в Китае (9). Этот исследователь отмечает важность для экономики и моральной атмосферы в Китае конфуцианских установок. Он показывает, что Китай не просто бросился в омут бесконечных преобразований, но, вглядываясь в японский опыт, обдумал вопрос о том, как с точки зрения перспектив конкуренции Китая с западными странами следует отнестись к таким антиномиям развития, как «сельское хозяйство – промышленность», «капитализм – социализм», «восточная культура – западное образование». Мы далеки от преувеличения китайских достижений, хотя они велики, но важно то, что идея способности конкурировать с Западом, а не догонять его, осознание непреодолимости своей культурной и цивилизационной специфики привели к постановке актуальной задачи борьбы с голодом в 1970-е годы и определили приоритет реформы сельского хозяйства Китая. Решение именно этих задач и стало в начале реформ национальной моделью модернизации страны. Но преодоление голода не приостановило осуществления модернизационного проекта и не растянуло его реализацию на неопределенное время. «Деревня и город», инфраструктура, модели индустриализации с привлечением сельского населения, миграция в города – следующая цепочка проблем, выстраивающая цели модернизации одну за другой. Неравномерность развития регионов – еще одна задача. Сейчас в условиях мирового экономического кризиса китайское правительство приняло меры по ограничению экономического роста и усилению потребления внутри страны. Во многих случаях глобализация означает распространение капитализма, победу капитала над национальными интересами незападных стран. Китай избежал этой ловушки. Он самым успешным образом использовал глобальный рынок в своих национальных интересах. Сегодня модернизация в Китае сопровождается некоторым смещением внимания к экономике внутри страны. Подобная смена приоритетов обуславливает длительность или даже бесконечность процесса модернизации, отрицание недостижимости однажды поставленной задачи. «Мы находимся в довольно сложном положении», – пишет Ту Вэймин. – Нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: “традиционное – современное”, “западное – незападное”, “локальное – глобальное”» (9, с. 243). Нам представляется, что, возможно, сюда надо добавить «капиталистическое – социалистическое».

Действительно, китайцы попытались перейти к *современности*, полагаясь на цивилизационную и политическую (посредством коммунистического режима) защиту *традиции*. Они обратились к вестернизации

(к западному), особенно в сфере технологий в условиях нового разделения труда между западным «обществом знания» и азиатским индустриальным обществом, не давая дорогу рекультуризации своей страны (*незападному*), хотя частично это все же происходит. Ныне, сполна использовав «глобальное» в своих интересах, они обратились к своим *локальным* нуждам.

По мнению Ту Вэймина, «азиатские интеллектуалы более столетия внимательно присматривались к западным учениям. Японские самураи-бюрократы, например, методично заимствовали у европейцев, а позже и у американцев приемы науки, технологии, политического управления. Аналогичным образом китайские ученые-чиновники, корейские “лесные интеллектуалы” и вьетнамские мудрецы создали свои нынешние социумы на основе западных знаний. Приверженность масштабной, а порой и всеобъемлющей вестернизации позволила им перестроить экономику, политику, общественную систему согласно тем образцам, которые они... считали более передовыми» (9, с. 243–244). Однако азиатские страны нуждались в адаптации этих инноваций к собственной культуре. И не продолжающаяся вестернизация, а синтез ее результатов с местными условиями оказался достаточно продуктивным и, по мнению цитируемого автора, доказывающим устарелость отмеченных им антиномий. Он с трудом удерживается от утверждений, что конфуцианские ценности могли бы быть полезными сегодня Западу, так как Запад сам нуждается в модернизации, чтобы перейти в новую современность, а незападные общества в любом случае не способны рекультуризоваться полностью. И хотя Ту Вэймин допускает возможность восточного влияния на Запад, он все же настаивает на плюрализме типов модернизации, оставляя каждой стране или региону право на выбор модернизационного проекта.

Соглашаясь с этой мыслью, мы полагаем ее существенной для российского модернизационного проекта. Ясно, что для его осуществления необходимы как некий уровень вестернизации, накопленный страной, так и поворот к собственным коренным проблемам. Цель российского модернизационного проекта состоит в определении приоритетной задачи и последующих за ее решением новых задач, этапов их осмысления, а также – в заимствовании тех успешных институтов, образцов, способов и инструментов, которые имеются на Западе и в мире в целом.

Неприемлемость догоняющей модели модернизации сегодня

Если существует множество вариантов модернизации, то остаются ли возможности для догоняющей модернизации? Остаются, но их перспективность очевидна. Урок реанимации нелиберальных моделей XIX в. в посткоммунистическом мире 1990-х годов привел к выводу, что «культура имеет значение» (3) и что догнать Запад в его классической фазе развития невозможно. Китай, как мы видели, вглядывался в японский опыт,

имея сходные проблемы, но проходил и уроки вестернизации в рамках национальной модели модернизации.

Инициатором оживления модернизационных намерений в России стала группа ученых из Института современного развития (И.Ю. Юргенс, Е.Ш. Гонтмахер, Б.И. Макаренко и др.), предоставивших российской научной и политической общественности доклад с их концепцией образов России и российской модернизации (8). Я хотела бы предложить несколько тезисов конструктивной критики их доклада.

1. Прогнозы сегодня имеют сценарный характер. Формула «иного не дано», которая имплицитно содержится в данном докладе, – это формула революции, а не реформ и не модернизации.

Кроме того, прогнозы бывают разными. Есть прогнозы – образы будущего, характеризующие то, что мы хотим иметь. Но есть прогнозы-тренды, выявляющие сценарии, которые объективно могут реализоваться в ходе развития в рассматриваемых обстоятельствах. Это не всегда сценарии, к которым мы стремимся. И наконец, возможны сценарии-проекты, направленные на то, чтобы изменить обозначенные тренды в направлении предпочитаемых образов. В докладе эти типы сценариев не различаются, что приводит к излишне категоричным выводам и неоправданному смешению макро- и микротенденций.

2. Авторы по-прежнему ориентируются на догоняющую модель модернизации, что подтвердил Б.И. Макаренко при обсуждении данного доклада в Институте философии РАН. Трудно сделать иной вывод, если принять во внимание утверждение Е.Ш. Гонтмахера, что все модернизации в России только закрепляли несвободу. Как уже было отмечено, Александр II осуществил модернизацию, которая ввела Россию в европейскую современность, в европейскую семью народов, освободив крестьян от крепостного права, а Россию – от архаических институтов, ограничивающих свободу.

Авторы обсуждаемой концепции образа России и задач ее модернизации вполне могли бы разграничить то, что России следует почерпнуть на Западе, и то, что составляет ее приоритетные цели и где решения могут быть нашими собственными (а не все подряд, как утверждается в докладе). Это и была бы национальная модель модернизации, отличающаяся от догоняющей модели тех же авторов в 1990-е годы, но сохраняющая их ценности.

3. Видно, что доклад написан преимущественно экономистами. Его суть – концепция экономического роста и представляющаяся авторам адекватной ей трактовка политической системы как либеральной. Однако именно концепция экономического роста с ее ориентацией на американский стандарт потребления составляет сегодня большую проблему. При подключении к интенсивному экономическому росту многих новых стран – азиатских и посткоммунистических – обостряется тема нехватки ресурсов, возникают проблемы энергии, изменения климата (10; 17). В подобных

обстоятельствах экономический рост – это та часть модернизации, которая требует соответствия этическим, демографическим, социальным и экологическим задачам. Ресурсы Земли недостаточны для повсеместного экономического роста, и возникает запрос на потребительские модели новых типов. В этой связи и средний класс как класс консюмеристский проблематизируется в современных теориях, что совершенно отсутствует в докладе.

4. При обсуждении доклада вставал вопрос о социальной базе концепции заявленного образа России и модернизации страны. Большинство выступавших такой социальной базы не нашли. Однако вовсе не обязательно исходить из ее наличия. Прогноз или проект могут формировать эту базу. Мадзини говорил после объединения Италии: «Мы создали Италию, теперь будем создавать итальянцев». Доклад не выполняет задачи формирования социальной базы модернизации.

Можно сделать вывод о том, что необходимое России формирование правых сил не может быть осуществлено на старой базе 1990-х годов, представленной в докладе, где демократия – всего лишь бескомпромиссная идеологема, в то время как на деле демократия – это компромисс реально существующих интересов и групп интересов, консенсус различных социальных сил.

Напрашивается и более общий вывод: платформой партий в России стало повседневное сознание.

Капитализм, социализм и модернизация

Хотя догоняющая модель модернизации ориентировалась на Запад как на образец, капитализм не являлся целью развития всех незападных стран. Основой модернизации стран «второго эшелона» развития стал социализм. Объединяющей капитализм и социализм оказалась индустриализация. Она была основанием происходящих там и там модернизационных процессов. Реальный социализм осуществлял мобилизационную, нередко насильственную догоняющую модернизацию.

Сегодня, когда коммунистический мир распался, а национальные социал-демократии испытывают трудности, неолиберальные идеи прочно связаны с модернизацией, ведущей к капитализму. Причем в западной литературе мы находим критику капитализма и у неолибералов. Л. Туроу, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Т. Фридман (восхищающийся глобализацией как либеральным процессом), Дж. Сорос и множество других авторов весьма критичны к капитализму. И. Валлерстайн, например, пишет: «Капиталистическая цивилизация придет к своему концу; ее особенная... историческая система прекратит свое существование... мы можем наметить несколько альтернативных исторических траекторий, набросав их широкими мазками, без институциональных деталей, которые абсолютно невозможно предвидеть» (2, с. 175). Однако общие контуры возможного будущего Валлерстайн характеризует там же тремя траекториями:

неофеодализм («парцелляризованные суверенитеты», автаркические режимы с высоким уровнем техники, неэгалитарная система); «демократический фашизм» (кастоподобная система с эгалитарным распределением в его верхнем слое, составляющим примерно пятую часть мирового населения); радикальный всемирный порядок (децентрализованный и высокоэгалитарный). От таких прогнозов действительно хочется вернуться к идеям капиталистической модернизации. Но посмотрим, какие были найдены альтернативы.

Капитализм породил альтернативу самому себе в виде социал-демократии, которая основана на социальном контракте между государством, наемными работниками и работодателями, объединяющим их на основе взаимовыгодного компромисса и справедливого распределения получаемого государством налога. Высокий прогрессивный налог создает базу для обеспечения необходимых социальных нужд и снимает несправедливые неравенства. «Третий путь» – упомянутая выше попытка Гиденса обосновать новый социал-демократический путь Запада и его новую модернизацию (в которой, по мнению левых реформаторов, нуждался Запад, поскольку за 500 лет развития он превратился в своего рода традиционное общество) – относительно успешно реализовался в политике Т. Блэра в Англии, но потерпел неудачу в Германии Г. Шрёдера и в некоторых других странах.

Социал-демократия также могла стать альтернативой социализму, и в этом случае могла осуществиться конвергенция капитализма и социализма. Но глобализация резко усилила капиталистический элемент. Проведение социал-демократической политики осложнялось тем, что национальный капитал стал перемещаться туда, где выгоднее. Налоговая база социал-демократии ослабла.

Но самый неожиданный итог самонадеянности развитого мира – это исчезновение различий между Западом и не-Западом, которое – как возможность – было предсказано в докладе Национального разведывательного совета США при вступлении в должность президента Дж. Буша-младшего: Запад станет одним из вариантов автохтонного капитализма, островком в море разнообразных хозяйственных, культурных и цивилизационных систем (4). Б. Обама из того же источника получил прогноз до 2025 г., согласно которому сначала наступит консолидация стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), а позиции Запада заметно ослабнут (сценарий «Мир без Запада»), затем произойдет изменение климата, далее БРИК распадется вследствие дефицита ресурсов, после чего распадется и Вестфальская система национальных государств, которая передаст свои функции неправительственным организациям (11; 18).

Это «феодальное» завтра является одним из сценариев исчезновения капитализма в его известных нам формах.

Мировой экономический кризис породил серьезные претензии к развитию по капиталистическому пути как на Западе, так и в других стра-

нах. Однако публикация немецким журналом «Шпигель» шокирующих данных недавнего социологического опроса в Германии и Австрии заставила многих задуматься о будущем самого капитализма. Как пишет в «Российской газете» немецкая журналистка, «исследование показало: в кризисное время люди всерьез задумались о том, заключается ли счастье лишь в экономическом росте. Сознательные немцы и австрийцы разглядели негативные последствия капитализма: варварское истребление ресурсов, загрязнение окружающей среды и социальную поляризацию. От представителя фонда им. Бертельсманна Фолькера Этцеля... удалось узнать, что девять из десяти опрошенных хотят улучшить существующий экономический порядок. Каким образом? На первом месте стоит защита природы. На втором – рациональное обхождение с ресурсами. На третьем – социальная справедливость» (7). «Шпигель» отмечает, что четыре пятых всех респондентов настаивают также и на необходимости их собственной ответственности. Для улучшения экономического устройства они готовы изменить свои привычки и стиль жизни: меньше пользоваться автомобилем, реже летать на самолетах, аккуратнее обращаться с мусором, утеплять жилье, пользоваться альтернативными источниками энергии, поддерживать общественнополезные организации и способствовать социальной направленности политики государства (20). Они не хотят старого капитализма, но не мечтают и о социализме. Их альтернатива – включение в модернизационные проекты, помимо задачи экономического роста, многих других параметров не экономического, а социального, гуманитарного, экологического и этического содержания. Но в таком случае будет ли это капитализмом?

Термин «социализм» является давним. Его изобретение приписывают французам Пьеру Леру и социалистам-утопистам Р. Оуэну, А. Сен-Симону, Ш. Фурье. С термином «капитализм» дело обстоит иначе.

Классик буржуазной политической экономии Адам Смит не знал слова «капитализм». Он открыл трудовую теорию стоимости и показал значимость рынка. Это не мешало ему сравнивать рынки Китая (обширные, человекоемкие, возникавшие на базе производства, осуществлявшегося дешевой рабочей силой) и Англии (небольшие, не обладавшие китайскими преимуществами и потому требовавшие производства с привлечением техники). Маркс написал «Капитал» и дал исторический очерк буржуазного общества, не применяя термина «капитализм», который появился в начале XX в. в работе В. Зомбарта «Современный капитализм». Как утверждает внимательный исследователь немецкой социологии Р.П. Шпакова, «именно Зомбарт повлиял на обращение Макса Вебера к проблемам специфики современного западноевропейского капитализма, а не наоборот, и для Вебера этот вариант капитализма стал основной исследовательской темой. Даже само понятие “капитализм” принадлежит Зомбарту, и в этом признании солидарны ведущие экономисты и социологи. Понятие “капи-

талистический дух” впервые употребил он (в 1902 году), а не Вебер» (15, с. 115).

Понятия, которых не существовало при изучении явлений, которым они соответствовали, могут не возникнуть и при других исторических обстоятельствах. Многообразные конвергентные формы современного хозяйствования, еще не вполне зрелые, сегодня могут не иметь названия, которое им будет найдено потом. Известный ученый Дж. Арриги детально исследует генуэзский, голландский, британский и американский циклы накопления капитала. При этом американский цикл рассматривается как «матрица нашего времени». Закономерности генезиса капитализма заставляют Арриги задаться вопросом: «Сможет ли капитализм пережить успех?». К такой постановке вопроса исследователя побудили невнятные ожидания И. Валлерстайна, связанные с возможностью повлиять на развитие после бифуркации обществ в ходе системного кризиса, угрожающего жизни капитализма, а также пессимизм Й. Шумпетера с его противоречивым тезисом (капитализм не погибнет от экономического краха – успех капитализма создает условия, подрывающие его основания, при которых он не может выжить).

Первый прогноз. Ответ Арриги заключается в следующем: общество может погибнуть по множеству причин, и вместе с ним погибнет капитализм. Но при отсутствии социальных катастроф, «капитализм... отомрет вместе с государственной властью, которая позволила ему добиться богатства в современную эпоху, а базовый слой рыночной экономики вернется к некоему анархическому порядку» (1, с. 447). Здесь вновь открывается феодальная перспектива.

Второй прогноз. Но имеются и другие ходы. Капитализм может вернуться к национальным социал-демократиям, если остановится глобализация. Первую глобализацию 1885–1914 гг. трагически оборвала Первая мировая война. У второй глобализации накопилось много проблем, которые могут ее приостановить либо усилить в ней социальное и этическое начала.

Третий прогноз. Арриги обратился к наследию Адама Смита не только в связи с отношением последнего к Китаю, но и для осмысления того, что происходит сегодня в прежде периферийных экономических зонах. Арриги работал в Африке, изучал периферийные и полупериферийные зоны капитализма. Адам Смит показал, что Китай долго обладал преимуществами по сравнению с Европой. Он верил, что Китай поднимется вновь. Отношение Смита к Китаю создает предпосылки для понимания того, что рынок не обязательно связан с капитализмом. Эта идея особенно вдохновляет Арриги. В то время как экономисты Запада и не-Запада спорят о том, что представляет собой рыночная экономика Китая – строящийся социализм или капитализм, спрятавшийся за политическую систему коммунизма, – Арриги думает иначе. Если Китай и не построит социализм, утверждает исследователь, это не будет означать, что он построил

капитализм; но верно и обратное: если не будет построен капитализм, этот факт не станет свидетельством того, что в стране построен социализм. Арриги, пожалуй, стал первым, кто, характеризуя сегодня реальную ситуацию, четко сформулировал тезис о преходящем характере этих привычных категорий, а также о том, что *методологически экономической теории придется учиться мыслить экономику вне этих привычных рамок*. Такой вывод помог ему сделать Адам Смит.

Контекстуализм, возникающий сегодня в условиях глобализации как следствие смены догоняющей модели модернизации многообразием моделей, соединение аналитического и мировоззренческого подходов и признание возможностей некапиталистического рынка (не тождественного социалистическому рынку) составляют каркас нового видения мира.

При отказе от привычных категорий спор о том, «пес это или кот» (З. Бауман описывает упражнение, которое давали в его студенческие годы: на экране был пес, трансформировавшийся в кота, и предложено было уловить, когда произойдет эта перемена), «капитализм или социализм», может оказаться исчерпанным. Сыграв свою огромную роль в созидании адекватной онтологии, понятия «капитализм» и «социализм» могут сегодня оказаться изжившим себя инструментом конструирования реальности. Не лукавя, мы не можем утверждать однозначно, существует ли в Китае капитализм или социализм. В первой в текущем телесезоне передаче «Что делать?», в которой участвуют известные ученые, ведущий В.Т. Третьяков заметил: «Никто еще не сказал, что мы строим в России – капитализм или социализм».

Всегда существуют когнитивные социальные технологии, адекватные до определенной степени и для определенных целей. Понятием «класс» и игнорированием понятия «нация» К. Маркс ориентировал на классовую борьбу. Понятие «нация» в работах других исследователей способствовало национальным движениям и национальному самоутверждению. Определение среднего класса на основе достатка вело к примирению классов и, одновременно, к росту консюмеризма. Ограничение понятия «средний класс» культурной общностью в трудах современных английских социологов открывает новые перспективы для интеллектуального развития.

Без «капитализма» и «социализма» мы должны будем решать огромные проблемы, грозно вставшие на пути человечества, и только после этого (а не сейчас!) модернизацию можно будет рассматривать как повседневное желание улучшений.

Литература

1. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. – М.: Институт общественного проектирования, 2009. – С. 447.
2. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – С. 175.

3. Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 315 с.
4. Мир 2020: Доклад Национального совета по разведке США // Сообщение. – М., 2005. – № 6–7. – С. 1–5.
5. Лапкин В.В. Дилеммы и казусы модернизации в начале XXI века // Модернизация: Авторитаризм и демократия. – М.: ИМЭМО, 2009. – С. 54.
6. Образы России в XXI веке: Модернизация и глобализация / Под ред. В.Г. Федотовой. – М.: ИФРАН, 2002. – 452 с.
7. Розэ А. Берлин: Капитализм под ударом: Большинство немцев и австрийцев не верят в рыночные механизмы // Российская газета. – М., 2010. – № 5265 (20 августа).
8. Россия XXI века: Образ желаемого завтра / Юргенс И., Гонтмахер Е., Масленников Н., Григорьев Л. – М.: Институт современного развития, 2009. – 66 с.
9. Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 236–250.
10. Уткин А.И. Энергетические ресурсы и геополитика // Полис. – М., 2010. – № 3. – С. 9–25.
11. Уткин А.И., Федотова В.Г. Будущее глазами Национального совета по разведке США: Глобальные тенденции до 2025 года: Изменившийся мир. – М.: Институт экономических стратегий РАН: Международная академия исследований будущего, 2009. – 248 с.
12. Федотова В.Г. Будущее капитализма в исторической перспективе // Политический класс. – М., 2006. – № 8. – С. 85–93.
13. Федотова В.Г. Этика и капитализм // Политический класс. – М., 2007. – № 1. – С. 80–91.
14. Фурсов А.И. Колокола истории. – М.: ИНИОН, 1996. – 462 с.
15. Шпакова Р.П. Вернер Зомбарт – германский феномен // СоцИс. – М., 1997. – № 2. – С. 115.
16. Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. – Cambridge (MA), 2000. – Vol. 29, N 1. – P. 3–29.
17. Friedman Th. Hot, flat and crowded: Why we need a green revolution and now it can renew America. – N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2008. – 775 p.
18. Global trends 2025: A transformed world. – Wash.: National intelligence council, 2008. – 124 p.
19. Huntington S. The clash of civilization and the remaking of world order. – N.Y.: Simon & Schuster. – P. 75.
20. Neun von zehn Deutschen fordern neue Wirtschaftsordnung // Spiegel. Hamburg, 2010. – 18 August.
21. The changing nature of democracy / Ed. by T. Inoguchi, E. Newman, J. Rtane Tikio. – N.Y.; P.: United Nations univ. press, 1998. – 285 p.

С.Н. Смирнов

МОДЕРНИЗАЦИЯ В АТОМИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное общество живет догмами прошлого, проецируя понятийный аппарат, разработанный столетия назад, на свою современную структуру. Например, до сих пор многими политиками и частью представителей экспертного сообщества используются термины «капитализм» и «социализм», которые объективно во все большей степени становятся предметным полем дисциплины «история экономических учений» и, кроме того, используются в программных документах маргинальных политических партий.

Сложнее с модернизацией, поскольку этот термин характеризует не стационарное состояние общества, а его эволюцию. Тем не менее и здесь возникает сущностная проблема. Дело в том, что на практике модернизация рассматривается применительно к обществу в целом. Существуют и критерии, отличающие современные, или модернизированные, общества от обществ традиционных. Однако эти критерии сами по себе очень нечеткие и допускают сочетание реалий с виртуальным содержательным обеспечением. Например, позднесоветское общество никогда не было коллективистским: борьба за потребительские ресурсы в условиях дефицита определяла доминирование индивидуализма и узкогрупповых интересов. Тем не менее это прикрывалось идеологией виртуального общества, где человек человеку – друг, товарищ и брат. Аналогично, попытавшись объективно определить степень современности / традиционности постсоветской России с использованием критерия «авторитарный характер власти», приходишь к выводу, что демократия в стране становится во все большей степени виртуальной, в то время как авторитаризм власти, особенно региональной, повышается.

В этом контексте так называемая догоняющая модернизация для современной России представляется единственно реальным вариантом – иные гораздо хуже, поскольку не решают ключевых проблем страны, препятствуют ее сопряжению с традиционными демократиями. Какая-либо иная модернизация в России чревата риском возвращения к традиционно-

му обществу – псевдоколлективизму, клерикальности в том ее смысле, что душу надо спасать на земле, ограничиваясь малым, уважая власть, независимо от уровня коррупции в государстве. Казалось бы, история уже научила, что именно в такой стране в XX в. «храмы как поленья сожгли всего за треть столетия» (М. Кочетков). Очень хочу ошибиться, но, кажется, ситуация повторится.

Мир вступил на путь глобализации, ставшей вектором развития мирового сообщества на ближайшие десятилетия. Она заняла место многочисленных программ по социально-экономическому подъему «третьего мира», которые реализовывались международным сообществом во второй половине прошлого века. Оказалось, что развитие экономик этих стран может произойти в тех случаях, когда у крупных компаний появляются экономические и экологические стимулы к выводу производств в другие страны, освоению новых рынков сбыта. Россия не стала исключением: создание автомобильной промышленности, альтернативной «официальной», – один из примеров. Пришли новые технологии в пищевую промышленность страны, на железнодорожный транспорт. Появились новые современные рабочие места, обусловившие формирование нового типа российского работника. И это элемент догоняющей модернизации.

Стесняться тут нечего. Свобода передвижения капиталов, как и свобода передвижения физических лиц, привели к тому, что развитые экономики тоже стали догоняющими, причем догоняющими Россию. Правда, в иной области, а именно – в области научных исследований. Недавнее присуждение нобелевских премий по химии двум живущим за границей россиянам – лучшее тому подтверждение. Идеи научных разработок родились еще в России, инфраструктура которой оказалась не готовой к исследованиям. Что объяснимо, поскольку основные проблемы, стоявшие перед первой генерацией российских реформаторов, были элементарными: накормить, обути и одеть население, научить его экономической самостоятельности, заложив тем самым основы новой социальной структуры общества.

И успешное в целом решение этих задач произошло по модели именно догоняющего развития, что естественно привело к воспроизводству тех же проблем, которые присущи развитым рыночным экономикам. Почему, оппонируя экспертам, негативно оценивающим результаты реформ, их можно признать в целом успешными? Хотя бы потому, что появился сегментированный потребительский рынок, рассчитанный на граждан с различными уровнями доходов. Составляющие этого рынка характеризуются различиями в ценах и качестве товаров и услуг, но не различиями имеющихся товарных позиций. Успех можно оценить и по тому факту, что в российском обществе появились принципиально новые социальные группы. В их числе, например, предприниматели, граждане, работающие по найму у физических, а не у юридических лиц (если в 2002 г. их доля в общей численности занятых составила 4,1%, то в 2008 г. – уже 10,8%), рантье, живущие на доходы, получаемые от имущественных и фи-

нансовых активов (в 2008 г. доля доходов от собственности в составе денежных доходов населения составила 9%).

Российское общество во все большей степени становится атомизированным. Подобно ветвящемуся генеалогическому дереву, ветвятся и социально-экономические интересы его членов. Они разнятся не только в классических дихотомиях «город – село», «центр – периферия», но даже в пределах одного и того же вида экономической деятельности. Отсюда – и разное отношение к модернизации, содержательное наполнение которой различно для различных групп населения и, по-видимому, домохозяйств. Можно предположить поэтому, что модернизация в современной России обречена на неудачу, если она будет проводиться «сверху», как это было во всех предыдущих модернизациях страны. Косвенным подтверждением этому является так называемый «сколковский» проект, согласимся, не точечный (резидентами Сколково могут быть субъекты инноваций, которые находятся на территории других регионов страны), но «заповедный».

А если это так, то мы должны согласиться с тем, что модернизация как единая программа вряд ли может быть выработана. Также бесполезно пытаться нарисовать портрет страны даже в среднесрочной перспективе. Пару десятилетий назад никто не мог представить, какой будет национальная структура занятых в Москве, а сейчас мы знаем, насколько резко она изменилась. И программа модернизации должна формироваться подобно тому, как формируются федеральные целевые программы. Определили проблему, проанализировали возможные направления ее решения и стали наполнять конкретными мероприятиями. Другое дело, что наполнение это должно происходить с учетом предполагаемой реакции конкретных «атомизированных» групп населения.

Рискну предположить, что в современном обществе серьезное отношение к «национальной гордости великороссов» вряд ли возможно. Только свободное развитие домохозяйств, уровень их благосостояния определяют любовь к государству и доверие к государственным институтам. Боюсь, что в модернизацию российский потребитель (что не всегда синонимично обывателю) в массе своей не верит и относится к ней индифферентно, если не как к инструменту очередного «распила» бюджетных денег. И это вне зависимости от того, какой путь модернизации для России будет избран – западный, национально-ориентированный или какой-либо другой. С этой точки зрения национальные проекты вызвали гораздо больший интерес, поскольку их результаты можно было увидеть – центры высокотехнологичной медицинской помощи, новые школьные автобусы, компьютерные классы. Тот же российский потребитель будет в гораздо большей степени радоваться появлению некоего нового гаджета, но не отчетам правительства об успехах на пути модернизации.

Поддержка модернизации обществом обеспечивается, когда ее результаты доводятся до конкретных домохозяйств, и выигрывающих домохозяйств – большинство. В противном случае даже технологические про-

рывы воспринимаются враждебно. Яркий тому пример – поезд «Сапсан» – прообраз будущей модели скоростного пассажирского железнодорожного сообщения в стране. Однако его появление обусловило резкие протесты (вплоть до физических) у жителей прилегающих к железной дороге населенных пунктов, поскольку вопросы, связанные с запуском скоростного поезда, были решены не комплексно. От реализации данного модернизационного проекта выиграла достаточно обеспеченная часть российского населения. Однако он обернулся «демодернизацией» жизни тех, у кого ухудшились транспортная доступность мест работы ввиду отмены части электричек, возможность оперативного получения социальных (например, медицинских) услуг, безопасность жизни (отсутствие удобных оборудованных переходов, невозможность проезда пожарных машин). Представляется, что ни в одной из западных демократий подобное невозможно: любая экспертиза заставила бы бенефициаров подобного проекта направить часть будущей прибыли на решение проблем местных сообществ. Кстати, сложившаяся ситуация характеризует и недостаточную квалификацию центрального правительства, к функциям которого, безусловно, должно быть отнесено создание инфраструктурных условий для реализации модернизационных проектов.

Вообще, если говорить о модернизации для России, то здесь должен действовать принцип слабого, или «замыкающего» по группам населения, звена – именно на решение их проблем должны быть нацелены проекты модернизации. В противном случае мы рискуем получить две России, очень не похожие друг на друга. А это очень опасно, тем более что фактор миролюбия россиян в конфликтах может рассматриваться как не значимый.

В этом контексте важно отметить вот что. Не очень понятно, почему одним из критериев отличия традиционного общества от современного выступает зависимость первого от религиозных представлений. Именно последних, как кажется, не хватает современному российскому обществу, несмотря на православный мейнстрим. Более ценным является самоорганизация общества снизу – пожалуй, наиболее ярким примером служит фонд «Подари жизнь», аккумулирующий средства на помощь детям, больным онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями.

Не думаю, что реальна перспектива перехода российского общества к модели безудержного потребления, предвосхищенной в начале 1960-х годов братьями Стругацкими в «Хищных вещах века». Возможны маргинальные нарывы такого общества, охватывающие очень ограниченный по численности контингент жителей, которые сознательно выбирают для себя соответствующую модель потребления и не имеют серьезных ограничений. Для большинства россиян такая модель неприемлема в силу ограниченности их доходов.

В современной России модернизация – это, возможно, даже не столько модернизация технологическая. Основная ее задача состоит в том, чтобы консолидировать атомизированное российское общество по интере-

сам и потребностям, прежде всего на уровне «communities», создать мощный противовес органам государственного управления, в том числе и для проведения независимой экспертизы управленческих решений. Если демократия не получилась сверху (по Т. Шаову, «свобода, даденная сверху, // Куда-то вверх и уплыла. // Что остается человеку? // Да штоф зеленого стекла»), то единственный вариант – накапливать ее критическую массу снизу. И с этой точки зрения догоняющая модернизация, в том числе и в области формирования муниципальных сообществ, разумнее идей «суверенной демократии».

А что касается пороков западных обществ, то компенсирующим механизмом, как уже говорилось, станет принцип ориентации модернизационных мероприятий на «закрывающее» звено общества.

О.Н. Яницкий

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ: ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

1. Постановка вопроса

Главный вопрос: что будет с культурой, вернее, какой будет культура ближайшего будущего? Информационные средства современной модернизации (поздней, текучей, рефлексивной) делают мир малопредсказуемым, переменчивым и всеобще связанным. Новое прирастает с такой скоростью, что рядовому потребителю остается время только на мгновенную реакцию, но не на размышление, рефлексию. Это особенно видно по трендам современного искусства: в литературе, театре, живописи не появилось ничего принципиально нового, есть только бесконечные переделки старого. Но новомодные одежды или позы, навязанные старому, не делают его новым. Доступность и открытость увеличились, но мир только начинает осознавать себя в новом качестве «глобальной культурной деревни». Это взаимопроникновение всего и вся и есть новая культура?

Посмотрим на ценности, лежащие в основе долгосрочных стратегий модернизации двух лидеров мира, – США и Китая. Думаю, что основной культурный диспут развернется вокруг двух моделей потребительской идеологии: интенсивной и экстенсивной. США движутся в первом направлении: как эффективно использовать наличные ресурсы, включая креативный потенциал человека? Как при этом сберечь природу? По существу речь идет об экологизации мышления и действия, т.е. о создании их новых культурных образцов. Эта нацеленность на максимум эффективности и креатив – вполне гуманистическая линия эволюции.

Вторая, еще более глубокая линия развития современной евроатлантической культуры – это, как говорят ученые, движение «вниз», к тайнам микромира, которое может перевернуть наши представления об эволюции природы и человека, его здоровье, продолжительности жизни и т.д. Здесь опять ведущая роль принадлежит науке, интеллектуалам. Заметим, правда, что ориентация на экономию и эффективность отнюдь не отменяет принципа «жизни в кредит», этого важнейшего движителя современной экономики.

Существует и противоположный тренд: сохранять и даже наращивать стереотипы потребления, сокращая при этом количество потребителей, и / или не заботиться об их выживании вообще. Эта модель модернизации, т.е. модернизация за счет эксплуатации дешевой рабочей силы, как, например, в Китае, дает огромную прибыль, которую можно направлять в военно-техническую сферу. В Китае количество погибших в расчете на 1 млн. т добытого угля превышает тот же показатель в США в 32 раза! Если учесть при этом практическое отсутствие пенсионной системы и скудость стандартного социального пакета в целом, то это означает если не культивирование, то сохранение десятков миллионов носителей культуры бедности под лозунгом «Сильное государство любой ценой!». Но ресурсов для такой огромной страны, взявшей курс на форсированную модернизацию, все равно не хватает. Значит, без «культуры экспансии вовне» (или более нейтрально: культуры естественного расширения жизненного пространства) все равно не обойтись. Здесь ведущая роль принадлежит партии, армии, силовым ведомствам, менеджменту.

Однако при всем различии обозначенных культурных трендов этих обществ, они все равно будут определяться борьбой за новые источники ресурсов на Земле, под Землей и в Космосе. Пример тому – недавно вспыхнувшая борьба между США, РФ, Канадой и рядом скандинавских стран за право освоения шельфа Ледовитого океана, изменений в космическом праве и т.д. Причем появление новых видов вооружений делает захват чужого (экспансию) все более «гуманным»: высокоточное неядерное оружие будет подавлять способность к сопротивлению только силовых структур вероятного противника, сохраняя почти нетронутыми население и природу.

Следовательно, при любом раскладе конфликты и борьба отдельных стран и их союзов неизбежны. Причем не только гигантов, но и малых традиционных сообществ, представляющих тем не менее реальную угрозу этим гигантам, как, например, сомалийские пираты или афганские талибы. Мир, несмотря на интегрирующую мощь потоков информации и капитала, все более наполняется малыми сообществами, не имеющими легального статуса, но обладающими реальной силой (пример – «неопознанные вооруженные формирования» и просто бандиты и грабители).

Поэтому придется переформулировать проблему культуры: производство материальных или духовных ценностей vs. их захват, разрушение, разграбление? Длительный и все более эффективный процесс обустройства своей жизненной среды («кокона основополагающего доверия», как называет его Э. Гидденс) или захват чужой для сиоминаутного потребления? Могут возразить: так было всегда! Нет, не всегда. Одно дело – естественный процесс замены старого, т.е. именно то, что называется модернизацией, и совсем другое – насильственный захват ценностей одного другим. Вообще, силовая модернизация – отнюдь не редкий феномен ис-

тории. Достаточно вспомнить процесс создания советской атомной бомбы и вообще институт промышленного и военного шпионажа.

2. Исходные предпосылки модернизации России

Краткий исторический экскурс. Советскую модернизацию делали «спецы», русские ученые, инженеры и квалифицированные рабочие, корпус которых был сформирован интеллектуальным и гражданским подъемом России 1860–1920 гг. В послевоенные годы эту модернизацию продолжали такие же высококвалифицированные специалисты, в «шарашках» и многочисленных КБ. Эти «спецы», несмотря на гонения, были воспитаны в духе гражданственности и работали на благо страны. Сегодня даже для «догоняющей» технбюрократической модернизации кадров нужной квалификации просто нет. Вот он, «бумеранг» нашего молодого капитализма.

Не поэтому ли советская парадигма модернизации продолжает демонстрировать свою удивительную устойчивость? Как отмечают М.К. Горшков и Н.Е. Тихонова, «советское прошлое, его события и достижения – по-прежнему предмет национальной гордости; главная установка массового сознания – на доминирование государства в экономике и управлении собственностью; традиционные ценности постепенно восстанавливают свое воздействие на общество, так что «модернизационный рывок России “захлебнулся”, а возможности ускоренного движения к пост-модерну оказались упущены. Социокультурная модернизация идет сегодня в стране своим естественным путем, а не ускоренным темпом, а значит, ее продвижение вширь и вглубь общества зависит главным образом от смены поколений» (2, с. 134, 144).

Это значит, что инерция развития «тела» российского социума (т.е. сращенности бизнеса и власти, неразделенности ее ветвей), фактически однопартийная система, ограниченность гражданских прав и свобод сохранятся в обозримом будущем. Это значит также, что глобальные и даже региональные войны маловероятны, поскольку российские активы находятся в западных банках, но давление извне (в форме локальных конфликтов, требования участия в миротворческих акциях далеко за пределами страны и т.д.) будет нарастать. Далее, вопрос рядового россиянина, уже инфицированного потребительской идеологией: «Что даст лично мне эта планируемая наверху модернизация?», – далеко не праздный. Начиная с периода позднего брежневизма, негласно направлявшего жизнь массы по принципу «живи и давай жить другим», *не труд*, тем более – труд творческий, инновационный, а *потребление* стало ее главным ориентиром. Без восстановления этики честного, напряженного творческого труда и его справедливого вознаграждения, без уважения человека труда никакой модернизации не будет.

На мой взгляд, следует различать идею и идеологию гуманистической модернизации. Идея ее стара: *человек в центре*. Человек и кормящая,

защищающая его природа – в центре норм социального действия и социальных институтов. Если человек почувствует себя собственником своего труда и его результатов, свободным от страха преследования, если человек, свободно перемещаясь по стране и миру, будет беречь его природу и ресурсы, чувствовать ответственность за них, уважать законы, не только писанные им самим, но и обнимающей его природы, русский человек станет другим человеком. Это не может произойти сразу, но такая идея должна быть ведущей.

Что же касается идеологии гуманистической модернизации, то я бы сформулировал ее ядро таким образом: *общее движение вперед и общая ответственность на основе перманентной рефлексии относительно общего будущего* – рефлексии, реализующейся в гуманизации и демократизации социальных институтов. В течение нескольких веков российская элита все время что-то конструировала, рассматривая население как ресурс. Но он истощился, и пора остановиться, чтобы оценить сделанное и безвозвратно утерянное. Пора научиться считать человеческую и природную цену всепоглощающей страсти к обогащению. Такая «остановка» не синоним стабильности и тем более стагнации. Развитие может осуществляться только через нарушение стабильности, но оно не должно быть разрушительным.

Действительно, российская правящая элита до сих пор не определилась, какая именно модернизация остро необходима стране. Технологическая, политико-экономическая, гуманистическая или же системная? Судя по общей политической атмосфере, это будет прежде всего модернизация существующей ресурсно-ориентированной экономики и связанной с ней политической и социальной структуры. И это, с точки зрения правящей бюрократии, вполне логично, поскольку именно существующая модель такой экономики обеспечивала как ее, элиты, экономические и политические интересы, так и социально-политическую стабильность в обществе.

Посмотрим на возможные последствия такой модернизации. Следование ей означает все больший разрыв с западной моделью, которая, по Н.Д. Кондратьеву, уже приближается к переходу от четвертой к пятой технологической революции, тогда как мы все еще остаемся на рубеже завершения третьей, т.е. индустриальной, революции, и перехода к четвертой, информационной. Этот разрыв означает, что диалог и взаимопонимание между нами и Западом будут еще более затруднены. Мы просто будем пребывать в разных мирах, и поклоны в сторону столпов русской культуры тут не помогут.

Ресурсная модель модернизации и основанная на ней модель потребительского общества не предполагают серьезных изменений в ценностных ориентирах общества. То, что является мотором всякой модернизации – «впередсмотрящая элита» и связанный с ней слой инноваторов, – просто отсутствуют в данной связке. Всегда проще и эффективнее купить на Западе новые технологии по добыче и переработке ресурсов и привлечь за-

пальных специалистов для их установки и наладки, чем создавать дорогостоящую школу подготовки собственных ученых и технического персонала. Вывод: российские специалисты в массе своей будут деградировать или останутся на вторых ролях. Не зря лидеры правящей партии заговорили о модели «консервативной модернизации».

3. Информатизация: Инструмент или «культурная революция»?

Следующий вопрос: является ли повсеместная информатизация только инструментом, облегчающим доступ потребителя к культурному продукту, или же это новый культурный феномен, «культурная революция»?

Здесь ключевое значение имеет историко-культурный контекст и соответствующий ему менталитет русского народа. Как пишет М. Шугуров, «глубинно-метафизическая идентичность российского человека, ассоциирующего себя с идеями истории, государством и другими надличными образованиями идейного и институционального характера, от которых долгое время исходили мощные закабаляющие импульсы, оказалась надломленной» (6, с. 106). Пространство культуры оказалось свободным от канонизированных – идеологических и иных – текстов, а сам человек поверил в превосходство реальной жизни над подобными текстами. Хотя кодификация повседневности идет быстрыми темпами, обыватель убежден в их относительности, поскольку знает, что их можно обойти или откупиться от следования им.

В результате огромного и постоянно меняющегося объема информации, давящей на индивида, возникает новая композиция (структура) «социокультурной памяти... как системы фильтрации того, что в первую очередь необходимо для поддержания воспроизводства жизнедеятельности на усредненно-функциональном уровне – уровне индивида, но не личности... Ценности утрачивают конкретное оформление, свою локализацию, сосредоточение, внятное текстовое закрепление в виде прообраза, взыскующего не просто к повтору, а к уподоблению и сопричастности... плюрализм открывает пространство более свободного бытия... Десакрализация фигуры автора в массовой культуре и сети Интернет снижает общую планку взаимной требовательности...» (6, с. 107).

Книжные мегасмыслы вносили в духовную жизнь человека моменты целостности. СМИ порождают условно-игровую мегасреду, в которой множество поступков, артефактов, мыслей избыточно и образует рыхлое, калейдоскопическое, неустойчивое единство. В информационной среде знак, символ преобладают над реальностью. В такой среде человек не может устойчиво самоопределиваться (4). То, что мы часто видим в общественном транспорте людей, уткнувшихся в книгу, газету, кроссворд, не указывает на «овладевающего знаниями человека». Скорее это способ защиты от распада личности под воздействием новой знаковой среды.

«Основная “призывная” лексема посткнижной культуры – “оторваться”, – фактически означает формулировку “прикольно-шутовского”

архетипа, являющегося вариацией национального архетипа «ухода» и раскола», — утверждает Шугуров. Современная гиперинформационная реальность не сближает, а разводит жизнь и культуру, человека и реальность. «Совмещение массового недоверия и очарованности, сакрального отношения к массиву власти — то новое, что привнесла современная политическая и социокультурная ситуация» (6, с. 108).

Произошло «переструктурирование как бытия в России, так и отношений между человеком и властью, на основе некоего нового парадоксального социокода» (6, с. 108). Очевидно, что виртуальная культура не может служить мобилизующим фактором в деле модернизации российского общества, его поворота к парадигме «общества знания», иначе это означало бы возвращение к канонам книжной культуры.

Виртуальная массовая культура, продуцируемая СМИ, создает «картину мира», нацеленную не на мобилизацию и критическое освоение идущих с Запада «сообщений» (messages), упакованных в новейшие технологии, а на их нерелексивное потребление. Переход от императива «долженствования» сложившейся культуры к функционированию «смотря по обстоятельствам» ведет к тому, что личность превращается в функцию сложившейся ситуации. Ощущение же внутренней неустойчивости создает импульс кумиротворения, т.е. соотношения себя с наиболее «выпуклыми» виртуальными образами.

Шугуров различает личность и эмпирического индивида, первая осуществляет «прямую идентичность», второй — «косвенно-бриколажную». Тем самым формируется двойное сознание российского человека. Суть происходящих изменений — в «самой невозможности устойчивого, ответственного, самотождественного субъекта в пространстве культуры, “расхолаживание” преобладает над мобилизацией. В ходе социализации под влиянием СМИ субъект становится не “кем-то”, а занимается прямым репродуцированием “себя такового”, присутствующего в складках виртуализированной среды масскульта, а оттого политически не определившегося, социально детерриторизованного и маргинализированного, “желающего” свои желания» (6, с. 110). Иначе говоря, новая экология культурного бытия (т.е. новый проект культуры, создаваемый СМИ) — это культура не как «матрица», т.е. закреплённая в пространстве-времени структура норм-ценностей и когнитивных установок, а как текучее, всем доступное пространство, где господствуют игра, наслаждение и удача. Частая смена постулатов, «маркеров», правил игры становится правилом. Очень быстро российский человек перенимает проект культурного бытия, бросающий вызов традиционной культурной онтологии и присущей ей «инертной» самоидентичности человека. «Исчезновение “частного Я” коррелирует с тотальностью безличной, рассредоточенной, невидимой и все проникающей власти массмедиа... мощь среды массовой коммуникации становится конструктором социальной реальности, задавая ее когнитивные и нормативные определения» (6, с. 110).

Итак, под натиском производства масскульта «книжная культура» теряет свое фундаментальное качество устойчивости, постепенного накопления, тщательного отбора. Если раньше культура шла за мифом, затем – за повседневной практикой, потом – за знанием, результаты которых отбраковывались опять же повседневной рациональной практикой, построенной по критерию общественной пользы, то теперь производство культуры (символов) стало самостоятельным и все убыстряющимся видом производства, который порождает множество индивидуализированных и конкурирующих между собой практик. Эти практики не служат общественной пользе, а удовлетворяют гедонистические потребности.

То есть если раньше культура структурировала, мобилизовывала и направляла индивидуальное поведение, то теперь массовая культура, пренебрегая критерием реальности и пользы, иррационализирует и демобилизует его. Вместо духовной концентрации, трудной внутренней работы (вникания, осмысления, осознания), устремленности вперед, к идеалам, господствует желание получить удовольствие («здесь и сейчас»). Труднодоступное будущее превратилось в легкодоступное настоящее. Не надо идти, преодолевать, концентрироваться (над текстом, декодировать его), надо просто сидеть, смотреть и наслаждаться (забываться, отвлекаться). Суровая действительность никуда не ушла, но от нее можно (временно) отгородиться, отстраниться, уйти в иллюзорный мир. Наступили времена всеобщего добровольного искейпа.

С теоретической точки зрения важнейший признак общего духа современной культуры – непарадигмальность самого человека. Раньше были четкие рамки «Мы – Они», теперь – множество зыбких и перекрывающихся «имиджей». Высшие ценности человеческого бытия уступают место слабым подобию, «теням», фантомам, производимым СМИ. В отличие от книжной эпохи, когда человек сам строил себя, превращаясь из индивида в личность, в обществе масскульта циркулируют готовые «индивидуальные жизненные проекты», и остается лишь выбрать один из них, а потом сменить на другой, третий... Культурная работа перестает быть «расшифровкой» и интериоризацией «текстов» – она становится «потреблением визуальных образов». Как заключает Шугуров, «скомбинированные PR-технологиями образы не нуждаются в осмыслении и адаптированы к эмоциональному порогу “рядового” гражданина. Будучи готовы к потреблению, они инициируют складывание массового, но не гражданского сознания» (6, с. 110). То есть работа по самостоятельному осмыслению ситуации, конфликта и выработке собственной линии поведения замещена на следование образцу, произвольно избираемому из текущего меню СМИ. Тем самым происходит принципиальное «понижение» уровня культурной работы. В этих условиях нужны огромное интеллектуальное напряжение и смелость, чтобы отключиться от этого наркотизирующего потока и снова вернуться к парадигмальному образу мышления, чтобы начать конструировать что-то новое.

4. Роль культурной среды («гумуса»)

Под культурной средой я понимаю совокупность факторов, детерминирующих мотивацию и повседневные практики индивида. Это именно совокупное, интегральное воздействие, которое лишь условно можно разбить на следующие основные элементы, расположенные здесь в порядке от единичного (локального) к общему (транслокальному): 1) ближайшее окружение (семья, друзья детства, единомышленники); 2) типичная среда места жительства (работа, люди, состояние природы и искусственной среды обитания); 3) сети и сообщества, в которые включен данный индивид; 4) воздействие на него информации, транслируемой СМИ; 5) знания, информация и собственный опыт, получаемые в ходе личной коммуникации в различных сферах и институтах общества; 6) общая направленность (вектора) развития среды обитания индивида.

Старая максима гласит: человек, живя в обществе, не может быть свободным от него. Согласен, но в этой максиме не хватает второй части: человек по-разному реагирует на эту несвободу: он может подчиниться ей или, напротив, отстаивать свою точку зрения. И эта реакция во многом зависит от того, как он воспринял и оценил средовые факторы, указанные выше. А это восприятие зависит от доверия («кокона основополагающего доверия») и убеждений, складывающихся под воздействием общения с теми, кому он доверяет. В отличие от точки зрения З. Баумана (1) и многих других западных теоретиков, утверждающих, что человек следует за переменами культурной среды (своего рода индивидуализированная концепция «догоняющего развития»), я полагаю, что ценностные и культурные задатки, обретенные индивидом в детстве и юности в его ближайшем окружении, в течение жизни не изменяются, а все более проявляются, «твердеют», изменяется лишь инструментарий их практического применения.

Но посмотрим подробнее, как они формируются и что именно «твердеет». Основа модернизации — образование, стремление и умение постоянно пополнять свои знания. Но в России, по крайней мере в крупных городах, имущественная стратификация детей начинается еще до начальной школы. Помню элитарных частных учебных заведений, в стране есть школы «продвинутые» (с ранней специализацией), «хорошие» и прочие. За возможность дать ребенку хорошее образование конкуренция кошельков и статусов начинается за 2–3 года до его поступления в первый класс. Когда «дошкольная подготовка» была запрещена, ее заменили «развивающими занятиями». Введенный недавно закон о разделении обучения школьным предметам на платное и бесплатное усугубляет это разобщение общества, порождая между детьми вражду и недоверие. Плюс начинающееся с 8-го класса (и опять же не бесплатное) натаскивание на ЕГЭ. Плюс «добровольное» разделение детей по профессиональному признаку для изучения основ истории мировых религий, притом что православие у

нас является господствующей религией. Плюс все виды поборов с родителей, законные и добровольно-обязательные. Плюс культ силы и жестокости, воспитуемый СМИ и тиражируемый в Интернете самими школьниками.

Поговорите с любым директором школы: первейшая его забота – это обеспечить детям *безопасность*, в школе и по дороге к ней. Не то, какими знаниями дети будут овладевать или насколько интенсивен и полезен им в будущем этот процесс, а *безопасность*. *Труд* как стержень учебного процесса вытесняется все более облегченными формами приобретения знания, вплоть до их «скачивания» и покупки. Но отсюда и школьники и родители делают простой вывод: зачем ребенку рисковать и напрягаться, когда знания можно просто купить. Тем более что СМИ ежедневно демонстрируют взрослым и детям эффективные технологии такой купли-продажи. Только вот вопрос: кто может и кто не может совершить этот акт купли-продажи?

Все это ориентирует ребенка и подростка на карьеру любой ценой, но не на творчество, не на приобретение знаний, не на размышления о своем будущем и будущем страны. Итак, с самого детства ребенка приучают быть озабоченным только собственной безопасностью, благополучием и карьерой. Богатые соревнуются в марках престижных зарубежных колледжей и университетов для своих детей, а бедные подвергаются все большей самоэксплуатации, чтобы их ребенок учился по крайней мере в «хорошей» школе. Так или иначе, ребенка ведут по жизни «на помочах» при помощи толстого кошелька, «позвоночного» права или унижительных просьб родителей «не исключать». Так школа становится школой обучения будущей жестокой конкурентной жизни по принципу play-off. Принцип «эксклюзива» закладывается уже именно здесь, в детстве. И если в советское время у бедных подростков еще были шансы пробиться наверх при поддержке партии или общественных организаций, то сегодня учащиеся «прочих» школ, а их сегодня в стране большинство, суть потенциальные человеческие «отходы навсегда» (Бауман), непригодные для модернизации.

Но посмотрим на эту ситуацию шире. Долгое время связь человека с местом (ландшафтом) была *трудовой* (для крестьянства) или *рекреационно-эстетической* (для землевладельцев и аристократии). Теперь первая связь практически исчезла, так как деревня обезлюдела, а вторая, рекреационная, осталась для трудовой интеллигенции и нового среднего класса. Но главная связь человека с землей (ландшафтом) теперь меркантильная: *земля стала товаром*, причем очень быстро дорожающим для самых разных нужд – рекреации и уединения богатых, прокладки транснациональных трубопроводов, разработки новых месторождений полезных ископаемых.

В конечном счете ситуация поляризовалась: появились оазисы рекреации (дачные поселки и некоторые новые производства) в пустыне дикающей природы, на которую, впрочем, есть виды у бизнеса как на перспективный ресурс (например, при ожидаемом дефиците пресной воды в

условиях трансграничного загрязнения рек и водоемов и др.), подлежащий освоению вахтовиками-кочевниками. Последних можно считать агентами модернизации, но в очень узком – ресурсном – секторе экономики. Вкупе с ремонтниками и охраняемыми службами трубопроводного каркаса страны они суть препятствие нового этапа модернизации – ментально и практически.

Теперь – о влиянии интернет-среды на формирование личности. Эта среда безгранична, легко доступна, из нее можно извлекать что и когда угодно, «высокое» и «низкое», необходимое и мусор и т.д. Сбрасывать в нее можно тоже почти все что угодно: правдивую и ложную информацию, шантажировать, причем, как правило, не неся *никакой ответственности*.

В такой среде индивид может выбирать свою идентичность подобно любому товару, конструируя ее из произвольно набранных элементов, но также легко он может и отказаться от нее, заменив другой. Тема *оборотня*, бывшая когда-то главной сюжетной линией мифов, сказаний и литературы, т.е. конструируемой человеком «второй» реальности, вдруг стала реальностью первой, настоящей, осязаемой. Для самого человека и его окружения в этом явлении самое неприятное, что это всегда будет коллаж, личность без ядра, без «центра тяжести». Учитывая это, идеологи СМИ создают и распространяют готовые «пакеты» идентичностей в угоду господствующей идеологии (сегодня это идеология потребительства). Усовершенствованный механизм пропагандистской обработки возвращается. Поэтому совсем не случайно опрошенные нами лидеры экологического, краеведческого и других общественных движений отмечали существенную, если не ключевую, роль в их личностном формировании семьи, ее ближайшего окружения, а также образовательной среды. Они подчеркивали также значимость знания социальной истории своей дисциплины, т.е. не только критического освоения того, что сделали их предшественники, но и в каком социальном и культурном контексте вырабатывалось это знание и как оно распространялось в интеллектуальной и обычной среде. На основании изучения общедоступных справочников о жизни Москвы, Санкт-Петербурга и Киева могу утверждать, что плотность жизни гражданского общества, измеренная числом общественных организаций, клубов, ассоциаций, особенно на рубеже XIX–XX вв., была на порядок выше, чем сегодня.

Еще об одном средовом факторе. Отечественные адепты самых разных версий технократической модернизации решительно не хотят видеть ее обратную сторону, т.е. ее последствия, а именно – *обратное воздействие* на человека и общество той самой техногенной среды, которая была создана столь тяжкими усилиями советского народа. В терминах фрейм-анализа, как заметил наш финский социолог Карьялайнен, Россия рассматривается ее элитой в качестве источника ресурсов, но не как пространство для жизни населения (13). Я уже многократно писал о двух принципиальных и неустраняемых последствиях форсированной модерни-

зации СССР: о выделении огромных масс *энергии распада* (беженцев из районов локальных войн и этнополитических конфликтов, вынужденных переселенцев, бомжей, беспризорных детей, криминальных элементов всех разновидностей) и о *превышении несущей способности среды обитания*, когда она из поглотителя рисков (радиоактивных и прочих отходов, гниющих искусственных морей и т.п.) превращается в их источник, который поражает все живое, только медленно и незаметно, а потом «неожиданно» взрывается. Причем принципиально важно, что локальные катастрофы и конфликты создают глобальные риски и проблемы, а те в свою очередь порождают международную напряженность и конфликты, опять же препятствующие модернизации страны. Российские социологи не хотят видеть тяжких социальных последствий прошлой инженерно-технической деятельности. Они вообще не желают прикасаться к этой сложной и скрытой от посторонних глаз сфере деятельности государственных институтов.

Еще один социокультурный фактор, порожденный ВПК-модернизацией прошлого этапа. Технобюрократическая цивилизация тем отличается от остальных, что ее нельзя бросить без ухода, без присмотра. Риски и опасности, создаваемые ею, превратились в неустранимый компонент любой человеческой деятельности, как созидательной, так и разрушительной. Россия стала обществом всеобщего риска (7).

Риски, явные и скрытые, отложенные или трансформировавшиеся, – очень серьезное ограничение любых модернизационных усилий, так как:

1) все больше ресурсов требуется для устранения последствий форсированной модернизации;

2) люди болеют, рано умирают, молодежь стремится покинуть рискованные зоны, что снижает совокупный социальный капитал населения страны;

3) более 20 лет существуют торговля живым товаром и рабство, эти худшие проявления алчности криминального бизнеса, и нет никаких признаков их сокращения, потому что это именно бизнес, хотя и бесчеловечный;

4) но может быть, самое главное – это нагнетание атмосферы страха и неопределенности, непредсказуемости, потому что никто не может предвидеть, когда случится «очередная Саяно-Шушенская ГЭС».

Люди по мере сил перемещаются не туда, где предполагается создание «силиконовых долин» (им никто и не объясняет, как они будут создаваться и кто там будет востребован), а туда, где, как им кажется, теплее и безопаснее, т.е. на юг страны, который уже и так перенаселен. Но миграция туда – иллюзорная безопасность и уж никакая не модернизация, потому что там, как и везде, дамбы стары и неухожены, каналы стары и не чисты, жилье ветхое. В советские времена инженеры учитывали «усталость металла», гигиенисты – «усталость людей», но сегодня власть не хочет публично признать кричащую проблему крайней «усталости»

всей гигантской технической инфраструктуры страны и ее персонала, уже более 20 лет работающего на износ. Это еще одно подтверждение технической зашоренности нашей бюрократии.

5. Фрагментация жизни и роль социальных движений

Одним из проявлений сверхрационализации и избыточной кодификации повседневной жизни людей является ее избыточная сложность, что затрудняет их ориентацию в складывающихся ситуациях и потому делает невозможным адекватную и своевременную реакцию на угрозы разрушения окружающей природной и рукотворной среды. Сознание граждан фрагментируется.

Отсюда – установка на преодоление такой фрагментации, как задача социальных движений. Стратегию преодоления теории движения видят в выходе за пределы существующих институциональных структур. Они говорят, что господство «инструментального комплекса» может быть преодолено только действием, проистекающим извне системы. Поскольку эта метapolитика имеет скорее культурные, нежели экономические или политические основания, они фокусируют внимание на воссоздании гражданского общества и публичной сферы. К. Оффен утверждает, что «политика новых социальных движений... стремится политизировать институты гражданского общества на путях, которые не ограничены каналами представительно-бюрократических институтов, и таким образом воссоздать гражданское общество, которое более не будет зависимо от регулирования, контроля и вмешательства». Главный инструмент – реполитизация публичной сферы (15, с. 118).

Культурная составляющая экологической критики индустриализма состоит не просто в повторении тезиса о необходимости человеческой самодетерминации, но в призыве к переоценке оснований и условий, необходимых для возврата к такой автономии. Основа этой культурной политики – борьба против экологических рисков, общих для самых разных угнетенных групп населения. Инструмент ее развития – соединение усилий экологического и феминистского движений, а также движения за развитие «Третьего мира» с профсоюзным движением, движением за гражданские права, антивоенными и антиатомными движениями, религиозными организациями и группами. Основой и мотором такого движения обновления стало движение за экологическую справедливость – радикальное популистское движение, возникшее в США как протест против токсического загрязнения страны. Это движение выступает за права рабочих и малооплачиваемых слоев населения, в основном цветного, живущего поблизости от источников токсического загрязнения. На деле это социальный протест против расового и классового неравенства в отношении их здоровья и среды обитания (5, с. 119).

6. Какая социология нужна для модернизации

Исторический факт: в западной социологии дискуссия о переходе к следующей фазе модернити (она именовалась по-разному: «легкая», текущая, поздняя, рефлексивная) происходила в конце 1980-х годов и в основном завершилась к середине 1990-х (9; 10). В этой дискуссии два момента являлись ключевыми: социальные последствия технологических изменений и необходимые институциональные реформы; особое внимание было уделено глубокому критическому осмыслению возможных последствий периода перехода. Причем если мы, сплошь и рядом, просто бросали плоды «тяжелой» модернити, то там развернулась дискуссия – как их максимально утилизировать, приспособить под нужды социальной и культурной жизни, а главное, как вовлечь в этот процесс население умирающих индустриальных центров (12).

Что же касается институциональных реформ, то здесь основополагающим был момент перехода от управления к регулированию на основе диалога и консенсуса. Регулирование предполагает множество точек низкой активности, соединенных информационно-коммуникационными сетями и действующих на принципах диалога и консенсуса. Фактически переход к «легкой» модернити означает переход к сетевому обществу. М. Кастельс утверждает: «Фундаментальной чертой социальной организации общества является ее опора на сети как ключевой элемент ее социальной морфологии. Сети с появлением ИТ получили новый импульс, что позволяет обществу одновременно справляться с избыточной и лабильной децентрализацией и концентрацией принятия решений в немногих “фокальных” точках» (11, с. 5). В сетевом обществе, заключает он, изменения идут двумя путями. Первый – это отрицание логики существующих сетей и формирование того, что Кастельс именует «культурными коммунами» (cultural communes), причем не обязательно фундаменталистского характера. Второй – это создание альтернативных сетей вокруг альтернативных проектов, которые, соединяясь друг с другом, создают оппозицию культурным кодам сетей, доминирующих сегодня (там же, с. 22–23). Соглашаясь с этим утверждением в принципе, я считаю, что Кастельс неправомерно сводит сети к «морфологии» общества. Собственно говоря, последний его пассаж опровергает эту «морфологическую» концепцию, показывая, что люди посредством сетей могут создавать общности отличного от диктуемого «сверху» типа.

Диалектике перехода «морфологии» в «аксиологию» посвящено немало работ западных и российских исследователей. Более того, во все периоды перехода от одной фазы модернити к другой западная социология уделяла и продолжает уделять особое внимание новым социальным движениям (10; 14; 16), потому что они были движущей силой этих переходов, которая противопоставила меркантилизму нематериальные ценности. Нельзя сказать, что западные социологи в этом преуспели, – рынок продолжает разрушать любые формы человеческих сообществ, ориентиро-

ванных на духовные ценности, взаимопомощь и поддержку. Но без гражданских инициатив и общественных движений перемены невозможны вообще.

Если мы стремимся построить «общество, основанное на знаниях», то последнее не должно быть обществом, где знания будут таким же инструментом господства и эксплуатации, каким сегодня является финансовый капитал. «Сначала надо построить общество, в котором акты личного самовыражения будут цениться выше, чем изготовление вещей или манипуляция людьми» (3, с. 116). Российская социология все более подчиняется государственно-корпоративной машине нашего общества, выполняя в лучшем случае информационную, но все чаще – охранительную функцию, тогда как западная нацелена главным образом на анализ и критику. Другое различие: мы в основном ориентированы на изучение и применение концепций модернизации, годных для развитых стран, тогда как в центре интереса большинства западных социологов и политологов сегодня находятся процессы модернизации и демодернизации стран «третьего» и «четвертого» миров. Как говорил Иллич, «модернизированная бедность – это сочетание бессилия перед обстоятельствами с утратой личностного потенциала» (3, с. 27).

Наконец, еще одно важное различие. Одно дело – бесконечные «срезы» и «коллективные фотографии», называемые у нас опросами общественного мнения. И совсем другое – каждодневная, длительная и упорная работа социолога с лидерами и активистами любого социального движения, прежде всего – с целью понять их, вникнуть в строй их мыслей, а затем помочь им грамотно выразить свои требования, овладеть навыками общественной жизни, стать публичными фигурами, научиться просчитывать возможности и ресурсы – свои и противостоящих сил. В конечном счете логика «заказа» (государству или бизнесу нужно то-то и то-то выяснить для своих, меркантильных или политических, целей) противостоит логике «понимания» (кто мы, чего мы хотим и чего реально можно добиться). В первом случае это «*представительская социология*», потому что право думать за народ берут на себя социологи. Во втором – «*социология совместного анализа и действия*», потому что вопросы ставятся, структурируются и разрешаются социологами совместно с населением и / или представляющими его территориальными группами или виртуальными сообществами. Огрубляя, можно сказать, что в первом случае это «государственническая социология», во втором – социология гражданского общества.

Идея социологии как «зеркала общества» ущербна, потому что люди в массовых опросах обезличены, сведены в искусственные группы (в которых они никогда реально не участвуют как акторы), а связь между этим знанием-зеркалом и действием многократно опосредована – институционально и политически. Известно, что данные массовых опросов не только

интерпретируются разными учеными по-разному, но и проходят массу политических фильтров «наверху».

Безработица, обострение этнонациональных проблем, наркомания, самоубийства, эмиграция самых продвинутых и протесты самых незащищенных – все это симптомы растущей социальной напряженности. Но для их устранения недостаточно очередного массового опроса по схеме, навязанной социологами. Российское общество столь разнообразно по столь большому количеству параметров, что в идеале в каждом микрорайоне действительно должен быть свой социолог. И самое удивительное, что они есть. Даже в отдаленных поселках. Это – «гражданские эксперты», местные жители, прошедшие соответствующую подготовку, или участники гражданских инициатив, или же – независимые эксперты, не гнушающиеся «идти в народ» с тем, чтобы объяснять, помогать и учиться самим.

7. Социально-гуманитарная модель модернизации необходима

Это не простая задача – поставить в центр социологического интереса человека мыслящего, творческого, а не играющего и поющего, но разве это не наша задача? Утопия, скажете вы? Не думаю. Посмотрите на резкий рост в последние месяцы массового недовольства самых разных групп самыми разными проблемами. Их «общий знаменатель» легко вычисляется: экономическая и внеэкономическая эксплуатация, насилие, обман, несправедливый суд, жестокость правоохранительной системы, безответственность чиновников, коррупция и т.д.

Идеология свободной конкуренции и жизни в кредит здесь не подходит. Европейский союз едва не развалился, когда финансовый пузырь, который, казалось, можно надувать вечно, вдруг лопнул. Европейский союз «в его нынешнем виде держится лишь на страхе грядущей катастрофы» (5, с. 6). Если мы не хотим, чтобы Россия превратилась в третьестепенную страну, растаскиваемую по кускам международными монополиями, то структурирование общества должно следовать человеческим интересам и связям, а не строиться по степени его привязанности к «трубе». Государство до предела сузило коридор социальных возможностей массового гражданского активизма, теперь необходимо его расширять. Но есть и другая сторона нашей жизни: жестокость, причем все чаще немотивированная – в семье, школе, армии, местах заключения. Значит, гуманитарная составляющая этой модели должна быть направлена на «терапию» этой тяжелой болезни.

Выводы

Гуманизация модернизации – это не «бантик» на голове технократической машины, не облагораживающий ее «тюнинг», а процесс, который должен начинаться раньше техноэкономической модернизации. Ясно, что создать такую среду в одночасье невозможно: российское общество до

сих пор не столько гуманизировалось, сколько двигалось в обратном направлении. Энергосберегающие лампочки, краны и трубы – это хорошо, учет наших расходов необходим, но главное – создание институциональной и жизненной среды для того, чтобы все это состоялось. Анклавная технбюрократическая модернизация силами авторитарной власти возможна, всеобщая, ориентированная на развитие человека, на «креатив», – нет. Первые шаги власть имущих показывают, что им милее и привычнее первый вариант: он относительно дешев, осязаем, его легко презентировать и пропагандировать. Но без ориентации на развитие человека это будет очередной имитационный вариант модернизации. Как уже не раз случалось в нашей истории, заимствованные на Западе новейшие образцы (техники, организации, логистики, моды) наша российская институциональная и человеческая среда постепенно адаптировала до своего уровня и интереса. Телогрейки, наброшенные шахтерами на контрольно-измерительные инструменты, гарантирующие относительную безопасность тех, кто работает под землей (я имею в виду катастрофу на шахте Распадская), – яркий тому пример. И это будет продолжаться бесконечно и во всевозрастающих масштабах, пока не перейдет в социальный взрыв.

В конце 1990-х годов мною была предложена гипотеза, названная парадоксом «*риск-симметрии*» модернизации. «Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только ее продвижение вперед, к последующей (высокой) фазе, но и отход назад, то есть демодернизация, и даже просто задержка, “стояние” на этом пути чреваты интенсификацией производства рисков. Демодернизация в той же мере рисковенна, как и недостаточно отрефлексируемый переход к ее следующей фазе. Это фундаментальная закономерность развития *техногенной цивилизации*: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, “профилактике”, поддержании в рабочем состоянии. Это утверждение в равной мере справедливо по отношению к земледелию, индустрии, городскому хозяйству, инфраструктурам жизнеобеспечения, военно-техническим системам и всему остальному» (8, с. 17; 7). Вполне естественно, что в потребительски ориентированном обществе, значительную часть которого составляет (в широком смысле) сервис-класс, модернизация-для-человека «ушла» в сферу потребления. Всеобщее развитие потребительского кредитования еще более привязало человека к месту работы, он стал еще более послушен политически и закабален экономическими грабительскими условиями кредитов. Сфера его экзистенциальной свободы суживается, ему уже не до рефлексии, не до «глубокого сомнения» (У. Бек). Представляется, что мы возвращаемся ко времени «служилых людей», подчиненных воле государства, а не личностей, служащих мотором модернизации.

Что касается российской социологии как таковой, то, на мой взгляд, перед ней стоит несколько первоочередных задач, если она хочет стать одним из субъектов процесса модернизации.

Во-первых, российская социология должна разработать общую теоретическую платформу, иметь консолидированную позицию, не исключаящую, естественно, ее перманентной критики и переосмысления. На мой взгляд, это должна быть прежде всего *социально-гуманитарная* концепция модернизации России, что предполагает участие гражданских организаций в разработке такой модели.

Во-вторых, мы должны постараться сделать эту проблему публичной – без прорыва в СМИ это невозможно. Мы много дискутировали о том, как сделать социологию публичной, но без необходимой конкретики. Социология должна быть подготовленной к такому «прорыву», она должна стать гораздо более глобально-ориентированной, т.е. уметь видеть проблему модернизации «сверху» и «снизу», а главное – с точки зрения общества. Российские социологи уже показали, что массовые опросы для этого недостаточны, нужно проникнуть вглубь региональных и местных проблем и стоящих за ними сил. Социолог должен быть инсайдером начинающегося процесса.

В-третьих, навязываемая нам альтернатива статуса социолога – либо «все – на продажу», либо «пребывание в башне из слоновой кости» – ложная! Соединение научного знания с гражданской позицией – традиция российской науки и социологии, и мы не должны выпадать из этой колеи. Другая, не менее важная традиция – связь с мировой наукой, но опять же не только путем заимствования знаний и технологических новаций, но прежде всего посредством дискуссии и обмена идеями о человеческой сути модернизации. В этой связи я считаю важнейшей задачей социологии борьбу против потребительской идеологии. Не о сокращении потребления идет речь (оно уже сократилось само под воздействием кризиса), а об изменении его приоритетов в пользу выравнивания уровня материального благосостояния, обеспечения здоровой среды обитания и максимума возможной свободы творчества.

Если технократическая модель модернизации укоренится в России, если будут приняты соответствующие программы и под них будут выделены ресурсы, то поворот к ее социально-гуманитарной модели все равно состоится, но уже в форме массовых движений протеста и социальных взрывов.

Литература

1. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. *Российская идентичность в условиях трансформации: Опыт социологического анализа*. – М.: Наука, 2005. – 396 с.
3. Иллич И. *Освобождение от школ*. – М.: Просвещение, 2006. – 160 с.
4. Кравченко С.А., Красиков С.А. *Социология риска: Полипарадигмальный подход*. – М.: Анкил, 2004. – 385 с.
5. От редакции // *Ведомости*. – М., 2010. – 10 мая. – С. 1, 6.

6. Шугуров М.В. Новая идентичность: Человек и власть в пространстве посткижской культуры // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 3. – С. 105–129.
7. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: Контуры теории // Россия: Трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Канон-Пресс «Ц», 2001. – С. 21–44.
8. Яницкий О.Н. Социология и рискология // Россия: Риски и опасности «переходного» общества / Отв. ред. О.Н. Яницкий. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – С. 9–35.
9. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order. – Stanford: Stanford univ. press, 1994. – 225 p.
10. Castells M. The information age: Economy, society and culture. – Oxford: Blackwell, 1999. – 1296 p.
11. Castells M. Materials for an exploratory theory of the network society // British j. of sociology. – Oxford; L.: 2000. – Vol. 51, N 1. – P. 5–24.
12. Cities of Europe: The public's role in shaping the urban environment / Ed. by T. Deelstra, O.Yanitsky. – Moscow: Mezhdunarudnye otnosheniya, 1991. – 391 p.
13. Karjalainen T. Institutional framing of environmental issues // The struggle for Russian environmental policy / Ed. by I. Massa, V.-P. Tynkynen. – Helsinki: Kikimora, 2001. – P. 123–57.
14. Kriesi H.P. The political opportunity structure of new social movements: Its impact on their mobilization // The politics of social protest: Comparative perspectives on states and social movements / Ed. by J.S. Jenkins, B. Klandermans. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1995. – P. 167–198.
15. Offe C. Varieties of transition. – Cambridge: Polity, 1997. – 249 p.
16. Tilly Ch. Social movements, 1768–2004. – L.: Paradigm, 2004. – 194 p.

РЕФЕРАТЫ

З. Бауман

КОММУНИЗМ: POSTMORTEM? ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, ДРУГАЯ ГОДОВЩИНА

Bauman Z.

**Communism: A postmortem? Two decades on,
another anniversary // Thesis Eleven. – L., 2010. –
Vol. 100, N 1. – P. 128–140.**

В юбилейном, сотом выпуске австралийского социологического журнала «Thesis Eleven» Зигмунт Бауман обращается к другому юбилею – 20-летию падения коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы. Бауман характеризует коммунизм как феномен «твердого» модерна (solid modernity), едва не переживший саму эту эпоху. Впрочем, в условиях «текучего» модерна (liquid modernity) коммунизм в любом случае оставался бы антикварным курьезом, не способным ничего предложить новому поколению.

«Твердый» модерн стал ответом на упадок и бессилие феодального общества (ancien regime). Смертным приговором последнему стали отделение экономической деятельности от домашнего хозяйства и разрыв прежних коммунальных и иных социальных связей, препятствовавших эмансипации новых общественных сил. Модерн появился на свет как намерение решительно порвать с наследием прошлого, высвободив в процессе «креативного разрушения» гигантский человеческий потенциал. Но при этом «проект модерна» являл собой единственную приемлемую альтернативу социальному хаосу, готовому воцариться на руинах некогда твердого «старого порядка». Закладка нового, еще более твердого монолита стала спасением от тотальной утраты всех опор и ориентиров. Поначалу не все получалось, и реализация нового проекта то и дело выходила из-под контроля, ставя под сомнение саму возможность достичь упорядоченного, транспарентного и предсказуемого состояния общества. Однако стремление к «определенности», под знаком которой родился модерн, со временем обеспечило ему наиболее блистательные победы. В своей первоначальной, «твердой» фазе модерн представлял собой не что иное, как

долгий марш по направлению к порядку, к царству определенности и контроля (с. 130). Этот марш, важными вехами которого становились научные открытия и технические изобретения, в самом деле, обещал быть долгим, но ни в коем случае не бесконечным.

Скрытой предпосылкой «твердого» модерна была уверенность, что контингентность и непредсказуемость событий и социальных процессов являются аномалией, которая в конечном счете может быть преодолена. Цель изменений состояла в том, чтобы привести мир к состоянию гомеостаза, при котором никакие дальнейшие изменения более не понадобятся. Преобладала вера в то, что число проблем, с которыми сталкивается общество, конечно и что решение даже одной из них ведет к количественному сокращению генеральной совокупности проблем. Но внутри этого общего строя мысли сформировались и вступили друг с другом в решительную борьбу две противоположные концепции достижения идеала социального прогресса – капитализм и социализм. Сторонники обеих концепций взяли на вооружение триединый лозунг модерна «свобода – равенство – братство», но социалисты решительно обвиняли своих оппонентов, в первую очередь убежденных сторонников принципа «laissez-faire», в нежелании что-либо сделать для воплощения декларированного идеала. Регулярные кризисы перепроизводства и социальная несправедливость как результат систематической сверхэксплуатации наемного труда были главными пунктами инвектив социалистов. Альтернатива, предложенная марксистами, состояла в пролетарской революции.

С течением времени, однако, перспектива «пролетарской революции» все более отдалялась. Отчасти это было связано с тем, что государство начало накладывать ограничения на возможности эксплуатации наемного труда со стороны собственников средств производства и вводить регулирование условий труда; немалую роль в этих процессах сыграла и борьба трудящихся в защиту собственных интересов. В результате предсказывавшаяся марксистами «пролетарская пауперизация» так и не материализовалась. Оказалось, что права и интересы трудящихся можно вполне эффективно защищать и в рамках капиталистического общества.

На рубеже XIX–XX вв. социалисты стремились отреагировать на эти изменения различными теоретическими ходами, разрабатывая, в частности, концепты «рабочей аристократии», готовой поступиться интересами своего класса, или общей неспособности рабочих самостоятельно сформулировать последовательную программу классовой борьбы, отмечающую все компромиссы в духе «сред-юнионистского сознания» и ориентированную на достижение конечной цели – социальной революции. В этих условиях произошла консолидация радикального крыла социалистического движения, узурпировавшего и монополизировавшего термин «коммунизм». Появление на исторической сцене коммунизма стало своеобразной реакцией на разочарование в «законах истории», и фрустрацию, вызванную отсутствием прогресса в деле превращения пролетариата в револю-

ционную силу. Усиливающиеся опасения, что время играет «не на стороне социализма», порождали соблазн «ускорить» ход истории, дать ей мощный толчок в революционном направлении. Но сделать это предстояло уже не аморфным «массам трудящихся», а организации «профессиональных революционеров». После своего прихода к власти «профессиональные революционеры» должны использовать всю мощь государственного механизма для социальных преобразований в направлении искомого идеала общественного устройства. Более того, использование государственно-го насилия позволит обеспечить «прорыв в будущее» даже странам с преобладанием крестьянского населения, в основном находящимся на стадии предмодерна и, подобно царской России, представляющим собой окраину «развитого мира».

Для Ленина и его соратников не существовало вопроса о социальной цене «прорыва в будущее». Однако практика коммунистической власти, обещающей привести общество к состоянию упорядоченной гармонии и процветания, свободного от конфликтов, на деле означала непрерывную, не дающую никаких надежд на скорое окончание борьбу с внутренними и внешними врагами. Коммунистический эксперимент стал экстремальным, но, вероятно, решающим и окончательным испытанием амбиций модерна достичь полного контроля над человеческой судьбой и условиями жизни. И если рождение коммунистической версии модерна было неотъемлемой частью восхождения «твердого» модерна, то падение коммунизма неизбежно отразило его закат. Последний вздох коммунистического эксперимента означал вступление модерна в его «текущую» стадию.

Прямая конфронтация и соревнование с капиталистической альтернативой модерна имели смысл лишь до тех пор, пока ставилась задача удовлетворения *конечной* совокупности человеческих потребностей. Но в «текучей» фазе модерна капитализм выбывает из соревнования: отныне речь идет о потенциальной *бесконечности* человеческих потребностей и все усилия фокусируются на обслуживании их бесконечного роста. Ради этого необходима мультипликация возможностей и вариантов выбора вместо безнадежных усилий направить их в единое русло.

И все же равноценно ли падение коммунизма его смерти? Ссылаясь на Ю. Хабермаса, автор отмечает, что «программа коммунизма» далеко не выполнена. Призыв к социальной справедливости и к созданию достойных условий человеческого существования, привлекавший в позапрошлом столетии к коммунистическим идеям миллионы сторонников, и сегодня звучит ничуть не менее актуально для еще большего числа современных обездоленных. В той же Индии, которую можно считать крупнейшей драгоценностью в короне «текучего» модерна, несколько десятков миллиардеров сосуществуют с четвертью миллиарда людей, живущих менее чем на 1 долл. в день. Более 40% индийских детей моложе пяти лет систематически страдают от недоедания. Мало того. Бедность вернулась и в те страны, откуда, казалось, она была навсегда изгнана. В Британии, например, более

14 тыс. детей из малообеспеченных семей получают бесплатные школьные завтраки в качестве единственного средства избежать недоедания. В последние годы правления Тони Блэра еженедельный доход 10% беднейших британских домохозяйств упал до 9 ф. ст., тогда как доход 10% наиболее обеспеченных домохозяйств дополнительно вырос на 45 ф. В целом список социальных болезней так называемых «развитых обществ» остается длинным и даже продолжает расти.

За всеми статистическими данными, графиками и корреляциями, свидетельствующими о новом нарастании социальной несправедливости, стоят, помимо прочего, нарастающая моральная индифферентность, приглушение инстинкта самосохранения и неспособность понять, что и в современном мире достойная жизнь и счастье не являются чем-то само собой разумеющимся. Надежда на то, что каждый способен обеспечить себе достойную жизнь в одиночку, является фатальной ошибкой. Мы ни на йоту не приближимся к этому идеалу, отстраняясь от социальных бед и неудач других людей.

Как-то в конце 1920-х или в начале 1930-х годов Антонио Грамши в одной из записей, сделанных им в туринской тюрьме, отметил: «Кризис состоит именно в том факте, что старое умирает, а новое не может родиться» (1, с. 276). Он назвал это состояние «междущарствием» (*interregnum*). Грамши вкладывал в понятие «междущарствие» свой особый смысл, имея в виду одновременные и глубокие изменения социального, политического и юридического порядка. В каком-то смысле его понимание «междущарствия» близко к ленинской трактовке революционной ситуации, когда верхи более не могут править по-старому, а низы не хотят по-старому жить. Грамши спроецировал внешние контуры «переходного периода» на экстраординарную ситуацию разрушения правовых оснований старого социального порядка, синхронную с начальной фазой конструирования правовых рамок нового порядка.

По мнению Баумана, нынешние планетарные обстоятельства несут на себе печать нового междущарствия. Сегодня умирает виртуальное единство территории, государства и нации, рассматривавшееся в качестве ключевого фактора глобального распределения суверенитета. Это единство подвергается эрозии и теряет монополию на политическое действие. Ни один из центров принятия решений в современном мире не располагает более полнотой суверенитета. Пребывающий в свободном плавании суверенитет очень трудно определить и еще сложнее защитить от посягательств множества квазисуверенных субъектов. На смену союзу власти и политики, укоровившемуся в правительственных резиденциях наций-государств, приходит их сепарация друг от друга. В эпоху нового междущарствия старые структуры политического управления демонстрируют свою неспособность решать проблемы, вызванные усиливающейся глобальной взаимозависимостью.

Но когда же междуцарствие закончится, а его итогом станет утверждение новых универсальных принципов человеческого сосуществования? И можем ли мы назвать агентов, способных эти принципы сформулировать и ввести в действие? Бауман связывает с поиском ответа на эти вопросы «метавызов» XXI в. К нему в конечном счете сводятся все прочие вызовы, риски и кризисы, с которыми человечество уже сталкивается или вскоре столкнется. Подобно самому вызову, ответ на него должен быть глобальным.

Литература

1. *Gramsci A.* Selections from the Prison notebooks / Ed. by Q. Hoare, G. Nowell-Smith. – L.: Lawrence & Wishart, 1971.

Д.В. Ефременко

П. Вагнер

**МНОЖЕСТВЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОДЕРНА:
ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ НУЖДАЕТСЯ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ**

Wagner P.

Multiple trajectories of modernity: Why social theory needs historical sociology // Thesis Eleven. – L., 2010. – Vol. 100, N 1. – P. 53–60.

Петер Вагнер, профессор университета Тренто (Италия), в своей статье «Множественные траектории модерна: Почему социальная теория нуждается в исторической социологии» отмечает, что анализ существующих форм модерна является самым серьезным вызовом социальной и политической теории, а также сравнительно-исторической и политической социологии. По его мнению, концептуальный и эмпирический анализ должен быть направлен на выявление как общего, так и специфического в различных формах модерна. При этом особое внимание исследователей должно быть обращено на выяснение того, почему партикулярные формы модерна трансформировались в специфические социальные установки и институты.

Актуальные дискуссии о модерне сфокусированы главным образом на динамике институциональной структуры. Это вполне оправданно для сравнительной политической экономии, в рамках которой неолиберальному дерегулированию противопоставляются устойчивые национальные режимы экономического регулирования. Такой подход оправдан и для анализа международных отношений, противопоставляющего интернационализацию (посредством гегемонии или международных режимов) региональному институциональному строительству или сохраняющим свою жизнеспособность нациям-государствам. Даже в социологических дискуссиях, хотя и с некоторым смещением акцентов, доминирует установка на рассмотрение взаимосвязанных процессов индивидуализации и глобализации, тогда как конкурирующие представления об интеграции отдельных обществ или о формировании структурированного глобального общества занимают бо-

лее слабые позиции. В то же время в социокультурных исследованиях внимание смещено к концепциям «глокализации» или «гибридизации», благодаря чему становится возможным учесть динамическую перспективу в анализе современного мира.

П. Вагнер подчеркивает, что на фоне общего доминирования исследований институциональной структуры наибольшее внимание привлекает идея множественности модернов, постулирующая плюрализм моделей социально-политической организации. Этот подход, пионером которого является Ш. Эйзенштадт, объясняет устойчивый характер плюрализма социально-политических моделей многообразием «культурных программ». Однако, по мнению автора, данный подход обладает двумя недостатками. Во-первых, сильная идея «культурной программы» предполагает высокую степень стабильности любой конкретной формы модерна. Приверженцы этого подхода предпочитают говорить о традиционных цивилизациях – китайской, японской, индийской и т.д. Однако данный подход довольно трудно без оговорок или ограничений использовать в тех случаях, когда в центре внимания оказываются такие страны, как Бразилия, Австралия, США или даже Россия. Во-вторых, слабость представлений о множественности модернов связана с дихотомией общих и обязательных характеристик модерна, с одной стороны, и многообразия культурных программ – с другой стороны. Подобная дихотомия порождает трудности всякий раз, когда множественность манифестаций модерна требуется эксплицировать в категориях специфических культурных программ.

Указывая на эти проблемы, Вагнер отмечает потребность в инновативном подходе к сравнительному анализу современных обществ. По его убеждению, решающую роль в разработке этого подхода могла бы сыграть категория «самопонимание» (self-understanding). Самопонимание не является неизменным для того или иного общества на протяжении веков; оно указывает на качественные трансформации, происходившие в недавнем прошлом. Речь, таким образом, идет не о фундаментальных культурных программах, а о продолжающемся процессе более или менее коллективного осмысления специфической ситуации конкретного социума в свете значимого опыта прошлого. Кроме того, предлагаемый автором подход ориентирован не на отрыв «культуры» от институционального каркаса модерна, а на демонстрацию того, как процесс реинтерпретации исторического опыта воздействует на институциональные изменения. Иначе говоря, автор стремится продемонстрировать связь между культурно-интерпретативными и социально-политическими трансформациями (с. 55).

Вагнер высказывает уверенность в том, что разработка концепции «социетального самопонимания» позволит дистанцироваться от традиционного взгляда на социальную структуру как основную детерминанту человеческого действия и в то же время избежать редукции всех социальных феноменов к совокупности рациональных действий индивидов. Эта концепция сфокусирована на межличностной коммуникации по поводу базо-

вых правил и ресурсов, которыми пользуются члены соответствующего общества. Соответственно, основной задачей интерпретативно-институциональной сравнительной социологии должен быть анализ самопонимания, позволяющий осуществлять сравнение различных обществ. Для социального самопонимания характерно стремление обсуждать проблемы или события, значимые для конкретного общества, например идейные предпосылки и обстоятельства возникновения Соединенных Штатов или коллективный опыт, связанный с итальянским движением Сопротивления против фашизма и гитлеровской оккупации. Исследователям, анализирующим социальное самопонимание, особенно важно выявить его наиболее устойчивые компоненты, или базовую эпистемическую, политическую и экономическую проблематику. Набор вопросов, позволяющих выявить эту проблематику, должен быть открыт для интерпретации, а среди возможных ответов не должно быть таких, которые претендуют на статус единственно верных.

Диапазон возможных ответов должен способствовать общей реконструкции базовой проблематики самопонимания на основе ретроспективного анализа эпистемологических, политических и экономических идей, находивших отклик в соответствующем обществе. Эпистемическая проблематика отражает специфику знаний людей о самих себе, об общественной жизни и о природе. Проекция этой проблематики на социально-политическую сферу позволит в дальнейшем выявить ее значимость для данной сферы и – в более широком смысле – для сплочения общества и его адаптации к модерну.

Центральным для идентификации политической проблематики является соотношение коллективных интересов и индивидуальной автономии. Автономия как базовая категория модерна оставляет значительное пространство для интерпретаций индивидуальной автономии (свобода от принуждения или от господства) и коллективной автономии (демократия). Политическая проблематика, кроме того, охватывает различные модальности участия в процессе принятия политических решений (вопрос гражданства) и варианты агрегирования коллективных интересов (вопрос представительства).

Экономическая проблематика сфокусирована на вариантах наилучшего удовлетворения материальных потребностей общества. Наряду с собственно экономическими категориями, например категорией производственной эффективности, здесь обнаруживается связь с социальными ценностями и нормами, их возможной иерархией.

Рассмотрение эпистемической, политической и социальной проблематики выявляет широкую вариативность и многочисленные возможности различных интерпретаций, а также важнейшую роль конкретных проявлений индивидуальной и коллективной автономии. Исходя из этого, автор считает возможным и необходимым рассматривать фундаментальные социальные трансформации и траектории модерна в исторической перспек-

тиве. Такого рода реконструкция социетального самопонимания во многих случаях может быть соотнесена с анализом институциональных изменений, например конституирования отношений между государством и церковью. Исторический анализ зачастую предоставляет возможность отследить подобные трансформации вплоть до конкретных «событий», когда акторы действуют в соответствии с опытом, основанном на реинтерпретации базовой эпистемической, политической и экономической проблематики. Эти действия социальных акторов могут рассматриваться как мобилизация культурных ресурсов, как яркое проявление коллективной креативности. Вместе с тем нельзя говорить о культурной детерминированности этих действий; нет также никаких гарантий, что соответствующие действия и реакции проявятся в последующих социальных трансформациях.

Д.В. Ефременко

В. Кнёбль

**ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ТРАЕКТОРИИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО
РАЗВИТИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ**
Knöbl W.

**Path dependency and civilizational analysis:
Methodological challenges and theoretical tasks //**
European j. of social theory. – L., 2010. – Vol. 13, N 1. – P. 83–97.

Немецкий исследователь Вольфганг Кнёбль (Геттингенский университет, ФРГ) в своей статье обращается к методологическим вызовам и задачам, связанным с развитием цивилизационного подхода Ш. Эйзенштадта. Он подчеркивает, что рост популярности этого подхода в 1980-е годы стал реакцией на проблемы, с которыми столкнулась доминировавшая в то время макросоциологическая парадигма, представленная в первую очередь теорией модернизации и мир-системным анализом И. Валлерстайна. Дополнительным, весьма серьезным вызовом для прежних макросоциологических подходов стал рост значения религии, который противоречил постулату о модерне как эпохе секуляризации. И хотя дискуссии о роли религии продолжают и по сей день, возобладали точка зрения, согласно которой концепция секуляризации наилучшим образом описывает динамику европейских обществ, но не может служить эффективным инструментом анализа за пределами европейского культурного ареала. Успех цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадта и его последователей во многом был обусловлен тем, что он создавал концептуальную основу для переоценки роли религиозного фактора.

Однако развитие этого нового подхода, который бросил вызов ряду прежних социологических концепций и постулатов, все же нельзя считать беспрецедентным в истории социологии. Как подчеркивает автор, еще в начале XX в. Марсель Мосс предложил общие контуры программы цивилизационных исследований. При этом обнаружили не только преимущества такой исследовательской программы, но и ее серьезные недостатки. Именно Мосс начал первым говорить о цивилизациях в плюралистиче-

ском контексте, подчеркнуто придерживаясь ценностно-нейтральной позиции. Развивая идеи Э. Дюркгейма, Мосс определял цивилизацию как комбинацию феноменов, которая достаточно велика, многообразна и значительна в количественном и качественном отношениях. Каждая цивилизация представляет собой семейство обществ, существование которого связано с некоторыми фактами – как современными, так и историческими, лингвистическими, археологическими и антропологическими (3, с. 21–29).

В трактовке Мосса, цивилизации определяются на основе лингвистических и культурно-религиозных особенностей, тогда как политические факторы и границы не могут в данном случае иметь определяющее значение. Тем самым Мосс формирует теоретическую базу для эмпирического анализа различных аспектов роста, распространения и взаимопроникновения цивилизаций.

Теоретически и методологически значимо замечание Мосса о том, что каждая цивилизация имеет центр и периферию (3, с. 23). Вместе с тем использование Моссом термина «семейство обществ» указывает на определенные ограничения процесса дифференциации. Значение этого процесса Мосс не ставит под сомнение, но подчеркивает, что он имеет место в рамках цивилизаций как более широких общностей. Кроме того, процесс дифференциации также происходит и между различными цивилизациями. Межцивилизационные границы не заданы априорно, а конкретные контуры цивилизаций могут быть установлены на основе эмпирического анализа.

Показывая роль религии и ритуалов в обеспечении долговечности цивилизаций, Мосс, как, впрочем, и Дюркгейм, не раскрывает всех механизмов их воспроизводства. Эти классики французской социологии умалчивают и о том, каким образом устойчивые цивилизационные паттерны могут изменяться на протяжении истории. Таким образом, констатирует Вольфганг Кнёбль, эти важные теоретические проблемы оставались нерешенными вплоть до того момента, когда Ш. Эйзенштадт предпринял усилия по дальнейшей разработке ясперсовской концепции осевого времени.

Согласно Эйзенштадту, изменение направленности и интенсивности исторических процессов было связано с тем, что в эпоху осевого времени (800–200 гг. до н.э.) произошло «переселение» богов из посястороннего в трансцендентный мир. Благодаря этой метаморфозе на историческую арену вышли новые акторы, претендовавшие на истолкование сокровенной воли богов и готовые бросить вызов власти имущим, если те не принимали их трактовку божественного предначертания. Однако интеллектуальные усилия, призванные уменьшить разрыв между трансцендентным и посясторонним мирами, не были одинаковыми в разных частях ойкумены. В дальнейшем эти различия еще более усиливались, находя свое выражение в политических и экономических структурах. Кнёбль видит основную заслугу Эйзенштадта в том, что ему удалось сформулировать теоретическую макропарадигму, которая в полной мере отражает роль феномена

религии и опирается на критику, которой подвергаются теории секуляризации.

Вместе с тем центральный аргумент концепции Эйзенштадта, фокусирующий внимание на взаимосвязи между контингентными факторами и траекториями предшествующего развития, сближает ее с другими теоретическими подходами. По крайней мере, этот аргумент следует рассматривать в более широком контексте дискуссий о зависимости от траекторий предшествующего развития (path dependency). Такого рода зависимости, первоначально выявленные специалистами по экономической истории и истории технологического развития¹, обнаруживаются и при анализе феноменов, изучаемых представителями других социальных наук. Во всяком случае «изобретение» трансцендентного мира в эпоху осевого времени с полным основанием может рассматриваться как отправная точка для нескольких разнонаправленных цивилизационных траекторий.

Автор статьи отмечает, что о полном успехе цивилизационного подхода можно будет говорить лишь в том случае, когда в его рамках удастся раскрыть механизмы устойчивости институциональных комплексов различных цивилизаций, которые в ряде случаев воспроизводятся на протяжении многих веков. Эту задачу в свое время не удалось решить Дюркгейму и Моссу; Эйзенштадт и его последователи пока также не нашли решения. И если события эпохи осевого времени имели определяющее значение для становления нескольких цивилизаций, то остается все же неясным, каковы те механизмы, которые обеспечили и обеспечивают до сих пор воспроизводство и адаптацию этих цивилизаций к новым условиям. Однако именно идентификация такого рода механизмов может стать решающим аргументом в поддержку тезиса о множественности модернов. Раскрытие этих механизмов также позволит понять, насколько значимы контингентные факторы для цивилизационных траекторий.

Вольфганг Кнёбль видит два основных пути раскрытия механизмов устойчивости цивилизаций. Один из них проходит через проблемное поле культурной социологии. Второй предполагает более тесную увязку политико-социологической и религиозной проблематики.

Автор допускает, что аргументы Эйзенштадта могут быть дополнены концепцией «культурной памяти». По крайней мере, эта новация из арсенала культурной социологии не вступает в противоречие с теоретическими построениями Эйзенштадта. В частности, ведущий теоретик «культурной памяти» Я. Ассман показывает, что механизмы культурной памяти претерпели существенные изменения с появлением письменности (2, с. 114). Если в дописменных обществах общинные ритуалы служили ос-

¹ Классическим случаем зависимости от технологических траекторий может служить знаменитый QWERTY-эффект, демонстрирующий преemptивность расположения символов англоязычной клавиатуры, начиная с антикварных пишущих машинок и заканчивая современными компьютерами.

новым механизмом воспроизводства традиций и обычаев, то распространение письменной документации открыло принципиально новые возможности для сохранения знаний и традиций. Вместе с тем распространение письменности не дает автоматических гарантий закрепления традиций. Ассман обращает внимание на то, что сохранение информации при помощи письменных записей также может содействовать постепенному изменению ее первоначальных смыслов. Хотя почти все цивилизации осевого времени стремились зафиксировать каноническую форму их священных текстов, с течением времени соблазн для многих интеллектуалов эти тексты реинтерпретировать становился все более сильным. Следует также учитывать, что культурная память аморфна, что она одновременно может содержать в себе и древние истины, и подрывающие эти истины элементы ереси. В связи с этим автор статьи приходит к выводу, что использование концепции культурной памяти для преодоления трудностей, с которыми сталкивается цивилизационный подход, не даст ожидаемых результатов.

Стратегия интеграции подходов социологии религии и политической социологии представляется Вольфгангу Кнёблю более перспективной. Если исходить из того, что в условиях предмодерна религиозные и политические процессы были самым тесным образом взаимосвязаны, а ситуации свободного соревнования различных (религиозных) взглядов на мир никогда не существовало, то уместно высказать предположение о значительно более сильном воздействии некоторых политических факторов на процессы цивилизационной репродукции. При этом автор считает возможным выйти за рамки культурно-религиозной аргументации Эйзенштадта. Он, в частности, напоминает, что некоторые сторонники институционалистского подхода объясняют особую устойчивость культурных паттернов в некоторых обществах действием механизмов социального контроля (4, с. 726–743). Данный фактор имеет решающее значение в тех обществах, где нормы и ценности в достаточной мере не институционализированы, и, следовательно, нет надежных гарантий передачи этих норм и ценностей от поколения к поколению. В таких обществах властный ресурс восполняет слабость институтов, и именно он побуждает индивидуальных и коллективных акторов ориентироваться на соответствующие ценности. Следовательно, цивилизационный анализ должен также охватывать механизмы власти и контроля, способные обеспечить воспроизводство цивилизационных паттернов, интергенерационную преемственность в отношении норм и ценностей.

Из числа сторонников цивилизационного подхода наибольшее внимание политическим факторам уделяет Й. Арнасон, указывающий, в частности, на связь цивилизаций с имперскими проектами, т.е. со специфическими формами политической власти. В этом плане работы Арнасона открывают новую перспективу, позволяя избежать упрощенного представления о «культурных программах» как о чем-то изначально заданном и подверженном минимальным изменениям. Напротив, Арнасон стремится

ся привлечь внимание к «далеко не проясненным взаимосвязям между цивилизациями, имперскими формациями (всегда отождествляемыми с определенными культурными и идеологическими образами единства) и религиозным универсализмом» (1, с. 303). Такая исследовательская стратегия позволяет решить по крайней мере две проблемы, с которыми сталкивается цивилизационный подход. Во-первых, она раскрывает роль политических элит в стабилизации цивилизационных структур не только в отдаленном прошлом, но и в настоящем, когда усилиями этих элит в разных частях мира удается выдвигать культурные проекты, противостоящие западному модерну. Во-вторых, стратегия Арнасона позволяет не только рассматривать цивилизации в синхронном сопоставлении, но и отслеживать динамические процессы внутри отдельной цивилизации. Внимание к факторам политической власти в имперских образованиях позволяет, в частности, понять, почему одни проявления цивилизационной специфики сохраняются почти неизменными на протяжении веков, а другие подвергаются существенным трансформациям на протяжении сравнительно небольшого периода времени, почему одни культурные паттерны получают распространение на огромных пространствах, а другие остаются локализованными на небольших территориях.

По мнению автора, обращение к арсеналу политической социологии вовсе не означает, что следует отказаться от тех или иных компонентов социологии религии, имеющих принципиальное значение для Эйзенштадта. Кнёбль убежден, что для более полного раскрытия коммунальных аспектов религиозного подъема и – в конечном счете – для понимания феномена устойчивости и многообразия цивилизаций необходимо сложение потенциалов политической социологии и социологии религии.

Литература

1. *Arnason J. Civilizations in dispute: Historical questions and theoretical traditions.* – Leiden: Brill, 2003. – 380 p.
2. *Assmann J. Religion und kulturelles Gedächtnis: Zehn Studien.* – München: Beck, 2000. – 256 p.
3. *Mauss M. Civilizational forms // Rethinking civilizational analysis / Ed. by S. Arjomand, E. Tiryakyan.* – L.: Sage, 2004. – P. 21–29.
4. *Zucker L. The role of institutionalization in cultural persistence // American sociological rev.* – Wash., 1977. – Vol. 42, N 5. – P. 726–743.

Д.В. Ефременко

МОДЕРН И МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ. **(Сводный реферат)**

1. Domingues J.M., Boatcă M. Latin America: Modernity, globality, critique: Introduction // Theory, culture & society. – L., 2009. – Vol. 26, N 7–8. – P. 156–158.

2. Domingues J.M. Modernity and modernizing moves: Latin America in comparative perspective // Ibid. – P. 208–227.

Во второй половине XX в. социальные ученые из стран Латинской Америки внесли значительный вклад в концептуальное осмысление глобальных и периферийных модернизационных процессов. В центре их интересов находились цивилизационные особенности развития стран Латинской Америки в контексте глобальных изменений. Так, в 1970-е годы здесь получили широкое распространение ставшие вскоре известными всему миру идеи теории зависимости (*dependence theory*) и теологии освобождения, и то же самое можно сказать о философии освобождения 1980–1990-х годов.

Латинская Америка играет особую роль среди стран периферии, поскольку, с одной стороны, ее ученые предлагают содержательные теоретические ответы на универсализирующие дискурсы так называемых «основных» стран модерна, а с другой стороны, в силу происходящих там радикальных социально-политических изменений и событий, подобных Всемирному социальному форуму (*World social forum*), символизирующему коренной «сдвиг влево» и нарастание постнеолиберальной тенденции.

Однако латиноамериканские социологи никогда не экстраполировали свои теоретические выводы на мир в целом, в отличие от европейских и американских ученых. Отношение латиноамериканских интеллектуалов к реалиям глобальной власти стали ключевыми вопросами международной конференции «Критическое мышление и (дис)локация Латинской Америки» (Рио-де-Жанейро, 2007). Идея конференции состояла в том, чтобы стимулировать внутрирегиональный диалог относительно роли периферии в глобальной системе. Х.М. Домингес (Лондонская школа экономики и

политической науки) и М. Боатка (Католический университет Айхштетт-Ингольштадт, Германия) в своей статье подводят итоги этой конференции.

Многие участники конференции, критически оценивая существующие теории развития, предлагали оригинальные интерпретации латиноамериканской модернизации, а также концептуальный аппарат для анализа локальных и глобальных трансформаций. Так, У. Миньоло утверждает, что «Латинская Америка» (впрочем, это обозначение он считает некорректным) находится на периферии модерна, оставаясь в подчиненном положении, под игом «колониальности», – явления, с его точки зрения, более широкого, чем колониализм. Чтобы развязать узел запутанных отношений модерна и «колониальности», необходима теоретическая – эпистемологическая, этическая и политическая – деконструкция их взаимозависимости и как итог – выработка стратегии преобразований. Миньоло, однако, убежден, что полное освобождение от исторических деформаций общественного устройства в рамках модерна невозможно. Исследователь, по сути, бросает вызов негласному запрету для интеллектуалов «третьего мира» рассуждать о мире в целом или теоретизировать без прямых ссылок на опыт их собственных регионов. Он предлагает выйти за геополитические ограничения существующих интеллектуальных перспектив, изменив не только терминологию, но и сами подходы к проблематике (с. 157).

Другой социальный ученый, Ж. Ферес, рассматривает иконографические материалы, используемые в популярных и научных текстах, особенно в североамериканских учебниках по страноведению Латинской Америки, в которых отражены глубинные установки изучения общества этого субконтинента, и показывает асимметричность образов США и Латинской Америки. Как правило, эти изображения за счет комбинации культурных и расовых особенностей демонстрируют достоинства США, с одной стороны, и неприглядные стороны жизни в Латинской Америке – с другой. При этом упор делается на образы, связанные с колониальным прошлым субконтинента или с социальным и культурным наследием индейцев. Ферес отмечает тормозящее воздействие данных стереотипов на попытки переосмысления исторического опыта региона и перспектив его развития (с. 157).

Во второй статье «Модерн и модернизирующие движения: Латинская Америка в сравнительной перспективе» Х.М. Домингес, опираясь на ряд современных концепций становления общественного уклада рассматриваемого региона, предлагает собственную социологическую трактовку основных региональных характеристик модерна. Он стремится совместить цивилизационный анализ с подходом исторической социологии, чтобы показать множественность форм модерна в отдельных регионах.

В латиноамериканской социальной науке до начала 1980-х годов существовало два основных подхода к вопросу о месте стран Латинской Америки в процессе глобальной модернизации, пришедшей сюда с Запада. Часть исследователей выдвигали особую версию теории модернизации,

противопоставляющую традиционную ментальность и институты этого субконтинента современной глобальной культуре и глобальным институтам. С этой точки зрения решающая роль в трансформации традиционных форм общественной жизни отводилась ориентированным на инновации модернизационным элитам.

Активно обсуждалась также теория зависимости в ее различных вариантах, сторонники которой подчеркивали влияние основных капиталистических стран на масштаб социальных изменений в Латинской Америке и выдвигали экономические и политические альтернативы существующему положению вещей. На этой явно односторонней основе рассматривались все внутренние процессы и явления общественной жизни.

В 1980-е годы приобрели влияние постмодернистские теории фрагментации и случайности, на почве которых сформировался культурно-ориентированный подход к решению проблем модернизации, подчеркивающий гибридный – с элементами как традиции, так и модерна – характер общественного состояния латиноамериканских государств. Это подтвердилось и кризисом национальных проектов гомогенизации в ряде из них.

Ш. Эйзенштадт, выдвинувший программу множественности модернов, рассматривает модернизационные процессы в обеих Америках как создание новых цивилизаций, противопоставляя их идеализированные характеристики в эссенциалистском духе. При этом он оценивает Латинскую Америку как континент, неспособный к прогрессу и рациональности, свободе и равенству (с. 210).

Идею множественности модернов в латиноамериканском регионе поддерживает Л. Уайтхед, который характеризует этот субконтинент как фрагментарный. По его мнению, модернизация здесь происходила на фоне постоянного конфликтного взаимодействия внешних модернизационных проектов и внутренних инициатив, преобразовательных усилий элит и сопротивления им. Тем самым он опровергает основной постулат теории зависимости о приоритете внешнего влияния основных капиталистических стран (с. 210).

Сам Домингес стремится к созданию основанной на системном подходе общей теории модерна как глобальной цивилизации. При этом основополагающими для ученого являются представления о комплексности и многоаспектности такой цивилизации. Подобная теория не должна откалываться от нормативного дискурса, возвращаться к теологизму или пренебрегать возможностями герменевтической методологии. Она предназначена для объяснения всей многосторонности социальной жизни, включая экономику, а не одну лишь культуру.

В своей статье Домингес намечает контуры и выделяет ключевые понятия данной теории. Он, в частности, предлагает ввести в научное употребление понятие «коллективные субъективности» (collective subjectivities), т.е. коллективных акторов, способных к реализации модернизационных инициатив (с. 211). Домингес сближает понятие «коллективная

субъективность» с понятиями социальной системы и «сетей власти»; причем последние он толкует расширительно, подразумевая не только идеологическую, экономическую, военную, политическую власть, но и отношения родства (с. 219).

Таким образом, Домингес переходит на уровень наиболее общего концептуального рассмотрения латиноамериканского региона как целостной единицы анализа, безотносительно к ее внутренней гетерогенности. Специфику Латинской Америки он видит в том, что она представляет собой регион, исторически связанный с Западом. Расцвет цивилизации модерна со свойственными ей институтами и духовными матрицами произошел в Северной Европе и Северной Америке, в то время как Южная и Центральная Европа, так же как и Латинская Америка, оказались в положении отстающих. С конца XVIII в. Запад начал мощную экспансию, в результате которой мир перешел к новой интегрированной, динамичной и противоречивой социальной формации, имеющей множество измерений, распространившейся по всему миру в различных формах и соединившейся с другими цивилизационными основаниями.

Вторая половина XVIII в. – стадия оформления устойчивых черт модерна, таких как институциональный капитализм, бюрократическое рациональное государство, нуклеарная семья, классовая борьба, индивидуализм, логоцентризм, интеллектуализм, продвижение идей равенства и свободы (с. 212). Европейская матрица впоследствии была воспроизведена в других странах, в которых периодизация и набор конкретных черт имели свои локальные особенности. Во всех этих странах имели место как внешние, так и внутренние модернизационные инициативы, которые Домингес называет «модернизирующими движениями» (*modernizing moves*). Эти движения совершались индивидами и «коллективными субъективностями», среди которых профессиональные группы, классы, расы, гендер, государство, международные организации, семья и группы друзей (с. 213).

К концу XX в. все традиционные формы общественного устройства доколумбовой эпохи и колониального периода были адаптированы модернизирующими движениями и превратились в их фундаментальные элементы. Глобальная экспансия модерна проникла во все жизненные пласты латиноамериканских обществ.

Помимо ряда экскурсов в историю цивилизаций доколумбовой Латинской Америки, Домингес в своей статье проводит и ряд исторических аналогий между другими цивилизациями Востока и Запада. В своем анализе он показывает множество взаимовлияний между ними. Так, например, раннефеодальную Европу вполне можно рассматривать как периферию влияния исламской средиземноморской цивилизации. Возможно, современный Запад в будущем также уступит свои лидирующие позиции Востоку (с. 216). В целом теория Домингеса о глобальном разворачивании модерна как цивилизации основана, прежде всего, на изучении процессов взаимовлияния и взаимодействия цивилизаций. Поэтому для Латинской

Америки сравнение с другими регионами периферии и полупериферии (Индией, Китаем и т.д.) более предпочтительно, чем безальтернативное равнение на Запад как на образец и мерило всех ценностей. Интеллектуалы из этих регионов также должны расширять свое научное сотрудничество друг с другом напрямую, не прибегая больше к посредничеству глобальных форм знания, исследовательских структур и концепций, построенных на постулатах и приоритетах вестернизации.

Сравнивая особенности развития различных цивилизаций, Домингес не отказывается ни от идеи самобытного регионального развития в противоположность конструированию цивилизации как абстрактного понятия, ни от попыток создать социологически обоснованное понятие цивилизации, отражающее многообразие форм модерна и гетерогенность социального времени. В рамках предложенного им подхода происходит взаимопересечение того, что можно назвать «История-1» (глобальная экспансия модерна) и «История-2», т.е. живого опыта других цивилизаций, становящихся объектами этой экспансии.

В конечном итоге Домингес выделяет две основные исследовательские стратегии в отношении модерна. Одна из них заключается в том, чтобы реконструировать историческое развитие различных цивилизаций, анализируя их внутреннюю структуру, динамику и взаимопересечения. Другая стратегия исходит из рассмотрения исторических путей цивилизаций с точки зрения настоящего. В рамках последнего подхода исследователь стремится выявить исторические корни модерна; тем не менее самому Домингесу ближе первая стратегия.

Таким образом, предлагаемая Домингесом теоретическая перспектива дает возможность, по его мнению, проводить сравнения одновременно и на исторически-индивидуализирующем, и на концептуально-универсализирующем уровнях, а не просто фиксировать изменчивость цивилизационных форм. Такой подход позволяет дать глубокий и детальный анализ каждой страны или региона в рамках представлений о модерне как о глобальной цивилизации и в то же время избежать националистического либо регионалистского уклона.

М.Е. Соколова

Чж. Хон

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ «КИТАЙСКОГО ПУТИ»
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Hong Zh.

**The world implications of the «Chinese road»
in the context of globalization // Social sciences in China. –
Beijing, 2010. – Vol. 31, N 2. – P. 5–20.**

Чжоу Хон, директор Института европейских исследований Китайской академии общественных наук, начинает свою статью с напоминания о недавнем юбилее – 60-летию образования КНР. В китайской традиции число 60 символизирует полный цикл, раскрытие потенциала и зрелость, начало нового этапа. В первые 30 лет существования КНР экономический рост составлял примерно 6% в год, а индустриализация шла очень тяжело. В последующие 30 лет экономический рост стал измеряться двузначными числами. И хотя современный Китай по-прежнему сталкивается с проблемами неравномерного развития, нехватки ресурсов и низкого уровня ВВП на душу населения, его успехи сложно игнорировать. К Китаю привлечено внимание как развитых, так и развивающихся государств. Многие пытаются раскрыть секрет «китайской модели развития», или «пекинского консенсуса», или даже «китайской угрозы». Однако некоторые по-прежнему уверены, что как только КНР достигнет определенного уровня экономического развития, политическая модернизация западного типа станет неизбежной. Данные представления, однако, были раскритикованы Дэн Сяопином на XX съезде КПК: Китай строит «социализм с китайской спецификой» и «следует своим собственным путем».

Многие регионы и страны используют термин «модель», чтобы показать уникальность их пути развития. Нередко говорят о «восточноазиатской модели», «латиноамериканской модели», «модели ЕС», «немецкой модели», «шведской модели» и т.п. Термин «модель» применяется, с одной стороны, чтобы выразить уникальность: модель ЕС отличается от американской, которая, в свою очередь, будет отличной от восточноазиат-

ской. С другой стороны, «модель» всегда стандартна – это некий пример или образец, который можно популяризовать или повторить в других странах или регионах.

Дэниел Лардж, специалист по китайско-африканским связям, полагает, что китайский путь развития уникален, и его успехи привлекают внимание, особенно в странах «третьего мира», для которых «китайский путь» может стать альтернативой другим решениям (1). Стивен Маркс считает, что основой «китайской» модели служит то, что она выпадает из «вашингтонского консенсуса»: в отличие от Запада, в Китае отсутствуют демократия и гарантии прав человека (2). Модель развития КНР привлекательна еще и потому, что сам Китай по-прежнему является развивающимся государством.

Экспорт модернизации западного образца, политика «вашингтонского консенсуса» могут привести к печальным последствиям: приватизация, шоковая терапия, финансовая и торговая либерализация – все это ведет к доминированию акторов рынка над правительствами. Тот, кто контролирует рынок, экономику, тот и обладает реальной властью. Экономике развивающихся стран не могут конкурировать с экономиками стран Запада, попадая тем самым как в экономическую, так и в политическую зависимость от последних. «Экспорт» демократической модели и прав человека в другие страны оказывается прикрытием политики, направленной на сохранение американской гегемонии.

«Китайская модель», обсуждаемая в статье, принимается как совокупность именно китайского опыта, не предназначенного для экспорта за границу. Чжоу Хон подчеркивает, что этот опыт был получен не за одну ночь, а стал итогом длительного и тяжелого развития на протяжении 60 лет.

Многие европейцы исходят из того, что уникальность развития каждой страны заключается в ее истории и традициях. Вместе с тем многие из них также убеждены, что европейская цивилизация не только отличается наибольшим динамизмом, но и является первопроходцем единственно верного пути модернизации. Некоторые до сих пор отдают дань представлениям прошлого о варварстве и отсталости народов Азии и Африки, которые якобы пассивно ожидают прихода передовой культуры посредством колонизации и внедрения западной модели образования. Даже в официальных документах Европейского союза то и дело встречаются фразы «ЕС должен помочь Китаю провести реформы», тогда как в китайских документах подчеркиваются «равенство и взаимная выгода». Однако сторонники распространения европейской модели забывают о двух ее важных особенностях. Во-первых, «европейская модель» появилась не только благодаря научным открытиям, рациональности, свободе и демократии, но и в результате кровопролитных войн и колониального угнетения. Во-вторых, «европейская модель» была изначально основана на неразвитости других стран и регионов мира. Если развивающийся мир скопирует эту модель, то тогда какие страны и регионы станут его жертвами?

Сначала китайцы не понимали этих противоречий и активно учились у Запада. Однако вскоре стало приходить осознание, что простое заимствование западного опыта ведет в тупик. Учителя, развитые страны, поработали Китай, их ученика, но почему? Ответ на этот вопрос дал еще Карл Маркс: западная буржуазия меняет мир так, чтобы он лучше подходил для ее нужд. В системе развитых государств Китай не имел никакого независимого статуса и был лишен возможности развиваться до подobaющего уровня.

Именно печальный исторический опыт взаимодействия Китая и чужеземных агрессоров стал основой для принципа отрицания агрессии как аморального акта, в основе которого лежит отрицание равенства. Китай выбрал путь социалистического развития в ответ на угрозу порабощения капиталом в его стремлении к постоянной экспансии. Отличительной чертой китайской модели с самого начала был разрыв с мировой империалистической системой и выбор независимого пути развития. Не случайно сегодня этому примеру следует большое количество развивающихся государств.

Автор критически оценивает характерные особенности современного мирового порядка, основой которого является так называемый вашингтонский консенсус. Всемирный банк и другие институты вашингтонского консенсуса активно способствуют дерегулированию, создавая режим благоприятствования для национальных и особенно транснациональных корпоративных акторов. Капитал приобретает все больше власти в мире, ему более не нужно завоевывать территории – достаточно контролировать рынки, общественное мнение и обладать влиянием на государства. Именно интересы капитала стоят за глобализацией и постоянными изменениями в обществе, в международной политике, экономике и даже культуре.

В рамках глобального, мирового рынка взаимодействуют государства, транснациональные корпорации, неправительственные организации. Они как сотрудничают, так и соперничают. Несмотря на то что эпоха государства уходит, пока нельзя сказать, что капитал поглотил все страны, особенно те, что сам помог создавать. Какие-то государства находятся под контролем капитала, какие-то государства сливаются с капиталом, а из каких-то стран капитал уходит. В Соединенных Штатах капитал поглотил государство. США обречены продвигать вашингтонский консенсус, чтобы облегчить своему капиталу доступ на мировой рынок.

На другом конце света, в Южной Америке и Африке, те страны, которые следовали западному пути развития, не достигли ожидаемого уровня экономического роста. В условиях глобализации расширились возможности доступа капитала на рынки этих стран, однако это не привело к росту благосостояния последних. Начиная с 1990-х годов многие развивающиеся страны пытаются следовать программам развития, разработанным институтами вашингтонского консенсуса. Эти программы включают в себя демократические выборы и структурные перемены в экономике,

которые должны проводиться под неусыпным контролем стран Запада. Автор замечает, что государства, следующие по этому пути, так много времени и усилий тратят на выборы, что у них уже не остается времени на экономическое развитие. Тем самым закрепляется их отставание как в экономической, так и в социальной сфере.

В связи с этим растет популярность альтернативных моделей. Например, Эфиопия, столкнувшаяся со значительными сложностями, идя по западному пути развития, стала все больше ориентироваться на китайскую модель. Разумеется, народы разных стран мира не могут иметь совпадающие оценки и интерпретации китайского пути. Джошуа Рамо, автор термина «пекинский консенсус», видит ключевые особенности китайского пути в следующем: твердое осознание необходимости и стремление к модернизации и инновациям, сочетание долговременных целей и прагматичной тактики, опора на национальный суверенитет и стабильный экономический рост, социально ориентированная экономика и асимметричные силовые ресурсы – например значительные накопления государственных долговых обязательств иностранных государств (3). Для многих аналитиков китайский путь синонимичен прагматичным рыночно-ориентированным реформам под активным руководством КПК и государства, вкупе с внутренними реформами и большей открытостью.

Современный китайский социализм отличается как от дореформенного социализма с его плановой экономикой, так и от социалистического развития западного типа. С одной стороны, КНР обладает гибкой административной, децентрализованной системой управления и рыночно-ориентированной экономикой, с другой – государство способствует развитию управления, экономической и социальной жизни населения. Китай активно внедряет инновации, капитал и технологии, но в то же время опирается на местный опыт, традиции и навыки, чтобы эффективнее использовать имеющиеся ресурсы. КНР органично объединила рынок и социализм через кооперативную и смешанную формы собственности вместо полномасштабной приватизации. Рыночная экономика не является помехой для государственного вмешательства и регуляции экономической и социальной жизни. Китай, утверждает автор статьи, никогда не примет многопартийную систему западных стран, а вместо этого будет придерживаться социалистического демократического централизма. Искусство баланса в политической и социальной жизни стало основой для экономического роста и успехов КНР.

Мировой экономический кризис сильно повлиял на современный миропорядок. Соединенные Штаты вынуждены смягчить свой имидж гегемона и больше внимания уделять двусторонней и многосторонней дипломатии. Однако рычаги влияния на саму сущность этой мировой системы по-прежнему находятся в руках США, которые стремятся любыми способами сохранить свои позиции. В этих условиях экономические и социальные успехи Китая становятся важным политическим фактором.

Достижения Китая, в том числе, основаны на недопущении иностранного вмешательства и на смелости учиться у других стран мира. КНР не стесняется перенимать передовые формы управления у западных держав, однако официальные власти не допускают давления на страну под вывеской «прав человека», «свободы» и «демократии». Китай отказывается вслепую копировать западные институты, ссылаясь на неудачный опыт некоторых стран.

Успех Китая служит важным аргументом в пользу многообразия цивилизаций и возможности успешной модернизации не по западному образцу. Признание равенства и разнообразия является основой гармоничного мира. Между тем современный мир неспокоен и разбалансирован в силу действия таких факторов, как передвижение капитала, смена акторов международных отношений, «экспорт» демократии и т.п. Перестройка проблемных государств возможна только изнутри – пример Южной Америки, где США годами пытались создать демократии западного образца, в этом смысле очень показателен. В такой неспокойной обстановке китайский путь отмечен соединением независимости, прагматизма, сотрудничества, ценного опыта мирного развития. По сравнению с западным путем китайская модель развития более стабильна и гармонична. Китайцы смогли изобрести свой собственный путь, но они также уверены, что каждый народ в состоянии выбрать собственную модель модернизации, и не собираются навязывать свои решения кому бы то ни было.

Литература

1. *Large D.* Beyond «dragon in the bush»: The study of China–African relations // *African affairs*. – Oxford, 2008. – Vol. 107, N 426. – P. 45–61.
2. *Marks S.* Introduction // *African perspective on China in Africa* / Ed. by F. Manji, S. Marks. – Cape Town: Fahamu, 2007. – P. 1–14.
3. *Ramo J.C.* The Beijing consensus. – L.: Foreign policy center, 2004. – 74 p.

А.А. Ратников

III. НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А.Б. Гофман

СОЦИАЛЬНОЕ – СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ – КУЛЬТУРНОЕ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ОБЩЕСТВО» И «КУЛЬТУРА»

Известно, что этимологически понятия «культура» и «общество» восходят к античности. Прообразами «общества» в античности выступали такие понятия, как «коинония» (κοινωνία) и «полис» (πόλις) в Древней Греции и «societas» и «civitas» в Древнем Риме. Древнегреческое слово «коинония» означало общение, объединение людей, связанных тесными, в том числе родственными узами. Древнегреческий «полис» представлял собой гражданскую общину или совокупность общин, объединенных территориальными, хозяйственными, политическими и религиозными связями. Хотя современные исследования в данной области демонстрируют, что полис сам по себе не был ни городом, ни государством в том смысле, какими они стали впоследствии, это не значит, что он не мог быть «городом-государством», как принято часто его обозначать, т.е. объединять в себе черты обоих, служить прототипом этих сущностей, которые впоследствии разделились.

Латинское «societas», аналог греческого «коинония», означало «общество», «компания», «товарищество» как некое конкретное образование, состоящее из людей, объединившихся для осуществления определенной цели или для определенного занятия и вносящих для этого определенный вклад, имущественный или какой-нибудь иной (без вклада человек не мог считаться полноправным членом общества, и отношение к нему, если его в принципе туда допускали, было отношением не «социальным», а благотворительным). В качестве общества рассматривалась компания, дружеская или основанная на имущественно-договорных отношениях (торговая, ремесленная и т.п.); член ее назывался «socius», «компаньон». Обществом также считалась семья (*familia*), хозяйственно-юридическая единица, включавшая в себя не только собственно супругов, родителей и детей, но всех домочадцев, в том числе рабов, домашних животных и наследуемое

домашнее имущество. Во многом это понятие было близко современным понятиям «компания», «хозяйственное товарищество», «общество с ограниченной ответственностью», «акционерное общество» (главным образом, «закрытого типа») и т.п.

Латинским аналогом «полиса» явилось «civitas», «град» – гражданское объединение, сообщество, гражданская община или совокупность общин, выступавших как единое целое, связанное разнообразными экономическими, политическими и прочими узами, которые легли в основу таких объединений, как город и государство. Особенность данного типа образований состояла в том, что они наделялись свойствами морального и юридического лица, или субъекта, или, точнее, моральной и юридической личности, *персоны*. С этим понятием было связано понятие «civilitas» – *гражданство; обходительность, учтивость, вежливость* – и вместе с ним – «civis» (*гражданин*) и «civilis» (*гражданский; государственный; достойный гражданина; учтивый, приветливый*). В дальнейшем эти слова в европейских языках трансформировались в различные слова, обозначающие государственные и гражданские образования и принадлежности, в частности, во французском и английском такие слова, как «cité», «citoyen», «city», «citizen», с одной стороны, и «civil», «civique», «civilité», «civilisation», «civility», «civilization» – с другой. Значения первой группы слов касались главным образом гражданской принадлежности, подданства и идентификации с определенным территориальным, городским, политическим или государственным образованием, значения второй – гражданского достоинства, мужества, гражданских прав и свобод и, наконец, цивилизации и цивилизованности.

Что касается понятия культуры, то, как известно, оно восходит к латинскому «cultura», означавшему первоначально «возделывание», «уход» применительно к земледелию, сельскому хозяйству, воспитанию и образованию, а также поклонение и почитание. Впоследствии в Европе это понятие прилагалось к самым различным объектам, подвергавшимся обработке, уходу, возделыванию, развитию, совершенствованию и т.д., включая, конечно, человека, его душу, ум, чувства, тело, среду.

Если «общество» и «цивилизация» в античности были, как мы видим, более или менее близки друг другу благодаря понятиям «civitas» и «civilitas», одновременно сочетавших в себе в определенной степени свойства «общественности» и «цивилизованности», то этого же нельзя сказать о соотношении понятий общества и культуры, которые существовали практически как более или менее автономные.

Хотя представления об обществе и соответствующие вербальные его воплощения существовали с незапамятных времен, они главным образом были непосредственно вплетены в социальную практику, а в социальной мысли носили преимущественно смутный, неразвернутый, неотрефлексированный характер, зачастую будучи редуцированными либо к индивидуам, либо к государству, либо к другим сущностям. Подлинное открытие

общества состоялось в XIX в., когда оно стало интерпретироваться как сущность надындивидуальная или внеиндивидуальная, автономная по отношению к государству и одновременно лежащая в его основе.

Востребованными и в высшей степени распространенными оказались и производные от слова «общества» слова и выражения, включающие, в частности, прилагательное «социальный», которое в начале XIX в. было близким по значению слову «католический», т.е. «вселенский», «всеобщий». «Социальная» точка зрения противопоставлялась эгоизму – индивидуальному, групповому и национальному. Особое значение в связи с этим приобрели «социальное движение» (в дальнейшем отчасти слившееся с социалистическим) и «социальный вопрос». В первой половине XIX в. «социальное движение» означало совсем не то, что впоследствии и сегодня; это было Социальное Движение с большой буквы – одновременно религиозное, политическое, мистическое, экономическое и научное. Оно охватывало разные страны и разные течения мысли. Родоначальник этого движения – К.-А. Сен-Симон и его школа, «парижские пророки», исходили из идеи о том, что «вопрос о социальной организации» является важнейшим. Отсюда и «социальный вопрос», т.е. проблема социального равенства и справедливого устройства общества. Именно из стремления решить его родилась, в частности, социология (подробнее см.: 1). Термин «общество» приобретает фундаментальный мировоззренческий статус. Тогда в европейском мире, включая, разумеется, Россию, «общество», в том числе спонтанно, «естественно» сформировавшиеся группы (классы и т.п.), превратилось из простого «произведения искусства» (Гоббс) в фундаментальную мировоззренческую парадигму, в основополагающую реальность, от которой, как полагали социальные мыслители, реформаторы и революционеры, зависят процветание человечества и счастье отдельных людей.

Если «открытие» и «парадигматизация» общества произошли в XIX в., то аналогичные процессы в отношении культуры в определенном смысле пришлось на XX столетие. Опять-таки, так же как и в случае с «обществом», понятие это в той или иной форме существовало, разумеется, в европейском мире испокон веков, но оно не рассматривалось как основополагающий объясняющий принцип и носило, так сказать, латентный характер.

До XIX в. считалось, что одни общества обладают культурой, или тогдашним ее синонимом – цивилизацией (во франкоязычной традиции чаще использовался термин «цивилизация», в немецкой традиции – слово «культура»), а другие общества лишены культуры. В Германии, где слово «культура» в современном значении утвердилось ранее других стран, в конце XVIII в., данный подход проявился, в частности, в делении народов на «Naturvölker» и «Kulturvölker», во Франции – в делении на «peuples

civilisés» и «peuples non-civilisés»¹. Некоторые сторонники эволюционистских взглядов также полагали, что одни общества уже достигли соответствующей культурной (или цивилизованной) стадии развития, а другие – еще нет. Это нашло выражение в восходящей к Адаму Фергюсону периодизации истории, в которой выделялись такие эпохи, как дикость, варварство и цивилизация. Впоследствии эта схема воспроизводилась с различными нюансами у Льюиса Моргана и у многих других.

Понятие «культура», как и «общество», оказалось включенным в сферу научного знания в XIX в. Но тогда оно не приобрело еще того же громадного значения. Место культуры в это время оказывается подчиненным по отношению к обществу, более узким, в значительной мере растворенным в обществе, а кроме того – относящимся в большой мере к его идеалу, цели или какой-то отдельной его сфере. Правда, иногда в это время понятия «цивилизация» и «культура» рассматривались как синонимы глобальных обществ или группы обществ, например понятие «цивилизация» в философии истории Артюра де Гобино (его теория эквивалентных цивилизаций предшествовала теориям Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби). Но это было, скорее, исключение. Чаще всего культура, как и цивилизация, рассматривалась как некое свойство, или качество («культурность», «цивилизованность»), присущее определенным носителям или субъектам, будь то «общество», «народ» или личность.

В дальнейшем сферы применения понятий «общество» и «культура» то сжимались, то расширялись, завоевывая у конкурента различные элементы, проникая друг в друга, переплетаясь или сливаясь друг с другом в разных комбинациях. При этом изменялись соотносительная роль и значимость категорий «общество» и «культура», и этот процесс продолжался впоследствии и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. *В целом можно констатировать преобладание тенденции экспансии и захвата понятия общества понятием культуры. Последнее сначала добавилось к первому, а затем постепенно стало вытеснять его.*

В XIX в., да и зачастую в XX, культура определялась преимущественно через общество. Например, Эдвард Тайлор начинает свой знаменитый труд «Первобытная культура» (1871) с часто цитируемого определения, согласно которому культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слова складывается в целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и т.д., «усвоенных человеком как членом общества» (8, с. 18; курсив мой. – А.Г.).

¹ Последнее деление даже в научной классификации приобрело довольно устойчивый характер и сохранялось во Франции до относительно недавнего времени. Так, Марсель Мосс в 1901 г. возглавил в Высшей школе практических исследований кафедру, носившую название «Истории религий нецивилизованных народов». И это несмотря на то, что сам он решительно утверждал: «На самом деле не существует нецивилизованных народов. Существуют лишь народы различных цивилизаций» (13, с. 229–230). Отсюда парадоксальное и ставшее распространенным выражение «цивилизация нецивилизованных».

Во Французской социологической школе, в трудах Дюркгейма и Мосса, понятие «культура», как, впрочем, и «цивилизация», рассматривается как подчиненное «обществу», включенное в него и (или) растворенное в нем. С точки зрения Мосса, культура – не что иное, как социальная система или же существующее в ней представление о самой себе. Цивилизацию он трактует как результат контактов между обществами, как своего рода «общество обществ». «...Нечто вроде гиперсоциальной системы социальных систем – вот что можно назвать цивилизацией» (12, с. 463), – утверждал он. С такой позицией во Французской социологической школе был связан ее первоначальный социологический экспансионизм, тенденция к включению в социологию самых разных социальных и гуманитарных наук. Эта тенденция в школе проявилась в отождествлении или, если угодно, неразличении таких дисциплин, как социология, этнология, этнография и социальная антропология. Последнюю, в частности, Мосс рассматривал как сравнительную социологию различных обществ, что сегодня выглядит вполне актуальным и убедительным.

Ряд видных антропологов и этнологов и во времена Дюркгейма и Мосса, и впоследствии, вслед за Эдвардом Тайлором продолжали определять, обосновывать, объяснять культуру через понятие общества; в их трудах именно общество, социальный, групповой характер считались отличительными признаками культуры и культурных явлений. В определенной мере они редуцировали понятие культуры к понятию общества даже тогда, когда активно внедряли его и обосновывали его. Такого рода взгляды мы встречаем, в частности, у таких выдающихся исследователей, как Франц Боас, Роберт Лоуи, Альфред Рэдклифф-Браун, Мелвилл Херсковитц и др.

Любопытна близость интерпретации культуры Робертом Лоуи к трактовке социальных фактов и, шире, общества Дюркгеймом. Лоуи первоначально обосновывал особое место культуры как реальности *sui generis* и необходимость объяснения культурного культурным точно так же, как ранее Дюркгейм это делал применительно к социальным фактам, обществу и к требованию объяснять социальное социальным¹. Вместе с тем он подчеркивал социальную природу культуры, ссылаясь на приведенное выше определение Тайлора, интерпретируя культуру как «целостность социальной традиции» и объясняя культурные различия различиями групповыми (см.: 11, с. 3).

Первоначально социологический взгляд на культуру растворял ее в обществе; культуру воспринимали как одну из сфер или один из институтов общества. В связи с этим возникла и сохраняется до сих пор специфическая отрасль научного знания – социология культуры, где культура часто отождествлялась, а порой отождествляется и до сих пор с искусством или досугом.

¹ См. об этом в статье Лесли Уайта (9, с. 32 и дал.).

Постепенно, однако, положение начинает меняться. Подобное узкое понимание культуры становится все более редким, и, можно сказать, сфера его применения сужается. Если ранее, как мы видели, культуру определяли через понятие общества, то к середине XX в. сложилась обратная ситуация, и она сохраняется по сей день: культура, наоборот, стала рассматриваться как отличительный признак человеческого общества. Понятие культуры с 1930-х годов все чаще конкурирует с понятием общества и становится сначала соразмерным ему по значению, а затем и более важным и употребляемым. Все чаще культура рассматривается как рядоположенное с обществом, а прилагательное «культурное» идет рука об руку с прилагательным «социальное». Все большее распространение получает термин «социокультурное».

В высшей степени характерным в данном отношении оказалось творчество Питирима Сорокина, не только выразившего отмеченные концептуальные процессы, но и существенно повлиявшего на них. В его ранних трудах, в том числе и таких фундаментальных, как «Система социологии» (1920–1921), термин «культура», в отличие от «общества» и «социального», встречается довольно редко (6). Но уже с 1930-х годов в его трудах, прежде всего в 4-томной «Социальной и культурной динамике» (1937–1941), термин «общество» постоянно находится рядом с термином «культура», а прилагательные «социальное» и «культурное» постоянно соседствуют друг с другом и сливаются в едином термине «социокультурное»¹. С этого времени мы встречаем их у Сорокина в самых разных выражениях и сочетаниях, в том числе таких, как «родовой социокультурный феномен» («generic sociocultural phenomenon»), «социокультурная вселенная», «социокультурные системы», «социокультурные процессы», «социокультурное пространство», «социокультурное время», «социокультурная причинность», «социокультурные ценности» и т.д. (см.: 15, с. 6, 39 и т.д.).

Любопытно и, разумеется, не случайно, что свою известную книгу «Социальная мобильность», изданную в США в 1927 г., Сорокин переиздал 30 с лишним лет спустя уже под другим, измененным, заголовком «Социальная и культурная мобильность», добавив в нее 5-ю главу из 4-го тома «Социальной и культурной динамики». И дело не только в заголовке, но и в содержании. В издании 1927 г. он использует применительно к таким явлениям, как мобильность, стратификация, организация, процессы и т.д., термин «социальное». А в добавленной к более позднему изданию главе из «Социальной и культурной динамики» он пишет уже о «социальных и культурных», «социокультурных» явлениях и т.п. (14). Те же понятийные сдвиги проявились и в названии другого известного труда Сорокина, посвященного изложению его системы общей социологии, –

¹ См., в частности, сокращенную и дополненную автором версию данного труда (1957), с. 7.

«Общество, культура и личность»¹. Очевидно, что понятия культуры и культурного, наряду с понятием личности, в творчестве зрелого Сорокина занимают место, равновеликое тому, которое на его ранних этапах занимали понятия общества и социального.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в трудах Толкотта Парсонса, различавшего, как известно, следующие первичные подсистемы человеческого действия, носящие автономный и взаимосвязанный характер: организм, система личности, социальная система и система культуры (см., в частности: 4, с. 3 и дал.).

В данном случае мы отвлекаемся от содержательных аспектов теорий Сорокина и Парсонса, их общих черт и различий. Из предыдущего следует, что оба они приписывают культуре значение, равнозначное понятиям «общество», «социальная система», «социальное».

Таким образом, к середине XX в. во влиятельных общих теориях понятие культуры автономизируется по отношению к понятию общества, конкурирует с ним и соединяется с ним в различных сочетаниях. Наблюдается переход от предшествующей эпохи господства парадигмы «общества» и «социального» к комбинированной парадигме «общества-культуры» и «социокультурного».

Постепенно, вслед за этим, на рубеже XX–XXI вв. отмеченная тенденция усиливается. Культура стала обретать тот статус, который ранее занимало общество, а именно статус парадигматической категории и универсального объяснительного принципа. Социальные структуры и их развитие стали рассматриваться как результат действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов. «Культурология», независимо от того, используется данный термин или нет, стала проникать в социологию в качестве своего рода троянского коня и вытеснять ее из ее традиционных проблемных областей.

Наблюдается своего рода вытеснение и замещение «общества» «культурой». В настоящее время последняя превращается в некую базовую инстанцию, к которой постоянно прибегают для объяснения специфики общества: последнее все чаще рассматривается скорее как следствие культуры, чем как ее причина. В каком-то смысле культура в современной социологической теории выступает как аналог Марковского понятия «базис». Если раньше особенности культуры объясняли особенностями общества, то теперь в социологии и смежных дисциплинах особенности общества в самых разных вариантах – будь то группа, социальное взаимодействие и т.п. – принято объяснять всякого рода особенностями культуры.

Наука о культуре обретает собственное самосознание, что проявилось, в частности, в изобретении Лесли Уайтом более 100 лет спустя после изобретения Контом слова «социология», термина «культурология», укоренившегося в России и обретшего здесь вторую родину.

¹ Sorokin P.A. Society, culture and personality. – N.Y.: Harper, 1947.

Наблюдается своего рода «культурализация» социальных наук, а также различных сфер социальной практики. Этот процесс происходит в социологии¹, экономике, политической науке и практике². Эта тенденция прослеживается и в «cultural studies», и в «культурной социологии» Джеффри Александера и его сотрудников из возглавляемого им Центра культурной социологии. Отвергая «социологию культуры» («sociology of culture»), как особое направление исследований *внутри* этой дисциплины, он отстаивает культуралистский подход к самой социологии (см., в частности: 10, с. 5).

В середине XX в. социологи-теоретики, опасаясь реификации общества, его гипостазирования, выступали против «сверхсоциализированной концепции индивида». Сегодня есть основания констатировать наступление «сверхкультурализированной» концепции общества, наделения культуры теми же свойствами реификации, качествами особого рода субъекта и актора, которые в свое время приписывались обществу, вызывая опасения и критику теоретиков³. Понятие «культура» в различных интерпретациях постепенно проникает в самые разные социальные науки и занимает в них центральное положение. Этот процесс сопровождается ослаблением аналогичных позиций понятий «общество», «социальность» или «социальное». Некоторые зарубежные коллеги и вовсе призывают отказаться от понятия «общество», хотя эти призывы звучат не очень убедительно и мало кто спешит к ним прислушаться (см.: 2).

«Культурализм» в известном смысле выступает, с одной стороны, как аналог, с другой – как замена «социологизма» в качестве теоретической парадигмы. В связи с этим можно отметить, что сегодняшняя попытка опровержения социологизма, предпринятая некоторыми российскими исследователями, немного опоздала, потому что это уже было сделано примерно 50 лет назад. Именно тогда в социологической теории существовала указанная боязнь реификации общества, «сверхсоциализированной концепции индивида» и т.п. С тех пор эта угроза миновала: позиции холизма, а вместе с ним – социологизма оказались основательно потесненными благодаря возрождению и укреплению позиций психологического редукционизма и методологического индивидуализма в социологической

¹ Обзор некоторых подходов, свидетельствующих о «культурном повороте» в социологии последних десятилетий, см.: 5, с. 56–70.

² О «культурализации политики» см., в частности, в книге С. Жижека «О насилении» (3).

³ Впрочем, опасения и отдельные упреки такого рода в культурной антропологии существовали и в первой половине XX в. Критиковались попытки реификации культуры, ее мистификация, отрыв от общества и т.п. Роберт Линд в своей известной работе «Познание для чего?» (1939) подчеркивал, что культура «не работает», «не движется», «не изменяется», все это делают с ней люди; что «не культура, а люди красят ногти». См. об этом: 9, с. 33 и дал. Тем не менее такие упреки отвергались ссылками на признание роли социальных носителей культурных явлений – обществ, групп, приводящих культуру в движение и придающих ей определенный облик.

теории. В настоящее время именно с ними, а не с социологизмом в первую очередь приходится конкурировать культурализму в социологической теории. С другой стороны, в последние годы в социологии высказываются суждения относительно несостоятельности реификации самой культуры и, соответственно, культуралистской парадигмы.

Подводя итог настоящим заметкам, можно сделать следующий вывод. Если использовать модное в последние годы слово, то в интересующем нас аспекте мы наблюдаем три следующих друг за другом «поворота» («turns») в социологической теории XIX – начала XXI в.: 1) к «обществу» («социальному»); 2) к «обществу-культуре» («социокультурному»); 3) к «культуре» («культурному»). Параллельно прослеживаются и маятниковые «повороты» от социального реализма (или холлизма) к социальному номинализму (или индивидуализму), и обратно. Но это уже тема других заметок или специальных историко-социологических исследований и наблюдений.

Литература

1. Гофман А.Б. Лекция первая: История социологии как область знания // Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. – М.: Книжный дом «Университет», 2008. – С. 5–20. – (1-е изд. 1995).
2. Гофман А.Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // СоцИс. – М., 2005. – № 1. – С. 18–25.
3. Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
4. Парсонс Т. Понятие общества: Компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология: В 2-х ч. / Под ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 3–43.
5. Родригес Морато А. Консенсус и споры о культуре в нынешней социологии // Социологический ежегодник 2009: Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии ГУ–ВШЭ. Ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М., 2009. – С. 56–70.
6. Сорокин П.А. Система социологии: Социальная аналитика: В 2-х ч. – М.: Наука, 1993. – Ч. 1. – 447 с.; ч. 2. – 688 с.
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд. РХГИ, 2000. – 1054 с.
8. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Изд. полит. литературы, 1989. – 573 с.
9. Уайт Л. Понятие культуры // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т. 1: Интерпретации культуры / Под ред. С.Я. Левит, Л.А. Мостовой. – С. 17–48.
10. Alexander J.C. The meanings of social life: A cultural sociology. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – 296 p.
11. Lowie R.H. An introduction to cultural anthropology. – N.Y.: Rinehart & co., 1940. – 584 p.
12. Mauss M. Les civilisations: Elements et formes // Mauss M. Oeuvres. – P.: Ed. de Minuit, 1969. – Т. 2. – P. 456–479.
13. Mauss M. L'enseignement de l'histoire des religions des peuples non-civilisés: Extrait // Ibid. – P. 229–232.
14. Sorokin P.A. Social and cultural mobility. – Glencoe (IL): Free press, 1959. – 645 p.
15. Sorokin P.A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. – N.Y.: Cooper Square, 1962. – 742 p. – 1st ed. 1947.

О.А. Симонова

**ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ «СИЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ»
В КУЛЬТУРНОЙ СОЦИОЛОГИИ ДЖ. АЛЕКСАНДЕРА:
КОНЦЕПЦИЯ ИКОНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
И ИКОНИЧЕСКОГО ОПЫТА**

На протяжении двух последних десятилетий Джеффри Александер является интеллектуальным лидером школы культурной социологии, которая признана одним из наиболее влиятельных направлений в современной социологии. С точки зрения Александера, почву для появления культурной социологии подготовила сама логика развития социальной науки, а именно – теоретический синтез идей современной социологии, антропологии и семиотики (23, с. 523–524). Он выдвинул так называемую «сильную программу культурной социологии», постулирующую необходимость многомерного подхода к изучению, пониманию и объяснению социальных явлений, что предполагает обязательное рассмотрение культуры как независимой переменной социологического анализа. Александер предложил и сам термин «культурная социология» (cultural sociology)¹, подразумевая под этим ревизию не только социологии культуры, но и социологии в целом.

Традиционно социологи изучали культуру в рамках отдельной дисциплины – «социологии культуры», но в середине 1980-х годов Александер представил именно культурную социологию как дисциплину, предполагающую переопределение социологического понимания смысла социального действия. Сегодня культурная социология выступает не в качестве отдельного направления социологического знания, где изучению подлежит некий сегмент или сфера социальной реальности, а в качестве особого видения социальной реальности вообще. Иначе говоря, сама социология предстает как социологическое исследование культуры, как научная установка на изучение социальных явлений, исходя из их смысловой природы. Социология культуры видит в культуре нечто внешнее,

¹ В литературе имеются и другие переводы этого термина, в частности – «культуральная социология» или «культурсоциология».

отдельное от доминирующего смысла, и объясняет ее с помощью «жестких», или «тяжелых» (hard), переменных – как нечто «мягкое» (soft) или как зависимую переменную. Незначительность самой культуры, или культурной системы, в социологии культуры делает ее «слабой программой», которую Александер, перефразируя К. Гирца, называет «ненасыщенным», «тонким» описанием (thin description) культуры. В классической социологии были заложены только основы «сильной программы» изучения культуры, современные же социологи руководствуются преимущественно принципами «слабой программы» (например, школа П. Бурдьё, теория производства культуры С. Петерсона и др.). Признание относительной автономности культуры в культурной социологии Александер оценивает как «важнейшее качество сильной программы» (см.: 20, с. 12).

Общепризнано, что в социальных науках произошел так называемый культурный поворот, который большей частью является следствием лингвистического поворота, поставившего язык в центр социальных исследований¹. По мнению Александера, современное общество является предельно насыщенным символическим миром (23, с. 533). Сознание современного индивида сегодня определяется через языковые паттерны, культура «читается» как текст, а акторы выступают создателями текстов. Социологи все чаще приходят к заключению, что социально-нормативные стандарты устанавливаются в рамках коллективных дискурсов, которые состоят из культурных кодов, нарративов и метафор и тесно связаны с материальными формами (12, с. 9–10). В рамках сильной программы культурной социологии культура предстает как богатый и сложный внутренний жизненный текст с трудноуловимыми способами влияния на социальную действительность, а не просто как внешнее окружение действия. Поэтому относительная автономия культуры и текстуальность социальной жизни составляют два основных положения этой программы, которые дополняются третьим положением – тезисом о необходимости исследования конкретных (семиотических) механизмов, посредством которых культура «делает свою работу» (20, с. 12).

Эти теоретические предпосылки позволили Александеру рассматривать культурную систему как относительно автономную применительно к системе социальной, а культурные явления – в качестве независимых явлений и переменных, воздействующих на социальную структуру, акторов и их деятельность. Согласно Александеру, современная социология перестала изучать социальные элементы, отталкиваясь от их местоположения в социальной системе; вместо этого культурная социология предлагает многомерный подход, где социальные элементы рассматриваются как опосредованные культурными кодами. «События, деятели, роли, группы и институты как элементы конкретного общества есть часть социальной системы, они существуют одновременно в разных подсистемах, в частно-

¹ У Александера есть собственное объяснение культурного поворота, которое он представил в соавторстве с К. Томпсоном (см.: 21).

сти в культурной. Как ученые, мы должны прежде всего попытаться описать и проинтерпретировать внутреннюю жизнь мира в терминах его значений. Культура есть окружающая среда каждого действия, и наполнение мира значениями есть вхождение в организованную цепочку символических образов, которые эти действующие индивиды понимают многозначно», – утверждает Александер (4, с. 91–92). Отныне главным предметом исследования выступают именно знаково-символические аспекты социальной жизни. В рамках данного исследовательского подхода он формулирует концепцию «иконического» опыта¹ (для описания жизненных практик современного общества) и связанную с ней концепцию «иконического сознания» (для характеристики мышления действующих акторов как особого чувственного сознания (*feeling consciousness*), или механизма ориентации в социально-культурном пространстве (см.: 11; 12).

Раскрывая смысл своей концепции иконического опыта и иконического сознания, исследователь, в том числе, прибегает к социологическому анализу искусства (в частности – художественных произведений А. Джакометти)². Он анализирует процесс восприятия произведений искусства, который, вопреки знаменитым суждениям Канта, не является чисто эстетическим, лишенным культурно-исторического и морального содержания (12, с. 1). Изучение скульптур Джакометти привело Александера к мысли о том, что особый процесс восприятия материальных форм, характерный отнюдь не только для человека современного общества, в значительной степени определяет его устремления. Через материальные формы происходит отнесение к целостным смысловым контекстам или их воссоздание. Понятие ценности не всегда «работает» напрямую в изучении повседневного опыта жизни людей; ценности можно «разглядеть» в наблюдаемых последствиях работы воображения индивидов, которые вовлечены в процесс символической коммуникации. Но прежде чем приступить к рассмотрению понятий иконического опыта и иконического сознания, необходимо предварительно реконструировать общий фон научного творчества Дж. Александера.

От неофункционализма к культурной социологии

Для того чтобы охарактеризовать новейшие тенденции его исследований, необходимо ответить на следующие ключевые вопросы: как связать между собой многомерный теоретический подход и появившуюся позднее культурную социологию и когда возникла идея «относительной

¹ Термины «иконический опыт», «иконические объекты» и им подобные Александер образует от понятия иконических знаков, которое в свое время предложил Ч. Пирс; знаки-иконы (*icons*) характеризуются существенным сходством формы и вида с тем, что они обозначают (см.: 35).

² Джакометти Альберто (*Giacometti, Alberto*) (1901–1966) – швейцарский скульптор и живописец.

автономии культуры)? Дж. Александер заявил о себе на арене теоретической социологии публикацией работы «Теоретическая логика» (1982–1984), где представил собственную трактовку социологической теории и ее эпистемологический анализ (18). В этой работе он предпринял попытку нового истолкования теории социального действия Т. Парсонса и разработки на этой основе программы развития социологии. Александер стремился преодолеть полярность категорий, разделявших классическую и современную социологию (нормативное / инструментальное действие, позитивизм / релятивизм, индивид / общество и т.п.). При этом он инициировал новое теоретическое движение, которое назвал неофункционализмом. Ученый полагал, что необходимо конструктивно использовать теорию Парсонса для многомерного синтеза социологических идей (6, с. 112–113). После выхода в свет «Теоретической логики», где в основном обсуждались метатеоретические проблемы, ее автор применил сформулированные им теоретические конструкции к анализу эмпирических данных из разных сфер жизни общества, что нашло отражение в сборнике под названием «Смыслы¹ социальной жизни» (16).

Одной из важных задач проекта «Теоретическая логика», с точки зрения самого Александера, было обнаружение «места категории смысла» (23, с. 524). В формировании многомерного подхода главной задачей оказалась критика материализма, хотя идеализм также почитался неверной стратегией. Сначала Александер отталкивался от положения Парсонса, согласно которому в любом конкретном явлении эмпирически наличествуют идеальный и материальный элементы. Идея о том, что эмпирические явления материальны, – лишь иллюзия и скрывает априорный аналитический элемент, который и является невидимым культурным элементом – тем, что всегда взаимодействует с внешними элементами. Когда ученый в 1970-х годах работал над четвертым томом «Теоретической логики», он считал позицию Парсонса оптимальной, однако в течение 1980-х годов изменил свое мнение: концепция «культурной системы» Парсонса, по мнению Александера, не содержала удовлетворительного толкования материального мира и противоречий между разными сферами общества. Недовольство концепцией Парсонса, а также классическими работами Вебера и раннего Дюркгейма усилилось в период работы Александера в Институте перспективных исследований Принстонского университета (1985) и сотрудничества с представителями этнометодологии и символического интеракционизма в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Отталкиваясь от положений Г. Гарфинкеля, Александер утверждал, что для Парсонса и Вебера действие было «черным ящиком» (там же, с. 525). Результатом критики теории Парсонса стали работа «Двадцать лекций: Социологическая теория с конца Второй мировой войны» (19) и

¹ В названии данной работы присутствует английское слово «meaning», которое переводится и как «смысл», и как «значение»; с нашей точки зрения, слово «смысл» точнее отражает содержание идей Александера.

эссе «Действие и его среды» (9). Именно тогда ученый пришел к выводу, что необходимо новое социологическое понимание культуры, или «более сильная» культурная программа. Поэтому он решил «вернуться к истокам», т.е. сконцентрироваться на том, что такое смысл, как он создается и как komponуется в социальном контексте, но обсуждать эти темы в рамках предложенного им многомерного теоретического подхода и сложной модели общества в целом. С точки зрения Александера, в отношении действия необходимо принять синтетическую позицию, которая бы «попыталась интегрировать материалистические и идеалистические аспекты, не принимая те или другие из них исключительно» (9, с. 223). Эта позиция реализовалась в работе «Действие и его среды», где ученый выходит за пределы теории Парсонса и классической социологической теории и стремится соединить структурный функционализм с другими теоретическими традициями (марксизм, теория обмена, прагматизм, символический интеракционизм, феноменология, этнометодология).

Поставив перед собой задачу «воссоединить теорию действия и теорию структуры постпарсонсовским способом» (9, с. 2), Александер намеревался развернуть многомерную теорию социальной структуры, которая включала бы в понятие социальной структуры материальные и символические элементы. Развитие такого подхода предполагало в качестве фундамента коллективистскую трактовку волюнтаристского действия. При этом одной из важнейших его целей провозглашалась «историческая специфичность», т.е. рассмотрение социальных структур в конкретных исторических контекстах (9, с. 37). Александер разрабатывает «микроэмпирическую модель действия», где центральное место отведено именно контингентности и исторической специфичности. Поэтому контингентное действие всегда является одновременно интерпретативным (понимающим) и стратегическим (практическим и утилитарным), т.е. имеет два основных измерения – интерпретацию и стратегизацию. Соответственно интерпретация также включает в себя два процесса – типизацию и изобретение. Заимствуя понятие типизации из социальной феноменологии А. Шюца, Александер подчеркивает, что типизация выступает как часть общего процесса взаимодействия. Общение между людьми всегда есть «глубоко герменевтический процесс понимания, протекающий с помощью жестов, типизирующих небольшую отобранную часть разворачивающегося опыта, – жестов, посредством которых мы пытаемся выудить из других те же типизации, что мы применяем к ним сами в ходе коммуникации» (там же, с. 313). Умение типизировать является необходимым условием включения в культурное сообщество, результатом социализации в культурном пространстве, однако при этом интерпретация дополняется изобретением. Благодаря изобретению типизация реальности становится творческим актом, что обеспечивает пластичность и изменчивость культуры.

Второе измерение контингентности социального действия – стратегизация. Действие заключает в себе не только понимание мира, но и воз-

действие на него и его преобразование, исходя из расчета издержек и вознаграждений. Практическое действие всегда протекает в границах, установленных пониманием. Каждый стратегический расчет опирается на соответствующее знание, а в условиях неопределенности будущего – еще и на «иррациональное» понимание (уверенность и доверие). Таким образом, стратегизация в процессе действия тесно переплетается с интерпретацией (8, с. 229–230).

Александр выстраивает также микроэмпирическую модель социального порядка как совокупности сред действия. Разрабатывая эту модель, автор восстанавливает «трехсистемную модель» Парсонса, включающую личность, общество и культуру. Эти системы «входят в действие как его более или менее упорядоченные среды» (9, с. 316). В итоге Александр рассматривает три коллективно-структурированные среды действия: личностную, или психологическую, систему; культурную систему; социальную систему. Первые две являются внутренними средами действия; они «редко переживаются акторами как коллективные ограничения» и «образуют само Я, переживаемое действие как контингентное» (там же, с. 7). В свою очередь, социальная система выступает внешней средой действия, и именно так ее воспринимают сами акторы. До сих пор социологи интересовали в основном социальные системы, Александр же считает одинаково важными все три среды.

Социальная система – это одна из важнейших сред действия, снабжающая акторов реальными объектами (такими, как люди, живые организмы, вещи). В ее рамках Александр выделяет разделение труда и институты политической власти, солидарность, социальные роли, обеспечивающие принципиально важные среды для интерпретации и стратегизации. Объекты социальных систем входят в сферу ориентации действия не как «внешние» предметы, а как «референты символических систем», или символы. Поскольку общепринятые символы произвольно связывают объекты, принадлежащие к разным системам, данный способ связи обладает особой внутренней организацией, которая не зависит от других системных уровней и не может быть выведена из них. Любое действие протекает в границах, установленных культурной, или символической, системой. Символические коды имеют не только когнитивный аспект, но также эмоциональный и моральный аспекты. Наконец, третью важнейшую среду действия образуют личности акторов. Разные личности проявляют разные способности к интерпретации и стратегизации, но при этом личностные среды исторически меняются вместе с изменением социальных и культурных сред.

Александр делает акцент на изучении внутренней «культурной среды действия», которая может выступать «независимой переменной» социологического анализа. Он считает, что анализ культуры в теории Парсонса не предполагал исследования «внутренней географии» культуры, т.е. внутренней логики или организации символических систем (17, с. 123).

Поэтому последователи Парсонса редуцировали культурные явления к социальной структуре, что, впрочем, характерно и для других социологических школ (для социологии П. Бурдьё, представителей британских культурных исследований, теории «производства культуры»). Согласно Александеру, культура обладает своей собственной структурой, следовательно, необходимо изучать внутренние паттерны смысла, что открывает новые перспективы для анализа социальной структуры и социальных изменений. Он ищет возможности для методологической изоляции культурных структур, для познания «внутренней карты» культуры и логики ее взаимодействия с другими типами структур. В этом – суть «сильной программы» культурной социологии, и именно в этом смысле научная логика ученого является многомерной.

Автономия смысла:

В направлении сильной программы культурной социологии

Автор «Теоретической логики» обратился к теме относительной автономности культуры, ссылаясь на письма Ф. Энгельса к Й. Блоху, где говорилось об относительной независимости надстройки от экономического базиса (23, с. 527). Впервые Александер написал об этом в предисловии к книге «Культура и общество: Современные дискуссии» (24), которая вышла под его редакцией. В это же время был издан его труд «Структура и смысл», где анализу подлежали символические коды и смысловые компоненты действия в контексте разработанной прежде общей теоретической схемы (15). Еще во втором томе «Теоретической логики» Александер предложил новую интерпретацию книги Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни». Для Дюркгейма, как известно, на первом месте были коллективные представления, для Александера же особый интерес приобрели процессы формирования представлений на индивидуальном уровне, поэтому в своем движении к культурной социологии он опирался также на социальную феноменологию А. Шюца, который как раз акцентировал процессы индивидуального сознания. Александер обнаружил также потенциальную ценность семиотики и антропологии для разработки интересовавших его проблем, обратившись к работам К. Гирца, М. Дуглас, В. Тернера, Ф. Соссюра, С. Барта, К. Леви-Стросса, М. Саллинса. Определенную роль в эволюции его взглядов сыграли и некоторые идеи психоанализа, особенно представление о защитных механизмах. В итоге Александер пришел к идее синтеза, или комбинации, позднего Дюркгейма с символической антропологией, семиотикой и идеями М. Фуко (23, с. 525). Так появилась «сильная программа» культурной социологии.

Главными предшественниками своей программы в культурной социологии Александер считает Дюркгейма и Соссюра. В поздних работах Дюркгейма он особо отмечает идею преемственности, целостности, непрерывности между традиционными и современными обществами, прежде

всего применительно к священному и профанному как источникам солидарности. Александр «усиливает» подход Дюркгейма теорией Соссюра, идеями французского структурализма, методом «насыщенного описания» К. Гирца и концепцией «перформанса» (от В. Тернера до Дж. Батлер), результатом чего выступает «провокативная теория культуры» (29, с. 779).

Трактовка Александром культурных структур напрямую связана со структуралистской традицией. Именно структуралисты, начиная с Ф. де Соссюра, сформировали представление о том, что культурные верования могут рассматриваться как структуры. Прототипами таких структур можно считать понятия *langue* и *parole*¹. Соссюр изучал культурные формы как системы, которые состоят из разных типов отношений между символами. Однако в противовес структуралистской традиции Александр считает, что культурные структуры не определяют, а скорее «наполняют действие смыслом» (23, с. 527). Такая позиция подразумевает пересмотр других областей социологии, связанных с политикой, экономикой и правом. Это согласуется с представлением Александра о творческом и исполнительском (performative) характере действия².

Идеи позднего Дюркгейма органически вписываются в «сильную программу» культурной социологии, полагает ее автор (см. об этом: 26). Дюркгейм рассматривал культуру через набор ритуальных практик, которые воспроизводят коллективное сознание. Стремясь совместить идеи Соссюра и Дюркгейма, Александр рассматривает культуру одновременно как символическую систему и как практику³. В первом случае он исполь-

¹ Это различие приобрело большое значение в социальных науках. *Langue* представляет собой формальную, грамматическую систему языка и делает возможным существование *parole*, или речи, т.е. способа, которым говорящие используют язык для выражения своих мыслей.

² Свою концепцию Александр часто называет «social performance theory» («теория социального исполнения»). Это название связано с парсонсовской концепцией типовых переменных, отражающих структурные проблемы выбора актора в ситуации действия и способы его ориентации под влиянием ценностей. Среди прочих переменных пара «исполнение – качество» показывает, определяются ли объекты в терминах комплексов качеств или в терминах исполнения (например, будет ли актер относиться к другим, исходя из приписываемых им качеств либо из их достижений и исполнения соответствующих ролей). Александр полагает, что в социальных взаимодействиях акторы ориентируются в основном на исполнение, воплощают и изменяют культурные смыслы. Помимо этого, здесь подразумевается драматургическая метафора социального взаимодействия, когда исполнение рассматривают как драматическую постановку, где имеют значение аудитория, другие исполнители, проговариваемый текст, декорации и пр. (см., например: 36 и 41).

³ В предисловии к книге «Социология Дюркгейма: Культурные исследования» (26) Александр высказал предположение, что идеи Соссюра складывались под влиянием Дюркгейма, так как имеются достоверные свидетельства о посещении им лекций Дюркгейма в Сорбонне. Александр полагает, что его собственная трактовка социального действия обусловлена также родством идей Ф. Соссюра и Р. Якобсона, которое привело к созданию Пражской лингвистической школы и синтезу структурализма и прагматизма (23, с. 527).

зует идею Соссюра о произвольных отношениях между знаками и их социальными референтами и на этом основании устанавливает аналитическую автономию символических систем. Во втором он ссылается на соображения Дюркгейма относительно бинарной организации таких систем (сакральное и профанное). Эти символические системы могут структурировать не только когнитивные и моральные, но также экспрессивные и аффективные компоненты социальных действий. Видение культуры как практики в концепции Александера строится на основе дюркгеймовской теории ритуалов и социальной солидарности. Ритуальные практики организованы через отнесение к «фокальным» точкам, которыми являются символы священной чистоты, опасности, осквернения; они содержат мощный эмоциональный заряд (тревогу, страх, ненависть и благоговение). С точки зрения Александера, большая часть социально-культурной жизни может интерпретироваться в контексте таких практик и в терминах социальной солидарности, которую эти практики могут поддерживать или разрушать (27, с. 7). Поэтому символические структуры «рискует» во всех социальных взаимодействиях, которые они же и формируют. Каждый акт символической атрибуции подвергает символы риску, т.е. делает возможной трансформацию их значений под прямым воздействием практики. Поэтому системы классификации коллективных символов иногда драматически трансформируются в ходе ритуального опыта. В ритуальном опыте возникают сильные эмоции, которые могут разрушать культурные символы. Каждая культура справляется с возникновением подобных эмоциональных состояний (которые этими же символами и «подогреваются») своими способами, особенно в переломные периоды. Например, исполнение ритуалов строго ограничивается во времени и пространстве. Однако, если такие коллективные эмоции (или – в терминах Дюркгейма – коллективное воодушевление) удерживаются в рамках ритуальных практик, последние способствуют воспроизводству и подкреплению культурных символов, ценностей и норм. Поэтому во многих работах Александер подчеркивает важность исследования эмоций как связующего звена между социальными практиками и символическими системами (27, с. 11). Именно эмоции, как мы увидим ниже, играют большую роль в работе иконического сознания, которое выражается, прежде всего, в чувстве материальности.

Итак, Александер рассматривает культуру как символическую систему и как практику. Он считает, что культура есть «окружающая среда каждого действия», а целью культурной социологии выступает взаимодействие символических кодов с социальной и психологической средой действия (23, с. 527). По его мнению, социальные науки не уделяют должного внимания внутренней среде действия. «Культурная социология напоминает, что мы – живые, а это значит, что мы способны к интерпретации и имеем воображение. Маркс был одним из первых философов, выдвинувших идею внутренней среды действия: капитализм разрушает внутренний мир человека, и только после социалистической революции

люди смогут восстановить, открыть заново свою субъективность», – утверждает Александр (23, с. 529). Именно с точки зрения взаимодействия жизненных практик и символических систем ученый описывает жизнь современного общества, для которой характерны высокая сложность и высокий темп, а также ориентированность субъективного сознания на знаки, прежде всего – на знаки-иконы. Именно эти знаки «запускают» все прочие процессы символической коммуникации.

Надо заметить, что концепция автономности культуры не означает возврата к одностороннему культурализму. Эта концепция, часто именуемая Александром «культурной прагматикой», стремится разрушить дихотомию «культура versus социальные институты», «инструментальное versus нормативное». Именно этому и посвящена работа «Смыслы социальной жизни», где проводится упомянутое выше различие между социологией культуры и культурной социологией. Культурная социология разводит смыслы и социальные структуры, что знаменует радикальный сдвиг, когда аналитически выделяемая культурная система выступает в качестве объяснительной силы. Смыслы имеют материальные последствия и не сводимы к социальным отношениям: они связаны с социальными структурами сложным способом. Александр обращается к вопросу о материальности, и в этом отношении культурный поворот ведет к возобновлению «очарования вещами», знаменуя собой поворот к материальности (29, с. 780). Материальность социальной жизни при этом не означает принижения смысла, но расценивается как необходимая часть культурного понимания и не сводится к наивному реализму. Сложные и креативные связи между смыслами и чувственным опытом находятся в центре жизни людей и составляют фокус научного интереса Александра в его последних исследованиях. Теория иконического опыта ставит вопрос о взаимоотношениях материальных объектов и смыслов социальной жизни.

Метод изучения культуры: Культурная социология и эмпирическое изучение социальных явлений

Смыслы социальной жизни производны от знаковой системы и обладают определенной автономией по отношению к системе социальной. Культура в этом понимании становится такой же объективной структурой, как и социальная структура. Культурные структуры состоят из культурных кодов, которые образуют мощную структуру символических отношений, независимых от конкретной воли или речи социальных акторов. Культурные коды, как и живой язык, построены на знаках, содержащих обозначаемое и обозначающее. Значение знака устанавливается в отношениях с другими обозначающими, а системы знаков ведут к бесконечности таких отношений (например, бинарные отношения). Культурная социология, изучая связь семиотических кодов с социальной и психологической

средой социального действия, получает разные дискурсы¹, которые «социализируют различные семиотические коды и проявляются как серия нарративов-мифов, определяющих и стереотипизирующих устои общества» (4, с. 92–93). Текстуальное понимание социальной жизни, чтение культуры как текста породило появление в философии и лингвистике нарративной теории, которая анализирует самые разные нарративные формы: моральную пьесу или мелодраму, трагедию, комедию, романс, иронию и т.п. Нарративная теория, подобно семиотике, также послужила импульсом к созданию культурной социологии. Сильная программа в культурной социологии акцентирует центральную роль смыслозначимых текстов, причем широкий социальный контекст не игнорируется, а рассматривается как взаимодействие институтов и процессов с культурными текстами. Социальные институты и процессы являются ареной, где культурные (идеальные) силы соединяются или сталкиваются с материальными условиями. Александер видит в структурализме и герменевтике «партнеров» для конструирования общей теории автономии культуры как стержня культурной социологии. Таким образом, сильную программу культурной социологии можно характеризовать и как плюралистическую, не исключающую автономности других социальных факторов, и как междисциплинарную, синтетическую, объединяющую несколько научных подходов (38, с. 835).

В этой связи Александер подчеркивает важность некоторых достижений в антропологии. Он полагает, что именно в работах Клиффорда Гирца кристаллизовались ключевые методологические и теоретические элементы сильной программы в культурной социологии, несмотря на то что сам Гирц выступал против структурализма. Из исследований Гирца Александер взял на вооружение метод «насыщенного описания», который позволяет наблюдать за жизненными практиками общества. Этот метод представляет собой реконструкции полевых наблюдений, которые показывают, как именно внеиндивидуальные структуры становятся одновременно и социальными и культурными. По Гирцу, социальные события имеют причины и находятся под влиянием социальных институтов, но путь к их пониманию проходит не столько через постулирование фактов и их измерение, сколько через пристальное наблюдение за ними. Гирц называет это «переопределением» социальной теории: жизнь обществу придают убеждения, чувства, этика, драма и стандартные культурные тексты, отражающие основные смыслы существования (10, с. 160). Кроме того (что очень важно для понимания концепции Александера), Гирц черпал свои концептуальные и методологические идеи из исследований искусства.

По мнению Александера и других представителей школы культурной социологии (к примеру, Ф. Смита – см.: 40), существуют параллели

¹ В этой связи Александер, в частности, пишет, что технологию следует понимать «как дискурс, как знаковую систему, откликающуюся на социальные и психологические запросы» (4, с. 95).

между искусством и социальной структурой. Такие социальные факты, как события, социальные институты или коллективные действия, подобны искусству в том смысле, что они «работают» посредством воображения. Эту аналогию между искусством и жизнью можно найти и в работах Гирца, где проводится мысль о том, что социальные смыслы часто приобретают свое влияние через эстетическое измерение, а социальное влияет на чувства, связанные с этими смыслами, посредством упорядочивания форм. Например, рассматривая петушинные бои на Бали, Гирц пишет: «...мы имеем дело с художественной формой», «эстетическим подобием», констатацией «настоящих, чистых, явных проявлений» жизни, наполняющими социальные факты смыслом, делающими их «видимыми, осязаемыми, ощутимыми, схватываемыми» и приобретающими таким образом «эстетическую власть» посредством «драматической формы» (31, с. 443–444). И далее: «...формы искусства вырабатывают и перерабатывают саму субъективность, которую они только претендуют показать» (там же, с. 451). По мнению Александера, это означает, что искусство обладает относительной автономией от социальной структуры, а художественные формы могут приобретать глубокое социальное значение. Гирц в этом случае был близок к многомерной логике социального исследования, он писал не об идентичности искусства и жизни, а скорее о значении связи между ними. По его словам, «центральная связь между искусством и жизнью лежит не в инструментальной плоскости» и не в семиотической плоскости, поскольку семиотические значения часто выражаются через эстетические формы, которые, в свою очередь, «материализуют путь опыта, переживания» и «приносят особое состояние ума в мир объектов» (30, с. 99). Эти положения, согласно Александеру, являются необходимыми для развития культурной социологии и, в частности, для концепции иконического опыта (10, с. 164).

Александер оценивает свои исследования как лежащие в самом сердце теоретической логики современных социальных наук; он пишет о культурализации социальных наук, о том, что «последствия “культурного поворота” более сложны, чем кажется», настаивая в этой связи на особом понимании эмпирических исследований (см.: 36, с. 30). Впоследствии это даст ему возможность рассуждать о роли эстетических материальных объектов и об иконическом опыте их восприятия. Вместе с другим представителем школы культурной социологии, Исааком Ридом, Александер выделяет следующие положения, характеризующие отношение культурной социологии к эмпирическому исследованию: 1) эмпирические объекты в социальных науках имеют «двойное» значение: выступают как обозначающие элементы в двух системах значений, где положение каждой не бывает полным; 2) продукты социальных наук являются перформансом, состоящим из речевых актов, которые могут быть символическими и коннотативными. Культура конструирует социальное, «жесткие» социальные структуры запускаются «мягкими» культурными структурами. «Когда мы

проводим эмпирическое или любое другое исследование, мы скорее “читаем”, а не “наблюдаем”. Полученные данные мы встраиваем в теоретические системы значений и, делая это, описываем системы значений социального мира, в которых размещаются искомые данные. Истина участвует в двойной системе соотношения: в мире социальных значений социальной научной теории и в мире значений, которые окружают социальные действия» (36, с. 30).

Действительно, с точки зрения Александера, эмпирические объекты «говорят» с нами и мы стараемся узнать и объяснить их. Это подобно процессу познания эстетических объектов, которое осуществляется посредством личных надежд, ощущений, ожиданий; «разница между эстетическим познанием и познанием в социальных науках состоит в том, что в последнем случае наши знания сублимируются в рациональный, абстрактный и строгий дискурс субстантивной социальной теории» (36, с. 31). Социальные науки лавируют между слабой и сильной герменевтикой. Первая есть запись наблюдений, предположений, высказываний, изучение дел, организация качественных и количественных данных; вторая занимается обоснованием существующих реконструированных смыслов с помощью референции к теоретическим концепциям и зафиксированным данным, это не «открытие», а скорее описание этих структур. Подобные описания являются продуктом взаимодействия «жесткости» социальных структур, герменевтической реконструкции данных, культурных структур, заложенных в социальной теории, и структуры чувств самих исследователей. При этом Александер пишет, что эмпирические объекты имеют «текстуру», «они “сидят” в самой середине социального текста. Таким образом, нам нужна теория текстуальная, нужно понимать эти тексты и понимать, что мы делаем, когда прочитываем их» (36, с. 31). Поэтому сами описания эмпирических объектов следует рассматривать как знаки, совмещающие теорию и наблюдения: они помогают объяснить социальное действие – невидимые культурные структуры. В этом – закономерность перехода исследовательской мысли Александера к рассмотрению «иконических» вещей или объектов, роли их материальной поверхности в конструировании смыслов социального действия. Так, социальные структуры становятся более понятными в терминах теории культуры, чем в терминах теории природы (натурализма). Социальные структуры являются седиментациями культурных структур или кристаллизованных структур смысла, которые так глубоко укоренены и легитимизированы, что они производят материальные стимулы для конформного поведения и наказаний за девиантное поведение (там же, с. 33).

Примером культурно-социологического исследования можно считать работу Александера, посвященную превращению Холокоста из военного преступления в травматическую культурную драму (13). Автор обращается к ее истокам при нацизме, анализирует различные типы ее кодирования, осмысления и повествования в послевоенный период. Про-

процесс универсализации Холокоста начался во время Нюрнбергского процесса. В тот момент создавался трагический нарратив, в котором массовые убийства евреев превращались в культурную травму человечества в целом, становились вневременным архетипом, олицетворяющим столкновение добра и зла. Холокост предстал универсальным моральным символом преступления против человечности. Александер пишет, что для «любого травматического события статус зла есть вопрос его становления злом... Категория “зла” должна рассматриваться не как нечто естественно существующее, а как произвольная конструкция, продукт культурной и социологической работы» (13, с. 17). Если бы союзники не выиграли войну, то Холокост никогда не был бы открыт. Если бы большинство нацистских лагерей были освобождены русскими, а не американцами, то он никогда не был бы изображен таким образом, как сейчас. Иными словами, массовые убийства были названы «Холокостом» и закодированы как «зло» теми, кто контролировал средства символического производства.

Культурное конструирование травмы включает: 1) «материальную базу» – контролирование средств символического производства; 2) кодирование травмы как зла; 3) придание событию статуса зла, т.е. определенного смыслового веса; 4) повествование о свойствах зла, о том, каким оно является, кто его жертвы, кто несет ответственность за них, каковы его последствия (там же, с. 9–10). В основе культурного конструирования травмы лежит историческая специфичность, в пространстве которой происходит конкуренция за символический контроль, власть и распределение ресурсов (там же, с. 12). На фоне этих заключений Александер указывает на появление иконических репрезентаций, связанных с Холокостом.

Таким образом, эмпирическое исследование общества в рамках культурной социологии включает весьма сложное двойное прочтение: социальные акторы прочитывают реальность, двигаясь прагматически в отношении систем значений, ученые прочитывают их, используя свои собственные (научные) значения. Поэтому академическая модель социального действия есть своего рода перформанс, а социальные исследования становятся частью символического производства (36, с. 34). Именно поэтому язык последних научных работ Александера, касающихся прежде всего иконического сознания и иконического опыта, в высшей степени метафоричен и насыщен образными сравнениями, отсылками к художественным произведениям, философским размышлениям об искусстве, включая непосредственный анализ произведений искусства (см.: 11; 12).

Реализация «сильной программы» в культурной социологии.

Иконический опыт и иконическое сознание: Культурно-социологическое исследование искусства и общества

Опираясь на научную логику Александера, можно сказать, что культура присутствует «всюду» и «везде», поэтому она выступает не просто как автономная сфера жизни общества, но как «независимая переменная»,

которая способна определять формы и правила социальных взаимодействий и служить мощным источником мотивации. Поэтому, когда заходит речь об искусстве, становится понятно, что смысловое содержание данной сферы может обладать сильным влиянием, выходящим за рамки собственно искусства. Александер постигает социологический смысл искусства через описание творческого пути и произведений А. Джакометти. Ученый задается вопросом, может ли искусство способствовать пониманию социальных явлений, и приходит к выводу, что культурные структуры выражаются в искусстве через материальные поверхности художественных форм (12, с. 6–7). Те же процессы происходят и в повседневной жизни. Сами формы становятся иконическими, направляя поведение людей, обеспечивая солидарность, развивая чувство культурной иерархии. Несмотря на то что Александер часто характеризует культуру как «идеальную» – в противовес социальной структуре как отчасти «материальной», он все же подчеркивает, что культура не является полностью имматериальной, большое значение имеют артефакты и ритуальные практики. В этом состоит смысл его обращения к иконическим явлениям, которые встроены в культурный процесс и связывают символические системы и социальные практики в единые системы действия. Эти явления предстают у Александера в виде понятий иконического опыта и иконического сознания, которые переплетены между собой, как переплетены социальная, культурная и личностная среды социального действия (на фоне доминирования культурных структур).

Для своего анализа Александер выбирает скульптуру А. Джакометти «Стоящая женщина» (1956), обладающую специфической текстурой, которая играет двойную роль. Особая ясность этой скульптурной поверхности дает зрителю эстетическое удовольствие, но также будит непреодолимое желание понять, какой смысл стоит за ней; иначе говоря, такая художественная форма не проясняет образ, а делает его загадочным. Как считает Александер, к этому стремился и сам Джакометти (12, с. 3). Скульптор хотел избежать сходства с реальными людьми, создать форму, которая непреодолимо могла бы увлечь зрителя под поверхность скульптуры. Эти фигуры уже не были просто внешней формой людей, но их неким эмоциональным видением. Скульптурные фигуры Джакометти, подобные «Стоящей женщине» (например, «Шагающий человек»), – небольшого размера, в полный рост, обнаженные, но десексуализированные и всегда смотрящие или идущие вдаль, – кажутся удаленными от зрителя. Тончайшие, темные и очень тревожные фигуры с неровной, шероховатой, «мягкой» поверхностью передают экзистенциальную тревогу европейского общества после самой разрушительной и бесчеловечной войны в истории (там же, с. 3–4). Интересно, что особая материальная форма скульптур Джакометти позволяет сократить созданную этой же формой дистанцию, поскольку поверхность скульптур мягкая, неровная, смешанная. В этой связи Александер обращает внимание на серию

скульптурных голов Джакометти, которые одновременно призывают зрителя внутрь и держат вовне, «они не дематериализуют и не разрушают тело, а напоминают о человеческой материальности» (12, с. 5). Сначала Джакометти добивался этого эффекта, делая свои фигуры чрезмерно миниатюрными, но затем пришел к пониманию того, что только чрезвычайно длинные тонкие формы способны отразить сильные, тревожные и «иконические ощущения и ассоциации того времени» (там же, с. 6).

«Стоящая женщина» А. Джакометти

Напряжение между поверхностной физической формой и более сокровенной структурой смысла определяет значение позднего искусства скульптора. Артефакты современного искусства посредством своего материального воплощения передают самоощущения людей и становятся иконоческими: они воспринимаются как знаки времени, т.е. начинают воздействовать на другие сферы жизни общества и определять их. Восприятие иконоческих объектов направляется диалектикой субъективизации и материализации, поскольку индивид присваивает, «субъективизирует» художественную материальную форму, делая ее частью системы ориентации, фрагментом культурной и социальной среды действия. Этот опыт восприятия произведений искусства Александер и называет иконоческим. С его точки зрения, Джакометти стремился отразить подлинную природу объекта своего творчества, используя форму поверхности как приспособление, погружающее зрителя в иконоческий смысл (12, с. 6). Если это удастся, частные особенности объекта и способ его создания уже не интересны зрителю, художественный объект становится символом, т.е. не отражени-

ем какой-либо конкретной вещи, но указанием на все «такие вещи». Он оказывается коллективной репрезентацией, идеально-типическим объектом. Парадоксальным образом, благодаря своей уникальности он запускает процесс типизации: художественные объекты становятся иконическими, отражая сущность окружающего мира. Подобная структура восприятия – иконическое сознание – характерна и для современной повседневной жизни. Александер утверждает, что материальность – это важнейшая часть процесса формирования «типов» и в социальной жизни, и в мире искусства, поскольку обеим сферам одинаково присуще обманчивое отношение между поверхностью и глубиной (12, с. 5).

В процессе повседневной жизни люди вовлечены в переживание смысла и эмоций через поверхность форм. Люди не только тактильно ощущают особую экспрессивную текстуру этих форм, но также «чувствуют» ее бессознательно и связывают с другими идеями и вещами, которые являются и личностно-индивидуальными, и социальными. Иными словами, люди обладают иконическим сознанием. Движение от поверхности формы к глубинному содержанию представляет собой погружение в материальность социальной жизни. Это «погружение» в художественный объект делает его иконическим. Таким же образом нехудожественные социальные вещи становятся иконическими. Это двойственный диалектический процесс «субъективизации» и «материализации». Под субъективизацией Дж. Александер понимает «втягивание объекта (кажущегося внешним) внутрь личности» (там же, с. 6). В этом движении от объекта к субъекту вещь становится живой или кажется живой, поскольку, «становясь нами», вещь теряет свою объективность. Индивид больше не видит объект, а видит самого себя, свои проекции, свои собственные убеждения и верования. Под материализацией ученый подразумевает «противоположный опыт, процесс, посредством которого субъективное “падает” в объект и теряет себя. Человек становится вещью, существующей внутри него, оживляет и одухотворяет объект, смотрит на мир изнутри него. Так, Г. Флобер сказал: “Мадам Бовари – это я”» (12, с. 7). Если такое погружение создает иконические объекты, то они же делают возможным и само погружение: это единый иконический процесс, у которого существуют свои референты. Субъект теряет себя в опыте погружения, но иконические вещи, объекты указывают на нечто внешнее по отношению к субъекту, на что-то в окружающем мире.

У Джакометти скульптурная иконическая фигура указывает на темную сторону человеческого существования. Любой влиятельный художественный символ указывает на нечто внешнее подобным иконическим способом. Как пишет Александер, он может напомнить нам о спокойствии домашней жизни, как Сезанн или Вермеер, или об эротическом удовольствии, как женские образы Рубенса, а может сжаться до морального смысла, как голуби Пикассо, указывающие на уязвимость и одиночество (там же). Так, большинство художественных иконических объектов представ-

ляют мужчин, женщин, детей в разных повседневных ситуациях. Поэтому ответ на главный для Александера вопрос – может ли иконический опыт быть основой социальной жизни, особенно в современном, секуляризованном, технологическом и материалистическом мире, – оказывается утвердительным. Иконический опыт показывает, *как мы чувствуем себя частью нашего социального и физического окружения, как мы переживаем связь с другими людьми* (приобретаем чувство гендера, сексуальности, класса, национальности, профессии, Я). В иконических объектах воплощаются ценности и нормы общества, они являются своего рода маркерами красивого и должного, уродливого и запретного, священного и мирского и др. (12, с. 7–8).

С понятием иконического опыта тесно связано понятие иконического сознания, о котором впервые говорится в работе Александера «Иконическое сознание: Материальное чувство смысла». Перефразируя Фрейда, автор утверждает, что знаки-иконы являются «символическими конденсациями» (11, с. 782). Они укореняют общие социальные значения или смыслы в специфической и материальной форме, позволяют уточнить и распределить абстрактную моральность, сделать ее видимой посредством эстетической формы. Смысл «творится», «создается» иконически и как нечто прекрасное, возвышенное или ужасное, и как банальное отражение повседневной материальной жизни. Иконическое сознание «случается», когда эстетически оформленная материальность означает социальную ценность или отсылает к ней. Контакт с эстетической поверхностью (взгляд, запах, вкус, прикосновение) обеспечивает чувственный опыт, который передает смысл. Знаки-иконы, эстетически оформленные и визуально воспринимаемые, вызывают эмоции, а эмоции отсылают к социальным ценностям. Так, по мнению Александера, «творится повседневность». Иконическое сознание отсылает скорее к непосредственному опыту, а не к процессу коммуникации, оно означает способность понимать без знания или, по крайней мере, без знания, которое отсутствует у индивида. Это значит понимать чувством, через контакт, поэтому иконическое сознание есть чувственное сознание материального мира. Поверхность или форма социального объекта – это «пылесос», который как будто засасывает зрителя в смысл (действия). С помощью знаков-икон означающее (идея) делается материальным (вещью). Означающее более не локализовано в сознании, в мыслях, оно испытывается, становится чувственным, ощущаемым в душе и теле. Идея превращается в объект, существующий во времени и пространстве, в вещь. Поэтому эстетические формы находятся в середине семиотических процессов. Поскольку вещь становится наполненной социальным значением, она становится архетипической.

Согласно Александру, теория иконического сознания направлена против вулгарного материализма, который сводит материальность к вещам, игнорируя эстетическую конструкцию материальных поверхностей и опыт ее переживания посредством чувственного сознания (11, с. 784).

Данный подход преувеличивает утилитаризм повседневной жизни, которая с этой точки зрения является практичной, эффективной, полезной. Однако Александер стремится понять, каким образом смысл манифестирует себя через материальность. Вопреки утверждениям Соссюра, который настаивал на том, что звук языка сам по себе не имеет никакого смысла, Александер подчеркивает, что фонетика имеет значение: она так же обладает относительной автономией и так же конструирует смыслы. Смыслы вещей, которые мы видим, невидимы, но их внешние признаки имеют значение. Вслед за Р. Харре Александер полагает, что материальные объекты трансформируются в объекты социальные посредством встроенности в нарратив. Чувственная поверхность вещей кажется чем-то более важным, нежели просто средством для понимания смысла. Культура придает материальным вещам «магическую силу», которая не вытекает из физических свойств этих вещей.

Иконическое сознание и иконический опыт в повседневной жизни

Теория иконического сознания открывает эстетическое в повседневной жизни, утверждает Александер, причем иконическое сознание присуще как современным, так и традиционным обществам. Повседневный опыт является иконическим, и это значит, что Я, разум, мораль и общество находятся в состоянии перманентного глубокого экспериментального определения (11, с. 790). Эстетический опыт присутствует в нашем повседневном опыте как фоновое ожидание, притом что субъекты действий не обязательно фокусируются на нем. Даже если мы ясно понимаем, что вид предмета ничего не выражает и не отражает, иконическое сознание неизбежно осуществит свою работу, так что сложится впечатление, будто поверхность этого предмета все же что-то выражает. То же самое справедливо для морального сознания и опыта. Эстетические репрезентации являются характерными, типичными, почти универсальными и связывают нас с общеразделяемыми смыслами, т.е. с культурными структурами. Это модели, видимые образы, версии более общей формы. Эстетическая власть объекта «вставляет» общее в специфическое. Если художник находит верное сочетание вещи и смысла, объект становится произведением искусства. Когда дизайнер или просто человек находит правильную комбинацию, итоговое поверхностное сходство вовлекает нас в дискурс общества. Ошибка морального и эстетического характера состоит в предположении, что знаки-иконы не имеют глубокого содержания и не указывают на культурные представления и ценности, подчеркивает Александер (11, с. 792).

Одними из самых ярких проявлений иконического опыта и работы иконического сознания в повседневной жизни служат семейные фотографии, которым отводится важное место в личном и публичном пространстве людей. Изображения дома и офиса, бумажники и визитки, которые люди носят с собой, наполняются материальными репрезентациями, напоминающими им о тех, с кем они солидарны. Люди «сближаются» со своими

родными, любимыми и друзьями посредством фотографий. На протяжении своего жизненного цикла люди сталкиваются с целой вереницей индивидов и групп и удерживают их «вблизи» с помощью иконических объектов, подобных семейным фото. В своем доме люди окружают себя материальными предметами (мебелью, элементами домашнего обихода, декоративными вещами), репрезентирующими их ценности, стандарты поведения и верования. Эти домашние «иконические» вещи обеспечивают постоянный и рутинизированный опыт субъективизации. Иконические объекты производятся также рекламой, которая связывает новые предметы, предназначенные для продажи, с более ранними иконическими объектами. Если реклама эффективна, то потребитель погружается внутрь образов, идентифицируя себя с эмоциями, которые «бурлят» под их поверхностью, и с объектами, к которым эти образы относятся.

В искусстве мы сталкиваемся с подобным же восприятием художественных форм и, по выражению Александера, испытываем чуть больше почтения (12, с. 8). Современное искусство также наполнено репрезентациями повседневных объектов. В этом смысле показательно творчество Э. Уорхола¹, который представил обиходные вещи (например, знаменитые банки с супом) в совершенно ином ракурсе: в музейной обстановке они возводятся в ранг иконических объектов, которые вызывают более интенсивные чувства.

Большинство людей в повседневной социальной жизни превращают в иконические объекты других людей, чаще всего знаменитостей. Подобные иконические фигуры выступают коллективной репрезентацией особых людей, которых большинство тех, кто составляет публику, не знают и никогда не узнают, но которых обожают и боготворят. Многие вырезают картинки из журналов или покупают постеры, вступая в контакт с этими знаковыми фигурами посредством массмедиа. По словам Александера, они делают это для того, чтобы «стать» кем-то из знаменитых героев, «чтобы быть связанными с вещами-идеями-верованиями-чувствами, к которым эти образы отсылают» (там же, с. 8). В этой связи одной из функций одежды становится возможность «задрапироваться» в образ, погрузиться в материальные формы, приближающие людей к «типам», на которые они хотят походить. Прическа, искусственный загар, косметика на лице и теле – лучшие примеры диалектического процесса субъективизации и материализации, который и создает иконическую жизнь.

Таким образом, современные иконические объекты являются художественными формами или подобны художественным формам, которые посредством своей материальности увлекают в мир социальных явлений. Они полны чувства, знания и оценок, люди боготворят их, тоскуют по ним, жаждут их и могут умереть за них. Они представляют собой нечто

¹ Уорхол Энди (Warhol, Andy) (1928–1987) – культовая фигура в истории движения поп-арта и современного искусства в целом.

большее, чем материальные вещи, будучи коллективными репрезентациями священного и отчасти профанного в социальной жизни. В последние десятилетия, подчеркивает Александер, социологи пришли к пониманию того, что социально-нормативные стандарты не устанавливаются посредством формальных правил или социальных ценностей (12, с. 9); этот процесс протекает в контексте разнообразных коллективных дискурсов, которые сами могут становиться иконическими. Через иконический опыт создаются, передаются и поддерживаются профессиональные и поведенческие стандарты, а также основные смыслы и образы Я. Иконические объекты могут быть иерархически упорядочены посредством близости к некоторому архетипу, некоторому идеалу, который определяется не интеллектуально, а через отнесение к реальному материальному объекту, к его форме и ее осознанию. По мнению Александера, Джакометти действительно хотел преодолеть внешнюю форму, познать архетипы человеческого бытия (12, с. 3). В творчестве этого скульптора не просто проявляются социальные настроения его времени, его искусство вскрывает темную и неизвестную судьбу человечества архетипическим способом. Люди судят о подлинности того, что представляет знак, в той степени, в какой иконическая репрезентация улавливает что-то из этих архетипов, тогда как то, что кажется имитацией, называют китчем. И хотя впрямую Александер об этом не пишет, иконические объекты, помимо их близости к идеалам, связаны и с социальной иерархией. Желание воспроизвести иконический идеал выступает мотивом определенного поведения: ученик восхищается мастером, юный атлет повторяет движения сложившегося спортсмена, тот, в свою очередь, «влюбляется» в великого профессионала, а аспирант поклоняется классикам науки. «Мы ощущаем стандарт высокого качества или великого в том, что мы делаем: расчесываем ли мы волосы, играем ли на гитаре, взмахиваем ли теннисной ракеткой, делаем ли хирургический разрез...», — отмечает Александер (12, с. 10). Общество в этом смысле характеризуется производством иконических объектов, особых маркеров для событий прошлого и устремлений в будущее (как, например, в случае какой-либо социальной травмы — см.: 13; 33).

По мнению Александера, современное общество, как и общество Э. Дюркгейма, тоже занято «производством» богов и разделением мира на сакральное и профанное. В новом прочтении дюркгеймовские символы священного-доброго и профанного-злого продолжают структурировать общественную жизнь в современном мире и служат своего рода «моральным клеем» применительно к коллективным ритуалам и социальной солидарности (11, с. 787). В традиционных обществах конкретными материальными формами, которые выступали в качестве осязаемых посредников между сознанием субъектов действий и моральным коллективным сознанием, служили священные тотемы. В наше время функции божеств перешли к иконическим материальным объектам, которые репрезентируют стандарты социальной жизни в любой сфере, формируют коллективную

память и перспективы на будущее. Сегодня иконические объекты быстро схватываются и перерабатываются воображением человека, чему немало способствуют средства массовой информации. При этом они отсылают к значимым социальным проблемам и интересам. Иначе говоря, чтобы понять систему ценностей современного общества, можно проанализировать иконические объекты, знаки-иконы, которые люди сознательно и бессознательно используют в своем социальном и физическом пространстве. Живые социальные практики, по мысли Александера, могут трансформировать и / или воспроизводить эти иконические объекты, перерабатывать их с помощью определенных механизмов; но самое главное – это то, что такие практики и символические системы могут связываться друг с другом посредством иконических артефактов. Несмотря на распространенную точку зрения, согласно которой иконографический опыт был присущ только традиционным обществам, тогда как современный человек целиком находится под воздействием материализма, реификации и объективизации, Александер убежден в обратном. Он настаивает, что экспрессивное / эстетическое измерение продолжает оставаться фундаментальной характеристикой общества современности, оно существует и передается посредством материальных форм, поверхность которых вовлекает актора в переживание более глубокого морального и эмоционального опыта. С этой точки зрения, опыт соприкосновения с миром искусства нельзя рассматривать как маргинальный, он является основным в жизни современных и постсовременных обществ (12, с. 10).

Теоретический контекст концепции иконического опыта и иконического сознания

Статья, представляющая авторскую концепцию иконического опыта (см.: 19), была написана на основе лекции, прочитанной Александером в музее искусств Йельского университета (в серии «Лекции об объектах»). По его утверждению, эта статья не является чисто академической, хотя основывается скорее на теоретической, а не на исторической логике (12, с. 14). Поэтому он специально останавливается на тех исследованиях, которые послужили теоретическим контекстом его собственных идей. В последние два десятилетия в антропологии и социологии материального потребления в противовес тенденции к обсуждению общего процесса производства и потребления товаров («товаризации») акцент делался на процессах субъективизации¹. Кроме того, в современных социальных нау-

¹ Александер указывает следующие работы: *Miller D. Material culture and mass consumption.* – Oxford: Blackwell, 1987; *Kopytoff I. The cultural biography of things: Commoditization as process // The social life of things: Commodities in cultural perspective / Ed. by A. Appadurai.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1986. – P. 64–91; *Campbell C. The romantic ethic and the spirit of modern consumerism.* – Oxford: Blackwell, 1987; *Lash S., Lury C. Global culture industry: The mediation of things.* – Cambridge: Polity, 2007; *Matthews C.R., McWhirter D.*

ках происходит «реинтеграция искусства и жизни» (12, с. 11). В этом Александр усматривает возврат к виталистскому эстетическому мировоззрению Г. Зиммеля. С этой точки зрения возникает потребность связать прекрасное с моральным, а также проследить сопряженность эстетического измерения с «социологическим производством морального блага» (там же). Теория «иконического опыта» подразумевает, что прекрасное и возвышенное могут рассматриваться как гомологичные (но не тождественные) дюркгеймовскому понятию сакрального. Примечательно, что наблюдения Зиммеля о конструировании эстетического согласуются с категориями сакрального и профанного у Дюркгейма: «Каждое индивидуальное явление имеет свое место в иерархии ценностей между более высоким и более низким; и сырые, и более низкие формы получают свое экзистенциальное значение, поскольку являются основой или фоном для более рафинированного, яркого и возвышенного» (цит. по: 12, с. 12).

Концепция «иконического опыта» связана и с недавними дискуссиями о значении материальной поверхности в рамках эстетической теории (см., например: 37), где обсуждению подлежала роль материальности в процессах обозначения. Материальность здесь мыслится не как заместитель знаков, но скорее как альтернатива или невербальный посредник в символической коммуникации. По мнению Р. Харре, «объект трансформируется из куска хлама в социальный объект посредством своего внедрения в нарратив» (32, с. 28). Дж.Т. Митчелл подвергает сомнению бинарные оппозиции «образ / текст», «содержание / форма», «икона / знак» (см.: 34). У. Дэвис считает, что в новейших исследованиях визуальной культуры визуальность считается основой самой культуры, а не одним из периодов в истории производства образов. Поэтому исследователи не могут связать влияние образа самого по себе с причинами его воздействия на восприятие (25, с. 9–10). Все эти позиции репродуцируют давние дискуссии в рамках семиотической и символической теории. В связи с этим Александр оспаривает представление Ч. Пирса о чисто прагматической, неконвенциональной материальности знаков-икон и знаков-индексов. Пирс считал, что визуальное физическое подобие позволяет знакам-иконам сообщать о чем-то более ясно и непосредственно, чем это удастся знакам-символам, которые могут менять свое значение по соглашению (см.: 35). Но такое представление, согласно Александру, обманчиво¹: ма-

Exile's return? Aesthetics now // *Aesthetic subjects* / Ed. by C.R. Matthews, D. McWhirter. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2003; *Gombrecht H.U.* Aesthetic experience in everyday worlds: Reclaiming an unredeemed utopian motif // *New literary history*. – Baltimore, 2006. – Vol. 37, N 2. – P. 299–318; *Sahlins M.* Culture and practical reason. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1976; *Featherstone M.* Postmodernism and the aestheticization of everyday life // *Modernity and identity* / Ed. by S. Lash, J. Friedman. – L.: Blackwell, 1992. – P. 265–290.

¹ См. также: *Barthes R.* Rhetoric of the image // *Music / Image / Text*. – N.Y.: Hill & Wang, 1977; *Tilly C.* Material culture and text: The art of ambiguity. – L.: Routledge, 1991; *Eco U.* Producing signs // *On signs* / Ed. by M. Blonsky. – Baltimore: Johns Hopkins univ. press, 1985. – P. 176–183.

териальность является невербальной, но остается конвенциональной, и потому нельзя принимать материальные формы иконических объектов буквально, так как та же самая материальность запускает сложные коммуникативные процессы (12, с. 13).

Как было сказано выше, Дж. Александер начал разрабатывать концепции «иконического опыта» и «иконического сознания» с критики кантианского положения о радикальном разделении эстетического и морального. Это разделение, по мнению ученого, следует считать не условием рефлексивности, а глубоко укорененным рефлексом западной культуры, отражающим сначала еврейскую, а затем протестантскую иконоборческую традиции, которые нельзя отождествлять с критической рациональностью как таковой (см.: 11, с. 784–786; 12, с. 13–14). Рациональные и критические социальные практики, напротив, глубоко встроены в диалектику субъективизации и материализации. Т. Кун, например, подчеркивал значение выдающихся «образцов» в научной деятельности, акцентируя значение иконического опыта в сфере западной науки. Александер обращается и к другим проявлениям «встроенности» в иконический опыт творческой активности и критической рефлексии, находя подтверждение своей концепции в автобиографических описаниях художественных инноваций. Примером в этом отношении может служить биография Б. Мардена¹, который стал одной из главных фигур современного авангарда благодаря иконической роли работ Дж. Поллока²: «Субъективизируя живописные объекты Поллока, он достигал нового уровня художественной свободы и независимости, осмысливая поздний стиль своего творчества как материализацию своей же обновленной идентичности художника» (12, с. 14).

Заключение

Концепция иконического опыта Дж. Александра подготовлена его размышлениями о социальном значении искусства и об искусстве самом по себе. Следуя «положениям» сильной программы в культурной социологии, он рассматривает искусство как относительно автономную сферу социальной жизни, которая может оказывать влияние на ее прочие области. Александер также демонстрирует тот факт, что, изучая искусство, можно обнаружить параллели с социальной жизнью, выявить особые механизмы взаимодействия в повседневных практиках людей, которые направляются знаково-символическими формами. Художник выражает в обрванной форме особые настроения, ворования, стремления людей, а

¹ Марден Брайс (Marden, Brice) (р. 1938) – американский художник-минималист. См.: *Richardson B. The way to Cold mountain* // Brice Marden: Cold Mountain. – Houston (TX): Houston fine art press, 1992. – P. 25–90.

² Поллок Джексон (Pollok, Jackson) (1912–1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма, оказавший значительное влияние на искусство второй половины XX в.

возможно, и значимые социальные проблемы. Созданные им образы могут не только репрезентировать сегодняшние чаяния людей, но и переопределять понимание ситуации действия. И в искусстве, и в социальной жизни возникают знаковые формы – иконические объекты, – которые задают пространство ценностно-нормативных стандартов и наполняют действия смыслом. В контексте современных обществ иконические объекты парадоксальным образом сложны, множественны и разнообразны; они мгновенно считаются, обращаются в символические вещи, приобретают мощный эмоциональный заряд и, таким образом, влияют на поведение людей. Посредством иконических объектов схватываются подсознательные культурные структуры, которые и регулируют жизнь общества. С этой точки зрения задачей ученого, согласно Александру, становится обнаружение таких «невидимых» культурных структур и смыслов или поиск их визуальных репрезентаций, подобно психоанализу, стремящемуся заменить бессознательное сознательным. Культурная социология в этом смысле и есть вид психоанализа: ее цель состоит в том, чтобы сделать социальное бессознательное явным, видимым для того, чтобы помочь мужчинам и женщинам понять их мифы (см.: 23, с. 530; 16, с. 88).

Иконические объекты и знаки-иконы отсылают не только к функциональной полезности, к материальной выгоде, но прежде всего – к «вещам-идеям-верованиям-чувствам», т.е. к вещам, священным для современного общества. Повседневная жизнь предстает преображенной такими иконическими вещами. Причины и технологии создания знаков могут быть любимы, в частности, совершенно не связанными с экономической прибылью или, напротив, «навязываться» с целью продать какой-либо товар; процесс их создания или возникновения может быть замысловатым и абсурдным либо простым и логичным – главное, что они абсорбируются в жизненные практики людей. Иконические объекты материальны, но они «субъективируются», обрастают символическими содержаниями, а затем «материализуются», возможно, в новом качестве. Материальная форма этих знаков предполагает их почти автоматическое отнесение к разным социальным контекстам. В современных обществах такой процесс закономерен: постоянный дефицит времени, огромные потоки разнородной информации, влияние СМИ создают особую систему ориентации, которая предлагает индивиду разнообразный иконический опыт. Сознание современного человека можно представить в виде мозаики, где для каждого контекста действия существуют иконические объекты и знаки-иконы, указывающие на что-то, что подлежит дальнейшей расшифровке. Эти знаки несут в себе емкую эмоционально заряженную информацию для каждого сегмента современного – крайне разнообразного, сложного и, по выражению Александра, предельно насыщенного – символического мира.

Аналитический обзор трудов Дж. Александра подводит к вопросу о том, является ли иконический, или иконографический, опыт инновационной социальной практикой. Сам ученый отмечает, что такой вид опыта

существовал и в традиционных обществах; однако он не выделяет специальных характеристик нынешнего иконического опыта, за исключением того, что современные общества гораздо сложнее и в ранг вещей священных здесь попадают совершенно разнородные явления. Можно также поставить вопрос о том, каковы механизмы и степень связи между искусством как сферой, продуцирующей такие знаки, и социальной жизнью, в контексте которой тоже возникают иконические объекты, а также о том, при каких условиях художественные образы становятся социально значимыми иконическими объектами. Случается ли это только в тех случаях, когда они точно выражают настроения людей (тем более что не все произведения искусства, даже при условии отражения в них повседневной жизни, становились иконическими, как и не все рекламные образы эффективны с экономической точки зрения)? Наверное, ответ на эти вопросы следует искать на путях социологического исследования глубокой связи между искусством (и прочими областями культуры как символическими системами) и социальной системой, благодаря чему происходит упорядочивание человеческой деятельности в виде стандартизированных практик и обеспечивается социальная солидарность. Иными словами, необходимо дальнейшее конкретное изучение того, как относительно произвольные и независимые явления в символических системах оказываются связанными с социальной структурой в специфическом пространстве современных обществ.

Литература

1. *Александр Дж.* Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. – М., 2007. – № 1. – С. 17–37.
2. *Александр Дж.* Интерпретация классики как теоретический аргумент: Талкотт Парсонс и его критики в послевоенный период // Современная зарубежная социология, (70–80-е годы). – М.: НИИВО: ИНИОН, 1993. – С. 47–62.
3. *Александр Дж.* Новое теоретическое направление в социологии: Одна из интерпретаций // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Кознен-Хуттера. – М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. – С. 155–163.
4. *Александр Дж.* Обещание культурной социологии: Технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. – 2-е изд. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. – С. 91–98.
5. *Александр Дж.* После неофункционализма: Деятельность, культура и гражданское общество // Там же. – С. 231–249.
6. *Александр Дж., Коломи П.* Неофункционализм сегодня: Восстанавливая теоретическую традицию // СоцИс – М., 1992. – № 10. – С. 112–120.
7. *Куракин Д.* Символические классификации и «Железная клетка»: Две перспективы теоретической социологии // Социологическое обозрение. – М., 2005. – № 1. – С. 63–81.
8. *Николаев В.Г.* Непарсонсианство в 80-е годы XX века: Дж. Александер // Личность. Культура. Общество. – М., 2006. – Вып. 2. – С. 219–235.

9. *Alexander J.C.* Action and its environments: Toward a new synthesis. – N.Y.: Columbia univ. press, 1988.
10. *Alexander J.C.* Clifford Geertz and the strong program: The human sciences and cultural sociology // *Cultural sociology*. – L., 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 157–168.
11. *Alexander J.C.* Iconic consciousness: The material feeling of meaning // *Society & space*. – L., 2008. – Vol. 26, N 5. – P. 782–794.
12. *Alexander J.C.* Iconic experience in art and life: Surface / depth beginning with Giacometti's Standing woman // *Theory, culture & society*. – L., 2008. – Vol. 25, N 5. – P. 1–19.
13. *Alexander J.C.* On the social construction of moral universalism: The «Holocaust» from war crime to trauma drama // *European j. of social theory*. – L., 2001. – Vol. 5, N 1. – P. 5–85.
14. *Alexander J.C.* Social subjectivity: Psychotherapy as central institution // *Thesis Eleven*. – L., 2009. – Vol. 96, N 1. – P. 128–134.
15. *Alexander J.C.* Structure and meaning: Rethinking classical sociology. – N.Y.: Columbia univ. press, 1989.
16. *Alexander J.C.* The meanings of social life: A cultural sociology. – Oxford: Oxford univ. press, 2003.
17. *Alexander J.C.* The modern attempt at synthesis: Talcott Parsons // *Theoretical logic in sociology*: In 4 vol. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1980–1984. – Vol. 4.
18. *Alexander J.C.* Theoretical logic in sociology: In 4 vol. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1980–1984. – Vol. 1. – 234 p.; vol. 2. – 546 p.; vol. 3. – 240 p.; vol. 4. – 530 p.
19. *Alexander J.C.* Twenty lectures: Sociological theory since World War Two. – N.Y.: Columbia univ. press, 1987.
20. *Alexander J.C., Smith P.* The strong program in cultural sociology: Elements of a structural hermeneutics // *The meanings of social life: A cultural sociology*. – Oxford: Oxford univ. press, 2003. – P. 11–26.
21. *Alexander J.C., Thompson K.* A contemporary introduction to sociology: Culture and society in transition. – Boulder (CT): Paradigm, 2008.
22. *Collins R.* Jeffrey Alexander and the search for multi-dimensional theory // *Theory & society*. – Dordrecht, 1985. – Vol. 14, N 6. – P. 877–892.
23. *Cordero R., Carballo F., Ossandon J.* Performing cultural sociology: A conversation with Jeffrey Alexander // *European j. of social theory*. – L., 2008. – Vol. 11, N 4. – P. 523–542.
24. *Culture and society: Contemporary debates* / Ed. by J.C. Alexander, S. Seidman. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990.
25. *Davis W.* Visuality and pictoriality // *J. of anthropology & aesthetics*. – Cambridge (MA), 2004. – Vol. 46, Spec. iss. : Polemical objects. – P. 9–31.
26. *Durkheimian sociology: Cultural studies* / Ed. by J.C. Alexander. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1988.
27. *Emirbayer M.* The Alexander school of cultural sociology // *Thesis Eleven*. – L., 2004. – Vol. 79, N 1. – P. 5–15.
28. *Emmison M., Smith P.* Researching the visual: Images, contexts and interactions in social and cultural inquiry. – L.: SAGE, 2000.
29. *Entrikin N.J.* Introduction: Jeffrey Alexander on materiality // *Society & space*. – L., 2008. – Vol. 26, N 5. – P. 778–781.
30. *Geertz C.* Local knowledge: Further essays in interpretive anthropology. – N.Y.: Harper, 1983.
31. *Geertz C.* The interpretation of cultures. – N.Y.: Basic books, 1972.
32. *Harre R.* Material objects in social worlds // *Theory, culture & society*. – L., 2002. – Vol. 19, N 5–6. – P. 23–33.

33. Joas H. Cultural trauma? On the most recent turn in Jeffrey Alexander's cultural sociology // European j. of social theory. – L., 2005. – Vol. 8, N 3. – P. 365–374.
34. Mitchell W.J.T. Iconology: Image, text, ideology. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1986.
35. Pierce C.S. Philosophical writings. – N.Y.: Dover, 1955.
36. Reed L., Alexander J.C. Social science and performance: A cultural-sociological understanding of epistemology // European j. of social theory. – L., 2009. – Vol. 12, N 1. – P. 21–41.
37. Seel M. Aesthetics of appearing. – Stanford: Stanford univ. press, 2005.
38. Semashko L.M. Review of J.C. Alexander's The meanings of social life: A cultural sociology // International sociology. – L., 2006. – Vol. 21, N 6. – P. 834–838.
39. Smith P. Cultural theory: An introduction. – Oxford: Blackwell, 2001.
40. Smith P. The Balinese cockfight decoded: Reflections on Geertz, the strong program and structuralism // Cultural sociology. – L., 2008. – Vol. 2, N 2. – P. 169–186.
41. Social performance: Symbolic action, cultural pragmatics and ritual / Ed. by J.C. Alexander, B. Giesen, J. Mast. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006.

Е.В. Якимова
КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ СЕГОДНЯ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТАТЕОРИЯ.
(Аналитический обзор)

Культурная психология – относительно новая совокупность междисциплинарных исследований, возникшая и оформившаяся в качестве самостоятельной области западного социального знания в 80–90-е годы прошлого века. Ее теоретическую базу составили кросскультурная психология, культурная антропология, социальная психология и психология развития. В методологическом отношении культурная психология опирается на разработки дискурсивной психологии, социального конструкционизма и теории социальных представлений, настаивая на своей приверженности качественным методам исследования. Применительно к культурной социологии (в ее сопоставлении с культурной психологией) можно говорить об общем фарватере этих исследовательских направлений, которые сближает интерес к осмыслению культуры в качестве инструмента конституирования социальной реальности, – прежде всего, в форме общепринятых социокультурных значений. В центре внимания обеих дисциплин – культурные объекты как резервуары социальных смыслов и культурные инструменты созидания и передачи этих смыслов. Общим является также отказ от рассмотрения феномена культуры в качестве внешнего, приводящего элемента социальной среды. Вместо культурных обстоятельств места и образа действия представители культурной психологии предпочитают говорить об имплицитном присутствии культуры в психологическом и социально-психологическом личностном и групповом контекстах повседневности. Культура выступает не как вещь либо сущность, но как переменная важнейших психологических процессов и функций – формирования аттитудов, эмоций, поведенческих паттернов, типов взаимодействия и т.п. Отказ от эссенциализма в трактовке культуры дополнен стремлением выйти за пределы дуализма субъекта и объекта, типичного для классической психологической науки, осмыслить психологические феномены в терминах процессуальной онтологии и отношений интеракции. Существенной характеристикой новой дисциплинарной об-

ласти социального знания выступает также стремление понять саму психологическую науку как часть наличной культуры и наладить «диалог психологий», принадлежащих разным культурным традициям.

Обзорная статья главного редактора журнала «Culture & psychology» Яана Валсинера (декана факультета психологии Университет Кларка, Массачусетс, США) посвящена проблематике и тенденциям развития относительно новой области социального знания – культурной психологии, которые нашли отражение в публикациях журнала за последние пять лет (10). Валсинер продолжает традицию «регулярных отчетов о приключениях культуры в рамках психологии», начатую им в 1995 г. в первом выпуске этого журнала (12; 13; 14), который с тех пор добился статуса законодателя мод в области культурной психологии. Особенностью данного обзора является намерение автора связать развитие культурной психологии (ее «новации и упущения») с базовыми задачами психологической науки в целом, прежде всего – с необходимостью адекватного понимания динамики смылосозидания в повседневной жизни. Кроме того, настоящий обзор призван иллюстрировать процесс создания культурных объектов (или культурных конструкторов) на примере периодического научного издания. Таким образом, материалы журнала «Culture & psychology» одновременно выступают объектом метатеоретического анализа, позволяющим судить о состоянии дисциплины, и культурным конструктором, который делает очевидной социальную природу конкретной области знания.

Автор предлагает к обсуждению следующие темы: 1) новейшие исследовательские направления, которые способствуют (или могут способствовать) генерации свежих идей в культурной психологии; 2) методологические трудности, связанные с эмпирическим изучением процессов смылосозидания в социальном мире; 3) диалог культурной психологии (и психологической науки вообще) с западными психологическими представлениями и концепциями; 4) возвращение психологической науки, преодолевшей ограниченность эмпиризма и постмодернизма, в лоно обобщающих абстракций и культурно-инклюзивных теорий.

Культурная психология, сформировавшаяся в качестве самостоятельной исследовательской области в 80-е годы прошлого века, базируется на теоретических и эмпирических постулатах антропологии, психологии развития и социальной психологии. Отправным пунктом этой дисциплины служит понимание культуры «не как внешней приводящей сущности, которая обуславливает эмоции, познание и поведение людей, но как неотъемлемой содержательной части этих и прочих психологических функций»; при этом речь идет о «культуре, интерпретированной в терминах семиотического опосредования и значимых (смыслосодержащих) паттернов действия» (10, с. 5). Несмотря на то что данная дисциплина уже завоевала определенный научный авторитет, Валсинер характеризует ее «эпистемологический рынок» как находящийся в стадии становления. Термин «культура» (многозначность и неопределенность или, скорее, неопределен-

мость которого автор относит к числу его достоинств, а не недостатков) – это единственное связующее звено между крайне разнообразными направлениями, существующими в пределах исследовательского поля культурной психологии. Однако именно гетерогенность знания, по мнению автора, выступает залогом его открытости новым веяниям. С этой точки зрения культурная психология выглядит «многообещающим напористым неопитом», который намерен преодолеть немоту психологической науки последних десятилетий.

Востребованность культурной психологии в современном обществе Валсинер связывает не только с реанимацией идей таких мыслителей, как Выготский, Бахтин, Гадамер и Левинас, но и с процессами глобализации, которые все чаще заставляют задумываться о противоречии «мы» и «они» (свои / чужие) в самых разных социальных контекстах (политика и искусство, вооруженные конфликты и экономика). «Непосредственным результатом глобализации становятся все более частые “внезапные контакты” представителей разных культурных сообществ – со всеми вытекающими отсюда последствиями», – подчеркивает Валсинер (10, с. 8). Другим ее результатом является расширение культурного диапазона академической науки, которой все в меньшей степени удастся сохранять национальную специфику. В авангарде всех этих процессов (применительно к психологической науке) находится сегодня культурная психология.

Оценивая теоретические успехи этой дисциплины в первые десятилетия XXI в., Валсинер вынужден констатировать отсутствие каких-либо выдающихся результатов: налицо скорее социальное позиционирование учеными своей готовности к концептуальному прорыву на фоне поисков нетривиальных решений хорошо известных проблем. Тем не менее за последние пять лет исследовательское пространство культурной психологии обогатилось такими темами, как анализ общеупотребительных (обобщенных) культурных символов; «актуация» (приведение в действие) как способ соединения таких символов и поведенческих актов; по-прежнему актуально осмысление культурной природы субъективности, опосредованности Я взаимодействием с другими в культурных контекстах, непредсказуемости (неожиданности) социокультурных ситуаций; в центре внимания исследователей остается феномен полифоничности (многоголосья) Я, реализуемой посредством разных дискурсивных практик в приватной и публичной (социальные институты) сферах жизнедеятельности людей.

Характерной особенностью нынешних дебатов в культурной психологии является возобновление старых споров в новых терминологических формах, подчеркивает автор. Если в 1950-е годы психологи обсуждали проблему непосредственной / опосредованной природы перцептивных актов, то в культурной психологии последних лет соперничают теория инактивизма (enactivism) и концепция медиации (mediation) (15, с. 11). Первая точка зрения сводится к толкованию социальной перцепции как совокупности сложных культурных актов, для которых характерны немедлен-

ность, сиюминутность, безотлагательность их осуществления, причем «социальность» здесь не тождественна «общезначимости» (разделяемости всеми), но связывается с понятием семиотического статуса культурных объектов. Данная концепция не получила поддержки у сторонников классической теории социальных представлений, отстаивающих идею социальной сконструированности культурных и прочих социальных репрезентаций. Валсинер также не разделяет позицию инактивизма, считая более перспективными идеи медиационной теории, где акцентируется опосредование процессов восприятия и представления культурными ресурсами. При этом медиация рассматривается как самоочевидная данность, а фокусом исследования выступает «конструирование самых разных систем опосредования, которые можно обнаружить в повседневной жизни людей, в сфере их мыслей и чувств» (10, с. 10). Преимуществом культурно-психологической модели семиотического опосредования социальной перцепции и репрезентации автор считает использование заимствованных из социологии понятий «культурные инструменты» и «символические ресурсы», а также – семиотики Ч. Пирса, которая может послужить фундаментом абстрактных моделей конкретных культурно-психологических феноменов.

Переизданием классических концептуальных дебатов является и новейший поиск единицы анализа в культурной психологии, считает автор. В работах Е. Матусова обосновывается идея открытых и бесконечных единиц анализа применительно к одному и тому же культурному объекту (7). Подобная единица может задаваться объектом исследования или его аспектом, избранным углом зрения аналитика, аудиторией, которой адресован конечный результат научных изысканий, составом участников эмпирического проекта и т.п. Любая из исследовательских единиц может оказаться «уместной» в той или иной исследовательской ситуации, но ни одна из них не имеет права на доминирование либо исключительность. Таким образом, приоритетом при выборе единицы анализа становится тема исследования (topic), а знание понимается прежде всего как синтез (а не анализ) данных, сбор которых может продолжаться как угодно долго. Следовательно, исследовательский поиск в принципе равнозначен бесконечному конституированию единиц анализа, приоритет которых всегда произволен.

Не оспаривая позиции Матусова, Валсинер тем не менее предлагает вспомнить идею диалектических элементов анализа, выдвинутую в свое время Выготским. Здесь аналитической единицей выступают «неделимые далее характеристики объекта... в которых в противоположном виде представлены его свойства как единого целого» (цит. по: 10, с. 12). Примером подобных единиц в культурной психологии являются переменные персональных, индивидуальных смыслов (слова, представления, идеи), противоречивая совокупность которых образует итоговое – общепринятое, по-

нятное всем, употребительное значение (слова, представления, идеи) как диалектического единство индивидуально-смысловых противоположностей.

Спор о единствах культурно-психологического знания переключается с дебатами о преимуществах той или иной его теоретической перспективы. Если разнообразие эмпирических подходов, находящих отражение на страницах «Culture & psychology», представляется его главному редактору плодотворным для развития этой дисциплины, то конкуренцию теорий разного уровня он считает «пустой тратой времени». Исключением является предложение Е. Матусова организовать исследовательское поле культурной психологии в виде двух пересекающихся концептуальных пространств, различие которых связано с трактовкой социальной иерархии. Культурно-историческая перспектива (и тяготеющие к ней культурно-психологические модели) принимает идею такой иерархии, социально-культурная – ее отрицает, выдвигая взамен принцип воплощенности индивидов в социокультурных контекстах (6). Эта классификация представляется Валсинеру «рациональным зерном нынешних метатеоретических дебатов», притом что само по себе отрицание социальной иерархии тождественно отказу от понимания культурных объектов как структурированных, т.е. имеющих какую-либо форму внутренней упорядоченности. Преодоление дилеммы названных перспектив видится автору статьи на пути уяснения их сторонниками «диалектики части и целого», конкретнее – осмысления социального актора, встроенного в социальную ситуацию, как субъекта ее трансформации, возможной исключительно в пределах самой ситуации.

Если внутренние теоретические столкновения не способствуют развитию дисциплины, продолжает Валсинер, то модное сегодня движение в защиту «иных», или «туземных», психологий может быть средством расширения ее культурного горизонта и обогащения психологического знания в целом. Само разделение психологических представлений на «магистральные» и «иные» автор квалифицирует как пережиток колониальной эпохи, маскирующий снобизм западной науки и философии. Между тем именно «иные» философско-психологические доктрины демонстрируют ограниченность и культурную зашоренность магистрального психологического знания. В качестве примера можно привести индийскую философскую традицию, где в противовес западной трактовке развития личности как одностороннего поступательного процесса формирование когнитивных механизмов в онтогенезе (в переводе на язык западной психологической науки) сменяется более высоким этапом освобождения Я от диктата этих механизмов и овладения собственным духовным потенциалом.

В качестве «иных» психологий может выступать и собственное теоретическое наследие, например (со знаком «плюс») – немецкая психология рубежа XIX–XX вв. как антитеза позднему панамериканизму, или (со знаком «минус») – «идеология северо-американского бихевиоризма, имевшая самые драматические последствия для развития мировой психо-

логической науки» (10, с. 18). Перед культурной психологией сегодня стоит задача восстановления добихевиористского аналитического фокуса: вместо объяснений «того, что есть» в духе наивного реализма необходимо заняться осмыслением «того, что было, могло быть, будет или собирается быть». Констатация фактических поведенческих актов как очевидной данности должна смениться «наблюдением значимого, смыслового поведения целенаправленных организмов (не только людей), которые создают актуальные жизненные траектории из массы разнообразных возможностей» (там же). Таким образом, поведение уже не может быть описано в терминах эссенциализма, как «наличность», существующая в тех или иных фиксированных количествах. Поэтому культурная психология является по преимуществу качественной наукой, где количественные подходы составляют подкласс качественных методов анализа. Статистические сведения играют здесь, как и вообще в науках о культуре, второстепенную роль; более того, «множество практических обобщений, базирующихся на эмпирических данных, является культурным артефактом, который может украсить музей науки, но не привносит ничего нового в ее развитие» (10, с. 20).

Завершая характеристику методологической специфики культурной психологии, Валсинер акцентирует ее направленность на генерацию обобщений путем исследования отдельных культурных феноменов в их уникальных проявлениях. В этом отношении данная дисциплина выступает наследницей микросоциологии культуры и антиподом кросскультурной психологии; ее методологическое кредо – не квантификация явлений, а реконструкция культурного целого на базе тщательного анализа его эпизодов.

В заключительной части статьи Валсинер обращается к анализу научной периодики как «культурного объекта». Обзор публикаций в журнале «Culture & psychology» демонстрирует неизменный интерес ученых ко всему тому, что подпадает под определение культурного объекта. В некотором смысле можно утверждать, что культурная психология – это наука о культурных объектах, которые дают исследователю «ключ к психологии людей... под углом зрения конституирования ими социальных значений» (10, с. 23). Тем самым журнал демонстрирует приоритет семиотического направления в культурной психологии как наиболее перспективного для ее развития в XXI в.

К разряду культурных объектов, продолжает автор, может быть отнесено все множество социальных феноменов (как сущностных, так и процессуальных, как реальных, так и виртуальных), которые несут в себе символическое содержание в любой его форме – индексивной, иконической, знаковой. Культурным объектом является жилище – и образ жизни его обитателей, архитектурный памятник – и современные ему строительные технологии. Это своего рода «татуировки коллективной души», которые диктуют изучающей их дисциплине «методологическое кредо виртуальной антропологии». В таком случае задача культурной психологии

может быть конкретизирована как «поиск принципов координации разных знаковых типологий в процессе конструирования холистского культурного порядка» (10, с. 23). На этом пути многообещающим выглядит наметившееся с недавних пор сотрудничество этой дисциплины, изучающей наличные социальные смыслы культурных артефактов, с археологией, занятой реконструкцией подобных смыслов прошлых эпох.

Научная периодика, продолжает Валсинер, – это тоже культурный объект с закодированными в нем значениями в форме социального знания. С этой точки зрения издание журнала и та или иная издательская политика тождественны созиданию смыслов, применительно к «Culture & psychology» – специфических смыслов конкретной области знания. Особенность научной периодики XXI в. – ее радикальное изменение под воздействием быстрого развития электронных технологий и временной приоритет электронной версии публикуемых материалов. Эти процессы самым непосредственным образом отражаются на издательских стратегиях, считает главный редактор «Culture & psychology». На первый план выступает не глубина информации, а ее доступность, открытость для самого быстрого усвоения, хотя бы поверхностного. Валсинер называет этот процесс «голливудизацией» научной периодики, подразумевая погоню за внешним эффектом, занимательностью, конкретикой – в ущерб теоретическим обобщениям тех или иных событий культуры. Так возникает эмпиризм нового типа, подкрепленный тенденцией к фрагментации знания, во-первых, и философскими установками постмодернизма, акцентирующего локальность и контекстуальную ограниченность любого знания, – во-вторых.

Другой аспект издательской деятельности как культурного артефакта связан с возрастающим социально-институциональным контролем над «печатными материалами». Его ярчайшими проявлениями Валсинер считает пресловутый индекс цитирования как показатель научного рейтинга конкретного автора либо журнала в целом и стремление разделить научную периодику на магистральную и периферийную. На этом фоне движение культурной психологии навстречу «иным» психологическим перспективам (и отражающим их локальным научным журналам) выглядит как достойный ответ попыткам культурной контекстуализации академической науки, подчеркивает автор.

В противовес доминирующей ориентации на индексы цитирования редакция журнала «Culture & psychology» придерживается принципа жесткой селекции публикуемых материалов. Суть ее сводится к выявлению научных текстов, в которых дескрипции конкретных культурных эпизодов подняты до уровня обобщающих гипотез. Такая издательская стратегия призвана покончить с эмпиризмом, свойственным психологическому знанию в целом, и открыть путь к созданию значимых абстракций. В этом «движении от деконструкции к конструированию» Валсинер усматривает главную задачу культурной психологии нового тысячелетия.

Американские исследователи Джон Кристофер (Университет штата Монтана) и Марк Бикхард (Университет Лихай, Бетлехем, Пенсильвания) полагают, что продуктивному развитию культурной психологии как науки, которую интересует личность в социально-исторических обстоятельствах, препятствует ее приверженность «старой онтологии» (1). Авторы имеют в виду ньютоновско-картезианские философские основания классической психологии: субстанциализм и дуалистическое противопоставление ментальных и физических «сущностей». Эти основания пришли в противоречие с современными тенденциями психологической науки к культурной саморефлексии, во-первых, и к рефлексии культуры, – во-вторых. Первая из названных тенденций выражается в настойчивых попытках психологов рубежа XX–XXI вв. осмыслить свою дисциплину как принадлежащую культуре, т.е. отмеченную влиянием современного ей культурно-исторического контекста. Психология, подчеркивают Кристофер и Бикхард, в теории и на практике постепенно отказывается от необоснованной претензии быть вне культуры и обращается к анализу своего места в ней.

Вторая тенденция, к которой присоединяются авторы настоящей статьи, состоит в стремлении создать новую метатеорию психологической науки как «культурной психологии». В качестве таковой М. Бикхард рекомендует разработанную им концепцию интерактивизма и продуцируемую ею «процессуально-ориентированную онтологию... феноменов, которые обусловлены бытием человека в мире» (1, с. 259–260). Философско-теоретическими предпосылками интерактивизма выступают прагматизм Ч. Пирса и психологические идеи Ж. Пиаже. Первоначально интерактивизм послужил моделью для нового прочтения феномена представлений, понятых как «эмерджентное свойство интерактивных систем», т.е. как явление, возникающее в ходе взаимодействия индивида и среды, как продукт и процессуальная характеристика их взаимных отношений. Впоследствии переосмыслению в терминах интерактивизма подверглись и другие психологические категории – эмоции, сознание, память, язык, рациональность, восприятие, мотивация, научение, психопатология, личность. Так сложилась метатеоретическая интерактивистская схема, которая «до сих пор не посягала на толкование культуры как таковой», но которая, как полагают Кристофер и Бикхард, «благодаря возникшей в ее недрах культурной онтологии личности... поможет углубить и обогатить интерпретативные, герменевтические и социально-практические интерпретации культуры, внося весомый вклад в развитие культурной психологии» (1, с. 260).

Не останавливаясь на истории формирования интерактивизма как философской доктрины, авторы намерены в данной статье продемонстрировать именно те ее аспекты, которые релевантны задаче создания целостной метатеории культурной психологии. В первую очередь следует отказаться от эссенциализма в пользу онтологии процессов и их организации. В то время как естественные науки давно кончили с флогистоном,

флюидами и тому подобными сущностными толкованиями физических явлений, психология упорно выступает за реификацию и противопоставление таких «вещей», как дух и тело, культура и Я, внутренние представления и внешние реалии, факты и ценности, и т.п. Отсюда проистекает трудноразрешимая проблема реинтеграции этих «сущностей», которая влечет за собой кардинальный вопрос: как и почему становится возможным влияние внешнего (культура) на внутреннее (Я, личность), как происходит усвоение ценностей культуры в субъективном опыте? Интерактивизм и его процессуально-ориентированная онтология предлагают «реконцептуализацию этих “вещей” и “сущностей” в виде полюсов и аспектов процессов и их организованной интеракции». Не отказываясь от понятия «структура», интерактивизм трактует его как «эмерджентную стабилизацию процессов», лишенную субстанциональных характеристик (1, с. 261).

Важнейшая задача современной психологии, по мысли авторов, состоит в преодолении указанных эссенциализма и дуализма в толковании ментальных и социальных явлений. В авангарде новой психологической науки стоят представители кросскультурной и собственно культурной психологии, заимствовавшей ряд концептуальных положений Выготского, Бахтина и Бурдые. Однако даже в самых удачных работах в жанре (кросс)культурной психологии сохраняется тенденция к рассмотрению культурной составляющей диалога «личность – среда» в качестве независимой переменной. Это влечет за собой необходимость объяснения того, как становится возможным «присвоение культуры» социальным субъектом. С. Тернер назвал это «проблемой трансмиссии», подчеркнув, что объяснения, которые предлагают социальные науки (и психология в их числе), оперирующие понятием социальной практики, по большей части ограничиваются заключениями по аналогии (9). Лучшей иллюстрацией справедливости критических замечаний Тернера авторы считают психологическую концепцию интериоризации (интернализации). Процесс интернализации, т.е. усвоения ребенком явлений и понятий внешнего (социокультурного) мира, объясняется здесь посредством ссылок на сложные когнитивные механизмы, большинством из которых ребенок еще не обладает. С этой точки зрения интернализация является метафорой, но не экспликацией того, как независимая «внешняя» культура становится субъективным опытом индивида. Метафора интернализации, пишут Кристофер и Бикхард, – это современная версия древнегреческого толкования представлений как впечатлений – по аналогии с восковым отпечатком, с той разницей, что теперь представление-отпечаток оказывается растянутым во времени. Взамен этого «интерактивистская модель предлагает процесс конструирования личностных уровней знания – уровней, которые внедряются в этот мир, в том числе и в мир социальный, квазиэволюционным путем, что позволяет избежать рассуждений об отпечатках либо трансмиссии извне вовнутрь», – резюмируют свою позицию авторы (1, с. 264).

Обсуждение уровней знания – ключевого элемента интерактивистской онтологии личности – авторы предваряют описанием других ее составляющих. Это: а) имплицитность культурных смыслов в мышлении, поведении и эмоциональном багаже личности; б) представление как интеракция; в) вариативность и селективность конструирования субъективного опыта.

По мнению Кристофера и Бикхарда, идея имплицитности позволяет понять, «каким образом культурные ценности, значения и допущения, свойственные нашим мыслям, чувствам и поведению, присутствуют в нас без их предварительной интериоризации либо осознания» (1, с. 264). Понятие имплицитности культуры означает отказ от дуализма внешнего (объект) и внутреннего (субъект) в пользу пространства их интеракции. Такое пространство уже содержит в себе, точнее, заранее предполагает определенный набор ценностей и значений, которые иногда называют пропозициональными аттитюдами (8). Пропозициональные аттитюды, или «исходные ценностные предпосылки (допущения)», не являются субстанциональными свойствами, присущими сознанию либо поведению индивида в качестве «вещи» (например, в виде ментальных содержаний когнитивных структур); они имеют реляционную природу, т.е. возникают в контексте взаимодействия индивида (личности) и среды (культуры). По мере повторения сходных интеракций подобные аттитюды «усваиваются», приобретая привычный характер. Имплицитность, таким образом, является «функциональным свойством системы (организма либо личности) в ее взаимодействии с окружающей средой, но без непременно присутствия этого свойства или его пребывания *внутри* той или иной субстанции» (1, с. 265). При этом неявное присутствие культурных содержаний в мышлении и поведении людей возникает не на пустом месте, а как результат эволюции самого свойства имплицитности в прочих формах биологической жизни.

В терминах имплицитности, продолжают авторы, процесс ранней социализации ребенка предстает как накопление и развертывание определенных паттернов взаимодействия со значимыми другими, где находят отражение те или иные способы бытия, поведения, эмоциональных реакций и (позднее) мышления (осознания происходящего). Такие паттерны уже содержат в себе различного рода допущения относительно окружающего мира, значимых других и самого ребенка – допущения, которые объединяются в конкретные моральные представления, т.е. неявное, неартикулированное понимание того, что хорошо, а что плохо. Эти представления еще не образуют в сознании ребенка какого-либо ментального содержания. Они не расчленены и не управляются когнитивными структурами (самоконтроль, самооценка). Они не осознаются, но при этом не являются «бессознательными ментальными сущностями», подобными тем, которыми оперирует психологическая доктрина когнитивизма. Понятие имплицитности, таким образом, не только позволяет избежать реифи-

кации ментальных составляющих ранней социализации, но и избавляет от необходимости наделять ребенка когнитивными атрибутами взрослой личности. До сих пор в психологии было принято объяснять когнитивные акты детей раннего возраста присутствием скрытого (и даже имплицитного) ментального содержания, которое на деле ничем не отличается от «взрослого» его варианта и оказывается тем самым объяснением по аналогии, против которого выступал С. Тернер.

Разумеется, замечают авторы, речь идет не о том, что когнитивные структуры не существуют вовсе или не участвуют в субъективном «присвоении культуры». Просто они являются атрибутом ментального аппарата взрослых индивидов, способных к саморефлексии и дифференциации себя и мира, в то время как «дети – это дорефлексивные участники жизни как игры, и это – единственная игра, которую они знают». Дети не вычлениают себя из своего окружения, не отделяют от значимых других, поэтому доступные им интеракции «включают знания и допущения... справедливые для бытия-в-мире в его целостности» (1, с. 268). Дорефлексивное участие культуры в бытии индивида в мире сохраняется и на более поздних этапах его ментального развития, когда его интеракции с этим миром опосредуются сложными когнитивными механизмами.

Понятие имплицитного присутствия культуры в жизненном мире индивида, предложенное интерактивизмом, сближает его с герменевтическими концепциями и с теориями социальных практик, считают Кристофер и Бикхард. С этой точки зрения интерактивизм можно расценивать как «модель воздействия на нас социальных практик, в которые мы погружены, не ведая об их воздействии» (там же). В целом культура, понятая в терминах интерактивизма, предстает не как «вещь» или «независимая переменная», которую еще предстоит реинтегрировать с противостоящим ей Я, а как то, что «всегда присутствует в этом Я, причем по большей части имплицитно» (1, с. 269).

С идеей имплицитности связана также интерактивистская трактовка представлений – одного из самых проблематичных понятий в истории психологической мысли, продолжают свои рассуждения Кристофер и Бикхард. Традиционное понимание представлений акцентирует структурный изоморфизм либо информационное (или любое иное) соответствие объекта внешнего мира и его внутреннего (ментального) образа у субъекта. В этом случае представления тождественны впечатку, зеркальному отражению, визуальному образу, которые могут соответствовать «фактам» (и тогда они считаются истинными) либо исказить их (и тогда они считаются ложными). В свою очередь, для интерактивизма ментальные образы не только не исчерпывают всего арсенала субъективных представлений, но даже не являются фундаментальными (базовыми) элементами формирования нашего опыта и знания о мире. Этот тип представлений, характеризующихся высоким уровнем абстракции, возникает постепенно, по мере развития и взросления индивида, тогда как ребенок оперирует только

функциональными представлениями о мире. Именно такие представления составляют основу всех прочих разновидностей восприятия реальности, замечают авторы.

Интерактивистская модель раннего развития выдвигает на первый план способы взаимодействия ребенка с его окружением и аккумуляции такого – полученного методом проб и ошибок – опыта (т.е. поведенческих паттернов, а не событийной памяти) в процессе формирования личности. Так, представление о комнате, где привык играть ребенок, – это не визуальный образ расположенных в ней предметов, а функциональный опыт возможных способов взаимодействия с ними. «Интерактивизм начинается с утверждения, что представления функциональны по своей природе: они базируются на типах доступных нам взаимодействий с окружающим миром». Поэтому базовое представление о комнате означает «дифференциацию в ее пределах возможных действий с предметами... оно конституируется как функциональный предвестник организации интерактивного потенциала» (1, с. 271). Для ребенка представление о стуле – это не «образ стула», а та совокупность актов (опрокинуть, сдвинуть в сторону, сесть верхом), которые, как показывает интерактивный опыт ребенка, возможны применительно к этому предмету. Таким образом, «в рамках интерактивизма самой фундаментальной формой представлений оказывается та, которая предоставлена нам нашими интеракциями» (там же). При этом само собой разумеется, что идея предвидения (ожидания) тех или иных интеракций как адекватных наличным условиям среды включает имплицитность таких предвидений (которые сами по себе могут быть истинными или ложными).

Самым существенным элементом новой онтологии представлений Кристофер и Бикхард считают тезис об изначальном присутствии в них культурных смыслов, значений и ценностей. Представления как атрибуты интеракций организма и среды – это другая сторона погруженной в культуру и воплощенной в ней социальной агентности. Тем самым культура мыслится «не как некоторое привходящее качество или субъективная окраска восприятия реальности... она просто встроена в нашу способность представлять мир» (1, с. 271).

Процессуальная модель представлений как эмерджентного свойства социокультурных интеракций требует пересмотра традиционной концепции социального научения, считают авторы. Они выделяют три варианта классических психологических трактовок этого феномена и связанной с ними проблемы целостности личности. Первый ссылается на когнитивные структуры (верования, перцепции, представления), которые таинственным образом поддерживают внутреннюю целостность субъективного опыта. Второй вариант объяснений сводится к упомянутой выше метафоре интериоризации. Ближе всего онтологии интерактивизма их третий вариант – теории научения как «присвоения» ребенком расширяющихся социальных практик. Вопрос в том, как именно происходит такое присвоение. Недос-

таток всех перечисленных трактовок проблемы целостности личности в ходе ее социокультурной адаптации, включая теории научения, – их верность классической психологии пассивного сознания, которое складывает внешние впечатления безотносительно к уже содержащимся в нем «отпечаткам» прошлого опыта. Интраактивизм как процессуальная онтология настаивает на принципе вариативно-избирательного конструирования личностью ее субъективного опыта в ее взаимодействиях с миром. Поведенческие паттерны, в которых содержатся те или иные культурные смыслы, участвуют в формировании личности и сохранении ее целостности «посредством конструирования действий и обучения действиям, а также способам их организации, которые будут успешны / неуспешны» в данных социокультурных обстоятельствах (1, с. 273). Присвоение ребенком социокультурных практик происходит не как беспорядочное оседание в его сознании элементов таких практик, но как активное участие в них методом проб и ошибок и активный же выбор успешных (адекватных) вариантов, которые фиксируются в виде личного опыта общения с миром.

Ребенок конструирует и выбирает свой вариант взаимодействия со средой, накапливая багаж успешных интеракций, который затем становится базисом для новых интеракций, сохраняясь в субъективном опыте личности и способствуя ее психологической стабильности. «Наша личность стабильна по той причине, – замечают авторы, – что, встречаясь с новыми условиями среды, мы руководствуемся нашим прежним опытом... даже в тех случаях, когда этот опыт был неудачным... стабильность протекает также из необходимости выбора таких интеракций, которые соответствовали бы наличной ситуации» (там же). Таким образом, конструкции взаимодействия с миром, накопленные в нашем опыте, одновременно являются ресурсами для новых конструкций и рамками, в которые новые конструкции должны вписаться. Отношения между «новыми» и «старыми» субъективными конструкциями опыта, с одной стороны, способствуют стабильности и целостности личности, с другой – делают ее открытой для экспериментальных интеракций, поскольку «представления и знание о мире мыслятся в виде эмерджентных свойств системной организации, а не как фиксированный набор составляющих их элементов» (1, с. 274).

Постулаты интеракционизма, о которых речь шла выше, служат предпосылками для презентации его главного содержания – учения об уровнях знания (knowing levels). Под уровнями знания здесь не имеются в виду сменяющие друг друга стадии когнитивного освоения мира в онтогенезе (хотя идея стадийного развития психики, хорошо известная в психологии, в том числе благодаря теории Ж. Пиаже, сохраняется в интерактивизме). В первую очередь речь идет о «всей полноте осознания и осведомленности» применительно к: а) знанию о мире; б) представлениям; в) Я; г) идентичности; д) целям и ценностям; е) культуре. Кристофер и Бикхард рассматривают это понятие как теоретический инструмент для разрешения проблемы дуализма в классической западной психологии, а

также – концептуальных споров о «социальной агентности» в новейшей философии, социологии и антропологии.

Интерактивизм «распределяет агентность между различными уровнями осведомленности (знания), которая касается как нашего бытия в мире (хайдеггеровское *Dasein*), так и присущей нам рефлексии по поводу этого бытия, а также саморефлексии» (осознания своего Я в его отношениях с миром и прочими Я) (1, с. 275). Главным в интерактивистском учении об уровнях знания является тезис о способности личности к рефлексивной абстракции, или – к трансценденции прежних уровней знания о себе и о мире, причем таким образом, что «имплицитное прежде теперь становится эксплицитным», т.е. частичным либо полным достоянием сознания (1, с. 276). Иными словами, переход от одного уровня к другому мыслится здесь как «качественный скачок сознания» применительно к неявному когнитивно-психологическому и эмоционально-поведенческому содержанию предыдущего этапа освоения мира. Сказанное означает, что переходя с уровня I на уровень II и т.д., «мы обретаем возможность рефлексивно осмыслить то, что до сих пор имплицитно присутствовало в нашем бытии-мире и нашем сознании» (там же).

Первый уровень знания, который не только служит началом онтогенеза, но и онтологически первичен (как фундамент нашего бытия-в-мире), характеризует отношения с миром, доступные младенцам и очень маленьким детям. Это знание до-рефлексивно и пред-сознательно, оно формируется посредством нашей способности к взаимодействию методом проб и ошибок и является «функционально-процедурным». Очевидно, что подобное знание имплицитно во всем его объеме: ребенок *имеет* знание о мире, но не *обладает*, поскольку не дифференцирует свое Я и его окружение, равно как и его отдельные элементы. Он имеет достаточно представлений о мире, чтобы вступать в успешные интеракции, но не обладает чувством агентности, не осознает себя как действующего и познающего субъекта. «На этой ступени, – поясняют свою мысль авторы, – представление есть только аспект взаимодействия Я с миром, мышление существует исключительно в контексте интеракций, Я имплицитно воплощено в мире своих взаимодействий и поглощено им, оно есть интерактивное бытие» (1, с. 276). Уровень II уже допускает рефлексивное абстрагирование от интерактивного бытия; в 3–4 года ребенок способен выделять себя из того контекста, в который он был полностью погружен, и представлять себе этот контекст как отличный от него самого. Теперь ребенок уже обладает эксплицитным знанием о себе и готов к таким метакогнитивным операциям, как формирования Я-концепции и автобиографические воспоминания. Более того, он начинает оперировать целями и ценностями, которые до сих пор существовали как неразрывное целое с его Я. На уровне I цели и ценности воплощены в Я, на уровне II они становятся объектами рефлексии и подлежат иерархическому упорядочиванию, вокруг которого организуется взаимодействие ребенка с миром. На уровне III начинается процесс, кото-

рый Э. Эриксон назвал формированием идентичности (2). Прежде идентичность ребенка, очевидная для окружающих, была присуща ему имплицитно, в 9–11 лет ребенок не просто знает, кто он такой в сравнении с другим, он знает, кем ему следует быть.

Рефлексивное абстрагирование, а значит, и связанные с ним уровни знания являются неограниченными психологическими процессами, подчеркивают Кристофер и Бикхард. Этот тезис имеет ряд важных методологических следствий для понимания интерактивистской модели личности в культуре в целом. Во-первых любой из уровней знания – это чистая возможность, которая может быть, а может и не быть реализована в субъективном опыте индивида. При этом реализация потенциала любого уровня не будет означать синхронной трансценденции всех сфер бытия личности. Во-вторых, каждый следующий уровень знания, являясь более сложным, чем предыдущий, не может расцениваться как «лучший» или «превосходящий прежний», хотя бы потому, что более высокие уровни знания и агентности, открывая доступ к новым представлениям, ценностям и смыслам, одновременно увеличивают вероятность искажений и ошибок. С этой точки зрения развитая интроспекция не является единственным или предпочтительным способом саморефлексии; знание того, кто мы есть, дается нам также в наших повседневных практических интеракциях. В-третьих, уровни знания не должны рассматриваться как реифицированные стадии развития, содержание которых, раз возникнув, сохраняется навечно «внутри индивида». Это – процессы, суть которых состоит в постоянной смене перспектив и точек отсчета. «Рефлексивное абстрагирование – это вероятность, возможность, потенциал, своего рода “иллюминация”, которая на миг высвечивает тот или иной аспект наших интеракций с тем, чтобы тут же погрузить его во мрак нашей воплощенности в мире» (1, с. 280). Как только меняется фокус нашего внимания, то, что только что было ярко освещено, блекнет и стирается, становится «имплицитным».

Концепция уровней знания не столько опровергает существующие представления об агентности, пишут Кристофер и Бикхард, сколько децентрализует этот феномен, постулируя «распределенность» Я и саморефлексии по разным ступеням знания и «осведомленности». «Мы одновременно обладаем тем Я, которое имплицитно дано нам в наших повседневных предпочтениях, и тем Я, которое осознаем и с которым себя отождествляем» (1, с. 279).

Учение об уровнях знания диктует и вполне определенную трактовку культуры, которая, как считают авторы, перекликается с идеями М. Бахтина о диалогическом Я. Поскольку интреактивизм считает неоправданным «разделение личности, представлений, ценностей и культуры как отдельных самостоятельных “вещей”, следует признать, что культура присутствует во всех без исключения уровнях знания, доступных индивиду» (1, с. 280–281). На уровне I культура дана индивиду неявно, затем ее составляющие становятся доступны сознанию и все более четко диффе-

ренцируются им. Поэтому на любой, даже самой высокой и рафинированной ступени рефлексивной абстракции мысли, чувства, поступки и любые интеракции индивида имплицитно включают в себя культурные смыслы, ценности и цели. «Не существует таких действий, чувств или мыслей, которые были бы свободны от культуры или нейтральны по отношению к ней», – заключают Кристофер и Бикхард (1, с. 281). Переход от уровня к уровню равнозначен возрастанию массы культурных смыслов, которые могут вступать в диалог, конфликт или взаимодействие. Именно так образуется «полифония голосов», о которой говорил Бахтин как о факторе конституирования нашего Я. Эти голоса могут существовать на разных уровнях знания, часть из них осознается, другая пребывает в статусе имплицитности. Тем самым агентность индивида в культуре мыслится не как заключенная в ту или иную сущность и ограниченная ею, а как полифоничная, подвижная и «распределенная».

В заключение авторы демонстрируют эвристическую ценность интерактивизма на примере кросскультурных исследований. С их точки зрения, онтология, допускающая существование нескольких уровней знания и агентности, может способствовать разрешению многих спорных вопросов, касающихся межкультурного взаимодействия. В частности, онтология и методология интерактивизма позволяют иначе трактовать феномен коллективистских и индивидуалистических культур, описанный в известной работе Г. Маркуса и С. Китаямы (4). Опираясь на значительный массив эмпирических данных (полученных методами письменного анкетирования и опроса), эти исследователи утверждают, что японская культура (как разновидность цивилизаций Востока) должна быть отнесена к коллективистскому типу, где доминирует психологический принцип конституирования Я в его отношениях с другими; американская же культура (как разновидность цивилизаций Запада) – это культура индивидуалистическая, ориентированная на автономную и самодостаточную личность. Этот вывод Маркуса и Китаямы неоднократно опровергался другими кросскультурными аналитиками, которые приводили эмпирические данные (полученные теми же методами), свидетельствовавшие о том, что японцы не менее «самодостаточны», чем американцы, несмотря на верность национально-культурным традициям (5).

С точки зрения интерактивизма этот спор является отражением неадекватной методологической базы кросскультурных исследований и неудовлетворительной онтологии культуры и личности. Ответы респондентов, зафиксированные на бумаге и пленке диктофона, соответствуют по крайней мере второму или еще более сложному уровням рефлексивной абстракции. Культурные ориентации и предпочтения, данные этим респондентам имплицитно (т.е. процессы первого уровня – уровня социальных практик), сохраняются и проявляются в их поведенческих паттернах в контексте повседневных интеракций. Поэтому их слова (эмпирические данные, зафиксированные интервьюером) и поступки (имплицитно со-

держащие в себе культурные смыслы и традицию) не совпадают или приходят в противоречие, порождая разные психологические интерпретации. Метод анкетирования и опроса не может вскрыть до-рефлексивного культурного слоя в мышлении, эмоциональных проявлениях и действиях представителей разных цивилизаций. Поэтому дифференциация культур как коллективистских / индивидуалистических должна принимать во внимание «распределенность» культурных традиций по уровням и степеням их доступности сознанию и самосознанию респондентов.

Карлос Кёлбл (Университет Лейбница, Ганновер, ФРГ) в своей рецензии на статью Дж. Кристофера и М. Бикхарда характеризует ее как «элегантное и многообещающее проникновение» в суть метатеоретических проблем, которые актуальны для современной культурной психологии как развивающейся области научного исследования (3). К таким проблемам, бесспорно, относятся понятие культуры как таковое, взаимоотношения культуры и общества, роль герменевтики в культурно-психологических интерпретациях социальной реальности, формы научного объяснения, возможные в рамках данной науки. Помимо этих вопросов, подвергшихся в работе Кристофера и Бикхарда «самому тщательному рассмотрению», американские психологи предложили также заслуживающую внимания модель личности в культуре, считает Кёлбл. По мнению рецензента, понятие имплицитности культурных смыслов, новое прочтение феномена представлений, идея вариативно-селективного конструирования опыта и, в особенности, учение об уровнях знания – это «строительные блоки метатеории культурной психологии» (3, с. 298). Более того, некоторые положения статьи Кристофера и Бикхарда бросают вызов авторитетным направлениям психологической мысли, радикально меняя понимание самого процесса формирования личности в онтогенезе. Это касается прежде всего высказанной в статье гипотезы о пропозициональном знании и ментальных образах как результатах, а не предпосылках развития индивида.

Тем не менее К. Кёлбл относит работу Кристофера и Бикхарда к жанру «креативного теоретического синтеза» идей и гипотез, накопленных классической и современной психологической наукой и философией. Американские исследователи обращаются к анализу такой области теории и метатеории психологического знания, которая в силу своей масштабности «неизбежно окружена целым сонмом параллельных теоретических разработок – в прошлом и в настоящем», – замечает рецензент (3, с. 298). Для того чтобы новизна и нетривиальность интерактивизма стали очевидными, необходимо его скрупулезное сравнение с близкими или созвучными ему предположениями и концепциями. Однако именно этот аспект анализа составляет самое слабое звено в статье Кристофера и Бикхарда, которые относятся к работам современников и предшественников «с раздражающей небрежностью». Невнимание к научному багажу, подготовившему появление на свет доктрины интерактивизма, Кёлбл считает самым серьезным недостатком статьи американских коллег. Заявив с са-

мого начала, что их цель – не столько прошлое интерактивизма, сколько его настоящее и будущее, Кристофер и Бикхард далее мимоходом упоминают тех, чьи идеи так или иначе пересекаются с их собственными научными интересами. В этом списке – Декарт и Маркс, Выготский и Лурия, Колберг и Пиаже, Эриксон и Гибсон, Пирс и Дьюи, Мерло-Понти, Хайдеггер и Гадамер. Такая разнообразная смесь имен и концепций не только не проясняет философско-психологических истоков интерактивизма, но и не позволяет судить о его новизне в качестве психологической (мета)теории, равно как и о его потенциальном вкладе в культурную психологию. Кроме того, замечает Кёлбль, невнимание к классическому наследию и к более современным авторитетным концепциям философии и психологии ведет к искажению их содержания, что опять-таки препятствует адекватной оценке интерактивизма, претендующего на новое слово в психологическом знании.

В качестве примеров некорректного обращения с идеями предшественников рецензент ссылается на толкование Кристофером и Бикхардом понятия социальной агентности у Маркса, а также на их интерпретацию интериоризации в рамках культурно-исторической психологии Выготского. Объявляя свое учение об уровнях знания «моделью человека во всей его полноте и сложности», авторы настаивают на ее принципиальном отличии от других моделей, в частности от Марксовой трактовки индивида как «воплощенного и поглощенного» – очевидно, социальным контекстом. Ссылаясь на два известнейших фрагмента из работы Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» и раздела «Процесс труда» тома I «Капитала» (где говорится соответственно о свободе / несвободе людей, творящих свою историю в условиях, доставшихся им от прежних поколений, и об отличии опосредованного сознанием человеческого труда от инстинктивных действий паука или пчелы), Кёлбль демонстрирует «Марксову диалектику социальной агентности». Агентность у Маркса «ситуативна и контекстуальна», но также подчинена свободной воле ее субъекта, не являясь, таким образом, «ни эпифеноменом социоисторических структур» (люди сами делают свою историю), ни «абсолютным самовластием человека» (они делают это не так, как им вздумается). При этом агентность опосредуется сознанием, в котором предвосхищается результат (цель) действий человека – в противовес «труду» паука или пчелы (3, с. 300–301).

Фраза Маркса об архитекторе и пчеле послужила отправным пунктом для разработки психологической концепции, которая, как считает рецензент, особенно близка доктрине интерактивизма. Это культурно-историческая психология Выготского, Лурия и Леонтьева с ее процессуальной онтологией личности и «подлинной герменевтикой, акцентирующей имплицитность нашего смыслосозидающего мышления, а также языка и деятельности» (3, с. 302). Кристофер и Бикхард тем не менее полагают, что Выготский и его единомышленники увлеклись «псевдопроблемой интернализации / интериоризации» и потому отказывают куль-

турно-исторической школе в праве считаться достойной моделью личности в культуре. Между тем, пишет Кёльбл, интериоризация становится псевдопроблемой только в том случае, если трактовать этот процесс (как это делают авторы статьи) исключительно в терминах сознания. Ни Выготский, ни его последователи не утверждали ничего подобного. Напротив, они подчеркивали, что «развитие, инкультурация и интериоризация / интернализация сначала осуществляются посредством участия в повседневной социальной практике» и лишь на более поздних этапах онто- и социогенеза подлежат рефлексии (3, с. 302).

Таким образом, резюмирует свои критические замечания немецкий психолог, теорию интерактивизма можно рассматривать как располагающую реальным потенциалом для углубления и развития метатеории культурной психологии. Очевидной является также ценность интерактивизма как инструмента сравнительного культурно-психологического анализа эмпирических данных. Однако эти результаты достигаются преимущественно за счет творческого синтеза идей предшественников и современников предложенной модели личности в культуре.

Литература

1. *Christopher J., Bickhard M.* Culture, self and identity: Interactivist contributions to a metatheory for cultural psychology // *Culture & psychology*. – L., 2007. – Vol. 13, N 3. – P. 259–295.
2. *Erikson E.H.* Childhood and society. – N.Y.: Norton, 1963. – 445 p.
3. *Kölbl C.* Consciousness via practice and participation: Interactivism vis-à-vis other theoretical accounts // *Culture & psychology*. – L., 2007. – Vol. 13, N 3. – P. 297–306.
4. *Markus H.R., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotions and motivation // *Psychological rev.* – Wash., 1991. – Vol. 98, N 2. – P. 224–253.
5. *Matsumoto D.* Culture and the self: An empirical assessment of Markus and Kitayama's theory of independent self-construal // *Asian j. of social psychology*. – Manila, 1999. – Vol. 2. – P. 289–310.
6. *Matusov E.* Dialogue with sociohistorical Vygotskian academia about a sociocultural approach // *Culture & psychology*. – L., 2008. – Vol. 14, N 1. – P. 81–93.
7. *Matusov E.* In search of «the appropriate» unit of analysis for sociocultural research // *Culture & psychology*. – L., 2007. – Vol. 13, N 3. – P. 307–333.
8. *Shweder R.A.* The cultural psychology of development: One mind, many mentalities // *Handbook of child psychology*: In 4 vol. / Ed. by W. Damon, R.M. Lerner. – N.Y.: Wiley, 1998. – Vol. 1. – P. 865–937.
9. *Turner S.* The social theory of practices: Tradition, tacit knowledge and presuppositions. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1994. – 145 p.
10. *Valsiner J.* Cultural psychology today: Innovations and oversights // *Culture & psychology*. – L., 2009. – Vol. 15, N 1 – P. 5–39.
11. *Valsiner J.* Culture in minds and societies. – New Delhi: SAGE, 2007. – 430 p.
12. *Valsiner J.* Editorial: Culture and psychology // *Culture & psychology*. – L., 1995. – Vol. 1, N 1. – P. 5–10.
13. *Valsiner J.* The first six years: Culture's adventures in psychology // *Culture & psychology*. – L., 2001. – Vol. 7, N 1. – P. 5–48.

14. *Valsiner J.* Three years later: Culture in psychology – between social positioning and producing new knowledge // Culture & psychology. – L., 2004. – Vol. 10, N 1. – P. 5–27.
15. *Verheggen T., Baerveldt C.* We don't share! The social representational approach, enactivism and the ground for an intrinsically social psychology // Culture & psychology. – L., 2007. – Vol. 13, N 1. – P. 5–27.

РЕФЕРАТЫ

А. Реквитц

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТЕОРИЙ КУЛЬТУРЫ

Rekwitz A.

Aktuelle Tendenzen der Kulturtheorien:

Nachwort zur Studienausgabe //

Reckwitz A. Die Transformation der Kulturtheorien:

Zur Entwicklung eines Theorieprogramms. –

Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2006. – S. 705–728.

В 2000 г. Андреас Реквитц (Университет г. Констанц, ФРГ) опубликовал книгу «Трансформация теорий культуры: К развитию одной теоретической программы», в которой представил наиболее дискутируемые направления научно-культурных исследований. Позже, в 2006 г., он дополнил ее приложением, где дал оценку некоторых существенных сдвигов в культурно-теоретической аргументации, наметившихся в последнее время. В реферате освещаются основные тезисы этого приложения.

Автор ставит две задачи: показать изменения в постановке проблем в социальных науках под влиянием теорий культуры и, соответственно, изменения в самих этих теориях. Стимулом к изменениям становятся усилия, направленные на разработку комплексной, открыто альтернативной классическим установкам наук о духе программы культурно-теоретического анализа. Ее постструктуралистская и интерпретативная направленность преобразует теоретическое поле научно-гуманитарной мысли. Это выражается в отказе от «додискурсивного» (по определению Дж. Батлер), внеисторического понимания универсальной рациональности – касается ли оно субъекта, языка, экономики, техники, социальной дифференциации или власти. Принципиально контингентный проект теорий культуры, постулирующий универсальность «игры» кодов и знаний (2, с. 423), содержит богатый арсенал эвристических методов для изучения продуктов прошлых и современных практик, символических репрезентаций. Представляя радикально-конструктивистскую позицию этого проекта, автор предпринимает попытку выделить признаки перемен, которые претерпел в XX в. сам проект теорий культуры. Он задумывается о том, какие логиче-

ские ходы и аранжировки привнес в форму социологического нарратива словарь теорий культуры. В их числе – такие риторические средства, как развитие, дуализм, конвергенция, а также лингвистические приемы усиления, ослабления, объединения амбивалентного. Важнейшим аспектом подобных воздействий Реквигтц считает образование «семейства» теорий культуры, которые переклещивают внимание со структуралистских концепций на «текстуальные», происходящие из дискурса или семиозиса. При этом речь идет не о новом «синтезе» или «конечном основании», но о заметно уплотнившемся теоретическом узле в сети культурно-теоретических подходов. Одновременно набирают силу две взаимосвязанные практические интуиции: интерес к материальности и интерес к имплицитности знания.

С праксеологической точки зрения социально-культурный мир представляется не единством субъектов, действий, норм или знаков, но сцеплением социальных практик, которые порождают определенные временные режимы и пространственные распределения. На передний план теоретической рефлексии выходит проблематика укорененности культуры в регулируемых социальных движениях организмов и в артефактах. Вместе с этим вызревает мысль об инкорпорированном порядке знания, накапливаемом среди прочего в артефактах. Осознание имплицитного характера знания, опирающегося на истолкование практического ноу-хау и эмоционально-аффективной идентификации, делает понятными и репродуктивную (рутинную) схематику практик, и безуспешность их логической систематизации, невозможность их учета. Эмпирический анализ социальных и культурных феноменов – от технологий, интеракций, субъект-объектных констелляций до социальных полей, классов, обществ и транснациональных объединений – является в конечном счете анализом пространственно-временных комплексов тела / артефакта / знания, которые охватывают все практики (включая дискурсивные и визуальные).

Дебаты по поводу обозначенных выше интуиций праксеологических теорий культуры приобрели особую остроту начиная с 2000-х годов. В ходе обсуждений сформировался ряд «теоретических конструкций». К числу наиболее актуальных из них автор относит: 1) концепцию «перформативности», предлагающую новый взгляд на отношения культурной практики и субъекта; 2) новую трактовку «материальности» культуры, показывающую ее действенную связь с артефактами, пространственным измерением и медийными технологиями; 3) увлеченность постструктуралистскими техниками анализа при изучении нестабильных, внутренне противоречивых форм культурной практики; 4) углубленный пересмотр теорий общества и модерна в свете установок теорий культуры как альтернативу социологическому осмыслению процессов модернизации. При этом общее напряжение всей дискуссии придает вопрос о релевантности наук о культуре меняющимся политико-культурным условиям современности.

Тема перформанса / перформативности выдвинулась в центр научных дискуссий в конце 1990-х годов. Автор ссылается на проведенное Н. Хомским различение компетенции и перформативности, на структуралистское разграничение языка (ментально-базовой структуры) и речи (ситуативного применения языка) у Соссюра. Свой вклад внес и Дж. Остин, определивший речь как направленное коммуникативное действие.

Другое освещение эта тема получила в культурной антропологии благодаря трудам В. Тернера, который придал слову «перформативное» терминологическую отчетливость. Понятие «перформанс» он связывает с коллективным ритуалом, с аффективной трансформацией, вызывающей внутренние изменения в сознании участников ритуалов (мысль, отсылающая к «Элементарным формам религиозной жизни» Э. Дюркгейма (4)). Еще одним источником научно-культурной разработки данной темы стал изначально философский спор Дерриды с Остином и Сёрлем по поводу критики теории речевых актов в его статье «Знак, событие, контекст» (3, с. 325–351). Деррида рассматривает перформативный акт как неизбежное «цитирование без отсылки» в каждый момент знакового применения. Благодаря этому в перформативном акте всегда присутствует элемент смещения.

Все эти идеи, вплетаясь в ткань культурной практики и, в частности, постмодернистское понимание перформативного искусства, опирались на глубинное допущение общественного сознания – инсценировку и театральность культуры. Не система знаков или правил, а искусное компетентное действие (*Agieren*) становилось мерилом культуры (с. 710). Научно-культурная концепция перформативности интересна, на взгляд Реквита, тем, что обнаруживает больше, чем просто отдельные феномены модерна или постмодерна, например ритуалы или инсценировки. Помечая общие теоретико-культурные рамки анализа, она способствует смещению концептуального центра теорий культуры от применения готовой интеллектуальной смысловой системы к практике исполнения (*Aufführung / Ausführung*).

Среди интерпретаторов теории перформативности как теории культурной практики особенно любопытны, на взгляд автора, суждения Дж. Батлер, касающиеся: а) моделирования связи перформативной практики и субъективной продуктивности; б) осмысления преходящего характера практики как неустойчивой повторяемости (*Iterabilität*); в) интереса к перформативному производству аффективных ориентиров. Батлер ищет объяснения феномену «субъективации» современного человека. Ни в одном из свойств субъект не является предваряющей инстанцией – будь то рефлексивность, личный интерес, внутренний мир и т.д. Он – прежде всего тело, которое подчиняется определенному культурному режиму, организации знаний для воспроизводства контролирующей себя и другого уверенной инстанции. В этом смысле субъект есть то, что создается как социальная «вещь» только в перформативном акте. Субъект – его собст-

венная «воплощенная» практика постановки / исполнения, сам для себя интеллигибельный и компетентный благодаря «повторяющейся стилизации тела» (1, с. 60). В анализе Батлер примечателен акцент на временности культурных практик, проясняющий существо культурной стабильности и культурного изменения. Эффект стабильности вытекает из повтора исполнения, но повторение происходит всегда в новом контексте, что так или иначе модифицирует перформативный продукт.

Многообещающий праксеологический импульс дает также батлеровская рецепция психоанализа, привносящая в теорию практики проблему аффективных ориентиров, которая отсутствовала у Бурдьё или Фуко. В отличие от Тернера, подчеркивающего низкий «порог» аффектов в коллективных ритуалах, Батлер убеждена, что перформативные акты вызывают действительно прочную аффективную идентификацию, но также и аффективные отклонения, без которых не обходится логика культурной практики.

Проблематика тела / артефакта, активное обсуждение которой в научных кругах также приходится на конец 1990-х годов, любопытна еще и тем, что в классическом социологическом теоретизировании культурное и материальное неизменно противопоставлялись, косвенно воспроизводя схему базис / надстройка. Но такой сдвиг лишь на первый взгляд кажется парадоксальным. На самом деле, по мнению автора, это является следствием переноса внимания с когнитивного конструирования на социальные практики. Именно последние, согласно Бурдьё, Гоффману, Батлер, позволяют судить о системности знания по его «воплощению» (*Verkörperung*), причем не только по непосредственно телесному поведению, но и по артефактам в широком смысле – от инструментов до массмедиа, от архитектуры до транспортных средств – и, разумеется, по их соотношениям. Подобное рассмотрение устраняет редукцию, которой подвергалась материальная предметность при когнитивистском и текстологическом подходах. Вещи воспринимаются не только как символические, знаковые презентации, но и как реально действующие акторы.

«Среду обитания» артефактов детально изучает французский исследователь Бруно Латур, открывая новое предметное поле науковедения. Альтернативу характерному для модерна дуализму культурного и материального, как двух онтологических зон, подчиненных разным логикам, он видит в развитии «сетей» объектов и субъектов, «коллективных» комплексов, в равной мере культурных и материальных. Социология должна переключиться с традиционной «интерсубъективности» на «интеробъективность» – устойчивость отношений между человеком и не-человеческим сущим как условием преодоления пространственных и временных границ социальной репродукции.

Соглашаясь с ходом мысли Латура, автор считает полезным расширить исследования визуальных практик, успешный пример которых дают работы Д. Харви, Э. Соджа, Д. Грегори и, прежде всего, А. Лефевра. В них

социальная действительность рассматривается как непрерывный процесс пространственной компоновки артефактов, которая в свою очередь диктуется формами восприятия, присвоения и права пользования (с. 716). Такое понимание объединяет культурное, историческое, политическое, экономическое измерения конкретной пространственной организации (приватной, публичной и пр.).

Исследования медиа также дают толчок к пересмотру роли материального в культурных практиках, продолжает автор. Теория медиа в узком смысле, который придавали ей В. Беньямин, М. Макклюзн или Ф. Киттлер, переворачивает привычный взгляд на коммуникацию как на организацию хранения, переработки и распространения знаков различного вида, представляя ее как материально-технологическую аранжировку, в которой отрабатываются особые практики восприятия. Визуальность обуславливается специфическим совмещением возможностей технического аппарата, системы знания и навыков тела с когнитивным и аффективным вниманием. Таким образом, развиваются определенные практики видения, например наблюдение или подсматривание.

Теории медиа и пространства, разрабатываемые в праксеологическом ключе, по-новому ставят вопрос о месте ментальной активности, не вытесняя ее в область «психической системы». Ответ на него может дать анализ локально-исторических условий формирования образа видения, будь то паноптикум, компьютер или, например, торгово-развлекательный центр (shopping mall). То же касается и практик слушания, например живого слова или воздействия технически воспроизводимого звучания. Праксеологическая перспектива позволяет исследовать также ментальные процессы типа рефлексии или запоминания, поскольку относит материальный фон к конститутивным элементам.

Еще одной посылкой праксеологических теорий культуры является призыв широко использовать аналитический потенциал постструктурализма в социальных науках. Влиятельное в 1970-е годы, это направление имело, по сути, две версии. Одна, питаемая идеями Фуко, исследовала дисциплинарные процессы в обществах модерна. Другая, «деконструктивистская», была инспирирована трудами Дерриды, изучавшего парадоксальные, имманентные структуры текстов. Это направление поначалу ограничивалось философскими и литературоведческими изысканиями. Однако именно Деррида освободил метод деконструкции от барьеров специализированного применения, открыв возможность его приложения к разным видам практик и дискурсов. Постструктуралистская «спектральная» социология (см.: 5) развивала особенную чувствительность к выявлению хитроумных наслоений культурных кодов, возникающих в ходе различий и порождающих культурную нестабильность.

Вероятно, замечает автор, деконструктивистские понятия, обслуживающие риторические стратегии текстов, едва ли могут служить базовым словарем для анализа социального мира. Однако эта рефлексивная техни-

ка (продвигаясь от социализированной телесности через интеракции к институтам) может сделать «словарную прививку» для обострения восприимчивости к противоречиям культурных практик, прежде всего к случаям неконтролируемого эффекта «всплывания» прошлого в настоящем (с. 721).

Завершая свой эскизный очерк главных направлений современной культурно-теоретической дискуссии, автор отмечает, что ее общий вектор задают попытки ревизии теории модерна. Разнородный теоретический язык исследований культуры стимулировал в последние десятилетия эмпирическое изучение множества материальных объектов. Реквигт задумывается над тем, меняет ли эта культурная аналитика взгляд на современное общество в целом. Индикатором здесь могут служить, полагает он, интернациональные черты тематических социально-научных приоритетов последних лет.

Во-первых, следует указать на исследования правительственности (governmentality studies), инициированные поздними работами Фуко. Вопреки тезисам об усилении тенденций либерализации и индивидуализации модерн рассматривается здесь как историческое поле атак институционального управления на автономию субъектов, выражающихся в череде меняющихся экономических, политических и гуманитарно-научных решений. Во-вторых, широко обсуждается тема сопряжения культурной глобализации, «множественности модернов» и транснациональной истории. В противовес представлениям о линейном, развивающемся по западному образцу модерне возникает образ разрозненного, разрушающего границы культурного эффекта. Наконец, в-третьих, о тематическом выборе можно судить по этнометодологическим работам в рамках науковедения, исследований медиа, а также по этнографическому анализу экономических практик. Здесь вырабатывается взгляд на современный режим рациональности, преобразующий формы социального, посредством непрерывного истолкования локальных связей тела / знания / артефакта (от цифровых банков данных до репродуктивной медицины).

Реквигт подчеркивает, что очерченная им культурно-теоретическая перспектива важна в первую очередь для социологии, которая стремится уловить специфические структурные признаки модерна и особенно четко реагирует на интенцию пересмотра его культурных универсалий. Именно в социологическом преломлении эта теоретическая позиция позволяет яснее различить сходство описаний эпохи постмодерна социальными мыслителями за последнюю четверть XX столетия. Сходство состоит в комбинировании антиуниверсалистского обоснования культурных отличий, систематической самоэстетизации постмодерна, его тенденции к конфликтогенной культурной глобализации, к превращению экономических, технических и природных событий в артефакты. Этот подход не только прослеживает развитие общества постмодерна, но и становится его конститутивным элементом. Теории культуры, таким образом, нужно рас-

смаатривать как часть процесса социальной трансформации. Развернутая с помощью теорий культуры саморефлексия научного поля должна в будущем привести к их переводу из разряда периферийных в ведущие исследовательские стратегии.

Литература

1. *Butler J.* Das Unbehagen der Geschlechter. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1993. – 237 S.
2. *Derrida J.* Die Struktur, das Zeichen und das Spiel im Diskurs der Wissenschaften vom Menschen // *Derrida J.* Die Schrift und die Differenz. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1992. – S. 422–442. – (1. Aufl. 1967).
3. *Derrida J.* Signatur, Ereignis, Kontext // *Derrida J.* Randgänge der Philosophie. – Wien: Passagen, 1988. – S. 325–351. – (1. Aufl. 1972).
4. *Durkheim E.* Die elementaren Formen des religiösen Lebens. – Frankfurt a. M.: Verl. der Weltreligionen, 2007. – 694 S. – (1. Aufl. 1912).
5. *Stäheli U.* Poststrukturalistische Soziologien. – Bielefeld: Transcript, 2000. – 87 S.

Л.В. Гирко

CULTURAL STUDIES И ТЕОРИЯ МЕДИА. (Сводный реферат)

1. Hepp A., Winter R. *Cultural Studies in der Gegenwart // Kultur – Medien – Macht: Cultural Studies und Medienanalyse / Hrsg. von A. Hepp, R. Winter.* – Wiesbaden: VS, 2008. – S. 9–20.

2. Göttlich U. *Kultureller Materialismus und Cultural studies: Aspekte der Kultur- und Medientheorie von Raymond Williams // Ibid.* – S. 93–107.

Статья Андреаса Хеппа (профессор Бременского университета) и Райнера Винтера (профессор Университета Альпен-Адриа, Клагенфурт) «Современное состояние cultural studies» является предисловием к переизданию (первое – в 1996 г.) значительно переработанного и расширенного сборника «Культура – медиа – власть». В книге обсуждаются актуальные проблемы развития проекта cultural studies (далее, культурные исследования) в немецкоязычном пространстве. Оригинальность своего замысла авторы видят в разработке указанного проекта как междисциплинарного (а не квазидисциплинарного) критического анализа культуры.

Еще в 1910 г. на первом немецком социологическом съезде, напоминают авторы, М. Вебер призвал исследовать на примере прессы воздействие «объективных» социальных форм на современный образ жизни и индивидуальность. Изучение характера времени с точки зрения его культурного влияния на организацию частной жизни он считал релевантной темой социальных исследований. Эта концептуализация показала, что изучение медиа нельзя отрывать от общекультурной рефлексии, которая помимо вопросов культурных изменений неизбежно затрагивает вопросы общественных отношений власти. Несколькими десятилетиями позже мысль Вебера о связи «субъективного» значения медиальных форм с расширяющимися культурными взаимодействиями и с вопросами власти вновь обрела силу в культурных исследованиях СМИ. С появлением модели кодирования / декодирования, предложенной Стюартом Холлом, социологи-эмпирики ощутили потребность в использовании этнографических методов и в анализе повседневного контекста при изучении

восприятия и освоения массмедиа, прежде всего телевидения. Большой вес приобрели методы включенного наблюдения с интервью, групповыми дискуссиями, с текстуальным, соответственно семиотическим, анализом СМИ, а также критическая аналитика власти.

Так начался интернациональный «бум» культурных исследований, который объединил целый ряд течений с различной конъюнктурой и привел, как и предполагал Холл, к разностороннему многослойному дискурсу. Специфику данного типа исследований и сегодня определяет научная дискуссия, нацеленная на комплексное понимание «политических вопросов», выдвигаемых, подтверждаемых или отбрасываемых в зависимости от их культурного влияния (2, с. 34–51). Это объясняет изначальную «калейдоскопичность» культурных исследований, их несводимость к отдельному дисциплинарному основанию, настроенность на детальное описание с учетом научных контекстов.

На те же принципы опираются исследования, развернутые в рамках наук о коммуникации и медиа в Германии. В них гибко используются методология и понятийный аппарат многих социальных и гуманитарных наук: от социологии до языкознания и литературоведения. Однако плюрализм теоретических подходов не размывает «предметной идентичности», удерживаемой благодаря критическому вектору культурного анализа. Традиционно исследования медийных коммуникаций исходят из допущения об идеологическом манипулировании «индустрии сознания». Новые культурные исследования отмежевываются от упрощенного понимания манипуляции, стремясь доказать, что опрометчиво, хоть и метко, критикуемые в теории культурной индустрии Т. Адорно и М. Хорхаймера «популярные медиа» на самом деле служат дискуссионной площадкой для осмысления действительности и создают потенциал для продуктивного образа действий. Поэтому – а не только ради прояснения содержания управленческих манипуляций – «популярные медиа» становятся важнейшим объектом культурных исследований. Соответственно и острые теоретической критики должно быть направлено не столько на эффекты прямого манипулятивного воздействия, сколько на «множественность перспектив» воздействия. Аргументируя свою мысль, авторы статьи ссылаются на суждения Д. Келлнера, который оспаривает выдвинутое франкфуртцами положение о внутренней непротиворечивости идеологии, защищающей экономические интересы власти. Артикуляция позиции «власти» по отношению к медиа, а также по отношению к гендеру, культурной идентичности, возрастному статусу и пр. не тождественна (экономическому) выражению интересов определенных классов. Следовательно, нужны мультикультурные формы критики, адекватные конкретным условиям властного давления. Критику массмедиа следует сосредоточить, по мнению Хеппа и Винтера, на осуществляемой через них связи, сопряжении идеологий. Развитие подобного рода критики содействует медиакоммуникации, стимулирует активность людей, возможности их влияния

и противодействие другим нежелательным для них видам влияния и активности. Примером здесь может служить обсуждение проблем расизма. Дееспособность (*Handlungsfähigkeiten*) критической позиции, подчеркивают авторы, означает не просто защиту индивидуальных или групповых интересов, но доступ «к месту пересечения различных сил и векторов, которые могут придать или нарушить форму влияния на мир» (1). Медиа, таким образом, могут служить ресурсом для активной позиции в различных жизненных мирах благодаря созданию коммуникативных пространств или «геометрий», которые закрепляют определенные виды дееспособности.

Итак, политический анализ культуры не противопоставляет (глобальные) медиа (локальным) жизненным мирам, но помогает понять, какую роль прогрессирующая медиатизация культурных практик играет в современных дискуссиях о способах социального действия. Необходимо углубить теоретический взгляд на медиа, охватывая не только процессы производства, репрезентации, но и их освоения. Именно в таком направлении, заключают свое вводное слово Хепп и Винтер, движутся размышления авторов статей данного сборника.

Содержательно книга делится на три раздела. В первом, под названием «Теории, понятия и перспективы *cultural studies*», представлены основные подходы к проекту культурных исследований. Во втором, «К рецепции *cultural studies* в немецкоязычном пространстве», рассматриваются особенности разработок культурных исследований немецкими учеными: методы, тематические предпочтения, дисциплинарные установки. Третий раздел, «Анализ современной медиакультуры», включает описание исследований, которые характеризуют современное состояние медиакультуры, ее требования, противоречия, конфликты с точки зрения принципов *cultural studies*.

Излагаемые ниже положения статьи Удо Гётлиха «Современное состояние *cultural studies*» из первого раздела сборника касаются связи современных способов анализа медиа и популярной культуры с британской традицией культурных исследований.

Удо Гётлих (профессор Университета Дуйсбурга – Эссена, ФРГ) рассматривает возможности расширения социального контекста современных культурных исследований (*cultural studies*) массмедиа, ограничивающихся преимущественно постструктуралистским микроанализом, и с этой целью реконструирует концепцию культурного материализма Реймонда Уильямса.

Неослабевающий интерес к методам *cultural studies* в немецкоязычном пространстве вызван не только новыми возможностями анализа поп- и медиакультуры, но и значительными интеллектуальными достижениями, которыми была отмечена история их развития в англоязычных странах.

Уже в 1950-е годы *cultural studies* охватывали широкий тематический спектр: молодежные субкультуры, образ жизни рабочих, система

воспитания и школьного образования, государственная власть и медиа-культура. Перспективность этого методологического комплекса обеспечивалась, по-видимому, еще и тем, что его продвижением занималось молодое поколение социологов. Британская версия cultural studies была воодушевлена так называемым «левым культурализмом» (6, с. 43–73). Позже, в 1970-е годы, в базовый корпус теории культуры вошли также структуралистские разработки, которые вместе с культурализмом дали импульс изучению культуры повседневности в бирмингемском Центре современных культурных исследований (CCCS), возглавляемом С. Холлом. Новая предметная область потребовала переопределения самого понятия культуры как жизненного пути в целом. Таким смысловым обновлением оно обязано сближению парадигм структурализма и культурализма, косвенно восходящим к марксистским рецепциям Л. Альтюссера и А. Грамши, и решительным отказом от модели базиса / надстройки. Парадигмальные пересечения заметны также по включениям в теорию культуры некоторых специфических языковых элементов. Впрочем, в 1970-е годы важны были не столько различия, сколько общность обеих теоретических программ. Если первая опиралась на категории опыта и культурной практики, то вторая – на структуры, детерминирующие опыт.

Обе парадигмы имели свои сильные и слабые стороны, но для автора важно то, что они заложили фундамент для критики американской постструктуралистской версии cultural studies 1980–1990-х годов. Возобладовавшая в ту пору и предпочитаемая до сих пор структуралистская методология вызвала упреки в «культурном популизме». Об этом уже немало писалось, и потому Гётлих хочет обратить внимание только на одну, позитивную на его взгляд, возможность устранения методологических изъянов – переосмысление идеи культурного материализма Уильямса (адепта культурализма) в исследованиях медиакультуры.

«Культурный популизм» в этой области, замечает Гётлих, ссылаясь на Дж. Макгигена, выражается в погоне за сбором индивидуальных мнений и образов восприятия в «исследованиях аудитории», почти заслонившей интерес к воздействию факторов социального развития (5). Между тем Холл уделял значительное место экономическим, социокультурным и технологическим отношениям (3, с. 19–37). Критические голоса ряда теоретиков СМИ призывают повернуть исследовательское внимание в сторону структуры медиапредложений, влияющих на формирование аудитории. Они видят необходимость в реконструкции взаимосвязи культурных практик, которая вывела бы предпосылки материального культурного производства, потребления и воспроизводства на первый план cultural studies, не сводя к ним, однако, вопросы декодирования и восприятия.

Соглашаясь с доводами критиков, Гётлих считает полезным актуализировать концепцию «культурного материализма» Уильямса, раскрывающую специфику связи культурных процессов, в равной мере порождаемых и формами материальной общественной практики, и культурными

знаками и символами. Для Уильямса, так же как и для структуралистов и постструктуралистов, язык является исходной точкой научно-культурной рефлексии и служит отражением отношений различных общественных сфер. Анализ культуры означает для него поиск «паттернов» этих отношений. Культура представляется ему (что отличает Уильямса, на взгляд автора, от структуралистов) материальным процессом, а язык – практическим сознанием, обусловленным различными техническими и материальными навыками «систем записи», в которых язык, так или иначе, материализуется (9, с. 243). В центре научного внимания, согласно Уильямсу, оказывается, таким образом, общественный процесс, кристаллизующийся в институтах, организациях и культурных формациях, который приводит к разветвлению культурных «символических или знаковых практик» и превращает культуру в целом в систему значений. Такое толкование культуры является, отмечает Гётлих, результатом переосмысления понятийного комплекса, сопутствующего развитию cultural studies.

Культуралистская стратегия позволяет увидеть, что культура – это вовсе не «абстрактный идеал» или «совокупность творений духа и воображения», но «общая линия жизни», обусловленная классовой принадлежностью (7; 8). Уильямсу важен анализ значений и ценностей, имплицитно или эксплицитно закрепляющих (*Verkörperung*) в определенном образе жизни определенную культуру. Его исследовательская позиция расходится, подчеркивает автор, с традиционно-консервативным противопоставлением культуры силам индустриализации и материальной цивилизации, которое идет от И.Г. Гердера и С.Т. Кольриджа и которое лежит у истоков и социологии культуры, и культурных исследований. В Германии этот умозрительный ход был продолжен Ф. Тённисом (противопоставление *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*) и М. Вебером (разграничение целерациональности и ценностной рациональности). Преобладал он и в академическом литературоведении в Англии вплоть до 50-х годов прошлого столетия.

Сформулированные Уильямсом в 1970-е годы принципы культурного материализма были одной из попыток пересмотра марксистского понимания детерминации культурных феноменов по модели базис / надстройка. Ученый развивает утверждение К. Маркса о том, что язык есть «практическое, существующее для других людей и, следовательно, также для меня самого действительное сознание» (4, с. 30). Исходя из него, Уильямс рассматривает язык как конститутивный элемент человеческого материального (социального) воспроизводства, равнозначный экономическим факторам. Культурная практика и относящаяся к ней система знаков – решающее условие общественного порядка, и потому они ни в какой форме не являются производными экономического базиса.

Конструктивность этой мысли для теории медиа состоит в том, что «коммуникативная практика» перемещается в центр размышлений о роли и институтах медийных техник (*Medientechnik*). Концепт культурного ма-

териализма расширяет возможности для переоценки значения коммуникации благодаря заложенному в нем осознанию триединства техники, социальных институтов и языка. Таким образом, коммуникация рассматривается как материальная форма организации специфических знаковых систем. Это дает основание причислить средства коммуникации к производительным силам. Принципиальным для Уильямса является вопрос о том, могут ли специфические семантические процессы и информационно-коммуникативные системы, институционализирующие их развитие, объяснить изменения социальных требований и смену расстановки интересов. В поиске ответа на него автор видит историческую задачу современных исследований общественной и культурной динамики. Важнейшей областью культурных исследований медиа становятся те процессы, в которых медиа укореняют новые социокультурные отношения, продуцирующие новые виды деятельности и формы общения. Таким образом, концепция культурного материализма имеет, утверждает Гётлих, принципиальные последствия для переоценки понятия медиа и формулировки положений критической теории медиа. Дальнейшее развитие массовой коммуникации будет, очевидно, способствовать ее творческой переработке. Уже сегодня массовая коммуникация меняется в результате увеличения числа каналов и радиостанций, что делает манипуляцию конструктами вымысла главным предметом интереса теории медиа. Традиционные теоретические установки воздействия на публику оттесняются на задний план, и ключевыми становятся не текст или известия, но контекст, в рамках которого реципиент приписывает собственные значения.

Массовые коммуникации изменяются с постепенным образованием «неограниченных медиа» («entgrenzten Medien»), создающих собственные «медиареальности», которые становятся в повседневной культуре более значимыми по сравнению с немедиатизированным опытом. С появлением активного зрителя в фокус внимания попадают также и повседневные культурные практики освоения медиа и конструирования значений. Эта необходимая для понимания «медийной культуры» взаимосвязь недостаточно раскрыта ввиду слабо разработанного понятийного аппарата теории медиа. Проект Уильямса, опирающийся на трактовку языка как на антропологическую и социальную предпосылку, позволяет уловить в новых технологиях медиа выражение и направление движения практического сознания. Становится понятным, что медиа являются не просто некими объектами или артефактами, с которыми имеет дело социальная практика, не только ее опосредованием, но базовым средством производства.

Перспектива рассмотрения общественной коммуникации с позиций культурного материализма дает, по мнению автора, более объемное представление о направлении ее развития, нежели с позиции структурализма. Она показывает, что регулирование материальных в конечном счете отношений между социальными и культурными практиками само по себе формирует смыслы. Медиаканал уже является культурным оттиском, т.е.

материальной формой, и, будучи таковым, он оказывает обратное воздействие на коммуникацию, на оформление дискурса. Однако дискурс никоим образом не обуславливает материальности медиа, которая, согласно предложенному здесь пониманию, не сводится только к техническим параметрам.

Для критической теории медиа исследовательская задача состоит в выстраивании последовательной связи того, что аналитически можно понять лишь на уровне конкретных отношений. Институционально регулируемое и опосредованное повседневной культурой поле деятельности становится местом «популярной культуры обыденной жизни». Там создаются условия для работы медиа, приравненные к институциональным локализациям производства. Критическое осмысление этих взаимоотношений делает возможным восстановление отчужденного поля практики и деятельности СМИ. Начало критическому взгляду мог бы положить анализ прогрессирующего процесса рационализации новой «технокультуры», причем рефлексии следует подвергнуть, указывает автор, прежде всего способы включения различных медиатехник в институциональные структуры общества и культуру повседневности.

Описанная исследовательская перспектива, пишет в заключение своей статьи Гётлих, могла бы содержательно обогатить актуальное для современной научной дискуссии понятие медийной культуры. Собственно, в проблемный комплекс критических теорий «рефлексивной модернизации» Бека или «структуризации» Гидденса это понятие уже входит, но в теории медиа оно еще не осмыслено или даже не признано целесообразным. Назрела необходимость, убежден автор, рассмотреть медиа как момент и инстанцию самокритики современных обществ.

Литература

1. *Grossberg L.* What's going on? Cultural studies und Popularkultur. – Wien: Turia+Kant, 2000. – 327 S.
2. *Hall S.* Das theoretische Vermächtnis der Cultural Studies // *Hall S. Cultural Studies: Ein politisches Theorieprojekt.* – Hamburg: Argument, 2000. – S. 34–51.
3. *Hall S.* Cultural studies: Two paradigms // *Culture, ideology and social process: A reader* / Ed. by T. Bennet, G. Martin, C. Mercer, J. Woollacott. – L.: Open univ. press, 1981. – P. 19–37.
4. *Marx K.* Die deutsche Ideologie // *Marx K., Engels F. Werke.* – B.: Dietz, 1958. – Bd. 3.
5. *McGuigan J.* Cultural populism. – L.; N.Y.: Routledge, 1992. – 290 p.
6. *Milner A.* Cultural materialism, culturalism and post-culturalism: The legacy of Raymond Williams // *Theory, culture & society.* – L., 1994. – Vol. 11, N 1. – P. 43–73.
7. *Williams R.* Culture and society, 1780–1950. – L.: Chatto & Windus, 1958. – 363 p.
8. *Williams R.* The long revolution. – L.: Chatto & Windus, 1961. – 369 p.
9. *Williams R.* Problems in materialism and culture. – L.: New left books, 1980. – 277 p.

Л.В. Гирко

Н. Хайних
ИСКУССТВО И КРИТИКА

Heinich N.

Art et critique // Noesis. – P., 2007. – N 11. – P. 91–101.

Натали Хайних, сотрудник Национального центра научных исследований и Школы высших исследований в области социальных наук (Париж, Франция), посвящает свою статью анализу идеологических оснований авангарда. Со второй половины XIX в. усилия представителей творческих профессий по завоеванию особого статуса противостоящего буржуазному обществу творца-маргинала приняли коллективный характер. Это направление, предполагавшее сочетание эстетического (художественного), политического и социального новаторства, получило название «авангард».

По мнению Хайних, сочетание трех названных элементов является идеально-типическим и на практике встречается редко. В качестве примера одного из таких исключений она приводит «Гернику» Пабло Пикассо. Это произведение содержит в себе все три аспекта авангарда: политический (здесь воплощена позиция автора как коммуниста), социальный (картина изображает людские страдания) и, наконец, эстетический (художник нашел новое пластическое решение). С точки зрения автора статьи, политическая ангажированность в наибольшей мере проявляется в писательском творчестве, в наименьшей степени – в изобразительном искусстве. Символом политической ангажированности остается Эмиль Золя, в то время как Винсент Ван Гог воплощает в себе абсолютную отстраненность от каких-либо политических интересов. Политический авангард тяготеет к популизму, эстетический – к элитизму; при этом представления о них обоих носят скорее идеализированный характер. В итоге Хайних выделяет четыре основных направления, в которых развивается идеология авангарда. Это маргинализация вследствие эстетической новации, маргинализация как результат политического прогрессизма, отождествление вышеназванных явлений и, наконец, присвоение авангардистам статуса критиков современного общества.

Эстетическая маргинализация – первое и наиболее очевидное идеологическое направление авангарда. Маргинальность – это, по словам автора, социализированная форма исключительности. В отличие от эксцентричности она имеет коллективный характер. Авангард как группа маргиналов противостоит обществу и его институтам. Однако отсутствие признания в данный момент времени компенсируется для авангардистов ожиданием признания в будущем, признания более прочного и подлинного. Оригинальность стала для современного искусства своего рода категорическим императивом. Из области эстетики она распространяется на этические, моральные и политические пласты. Автор цитирует Гюстава Флобера, который считал, что художественные эксперименты немало говорят об обществе, в котором они проводятся.

Второе направление идеологии авангарда – это политический прогрессизм. По Хайних, политическая активность авангарда имеет несколько оснований, а именно: антибуржуазное движение, компенсация собственного элитизма и восстановление связи с – большей частью идеализированным – народом. Некоторые исторические моменты видятся автору наиболее благоприятными для развития подобного политизированного искусства, как, например, русская революция, которая породила супрематизм (его самым известным представителем был Казимир Малевич). Одни приходят в политику из искусства, другие – в искусство из политики. Отсюда очевидный в их творчестве примат того или другого. Повышенная политическая активность способна, по мысли Хайних, повредить качеству художественной продукции: Золя выступает символом политической ангажированности, однако революцию в романе как литературной форме произвел не он, а Марсель Пруст.

Политический статус художника может с течением времени измениться. Так, Пикассо до Второй мировой войны считался художником далеким от народа, буржуазным, однако после войны его начали считать антибуржуазным, подлинно народным художником. При этом симпатии авангардистов действительно в большинстве случаев находятся на стороне левых, но возможны и исключения. Таков, например, футурист Маринетти, разделявший правые политические взгляды. Позже марксистские политики вообще заклеивают авангард как явление сугубо буржуазное и капиталистическое, поскольку он якобы поддерживает ту партию, которая на данный момент контролирует рынок предметов искусства. С течением времени рынок, вообще говоря, стал важным компонентом идеологии авангарда. Так, если в эпоху модерна авангардисты противостояли прежде всего народу (в силу трудности для восприятия их искусства) и в целях самоутверждения должны были с этим народом идентифицироваться, то в современную эпоху проблематизации подвергается уже как таковой маргинальный статус авангарда, поскольку признана и институционализирована может быть практически любая форма художественных поисков. В результате современным авангардистам необходимо поддерживать свой

маргинальный статус и самоутверждаться посредством оппозиции власти, будь то власть государства, капиталистической системы, рынка или глобализации.

Далее автор рассматривает взгляд на современное искусство со стороны исследователя. В качестве примера она обращается к Пьеру Бурдые и его исследованию творчества создателя монументальных инсталляций Ханса Хааке (1). По Бурдые, инсталляции Хааке представляют собой критический анализ мира искусства и, в частности, тех рычагов влияния, которые действуют в этом мире. В результате художник делает понятной широкой публике критику недоступных ей механизмов современной культуры. Вместе с тем, с точки зрения Хайних, Бурдые предпочитает закрывать глаза на то, что народ никогда не увидит эти произведения, в то время как для политической и экономической элиты устраивать выставки современного искусства является делом престижа. Бурдые представляет искусство как форму символической борьбы против символического насилия. Хайних, однако, отмечает, что термин «символический» здесь, видимо, указывает на нереальность описываемых явлений.

Третье направление идеологии авангарда обозначается Хайних как «основополагающий миф авангарда», который, по ее определению, состоит в том, что авангардисты отождествляют эстетическое и политическое, компенсируя свой элитарный статус художников-маргиналов популистскими убеждениями и антикапиталистическими или антигосударственными заявлениями. В частности, в 1926 г. Андре Бретон постановил, что протест как таковой уже является творческим началом.

Вообще говоря, специалисты в области гуманитарных и общественных наук рассматривают авангард под двумя основными углами зрения – как социальную критику (такова, например, позиция Бурдые) либо как искусство, обладающее эмансипирующей силой вне каких-либо социальных открытий. Последняя точка зрения может быть проиллюстрирована исследованиями Франкфуртской школы, представители которой, в особенности Теодор Адорно и Вальтер Беньямин, противопоставляли массивификации современного общества оригинальность современного искусства. При этом, по мнению Хайних, приверженность определенной позиции не должна становиться для исследователя важнее стремления к отражению действительности. В этой связи она цитирует современного политолога Жюэль Заск (Joëlle Zask), которая утверждает, что быть художником – значит быть гражданином и что эстетические и демократические критерии при изучении произведений искусства вполне сопоставимы и взаимозависимы (3). С точки зрения Хайних, такие утверждения приемлемы из уст художников, но для исследователя недопустимы.

В качестве четвертого направления идеологии авангарда автор статьи называет ту принципиально критическую позицию по отношению к современному обществу и культуре, которую ему приписывают его исследователи. По словам Хайних, из большинства исследований авангарда

следует, что он обязательно что-то «критикует», «ставит под вопрос», «отрицает». Критический статус авангарда стал не просто общим местом работ по теории современного искусства. Он превратился в своего рода лакмусовую бумажку, которая определяет, принадлежит то или иное произведение и тот или иной художник к авангарду или нет. Чем же можно объяснить подобное видение современного искусства и вообще его особое положение в современном обществе?

Причины данного явления, по мнению Хайних, следует искать во Франции начала XIX в., когда в местном постреволюционном обществе сосуществовали самые разные, в том числе противоречивые, ценности. В частности, наряду с преувеличением значимости равенства и прочих демократических принципов имело место восхищение благородным величием (аристократическим по своей сути). Величие это могло принимать разнообразные формы: знатность, богатство, талант, образованность, знание света. С точки зрения Хайних, одной из главных аксиологических и политических задач XIX в. было именно соединение воедино демократических принципов и аристократического величия, иными словами, – создание демократической теории отличия. Первым в таком ключе представителей мира искусства охарактеризовал Сен-Симон. На взгляд мыслителя, художник (в широком смысле) воплощает в себе демократический идеал, поскольку его творчество обращено ко всем людям; в то же время ему присуще аристократическое отличие, ведь он обладает выдающимися способностями и общепризнанной неординарностью. С середины XIX в. пропагандисты авангарда руководствовались именно этим пониманием современного им искусства, и такое положение, по мнению Хайних, сохраняется до сих пор. Например, Виктор Гюго современная исследовательница Мона Озуф охарактеризовала как воплощающего в себе одновременно и «аристократическую избранность гения» («la singularité aristocratique du génie») (2, с. 325), и демократические качества глашатая народа.

К аристократическим ценностям восходит врожденный характер таланта (величие по рождению), а также то, что талантом наделяется не отдельный человек, а определенная группа людей. К демократическим же характеристикам относится тот факт, что своему положению представители авангарда обязаны собственным заслугам (своего рода меритократия), и статус их является достижимым для каждого, если только он приложит достаточно усилий либо если ему будет способствовать удача. Положение авангардистов приемлемо в рамках демократии, поскольку в действительности они не относятся ни к аристократии, ни к буржуазии и реальной властью не обладают.

В целом на нынешнем этапе можно выделить три идеальных типа художника. Это художник светский – наследие прошлых эпох; художник ангажированный, которому интересен современный демократический процесс; и художник богемный, чью оригинальность должны оценить уже

будущие поколения. С другой стороны, величие их также зиждется на трех китах, каковы: привилегия (что свойственно аристократии), заслуги (что характерно для демократии) и изящество (присущее всякому, кто выбирает сферу деятельности в соответствии с призванием).

Авангард, подводит итог своим рассуждениям автор реферируемой статьи, – это феномен, в рамках которого определенные группы людей, а именно художники, деятели искусства, идентифицируют себя как маргиналов, противостоящих обществу; причем эта модель идентификации сохраняется даже тогда, когда общество их принимает. Авангард стал настолько привычным явлением, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Вместе с тем это феномен современной западной культуры, зародившийся в определенный исторический момент – после Великой французской революции. И все плоды этой революции нам еще, возможно, неизвестны, заключает свою статью Натали Хайних.

Литература

1. *Bourdieu P., Haacke H. Libre-échange.* – P.: Seuil, 1994. – 147 p.
2. *Ozouf M. Les aveux du roman.* – P.: Gallimard, 2004. – 348 p.
3. *Zask J. Art et démocratie: Peuple de l'art.* – P.: PUF, 2003. – 220 p.

Я.В. Евсеева

IV. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЙ

СТАТЬИ

Е.З. Мирская

СОСТОЯНИЕ И РОЛЬ ИКТ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА 1994–2002 гг.*

Введение

Интернациональные системы компьютерных сетей, обеспечивающие практически моментальное перемещение любой информации, составляют основу самой современной формы человеческих коммуникаций. В науке коммуникации играют особую роль, являясь не только необходимым условием индивидуальной научной деятельности, но и ее системообразующим механизмом. Через них труды отдельных ученых соединяются в научные области, направления и дисциплины, а разрозненные элементы научного знания выстраиваются в систему. От эффективности и быстроты действия научных коммуникаций существенным образом зависит вся профессиональная деятельность научного сообщества. Компьютерные телекоммуникации, включающие пользователя в мировые банки научной информации и обеспечивающие почти непосредственное общение абонентов, максимально соответствуют потребностям ученых.

Развитие компьютерных телекоммуникаций в российской науке, начавшись с некоторым запозданием, пошло затем чрезвычайно динамично и вскоре стало предметом специального внимания и исследования. Налицо тот редкий случай, когда предмет исследования представляет собой совершенно новое явление, обладающее «абсолютной новизной», и поэтому его изучение разворачивается вместе с его собственным развитием. К середине 1990-х годов стало ясно, что систематического изучения требует не только технический аспект – строительство национальных электронных

* Статья опирается на результаты эмпирических исследований, проведенных при систематической финансовой поддержке РФФИ и РГНФ. Текст подготовлен в рамках проекта РГНФ № 09-03-00132а.

сетей и включение их в глобальную сеть Интернета, но, главное, проблемы, связанные с «человеческим аспектом», – *процесс реальной ассимиляции новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), результаты его воздействия на научное сообщество и динамика возникающих изменений* (1). Аналитическое рассмотрение процесса этих изменений в российской науке, обусловленных появлением в ней современных ИКТ, составляет основное содержание данной статьи.

В последние два десятилетия использование в науке современных ИКТ непрерывно росло. Но можно ли то же самое утверждать об их воздействии на результаты научной деятельности? Сказывается ли их влияние на обычных, традиционных показателях успешности ученых? Есть ли какие-либо реальные свидетельства радикальных изменений в глубинных механизмах производства научного знания? Ответы на эти вопросы были получены не умозрительно, а на основании конкретных данных последовательных эмпирических исследований – *пилотажей*, проведенных под руководством автора в 1995, 1998 и 2001–2002 гг. Более поздние обследования демонстрировали уже относительно стабильную роль ИКТ в профессиональной деятельности российских ученых. Таким образом, в статье, учитывающей все современные точки зрения и дискуссии по избранной тематике, основное внимание сосредоточено на результатах тех трех пилотажей мониторинга, которые зафиксировали *процесс ассимиляции* новейших ИКТ в российской академической науке.

Наше лонгитюдное социологическое исследование дало уникальную информацию о роли ИКТ в научной деятельности, вызывающую особый интерес в связи с тем, что практически все международные данные по ассимиляции современных ИКТ в науке основываются только на компьютерной статистике и потому фактически анализируют лишь технологический аспект этой новации. Они не могут осветить ее наиболее интересный и важный *человеческий аспект* – выяснить реальные изменения в профессиональной деятельности ученых и механизмах производства нового знания, что в конечном счете является центральной частью проблемы.

Социологический мониторинг освоения новых ИКТ российскими академическими учеными

Социология науки рассматривает профессиональную деятельность ученых во всей ее совокупности. В период радикальных социально-экономических преобразований особое внимание уделяется новым факторам, впервые появляющимся в науке и оказывающим влияние на функционирование научного сообщества. ИКТ – один из таких факторов, причем его новизна не локальная, как, например, новизна грантовой системы поддержки научных исследований, а глобальная. Здесь не накоплено достаточно достоверного знания или продуктивных гипотез. Поэтому выяснение реального влияния новых ИКТ на научные исследования не могло ограничиваться изучением литературных источников или компьютерной

статистики. Адекватное решение этой задачи требовало прямых контактов с учеными – живыми пользователями этих технологий и, таким образом, предполагало проведение глубинных социологических исследований. Однако такие исследования, связанные с большим объемом практической работы, вызывают значительные трудности и потому крайне редки. За все последние годы нам известны лишь два сообщения, основанные на социологической эмпирии, причем посвященные не фундаментальным, а частным вопросам применения ИКТ в науке (7; 9).

Анализ литературы и знание международной научной жизни позволяют утверждать, что целенаправленное многолетнее социологическое исследование процесса и результатов ассимиляции современных ИКТ в российском академическом сообществе было единственным в мире и уникальным в своем формате. Реально оно возникло в рамках систематического мониторинга изменений, начавшихся после 1992 г. в российской академической науке, которая многие десятилетия определяла уровень отечественных научных достижений.

Начиная с 1994 г. сектор социологии науки Института истории естествознания и техники (ИИЕТ РАН) вел перманентный мониторинг трансформации научных коллективов в элитных институтах РАН. Мониторинг опирался на эмпирические пилотажи, проводившиеся через каждые 3 года в 6–8 ведущих институтах естественно-научного профиля (физика, химия, биология). Каждое обследование охватывало 300–320 ученых, персонально опрашивавшихся по специально разработанной и регулярно модифицируемой анкете, а также 10–15 руководителей институтов, с которыми проводились углубленные интервью.

В этих пилотажах эмпирически фиксировались все основные показатели профессиональной жизни научного сообщества и аналитически выявлялись их взаимосвязи. При этом наибольшее внимание уделялось новым факторам, начинавшим играть особую роль в научной жизни. В 1995 г. таким фактором было *зарубежное грантовое финансирование*, которое и стояло в центре первого пилотажа, но здесь же в поле зрения социологов попали и *компьютерные телекоммуникации* ученых. В обследовании 1998 г. этот фактор, ранее игравший маргинальную роль, уже вышел на передний план и стал предметом специального изучения. В 2001–2002 гг. был проведен третий пилотаж тех же проблем на идентичных объектах.

В 1995 г. на основании обследования более 300 респондентов из восьми элитных институтов Российской академии наук были получены основные характеристики использования ИКТ, соответствовавшие начальному этапу их применения, и определены корреляции между активностью ученых в сетевом общении и их профессиональной успешностью. В обследованной выборке оказалось около 50% ученых, которые считали себя *пользователями* электронных сетей. В отношении сетевых коммуникаций были зафиксированы следующие показатели:

– преимущественно используемые виды коммуникационных услуг;

- интенсивность электронной переписки;
- доминирующая тематика электронной переписки;
- географические приоритеты пользователей;
- основные цели использования телекоммуникаций и др.

Коммуникационная активность ученых (оцененная в этом пилотаже по интенсивности использования электронной почты) была сопоставлена с их полом, возрастом, должностью и научной дисциплиной, а также с широким спектром содержательных характеристик их деятельности (2, с. 210). По корреляциям между показателями сетевой активности ученых и основными индикаторами их профессиональной успешности было установлено, что в целом **общая научная продуктивность устойчиво коррелировала с высокой коммуникационной активностью**, однако обратная зависимость отсутствовала: *крайне активная коммуникационная деятельность в компьютерных сетях отнюдь не всегда соответствовала заметным научным успехам* (1; 2).

В этот период компьютерные телекоммуникации оказались не просто оптимальным, но практически единственным доступным для ученых средством оперативного общения, особенно с зарубежными коллегами, и соответственно – своего рода «индикатором включенности» в мировую науку. Неудивительно, что у сторонников «особого пути» России это вызвало настороженность и негативную реакцию. В связи с распространявшимся в то время мнением о стимулирующем воздействии новых ИКТ на эмиграционные намерения ученых очень важным было эмпирическое подтверждение факта, что научные работники, максимально вовлеченные в международные компьютерные телекоммуникации, были **совершенно не склонны к эмиграции** (что не относилось ко всей выборке целиком) и ориентированы на **продолжение коллективной работы** в рамках своей исследовательской группы (3, с. 211).

Эмпирические данные, полученные в 1995 г., соответствовали ситуации, имевшей место до широкого подключения академических институтов к Интернету. Представляя самостоятельный интерес, они в то же время составили «точку отсчета» для определения тех изменений, которые произошли к 1998 г. – после массового подключения академических коллективов к Всемирной паутине.

«Интернетизация» академического сообщества (1995–1998)

Современные компьютерные ИКТ как новый фактор, начавший играть заметную роль в отечественной науке, были в центре эмпирического исследования 1998 г., проведенного в шести ведущих академических институтах естественно-научного профиля после их подключения к Интернету. В этой целевой выборке *пользователями* компьютерных телекоммуникаций оказались более 75% ученых, для которых был характерен более широкий, чем в первом пилотаже, ассортимент показателей их сетевой активности. Специально разработанная методология исследования, скани-

рующего все важнейшие аспекты научной деятельности, дала возможность составить представление об использовании новых ИКТ как в целом, так и в различных подвыборках респондентов, а также установить корреляции между сетевой активностью ученых и основными сторонами их научной жизни. Это позволило более глубоко судить о новом феномене (3).

Для выявления влияния новых ИКТ на научную деятельность все обследованные ученые были разделены на пять групп (К, L, M, N, O) в соответствии со степенью их активности в пользовании этими технологиями, – от максимальной (К) до нулевой (O).

При этом следует подчеркнуть, что в основу мониторинга изначально закладывается принцип сопоставимости результатов социологических исследований, проводимых на разных этапах развития изучаемого феномена, так как именно это позволяет дополнять представление о текущей ситуации информацией о динамике процесса. Действительно, сравнение эмпирических данных второго пилотажа с данными 1995 г. показало **значительный рост доли ученых, регулярно использующих компьютерные сети** (75% против 50). В выборке 1998 г. новые пользователи, включившиеся в компьютерные телекоммуникации в период между пилотажами, составили 30%. **Качественно изменился спектр используемых услуг:** если на первом этапе пользователи ограничивались электронной почтой (90%) и добытием информации из баз данных (30%), то в 1998 г. e-mail использовали 97%, интерактивный доступ к удаленным информационным ресурсам – 68%, а кроме того, 13% осуществляли запуск задач на удаленном компьютере и около 4% принимали участие в дистанцированных экспериментах. Среди пользователей повысилась доля ученых, которые вели интенсивную электронную переписку (22% против 5) и появилась небольшая (3%) суперактивная группа респондентов, отправлявших более 10 писем в день.

Явное повышение интенсивности использования электронной почты (невзирая на уменьшение международного сотрудничества) в большинстве подвыборок происходило не только за счет прогресса в развертывании сетей и ассимиляции сетевых технологий. Целевая выборка 1998 г. имела намеренно повышенную концентрацию исследовательских коллективов с высоко развитыми и хорошо освоенными компьютерными телекоммуникациями, позитивный эффект использования которых наиболее ярко проявился в беспрецедентном улучшении показателей в биологической специальности. Тем не менее полученные результаты позволили выявить две сосуществующие тенденции. Некоторые данные выявляли наличие «эффекта Матфея» (более активные стали еще активнее, а менее активные стали еще пассивнее), который в принципе усиливает дифференциацию сообщества. Другие же, напротив, демонстрировали «реванш». Так, отстававшие руководители подразделений догнали и даже превзошли прежних лидеров ИКТ.

Интересны были и сведения о географии контактов. Хотя наиболее популярными зарубежными адресатами и в 1998 г. остались США (67%) и ФРГ (42%), к этому времени очень возрос процент ученых, отметивших переписку по e-mail *с адресатами в России* (58% против 38). Изменилось и содержание электронной переписки: центр тяжести сместился на *научно-исследовательский* аспект научной деятельности (65% против 43 в 1995 г.), а *научно-организационный* аспект отошел на второй план (48% против 70 соответственно). Переговоры по поводу зарубежных поездок, занимавшие ранее второе место в электронной переписке, отодвинулись на четвертую позицию.

В связи с упорно поддерживавшимся некоторыми политиками мнением, что пользование учеными Интернетом стимулирует научную эмиграцию, полезными были и конкретные данные 1998 г. об *отношении к отъезду за границу* респондентов, в разной степени включенных в компьютерные сети. Из табл. 1 видно, что хотя о желании эмигрировать заявили всего 3% респондентов, *абсолютно* не имели намерения уехать как те, кто вообще не пользовался Интернетом (группа О), так и активные пользователи (группа L). В группе К, максимально вовлеченной в компьютерные телекоммуникации, доля ученых, стремящихся съездить за границу на время, была ниже, чем в группах L, M и N. Здесь скорее имел место эффект «замещения» поездок сетевыми коммуникациями.

Таблица 1

Отношение к отъезду за границу ученых, имеющих различную телекоммуникационную активность, %

Группы	Отношение к отъезду за границу		
	«не хочу ни при каких условиях»	«хочу на определенный срок с возвратом»	«хочу на постоянное место жительства»
К	42	54	4
L	30	70	0
M	35	57	8
N	38	57	4
O	67	33	0
В среднем по выборке	42	55	3

В 1990-е годы нередко также высказывались опасения, что по международным электронным сетям «утекают» наши интеллектуальные богатства. В этом отношении была важна данная респондентами *оценка баланса полученной и отправленной* через сети существенной научной информации: в первые годы вхождения в Интернет 78% ученых отметили, что они больше *черпают* из мировой науки, и лишь 4% заявили, что они больше в нее *вносят*.

Таким образом, между 1995 и 1998 гг. использование компьютерных телекоммуникаций в российской науке претерпело как количественные, так и качественные изменения, связанные в значительной степени не только

с расширением контингента пользователей, но и с подключением их к системе Интернет. Новые ИКТ, составляющие основу этой системы, создали для ученых целый спектр ранее не существовавших возможностей. При этом их новизна была настолько существенной, что, казалось, могла (или даже была *должна*) серьезно изменить весь характер научного труда. Поэтому в 1998 г. уместно было задаться вопросом: привели ли современные компьютерные телекоммуникации к **радикальным изменениям** в научной деятельности отечественных пользователей или для них эта новация продолжала оставаться **дополнительной коммуникационной технологией**?

Роль интернет-технологий в отечественной науке: Итоги 1998 г.

Для обоснованного ответа на поставленный вопрос необходимо операционализировать понятие *радикальные изменения*, чтобы можно было выявить соответствующие ему индикаторы, оцениваемые на основе эмпирических данных. Вообще о радикальных изменениях в научной деятельности можно говорить тогда, когда изменяется ее организация, точнее – самоорганизация. В подобном случае следовало бы ожидать формирования так называемых *групп по интересам* (1, с. 36) и *виртуальных коллективов (collaboratory)*, основанных на сетевом общении и сотрудничестве. Если этот процесс имеет место, он с необходимостью должен проявить себя через перемену приоритетов **научного общения и каналов получения информации**. Однако для таких изменений нужно время – результаты использования новых технологий накапливаются кумулятивно, по мере возрастания интенсивности и опыта их применения. Пилотаж 1998 г. зафиксировал начальный этап воздействия компьютерных телекоммуникаций на профессиональную деятельность ученых. Никакого *радикального* изменения в ней еще не произошло, и эмпирические данные показали, что в обследованных научных коллективах значимость научного общения и информационного обеспечения, осуществляемых через электронные сети, минимальны или, во всяком случае, стоят на последнем месте. Так, в приоритетах научного общения, выбирая три позиции из четырех, только 6% респондентов упомянули *компьютерное общение*:

- институтские коллеги с близкими интересами – 83%;
- авторитетные отечественные специалисты – 62%;
- авторитетные зарубежные специалисты – 62%;
- «группа по интересам» в компьютерных сетях – 6%.

Это означало, что 94% ученых сочли этот вид общения наименее существенным. Данные о популярности *каналов получения информации* дали в принципе аналогичные результаты:

- печатные издания – 88%;
- личное общение с коллегами – 60%;
- очные конференции и семинары – 50%;
- компьютерные телекоммуникации – 34%.

Таким образом, для 66% ученых Интернет оказался наименее важным источником информации. Впрочем, эти средние по выборке результаты интересно дополнялись детализированным распределением приоритетов в подгруппах с различной сетевой активностью (табл. 2 – *обычный шрифт*, слева). Для показа тенденции, реализовавшейся в последующие годы, табл. 4 дополнена результатами 2001–2002 гг. (табл. 2 – *жирный шрифт*, справа).

Таблица 2

Рейтинг разных источников информации в группах с различной телекоммуникационной активностью (1998 и 2001/02), %

Группы	Печатные издания	Личное общение с коллегами	Очные конференции, семинары	Компьютерные коммуникации
К	77 / 68	65 / 0	54 / 33	58 / 67
L	88 / 91	54 / 67	54 / 58	42 / 40
M	97 / 90	57 / 72	40 / 43	31 / 38
N	85 / 96	65 / 51	54 / 45	8 / 31
O	100 / 100	33 / 50	67 / 25	0 / 0
В среднем по выборке	88 / 92	60 / 61	50 / 47	34 / 36

В результатах 1998 г. четко видна ожидавшаяся прямая зависимость между сетевой активностью ученых и их признанием Интернета как «не последнего» по значимости источника информации. В целом модели предпочтений у всех, кроме группы О (напомним, что это группа «непользователей»), были сходными. Только группа О заметно замкнулась в рамках формальных коммуникаций, что косвенно засвидетельствовало пониженную потребность в актуальной научной информации, которой явно интересовались другие ученые. Забегая вперед, прокомментируем и результаты 2001–2002 гг. (*жирный шрифт* в табл. 2). По ним видно, что в дальнейшем популярность нового источника информации постепенно росла у всех пользователей (кроме группы L).

Абсолютное большинство выявленных в пилотаже 1998 г. корреляций между использованием учеными новых ИКТ и другими показателями их профессиональной деятельности тоже не засвидетельствовали радикального воздействия этих технологий. К этому времени они зарекомендовали себя как весьма ценная, но все же только **дополнительная новация**, которая, однако, оценивалась учеными-естественниками очень позитивно. По их мнению, высказанному в 1998 г., ИКТ повышают эффективность ученых, расширяют угол зрения и круг интересов исследователей. Большинство пользователей (80%) отметили, что новые компьютерные технологии стали для них необходимой частью исследовательской деятельности, а 60% сочли их значимость для своей работы высокой или очень высокой.

Подобные высказывания заставили с особой серьезностью отнестись к вопросу о реальном воздействии современных ИКТ на профессиональную продуктивность ученых. Возможно, не внеся пока радикальных изменений в *характер* научного труда, компьютерные телекоммуникации оказали существенное влияние на *профессиональную успешность* своих пользователей? Может быть, степень вовлеченности ученого в сетевые технологии отчасти повышает его *профессиональный престиж*? Во всяком случае, в пилотаже 1995 г. было заметно, что некоторые респонденты завышали степень своего участия в компьютерных телекоммуникациях. Однако престиж престижем, но есть ли реальный эффект, социологически измеримый и фиксируемый?

Эмпирические результаты 1998 г. показали, что *степень участия в компьютерных телекоммуникациях по-прежнему, как и в 1995 г., не определяла профессиональную успешность ученых*, даже активно использовавших сетевые технологии. Тем не менее некоторые взаимосвязи между этими характеристиками, несомненно, существовали, причем общие закономерности за время между пилотажами не изменились. Как и раньше, профессиональная успешность явно коррелировала с активным использованием ИКТ: чем в целом успешнее были ученые, тем выше был среди них процент активных пользователей. Так, приняв за показатель успешности ученых *наличие грантов*, мы установили, что среди максимально успешных грантодержателей, располагавших одновременно и отечественными, и зарубежными грантами, компьютерные коммуникации (в виде электронной почты) использовали 98%, причем более половины – с высокой частотой. Среди ученых, не имеющих грантов, и процент пользователей, и интенсивность пользования были минимальны. Обратная же зависимость по-прежнему реально не наблюдалась: в целом *максимально активные пользователи электронных коммуникаций отнюдь не показали себя наиболее успешными учеными*. Соответствующие данные представлены далее, в табл. 3 и табл. 4.

Таким образом, общий вывод по второму этапу мониторинга состоял в том, что *в 1998 г. использование новейших ИКТ не трансформировало существенным образом профессиональную деятельность отечественных ученых и не определяло ее успешность*.

Интересные новости 2001–2002 гг.

Если пилотаж 1998 г. был нацелен на изучение тех изменений, которые принесли в исследовательские коллективы новейшие ИКТ, обеспечиваемые подключением институтов РАН к Интернету, то за последующие три года никаких существенных технологических новаций не произошло. Поэтому пилотаж 2001–2002 гг. должен был выявить изменения, произошедшие в основном за счет *кумулятивного эффекта*, т.е. накопления изменений с течением времени. Заранее отметим, что хотя некоторые гипо-

тезы, связанные с этим обследованием, не подтвердились, в целом пилотаж дал интереснейшие результаты.

Как уже было сказано, исследование 2001–2002 гг. зафиксировало *завершение* процесса включения ведущих исследовательских коллективов элитных институтов РАН в международные компьютерные сети. Все три пилотажа содержали вопрос о *стаже* пользователей, т.е. о времени их вхождения в компьютерные телекоммуникации, что выявляло соотношение «старожилов» и «новичков». Обычно доля новичков – респондентов, включившихся в компьютерные сети за три года, предшествовавшие очередному пилотажу, – составляла около 30%, но в исследовании 2001–2002 гг. их оказалось намного меньше, а в некоторых институтах не прибавилось ни одного нового пользователя. Таким образом, можно считать, что весь процесс включения элитных институтов РАН в мировые компьютерные сети прошел в основном в 1992–2000 гг.

Итоговые эмпирические данные позволили также утверждать, что все ученые, стремившиеся обладать современными телекоммуникациями и доступом в Интернет, к 2001 г. получили эти возможности. При этом интересно отметить, что везде, даже в наиболее продвинутых подразделениях, сохранялись 10–20% сотрудников, совершенно не пользующихся этими технологиями. Абсолютное большинство (90%) респондентов работали в Интернете с институтских компьютеров; некоторые (14%) – и с институтского, и с домашнего; меньшинство (менее 10%) только с домашнего, хотя о наличии домашнего компьютера и использовании его для научной работы заявили гораздо больше ученых. По-видимому, в те годы пользование Интернетом из дома еще не стало привычным или оставалось слишком дорогим. Однако в ситуации острого дефицита свежей научной информации, возникшего из-за отсутствия у институтов средств на приобретение зарубежной периодики, доступ к удаленным информационным ресурсам стал для многих исследователей жизненной необходимостью.

Последнее по времени обследование (300 респондентов, 88% пользователей) должно было дать информацию о результатах дальнейшего развития новейших ИКТ в отечественной науке в относительно стабильных условиях, не отличавшихся радикальными технологическими новациями. Естественно, ожидалось, что данные этого пилотажа засвидетельствуют явный прогресс по всем аспектам использования новых технологий, а также заметные изменения как в стиле научной работы, так и в профессиональных приоритетах ученых. Однако отнюдь не все предположения оправдались. Динамика индикаторов, характеризующих основные виды использования новых ИКТ (см.: 6, с. 334–338), показала *реальный ход* освоения новых технологий и их *влияние* на российское академическое сообщество, фактически – от начального этапа до завершающего 2002 г.

Результаты влияния новейших технологий: Позитивная информация 2001–2002 гг.

В исследовании такого радикально нового фактора, как сетевые ИКТ, наиболее интересным вопросом является выяснение *результатов их воздействия*. Известно из жизни и подтверждено мониторингом, что к началу XXI в. ИКТ стали широко использоваться отечественным научным сообществом, превратившись в неотъемлемую составляющую профессиональной деятельности значительной части ученых. Многие из них уже не представляли себе дальнейшей работы без использования этих технологий. Было совершенно очевидно, что они полезны, – недаром наиболее продвинутые и продуктивные ученые в основном являются активными пользователями интернет-сервисов. Однако, как уже было показано, два первых пилотажа не давали возможности сделать вывод о положительном воздействии использования коммуникационных технологий на научную успешность ученых. Таких корреляций не существовало: группа суперактивных пользователей К по показателям продуктивности или успешности была в основном слабее, чем другие, а минимально активная в использовании ИКТ группа N показывала прекрасные результаты, во всяком случае по публикационному индикатору (см. нижние строки в табл. 3). Все это заставляло сделать вывод, что активное использование новых сетевых технологий являлось скорее *следствием* общей профессиональной активности и успешности ученых, чем ее *причиной*.

Таблица 3

Профессиональная продуктивность ученых, в разной мере использующих ИКТ*

Группы	Публикации				Доклады на международных конференциях	
	общее число за 3 года	% авторов	в зарубеж- ных изданиях	% авторов	общее число за 3 года	% док- ладчиков
К	19,7 7,6	100 85	12,7 5,2	100 81	4,7 4,6	100 78
L	16,0 9,3	100 96	11,6 5,5	96 89	6,5 3,7	93 70
M	11,4 9,8	97 92	4,6 5,1	87 84	4,5 3,5	71 63
N	7,6 9,5	96 77	3,9 11,0	74 58	3,0 3,5	50 65
O**	6,6	77	4,9	33	4,3	27
В среднем по выборке	11,0 8,6	96 86	6,4 6,1	82 70	4,8 3,9	64 60

* **Жирный шрифт** соответствует пилотажу 2001–2002 гг., **обычный** – пилотажу 1998 г.

** Для группы O результаты 2001–2002 гг. оказались недостоверными.

Результаты пилотажа 2001–2002 гг. (табл. 3 – верхние строки, *жирный шрифт*), зафиксировавшего итог трех последних лет, наглядно продемонстрировали **радикальное изменение** роли современных ИКТ в исследовательских коллективах РАН. Доказательным индикатором принципиального сдвига явились данные о *профессиональной продуктивности* ученых, измеренной количеством публикаций и научных докладов, при сравнении последнего трехлетнего периода с предыдущим.

Абсолютно во всех группах проявились устойчивые положительные корреляции между использованием информационно-коммуникационных технологий и профессиональной продуктивностью. Основные пользователи информационно-коммуникационных технологий (К, Л) заметно улучшили свои показатели как по количеству публикаций (в 2–3 раза!) и докладов, так и по участию в международных грантах (табл. 4). При этом по всем показателям профессиональной результативности первое место заняла суперактивная в интернет-технологиях группа К, а ранее успешная, но мало использовавшая ИКТ группа N заметно утратила свою эффективность, особенно по публикациям в зарубежных изданиях (5). Группа О заявила о сохранении и даже некотором повышении своих показателей, однако контрольный пересчет анкет выявил недостоверность значительной части их утверждений (4), из-за чего результаты пилотажа 2001–2002 гг. по этой группе в табл. 4 не включены.

Таблица 4

Корреляции между использованием ИКТ и участием ученых в международных грантах, %*

Группы	Руководители коллективных грантов	Участники коллективных грантов	Исполнители индивидуальных грантов	Не имеют грантов
К	67 / 15	33 / 54	0 / 0	33 / 35
L	58 / 23	22 / 58	4 / 8	29 / 27
M	10 / 8	32 / 38	3 / 3	57 / 57
N	6 / 8	14 / 40	1 / 4	78 / 56
O	0 / 7	17 / 34	0 / 0	83 / 62
В среднем по выборке	19 / 12	22 / 44	3 / 3	60 / 48

* *Жирный шрифт* соответствует пилотажу 2001–2002 гг., *обычный* – пилотажу 1998 г.

Таким образом, сопоставление результатов 2001–2002 и 1998 гг. наглядно показало **существенное позитивное влияние использования информационно-коммуникационных технологий на продуктивность научной деятельности.** Это можно считать очень важным открытием, так как впервые получено **количественное** подтверждение повышения профессиональной продуктивности ученых, связанное с применением ими современных информационно-коммуникационных технологий.

Таких данных давно ждали специалисты разных стран, изучающие роль компьютерных коммуникаций в науке. Так, в исчерпывающем обзоре состояния и результатов воздействия информационно-коммуникационных технологий на европейскую науку, опубликованном Европейской комиссией в 1999 г. (8), были перечислены лишь соображения, по которым пользование ИКТ *должно* вести к повышению профессиональной продуктивности ученых. При этом специально отмечено, что «определенных исследований, подтверждающих вклад информационно-коммуникационных технологий в повышение научной продуктивности, к сожалению, не существует» (8, с. 57–58).

После третьего пилотажа нашего мониторинга, осуществленного в исследовательских коллективах элитных естественно-научных институтов РАН, такое эмпирически фундированное подтверждение появилось.

Заключение

Вся положительная информация, содержащаяся в статье, совершенно не означает, что развитию компьютерных сетей и цифровых технологий в российской науке уже не нужны дальнейшие внимание и поддержка. Динамика развития мирового научного сообщества и общая тенденция глобализации достаточно быстро превращают пользование всемирными информационно-коммуникационными сетями в необходимую составляющую успешной деятельности на переднем крае науки. Поэтому важно напомнить, что практически полное техническое обеспечение компьютерными телекоммуникациями всех желающих ученых (85–90%), выявленное в 2002 г., зафиксировано только для элитных институтов РАН. Понятно, что в среднем ситуация выглядит значительно хуже и задача обеспечения доступа к пользованию новейшими ИКТ для более широкого круга исследователей еще отнюдь не решена.

Живя в слабокомпьютеризированной среде, мы успокоились тем, что приобрели компьютеры и получили доступ в Интернет, т.е. достигли «мирового уровня», забывая, что этот уровень непрерывно растет, и новые технологии очень быстро заменяются новейшими, радикально превосходящими прежние. К сожалению, невозможно удовлетворить потребность ученых в информационно-коммуникационных технологиях раз и навсегда: даже для того, чтобы быть в курсе интернациональной научной информации и поддерживать международные контакты, требуется постоянное обновление информационно-коммуникационной инфраструктуры национальной науки. Поэтому наши перспективы на достойное место в мировой науке самым тесным образом связаны с тем вниманием, которое в ближайшее время будет уделено дальнейшему внедрению и, главное, развитию новейших сетевых информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. *Мирская Е.З., Баяк Д.А.* Социологические аспекты формирования виртуальных сообществ, включающих российских ученых // Годичная научная конференция ИИЕТ'96. – М.: Янус-К, 1997. – С. 35–48.
2. *Мирская Е.З., Шапошник С.Б.* Компьютерные телекоммуникации в российской науке // Вестник РАН. – М., 1998. – № 3. – С. 203–213.
3. *Мирская Е.З.* Современные телекоммуникационные технологии в российской академической науке // Науковедение. – М., 2000. – № 3. – С. 48–60.
4. *Мирская Е.З.* Профессиональное самочувствие российских академических ученых // Вестник РГНФ. – М., 2003. – № 1. – С. 211–218.
5. *Мирская Е.З.* Глобальные информационно-коммуникационные технологии как средство модернизации современной науки // Наука в условиях глобализации / Под ред. А.В. Юревича. – М.: Логос, 2009. – С. 270–307.
6. *Мирская Е.З.* Современные информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности российских ученых // Наука России: От настоящего к будущему / Под ред. В.С. Арутюнова. – М.: URSS, 2009. – С. 323–344.
7. *Matzat U.* Social networks and cooperation in electronic communities. – Mode of access: <http://dissertations.ub.urug.nl/faculties/ppsw/2001/matzat>
8. Transforming European science through information and communication technologies: Challenges and opportunities of digital age. – Luxemburg: European Commission, 1999. – Note 168.
9. *Walsh J.P., Bayma T.* Computer networks and scientific work // Social studies of science. – L., 1996. – Vol. 26, N 3. – P. 661–703.

М.Е. Соколова

**СОЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ СЕТИ РУНЕТА
И «ОТКРЫТЫЙ КОД» «ПОКОЛЕНИЯ GOOGLE»**

«Ведь Google будет всегда...»:
случайно услышанная фраза

«Поколение Google»

Научные сети (research networks) пришли или, точнее, – по ассоциации с мощной корневой системой – «достигли» Рунета чуть менее десяти лет назад. Ризомная метафорика здесь особенно уместна, поскольку указывает на многоаспектность рассмотрения национальных научных сетей как расширения уже достаточно разветвленной системы подобных научных ресурсов Интернета.

Несмотря на явное увеличение в российском сегменте Интернета научно-сетевых ресурсов – теперь уже в форме социальных сетей – и быстрый рост числа их участников, отечественные исследования научных коммуникаций в таких сетях и других интерактивных ресурсах Веб 2.0 пока немногочисленны. Можно назвать ряд исследований, посвященных отдельным проблемам¹, но отсутствуют обобщающие социологические работы, такие, например, как публикации по результатам социологического эмпирического мониторинга научных коммуникаций в российской академической науке, проведенного в 1994–2002 гг. в форме нескольких последовательных пилотажей (здесь прежде всего следует назвать работы руководителя исследования Е.З. Мирской, в том числе ее статью в настоящем издании). В связи с транснациональным характером сетей, их ин-

¹ См., например, 2; корпус публикаций, посвященных сети Соционет: коллекция электронных публикаций С. Паринава (режим доступа: <http://www.socionet.ru/collection.xml?h=герес:rus:mqijxk>); работы новосибирских ученых, связанные с обоснованием проекта инновационной сети СИНИН, – Сетевая инновационная инфраструктура СО РАН; проект № 111 (режим доступа: <http://www.bras.nsc.ru/win/sbras/rep/rep2005/tom2/pdf/111.pdf>); сайт ГСНТИ (режим доступа: <http://www.gsnti-norms.ru/norms/norms/0top.htm#innovs/sinin.htm>); интервью создателей сети Sciepeople М. Самохвалова и И. Радовильского (21).

тенсивным развитием и огромным количеством участников встает вопрос о методах подобных исследований, результаты которых, безусловно, будут востребованы и научным сообществом, и лицами, принимающими решения в области государственной научно-технической и информационной политики.

Перспективы социологических исследований научных сетевых обществ во многом определяются общим отставанием российской социологии в разработке методов изучения технологий социального Интернета (Веб 2.0), социальных сетей, виртуальных сообществ и особенностей их интеракции. Иначе говоря, речь идет о необходимости придания мощного импульса развитию в России таких исследовательских направлений, как социология Интернета, вычислительная социология (*computational sociology*), Веб-наука, социальные вычисления (*social computing*), компьютерный анализ социальных сетей (*computational social network analysis*), интерактивный качественный анализ (*interactive qualitative analysis*), социотехнический системный анализ (*sociotechnical systems analysis*), интеллектуальный анализ данных (*data mining*), онлайн-новый интерактивный сбор и анализ социологической информации в режиме реального времени (*interactive analysis*) и др. К сожалению, пока чаще звучат пессимистические оценки перспектив развития этих новых научных направлений (см.: 6; 7). Основаниями для пессимизма являются трудности внутридисциплинарного характера, отсутствие необходимого лицензионного зарубежного программного обеспечения и технического оборудования, недостаток специалистов по его использованию, а также некоторые особенности отечественного социологического образования и практики организации социологических исследований.

Стартовые трудности развертывания сетевых исследовательских структур в Рунете объясняются рядом исторических предпосылок. Для нашей страны 1970–1980-е годы во многом стали временем упущенных возможностей в формировании навыков неформальной научной электронной коммуникации. Это и неудивительно, поскольку в тот период основные усилия были направлены на создание и развитие Государственной системы научно-технической информации (ГСНТИ), тогда как распространение информационных технологий, предназначенных для широких слоев населения, тормозилось во многом по идеологическим причинам. В результате сегодня нам приходится не только воспроизводить западные разработки на технологическом и идейном уровнях (так, к примеру, крупнейшую российскую социальную сеть «ВКонтакте» часто называют клоном американского Facebook¹, другая популярная сеть – «Одноклассники» – также является аналогом американской сети Classmates.com²), но и заим-

¹ <http://www.facebook.com>

² <http://www.classmates.com>

ствовать и адаптировать сами модели поведения участников российских сетей и их создателей¹.

Создание первых распределенных информационных сетей для науки и высшей школы началось в России как фрагментарный спонтанный процесс в рамках отдельных проектов, программ и инициатив ряда организаций в начале 1990-х годов. Многие о первом соприкосновении советских ученых с сетевыми научными коммуникациями можно узнать на сайте Фонда развития Интернета (9) из интервью организаторов создания российского научного Интернета. Эти люди в конце 1980-х – начале 1990-х годов были в числе первых советских пользователей Интернета, именно они способствовали созданию у нас первых компьютерных сетей и зарубежных каналов связи (особенно большую роль здесь сыграли Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова и Российский институт развития общественных сетей – РОСНИИРОС). В результате этих усилий были созданы первые коммерческие структуры, предоставившие свои мощности для развития научного Интернета в нашей стране («Релком», который до 1993 г. был фактическим монополистом на рынке сетевых услуг и услуг электронной почты, «Демос» и др.) (9). Следующий импульс развитию Интернета в России в 1993 г. придала «Телекоммуникационная программа» Международного научного фонда Джорджа Сороса. В 1994 г. в рамках уже государственной научной программы «Университеты России» было выделено направление по созданию федеральной университетской компьютерной сети RUNNet, которая вступила в строй в 1995 г. и использовала преимущественно спутниковые каналы связи. В 1996–1998 гг. была построена опорная сеть для нужд науки и высшей школы RBnet, использующая волоконно-оптические каналы большей емкости; финансирование данной сети было выделено отдельной строкой в государственном бюджете РФ (20). В начале и середине 2000-х годов создание компьютерных сетей и мощностей было продолжено, и к настоящему моменту сформирован значительный телекоммуникационный потенциал в области науки и образования.

¹ С этой точки зрения интересное сопоставление (а точнее, противопоставление) двух виртуальных реальностей, двух сетевых моделей – открытой Facebook и «Интернета в Интернете» «ВКонтакте» – провел Артур Вельф: «Мне очень интересно следить в долгосрочном плане за развитием Facebook и “ВКонтакте”. Интересно даже не с пользовательской или бизнес-точек зрения, а в философском и историческом плане. Эти две соцсети удивительнейшим образом исповедуют противоположные подходы, которые отражают противоположные менталитеты тех стран, тех политических систем, где родились и выросли их создатели... Просто удивительно, насколько “ВКонтакте” напоминает мне СССР и путинскую Россию с ее ручным управлением “вертикалью” и насколько FB напоминает демократическую страну, которая не хочет излишней регуляции и которой если что-то нужно, то она создает условия, чтобы всем было ВЫГОДНО делать именно так, вместо того чтобы отдавать приказы и все контролировать лично» (1).

В целом результатом усилий этого поколения ученых и организаторов науки стало создание телекоммуникационной инфраструктуры для отечественной науки, которая продолжает развиваться в рамках стратегии Министерства коммуникаций и связи РФ, направленной на интеграцию в будущем всех существующих сетей на основе единой высокоскоростной опорной телекоммуникационно-вычислительной инфраструктуры национального масштаба¹.

Вместе с тем формирование телекоммуникационной структуры отечественной фундаментальной науки осуществлялось на основе прежней, созданной еще в СССР институциональной структуры научных и образовательных учреждений, которая оказывает сильное воздействие на коммуникативные модели поведения исследователей. Если использование электронной почты, сервисов электронных конференций, сайтов институтов, электронных библиотек и баз научной литературы не вызывало затруднений у большинства российских ученых, то новые научно-коммуникационные возможности, порожденные интерактивной фазой развития Интернета (такие, как сети, блоги, Википедия и т.д.) превратились в серьезное испытание для их информационной активности. Результатом становится существенная поколенческая дифференциация в освоении новых возможностей научной коммуникации в Рунете.

Именно поэтому актуальным сейчас является рассмотрение перспектив сетевого исследовательского Рунета с точки зрения поколенческой дифференциации. В связи с этим Э.М. Мирский отмечает следующее: «За прошедшее десятилетие выросло новое поколение, у которого нет ни страха, ни уважения к ценностям и установкам имперской бюрократии. В этих условиях вытеснение в маргинальную, а тем более криминальную сферу всех самоорганизационных процессов в молодежной среде чревато последствиями, сигналы о которых мы все чаще получаем с Манежной площади в Москве, из ближнего Подмосковья, Краснодарского края, с сайта perepis.ru ...Далее везде?» (12, с. 217). Закономерна и аналогия между этим поколением и западным поколением бывших студентов-бунтарей, ставших впоследствии социальной элитой, соединившей в своей профессиональной деятельности навыки самоорганизации и ответственности перед корпоративным контролем профессионального сообщества. По сути дела, речь и идет о долгосрочной тенденции в формировании интеллектуальных трудовых ресурсов нового типа, появление которой было обусловлено реакцией на изменения во внешней среде (12, с. 216). Использование этих новых трудовых ресурсов ставит сегодняшних потенциальных работодателей перед рядом серьезных проблем, касающихся и нашей отечественной науки.

Случайная фраза, сказанная одной из представительниц «сетевого поколения»: «Ведь Google будет всегда...», выступает в данном контексте

¹ <http://minkomsvjaz.ru/3495/3499>

своеобразным индикатором настроений поколения «от 22 до 35», прошедшего в последние годы (уже после начала реформирования) в отечественную академическую науку. В связи с этим особенно важно проанализировать поведенческие модели представителей данного поколения, поставив на первое место информационное измерение их существования как исследователей. В сущности, эта фраза является концентрированным выражением психологии нового поколения и дает основание назвать его «поколением Google»¹. Конечно, речь не идет об исключительной приверженности только продукции Google, но история успеха этой компании за счет выбранной ею коммерческой стратегии демонстрирует механизм «привыкания» пользователей к веб-сервисам посредством конструирования в виртуальной реальности комфортной, многофункциональной среды для повседневного использования. Эта среда наиболее совместима с мотивациями пользователя, воспроизводит весь круг его жизненных потребностей – профессиональных, учебных, личностных. Использование возможностей этой среды становится для него такой же жизненной необходимостью, как чашка кофе по утрам для завязанного кофемана. И если многие представители этого поколения еще «прощают» прошлому отсутствию в нем Google, то уж будущего-то они не представляют без него совершенно. Поэтому реконструкция мотивации поведения нового «поколения G», чьи коммуникативные навыки и идентичность формируются под прямым влиянием сетевых сервисов и интерактивных интернет-технологий, может дать ключ и к пониманию ряда проблем, связанных с будущим «науки в сетях».

Конечно, попытка составить обобщенный психологический портрет целого поколения, которому еще только предстоит утвердиться в науке, была бы слишком смелой, но в его поведенческой стратегии уже просматривается целый ряд особенностей, заслуживающих дальнейшего более тщательного анализа. Даже при отсутствии большого массива эмпирических данных «поколенческий» анализ позволяет уже на ранней стадии выявить ряд характеристик, которые впоследствии могут трансформироваться в модели поведения представителей соответствующего поколения (если, конечно, они останутся в науке).

К этому поколению можно отнести студентов-старшекурсников, склонных к исследовательской деятельности, чье взросление и социальная адаптация совпали со становлением Веб 2.0; реализующих свой исследо-

¹ Прогнозирование прихода такого поколения и затем констатация его появления в научной литературе в течение последних 10–15 лет неоднократно осуществлялись многими исследователями. В 1997 г. это сделал один из создателей идей викиномики Д. Тапскотт, назвав грядущее поколение Net-Generation. В литературе используются и такие названия, как «поколение Facebook» (Gen F scientists), подчеркивающее его коммуникативные навыки, и в более широком смысле – как характеристика «информатизированного» человека – «поколение Y». Попытка ответить на вопрос о существовании в России такого поколения предпринята в анкете на сайте, посвященном социальной информатике (14).

вательский потенциал аспирантов, чьи коммуникативные навыки сформировал блоггинг; тех, кого принято называть «молодыми учеными», чье сознательное становление в возрасте от 24–25 лет (послеаспирантский период) до 35-летия пришлось на период расцвета интерактивного Web.

Развитию информационных навыков и моделей социального поведения «поколения Google» способствовали технологические сервисы интерактивной фазы WWW – Веб 2.0, основные принципы которой были предложены рядом интернет-компаний в качестве новой технологической политики и перспективы развития Интернета после краха бизнес-модели «доткомов» в 2001 г. В результате двух конференций, проведенных в 2004 г., была предложена новая модернизированная модель интернет-бизнеса, основанная на продвижении веб-приложений. Одним из основных направлений деятельности интернет-компаний стало расширение потенциала самоорганизации социальных сетей.

В основу этой стратегии развития легло предложенное Тима О'Рейли представление «об архитектуре участия» (architecture of participation) как о новом типе архитектур интернет-сервисов, в том числе и сетевых. Систематизация контента в Веб 2.0 создается с помощью средств фолксономии (folksonomy = folk + taxonomy), основополагающей идеей которой является представление о добровольном сотрудничестве людей с целью организации источников информации. Речь идет о неиерархических сообществах как системах, создающихся путем добровольного коллективного интеллектуального «вклада» равноправных участников. К их числу, например, относятся системы с возможностями открытого редактирования (Open Editing) и программирования в открытых кодах (Open Source). Систематизация контента на основе фолксономии позволяет создать концептуальную модель информации, поскольку отражает представления всей группы (29).

Интерактивность Веб 2.0 неразрывно связана с действием механизмов самоорганизации в процессе создания пользователями контента информационных ресурсов, реализации возможностей самовыражения участников онлайн-овых или виртуальных сообществ. Тим Бернерс-Ли отразил доминирование сетевой модели информационного развития Интернета, когда в конце 2007 г. определил его будущее как переход WWW в «Гигантский глобальный граф» (Giant Global Graph), т.е. формирование единой модели, описывающей взаимные связи всех пользователей Интернета.

Следствием этих процессов стало интенсивное развитие интернет-сервисов, в которых происходит обмен опытом, знаниями, мнениями, мультимедийной информацией, подготовка проведения массовых мероприятий, формирование «сетей друзей» (friends online networks), т.е. ресурсов, содержание которых создается самими пользователями. В число этих сервисов входят: ресурсы типа Википедии (справочники и энциклопедии), в которых каждый пользователь имеет возможность редактировать данные; блоги (интерактивные сетевые дневники, где значительная часть

веб-контента создается пользователем); социальные сети, построенные на основе технологии Friend of friend, которая дает возможность подписаться на новости и материалы участников сети из так называемого «списка друзей»; сервисы для обмена различными файлами, пополняемые за счет пользователей; сервисы совместного документопользования, которые дают возможность совместного одновременного использования документов, для того чтобы создавать, редактировать и удалять информацию, доступную для общего пользования (28).

В этой ситуации Google, продвигая в первую очередь собственные интернет-приложения, сумел стать общепризнанным флагманом Web 2.0 в отличие от тех компаний, успех которых был связан с успехом программного бизнеса 1980-х годов. К таким сервисам Google относятся, например, Google Start, обеспечивающий индивидуальную настройку домашней страницы, онлайн-почтовый сервис Gmail, рекламные сервисы Google Ad Sense и Google AdWords, онлайн-офисный пакет Google Docs (обновленный за счет функции совместной работы над документами), Google Notebook и т.д. (23). В целом стратегия Google по продвижению веб-приложений как замены «не-веб» программ демонстрирует феномен превращения технологического сервиса в часть повседневной жизни его пользователей, встраивание его в структуру их потребностей и возможность посредством этого сервиса «дирижировать» мировоззрением, совокупностью мотиваций нового поколения.

Возможно, век сервисов для поддержки социальных сетей окажется не намного более длительным, чем век интернет-сервисов 1990-х годов, а компании, продвигающие их, ждет та же участь, что и множество IT-компаний, прекративших существование в 2001 г. С разрушением же технологической основы, очевидно, претерпят эволюцию и социально-коммуникативные навыки, ранее усвоенные миллионами молодых пользователей Google. Уже сегодня звучат голоса, объявляющие социальные сети изжившими себя, остановившимися в своем росте. Высказываются мнения, что социальным сетям еще предстоит пройти серьезную технологическую и содержательную эволюцию, дополнительным подтверждением чему служат сообщения о планах Google по созданию нового типа социальной сети (11). Однако пока именно социальные сети во многом определяют модели социального поведения своих пользователей.

В то же время нельзя все сводить к коммерческим интересам интернет-компаний, придавая односторонне-тенденциозный оттенок всей картине становления «поколения Google» (хотя не следует и забывать о том, кто дергает за ниточки, казалось бы, твоих и только твоих мотиваций и устремлений). Да и само понимание «коммерческого» зачастую весьма разнится в западном и отечественном интернет-бизнесе. Соответственно, различается и мотивация тех, кто занимается бизнесом, связанным с социальными сетями. Она имеет, как уже отмечалось выше, национальные особенности. Не менее значимым, чем интересы коммерции, здесь является

ся и стремление к приобретению авторитета в информационном мире, созданию перспективного информационного ресурса, самореализации.

Имплицитная «архитектура» «участия» или «партнерства» сетевых сервисов, где контент создается самими пользователями, находящимися друг с другом в определенных отношениях, означает изначальную встроенность в них этики кооперации, неограниченного взаимодействия и добровольного сотрудничества (отношения «дружбы» и «включения» в сеть). В соответствии с законами самоорганизации пользователи технологических сервисов, служащих своеобразным выражением сетевой матрицы, добровольно и бескорыстно делятся своими знаниями. Их мотивация к участию в информационном обмене может определяться целым рядом факторов, среди которых – ожидание взаимности (адекватного ответа на твоё действие со стороны других участников), повышение авторитета (расширение известности, рост влияния), альтруизм, конкретная выгода, социальное самоутверждение, устойчивость действий индивида (тенденция к повтору однажды совершенного действия), дружба и личное удовольствие, сознание значимости собственной роли в социальной системе, сознание уникальности твоего вклада, порой стремление к власти и ряд других групповых мотиваций (38, с. 13–14).

Можно сказать, что в бесконечности повсеместного информационного обмена реализуется причастность частицы к информационному универсуму, стремление раствориться в нем. Такой божественный атрибут, как вседусещность, всеприсутствие, теперь, похоже, переходит к информации. Последствия воздействия сетевого кода, «встроенного» в психологию «поколения Google» на глубинном уровне пока лишь разворачиваются и еще не могут быть выявлены до конца. Если использовать аналогию с Открытым программным кодом – это код коллективного, бесконечного складирования интеллектуального капитала, накопление которого осуществляется за счет множественных сетевых взаимодействий.

В конечном итоге такое поведение пользователей отражает психологическую установку, порожденную современным образом жизни, для обозначения которой американская исследовательница Линда Стоун, работавшая в компаниях *Apple* и *Microsoft* в 1986–2002 гг., предложила название «перманентное частичное внимание» (28). Речь идет об образе жизни, постепенно сложившемся в последние четыре десятилетия, когда человек привыкает находиться на пересечении множества информационных потоков, ни на чем подолгу не останавливаясь и будучи вовлеченным в десятки самых разных дел. При этом человек продолжает «сканировать» окружающую среду в поиске новых возможностей. По словам Стоун, для него «быть всегда занятым и находиться на связи – значит жить» (26). Необходимость постоянного сканирования среды и перманентного напряжения внимания приводит к тому, что человек чувствует себя живым, лишь будучи узлом некой сети (40).

Таким образом, социальные сети, объединяющие «друзей друзей», в течение последних десяти лет превратились в ключевой сервис Веб 2.0. Среди них можно выделить сети общего назначения (в них могут функционировать узкопрофессиональные научные сообщества) и более специализированные, «нишевые» (тематические и профессиональные) сетевые сервисы, к которым можно отнести и научные.

Развитие научно-сетевого Рунета: От телекоммуникационных сетей до Веб 2.0.

Каков же сетевой мир молодых исследователей из отечественного «поколения Google», какими интерактивными сервисами пользуется местное виртуальное «население», уже живущее в сетевой эпохе? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к истории научно-сетевого Рунета, прошедшего за последние два десятилетия эволюцию от первых распределенных телекоммуникационных сетей для науки и образования до технологий Веб 2.0.

Научные сети Рунета можно разделить на ресурсы первого и второго поколения.

Отечественные научные сети первого поколения (имеются в виду ресурсы, созданные российскими разработчиками и предназначенные прежде всего для отечественных ученых) появились за несколько лет до социально-сетевого бума середины 2000-х годов. Конечно, и тут свою роль сыграли западные прототипы. Так, информационная научно-образовательная сеть по социально-гуманитарным наукам Соционет (2000)¹, возникновение которой связано с Сибирским отделением (СО) РАН, создавалась по образцу американской экономической базы данных RePEc (Research Papers in Economics)², хотя в то же время проектировщики опирались и на отечественные разработки.

Проекты этого поколения существенно опередили организационную реальность отечественной науки, что и предопределило, например, неудачу СИНИН (2003–2005) – интеллектуализированной сетевой системы, предназначенной для информационной поддержки инновационной инфраструктуры. Разработчики данного проекта создавали его как онлайн-овую информационную сетевую среду для географически распределенных участников инновационной деятельности в России, призванную ускорить информационный «метаболизм», циркуляцию потоков знания в сфере инноваций, а также повысить эффективность информационных взаимодействий между инноваторами. Целями СИНИН были уменьшение информационных разрывов между наукой и высокотехнологичной промышленностью, формирование единой национальной сетевой инфраструктуры, улучшение ин-

¹ <http://www.socionet.ru>

² <http://repec.org>

формационных взаимодействий между участниками инновационной деятельности (18; 23). Насколько этот последний проект опередил свое время, можно судить по нынешнему интересу к инновационной тематике лидеров нашего государства и бизнеса, в том числе и представителей IT-компаний. Именно его несоответствие тогдашним организационным возможностям отечественной науки и стало причиной, по которой он не смог развиваться дальше.

Другой сетевой проект Соционет, организационно и технологически связанный с СИНИН, также создавался на организационной базе Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в рамках двух международных инициатив – Инициатива открытых архивов (Open Archives Initiative)¹ и RePEc (25). Его теоретической базой стал комплекс актуальных в то время представлений об онлайн-науке, национальной и международной онлайн-исследовательских инфраструктурах (research e-infrastructure), институциональных репозиториях, «живых» документах, онлайн-научометрических показателях научной деятельности.

С 2006 г. Соционет стал позиционироваться как социальная сеть. При этом ее разработчики опирались прежде всего на идеи «малых миров» (small worlds) и разработку проблем формирования и функционирования сетей венгерским ученым Альбертом-Ласло Барабаши (32).

История развития этого проекта дает возможность проследить реализацию технологической идеи информационного научно-сетевого ресурса в условиях организационной реальности российской науки на протяжении десяти лет. Все эти годы информационная система постепенно «вписывалась» в организационный контекст РАН и эволюционировала технологически и идейно в соответствии с общими тенденциями в отечественном и глобальном информационном пространстве. Разработчикам проекта удалось найти поддержку и финансирование у руководства Отделения общественных наук (ООН) РАН, и с 2006 по 2009 г. Соционет стал участником программы РАН «Информатизация научных учреждений и Президиума РАН». Основной целью реализации проекта в ряде институтов ООН РАН было формирование в открытом онлайн-доступе корпуса публикаций по результатам текущих научных исследований по общественным наукам и предоставление близким по тематике научным коллективам и исследовательским организациям возможности развивать свои профессиональные социальные сети. Кроме того, важной задачей проекта стало создание сервиса для получения наукометрической информации и эффективной оценки результатов научно-исследовательской и научно-технической деятельности.

В настоящее время Соционет организационно связан с Центральным экономико-математическим институтом (ЦЭМИ) РАН, который в рамках

¹ <http://www.eprints.org/>

этого проекта с апреля 2007 г. присоединился к международной инициативе «Открытый доступ к результатам исследований»¹. В соответствии с рекомендациями международной инициативы Берлин-3² в институте был создан онлайн-институциональный репозиторий «Открытый архив» (OA), в котором научные сотрудники института должны депонировать электронные версии всех своих законченных результатов исследований. Таким образом, элементы социальной сети, объединяющей индивидуальных исследователей, сочетались в этом проекте с использованием инфраструктуры электронных научных публикаций, первичными звеньями которой должны были выступать сайты научных институтов РАН. В то же время в силу технологических трудностей проект так и не был расширен по части сервисов (блоги, использование мультимедийной информации).

Ряд особенностей этих двух проектов был предопределен их хронологической близостью к периоду интенсивного развития телекоммуникационных сетей в нашей стране в 1990-е годы, который, с одной стороны, был временем технократического оптимизма и надежд, но, с другой – продолжал прежнюю модель централизованного информационного развития страны (11). Так, в конце 1990-х годов в качестве основной стратегической задачи была выдвинута интеграция информационных ресурсов государства, в том числе и научных (11). О многообразии форм научного Интернета тогда не было и речи, да и сама возможность использования Интернета в научных целях еще вызывала большие сомнения.

В тот период сети были чем-то слишком необычным для подавляющего большинства российских ученых и никак не вписывались в организационно-феноменологический горизонт их профессиональной жизнедеятельности. Впрочем, и сами создатели сетей слабо представляли себе всю совокупность организационных усилий, необходимых для их успешного продвижения. Показательной для этого периода является история с размещением российским математиком Г. Перельманом в 2002 г. на сайте препринтов Лос-Аламосской национальной лаборатории предварительного описания идей своей работы, за которую ему впоследствии была присуждена премия Филдса. Наряду с коллизиями, связанными с содержанием самой работы, использованный автором способ доведения своих идей до заинтересованной аудитории был по российским меркам совершенно неординарным. В целом, однако, уровень информационной культуры и потребностей большинства российских ученых не позволял им пользоваться онлайн-сетевыми сервисами. Результатом стала усиливающаяся настороженность представителей научного сообщества, скептическое отношение многих из них к организационным «проискам» отечественных провозвестников новой сетевой эры, пропагандировавших приобщение исследователей к деятельности в виртуальной среде. В тот период для

¹ <http://www.eprints.org/>

² <http://www.eprints.org/events/berlin3/outcomes.html>

противостояния таким проектам было вполне достаточно рутинного бюрократического подхода, в результате чего все усилия и энтузиазм разработчиков уходили в песок.

Второе поколение научных сетей Рунета было вызвано к жизни социально-сетевым бумом середины 2000-х годов, в результате которого Facebook, MySpace и другие сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни многих людей. Наряду с крупными сетями тогда стали появляться и многочисленные локальные социальные сети¹.

Онлайновое сообщество социальных сетей состоит из пользователей, каждый из которых имеет возможность создать свой «профиль», представляющий личную информацию о нем, а также создавать и развивать группы «друзей по интересам», в которых можно найти друзей, однокурсников, одноклассников, работодателей или работников, партнеров, коллег, инвесторов и т.д. Пользователи имеют возможности пользоваться такими сервисами, как фото- и видеохостинги, файлообменные сети, закладки, блоги и форумы, блокноты и ежедневники, создание новостных лент.

Наиболее известные общедоступные социальные сети (прежде всего, Facebook и LinkedIn) давно уже используются учеными, например этнографами и социологами. Исследователи могут контактировать с целой сетью виртуальных «друзей», являющихся их потенциальными респондентами, использовать огромные запасы мультимедийных материалов о социальных движениях и группах (в том числе и маргинальных), которые содержатся на сетевых ресурсах. Оставаясь невидимыми, они часто наблюдают социальные взаимодействия на веб-ресурсах маргинальных групп, проводят электронные опросы, создают интернет-страницы с целью исследования онлайнового поведения (например, поведение участников фокус-группы при просмотре видео и их комментарии по этому поводу) или для распространения полезной информации (например, страница Cipe Diabetes в MySpace) (34). На сайтах этих крупных сетей свои группы, страницы или представительства создают различные профессиональные сообщества и организации (так, на Facebook имеют свои представительства национальные лаборатории, университеты, издательства научных журналов и т.д.).

В последние годы выявилась тенденция предпочтения пользователями узкоспециализированных сообществ крупным массовым сетям. Согласно данным, полученным в 2007 г. онлайновой компанией Communi-space, небольшие социальные сети оцениваются пользователями как более привлекательные. По результатам исследования более чем 26 тыс. участников из 66 социальных сетей, выяснилось явное предпочтение узкотема-

¹ Информацию и статистику о них можно найти в различных интернет-источниках, в частности на World Map of Social Networks, а также в списке научных сетей в Википедии на странице <http://en.wikipedia.org/w/index.php?title=Special%3ASearch&search=research+networks&fulltext=1>

тических сообществ по сравнению с общими. Чем менее публично сообщество, тем сильнее вовлеченность участников (38). Эта тенденция впоследствии подтвердилась: число таких сетей, в том числе и профессиональных, увеличилось. Не осталась в стороне от этого процесса и Россия. Так, российские ученые активно представлены на сайте Профессионалы.ру – первой отечественной общедоступной социальной сети, объединяющей специалистов и бизнесменов по отраслевым, профессиональным и географическим признакам¹. Появились в Рунете и социальные сети специально для ученых, созданные на современной технической основе с использованием мультимедийных возможностей и ориентированные на современные коммуникативные способы поведения. В русле этой тенденции представители Российской академии естественных наук (РАЕН) создали собственную социальную сеть².

В таких сетях можно выкладывать информацию о себе и свои научные публикации, совместно работать над новыми проектами, обсуждать различные темы в виртуальных группах по интересам, искать коллег, рецензентов или оппонентов, переписываться с ними, просматривать их фотографии, видео, организовывать встречи, вести тематические конференции, обсуждать научные тексты, вести блоги, писать объявления, публиковать резюме и вакансии. Здесь можно найти свежую информацию о научных новостях, конференциях, изданиях, грантах, аспирантурах, докторантурах и др.

Еще один проект Рунета – SciPeople.ru³ – представляет собой транснациональную социальную сеть для ученых и создан на средства его разработчиков Михаила Самохвалова и Ильи Радовильского. Эта социальная научная сеть спроектирована как своеобразный, персональный «рабочий стол» для аспирантов и ученых с обычными для сети функциями (22). Кроме российских ученых, если судить по статистике сайта, в сети есть участники из стран СНГ, США, Европы, Индии и т.д. В настоящее время проект SciPeople.ru активно функционирует, поддерживает постоянные организационные связи с рядом научных журналов, предоставляет своим пользователям регулярно обновляемые новости научной и научно-популярной жизни, информацию о конференциях.

Помимо этих сетей в Рунете функционирует социальная научная сеть Scientific Social Community, предназначенная для ученых стран СНГ,

¹ <http://professionali.ru/>

² «Создание социальной сети “Ученые России” идет в ключе современных процессов переориентации сетей с частных коммуникаций (“Одноклассники”, “ВКонтакте” и др.) на предметное социальное, творческое и профессиональное сотрудничество. Находясь в пространстве такой социальной сети, пользователи вправе ожидать как общения с единомышленниками, так и комментариев и оценок экспертов в данной области... Мы уверены, что новая социальная сеть «Ученые России» станет полезным инструментом в повседневной жизни российских ученых и специалистов» (22).

³ <http://scipeople.ru>

и прежде всего – для ученых России и Украины, которая была создана при поддержке Фонда Виктора Пинчука в рамках Стипендиальной программы Zavtra.UA¹. Разработка данного проекта была начата в июне 2008 г., а официальный старт состоялся в январе 2009 г. Новым сетевым проектом является виртуальная исследовательская сеть для молодых ученых и студентов (ВИСМУС)², которая позиционируется как общее виртуальное информационное пространство для систематического обмена мнениями и современными технологиями участниками исследовательской сети. Этот проект реализуется на базе Казанского государственного финансово-экономического института.

В Рунете можно найти информацию о других сетевых проектах, например о работе над научным порталом AllScience.ru³, который представляет собой набор персонально ориентированных online-инструментов в помощь людям, занимающимся научной деятельностью. Безусловно, можно ожидать дальнейшего увеличения количества подобных сетевых ресурсов.

Что касается транснациональных профессиональных научных сетей, то все они открыты для российских ученых. Среди них Nature Network, OpenWetWare, Social Science Research Network (SSRN), Laboratree, Methodspace, Ologeez, ResearchGate, Epernicus, Graduate Junction, LabSpaces и др.⁴ Элементы сетевых отношений (сетевые эффекты) присутствуют и на профессиональных порталах, предназначенных для организации труда исследователей, где осуществляются обмен ссылками и ряд других функций (LabMeeting, Mendeley⁵). Часть сетей и профессиональных исследовательских медиасервисов создана при посредстве таких крупных издательств, как Elsevier, Nature, Springer, Science и др. (16). Необходимо также упомянуть международные сети и исследовательские порталы с сетевыми сервисами в области нанонауки и нанотехнологий, среди которых – Nanopaprika, NanoBioNet, NanoScienceWorks, NanoScout, NanoHUB и др.⁶(16).

Для оценки перспектив сетевой науки необходимо помнить и о такой тенденции, как быстрый рост числа международных и региональных социальных образовательных сетей. В Рунете число таких сетей, ориентированных на детей и подростков, также активно увеличивается. Это позволяет предположить, что в недалеком будущем, когда юные пользователи таких сетей подрастут, они станут массовой группой, предъявляющей

¹ <http://www.science-community.org/ru>

² <http://www.vismus.ru>

³ www.allscience.ru

⁴ <http://network.nature.com/>; <http://openwetware.org>; <http://www.ssrn.com>; <http://laboratree.org/pages/home>; <http://www.methodspace.com>; <http://www.ologeez.org>; <http://www.researchgate.net>; <http://www.epernicus.com>; <http://www.graduatejunction.net>; <http://www.labspaces.net>

⁵ <http://www.labmeeting.com/>; <http://www.mendeley.com>

⁶ <http://www.nanopaprika.eu/>; <http://www.nanobionet.de/>; <http://www.nanoscienceworks.org/>; <http://www.nanoscout.de/>; <http://nanohub.org/>

спрос на сетевые формы общения во всех сферах жизни, включая, разумеется, и науку.

К новому мобильному интерактивному и неформальному информационному пространству научных коммуникаций в Рунете можно отнести и появившиеся в последние годы исследовательские блоги по образцу таких известных транснациональных ресурсов научной блогосферы, как Nature Network, ScienceBlogs, Scientific Blogging, Wordpress, OpenWetWare¹. Например, на научно-популярном сайте «Элементы»² сейчас зарегистрировано более 500 блогов ученых (хотя не все из них ведутся активно). Сервисы для ведения блогов есть также и на сетевых сайтах. Активно используются для научной и околонаучной коммуникации возможности микроблогинга (Twitter)³.

Помимо самих сетей, в сетевом мире используются и сопутствующие дополнительные сервисы. В огромном количестве сетевых информационных потоков очень трудно что-либо найти и сохранить. Сервисы хранения закладок, позволяющие сохранять и обмениваться ссылками на научные публикации из большинства баз данных (например, Delicious, Connotea⁴), цифровые фото- и видеоматериалы (такие как Flickr⁵), программы-интеграторы дефрагментированных информационных потоков (например, Everynote⁶) соединяют и архивируют фрагменты этих социальных потоков. К сервисам закладок относится русскоязычный сайт БобрДобр, который дает возможность пользователям хранить и систематизировать закладки в Интернете, делиться и обмениваться ими с друзьями и знакомыми, создавать сообщества по темам и интересам, собирать в рамках этих сообществ полезные ссылки. Таким образом, сервис несет в себе две неразрывно связанные составляющие – возможность хранения закладок в Интернете и элементы социальной сети⁷. Популярность таких сервисов, которые называют онлайн-менеджерами, возрастает по мере появления мобильных приложений к ним.

К интерактивным сервисам, используемым исследователями, можно отнести также сервисы, обеспечивающие совместную работу распределенных в пространстве коллективов, ресурсы для проведения в сети вебинаров, или интернет-семинаров. Все более активно используется для представления научных и научно-популяризаторских материалов (видео-

¹ <http://network.nature.com/>; <http://scienceblogs.com/>; <http://www.science20.com/>; <http://video.scientificblogging.com/>; <http://wordpress.org/>; <http://blog.openwetware.org/scienceintheopen/2008/08/01/facebook-for-scientists-theyre-breeding-like-rabbits/>

² <http://elementy.ru/runet/>

³ <http://www.twitter.com/>

⁴ <http://www.delicious.com/>; <http://www.connotea.org/>

⁵ <http://www.flickr.com/>

⁶ <http://www.everynote.com/>

⁷ <http://bobrdobr.ru/>

лекций, презентаций, фильмов) популярнейший видеохостинг YouTube¹. К примеру, глобальный социологический проект предлагает осуществить на YouTube президент Международной социологической ассоциации М. Буравой. Речь идет о регулярной программе по глобальным проблемам, включающей короткие видео- и аудиозаписи лекций и / или интервью с социологами всего мира, задача которой состоит в создании постоянной глобальной социологической аудитории, объединенной непрерывным живым виртуальным общением и публичностью своего существования².

Одним из самых известных интерактивных ресурсов является энциклопедия Википедия³. Процесс удаленного взаимодействия между исследователями также обеспечивается посредством поисковых и метапоисковых систем, пиринговых (файлообменных) служб, хостингов персональных страниц, медиаконтента и файлов и других сервисов. Надо упомянуть и такую часть сетевого коммуникативного мира исследователей, как сайты, где ведется статистика и исследования сетей, прежде всего World Map of Social Networks⁴. Появились такие ресурсы и в Рунете, например Каталог социальных сетей⁵.

Перспективы развития русскоязычных научно-сетевых ресурсов

Вопросов о перспективах развития социальных научных сетей в Рунете в настоящий момент гораздо больше, чем ответов на них. С одной стороны, формирование и функционирование сетевого сегмента научного Рунета с присущей ему интерактивностью, неиерархичными горизонтальными связями и коммуникационной насыщенностью информационных взаимодействий выступают новым важным явлением в информационной среде отечественной науки, способствующим расширению информационных возможностей отечественных ученых. Происходит переход от статичных форм представления научной информации к более динамичным и мобильным.

С другой стороны, многие исследователи либо совсем не пользуются сетевыми сервисами, либо пользуются ими весьма поверхностно и пассивно. Если судить по сетевым веб-сайтам, как правило, в начале проекта можно наблюдать всплеск активного присоединения пользователей к сети, но впоследствии интенсивность их деятельности (участие в обсуждениях и т.д.) значительно уменьшается, и чаще всего они ограничиваются формальным присутствием в сети, хотя сама сеть продолжает расширяться за счет новых участников. Большинство пользователей сетей, блогов и дру-

¹ <http://www.youtube.com/>

² См. публикацию доклада М. Буравого в настоящем выпуске «Социологического ежегодника».

³ <http://en.wikipedia.org/>

⁴ <http://www.vincos.it/world-map-of-social-networks>

⁵ <http://www.keep-intouch.ru/index.htm>

гих интерактивных сервисов являются представителями молодого и среднего поколений. Доля ученых, представляющих старшее поколение, невелика.

В связи с этим встает вопрос о принципиальной возможности формирования в сети творческой интегрированной общности, способной превратить сеть в высокоинтеллектуальную среду своего существования. По всей видимости, научный Рунет пока лишь отражает возможности реальной научной среды. В данном контексте особое значение приобретает постоянный мониторинг результатов соприкосновения сетевого Интернета и информационной среды отечественной науки. В частности, многое в этом отношении могли бы дать исследования с использованием методов сетевого анализа¹. Электронные опросы, хоть и используются для исследований в сетях, но имеют ряд недостатков, поскольку ответы на вопросы не являются для их участников чем-то обязательным, а полученная информация не проверяется с помощью других методов. Только с помощью всего комплекса сетевых исследований можно дать ответ на вопрос о том, как и насколько сетевые научные коммуникации способны влиять на организационные, публикационные, публично-коммуникационные механизмы научной жизни. Пока же, при всей многочисленности исследований сетевых сообществ, их игровых и потребительских функций, масштабных исследований участия российских ученых в научных сетях не проводилось.

Очень серьезным сдерживающим фактором здесь является неудовлетворительное состояние методического инструментария отечественной социологии интернет-коммуникаций. Попытки дать более-менее полную картину эволюции сетевого информационного пространства науки в Рунете в настоящее время лимитируются тем, что любой обзор формирования научных сетей может охватить лишь короткий отрезок времени (немногим больше 20 лет научного Рунета, около 10 лет с момента появления первых научных или научно-образовательных сетей и 4–5 лет функционирования социально-сетевых ресурсов). Разумеется, такой срок недостаточен для выявления всех особенностей изменений научных коммуникаций. Сложность прогнозирования этих процессов связана и с необходимостью учитывать изменения в организационной стороне отечественной научной жизни, проанализировать тенденции в государственной научно-технической и информационной политике, а также влияние системы образования на будущее интеллектуальных ресурсов страны.

Для изучения новых интерактивных сервисов многое может дать рассмотрение опыта российских сетевых научных проектов. Заслуживают внимания и появившиеся в Интернете (как самом оперативном источнике)

¹ Хотя сетевой анализ в отечественной социологии является активно развивающимся направлением (в частности, можно назвать работы Г.В. Градосельской, А.А. Давыдова, Д.А. Губанова, Д.А. Новикова, А.Г. Чхартисвили), проблематика научных сетей пока во многом остается вне фокуса внимания российских исследователей.

обобщения сетевого опыта самими исследователями, а также данные по статистике сетей. Помимо фактографии и актуальных наблюдений, они ценны тем, что фиксируют все этапы и особенности непрерывно развивающегося мира социальных сетей, воссоздают картину жизни социально-сетевых сообществ, дают представление о ценностях и нормах, влияющих на поведение их участников.

Большой интерес также представляют исследования блогосферы, появившиеся несколько раньше, чем исследования сетей (см., например: 33; 35; 40; 41). Самоанализ ведущих блоги исследователей является одним из важнейших направлений изучения виртуального интерактивного существования ученых в современной цифровой этнографии. Например, исследовательница из Норвегии Джил Уокер, которая одной из первых в этой стране стала вести собственный блог, называет свою деятельность «блоггингом из “башни из слоновой кости”». Уокер полагает, что, несмотря на внешнее противоречие между открытой, анонимной, индивидуализированной, демократической природой блоггинга и иерархическо-меритократическими принципами существования научно-образовательного сообщества, исследовательские блоги все же можно рассматривать как веху в длительной истории дискурса научного сообщества (40; 41). Описывая свой собственный блогерский опыт в качестве исследователя и университетского преподавателя, а также опыт своих студентов, она настаивает на том, что вопреки распространенным взглядам о предубеждении представителей научно-образовательного сообщества против публично-сетевых каналов информации, блогерская деятельность не нанесла ущерба ее профессиональной репутации и статусу в научно-образовательной иерархии. Напротив, эта деятельность дала Уокер возможность представить свои исследовательские интересы, рассказать заинтересованной аудитории о профессиональной деятельности, открыла новые каналы общения. Говоря о ценности студенческого блоггинга с точки зрения целей обучения, она сравнивает блоги студентов с интеллектуальной гимнастикой, которая способствует выработке у них умения публично излагать свои мысли, выражать и отстаивать свою точку зрения. Уже в процессе обучения они усваивают навыки социального публичного существования исследователя в открытой коммуникативной среде.

Уокер описывает становление структуры научной блогосферы начала 2000-х годов, в которой сразу же выделилось три типа исследовательских блогов: блоги публичных интеллектуалов (*public intellectuals*), используемые для политических дискуссий; блоги, непосредственно связанные с исследовательской деятельностью; и блоги, ведущиеся под псевдонимом, которые часто создаются известными учеными, предпочитающими обсуждать какие-либо аспекты научной жизни анонимно (40).

Таким образом, Уокер удалось развеять ряд мифов о трудностях приобщения ученых к блогосфере. Если учесть, что в настоящее время блоггинг уже занял прочное место в арсенале форм виртуального существ-

ования для исследователей, то можно спроецировать эту ситуацию и на развитие социальных сетей.

Но если посмотреть на сегодняшнюю ситуацию вхождения «поколения G» в отечественную научную жизнь, нельзя не заметить, насколько сложившиеся у его представителей новые коммуникативные навыки противоречат организационной и профессионально-этической реальности российской науки. Интернет-публикации пока так и не приравнены по своей значимости к традиционным «бумажным», не существует организационных стимулов для увеличения их количества; не осознаются возможности и особенности «живых» документов или «жидких публикаций» (liquid publication) (17), не поощряется их развитие; методики онлайн-наукометрической статистики и показатели электронного цитирования востребованы лишь в малой степени. Нормы профессиональной этики все еще очень далеки от новых реалий публичности исследовательского существования, связанной с присутствием в Интернете, а степень информированности и причастности многих ученых старшего поколения к интерактивным сервисам очень низкая (16; 19). Следовательно, две различные реальности пока что существуют в параллельных мирах. О том, какой «набор» эмоций эта ситуация вызывает у вступающих в научную жизнь молодых ученых, догадаться несложно; в любом случае это отношение не сводится к пассивному принятию ситуации.

Таким образом, сейчас пока еще очень трудно дать всестороннюю оценку влияния сетевых сервисов на научную жизнь, а также указать на дальнейшие перспективы такого воздействия. Безусловно, в первую очередь здесь должны быть рассмотрены изменения в личности исследователей нового поколения, особенности их коммуникативных навыков, а также их представления о профессиональной этике. Вопросы о том, станут ли модели поведения «поколения G», сформировавшиеся в виртуальной среде, источником реальных изменений в научных коммуникациях и науке вообще, как будет эволюционировать «сетевая» информационная цивилизация, будут ли видоизменяться и усовершенствоваться сетевые сервисы в соответствии с требованиями внешней среды и способностью их разработчиков улавливать эти сигналы, решаются и будут решаться на наших глазах.

Сегодня нередко высказываются сомнения в жизнеспособности и перспективности сетевого гражданского общества, сетевых форм политического поведения нового поколения россиян (32). Однако сети имеют значительный потенциал в сферах экономики и личной коммуникации, повседневной жизни. Кроме того, на процесс внедрения сетей в жизнь общества влияют и другие факторы. В век «информационных войн» велика роль и соображений безопасности государства, о чем свидетельствует хотя бы разработка китайскими военными концепции «интегрированной сетевой и электронной войны», цель которой состоит в нарушении нормального функционирования информационных систем противника и в

защите собственной информации, а также создание соответствующих сетевых подразделений в китайской армии. В войнах будущего контроль над информационными потоками станет решающим фактором достижения победы, а обеспечение безопасности будет все больше зависеть от технологического, интеллектуального и человеческого ресурсов государства. В этих условиях в выигрыше, безусловно, окажется тот, кто первым создаст сетевой военный потенциал (9).

Каковы же предпосылки расширения интереса к сетям в науке?

Прежде всего, сети имеют огромный потенциал для интенсификации информационного обмена, накопления интеллектуального капитала, производства и распространения интеллектуальной продукции. Участие в транснациональных сетевых сообществах напрямую включает исследователей любой страны в систему глобального знания. Сети давно уже востребованы в сферах инновационного и экспертно-социального знания, о чем свидетельствуют само существование многочисленных инновационных социальных сетей и порталов, тенденции корпоративного использования сетей, интернет-активность различных экспертных сообществ. Об этом же говорят и наметившаяся тенденция оттока интересных инновационных IT-проектов в сторону создающегося в Сколково инновационного центра, а также растущий интерес российских политиков и общественных деятелей к Facebook и Twitter.

Решающим фактором для дальнейшего развития социальных научных сетей могла бы стать организационно-управленческая поддержка на уровне государственной научно-технической политики и стратегии информационного развития страны, информационного менеджмента. Ведь несмотря на то что сетевые сервисы – это коммерческий продукт, они являются частью общей научной жизни, а их контент (помимо новостных и дискуссионных материалов) состоит отнюдь не из свободного интеллектуального продукта. Находящиеся там публикации зачастую составляют интеллектуальную собственность научных журналов или исследовательских организаций и представляют собой значительный интеллектуальный капитал. Возникает ряд серьезных вопросов, связанных с коммерческими аспектами функционирования сетей, оттоком в них интеллектуальной собственности. Но в то же время накапливающиеся в сетях ресурсы создают предпосылки для их успеха и востребованности в будущем.

Интенсивность информационного научного общения в сети¹ является особенно привлекательной для исследователей, занимающихся междисциплинарными проблемами и нуждающихся в оперативном и неформальном общении с коллегами из других областей (такое общение, конечно, возможно по электронной почте или в блогах, но сетевые группы по интересам представляют в этом отношении более устойчивые структуры). Это особенно актуально для РАН с ее внутренне обособленной дис-

¹ По словам участников такого рода сетевого общения, отклики по сети приходят даже оперативнее, чем по электронной почте (17).

циплинарно-организационной и территориальной структурой отделений и институтов (например, Сибирское и Дальневосточное отделения РАН существуют достаточно автономно от центра) и зачастую нуждающимися в обновлении сайтами научных институтов, которые далеко не всегда содержат исчерпывающую информацию о научной жизни соответствующих организаций. Значимым фактором является и недостаточная информационная наполненность общеакадемических интегрирующих ресурсов¹. Поиск контактов, оппонентов или рецензентов через такие сети значительно облегчает жизнь регионального научно-образовательного сообщества.

Оценка эффективности того или иного сетевого ресурса требует учитывать целый ряд факторов. Прежде всего, научный Рунет переживает только первый этап развертывания сетевых ресурсов и опробования различных возможностей и вариантов развития. Социальные сети, совсем недавно появившиеся в информационной среде отечественной науки, динамично развиваются и трансформируются. Они демонстрируют пользователям различные возможности и направления развития сетевых ресурсов в соответствии с реалиями национальной научной жизни и их собственными стартовыми возможностями. Например, в Соционет разработана методика учета электронного цитирования, которая в силу объективного хода событий, т.е. развития информационной среды науки, рано или поздно будет востребована наряду с методиками подсчета индексов цитирования в традиционных печатных изданиях (17). Социальная сеть, созданная на основе РАЕН, демонстрирует образец развития корпоративного сетевого сервиса, предназначенного в первую очередь для сплоченного профессионального организационно объединенного сообщества. Создатели Scipeople.ru сумели наладить многочисленные контакты с научными и научно-популярными журналами и сайтами, в частности партнерские отношения с научно-популярным сайтом «Наука и технологии России», созданным при поддержке Министерства образования и науки РФ². В то же время в Рунете пока еще не существует проектов устойчивых и сплоченных «сетевых организаций», примером которых может служить сообщество программистов «Linux» (31). Безусловно, этот многообразный сетевой опыт будет востребован в недалеком будущем; пока же можно с уверенностью констатировать необходимость дальнейших разработок социологами целого ряда тем, связанных с положением и перспективами социальных научных сетей в Рунете. В частности, наблюдения за социальным поведением «поколения Google», в том числе и его научно-исследовательской практикой, предоставляют обширное поле для социологических размышлений о закономерностях развития «сетевой» парадигмы. Жизненная эволюция этого

¹ Речь идет об информационной метасистеме «Единое научное информационное пространство РАН» (<http://enip.ras.ru/index.html>).

² <http://www.strf.ru/>

поколения, безусловно, покажет, насколько верными окажутся сегодняшние догадки о его будущем.

Дальновидная и долгосрочная национальная политика в области развития ИКТ и научных коммуникаций должна основываться не на запретительной позиции по отношению к Интернету, в пользу чего в России довольно часто раздаются голоса, а последовательно исходить из понимания необходимости создания условий и возможностей для самореализации нового «сетевое» поколения. Создание таких условий и возможностей, очевидно, входит в число необходимых предпосылок успешной реализации российского модернизационного проекта. Ни для кого не секрет, что инициативы в этом направлении часто оцениваются как поверхностные, не решающие глубинных проблем российской жизни, как своеобразная «экзотика» или «втаскивание чиновничье-бюрократической страны в электронный век» (4). Но возможна и другая трактовка этих усилий, а именно как создание и юридическое закрепление формальных коммуникативных каналов для деятельности « сетевого» поколения, которое сформировалось в условиях интенсивных информационных потоков и теперь нуждается для своей самореализации в новой социально-экономической среде. И с этой точки зрения подобные меры представляют собой вполне своевременные шаги по реализации управленческой стратегии, опирающейся на перспективное видение сетевых реалий. Очевидно, что на такие же цели должна ориентироваться и стратегия информационного развития в области фундаментальной науки.

Литература

1. Вельф А. Facebook vs «ВКонтакте». – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/facebook_vs_vkontakte_18502
2. Воронина Л.А. Научно-инновационные сети в России: Опыт, проблемы, перспективы. – М.: Инфра-М, 2010. – 254 с.
3. Ганопольский М. Виртуаль власти: Бюрократия и беззаконие в режиме онлайн // Московский комсомолец. – М., 2010. – № 160 (22 июля).
4. Горбунов-Посадов М.М. Интернет-активность как обязанность ученого. – Режим доступа: <http://www.keldysh.ru/gorbunov/duty.htm>
5. Горохов В.Г. Научно-техническая политика в обществе знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2010. – С. 125.
6. Давыдов А.А. Социология 2.0: Методические вызовы. – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/abstract_bank_Kry/1263883635.pdf
7. Давыдов А.А. Фатальная ошибка социологии. – Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=348
8. Денисов И. Книжкин создал «цифровой спецназ». – Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/08/27/17501629.html>
9. Интернет и наука: 15 лет спустя: Ведущие специалисты по информационным технологиям о прошлом, настоящем и будущем Интернета: Сборник интервью. – Режим доступа: <http://www.fid.su/projects/book/>
10. Интернет-корпорация создает социальную сеть. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/news/google_me_19225

11. Информационные ресурсы России: Национальный доклад. – Режим доступа: http://www.gsnti.ru/inf_res
12. *Мирский Э.М.* «Онаучивание» общества и «общество, основанное на знаниях» // Михаил Константинович Петров / Под ред. С.С. Неретиной. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 217.
13. *Нечишоренко В.П., Цветкова В.А., Полунина Т.К.* Некоторые итоги анализа информационной инфраструктуры России: Доклад. – Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea98/doc2/doc1.html>
14. Опросы о социальной информатике, информационном обществе. – Режим доступа: <http://soc-inform4.narod.ru/Pools.html>
15. *О'Рейли Т.* Что такое Веб 2.0. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/>
16. *Палий Н.* Nanoraprika и другие сети общения для ученых. – Режим доступа: http://www.nanometer.ru/2010/05/14/12738582239502_213822.html
17. *Паринов С.И.* Новый подход к оценке результатов научно-технической деятельности. – Режим доступа: <http://www.socionet.ru/publication.xml?h=repesc:rus:mqijxk:20>
18. *Паринов С.И.* О некоторых тенденциях создания и ориентирах развития открытых электронных библиотек. – Режим доступа: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2004/part6/sp>
19. *Полилова Т.А.* Инфраструктура электронных научных публикаций // Международный форум по информатике. – М, 2009. – Т. 34, № 3. – С. 3–12.
20. Развитие Интернет в России. – Режим доступа: <http://connect.rin.ru/articles/internet/199.html>
21. *Самохвалов М., Радовильский И.* Науку – в массы: SciPeople.ru и Scholar.ru – флаги научного Рунета. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/nauku_-_v_massy_11265
22. Сервисы и веб-приложения Google: Ч. 2. – Режим доступа: <http://www.ixbt.com/soft/googleapps-2.shtml>
23. Сетевая инновационная инфраструктура СО РАН: Проект № 111. – Режим доступа: <http://www.nsc.ru/win/sbras/rep/rep2005/tom2/pdf/111.pdf>
24. Система Соционет: Общее описание. – Режим доступа: <http://www.socionet.ru/idea.htm>
25. *Скрипников С.* Связанные Сетью 2.0. – Режим доступа: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/39/socialnye_seti_v_internete
26. Социальная сеть «Ученые России». – Режим доступа: <http://russian-scientists.ru>
27. *Стоун Л.* Размышления о непрерывном частичном внимании. – Режим доступа: <http://trendclub.ru/635>
28. *Таранов А.* Что такое Web 2.0? – Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-3081>
29. *Черняк Л.* Web 2.0. – Режим доступа: <http://www.osp.ru/os/2005/11/380523>
30. *Шадрин А.Е.* Тенденции и перспективы воздействия информационных технологий на социальную структуру общества // Сеть и биополитика как метафоры междисциплинарной философии / Под ред. М.М. Кузнецова. – М.: Академия менеджмента инноваций, 2003. – С. 172–188.
31. *Яницкий О.Н.* Кризис, модернизация и сетевые системы: Доклад на Конференции сообщества профессиональных социологов. – М., 27 ноября 2009.
32. *Barabási A.-L.* Linked: The new science of networks. – Cambridge (MA): Perseus, 2002. – 256 p.
33. *Blood R.* Weblogs: A history and perspective. – Mode of access: http://www.rebeccablood.net/essays/weblog_history.html
34. *Dalot-Bul M.* Japan's mobile technoculture: The production of a cellular playscape and its cultural implications // Media, culture & society. – L., 2007. – Vol. 29, N 6. – P. 954–971.
35. *Mortensen T., Walker J.* Blogging thoughts: Personal publication as an online research tool. – Mode of access: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.122.5787&rep=rep1&type=pdf>

36. *Murthy D.* Digital ethnography: Examination of the use of the new technologies for social research // *Sociology*. – L., 2008. – Vol. 42, N 5. – P. 837–855.
37. *O'Malle G.* People engage more with small, branded, well-lit communities. – Mode of access: http://www.mediapost.com/publications/?fa=Articles.showArticle&art_aid=57477
38. Les espaces sociaux virtuels: Approches, pratiques émergentes et perspectives. – Mode of access: <http://www.ac.aup.fr/~croda/vcai/papers/NabethRodaESV.pdf>
39. Режим доступа: <http://lindastone.net>
40. *Walker J.* Blogging from inside the Ivory Tower. – Mode of access: <https://bora.uib.no/handle/1956/1848>
41. *Walker J.* Weblogs: Learning in public. – Mode of access: <http://jilltxt.net/txt/Weblogs-learninginpublic.pdf>
42. £30 million institute for Web Science will lead the way in Web 3.0. – Mode of access: <http://webscience.org/article/105.html>

РЕФЕРАТЫ

М. Кастельс

КОММУНИКАЦИЯ, ВЛАСТЬ И КОНТРВЛАСТЬ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Castells M.

**Communication, power and counter-power
in the network society // International j. of communication. –
Oxford, 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 238–266.**

Создатель концепции сетевого общества Мануэль Кастельс в своей статье уделяет основное внимание взаимосвязям между коммуникацией и отношениями власти в новом технологическом контексте. Кастельс отмечает, что на протяжении веков коммуникация и информация были фундаментальными источниками власти и контрвласти, господства и социальных изменений. Главная из всех битв мировой истории – это битва за мысли людей. От динамики общественного сознания зависит судьба важнейших социальных норм и ценностей. Общества изменяются в процессе деконструкции их институтов под давлением новых отношений власти и формирования новых институтов, позволяющих членам общества мирно сосуществовать друг с другом, несмотря на противоречивые интересы и ценностные ориентации. Формирование сферы публичной политики происходит в процессе согласования частных интересов и проектов, когда удается достичь некоторой нестабильной точки коллективного консенсуса относительно общего блага в рамках исторически существующих социальных границ. В индустриальном обществе публичная сфера строилась вокруг институтов государства-нации под давлением демократических движений и классовой борьбы. Она была основана на сопряжении между демократической политической системой, независимым правосудием и гражданским обществом, связанным с государством. Двойственный процесс глобализации и роста коммунальных идентичностей бросает вызов национальному государству как релевантной единице, определяющей публичную сферу. Государство-нация не исчезает, но его легитимность сокращается в условиях расширения сферы действия глобального управления. Принцип гражданства вступает в конфликт с принципом самоиден-

тификации, что приводит к кризису политической легитимности государства-нации, который также включает в себя и кризис традиционных форм гражданского общества (в смысле А. Грамши). Но при этом не возникает социального или политического вакуума. Наши общества продолжают функционировать в условиях, когда формирование общественного сознания смещается из сферы политических институтов в область коммуникации, преимущественно связанной со средствами массовой информации. В широком смысле происходит замещение политической легитимности коммуникативной настройкой общественного мнения в сетевом обществе. Ярким подтверждением этой тенденции стала информационная стратегия администрации Буша в связи с войной в Ираке (1). В обществе, характеризующемся широчайшим распространением сетевых структур, отношения власти во все возрастающей степени формируются под воздействием процессов в сфере коммуникации.

Кастельс рассматривает власть как структурную способность одного социального актора навязать свою волю другим социальным акторам. Все институциональные системы отражают отношения власти, равно как и границы этих отношений, формирующиеся на протяжении истории в противостоянии власти и тех социальных акторов, которые стремятся к ее ограничению. Способность социальных акторов сопротивляться давлению институционализированной власти Кастельс называет контрвластью. Сегодня власть и контрвласть вынуждены оперировать в принципиально новых технологических условиях, которые характеризуются следующими тенденциями:

- доминирование медийной политики и ее взаимосвязь с кризисом политической легитимности в большинстве стран мира;
- ключевая роль в производстве культуры сегментированных, ориентированных на целевую аудиторию средств массовой информации;
- появление новых форм коммуникации, связанных с культурой и технологией сетевого общества, и базирующихся на горизонтальных сетях коммуникации (само-коммуникация);
- использование как одноканальной массовой коммуникации, так и массовой самокоммуникации в отношениях власти и контрвласти, распространяющихся на формальную политику, политику протеста и на новые манифестации социальных движений.

Вплоть до последнего времени средства массовой информации представляли собой целостную систему, в которой печатная пресса производила оригинальную информацию, телевидение распространяло ее на массовую аудиторию, а радио выполняло интерактивную роль, учитывая особенности различных целевых групп. Современная политика – преимущественно медийная политика. Но основной проблемой является не столько формирование общественного мнения при помощи тех или иных сообщений СМИ, сколько отсутствие соответствующего контента в медиа. То, что не существует в СМИ, не существует и в общественном

мнении. Соответственно, политическое сообщение неизбежно должно быть сообщением СМИ, которые, таким образом, вносят важнейший вклад в конституирование пространства власти.

Медийная политика способствует персонализации политики, ее привязке к лидерам, чей медийный образ должен быть выгодно продан на политическом рынке. Персонализация существенно влияет на электоральный процесс, побуждая независимых или неопределившихся избирателей переключать свое внимание на тех или иных кандидатов, в диапазоне от правого до левого центра. Избиратели, как правило, не читают избирательных платформ, но ориентируются на тот образ кандидатов, который формируют СМИ. Подрыв доверия к тому или иному политику при помощи СМИ, целенаправленное разрушение его медийного образа также становится мощнейшим политическим оружием. Медийная политика, таким образом, зачастую превращается в политику скандалов. В долгосрочном плане это ведет к дальнейшему усугублению кризиса политической легитимности, росту недоверия к демократическому процессу. Недоверие к политикам, институтам и механизмам демократии ведет к тому, что избиратели начинают голосовать не «за», а «против», вынужденно выбирая «меньшее из зол» или отдавая предпочтение кандидатам, олицетворяющим контрвласть.

Протестные политические движения получают сегодня новые возможности для более значимого присутствия в коммуникационном пространстве. В первую очередь эти возможности обусловлены ростом массовой самокоммуникации. Распространение Интернета, мобильной связи, цифровых медиа, многообразных программных продуктов и т.д. стимулирует развитие горизонтальных сетей интерактивной коммуникации, которые осуществляют мультимодальный обмен сообщениями от многих к многим как в синхронном, так и в асинхронном режиме. Благодаря этим новым техническим возможностям их пользователи начинают выстраивать собственные системы массовой коммуникации на основе блогов, форумов, SMS-сообщений, обмена любой информацией, выраженной в цифровой форме. Причем английский язык не стал доминирующим в блогосфере: на первом месте стоит японский язык (37% блогов), английский – на втором (31%), на третьем – китайский (15%). Далее следуют испанский, итальянский, русский, французский, португальский, голландский, немецкий и корейский языки (2). Таким образом, блогосфера выступает многоязыковым и мультикультурным пространством коммуникации. В настоящее время усиливается также взаимодействие между горизонтальными и вертикальными сетями коммуникации, а корпоративные медиа и основные группы политической элиты начинают уделять все большее внимание ресурсам массовой самокоммуникации. Тем не менее речь идет о принципиально новом виде массовой коммуникации, по сути – о новом коммуникативном медиуме, который оказывает все усиливаю-

щееся воздействие на формирование общественного сознания на локальном и глобальном уровнях.

Движения социального протеста и отдельные индивиды, критически настроенные по отношению к политическому режиму, активно используют сети коммуникации (Интернет, мобильные телефоны, а также «пиратские» радиостанции, локальное телевидение) для противостояния существующим социальным институтам, продвижения собственных политических проектов и мобилизации сторонников. В настоящее время новые средства цифровой коммуникации конституируют важнейшие организационные формы протестных движений, принципиально отличающиеся от традиционных форм организации партий, профсоюзов и ассоциаций, характерных для индустриального общества. Впрочем, организационные формы этих социальных акторов также эволюционируют в сторону сетевой коммуникации.

Поскольку отношения власти в современном мире структурированы в глобальные сети, социальные движения также действуют на глобальном уровне и ведут борьбу за умы людей, все более активно участвуя в процессе глобальной коммуникации. Они мыслят локально, укоренены в том или ином социуме, но действуют глобально, противостоя власти в ее средоточии – в глобальных сетях коммуникации. Опираясь на местных активистов, протестные движения организуют свои выступления в тех местах, где в конкретный момент локализована глобальная власть, – на встречах «Большой восьмерки», заседаниях МВФ или ВТО.

Кастельс показывает, что не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе, конфликтах, зачастую – в насилии. Тем не менее еще не все качественно новые черты обновляющегося общества проявились в полной мере. То, что можно выявить уже сейчас, – это попытки власть предержащих вновь утвердить свое доминирование в сфере коммуникации в условиях снижения роли традиционных социально-политических институтов. Так, на выборах 2006 г. в Конгресс США новые средства горизонтальной массовой коммуникации использовали подавляющее большинство кандидатов, партий и групп давления, представляющих весь политический спектр Америки. Осознание представителями правящих элит необходимости вступить в борьбу за сети горизонтальной коммуникации делает неизбежным новый раунд противостояния в коммуникационном пространстве. Проявлениями этого противостояния являются усиление контроля за Интернетом и сообщениями электронной почты в США, последние изменения в политике Китая, ведущие к тому, что пользователи Интернета начинают рассматриваться как потенциальные компьютерные пираты, часть законодательных новаций Европейского

союза, дающих возможность финансового и иного контроля за интернет-сайтами, обеспечивающими возможность сетевой интеграции для различных сообществ.

Заключительный вывод, к которому приходит М. Кастельс, состоит в том, что человечество стоит на пороге исторического сдвига в области публичной политики – сдвига от институциональной сферы к новому коммуникационному пространству. Формирующаяся на основе сетей горизонтальной коммуникации новая сфера публичной политики не предопределена в своих формах некой исторической судьбой или технологической необходимостью. Она является результатом современного этапа многовековой борьбы за освобождение нашего сознания.

Литература

1. *Arsenault A., Castells M.* Conquering the minds, conquering Iraq: The social production of misinformation in the United States – a case study // *Information, communication & society.* – L., 2006. – Vol. 9, N 3. – P. 284–307.
2. Mode of access: <http://www.sifry.com/alerts/archives/000433.html>

Д.В. Ефременко

К.А. Сколари
**КАРТИРОВАНИЕ ДИСКУССИЙ О НОВЫХ МЕДИА:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Scolari C.A.

**Mapping conversations about new media:
The theoretical field of digital communication //**
New media & society. – L., 2009. – Vol. 11, N 6. – P. 943–964.

В статье Карлоса Альберто Сколари (Университет Вика, Барселона, Испания) рассматриваются эпистемологическая структура дискурсивного пространства теоретических знаний о цифровых коммуникациях и их связь с традиционными теориями массовой коммуникации (ТМК). Помимо исторической реконструкции генезиса этой актуальной сегодня теоретической области, Сколари составляет карту гетерогенного дискуссионного поля, создаваемого многообразием исследовательских подходов и концепций.

Основной корпус ТМК формировался на протяжении второй половины XX в. на основе теоретической рефлексии таких СМИ, как радио и телевидение. Эти теоретические разработки постепенно слились с уже сложившейся традицией исследований журналистики, прессы и общественного мнения. Результатом такой конвергенции стало возникновение нового эпистемологического пространства исследований массовых коммуникаций.

Сколари выделяет три исследовательских парадигмы ТМК в период 1940–1980-х годов:

- 1) критическая парадигма, опирающаяся на идеи мыслителей Франкфуртской школы и исследования культурного империализма;
- 2) эмпирическая парадигма, основанная на критическом подходе к дискуссиям о массовой коммуникации и отражающая расхождения между европейскими коммуникационными исследованиями и североамериканским подходом к массмедиа;

3) связанная с антропологическими исследованиями интерпретативно-культурная парадигма, в рамках которой массовая коммуникация рассматривается с точки зрения социального конструирования на основе семиологии и этнографии (с. 946–947).

Эта классификация, по словам самого Сколари, не является исчерпывающей и полной¹, поскольку состав участников научных дискуссий о массовых коммуникациях гораздо более сложен. Он включает также представителей семиотики, психологии, экономической науки, истории и т.д. Тем не менее Сколари считает, что его классификация может быть принята за основу для дальнейшей систематизации теорий цифровой коммуникации.

ТМК могут быть классифицированы и по дисциплинарному принципу (например, социологические, психологические теории и т.д.), способам и методам объяснения (когнитивный подход, системно-теоретический подход и т.д.), уровню организации (групповые, массовые и т.д.), эпистемологическим предпосылкам (эмпирические, критические и т.д.) (с. 946).

В целом же все теоретические подходы в области коммуникационных теорий не могут быть интегрированы в рамках какого-либо одного типа научного дискурса. Различные традиции предполагают различные подходы к концептуализации и обсуждению коммуникационных проблем и практик. Поэтому теоретическое знание о массовой коммуникации должно рассматриваться как особое дискуссионное пространство, комплекс теоретических конструкций, методологий, техник и особых словарей, которые порой полностью растворяются в практическом дискурсе или метадискурсе о коммуникации в обществе. Разработка новых теорий цифровой коммуникации привела к еще большему усложнению этого пространства и способствовала пересмотру дискуссий о массмедиа.

Появление поколения цифровых медиа, преодолевающих одностороннюю коммуникативную логику вещания (*one-to-many*), повлекло за собой изменение знаний о массовой коммуникации. В начале 1980-х годов стало ясно, что традиционные подходы ТМК устарели и в ближайшее время произойдет переход к теоретическим моделям, основанным на интерактивности, свойственной большинству новых технологий. Неспособность старых теорий адекватно анализировать феномены, связанные с цифровыми технологиями, создала условия для возникновения новых теорий медиа.

Исследователи цифровой коммуникации выдвигают на первый план такие ее характеристики, как интерактивность, виртуальность, дисперсность, гипертекстуальность, цифровые (*numerical*) репрезентации, модулярность, автоматизация, вариабельность, транскодирование, сети, конвергенция. То, что на первый взгляд выглядит как семантическое смешение, на самом деле должно рассматриваться как неотъемлемая осо-

¹ В ней, в частности, не нашлось места для идей М. Маклюэна. – *Прим. реф.*

бенность новой исследовательской области. Сам Сколари предлагает понимать цифровой характер коммуникации как технологический процесс, который трансформирует традиционный текст. При этом текст с легкостью поддается фрагментации, обработке и распространению, а его отдельные части связываются гиперссылками (с. 946).

Говоря о реакции исследователей на распространение цифровых медиа в 1990-х годах, автор выделяет две противоположные позиции: рассмотрение этого процесса как фазы в эволюции медиасистемы и как революционного изменения. Позиция Сколари ближе к первому подходу. Он предлагает классифицировать исследования цифровых коммуникаций в соответствии с прежней эпистемологической классификацией ТМК, включающей критическую, эмпирическую (исследования онлайн-аудитории, распространения Интернета, социологические исследования сетевого общества, интеракции «человек – компьютер») и интерпретативно-культурную (этнография виртуальных сообществ и исследования потребления, связанного с цифровыми медиа) парадигмы (с. 949).

Фактическое соотношение традиционных ТМК и многочисленных новых теорий, изучающих цифровую коммуникацию, не может быть сведено к оппозиции «прее́мственность – разрыв» и должно рассматриваться как комплексное явление. Однако граница между методологическим инструментарием ТМК и исследованиями цифровых медиа все же может быть обозначена с помощью новых дискурсов, возникших в новом цифровом культурном окружении (например, гипертекст, интерфейс, виртуальная реальность и др.). Сколари особо выделяет такие дискурсы, как киберкультура и исследования Интернета (Internet studies).

Под термином «киберкультура» понимается широкий круг подходов к новым коммуникационным технологиям. В него входят нарративы, теоретические конструкции, контркультурные, утопические и постмодернистские практики и маркетинговые стратегии. Именно внутри этого уникального и гетерогенного дискурса киберкультуры возник целый ряд вопросов и теоретических положений, которые со временем должны быть интегрированы в единую и комплексную теорию цифровых коммуникаций.

Дискурсивное пространство киберкультуры начало формироваться в начале 1980-х годов, когда широкое распространение персональных компьютеров, графических интерфейсов, видеоигр, приложений, необходимых для создания новых гипермедийных систем и т.п., повлекло за собой стремительное увеличение числа нарративов и теоретических размышлений о цифровой культуре. Д. Силвер выделяет три стадии развития киберкультурного дискурса. На первой стадии популярная киберкультура тесно связана с журналистикой и по преимуществу является описательной. На этом этапе широко распространена метафора Интернета как фронта (frontier). На второй стадии появляются более серьезные научные исследования, посвященные виртуальным сообществам, творческим возможностям, онлайн-новым идентичностям. Третья стадия (конец XX в.) характери-

зуется ростом критических научных исследований, которые расширяют понятие киберкультуры, включая такие области исследования, как онлайн-новые взаимодействия, цифровые дискурсы, доступ и отказ (denial) от Интернета, дизайн интерфейса киберпространства (interface design of cyberspace), цифровой разрыв, и изучают взаимодействия и взаимозависимости между этими областями (1).

Главной особенностью киберкультуры является сочетание огромного заряда оптимизма с утопическим пафосом эмансипаторских возможностей цифровых медиа, виртуальной реальности и интернет-медиа. В этот период, с одной стороны, получили распространение идеи политического отчуждения и социальной фрагментации, а с другой – возникли темы большого бизнеса, нового цивилизационного фронта, демократического участия, экономических и социальных неравенств и т.д. Возникли новые методы и теории, связанные с рассмотрением социальных сетей и виртуальных сообществ. Сформировались новые исследовательские области, например киборг-антропология, изучающая взаимоотношения между индивидами, цифровым обществом и сетями, а такие понятия, как «киборг», «виртуальное тело», «киберфеминизм», получили довольно широкую известность.

Сколари оценивает дискурс киберкультуры как инструментально удобный для постановки исследовательских задач и развития научных дискуссий. Но такой дискурс все же не может использоваться для конструирования теоретических представлений о цифровой коммуникации, постчеловеческой жизни, этнографического и экологического изучения цифровых сетей и виртуальных сообществ. В целом он является необходимым звеном в процессе создания новой коммуникационной теории.

Следующим важным этапом изучения новых форм цифровых медиа стали исследования Интернета, фактически отрицающие киберкультуру. Возникновение этой исследовательской области в начале нынешнего столетия связано с трансформацией World Wide Web, которая породила ряд социальных практик – например, таких, как блогосфера, сетевое сотрудничество, Wikipedia или YouTube и т.д. Качественные изменения сетевой коммуникации (Web 2.0) сразу же стали предметом оживленных дискуссий. Представители этого нового дискурса критикуют исследователей, работавших в рамках понятийного поля киберкультуры, как за чрезмерную идеологизированность подхода, так и за его известную хаотичность (с. 953).

Сколари проводит аналогию между первым поколением исследователей массмедиа и специалистами, занимающимися цифровыми медиа. Первыми исследователями массмедиа были социологи и политологи, и лишь через 20 лет появились специалисты именно в этой области. Также и первое поколение исследователей цифровых коммуникаций состояло в основном из специалистов в области кино, литературы и нарративов, компьютерной науки и т.д. И только теперь начинает формироваться новое сообщество ученых, которых можно назвать профессионалами в области

цифровых коммуникаций. Многие из них занимаются междисциплинарными проблемами и приобретают универсальные навыки, постепенно переходя из традиционной сферы текстов и обсуждений к освоению компьютерной науки, дизайна интерфейса и визуального анализа.

Рассматривая вопрос о преемственности дискурсов киберкультуры и исследований Интернета, Сколари отмечает, что, хотя формирование и эволюцию традиционных и новых теорий коммуникации удобнее всего представить в линейно-хронологическом порядке, на деле все эти научные и популярные подходы сосуществуют в современном дискуссионном пространстве. Он ставит вопрос следующим образом: должна ли теория цифровой коммуникации стать преемницей всего гетерогенного дискурсивного ансамбля киберкультуры, в котором сосуществуют эмпирический дискурс, философские спекуляции, журналистский анализ, эсхатологическое видение, оптимистическая прогностика, литературная критика и киберпанковая литература, или же ей следует ограничиться восприятием только научных теорий? По его мнению, очень многие концепции, идеи и гипотезы киберкультурного пространства могут быть интегрированы в теоретическое поле исследований цифровых коммуникаций. Например, материалы изучения виртуальных сообществ, представления о киборгах и виртуальной коммуникации не потеряли своего значения и для сегодняшних исследователей цифровой культуры. Киберкультурные теории и методологии важны и для такой научной области, как влияние технологии на человеческую культуру.

В то же время самой негативной чертой дискурса киберкультуры Сколари считает «журнализм» и оптимистическо-апокалиптический стиль предсказаний. Именно его исследователи цифровой коммуникации и не должны унаследовать.

Новое коммуникационное пространство основано на гипертекстуальности, мультимедийности, интерактивности. Изучающие его теории цифровой коммуникации включают в качестве важнейших составляющих исследования гипертекста, взаимодействия между человеком и компьютером, семиотику новых медиа и медиаконвергенции. Именно эти позиции являются исходными для осмысления изменений традиционных форм производства, творческого контента и потребления.

Возможности свободного распространения информации означают появление инновационной логики производства, что особенно важно для представителей профессий, связанных с формированием и распространением цифрового контента, например журналистов цифровых изданий или сетевых блогеров. Новая цифровая логика производства создает и новое рабочее место. Цифровой труд требует постоянного изменения и обновления трудовых навыков, гибкого стиля работы. В связи с развитием цифровых медиа все больше возрастает значение политэкономии сетевой коммуникации, социологии труда и организации, в особенности исследований постфордистского способа производства.

С интерактивной точки зрения должны быть пересмотрены и все традиционные подходы к контенту, аудитории и массмедийному потреблению. Новые цифровые продукты демонстрируют необходимость пересмотра положения В. Беньямина о противоположности между оригинальным произведением искусства и его механической технической копией. Если файл в формате MP3 может быть скопирован и распространен в бесконечном количестве экземпляров без потери качества и нарушения закона об авторских правах, это ведет к изменению представлений об авторском произведении искусства.

Компьютерно-опосредованная коммуникация как сформировавшаяся мультидисциплинарная исследовательская область меняет традиционный взгляд и на отношения между автором (производителем) и читателем (потребителем). Если первое поколение гипертекстов уже поменяло отношение между автором и читателем, то современные формы цифровой коммуникации (например, сетевые блоги) связаны с еще более радикальным изменением представлений о производстве и распределении контента.

Эти новые потребительские практики могут быть проанализированы с самых различных позиций. Например, культурные исследования, имеющие давнюю традицию изучения использования технологий в домашнем хозяйстве, так же как и исследования аудитории традиционных медиа, могут быть использованы для анализа потребления в контексте развития цифровых медиа. Перспективными в этом отношении являются и сформировавшиеся в последние 20 лет теории социальной конструкции техники и теория сетевых акторов Бруно Латура.

Чтобы понять динамику теоретического формирования цифровой коммуникации как научной области, необходимо создать карту этого дискурсивного поля, определить его участников, реконструировать их взаимовлияния и связи. Для этого Сколари использует, прежде всего, хронологический принцип, располагая на континуальной оси карты основные этапы формирования традиционных теорий массмедиа, а затем и новых теорий цифровой коммуникации, тем самым демонстрируя их связь и преемственность. На дисконтинуальной оси карты обозначены взаимосвязи и междисциплинарные взаимовлияния между отдельными теориями и дискурсами. Карта также включает политические, экономические и иные коммуникации и соответствующие им дисциплины (социология, социология труда, социально конструированные технологии и т.д.). Автор обращает особое внимание на необходимость включения в эту карту новых участников социотехнической системы начала XXI в., таких как социальные сети и мобильные медиа.

По словам К.А. Сколари, предлагаемая им схема эпистемологического картирования должна рассматриваться в качестве первичной попытки, которая в будущем будет дополнена и расширена. Говоря о перспективах создания в будущем интегрированного корпуса теоретических знаний о цифровой коммуникации, автор выражает убеждение, что такая теория

должна быть отграничена от утопических и псевдонаучных подходов, а в основе ее должны лежать четко определенные дефиниции. Подобно ТМК, теория цифровых коммуникаций должна стать метадискурсом или диалогически-диалектической мультидисциплинарной матрицей, открытой для различных участников и подходов.

Литература

1. *Silver D.* Looking backwards looking forwards: Cyber studies 1990–2000 // Web. studies: Rewiring media studies for the digital age / Ed. by D. Gauntlett. – 2nd edn. – L.: Arnold, 2000. – P. 19–30.

М.Е. Соколова

Д. Мурти

**ЦИФРОВАЯ ЭТНОГРАФИЯ: РАССМОТРЕНИЕ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Murthy D.

Digital ethnography:

Examination of the use of the new technologies for social research //
Sociology. – L., 2008. – Vol. 42, N 5. – P. 837–855.

Американский исследователь Дхираджд Мурти анализирует использование новых цифровых методов в современной этнографии. Автор считает, что внедрение новых медиа в методологию социологических и этнографических исследований пока еще остается ограниченным по сравнению с развитием научных баз данных и крупных онлайн-порталов – таких, например, как базы данных books.google.com и scholar.google.com. Усилия представителей социальных наук должны быть направлены на то, чтобы изменить это положение.

Основываясь на опыте исследователей, использовавших в своей работе цифровые методы, автор статьи рассмотрел возможности и проблемы таких технологий проведения этнографических исследований, как онлайн-опросы, цифровые видео, социально-сетевые интернет-сайты и блоги. Большое внимание он уделил перспективам использования цифровых этнографических методов для исследования в Интернете различного рода маргинальных виртуальных сообществ.

В качестве самой первой цифровой технологии в этнографии стали использоваться онлайн-опросы и интервью по электронной почте (Web 1.0). Первые программы для проведения онлайн-опросов были созданы представителями социальных наук еще в начале 1990-х годов. В настоящее время существует множество недорогих онлайн-хостинговых сервисов для проведения опросов, например [SurveyMonkey](http://SurveyMonkey.com) (2) и [Zoomerang](http://Zoomerang.com) (3), не требующих от исследователей специальных технических знаний и навыков, что значительно облегчает их труд.

К преимуществам онлайн-методов проведения опросов относятся легкость хранения и поиска данных, проведения их качественной и количественной обработки, а также целый ряд других технических возможностей. Такие особенности, как, например, возможность ответить одним «кликом», делают электронные вопросники гораздо более удобными по сравнению с бумажными. Правда, пока они имеют более низкий процент заполняемости, но зато потенциально рассчитаны на гораздо большую аудиторию, а ответы на их вопросы возвращаются к исследователю оперативнее. Причем ему несложно повторно переслать их респондентам по электронной почте, тем самым напомнив о себе. Сами респонденты часто пересылают их по электронной почте своим друзьям или коллегам с просьбой принять участие в исследовании.

С помощью такого рода опросов можно собрать уникальные данные более личностного и интимного характера, которые значительно сложнее получить в обычном интервью, предусматривающем непосредственный контакт. В конечном итоге, делает вывод Мурти, комбинирование традиционных этнографических исследований и интернет-интервью значительно повышает качество полученных данных (с. 842). Опираясь на свой собственный опыт осуществления исследований в музыкальной и этнической среде, он утверждает, что его общение по электронной почте с рядом респондентов привело к тому, что они согласились впоследствии на личное интервью, хотя прежде от него отказывались (с. 842–843). Таким образом, считает автор, использование онлайн-методов позволяет расширить возможности традиционной «физической» (physical) этнографии.

Еще одной цифровой технологией, получившей широкое распространение в этнографии, является цифровое видео. Увеличение объема памяти жестких дисков и карт памяти способствовало облегчению загрузки видеодневников на исследовательские блоги и форумы. Мурти выделяет три «жанра» (формы) использования цифрового видео респондентами: 1) респондент выступает как видео(авто)биограф; 2) видео vox populi; 3) создание видео с помощью веб-камер (webcams).

Возможность сбора цифровых видеозаписей, содержащих саморепрезентации субъектов исследования, их видеодневников, сразу же получила широкое распространение в этнографических исследованиях. Одним из самых известных проектов с использованием цифровых видеодневников стало исследование пациентов, страдающих астмой, в детском госпитале г. Бостона (проект Video Intervention / Prevention Assessment) (1, с. 17–30), в процессе которого больные продемонстрировали стремление описать свое состояние, делая упор на болезнь и моменты телесного страдания (с. 843).

Все более широкое использование веб-камер в домашних компьютерах создало предпосылки для массового создания и загрузки видеодневников респондентов на исследовательские в-логи (видеоблоги). Этому способствовало и превращение YouTube в один из самых популярных и

посещаемых интернет-сервисов. Записи, сделанные с помощью веб-камер, носят более непосредственный характер, так как сами респонденты порой забывают о том, что видеокамеры записывают их. Домашнее пространство, (гостиные, спальни и т.д.) превращается в «реальное» телевизионное пространство. Появилось даже выражение «публичная приватность» для описания особенностей существования героев этих видеороликов между их комфортабельным частным домашним пространством и публичной сферой. Хотя качество этих записей обычно невысокое по сравнению с записями, сделанными ручными видеокамерами, данные, полученные в пространстве публичной приватности, активно используются многими этнографами.

Социальные сети, объединяющие «друзей друзей», уже более десяти лет являются ключевым сервисом Web 2.0 (так называемой интерактивной фазы Интернета). Самые известные из них – такие, как Facebook и MySpace, – стали неотъемлемой частью повседневной жизни многих людей и активно используются этнографами и представителями других социальных наук для исследовательских целей. Социально-сетевые сервисы могут быть использованы этнографами следующими способами:

1) исследователи могут выступать в роли «виртуальных привратников» (gatekeeper) и в этом качестве иметь дело с целой сетью виртуальных «друзей», являющихся их потенциальными респондентами;

2) этнографы и социологи накапливают огромные запасы мультимедийных материалов о социальных движениях и группах (в том числе и маргинальных), которые содержатся на сетевых вебсайтах;

3) оставаясь невидимыми, этнографы наблюдают социальные взаимодействия на страницах вебсайтов, тщательно собирая прежде недоступные типы этнографических данных;

4) сами ученые могут создавать интернет-страницы с целью изучения онлайн-поведения (например, поведение участников фокус-группы при просмотре включенного видео и их комментарии по этому поводу) или для распространения полезной информации (например, страница Cure Diabetes в MySpace).

Недостатком исследований, проводимых в социальных сетях, является ограниченность состава участников цифровых сообществ, имеющих доступ в Интернет. В то же время в результате таких исследований в определенных фокусных группах, например среди людей с физическими недостатками, имеющих сложности с доступом в Интернет, количество их участников увеличивается.

В качестве примера этнографического исследования в социальных сетях Мурти рассказывает о своем собственном опыте проведения транснационального исследования среди музыкантов – выходцев из Южной Азии, с которыми он общался в социальных сетях и там же сумел договориться о личном интервью. Он просматривал личные страницы самих музыкантов и музыкальных групп, анализируя находящиеся там аудиотреки,

видео, изобразительные материалы, дискуссии. Этот виртуальный репозиторий образов дал ему возможность глубоко проникнуть в суть их творчества, хотя он фактически не интересовался их реальной жизнью (с. 845).

Рассмотренные вместе с другими материалами (например, собранными в ходе личных интервью), эти сайты могут служить источником уникальных биографических данных о респондентах. Однако возможности использования данных, полученных на сайтах, должны рассматриваться в контексте профессиональной этики и в связи с вопросами о частном характере таких материалов.

Мурти настаивает на том, что материалы о частной жизни, полученные исследователями в социальных сетях, блогах и на форумах, требуют осторожного и бережного отношения, особенно если речь идет о работе исследователя в среде маргинальных групп (например, расистских или сексуальных сообществ). Ведь работая в Интернете, исследователь неизбежно совершает какой-то отбор материалов. Тем самым он вольно или невольно способствует распространению информации о различных маргинальных группах (поскольку исследовательские блоги доступны для публикации и индексируются в рейтингах поисковых машин – таких, например, как Google). В сомнительных ситуациях Мурти в качестве выхода предлагает исследователям обращаться за разрешением на использование материалов из социальных сетей, учитывая при этом социальный контекст формирования таких материалов (с. 846).

Автор указывает на такой новый аспект работы исследователя в виртуальной сфере, как возможность оставаться невидимым для других участников общения в виртуальном сообществе. Он может читать блоги, оставаясь для других «невидимкой», взять онлайн-псевдоним и анонимно присутствовать в чатах или на форумах, т.е. пребывать в роли пассивного скрытого наблюдателя. Некоторые этнографы осуждают такой подход. Например, Л. Шрам призывает исследователей не скрываться, рассматривать корреспонденцию, присланную по электронной почте, исключительно как частную до тех пор, пока не получено согласие на ее открытое использование в исследовательских целях, и помнить о своих моральных обязанностях перед виртуальным сообществом, которое они изучают (4, с. 311–326). Ведь действия этнографа могут в конечном счете привести как к потенциальному вреду (конфликтам внутри группы), так и, выгодам для сообщества (легитимизация группы).

В современной этнографии уже достаточно давно наметилась тенденция инверсии ролей исследователя и объекта исследования, идущая вразрез с традиционной этнографической методологией. Современные этнографы часто приглашают героев своих исследований выступить в роли критиков их результатов в целях доработки проектов. Этот критический этнографический стиль регулярно используется, например, представителями феминистского направления в этнографии. Все большее распростра-

нение блогов во многом опирается на эту тенденцию, продолжая ее в условиях виртуальной среды.

Джил Уокер, которая достаточно рано (с 2000 г.) стала вести собственный блог, назвала это «блоггингом изнутри башни из слоновой кости». Она считает, что хотя природа блоггинга и сущность академической науки далеки друг от друга, все же публичная направленность, свойственная блогам, предоставляет возможности ученым взаимодействовать с блогосферой (5, с. 127–128).

Уокер выделяет три категории академических исследовательских блогов: блоги публичных интеллектуалов (public intellectuals), исследовательские блоги и анонимные блоги, или блоги, которые ведутся под псевдонимом (с. 846).

К первой категории относятся блоги, где представлено интеллектуальное творчество самих авторов, многие из которых занимаются традиционно малорепрезентированной научной проблематикой.

Второй тип блогов – исследовательские – предназначены для совместного использования полученных данных и результатов. Исследовательские блоги способствуют включению респондентов в сотрудничество с этнографами, в рамках которого консультационная и критическая функции сообщества в значительной степени определяют результаты исследовательского труда. В связи с этим Мурти отмечает большой интерактивный и демократический потенциал блогов для развития этнографии.

Анонимные академические блоги часто создаются хорошо известными блогерами, которые предпочитают критиковать академическую позицию пребывания в «башне из слоновой кости». Они могут использоваться и как исследовательские, когда ученые анонимно исследуют диалоги, которые никогда не могли бы осуществиться в личностной форме.

Участие в сборе данных, блоги и другие онлайн-форумы способствуют большей публичной открытости исследователей перед респондентами, непрерывному диалогу между ними. Мурти предлагает рассматривать блоги в терминах хабермасовской публичной сферы с высоким эгалитаристским потенциалом коммуникации (с. 847). Таким образом, Интернет как публичная сфера создает условия для взаимной прозрачности исследователей и субъектов их исследований.

Многие регулярно обновляемые блоги предназначены для комментариев исследователей в реальном времени, для обсуждения цифровых этнографических методов. Ряд из них строится на коммерческих основах – как, например, блог по этнографическим методам М. Доусона (Dawson) или блог по этнографии Г. Маккракена (McCracken), а также работа группы YouTube Digital Ethnography Project, которая на своем сайте исследует феноменальный рост видеосайта по загрузке исследовательских видео на YouTube.

Характеризуя перспективы цифровых методов в этнографии и социологии, нельзя не отметить влияние социальной стратификации на фор-

мирование исследовательского пространства социальных наук. Потенциал новых технологий огромен, но цифровой разрыв до сих пор еще является реальностью даже в таких развитых странах, как, например, Великобритания. Позволить себе поддерживать цифровые этнографические исследования здесь могут только «старые» университеты с высоким уровнем финансирования исследований. Внутри самого социологического сообщества наличие необходимого оборудования и средств на подготовку кадров продолжает оставаться демаркационной линией между университетами и даже факультетами.

Несмотря на высокий уровень финансирования правительственных программ по расширению доступа в Интернет, экономический фактор пока играет большую роль в социальной стратификации в этой области. К этому можно прибавить влияние и таких неэкономических факторов стратификации, как физические недостатки и болезни, слабое знание языка, а также возрастной ценз. Таким образом, для ряда аутсайдерских социальных групп доступ в Интернет пока что затруднен классовым, этническим и гендерным факторами, в результате чего исследовательские данные, получаемые онлайн, в настоящий момент связаны с более успешными в социальном отношении группами.

В заключение статьи Д. Мурти подчеркивает, что новые онлайн-исследовательские методы цифровой или виртуальной этнографии расширили и обогатили арсенал традиционных социологических методов. Но помня об их достоинствах, не следует забывать, что дальнейшее использование цифровых технологий требует разработки как аналитических категорий, так и проблем профессиональной этики.

Литература

1. *Chalfen R., Rich M.* Applying visual research: Patients teaching physicians about asthma through video diaries // *Visual anthropology rev.* – Harrisonburg (VA), 2004. – Vol. 20, N 1. – P. 17–30.
2. Mode of access: <http://www.surveymonkey.com>
3. Mode of access: <http://www.zoomerang.com>
4. *Shrum L.* Framing the debate: Ethical research in the information age // *Qualitative inquiry.* – L., 1995. – Vol. 1, N 3. – P. 311–326.
5. *Walker J.* Blogging from inside the «Ivory tower» // *Uses of blogs* / Ed. by A. Bruns, J. Jacobs. – N.Y.: Peter Lang, 2006. – P. 127–128.

М.Е. Соколова

У. ДВА ЮБИЛЕЯ: ПИТИРИМ СОРОКИН И РОБЕРТ МЕРТОН

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

П.А. Сорокин

ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ: ИХ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА. СИСТЕМА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ. (ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ)*

Глава 20.

СТРУКТУРА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

1. Невозможность размещения социокультурных феноменов в геометрическом пространстве

Какую бы разновидность существующей теории геометрического пространства мы ни взяли, будь то теория Евклида, Лобачевского, Римана, Минковского – Эйнштейна или понятие «n-мерного» пространства Г. Кантора, она не может быть использована для определения местонахождения социокультурных феноменов и их пространственных связей друг с другом. Достаточно лишь спросить, где находятся *Missa Solemnis* Бетховена, таблица умножения, «Гамлет» Шекспира или десять заповедей, как сразу станет ясно, что они не могут быть размещены в геометрическом пространстве. В этом пространстве они здесь и там, везде и нигде. Их широту, долготу и высоту над уровнем моря нельзя конкретизировать; их положение в геометрическом пространстве не поддается определению.

* Перевод выполнен по изданию: *Sorokin P.A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology.* – N.Y.: Harper & bros, 1947. – P. 39–42, 63–66, 359–364, 367–379. Библиографические ссылки постраничные.

¹ Систематический анализ этой проблемы и список литературы см. в третьей главе моей книги: *Sorokin P. Sociocultural causality, space, time: A study of referential principles of sociology and social science.* – Durham (NC): Duke univ. press, 1943. См. также: *Lins M. La transformación de los valores y objetos en el campo de socialización de los sistemas sociales // Revista mexicana de sociología.* – Mexico, 1943. – Vol. 5, N 3. – P. 395–402; *Lins M. La tipicidad de las relaciones sociales y el problema de la diferenciación interna del campo de socialización.* – Mexico, 1944. – Vol. 6, N 3. – P. 315–330.

То же касается социального и культурного *положения* индивида или группы; геометрическое пространство не определяет и не может определить его. Чтобы это стало ясно, достаточно спросить: каково мое социальное положение; каково социальное положение Сталина или Трумэна; или сионистской группы; или касты браминов; какую позицию я занимаю по отношению к рабству или войне, коммунизму или буддизму? Даже самая подробная геометрическая или географическая карта не сможет дать ответ на эти вопросы. Эти и прочие социокультурные феномены просто не ловятся в сети какой бы то ни было концепции геометрического пространства.

Эти же утверждения можно высказать в отношении *социального или культурного изменения, замещения и изменения позиции сверхорганических объектов, лиц и групп в социокультурном универсуме*. Ни одно из таких изменений не может быть адекватно определено через систему векторов геометрического пространства. Когда президент Рузвельт движется в геометрическом пространстве из Вашингтона в Тегеран, он не меняет своего социального положения – как президента США – вообще, как и наоборот. Пока такие властители, как Людовик XVI, Николай II, Альфонс Испанский, оставались в одном и том же дворце, их социальное положение колоссально изменилось: каждый из всемогущего правителя превратился в заключенного. Нацистская свастика остается в одном и том же месте в геометрическом пространстве, но ее положение в социокультурном универсуме совершенно изменилось с победой союзников.

Аналогичным образом, когда мы говорим о *социальных движениях, социальном застое, социальном подъеме и упадке, социальном возвышении и падении, свержении политического режима, социальном воссоединении и социальном расколе, тесной дружбе и социальной отдаленности, социальной дистанции* и т.п., мы, пользуясь этими терминами, не имеем в виду что-то связанное с геометрическим пространством. Причина в том, что чистые значения, ценности и нормы геометрически беспространственны. Категория геометрического пространства к ним просто неприменима. По этой же причине геометрически беспространственны и все объективированные социокультурные феномены; компонент значений, ценностей и норм делает их в геометрическом пространстве неопределимыми и неопределенными. Их материальные проводники, будь то машина, церковное здание, студенческое общежитие, несомненно, размещены в геометрическом пространстве; находя местоположение этих проводников в геометрическом пространстве, мы не находим, однако, их места в социокультурном универсуме. Здание, в котором некогда ютилась церковь, может оставаться неизменным и занимать все то же геометрическое место, в то время как его положение в сверхорганическом универсуме сильно меняется, когда оно преобразуется в коммунистический клуб или в склад. Подведем итог: геометрическое пространство не позволяет установить позиции социокультурных феноменов или их «пространственные связи», такие, как дистанция, близость, отдаленность и т.д.

2. Размещение социокультурных феноменов в социокультурном пространстве

Поскольку социокультурный феномен состоит из трех компонентов, социокультурное пространство должно быть способно расположить каждый из этих трех компонентов, а также этот социокультурный феномен как целое в сверхорганическом универсуме. Определение положения и связи между положениями должны быть не просто формальными, а содержательными, давая нам знание о природе данного положения и свойствах данной связи. Отсюда следует, что:

а) положение значения, ценности или нормы определяется тогда, когда определено место данного значения, ценности или нормы в универсуме значений, ценностей и норм;

б) место проводника определяется тогда, когда он размещен каким-то образом в универсуме проводников;

в) социокультурное положение лица или группы определяется тогда, когда индивид или группа размещаются в универсуме лиц или групп;

г) когда определены все эти компоненты данного сверхорганического феномена, устанавливается положение всего феномена в сверхорганическом универсуме.

Так, таблица умножения как чистое значение размещается в системе математики, закон тяготения Ньютона – в физике, «Месса си минор» Баха – в «поле музыки», христианский символ веры – в поле христианской религии, *Corpus juris civilis* – в области права, а конкретнее, римского права и т.д. Если мы захотим еще лучше уточнить положение любого из этих значений, то мы сможем легко это сделать путем дальнейшего уточнения того, к какому именно роду математики, физики, музыки, права или религии оно относится. Устанавливая область или систему значений, к которой принадлежит данное значение, и определяя «размещение» этой области значений в совокупном универсуме значений, мы точно определяем положение и позиционные связи любого значения в универсуме значений.

Если мы указываем основные системы значений, ценностей и норм в универсуме значений, а затем основные их суперсистемы, то эти основные системы и суперсистемы служат системой важнейших координат, или векторов, которые определяют положение значений в универсуме значений. Например, если мы берем некоторое множество основных систем значений, таких, как язык, наука, философия, религия, изящные искусства, этика, право, технология, основные односвязные и многосвязные группы, то это 10-мерное множество позволяет нам довольно точно разместить в его универсуме любое значение, ценность или норму. Разделяя каждое из этих десяти измерений на под-под-подклассы, например, науку на математику, астрономию, физику, химию, биологию, социологию, психологию, а каждую из них на их подклассы и конкретные производные научные дисциплины, такие, как история, геология и т.д., мы можем со всей ясностью

и точностью определить положение любого научного значения. То же самое относится и к другим измерениям, в том числе к классификации основных односвязных и многосвязных групп. Если вдобавок ко всему этому мы имеем суперсистему значений, сколько-нибудь эвристически значимую, такую, как чувственная, идеалистическая или идеационная система значений, то эти суперсистемы позволяют окончательно определить положение любого значения, ценности или нормы.

Для определения социокультурного положения индивида или группы мы должны установить: а) все группы и слои в каждой группе, к которым принадлежит человек; б) культурное содержание «каждой души» в данном индивиде, в терминах указанного 10-мерного множества. Как мы увидели выше (в главе 17), группы и слои, к которым принадлежит индивид, точно определяют его социальное положение. Культурное содержание индивида – его язык, религия, философия, наука, искусство, этика и право – определенно очерчивает его культурное положение. Если положение некоторого человека определить по каждому из десяти измерений нашего множества, или системы векторов (в том числе под-подклассам каждой координаты), то мы довольно точно определим его целостное положение в социокультурном универсуме. То же можно сказать и о группе.

С помощью той же процедуры и той же 10-мерной системы координат определяется положение проводников в сверхорганическом универсуме. Так, церковное здание, крест, потир, статуя Девы Марии попадают в область христианской религии. Здание суда, тюрьма, томик Уголовного кодекса – проводники права. Плуг, удобрения, молотилка, корова – проводники сельскохозяйственной науки и технологии. И так далее. Социокультурное положение любого проводника определяется через соотнесение с системой значений, которую он объективирует. Находя его место в системе значений в вышеописанной 10-мерной системе векторов, мы находим положение этого проводника в социокультурном универсуме.

Физическое размещение проводника в геометрическом пространстве – *экологию проводников* – можно, правда, определить через координатную систему геометрического пространства с ее шириной, длиной, высотой над уровнем моря и другими измерениями. Но такое экологическое размещение проводников в геометрическом пространстве становится возможным только после того, как они будут размещены в социокультурном пространстве. В противном случае они остаются просто физическими, химическими или биологическими объектами, социокультурная природа и положение которых остаются неизвестными и неопределенными¹.

¹ Социокультурная экология, или география, в правильном ее понимании, есть не что иное, как изучение размещения, распределения, последовательности, вытеснения и миграции проводников и людей, как они отражаются на экране геометрического пространства, на территории нашей планеты. Такое изучение необходимо для полного знания размещения социокультурных феноменов в социокультурном и геометрическом пространстве. Когда мы изучаем «преступность», религию, войну или какой-то художественный стиль,

Вышесказанное дает представление о том, как значения, проводники, человеческие агенты и любые трехкомпонентные социокультурные явления размещаются в социокультурном пространстве и что такое размещение означает. Вместо приведенной выше 10-мерной системы координат можно использовать другую, более проработанную или более простую. Сложность или простота выбираются всего лишь в зависимости от той степени точности, с которой мы хотим установить положение и позиционные связи данного социокультурного феномена. Независимо от того, будем ли мы пользоваться 10-мерной или 20-мерной системой координат, мы будем делать это так же, как и в рассмотренном нами случае: *измерениями в ней должны будут быть основные культурные системы и социальные группы*. Не существует других систем векторов, которые позволили бы уловить и локализовать социальные и культурные явления. Число культурных систем и социальных групп может меняться, но сами по себе культурные системы и социальные группы вместе с их компонентами являются необходимыми параметрами социокультурной системы координат.

нам нужно не только разместить их членов и проводников в социокультурном универсуме, но и выяснить, где на территории нашей планеты находятся эти проводники и человеческие агенты, с какой частотой они там встречаются и каковы их территориальная экспансия, сукцессия и миграция из одних мест в другие в геометрическом пространстве. Эту задачу можно, однако, решить лишь при условии, что мы будем изучать эти проводники и этих членов человеческого рода как компоненты соответствующего социокультурного феномена, и только после того, как мы разместим их в социокультурном универсуме. Это необходимо для экологии любого социокультурного феномена будь то преступность, религия, наука, революция, бедность, гениальность. Главный недостаток существующих экологических теорий – их непоследовательность. Они изучают экологию проводников и человеческих агентов то как социокультурных феноменов, то как чисто физикохимических или биологических объектов. Такое смешение экологии физических явлений с экологией социокультурных феноменов является причиной многих просчетов в существующих экологических теориях.

Социокультурная экология дает нам некоторое дополнительное знание об изучаемом феномене, но это знание ограниченное и по значимости второстепенное. Оно ограниченное, поскольку отражение положения и изменения социокультурных феноменов на экране геометрического пространства всегда несовершенно и неадекватно. Многие изменения в социокультурном положении данного человека или явления вообще никак не отражаются на экране геометрического пространства (территории). С другой стороны, биофизическая природа проводника может существенно меняться без изменения его социального положения. Некоторое данное знание – скажем, Бостонский симфонический зал – остается на том же самом месте независимо от того, используется ли оно в данный момент симфоническим оркестром, общинной церковью или политическим съездом. С другой стороны, церковное здание может стать старым и разрушенным в физическом отношении, оставаясь в то же время проводником религии.

Более подробный анализ этого см. в моей книге: *Sorokin P. Sociocultural causality, space, time: A study of referential principles of sociology and social science.* – Durham (NC): Duke Univ. press, 1943. – P. 137–139. Там же приводится и список литературы.

3. Структура социокультурного пространства и дистанция

Предшествующий анализ дает нам представление о природе и структуре социокультурного пространства. Его характеристики могут быть предварительно суммированы следующим образом:

а) социокультурное пространство в корне отличается от любого вида физического, или геометрического, пространства. Это пространство не столько количественное, однородное и изотропное, сколько качественное, неоднородное и неизотропное;

б) это особое множество, заданное тремя основными «плоскостями» и некоторым числом «измерений». В нем есть плоскость значений, ценностей и норм, плоскость проводников и плоскость человеческих агентов. Измерения задаются основными культурными системами и основными односвязными и многосвязными группами, вместе с их подсистемами и подгруппами. Число «измерений» зависит от того, с какой степенью точности мы хотим определить социальное и культурное положение данного социокультурного феномена в сверхорганическом универсуме;

в) расположение проводников и человеческих агентов в физическом или геометрическом пространстве, т.е. их «экология», тоже входит в общее положение социокультурного феномена в сверхорганическом универсуме, но определение его является лишь одной – и притом второстепенной – задачей при определении позиционных связей сверхорганических феноменов.

Эта концепция социокультурного пространства содержит в себе определенное понимание таких производных понятий, как «социальная дистанция». С точки зрения социологии *два или более социокультурных явления близки друг к другу, если они занимают одинаковые или смежные положения в векторной системе социокультурного пространства; и они далеки друг от друга, если их положения в этой системе векторов различны.* Два индивида, принадлежащие к одной и той же констелляции односвязных и многосвязных групп и к одним и тем же слоям внутри этих групп, очень близки друг к другу в сверхорганическом пространстве; чем больше друг от друга отличаются группы и слои, к которым они принадлежат, тем дальше они друг от друга отстоят. Так, если индивиды *A* и *B* являются гражданами Соединенных Штатов, членами Епископальной церкви, республиканцами, живут в одной и той же территориальной группе, являются людьми одного и того же пола и возраста, одинаково богаты, любят одну и ту же музыку, литературу, драматургию и т.д., то эти индивиды очень близки друг к другу в социокультурном универсуме. Индивиды, являющиеся людьми разных рас, возрастов или полов, имеющие разные родственные связи, национальности, гражданства, политические и религиозные принадлежности, роды занятий, экономические статусы и т.д., очень далеки друг от друга. Две христианские деноминации, как бы ни были далеки друг от друга их проводники и члены в физическом пространстве, располагаются в социокультурном пространстве гораздо ближе

друг к другу, чем католическая церковь и «Дженерал моторс» или кубистская живопись и химическая наука. Предложенная формула ясно определяет понятие социальной дистанции и дает нам точное мерило для определения социокультурной дистанции между разными социокультурными феноменами¹.

4. Заключительные замечания о структуре социокультурного универсума

Мы подошли к завершению структурного анализа социокультурного универсума. На протяжении всего нашего объяснительного путешествия, от начальной точки до завершающей, мы настойчиво шли по одному и тому же пути, руководствуясь одними и теми же принципами.

1. Мы начали свой анализ с микрофизического изучения структуры родового «социокультурного атома» – межиндивидуального осмысленного взаимодействия. Это исследование позволило нам выделить главное в его сложной структуре: три компонента (значения, проводники и человеческие агенты) и три неразрывных его аспекта (социальный, культурный и личностный взаимодействующих участников), со всеми богатыми и тонкими свойствами и связями каждого из этих компонентов–аспектов со всеми другими.

2. Знание общей структуры «социокультурного атома» как подвижной конstellации значений, проводников и людей привело нас к краткому изучению его основных форм и типов социокультурного взаимодействия, в особенности антагонистической, нейтральной, солидарной и организованной, полуорганизованной и неорганизованной форм взаимодействия.

3. Организованное взаимодействие «автоматически» дало нам понятие организованной группы, ее единства и ее общих свойств.

4. Имея в своем распоряжении понятие организованной группы, мы перешли к анализу структуры социального аспекта сверхорганического универсума. Этот анализ дал нам классы односвязных и многосвязных

¹ Предложенная концепция социокультурного пространства и дистанции очень отличается от концепции социальной дистанции Э. Богардуса. У него под «социальной дистанцией» понимается степень симпатии или антипатии между людьми. Такая концепция является психологической, а не социологической. Если король и его паж нравятся друг другу, то они, согласно его концепции «социальной дистанции», очень близки друг к другу. Согласно концепции социокультурной дистанции, предложенной здесь, они очень далеки друг от друга, поскольку положение монарха отлично от положения пажа. Концепция Богардуса ценна для изучения степени симпатии или антипатии между людьми, однако она не определяет ни социокультурного пространства, ни дистанции; к тому же она неприменима к местоположениям социокультурных феноменов в сверхорганическом универсуме. Она вообще не отвечает на такие вопросы, как, например: где находится симфония Бетховена; насколько она близка к музыке Баха, роману Стейнбека, Сталелитейной корпорации Соединенных Штатов и т.д.? См. об этом и соответствующей литературе в: *Sorokin P.A. Op. cit.* – P. 139ff.

групп, могущественных и менее могущественных групп, вместе с их подклассами и подразделениями. Ориентируясь на эти основные формы социальных групп, мы легко смогли изучить основные линии социокультурной дифференциации населения на наиболее могущественные односвязные и многосвязные группы. Их изучение позволило нам уловить систематическую таксономию односвязных и особенно малоизвестных многосвязных групп и получить довольно четкую формулу структуры каждой из этих групп. Таким образом, мы приоткрыли относительно неразработанную область «социологической химии» многосвязных социальных тел. Всесторонний анализ социальной дифференциации всего человечества, как и населения любого данного ареала, на могущественные односвязные и многосвязные группы дал нам надежное знание групповой структуры социального мира.

5. Далее, руководствуясь теми же принципами, мы перешли к анализу социальной стратификации во всех ее основных формах, уделив особое внимание внутригрупповым и межгрупповым, односвязным и многосвязным стратификациям. Это дало нам примерное представление о «вертикальном аспекте» многоэтажных социальных структур и человеческого населения в целом.

6. Когда исследование социальной дифференциации и стратификации было завершено, мы вернулись к населению как множеству (*plural*) и как агломерации групп и страт. Обладая знанием основных групп и страт, мы легко смогли «рассечь» такие сложные социальные агрегаты на их «органы» (группы и страты) и легко выделили наиболее важные структурные типы населений как сложных социальных агрегатов.

7. После анализа структуры социального аспекта свёрхорганического мы перешли к структурному анализу его культурного аспекта. Он дал нам классы интегрированных культурных систем, а также неинтегрированных и противоречивых культурных скоплений, вместе с их связями субординации, координации, сосуществования и противоречия. Кроме того, он привел нас к различению идеологических, поведенческих и материальных культур. Вооруженные представлениями об этих классах культурных феноменов, мы легко смогли понять структуру культуры индивида, группы или культурного ареала и смогли дать довольно точное описание таких структур.

8. Затем мы перешли к анализу структуры личности как третьего аспекта свёрхорганического. Мы получили четкую формулу для структуры эго, ментальности и внешних действий индивида. Эта формула, вероятно, намного адекватнее и надежнее преобладающих в наши дни фрейдистских, психоаналитических, психиатрических и психосоциальных представлений о структуре эго, ментальности и внешних деятельности индивида. Кроме того, наша формула ясно определяет связь между числом и содержанием разных эго в индивиде и теми социальными группами и культурными системами, в которых он укоренен. За исключением оста-

точного фактора X – фактора избирательности–креативности – данная формула адекватно объясняет все существенное в структуре индивидуальных эго, их культурном содержании и внешних деятельности индивида. Вдобавок к тому, она точно определяет положение индивида в сверхорганическом универсуме.

9. Наконец, структурный анализ социального, культурного и личного аспектов сверхорганического универсума логически привел нас к концепциям социокультурного пространства, его системы координат и социокультурной дистанции. Наша концепция социокультурного пространства и его структуры – всего лишь следствие предшествующего структурного анализа социокультурного универсума, выделившего в нем три компонента, или аспекта.

На этом мы можем закончить структурный анализ социокультурного универсума и обратиться к изучению основных социокультурных процессов, которые регулярно происходят в этом универсуме.

Глава 21. КАК РОЖДАЮТСЯ И ОРГАНИЗУЮТСЯ ГРУППЫ

1. ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ДИНАМИЧЕСКОЙ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

Структурная общая социология занимается структурой социального, культурного и личностного аспектов сверхорганического. Параллельно этому динамическая общая социология исследует: 1) повторяющиеся *социальные процессы* и изменения – вместе с единообразиями «как» и «почему», 2) повторяющиеся *культурные* процессы и изменения и 3) процессы и изменения *личности* в ее связях с социальными и культурными процессами. Начнем наш анализ с изучения социальных процессов.

При изучении социальных, культурных и личностных процессов общая социология сохраняет социологическую точку зрения генерализирующей науки. *Она исследует не специфические и уникальные процессы, из которых складывается жизнь данной уникальной социальной группы, а процессы, повторяющиеся в жизни любой социальной группы прошлого, настоящего и будущего.* Нас не интересуют все уникальные черты, из которых образуется жизненный процесс Римской империи, Гарвардского университета или Методистской церкви. Вместо этого нас интересуют социальные процессы, повторяющиеся в жизненной истории всех групп, в том числе Римской империи, Гарвардского университета и Методистской церкви. Как в своем структурном анализе, так же и здесь социология представляет алгебру, а не арифметику социальных наук. Подобно тому как физиология человеческих организмов изучает базовые физиологические процессы, повторяющиеся во всех человеческих организмах, «социальная физиология», или динамика, сосредоточивает свое внимание на базовых

социальных процессах, которые повторяются в жизненной истории всех социальных групп.

II. ОСНОВНЫЕ ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Конкретных форм повторяющихся социальных процессов в жизненной истории социальных групп необычайно много. Детальное их рассмотрение – задача специальных социологий и монографических исследований. Общая социология имеет дело преимущественно с ограниченным числом базовых повторяющихся процессов. Удобно разделить их на следующие классы.

1. Как и почему рождаются социальные группы, или как и почему их члены переходят из обособленного состояния в состояние взаимодействия и контакта.

2. Как и почему они организуются. Этот процесс, согласующийся с понятием организации, распадается на ряд подпроцессов: а) как и почему в поведении их членов возникают официальные правовые нормы; как и почему в нем возникают рекомендуемые, требуемые и запрещенные отношения; б) как и почему появляются внутригрупповая и межгрупповая дифференциация и стратификация с правительством и иерархией рангов и авторитетов.

Об этих комплексных процессах часто говорят как об организации, институционализации и приспособлении (adjustment).

3. Как социальные группы сохраняют свою целостность, идентичность и непрерывность своего существования. Этот процесс можно аналитически разделить на два основных способа сохранения. Либо процесс сохранения группы можно разбить, в соответствии с ее компонентной структурой, на три подпроцесса: а) как группы поддерживают идентичность и целостность своего компонента значений, ценностей и норм; б) как они приобретают, меняют, поддерживают и теряют свои проводники и материальные средства существования; в) как они поддерживают свой членский состав: как они рекрутируют, обменивают, теряют своих членов и распределяют их между своими стратами (процессы горизонтальной и вертикальной социальной мобильности).

4. Как и почему группы меняются а) в своем размере, б) в профиле стратификации, в) в числе «волокон» в своей сети отношений, г) в долях договорных, семейных и принудительных отношений, д) в ассоциации и диссоциации связей, е) в формах управления и в объеме правительственной регламентации, ж) в объеме и формах свободы.

5. Как и почему группы изменяются иногда упорядоченно, а иногда революционным путем.

6. Как и почему в межгрупповых отношениях происходят флуктуации войны и мира.

7. Как и почему группы дезинтегрируются и умирают (дезинтеграция и распад).

8. Как некоторые из групп возрождаются к жизни (регенерация).

Таковы вкратце основные процессы, повторяющиеся (за исключением позиции 8) в жизненных историях практически всех организованных групп, которые проходят полный цикл своей жизненной истории. Мы увидим, что каждый из этих процессов и подпроцессов состоит, в свою очередь, из нескольких подподпроцессов; они будут рассмотрены в следующих главах. Пока будет достаточно сказать, что совокупность этих процессов охватывает почти все базовые *социальные* процессы, причем все, обычно обсуждаемые в социологических учебниках и монографиях. *Культурные* процессы мы сюда не включаем; они будут разобраны в связи с культурной динамикой¹.

Теперь обратимся к краткому анализу этих процессов.

¹ Вот несколько типичных классификаций социокультурных процессов, находимых у разных социологов.

Изобретение, подражание, оппозиция (Г. Тард); организация, дезорганизация, власть, доминирование, лидерство, формализация, индивидуализация, социализация, конфликт, враждебность и внушение (Ч.Х. Кули); ассоциация, координация, социализация, адаптация, кооперация, ассимиляция, организация, преемственность, дезинтеграция (Ч.А. Эллвуд); изоляция, стимуляция, коммуникация, внушение, подражание, диффузия, дискриминация, дискуссия, аккомодация, ассимиляция, социализация (Э. Богардус); предварительная социализация, генезис общества, ассоциация, господство, эксплуатация, оппозиция, стимуляция, антагонизм; конкуренция, конфликт, классовая борьба, военная адаптация, кооперация, организация социальных усилий, воля и мышление, истощение, стратификация, градация, сегрегация, субординация, уравнивание, отбор, социализация, отчуждение, социальный контроль, индивидуация, освобождение, коммерциализация, профессионализация, институционализация, экспансия, окостенение, упадок, преобразование, переформирование (Э.А. Росс).

Л. фон Визе дает еще более подробную классификацию социальных отношений и процессов. (См. другие примеры и ссылки в моей книге: *Sorokin P.A. Contemporary sociological theories.* – N.Y.: Harper, 1928. – P. 507–513.) Наряду с многочисленными достоинствами эти классификации имеют и некоторые недостатки: 1) в них вряд ли имеется сколько-нибудь определенное *fundamentum divisionis*, они зачастую случайны и бессистемны; 2) многие из них неполны и упускают из виду многие базовые процессы; 3) одни и те же процессы фигурируют в них под разными названиями; 4) они смешивают в кучу биологические, психологические, социальные и культурные процессы; 5) будучи оторванными от своего структурного или динамического контекста, многие из этих процессов остаются «висящими в воздухе», т.е. не уточняется, где, когда и в какой структуре они происходят и как они друг с другом связаны. Поэтому я предпочитаю тот метод классификации и рассмотрения базовых процессов, который в общих чертах здесь описан. Как может заметить читатель, многие из этих процессов уже рассматривались под углом зрения структуры, но всегда в связи с межиндивидуальными или межгрупповыми и стратификационными структурами. Схожим образом и в этой части книги все базовые процессы приписываются соответствующим индивидам, группам и стратам. Вместо того чтобы «висеть в воздухе», все наши базовые процессы, так сказать, «встраиваются» в соответствующие социальные структуры и точно локализируются относительно тех или иных групп, страт или индивидов.

1. Почему и как рождаются социальные группы (процессы контакта и взаимодействия)

В более точной формулировке проблема состоит в том, почему и как прежде обособленные люди вступают во взаимодействие и, таким образом, становятся группой. Эта проблема отлична от вопроса о том, почему и как такая группа становится организованной. Две общие причины объясняют «почему», а четыре типа установления контакта и взаимодействия вместе с заключенными в них факторами объясняют «как» этой проблемы.

а) *Почему*. Двумя общими и постоянными причинами того, что люди не остаются изолированными друг от друга, того, что они взаимодействуют и образуют группы, в которых протекает их жизнь, являются: 1) *отсутствие самодостаточности индивида* и 2) *неоценимые преимущества, которые дает групповая жизнь по сравнению с обособленной жизнью для выживания человеческих индивидов и человеческого рода, для развития их творческого потенциала и для выполнения их миссии – реализации сверхорганического – на нашей планете*. Ни биологически, ни каким-либо иным образом индивид не самодостаточен. В силу крайне продолжительного младенчества никто из новорожденных человеческих младенцев не выжил бы, если бы о нем не заботились на протяжении многих лет другие люди. Без индивидов другого пола стало бы невозможно продолжение рода *homo sapiens*. Человеческий индивид, особенно в условиях дописменного общества, не в состоянии был бы в одиночку защитить себя от нападений других животных и враждебных сил. В одиночку он не мог бы многому научиться и развить сколько-нибудь значительным образом свой ум и свои сверхорганические возможности. В обществе с хорошо развитым разделением труда индивид в одиночку столь же беспомощен, как и в дописменном обществе. Короче говоря, это крайнее отсутствие у индивида самодостаточности, невозможность его одиночного выживания даже в биологическом смысле служит достаточной причиной для того, чтобы он был обречен пребывать во взаимодействиях и жить в потоке взаимодействий с момента рождения и до самой своей кончины.

То же верно и с точки зрения *человеческого рода*. *Homo sapiens* возник и был социальным животным, живущим в группах, поскольку такая жизнь была для выживания всего человеческого рода гораздо выгоднее, чем жизнь изолированных индивидов. Общее замечание, что социальная форма жизни развилась у тех видов, для выживания которых она была выгодной, и не развилась у тех, для выживания которых она была невыгодной¹, относится и к *homo sapiens*. Еще более непрерывное взаимодействие

¹ См.: *Morgan L. Animal behavior*. – L.: Arnold, 1908. – P. 229ff; *Parmelee M. The science of human behavior*. – N.Y.: Macmillan, 1913. – P. 391ff; *Ammon O. L'ordre social et ses bases naturelles*. – P.: Fontemoing, 1900. – P. 40ff. Л. Морган и другие авторы справедливо указывают, что развитие социальной жизни у живых видов не является критерием высшего или низшего положения этих видов на зоологической лестнице, а обусловлено ее преиму-

и социальная жизнь были необходимы для развития творческих способностей *homo sapiens* и для выполнения его особой миссии на нашей планете: осуществления и развития сверхорганического разума. В главе 1 мы показали, что индивид, отрезанный с момента рождения от других индивидов, не может развить даже в самой скромной форме свой творческий душевный и моральный потенциал. Это относится к его памяти и воображению, идеям и верованиям, понятийному мышлению (в науке и философии, этике и праве), художественному творчеству и техническим изобретениям. Еще менее возможны в изоляции накопление и рост опыта и культуры.

Этих двух причин абсолютно достаточно для объяснения того, почему люди взаимодействуют и живут в группах.

б) *Как.* Можно выделить четыре способа, которыми люди начинают процесс взаимодействия. Взаимодействие может быть: 1) преднамеренным, или целенаправленным, когда его ищут все взаимодействующие стороны, 2) преднамеренным, когда одни стороны его ищут, а другие не ищут или ему противодействуют, 3) таким, когда все затронутые стороны преднамеренно или непреднамеренно ему противодействуют, и 4) непреднамеренным или случайным для всех затронутых сторон, взаимодействующих в силу разных условий – космических, биологических и социокультурных – независимо от своих намерений и целей¹.

1. Преднамеренный, или целенаправленный, способ хорошо известен каждому. Миллионы людей каждый день преднамеренно и целенаправленно встречаются для разговора, для заключения сделок, с политическими или религиозными целями, для научных и художественных споров, для обеда или чаепития и т.п. Большинство встреч, происходящих «по договоренности», «по согласованию» или «по приглашению», представляют как раз этот вид инициации взаимодействия. В косвенных взаимодействиях мы намеренно слушаем любимую радиопрограмму, читаем определенные газеты или книги, посещаем концерт, политический митинг, религиозную службу, клуб и т.п. Этот метод – одно из важнейших средств инициации взаимодействий.

2. Банда преступников, пытающаяся скрыться от группы полицейских, стремящихся ее задержать; армейское подразделение, пытающееся покинуть поле боя и уйти от преследующего его врага; должник, избегающий встреч со своим кредитором; люди, которых «нет дома» для нежелательных гостей; кинозвезды или спортивные герои, осаждаемые совершенно неинтересными им поклонниками, – примеры второго способа установления взаимодействий. В массовом масштабе примерами здесь

ществами или недостатками для их выживания. Для львов и тигров, способных защитить себя от врагов, развитые формы социальной жизни были не так необходимы, как, скажем, для шакалов. См. также: *Kropotkin P.A. Mutual aid.* – L.: Heinemann, 1902.

¹ Существование случайного типа, а также отчасти второго и третьего, свидетельствует об ошибочности теорий, утверждающих, что все процессы взаимодействия иницируются целенаправленно, или в соответствии со схемой «средства и цели».

служат завоеватели, захватчики и колонизаторы, которые, соблазняясь богатствами или другими ценностями, умышленно вторгаются в страну, и тамошние жители, либо противящиеся взаимодействию с захватчиками или колонизаторами, либо не ищущие взаимодействия с ними; так было с испанскими конкистадорами в Мексике и Перу. Все взаимодействия, начинающиеся по схеме «намеренный поиск и избегание», принадлежат к этому типу. В разных конкретных формах этот способ действовал в миллионах прошлых и нынешних взаимодействий.

3. К удивлению многих, ряд взаимодействий может начинаться между сторонами, которые ему противятся. Так, солдаты двух стран, не желающие воевать друг с другом, могут вынужденно встречаться и вступать в бой под воздействием внешних для них сил. Гладиаторы на римской арене часто находились в таком же положении. Хотя этот тип инициации взаимодействия действует не так широко, как другие, все же он существует и действует чаще, чем многие думают.

4. Наконец, каждодневно в силу разных обстоятельств мы вступаем в многочисленные взаимодействия случайно, без всякой цели, желания, плана или намерения. Проехав по рассеянности на автомобиле на красный свет, мы внезапно оказываемся во взаимодействии с дорожным полисменом, а затем с дорожным судом. Когда мы едем в трамвае, к нам часто кто-то обращается, и мы вступаем в разговор с посторонним человеком. Прячась в бомбоубежище не с целью взаимодействия, а ради безопасности, тысячи людей инициируют контакты с тысячами других. Отправившись освежиться на многолюдный пляж, оказываются во взаимодействии тысячи людей, собранных вместе теплом и водой. Открытие залежей золота или других драгоценных металлов в том или ином уголке мира порождает приток тысяч людей в такие места, а затем в «бумтауны»; результатом становятся тысячи взаимодействий между оказавшимися друг с другом в пространственной близости золотоискателями. Вообще говоря, все *космические факторы* (свет, температура, вода и т.д.), как и *биологические и социокультурные условия, собирающие индивидов в тесной пространственной близости, являются факторами генезиса случайных взаимодействий и групп. То же самое можно сказать обо всех факторах, способствующих коммуникации между людьми.* Оказываясь в физической близости, индивиды вынуждены взаимно или односторонне действовать и реагировать, независимо от своих предшествующих целей или желаний. За редкими исключениями, они при таких условиях просто не могут не взаимодействовать. Многие из таких взаимодействий недолговечны, но некоторые оказываются долгими, то тут, то там перерастая в близкую дружбу или незатухающую ненависть.

Космические, биологические и социокультурные условия, «сводящие индивидов», многочисленны и различны для разных индивидов и групп. Но, в общем и целом, *все условия, тем или иным образом выгодные для данных индивидов, способствуют процессам взаимодействия;* будучи

выгодными, они привлекают множество индивидов и приводят их в физическую близость или в контакт друг с другом, порождая тем самым процессы взаимодействия и группы. Оазис в пустыне, плодородная долина, река в сухой местности или пляж в жаркий день, приятный климат, здравница, залежи железа или нефти, бомбоубежище во время воздушного налета, район, свободный от врага в военное время или богатый пищей в период голодомора, музей, прилично оплачиваемая работа – эти и тысячи других космических, биологических и социокультурных факторов вызывают процессы взаимодействия и рождения групп либо способствуют им.

Это общее правило в значительной степени объясняет прошлую и нынешнюю плотность населения: с одной стороны, низкую в пустынях и в неплодородных и иных регионах, неблагоприятных для жизни, и, с другой стороны, высокую в плодородных долинах, в ареалах со здоровым климатом, по берегам рек, ручьев, морей и океанов и т.д.¹

Еще более случайны многочисленные косвенные и анонимные взаимодействия. Индивид, живущий в городе, не может избежать влияния на него зданий, подземок, улиц, голосов, шумов и тысяч других «проводников взаимодействия» и материальных средств, созданных другими людьми и непрестанно воздействующих, независимо от желаний этого индивида, на его настроения, мысли и действия. Так мы непреднамеренно взаимодействуем даже с прошлыми поколениями, построившими этот город с его зданиями и памятниками, улицами, транспортными системами и всей его материальной культурой. Мы ненамеренно взаимодействуем с пестрой толпой – гудящей, кричащей и поющей, смеющейся, вносящей нас в переполненные лифты и подземки, источающей то враждебность и ненависть, то любовь, иной раз радость, а иной раз грусть. В ходе прогулки или поездки из дома на работу мы ежедневно переживаем ряд таких непреднамеренных взаимодействий с мертвыми и живыми, с индивидами и анонимными коллективами, и эти взаимодействия влияют на нас, иногда глубоко и постоянно, независимо от наших желаний и целей.

Если тщательно зарегистрировать все взаимодействия, переживаемые человеком за сутки, то обнаружится, что каждый день человек переживает много преднамеренных и много случайных взаимодействий. Если все эти разнообразные взаимодействия подсчитать, то доля случайных взаимодействий в общей сумме окажется выше, чем доля преднамеренных. Таковы четыре основных способа порождения процессов взаимодействия и в конечном счете групп.

¹ Детальный анализ различных космических, биологических и социокультурных факторов случайно порождающихся процессов взаимодействия можно найти в моей книге: *Сорокин П.А. Система социологии.* – Пг.: Колос, 1920. – Т. 1. – С. 249–342. См. также мою книгу: *Sorokin P.A. Contemporary sociological theories.* – N.Y.: Harper, 1928. – P. 106ff.

2. Почему и как социальные группы становятся организованными (процессы организации, адаптации и аккомодации)

Некоторые из взаимодействий недолговечны и прекращаются, так и не достигнув стадии организации. Другие взаимодействия продолжаются и со временем становятся организованными.

а) *Почему.* Общая и постоянная причина того, что долговечное взаимодействие индивидов неизбежно переходит из неорганизованной формы в организованную, вполне понятна. Без кристаллизации функций и ролей, прав и обязанностей взаимодействующих индивидов контакты, скорее всего, будут вести к беспрестанным конфликтам. Никакие мир и порядок, никакая безопасность, никакие коллективные усилия и удовлетворение потребностей членов невозможны в условиях Гоббсовой «войны всех против всех». Либо такие неорганизованные взаимодействия прекращаются, либо те, кто в них находится, причиняют ущерб друг другу бесконечными стычками, исключая тем самым всякие преимущества групповой жизни. В противном случае они должны принять статус организованных взаимодействий. Каждый день происходят тысячи случайных реакций; тысячи затеваются с мыслью о переводе их на постоянную основу, но терпят неудачу в силу разногласий и конфликтов между участниками; наконец, тысячи других выживают за счет образования организованных групп. *Организация группы есть необходимое условие ее выживания и долговечности.* Рождающаяся организация вовсе не обязательно справедлива, честна и одинаково выгодна для всех ее членов. Она может быть и часто бывает организацией могущественных захватчиков, эксплуататоров или хозяев, которые покоряют или эксплуатируют других взаимодействующих индивидов, делая их подданными, слугами или рабами. Тем не менее, как отмечалось в главе 4, такая группа будет организованной, если обладает кодексом правовых норм и всеми другими характеристиками организованной группы. Тюрьма Синг-Синг – это организованная группа, несмотря на враждебные отношения между ее охранниками и узниками. В общем, какая организация родится из взаимодействия индивидов – семейная или принудительная, справедливая или несправедливая, – зависит от свойств индивидов и совокупных условий группы. Это всегда результирующая всех сил членов и всех тех условий, в которых они взаимодействуют.

б) *Как.* Относительно того, как группа взаимодействующих индивидов обретает статус организованной группы, можно привести четыре основных принципа. Организация может быть: 1) преднамеренной, или целенаправленной, со стороны всех взаимодействующих индивидов, 2) непреднамеренным, спонтанным процессом «естественной кристаллизации», проб и ошибок со стороны всех затронутых участников, 3) преднамеренной со стороны одних участников и непреднамеренной или даже встречающей сопротивление со стороны других, 4) встречающей сопротивление со стороны всех затронутых участников.

1. Первый способ хорошо известен. Таким образом возникают тысячи организованных групп: деловых корпораций, научных, религиозных, художественных, политических, профессиональных, семейных и прочих ассоциаций. Взаимодействующие индивиды с некоторым набором общих ценностей целенаправленно собираются вместе и договариваются создать организованную группу для осуществления этих общих ценностей. Они сочиняют конституцию или официальный закон новой группы, определяя ее цель, членство, органы управления, права и обязанности каждого члена, – короче говоря, все характеристики организованной группы. Как только будет определена и принята конституция, группа с какого-то момента становится полноценным организованным единством. Весь процесс организации требует относительно небольшого количества времени. Официальное существование такой группы отсчитывается с момента ее формального учреждения или ее инкорпорации государством в случае инкорпорированных групп. Множество семейных групп, предприятий, политических, профессиональных, научных, религиозных, художественных, философских, юридических, этических, образовательных и иных ассоциаций возникают таким целенаправленным – «установительным» и договорным – образом. Этот способ возникновения организованных групп действовал начиная с известных нам истоков истории как в дописьменных, так и в «исторических» популяциях.

Поскольку это так, то договорные теории происхождения общества или государства – теории Пуффендорфа и Вольфа, Гроция и Гоббса, Локка и Руссо – содержат в себе зерно истины. Что касается других претензий этих теорий, то они, конечно, крайне наивны; возьмем, к примеру, предлагаемое ими изображение «естественного человека» и до-договорного «естественного общества» или их утверждение, что было счастливое анархическое состояние нерегулируемого до-договорного общества и что договорной способ является единственным способом возникновения организованных групп.

Хотя целенаправленное, или договорное, образование организованных групп есть простейший, быстрейший и вернейший способ их возникновения, оно является возможным и достигает успеха только в группах индивидов, у которых в значительной степени конгенитальны и схожи ценности, нормы, значения и соответствующие поведение и образы жизни, начиная с общих ценностей и значений, которые они хотят через организацию осуществить, и заканчивая их верой в связывающий и обязывающий характер их договора. В группе индивидов, имеющих совершенно разные ценности и нормы, манеры поведения и культуру, целенаправленное создание организованной группы либо просто невозможно, либо обречено быть недолговечным, либо терпит фиаско, превращая организованную группу в сугубо принудительную псевдодоговорную организацию, которая силой или обманом навязывается сильнейшими ее членами слабейшим. Тогда обоюдно целенаправленный способ превращается по сути в

третий способ: целенаправленный для одних участников и непреднамеренный или принудительно навязанный для других.

2. Непреднамеренный способ спонтанного созревания взаимодействия и облегчения его в организованную форму действовал на протяжении долгого времени. Например, группа детей, не знакомых друг с другом, встречается в школе, новом поселении или соседстве и начинает взаимодействовать. На первых стадиях их взаимодействие остается неорганизованным; роли, права и обязанности каждого ребенка остаются не определенными, а их связи – не кристаллизованными. По мере продолжения взаимодействия, в ходе которого возникает много конфликтов и столкновений, отношения шаг за шагом кристаллизуются: постепенно появляются управляющий и управляемые, главенствующие и подчиненные, ведущие и ведомые с их специфическими функциями, правами и обязанностями. По прошествии некоторого времени дети обретают статус организованной группы. Схожий процесс наблюдается и у взрослых¹.

Таким же образом возникают многие брачные и семейные группы как организованные сущности. Из раза в раз повторяющаяся история выглядит приблизительно так. Люди, прежде не знакомые друг с другом, не имеющие ни малейшего умысла или намерения влюбиться и жениться, случайно где-то встречаются. Иногда за этим следует «любовь с первого взгляда», но чаще – постепенная кристаллизация их чувств, созревающих в ряде последующих взаимодействий. Наконец участники неожиданно обнаруживают, что любят друг друга. Вопрос о браке, однако, остается какое-то время нерешенным. Во многих случаях ситуация не приводит к браку; в других случаях у одной или обеих сторон возникает намерение пожениться. По мере того как отношения становятся все более близкими, часто возникают кризисы – недоразумения, ссоры, временные разлуки, – пока участники в конце концов не женятся и не создадут семью. В каких-то случаях заключение брака противоречит планам одной или обеих сторон. Главное здесь то, что стороны не планируют влюбляться и не планируют жениться до сравнительно поздней стадии своих взаимодействий. Большинство людей женятся не в соответствии с каким-то продуманным рациональным планом, а в силу взаимодействия, спонтанно развивающегося в сторону, ведущую к браку. Цель заключить брак возникает сравнительно поздно, в большинстве случаев просто в результате случайно сложившейся душевной, эмоциональной, моральной и социальной ситуации. Только браки, в которых у сторон заранее есть расчет жениться на ком-то

¹ Конкретные факты, касающиеся детей дошкольного и школьного возраста, см.: *Parten M.* Leadership among preschool children // *J. of abnormal and social psychology.* – Iowa City, 1933. – Vol. 27, N 4. – P. 430–440; *Bühler C.* Social behavior of children // *Handbook of child psychology* / Ed. by C. Murchison. – Worcester (MA): Clark univ. press, 1931. – P. 374–416; *Page M.L.* The experimental modification of ascendant behavior in preschool children. – Iowa City: Univ. of Iowa press, 1936; *Murphy L.* Social behavior and child personality. – N.Y.: Columbia univ. press, 1937.

из соображений обретения титула, богатства или по каким-то схожим мотивам, являются браками, возникающими целенаправленно. Большинство же браков возникает непреднамеренно из случайной встречи сторон и спонтанного созревания их взаимоотношений.

Схожим образом образуются многие дружеские группы и достигают организованности многие научные, филантропические, художественные, дискуссионные, политические, этические и другие объединения или группы. Принципиально во всех этих случаях то, что *сама цель создать организацию возникает спонтанно, без какого-либо заранее продуманного плана. В этих ситуациях нет заранее поставленной цели, ведущей к групповой организации, а процесс взаимодействия, спонтанно начинающийся и столь же спонтанно развивающийся, постепенно рождает цель формализации и кристаллизации уже в основном организовавшейся группы.*

Непреднамеренный способ функционирования был особенно важен в прошлом, когда знакомые друг с другом индивиды или группы с разными ценностями, нормами и культурой оказывались в контакте и более или менее постоянном взаимодействии. В таких случаях организация и объединение целенаправленного «договорного» типа были невозможны; слишком сильно различались их ценности и нормы для того, чтобы целенаправленная кооперация и организация были осуществимы. Контакты и взаимодействия должны были какое-то время продолжаться случайно, наугад, методом проб и ошибок, с неизбежными конфликтами и столкновениями. Многие формы связей оказывались по ходу дела негодными и несостоятельными в данном «поле сил» и в конце концов отбрасывались¹, другие же в большей степени соответствовали реальному соотношению сил. Постепенно какие-то люди и группы становились лидирующими и управляющими, а другие – ведомыми и управляемыми. Некоторые нормы поведения, оказываясь осуществимыми в жизни легче всего, повторялись до тех пор, пока не становились привычными или привычно насаждаемыми в качестве наиболее возможного *modus vivendi*. Достигая этой стадии «народных обычаев», они, воспроизводясь, начинали восприниматься как «атрибутивно-императивные» правила поведения и обычно облекались в

¹ В психологическом отношении случайное возникновение моральных и правовых норм по существу схоже с образованием привычек из случайных реакций человека, в которых главными стимулами являются действия других сторон, использующих все средства для оказания влияния на поведение данного лица: внушение, убеждение, награды и наказания, приказы, престиж, авторитет и грубое принуждение. См.: *Dunlap K. Habits: Their making and unmaking.* – N.Y.: Liveright, 1932; *Murphy G., Murphy L.B., Newcomb T. Experimental social psychology.* – N.Y.: Harper, 1937. – Chs. 4–6; *La Piere R.T., Farnsworth P.R. Social psychology.* – N.Y.: McGraw-Hill, 1936. – Ch. 7; *Bernard L.L. Introduction to sociology.* – N.Y.: Crowell, 1942. – Chs. 22–25. См. также литературу, цитируемую в этих работах. О том, как эти процессы протекают у детей, см.: *Anderson J.E. The development of social behavior // American j. of sociology.* – Chicago, 1939. – Vol. 44, N 6. – P. 839–957; *Blumer H. Movies and conduct.* – N.Y.: Macmillan, 1933; цитируемые труды Ж. Пиаже, М. Партена и К. Бюлера.

одеяния религиозных, этических, политических и иных идеологий. Когда такие правила возникали и охватывали основополагающие социальные отношения, группа наконец достигала стадии организованной группы со всеми характерными чертами организации: официальным законом, органами управления и иерархией властей, дифференциацией и расслоением и т.д. В стереотипной и обобщенной форме этот процесс можно описать как последовательность следующих фаз: а) спонтанное использование разных, порой даже противоположных форм поведения между взаимодействующими индивидами, приводящее то тут, то там к конфликту и столкновению; б) спонтанный процесс непрекращающихся проб, проверки этих правил и их непрекращающегося отбора; в) прогрессивное уменьшение использования непригодных форм и все более частое использование пригодных форм; г) все большее избавление от непригодных правил и преобразование более пригодных и часто используемых форм в привычные; д) преобразование привычных правил в обычные; е) преобразование обычных правил в «императивно-атрибутивные» нормы (неофициальные, затем официальные). С наступлением последней фазы организация в данной области отношений становится свершившимся фактом. Когда такие нормы возникают во всех основных областях социальных связей взаимодействующих членов, группа становится полностью организованной¹.

Способ спонтанных проб и ошибок и последовательного отбора – со множеством конфликтов и множеством жертв в промежутке между началом взаимодействия и его окончательной организацией – был путем объединения и организации разных «семей», «орд», «кланов», «территориальных групп», «родственных групп» и национальностей во все более и более крупные организованные группы, вплоть до государственных организаций.

Он продолжает играть важную роль в процессе международной организации человечества. Потребность в установлении международного мира ощущалась издавна. Веками создавались многочисленные планы по его осуществлению². Однако немногие из них реализовывались; они оказывались бесплодными и недолговечными, подобно Лиге Наций. Даже когда такие планы осуществлялись частично, объективные результаты неизменно сильно отличались от ожидаемых³. Действительные формы меж-

¹ Ср. со схемой Ваксвейлера: действие–повторение–привычка–обычай–правило–институт (*acte-habitude-usage-règle-institution*). См.: Waxweiler E. Esquisse d'une sociologie. – Bruxelles: Misch & Thron, 1906; Waxweiler E. Avant-propos // Bulletin mensuel. – Bruxelles, 1910. – N 1. – P. 1–9.

² См.: Hembelen S.J. Plans for world peace through six centuries. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1943.

³ Это же касается почти любого государственного уложения и закона: их объективные результаты неизменно отличаются от ожидаемых. Акт Вольстеда привел к бутлегерству, шаечной форме преступности, расцвету всевозможных «точек», где наливали и продавали спиртное, и т.п.; ничего этого разработчики закона не предвидели. Ряд поразительных наблюдений о расхождении между целенаправленным и непреднамеренным способами

дународного права, международных отношений и международной организации никаким образом не соответствовали исходным планам. Прежде чем возникнет сравнительно определенная и стабильная международная организация, неизбежно будет долгая череда проб и ошибок, столкновений и конфликтов, а когда эта организация установится, она будет сильно отличаться от задуманной. Ее осуществление будет в такой же степени обусловлено игрой случайных сил, в какой и целенаправленными замыслами и усилиями¹.

С этой точки зрения теории, отдающие должное спонтанному развитию религиозного, обычного, племенного и иного права, или того, что многие называют развитием нравов и обычаев, – теории Аристотеля, Тацита, Гроция, Юма, А. Фергюсона, Адама Смита, Савиньи, Пухты, Спенсера, У.Г. Самнера, М. Ковалевского, Л. Петражицкого и других, – несомненно, обоснованны. Многие правовые нормы возникли как раз таким случайным образом, через спонтанные пробы и ошибки, или «естественный отбор» норм в ходе их непрерывной проверки в продолжающемся процессе взаимодействия между заинтересованными сторонами.

Таким же спонтанным образом возникает и развивается большинство интуитивных, или неофициальных, правовых норм. В ответ на неперестанно меняющиеся условия социальной жизни наши «интуитивные» правовые убеждения претерпевают постоянное изменение (см. выше, глава 4). В этом процессе фактор спонтанности преобладает, и характер меняющихся норм определяется отнюдь не целеполаганием.

Как уже отмечалось в главе 4, пока правовые убеждения не найдут поддержки у членов группы, официальное право обречено быть мертвой буквой, и тогда оно либо уничтожается силой, либо изменяется посредством упорядоченных процессов. Это означает, что многие целенаправленные модификации, вносимые в официальное право законодательными органами, и многие целенаправленно создаваемые правовые кодексы находятся под воздействием спонтанно развивающегося и меняющегося интуитивного права. Следовательно, сама целенаправленность таких кодексов есть просто рационализация спонтанных правовых убеждений. Даже в высшей степени рациональный, или продуманный, кодекс обречен

изменения конституций см. в книге: *De Maistre J. Considérations sur la France // De Maistre J. Oeuvres. – Lyon: Vitte, 1891. – Vol. 1.*

¹ Еще одна формула для случайного возникновения правовых норм в национальном или международном объединении – это «кризис–испытания–катарсис–харизма–новое право». Возникновение нового национального и международного порядка в наше время точно ей соответствует: Первая и Вторая мировые войны вместе с многочисленными кровавыми революциями породили трагические и поучительные кризисы и суровые испытания, настоятельно указывающие на необходимость установления нового порядка и права. В конце концов новый порядок будет установлен, если человечество до этого не уничтожит само себя в атомных войнах. Об этой формуле см. в моей книге: *Sorokin P.A. The crisis of our age. – N.Y.: Dutton, 1941. – P. 321ff.*

быть неэффективным, если будет идти вразрез со спонтанными убеждениями населения. Сухой закон в Соединенных Штатах служит тому примером. Суть ситуации превосходно резюмируется в высказывании Тацита: «*Quid leges sine moribus*». Иначе говоря, под поверхностью внешне целенаправленно вводимых официальных законов скрываются глубинные течения спонтанно развивающихся и меняющихся правовых убеждений населения, которые в конце концов проявляют себя в форме целенаправленной индивидуальной и коллективной законодательной деятельности. Поскольку изменение в нормах официального права означает изменение в организации соответствующей группы, то случайный способ организации групп имеет гораздо более широкую и более фундаментальную применимость, чем кажется поверхностному взгляду¹.

Все теории, утверждающие, что «ни один институт не может появиться без сознательной воли человека, направленной на определенную цель»², ошибочны. Многие организованные группы и институты возникли случайно, без всякой цели и волевого усилия. Многие другие, как мы увидим, возникли вразрез с волей либо всех, либо некоторых заинтересованных сторон. Семья, состоящая из мужа и жены, женившихся против своей воли и вынужденных вопреки желанию продолжать совместную жизнь, убедительно опровергает подобные утверждения.

Ложны и те теории, которые объясняют все организованные группы как сцементированные и сформированные завоеванием и насилием. Какие-то группы и в самом деле организуются так. Но подлинно целенаправ-

¹ См.: Ковалевский М. Современный обычай и древний закон: Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. – Т. 1–2. – М.: Тип. В. Гатцук, 1886 (французский перевод: Kovalevsky M. Coutume contemporaine et loi ancienne: Droit coutumier Ossétien. – P.: Larose, 1893); Westermarck E. The origin and development of moral ideas. – L.: Macmillan, 1906. – Vol. 1, ch. 1–13; Malinowski B. Crime and custom in savage society. – L.: Kegan Paul, 1926; Robson W.A. Civilization and the growth of law. – L.: Macmillan, 1935; Thurnwald R. Werden, Wandel und Gestaltung des Rechtes im Lichte der Völkerforschung. – B.; Leipzig: de Gruyter, 1934; Sumner W.G. Folkways. – Boston: Ginn, 1906; Diamond A.S. Primitive law. – N.Y.: Longmans Green, 1935; Cruet J. La vie du droit et l'impuissance de lois. – P.: Flammarion, 1908; приводимые выше работы Л. Петражицкого; Waxweiler E. Esquisse d'une sociologie. – Bruxelles: Misch & Thron, 1906; Timasheff N. An introduction to the sociology of law (цитировалась выше: Timasheff N. An introduction to the sociology of law. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1939); Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. – СПб.: Изд. Я.Г. Долбышева, 1914; Thomas W.I. Primitive behavior (цитировалась выше: Thomas W.I. Primitive behavior. – N.Y.: McGraw-Hill, 1937); Кропоткин П. Взаимопомощь (цитировалась выше: Kropotkin P.A. Mutual aid. – L.: Heinemann, 1902; здесь можно найти серию примеров, противопологаемых целенаправленному типу).

² Jellinek G. Das Recht des modernen Staates. – B.: Häring, 1900 (в русском переводе этой книги с. 30. См.: Еллинек Г. Право современного государства. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1903). Схожее утверждение Р. Иеринга, что «каждое общество возникает целенаправленно, преднамеренно и сознательно», повторяемое Макаревичем и другими, равно ошибочно, так же как и недавние воспроизведения этой идеи сторонниками схемы «средства–цель».

ленные организации и масса случайно организовавшихся групп не соответствуют этой модели. Следовательно, сторонники этих теорий повинны в возведении частного случая в универсальное правило.

3. Многие организованные группы образуются путем *сознательного принуждающего воздействия одних сторон на другие, враждебно или равнодушно относящиеся к соответствующей организации*. Когда испанцы и англичане вторглись в Западное полушарие и покоряли тамошних ацтеков, перуанцев и иных индейцев, насаждая свои правила, законы и организацию, коренные американцы сопротивлялись, но были побеждены и вынуждены принять волю завоевателей. Такая же история повторялась почти во всех вторжениях и насильственных колонизациях: арийцев в Индии, дорийцев и др. в Элладе, македонян, римлян, современных европейцев. В других случаях жители захваченных стран пассивно подчинялись организации, насаждаемой колонизаторами, не приветствуя ее, но и не противодействуя ей.

В других условиях этот способ организации регулярно проявлялся в различных популяциях в форме, когда один элемент, господский, навязывал свою организацию враждебно настроенным или индифферентным низшим классам, превращая их в рабов, слуг или угнетенный и бесправный слой. Из недавних времен можно взять следующий пример. В 1942 г. правительство США эвакуировало из Тихоокеанского региона около 110 тыс. японцев в 10 «центров для перемещенных лиц», где они были подчинены организации, к которой не стремились и которую не приветствовали¹.

В меньшем масштабе этот метод организации продолжает работать в сотнях взаимодействий: преступника и полицейских, которые стремятся его задержать, похищенных детей и их похитителей и т.д.

4. *Наконец, есть тип организации, которому противодействуют все непосредственно затронутые стороны*. Примером служит брак, навязанный обеим сторонам против их желания родителями или другой группой. Другим примером будут военнопленные, принудительно зачисляемые в германскую армию и вынужденные сражаться с армией своей страны. Третьим примером будут бандиты, запертые в камеру и вынужденные подчиниться тюремным правилам.

Таковы четыре основных способа, которыми неорганизованный процесс взаимодействия переходит в организованную форму и производит организованную группу. С негативной стороны, само существование этих четырех типов свидетельствует об односторонности теорий, в которых тот или иной из них выдается за *единственный* способ организации групп. Мы видим, что целенаправленные, случайные, целенаправленно-принудительные и безоговорочно принудительные теории происхождения орга-

¹ Подробный анализ см.: *Leighton A.H. The governing of men.* – Princeton: Princeton univ. press, 1945. – Pt. 1.

низованных групп, будучи частично верными, несостоятельны в своих притязаниях на исключительность и универсальность.

В значительной части неверна и теория А. Гобино, согласно которой единственным основанием социального объединения является расовое единство индивидов; ведь расово однородные группы – всего лишь элемент среди множества расово неоднородных групп. Даже расово антагонистичные люди часто вынуждены взаимодействовать и формировать организованную группу.

Такими же односторонними являются все теории, подобные, например, теориям Адама Смита и А. Сазерленда, которые ищут источник общества в полуинстинктивной симпатии и выводят все формы организованных групп из нее. То же самое касается теории Ф. Гиддингса, обнаруживающего корни социальной жизни и организованных групп в «сознании рода», и теории П. Кропоткина, подчеркивающего исключительную роль взаимопомощи. Все подобные теории возводят частный случай в универсальное правило. Они игнорируют тот факт, что люди начинают процессы взаимодействия, а затем придают им организованную форму не только в ответ на такие движущие силы, как симпатия, взаимопомощь, «сознание рода», «удовольствие от общения» и «наслаждение взаимодействием», но и под влиянием ненависти, желания навредить своим ближним, обокрасть их и эксплуатировать их.

Кроме того, односторонними являются теории, усматривающие истоки организации исключительно в том или ином инстинкте (например, теории У. Макдаггалла, Р. Петруччи и У. Троттера), в подражании (Г. Тард), в простом принуждении (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер и др.) или в каком угодно другом единичном факторе. Само существование семейных, промежуточных и антагонистических форм взаимодействия и групп доказывает, что индивиды взаимодействуют по своей воле и целенаправленно в семейных группах, хотя не могут этого делать в сущности антагонистических группах и не могут целенаправленно входить в группу, создающую для них тюрьму. Существование этих солидарных, промежуточных и антагонистических типов групп предполагает четыре рассмотренных нами способа организации. Иначе нам пришлось бы принять нелепое утверждение, что каждая группа организуется по волевому решению и целенаправленно всеми ее членами: тюремная группа – заключенными, рабовладельческое общество – рабами, общество победителей и побежденных – побежденными. Либо, если бы мы приняли притязания теории принуждения–завоевания, мы должны были бы заключить, что никакие группы не организуются посредством свободного сотрудничества всех их членов ради достижения общих целей, а этот вывод убедительно опровергается наблюдаемыми фактами.

3. Почему и как организованные группы дифференцируются, стратифицируются и обретают названия

Организация группы означает не только оформление ее официального права, разделение действий и реакций на классы законных, рекомендуемых и запрещенных и возникновение некоторого рода правительства. Помимо этого она предполагает внутригрупповую дифференциацию и стратификацию.

а) *Почему.* Наряду с приведенными выше причинами взаимодействия и организации, существуют еще причины, по которым организованные группы дифференцируются и стратифицируются: 1) биосоциальная гетерогенность индивидов, 2) преимущества социальной дифференциации и стратификации, 3) предотвращение непрекращающихся распрей и содействие социальному порядку и солидарности, 4) непрерывно меняющиеся социокультурные и отчасти космические и биологические условия.

1. Ребенок не может выполнять различных физических и умственных функций, легко выполняемых взрослым человеком; мужчина и женщина не могут осуществлять некоторые функции противоположного пола; слабые не в состоянии выполнять работу, требующую значительной физической силы; глупые неспособны решать задачи, требующие умственных способностей; старые и больные непригодны для многих функций, с которыми справляются молодые и здоровые. Эти чисто биологические различия в возрасте, поле, здоровье, телосложении и умственных способностях делают неизбежной дифференциацию ролей и функций в группе взаимодействующих индивидов. Если к этим биологическим различиям добавить различия приобретенные, то необходимость дифференциации становится тем более неизбежной. Разные в биологическом отношении индивиды, даже если их поместить в одинаковую физическую, биологическую и социокультурную среду, не станут от этого менее разными; если уж на то пошло, некоторые эксперименты показывают, что врожденные различия будут становиться при этом более подчеркнутыми, поскольку каждый будет реагировать на эту среду по-своему и поскольку эти различия в ходе повторения соответствующих реакций будут усиливаться. А поскольку среда – физическая, биологическая и социокультурная – является для разных индивидов разной (это обычное дело), то вдобавок к различиям чисто биологическим будет возникать множество других. В результате этой биосоциальной гетерогенности индивидов социальная дифференциация становится неизбежной для любой организованной группы, существующей сколько-нибудь долгое время. Она становится неотъемлемой чертой любой организованной группы. Это объясняет, почему никогда не было и не будет организованных групп без какой-либо социальной дифференциации.

По схожим основаниям постоянно действующей причиной групповой дифференциации является биосоциальная гетерогенность членов группы. Биосоциально неравных индивидов не сделать эмпирически рав-

ными, какие бы средства для этого ни использовались¹. Биосоциальная гетерогенность членов группы, разумеется, не предопределяет, какие конкретные формы примут дифференциация и стратификация, но служит достаточной причиной для той или иной формы дифференциации и стратификации.

2. Вторая причина дифференциации и стратификации обнаруживается в тех неоценимых преимуществах – экономических и прочих, – которые они дают группам и их членам. Если бы все члены группы пытались выполнять идентичные функции, без всякой иерархии высших и низших авторитетов, то выживание группы было бы невозможным. Так, если бы о маленьких детях не заботились старшие, то они бы умерли, а с их вымиранием исчезла бы в конце концов и группа. Кроме того, большинство членов выполняло бы свои функции, особенно требующие специальных умений, очень неадекватно. (Никто, например, не может быть эффективным энциклопедистом.) Группа в целом нарушила бы, следовательно, фундаментальное правило, требующее, чтобы каждый выполнял те функции, для выполнения которых он обладает особой способностью. Все экономические и прочие выгоды специализации и разделения труда были бы принесены в жертву. Группа, в которой бетховены и моцарты заняты физическим трудом, а от других, лишенных музыкальных способностей, ожидается сочинение музыки, мало чего бы достигла и в той, и в другой области. То же относится и практически к любой другой функции, как то к творческой работе в искусстве и науке, религии и философии или к управлению экономическими, военными и политическими делами.

Подведем итог. Организованная группа без всякой дифференциации и стратификации фактически невозможна; и даже если бы она была возможна, она была бы лишена тех колоссальных преимуществ, которыми пользуется дифференцированная и стратифицированная группа. Конечно, существуют некоторые пределы для преимуществ дифференциации и стратификации, но в этих пределах приведенные выше утверждения достоверны.

3. Кроме того, без стратифицированной властной иерархии группы – с «вышестоящими», чьи законные распоряжения обязательны для «низших», или подчиненных агентов, – взаимодействующие члены находились

¹ Людей можно сделать социокультурно одинаковыми, только навязав им всем равный социокультурный статус, например с помощью догмы, что все люди дети Божьи, что все одинаково вправе стремиться к счастью и т.п. Это социокультурное равенство было бы, однако, неравным в своих конкретных проявлениях, ведь одни дети Божьи становятся папами римскими, а другие остаются простыми прихожанами. Обсуждение того, как эта биосоциальная гетерогенность индивидов порождает социальную дифференциацию и стратификацию у дописменных народов, см.: *Landman G. Origin of the inequality of social classes.* – Chicago: Prentice-Hall, 1938. – Ch. 3, *passim*; *Thomas W.I. Primitive behavior.* – N.Y.: McGraw-Hill, 1937. – Ch. 13, *passim*; *Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen.* – B.: de Gruyter, 1932. – Bd. 4, Kap. 4–5, *passim*. См. также: *Sorokin P. Social mobility.* – N.Y.: Harper, 1927. – Ch. 13, 14.

бы в состоянии непрекращающегося конфликта, когда каждый командует и никто не подчиняется. При такой *bellum omnium contra omnes* никакая группа не смогла бы существовать сколько-нибудь продолжительное время. Она либо распалась бы на части, либо оставалась бы в состоянии постоянной анархии. Поэтому в силу организационных и распределительных функций правовых норм (см. главу 4) за возникновением и кристаллизацией официального права неизбежно следует специфицированное распределение прав и обязанностей между членами, в том числе иерархия властей и право высших властей требовать подчинения от низших властей и членов, а также некоторая форма правительства для управления делами группы и некоторая форма судебной процедуры для авторитетного разрешения конфликтов между членами. Будет ли правительство монархическим или республиканским, правлением вождя или комитета, правлением президента, вице-президента и казначая или просто правлением «босса» и «мастера», в любой организованной группе будет необходим тот или иной контролирующий центр, каким бы образом он ни формировался. Точно так же неизбежна и иерархия агентов, будь то в высокоразвитой или простой форме. В противном случае групповая жизнь была бы невозможной¹.

4. Наконец, непрерывно меняющиеся социокультурные и, в какой-то степени, физические и биологические условия постоянно создают для разных индивидов «удачу и неудачу». Социальная жизнь по сути своей динамична. Она постоянно меняется, причем быстрее, чем физические и биологические условия. Тем самым она создает выгодные условия для социального подъема одних индивидов и социального спуска других. Переход населения из-под нацистского господства под власть союзников вознес наверх многих борцов с нацизмом и сбросил вниз многих коллаборационистов. Последняя война погубила миллионы людей и обогатила многие тысячи. Золотоискателя, нашедшего колоссальные залежи золота, удача возносит на высшие ступени экономической пирамиды. Землетрясение губит многих экономически и в иных отношениях. Благодаря беспрестанным изменениям среды, по-разному сказывающимся на разных индивидах, они постоянно перемещаются вверх и вниз по лестнице стратификации².

Этих четырех постоянных причин вполне достаточно для объяснения того, почему все организованные группы дифференцируются и стратифицируются. В совокупности эти причины означают, что появление и существование стратификации и дифференциации являются «спонтанными и естественными», присущими самой природе организованных групп.

б) *Критическое замечание.* Наличие этих четырех постоянных причин социальной дифференциации и стратификации категорически опро-

¹ Дальнейшие пояснения на этот счет см. в моей книге: *Sorokin P. Social mobility.* – N.Y.: Harper, 1927. – Ch. 1, 13, 14, в том числе списки цитируемой литературы.

² См. мою книгу: *Sorokin P. Social mobility.* – Ch. 14, в том числе списки цитируемой литературы.

вергает все теории, преподносящие социальную стратификацию как случайную черту организованных групп, искусственно им навязанную (теории Л. Уорда и других)¹. Ни одна из четырех причин не является случайной, ограниченной или преходящей. Все они неотрывно присущи группе и никоим образом не искусственны. Искусственными являются лишь некоторые преувеличенные формы, то тут, то там навязываемые одной частью группы другим ее членам или одной группой другой. В отсутствие этих искусственных форм все такие группы обладают той или иной формой дифференциации и стратификации.

Эти четыре фундаментальные и постоянные причины опровергают также те теории стратификации, которые объясняют ее почти исключительно действием военного фактора, посредством которого завоеватели делают себя аристократией, а покоренных опускают в нижние слои, устанавливая нормы официального права, принудительно претворяемые в жизнь для увековечения навязанной стратификации (теории Л. Гумпловича, Г. Ратценхофера, Ф. Оппенгеймера и других)². Война была лишь одним из многих конкретных способов, причем способом, не столько порождающим дифференциацию и стратификацию, сколько реорганизующим и акцентирующим их формы³. В отсутствие войны стратификация и дифференциация обнаруживались бы все же во всех организованных группах, будь то шайка соседских мальчишек, мирная группа пионеров, нормальная семья, религиозная группа, кооператив или любая другая. Кроме того, завоеватели, будь то дорийцы, римляне или испанцы, не вводили стратификацию в жизнь покоренных народов впервые, а просто заменяли прежде существовавшую форму стратификации новой, с другими людьми в каждой стране. Рассматриваемые теории всего лишь еще раз иллюстрируют ошибку возведения частного случая в исключительное всеобщее правило.

в) *Как*. Все четыре способа начала взаимодействий и их организации – преднамеренный и целенаправленный, случайный, преднамеренный для одних членов и отторгаемый или случайный для других, отторгаемый всеми напрямую затронутыми членами группы – являются методами введения и сохранения социальной дифференциации и стратификации в организованной группе или комплексе групп.

1. Целевая и добровольная организация группы включает в себя дифференциацию функций и стратификацию властей и рангов в группе.

¹ См.: *Ward L.F.* Social classes in the light of modern social theory // *American j. of sociology*. – Chicago, 1908. – Vol. 13, N 5. – P. 617–627; *Howarth I.W.* Is there a natural law of inequality? // *Scientific monthly*. – N.Y., 1924. – Vol. 19, N 6. – P. 502–511.

² См.: *Oppenheimer F.* Der Staat. – Frankfurt a. M. Rütten & Loening, 1907; *Ratzenhofer G.* Wesen und Zweck der Politik. – Leipzig: Brockhaus, 1893; *Gumplowicz L.* Der Rassenkampf. – Innsbruck: Wagner, 1883.

³ Герберт Спенсер ясно показал это в своей теории военного и промышленного типов общества (*Спенсер Г.* Основания социологии. – СПб.: Изд. И.И. Билибина, 1877. – Т. 2, ч. 5, гл. 17–18).

2. Случайно организующиеся группы возникают с непреднамеренно развивающимися формами социальной дифференциации, стратификации и власти.

3. В принудительно организованных группах завоеватели, властные клики и т.д. насильно и целенаправленно навязывают не желающим этого или индифферентным сторонам (покоренным, подконтрольным или более слабым элементам) свою форму стратификации.

4. Наконец, есть стратификации и дифференциации, навязываемые группе вразрез с желаниями всех ее членов внешней для нее инстанцией. Государство, вынуждаемое более могущественным государством к принятию форм стратификации и дифференциации, отторгаемых всеми его членами, служит примером такого метода установления стратификации. К этому типу относится реорганизация Японии и Германии союзниками. Межгрупповые и межиндивидуальные связи тоже дают много таких примеров. Этот случай можно, конечно, свести к предыдущему как особую его разновидность.

4. Название и символ организованной группы

Практически каждая организованная группа имеет название, знак или символ, обозначающий ее индивидуальность. Название группы вводится одним из тех же четырех способов, которыми устанавливается организация группы¹.

В этой главе были сжато, но по существу адекватно описаны «почему» и «как» происхождения и организации групп с их правовыми нормами, их законными, рекомендуемыми и запрещенными социальными связями, их стратификацией и дифференциацией, их аппаратом управления и органами, отвечающими за авторитетное разрешение конфликтов. Далее мы обратимся к процессам, необходимым для продолжения жизни группы.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

¹ Случайный способ обозначения группы хорошо иллюстрируется случаем «России». Ни сами русские, ни их историки не знают, как это название было дано группе и что оно означало. Историки России до сих пор обсуждают эту проблему и выдвигают на этот счет разные гипотезы. С другой стороны, название «СССР», подобно названиям большинства деловых фирм и многих других групп, служит примером целенаправленно принятого названия.

СТАТЬИ, МАТЕРИАЛЫ

В. Джеффрис

ОДИННАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ИНТЕГРАЛИЗМЕ¹

В статье описываются идеи Питирима Сорокина о сути интегрализма как научной системы мышления. Эти идеи служат основой для изучения отличительных черт интегральной социальной науки. Также излагаются и обсуждаются одиннадцать тезисов интегрализма.

Питирим Александрович Сорокин – самый продуктивный ученый в истории социологии. За свою карьеру Сорокин опубликовал 37 книг и более 400 статей. Издано более 42 переводов его основных сочинений (1). Его идеи оказали большое влияние на становление социологии как академической дисциплины в Соединенных Штатах и России (24, с. 139).

Труды Сорокина следует ставить в один ряд с трудами других фигур мирового класса в развитии различных областей макросоциологии в XX в. (69). Его вклад в социологию важен, всеохватен и оригинален (15; 17). Сорокинские исследования природы, структуры и динамики культуры и социальных отношений (37; 38; 39; 40; 53; 58) принесли как новое знание и понимание этого предмета, так и инновации в исторических изысканиях. Он внес фундаментальный вклад в такие области, как социальная стратификация и мобильность (43, с. 256–295; 55; 66), классификация и анализ социальных взаимодействий и групп (43), изучение конфликта, революции и войны (35; 39; 43, с. 93–144, 497–522; 63; 64). Также Сорокин написал важные и влиятельные труды по анализу социальных теорий (36; 45; 61) и по методологии социальных наук (51; 58). На позднем этапе жизненного пути он приступил к новаторской работе по изучению альтруистической любви, утвердив эту тему как предмет научного анализа и исследования (46; 47; 48; 49).

В этой статье мы сосредоточим внимание на идее, основополагающей для сорокинской системы социологии и социальной науки: интегра-

¹ Перевод сделан по источнику: Jeffries V. The eleven theses of integralism // Integralism, altruism and reconstruction: Essays in honor of Pitirim A. Sorokin / Ed. by E. del Pozo Avilés. – València: Universitat de València, 2006. – P. 43–57. Редакционная коллегия Социологического ежегодника выражает признательность д-ру Эльвиру дель Позо Авиньо за разрешение на публикацию русского перевода настоящей статьи.

лизме. В своих работах он с разных сторон рассмотрел историю этой системы мысли и ее основные характеристики. Интегрализм является важной идеей в его теории культурной организации и изменения, его анализе фундаментального кризиса нашей исторической эпохи, его программе личностной, социальной и культурной реконструкции и его видении творческой социальной науки, которая могла бы оказать серьезное влияние на жизнь людей и общество (40, с. 741–746; 50; 53, с. 679–697; 54; 56; 57, с. 372–408; 58, с. 226–237; см. также: 8; 9; 13; 16; 17; 18; 19; 20; 24; 25).

Сорокин по праву считается основоположником интегрализма как подхода к современной социальной науке. Однако его описания особенностей интегрализма, представленные в разных местах его трудов, эклектичны, несколько двусмысленны и обтекаемы (25). Кроме того, интегрализм не был адекватно разработан как теоретическая и исследовательская программа.

Интегрализм как школу мысли можно считать находящимся на ранних стадиях формирования и развития, и основаниями для него служат работы Сорокина. Это особый и уникальный взгляд на природу, практику и задачу социальных наук. Будучи таковым, он помещает в центр теоретического внимания и исследовательской практики особые понятия и переменные. Благодаря этим характеристикам интегрализм включает в себе потенциал, позволяющий фундаментальным образом изменить эти науки, направив их в сторону большей креативности, продуктивности и практической значимости для общества. В этой статье представлена модель интегрализма как научной системы мышления. Рассматриваются его существенные особенности и потенциальные линии развития. Природу интегрализма мы раскрываем через предлагаемые одиннадцать тезисов. Они дают нам ориентацию в основных идеях той всеобъемлющей системы социальной науки, которая получила развитие у Сорокина в разных сегментах его трудов.

Тезис I: Реальность материальна, значима и трансцендентальна

В современной социальной науке онтология интегрализма занимает свое особое место. Формулировка этой онтологии у Сорокина вытекает из его понимания природы подлинной и абсолютной реальности. С его точки зрения, знание и понимание всей реальности выходит за рамки человеческого разума, но постичь ее фундаментальную природу возможно. Важнейшие компоненты этой реальности – эмпирико-чувственный, рационально-разумный и сверхчувственно-сверхрациональный (40, с. 741–746; 50, с. 180; 53, с. 683–698; 54). Поскольку это основополагающие компоненты объективной реальности, то онтология социальных наук должна вобрать в себя признание этого факта. Если первые два из этих компонентов характеризуют общепринятую онтологию социальных наук, то третий – нет. В отличие от установившейся практики, интегрализм включает ду-

ховное, или трансцендентальное, как фундаментальную область реальности, которая должна изучаться и быть включена в практику социальных наук настолько, насколько это возможно.

Сорокинская формулировка культурных типов дает перспективу для понимания исторического проявления этой онтологии, служащую основой его идеи интегрализма (8). Эта типология культур основывается на анализе тенденций в разных областях культуры, таких как искусство, философия, этика и наука. Данные, касающиеся статистических флуктуаций в западной цивилизации с 600 г. до н.э. до 1925 г., представлены у Сорокина по временным периодам продолжительностью от 20 до 100 лет (37; 38; 53).

У Сорокина (37, с. 55–152; 53, с. 20–52) описываются три идеальных типа интегрированной культуры. Эти идеальные типы формулируются на основе исторического проявления разных понятий о природе реальности, о подлежащих удовлетворению потребностях и целях, о степенях и способах их удовлетворения. В одном из типов – Чувственном – природа реальности определяется как постигаемая органами чувств, физическая и материальная. Подлежащие удовлетворению потребности и цели имеют такую же природу, а степень их удовлетворения максимальна. Это удовлетворение достигается путем использования или модификации внешней среды. В противоположном типе культуры – Идеационном – природа реальности определяется как сверхчувственная и сверхрациональная, сосредоточенная в представлении о Боге, или Высшей Реальности. Потребности и цели видятся как духовные и трансцендентальные, и степень их удовлетворения максимальна. Способом их удовлетворения являются модификация Я и контроль над ним. Все реальные культуры находятся где-то в континууме между этими двумя идеальными типами, будучи преимущественно тем или другим либо их смесью.

Еще один основной тип культуры, описываемый Сорокиным, – Идеалистический. Это единственная интегрированная комбинация двух полярных типов. Здесь природа реальности определяется как одновременно наблюдаемая чувственно и трансцендентальная. Потребности и цели видятся как одновременно материальные и духовные, а их удовлетворение велико, но сбалансировано. Способом удовлетворения служит изменение как внешней среды, так и Я. В этом типе культуры Идеационное и Чувственное соединены в интегрированную и логически согласованную систему. Эти характеристики Идеалистической культуры особенно важны ввиду того, что включают идеи, лежащие в основе интегральной системы социальной науки.

В западной цивилизации преобладающая форма культурной интеграции была Чувственной с III в. до н.э. до конца IV в. н.э. и с XVI в. по настоящее время. Идеационная культура главенствовала до конца VI в. до н.э. и с V по XIII в. н.э. Культура была интегрирована в Идеалистической форме в V–IV вв. до н.э. и в XIII–XIV вв. н.э. (41, с. 17–22; 53).

Тезис II: Формы познания основаны на чувстве, разуме и вере

Система истины и знания культуры складывается из ее религиозной, философской и научной мысли (38, с. 1–180; 41, с. 80–132; 53, с. 225–283). Базовые идеи в этой части культуры относятся к фундаментальным аспектам онтологии и эпистемологии, таким как идентичность и природа предмета систематического и формального исследования, критерии истины и методы обоснования.

Сорокин идентифицирует три основных системы истины и знания; они соответствуют трем основным типам культуры и логически вытекают из них (38, с. 3–180; 41, с. 80–132; 53, с. 225–238). Чувственная система истины – это истина чувств, идеационная – истина веры, а идеалистическая – истина разума.

Чувственная истина основывается на свидетельствах органов чувств, дополняемых логическим рассуждением, особенно в математической форме. Выдвижение этой истины осуществляется прежде всего путем индукции и эксперимента. Идеационная истина – это истина, которая считается данной в откровении личным или безличным Богом, или Высшей Реальностью. Ее базовым источником является соотносимость с тем, что рассматривается как Священное Писание. Идеалистическая истина – промежуточное звено между этими системами. Метод логического рассуждения используется для совмещения явленной в откровении истины Писания и истины, основанной на чувственных свидетельствах. Гармоничная система истины, основанная на чувствах, разуме и вере, характерна для этого Идеалистического типа.

Эти системы истины и знания в греко-римской и западной культурах изучаются с количественной стороны примерно с 580 г. до н.э. до 1920 г. н.э. Флуктуации истины чувств, веры и разума изучаются на этом временном отрезке по 20- и 100-летним периодам. В этом количественном анализе эмпиризм классифицируется как чувственная истина. Религиозный рационализм, мистицизм и фидеизм рассматриваются как формы идеационной истины. Идеалистический рационализм классифицируется как идеалистическая истина. Высчитываются и табулируются два индикатора – число сторонников каждой из этих систем истины и удельный вес их влияния (38, с. 14–23; 53, с. 232–236). Совмещение этих индикаторов для примерно 25 столетних периодов показывает, что эти три системы истины были близки к преобладанию поочередно: после некоторого преобладания истины веры начинала преобладать истина чувств, а затем – истина разума. Также давался качественный анализ репрезентативных образцов основных подходов (38, с. 61–123; 53, с. 257–283).

Опираясь на этот исторический анализ, Сорокин утверждает, что хотя каждая из форм истины – чувств, разума и веры – дает верную информацию, каждая из них сама по себе позволяет постичь только часть всей реальности. Следовательно, для наибольшего приближения к абсолютной

истине нужна система, вбирающая все три метода познания (38, с. 55; 54, с. 254–256). Такая система интегральна. Интегральная истина – это трехмерная система онтологии и эпистемологии, в которой эмпирико-чувственные аспекты реальности изучаются через истину чувств, рационально-разумные – через истину разума, а сверхрационально-сверхчувственные – через истину веры. Последний способ познания включает как религиозное откровение в разных его формах, так и интуицию. В интегрализме все эти три основных метода познания комбинируются в гармоничную систему (40, с. 746–764; 57, с. 380–382; 58, с. 226–237).

После оригинального описания и формулировки культурных типов термины «идеалистический» и «интегральный» используются Сорокиным как взаимозаменяемые (56, с. 95–96; 57, с. 481; 8, с. 53). Таким образом, системы истины, характерные для идеалистических культур, могут быть рассмотрены как исторические примеры интегральных систем (57, с. 372–380).

Тезис III: Истину веры составляют идеи, взятые из мировых религий

Модель интегрализма Сорокина допускает большую гибкость (25). Для развития жизнеспособной интегральной модели для нынешней социальной науки важны два источника в его работах. Это его предложения относительно модели эпистемологии интегрализма и его описания прошлых и вероятных будущих интегрально-идеалистических систем истины.

Проясняя свою модель интегрализма, Сорокин обозначает интуицию как третье средство познания, в дополнение к чувствам и разуму. Интуиция видится в более широком смысле как любое познание, недостижимое только чувственными и / или рациональными методами. Оно включает истину веры в форме религиозной истины откровения или мистического опыта, но не ограничивается этим, а является по масштабу значительно более широким (40, с. 746–764; 50; 54; 56; 57, с. 372–408; 58, с. 226–237). Кришна (21) отмечал, что эта концепция интуиции проблематична, так как включает и идеи с наблюдаемыми эмпирическими референтами, и идеи, относящиеся к сверхчувственному и сверхрациональному. Только первые можно независимо верифицировать, пользуясь стандартной методологией нынешней науки.

В своем анализе исторических систем истины и знания Сорокин (37, с. 143–156; 38, с. 3–123; 53, с. 228–289, 236–239) описывает наиболее интегральные / идеалистические системы как содержащие соотношенность со сверхчувственно-сверхрациональным, несущую с собой некоторое понятие о Боге, или Высшей Реальности. В этом контексте им выдвигается концепция раскрывающейся в откровении истины, воплощенной в более широкой традиции религиозных идей. Обычно эта истина считается выраженной в Священном Писании данной религиозной традиции. Такое видение истины, вытекающей из религиозных идей, в эпистемологической

системе, состоящей из чувств, разума и веры, обычно является основополагающим.

Соединение этих описаний интегрализма, взятых из работ Сорокина, приносит нам две основополагающие идеи для интегральной перспективы в современных социальных науках. Во-первых, истина веры включает в себе идеи, идущие из религиозных традиций мысли. Это означает, что в научной практике общие религиозные идеи, оказывающиеся универсальными для основных мировых религий, могут быть обозначены как истина веры (13; 14). Во-вторых, эти религиозные идеи, комбинируясь с разумом и эмпиризмом, создают гармоничную систему онтологии и эпистемологии, а также научной практики.

Эта комбинация религиозного и научного мышления описывается Сорокиным в его воззрениях на природу будущей интегральной социальной науки, в которой противостояние науки, философии и религии завершается. Каждый из этих подходов к истине должен быть объединен с другими в поиске научного знания и понимания. Добавление религиозной истины дало бы нам большее приближение к высшей реальности и универсалистским ценностям в научной практике. Эта интегральная социальная наука была бы сфокусирована на том, как трансцендентальные ценности и этические принципы главных мировых религий могут быть реализованы через процесс личностной, социальной и культурной реконструкции (41, с. 317–318; 44, с. 158; 64; см. также: 17, с. 167–168, 179; 18).

Тезис IV: Интегрализм инкорпорирует религиозные идеи в базовую схему соотношения культуры, общества и личности

В работах Сорокина (43, с. 63–64; 61, с. 635–649), за которыми позже последовали работы Парсонса и его коллег (27; 28, с. 3–29), была ясно очерчена базовая схема соотношения социальных наук: культура, общество и личность. Эти общие понятия рассматриваются как идентифицирующие наиболее фундаментальные компоненты предмета научного исследования в социологии, психологии, антропологии, экономике и политической науке, несмотря на явные различия в фокусировке внимания и областях изучения между этими дисциплинами. Ритцер (33) уточняет природу этого предмета, отмечая, что он предполагает два базовых свойства. Каждое из них меняется в отдельном континууме. Это микро–макро, от малого до большого, и объективное–субъективное, т.е. наблюдаемое и ненаблюдаемое. Именно в этой схеме соотношения интегрализм вбирает в себя основанные на религии идеи, вытекающие из истины веры.

Идеи и практики научных систем охватывают весь континуум от метафизического до эмпирического (1, с. 1–46; 70, с. 1–30). Метафизический уровень включает такие компоненты, как базовые посылки, ценностные предпосылки, идеи, содержащие онтологию и эпистемологию и рациональное обоснование этих идей. Примерами среднего уровня научного

континуума являются различные формы аналитических схем и моделей, состоящих из положений, понятий и их системных взаимосвязей. Компоненты более конкретных уровней науки включают эмпирические обобщения, операциональные определения и различные виды эмпирических данных. Интегрализм инкорпорирует основанные на религии идеи на каждом из этих уровней научного континуума. Например, религиозные идеи могут инкорпорироваться как ценностные предпосылки, понятия в теоретических перспективах и положениях и операциональные определения, используемые в эмпирических исследованиях (13).

Инкорпорация идей из религиозных традиций влечет за собой допущение, что эти идеи могут дать важные прозрения и перспективы при рассмотрении таких тем, как человеческая природа и поведение, факторы, влияющие на характеристики взаимодействия и социальной структуры, а также природа добра. Некоторые идеи из религиозных традиций фокусируют внимание на природе сверхрационально-сверхчувственного мира и значении его для человеческих целей и предельных ценностей. Такие идеи особенно уместны при формулировке идей относительно задач социальной науки, сути ее приоритетов и относительной важности ее открытий. Еще один комплекс идей – моральные и этические традиции главных мировых религий. Эти идеи касаются природы добра и зла и проявления этих качеств в индивидах и в различных аспектах социокультурного. Эти идеи – основной источник понятий и положений, которые могут быть инкорпорированы в теории и эмпирические исследования (13). Сорокинский анализ предельных ценностей задает основополагающее направление для введения религиозных идей в научный континуум социальных наук. На высшем уровне генерализации ценностей Сорокин определяет ценностную рамку интегрализма как включающую истину, добро и красоту (54, с. 184). Для интегральной социальной науки базовыми являются первая и второе. Как уже отмечалось, интегральная система истины расширяет и в корне меняет онтологию и эпистемологию социальных наук. Добро проявляется в предмете социальных наук через характеристики личностей, групп и их взаимоотношений. В этом контексте добро у Сорокина приравнивается к самоотверженной и творческой любви (54, с. 184).

В этом наиболее широком смысле интегральная социальная наука предполагает сосредоточение программ развития теории и исследований на фундаментальной проблеме личностных, социальных и культурных истоков добра. Из этой основополагающей ориентации вытекают два основных вопроса: влияние социокультурных характеристик на индивидуальное добро и влияние индивидуального добра на социокультурные характеристики. Отсутствие добра, или зло (3, с. 248–256), является второстепенным вопросом и рассматривается опять же в контексте взаимосвязей культуры, общества и личности. Этот дополнительный фокус внимания полнее вводит религиозные традиции в научную практику,

обеспечивает более полную теоретическую и исследовательскую повестку дня и способствует изучению и пониманию первичной темы добра.

Религиозные традиции дают точки зрения на природу добра и его отсутствия (зла), которые в некоторых отношениях накладываются на базовый континуум предмета социальных наук: от «микро» через «мезо» до «макро». Добро, так же как и его отсутствие может быть концептуализировано как на индивидуальном уровне, так и на социокультурном.

Тезис V: Индивидуальную доброту можно концептуализировать как любовь и добродетель

Во всех основных мировых религиях подчеркивается важность личной доброты. Позитивное индивидуальное развитие рассматривается обычно как переход от эгоцентричности ко все большей заботе о нравственности, благе других и сосредоточенности на Боге, или Высшей Реальности (10; 11, с. 195–202). Из религиозных традиций можно почерпнуть две взаимодополняющие идеи о сути индивидуальной доброты: любовь и добродетель.

Сорокин (48, с. 79; см. также: 67) отмечает, что любовь к Богу и другим людям является ключевым принципом добра во всех основных религиях. Эта форма любви рассматривается как альтруистическая любовь и выражается в благожелательности, самопожертвовании, помощи другим, сострадании, дружелюбии, любезности и схожих формах поведения (48, с. 47–79; 59, с. 65–67). В главном исследовании Сорокина, посвященном альтруистической любви (48), описываются и анализируются основные аспекты любви, изменчивость любви по пяти измерениям, связь между любовью и структурой человеческой личности, влияние любви на индивидов и общество, а также факторы, влияющие на альтруистическое преобразование индивидов и групп.

Традиционно понятие добродетели относилось к характеристикам, обозначающим доброту человеческой природы. Актуализация добродетелей представляет собой движение индивида ко все более совершенной реализации позитивных задатков человеческой природы. Добродетели проявляются через формирование хороших привычек (3, с. 817–894, 1263–1897; 4, с. 927–1112; 30).

Новейшие исследования, сосредоточенные на позитивных сторонах человеческой природы, выдвинули на передний план понятие добродетели в такой дисциплине, как психология (26; 71). Пишущие в этой традиции Питерсон и Селигмен (29, с. 3–52) утверждают, что добродетели рассматриваются как индивидуальные проявления добра в главных мировых религиях. Опираясь на всестороннее исследование идей философов морали и религиозных авторов, они выявляют шесть ключевых добродетелей: мудрость, мужество, человечность, справедливость, умеренность и преодоление. При всех различиях в терминологии, организации и акцентах, Питер-

сон и Селигмен (29, с. 46–48) считают, что их список ключевых добродетелей совпадает с традиционными схемами, такими, например, как у Аристотеля (4, с. 927–1112) и Фомы Аквинского (3, с. 817–894, 1263–1879). Исходя из широкого консенсуса, сложившегося исторически и культурно по поводу сущности каждой из этих ключевых добродетелей, обозначающих те или иные стороны хорошего характера, авторы утверждают, что их можно считать универсальными стандартами.

Добродетели и альтруистическая любовь взаимно дополняют друг друга как способы, с помощью которых в интегральной перспективе можно концептуализировать личную доброту. Они равно связаны с религиозными традициями мысли. Связаны они и друг с другом, поскольку добродетели можно считать спецификациями установок и поведения, необходимыми для проявления этой любви, несущей благо другому постоянно и в самых разных ситуациях (12). Интегральная перспектива делает индивидуальный выбор этих ориентаций – или альтернативных им – центральной проблемой как в развитии теории, так и в эмпирических исследованиях.

И в религиозных традициях, и в классической моральной философии выделялись определенные диспозиции, называемые пороками, и действия, называемые грехами, которые противоположны добру. Шimmel (34) говорит, что, несмотря на различия в иудейской и христианской религиозных традициях, между ними имеется согласие в том, что основных пороков, или грехов, семь: гордыня, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, жадность и лень. Они традиционно рассматриваются как диспозиции и / или действия, противостоящие доброте человеческой природы, выраженной в добродетелях (3, с. 897–902). Грехи считаются вредоносными в конечном счете не только для индивида, но также для других и для общества.

Тезис VI: Социокультурное добро может быть концептуализировано как солидарность

К идее добра в социокультурном плане тоже можно подойти, опираясь на религиозные традиции. Моральные и этические системы мировых религий подчеркивают схожий общий идеал внутри социального взаимодействия и межгрупповых отношений. Он состоит в том, чтобы нести добро другому так же, как и себе, и избегать причинения ему вреда. Этот принцип выражен в таких этических кодексах, как Десять заповедей, Нагорная проповедь, золотое правило, и в том, что по-разному называется *агапе*, великодушие или безграничная и альтруистическая любовь. Определяющей характеристикой этой любви является намерение делать другому добро (10, с. 313–314; 11; 31, с. 89–155; 44, с. 154–158; 48, с. 111–112; 64; 67).

Сорокин (43, с. 93–144; 48, с. 13) считает, что понятие солидарности выражает эти позитивные способы связывания с другими в терминах формы взаимодействия. Солидарное взаимодействие характеризуется созвуч-

ностью установок и поведения взаимодействующих участников, когда они взаимно помогают друг другу в достижении своих целей. Это взаимодействие, отмеченное гармонией, взаимопомощью, миром, любовью и созидательным творчеством (65). С точки зрения систем социальных отношений, укорененных в культурных ожиданиях, солидарное взаимодействие является базовым ингредиентом семейного типа (39, с. 3–138; 41, с. 167–204; 43, с. 99–102; 53, с. 435–473). Семейные социальные связи предполагают преимущественно солидарное взаимодействие, высокую интенсивность и широту, всепроникающее чувство единства, преданность нуждам других, чувство долга, индивидуальную свободу в этом контексте, благотворительное, естественное и спонтанное лидерство. В формах, специфичных для тех или иных конкретных социальных контекстов, семейные связи обнаруживаются с разной степенью силы в самых разных социальных группах (39, с. 81–121; 53, с. 453–473). Сорокин утверждает (41, с. 319–320; 66, с. 148–154), что преобладание семейных связей и организаций необходимо для гармоничного и мирного межличностного и межгруппового взаимодействия.

В интегральной перспективе понятие солидарности может становиться проблематичным, так как солидарные группы могут быть в высокой степени антагонистически настроенными в отношении других групп. В согласии с сущностью религиозных традиций, интегральное понятие солидарности определяется в универсалистском смысле как обозначающее взаимодействие, направленное на цели, не попирающие благо людей или основополагающие права личностного и социального характера. В этом смысле солидарность включает принятие в расчет справедливости для всех сторон, вовлеченных во взаимодействие или затронутых им (16).

Сорокин связывает солидарность с культурными ценностями и нормами, лежащими в основе взаимодействия между участниками (43, с. 119–131). Моральные нормы, характерные для религии, такие как любовь, сотрудничество и золотое правило, рассматриваются как первостепенные по значимости факторы, влияющие на солидарное взаимодействие, когда они согласованны и взаимно практикуются всеми участниками взаимодействия. Таким образом, интегральная перспектива на мезо- и макроуровнях анализа сосредоточивается на изучении как степени солидарности, так и культурных факторов, влияющих на характер взаимодействия.

К отсутствию блага солидарности можно подойти при помощи двух понятий, находимых у Сорокина (43, с. 93–110). Это «антагонистическое взаимодействие» и «принудительные социальные связи». Антагонистическое взаимодействие характеризуется противостоянием в установках и поведении между взаимодействующими сторонами, при котором они взаимно мешают друг другу в достижении целей. Принудительные социальные связи обычно влекут за собой высокие уровни антагонистического взаимодействия. Социальные связи этого типа содержат в себе такие особенности, как установки, варьирующие в диапазоне от неприятия до ин-

тенсивной вражды, принуждение, в котором принуждающая сторона может иметь максимум свободы, а принуждаемая вообще не имеет никакой свободы, господство тиранического и деспотического типа, внутренние беспорядки и войны, нацеленные на уничтожение противника.

Сорокин (43, с. 119) отмечает, что научная задача понимания причин солидарности и антагонизма имеет глубокую практическую значимость. Если это знание можно использовать для повышения солидарности и увеличения семейных связей, то войны, преступность, господство, огромное неравенство между богатыми и бедными и иные формы несчастья можно будет сократить или устранить вообще.

Тезис VII: Программы научных исследований – фундамент успешных школ

Историю дисциплин можно рассматривать через школы. Особый набор идей и совокупность индивидов, которые их поддерживают и развивают, образуют научную школу (68). Характерное для школы видение реальности дает основу для эмпирических исследований, могущих принести подтверждение ее ключевых идей (68, с. 217). Исследовательские усилия необходимы для демонстрации объяснительных и исследовательских возможностей школы (2, с. 40; 68, с. 217).

Чтобы интегрализм стал признанной школой в социальных науках, необходимы обширные эмпирические исследования (13). Модель научно-исследовательских программ Лакатоса (23) проясняет суть и организацию этой деятельности и показывает, какой вклад она вносит в развитие школ. Такие программы состоят из двух элементов: ядра, или «негативной эвристики», и развивающегося и расширяющегося набора гипотез, или «позитивной эвристики» (23, с. 133). Само ядро проверке не подвергается. Оно включает онтологию и эпистемологию программы, другие фундаментальные допущения и базовый концептуальный и пропозиционный каркас. Гипотезы выводятся из этого источника. По мере проверки гипотезы переформулируются или – с распространением исследовательской программы на дополнительные темы – заменяются другими.

В интегральной социальной науке ядро извлекается в первую очередь из истины веры. Основу этого ядра составляют онтология, включающая предположение материального, рационального и трансцендентного аспектов реальности, и эпистемология чувства, разума и веры. Частью этого ядра являются содержащиеся в религиозных традициях идеи о таких вещах, как природа добра и зла, человеческая природа и ее совершенствование, высшая цель и задача человеческого существования; также в него входят различные концепции добра для разных уровней анализа. Положения и понятия, пригодные для включения в теоретические формулировки и эмпирической проверки, берутся из этого источника. Сюда относятся такие понятия, как благожелательная любовь, добродетель, порок и прощение на индивидуальном уровне анализа, и такие, как солидарность, зо-

лотое правило, справедливость на социокультурном уровне. Позитивная эвристика сосредоточивает внимание на разработке и проверке гипотез, включающих соответствующие переменные.

Ядро интегральной перспективы может генерировать теоретические и исследовательские проблемы для разных социально-научных дисциплин и специальных областей внутри этих дисциплин. Таким образом, интегрализм может объединять социальные науки, фокусируясь на схожих проблемах с уникальных точек зрения разных социально-научных дисциплин. Общность базовых переменных, исследуемых в социально-научных программах разных дисциплинарных традиций, создает оптимальные условия для накопления открытий и установления надежных обобщений.

**Тезис VIII: Завершенная система социальной науки
имеет четыре формы:
Профессиональную, критическую, прикладную и публичную**

Недавно Майкл Буравой (5; 6; 7) предложил формулировку компонентов социологии как научной системы, привлекая значительное внимание. Хотя его работы сфокусированы на социологии, его типология форм научной практики применима и к другим дисциплинам в социальных науках (7).

Буравой (7) идентифицирует четыре формы социальной науки: профессиональную, критическую, прикладную и публичную. Они видятся ему как идеальные типы во взаимозависимом разделении труда, в котором каждая форма вносит свой вклад в эффективность других. Профессиональная форма социальной науки состоит из теоретических схем и эмпирических исследований. Критическая социальная наука формулирует моральную и ценностную перспективы и применяет их к изучению различных аспектов дисциплинарной практики науки. Это оценивание включает рассмотрение таких тем, как задачи научного поиска, применимость методов и наиболее подходящее для научного изучения предметное содержание. Прикладная форма социальной науки фокусируется на выработке решений конкретных проблем. Публичная социальная наука включает диалоги с аудиториями вне академического сообщества на такие темы, как научное знание и понимание социальных проблем, направление социальных изменений и ценностные альтернативы.

Интегрализм Сорокина – это завершенная система социальной науки, включающая значительные вклады в каждую из этих форм (16). Профессиональная социальная наука иллюстрируется его общей системой социологии (43; 58), исследованиями социальной и культурной организации и изменения (37; 38; 39; 40; 53), социологией революции (35), социальной стратификации (43, с. 256–295; 55), социального кризиса (42) и альтруистической любви (46; 48). Во всех этих работах оригинальное развитие теории сопровождается анализом эмпирических данных разных типов.

Строгий анализ преобладающих теорий является еще одним выражением профессиональной формы в его работах (36; 45; 61). Третий аспект профессиональной науки явлен у Сорокина (56; 57; 58, с. 226–237) в его интегральной онтологии и эпистемологии, которая включает знание и понимание философии и мировых религий в схеме соотношения социальных наук.

Интегрализм является основой сорокинской критической перспективы. Это верно в двух смыслах. Во-первых, в плане общей критики природы, предмета, фокусировки, практик и методологий современной социальной науки (52; 58; 60; 62). Во-вторых, интегрализм Сорокина ставит ценность добра и ее спецификации, выраженные в таких понятиях, как альтруистическая любовь, добродетель, золотое правило и солидарность, в центр развития теории и эмпирических исследований. Эти ключевые идеи, почерпнутые из мировых религий, дают набор ценностных предпосылок для интегральной модели, которая может рассматриваться как приближение к универсалистским ценностям. Эти ценностные предпосылки в интегральной критической перспективе предоставляют темы для практики науки в рамках профессиональной социальной науки, цели, которые могут преследоваться посредством прикладной науки, и тему для вовлечения общей и специальных аудиторий в диалог, который ведет публичная социальная наука.

Интегральная прикладная социальная наука сосредоточивает усилия на производстве знания и понимания наиболее эффективных средств для реализации таких интегральных ценностей главных мировых религий, как личная доброта и социальная солидарность. Она влечет за собой развитие множества научно-исследовательских программ, нацеленных на изучение всех граней комплексной задачи реконструкции на личностном, социальном и культурном уровнях. Работа Сорокина в этой области включает анализ общих средств реконструкции (44), требований к международному миру (64), факторов, которые могут уменьшить злоупотребление властью в подвластных группах (66), а также техник альтруистических преобразований (48).

Интегральная публичная социальная наука уникально подходит для вовлечения как общей публики, так и более конкретных аудиторий в диалог о природе современного мира, его проблемах и их возможных решениях. Критический интегрализм фокусирует научную практику на ценностях, близких к универсальным и высшим. Эта фокусировка помогает производить надежные научные обобщения. Теоретические и исследовательские усилия интегральной профессиональной и прикладной социальной науки нацелены на генерирование идей и эмпирических открытий, являющихся интересными и привлекательными в качестве тем диалога. Они фокусируют внимание на таких темах, как природа добра, наиболее эффективные средства его осуществления и потенциальный вклад каждого индивида в продвижение к реконструкции. Итак, в интегральной повестке дня есть идея и тематическое содержание для установления жизненной

связи между социальными науками и всевозможными публикациями. Эта передача знания и понимания в диалогах между социальными науками и разными публикациями – потенциально важный аспект личностной, социальной и культурной реконструкции.

Публичная социология Сорокина характеризуется рядом сочинений, рассчитанных на то, чтобы достичь широкой аудитории вне академического сообщества и стимулировать в ней сознание и реконструктивную активность. Сюда входит анализ нынешней исторической эпохи и ее основных тенденций и проблем (41; 59); сексуальной революции (51); причин властных злоупотреблений и путей решения этой проблемы (66), а также условий реконструкции (44).

Тезис IX: Понимание процессов во всем диапазоне от «микро» до «макро» способствует реконструкции

В интегрализме религиозные традиции фокусируют научную практику на природе и достижении индивидуальной доброты и, во вторую очередь, на избегании зла. В этих фундаментальных теоретических и исследовательских проблемах неизбежно затрагивается фактор человеческого выбора. Такая фокусировка на активности индивида соответствует сорокинскому анализу условий личностной, социальной и культурной реконструкции.

Основополагающее допущение системы социологии Сорокина состоит в том, что культура, общество и личность всегда присутствуют и нераздельно взаимосвязаны во всех аспектах предметной области социальных наук (43, с. 40–42, 63–64; 61, с. 635–649). Эта системная взаимозависимость имеет прямые следствия для понимания требований эффективной реконструкции, эксплицируемых в прикладной социологии Сорокина (44, с. 93–95). Прежде всего, она требует, чтобы были изменены и культура, и общество, и личность. Без таких согласованных усилий реконструкция не может быть успешно осуществлена.

Первым шагом и необходимым условием является индивидуальное преобразование в сторону большей доброты. Это предполагает размышление, выбор и сознательное решение, отражающееся в поведении. Подобного рода изменения со стороны многих индивидов должны в конце концов изменить культуру, ведь культура вырастает из бесчисленных каждодневных действий индивидов. Индивидуальное действие служит основанием и для перестройки общества. Если отталкиваться от этого, то реконструкция эффективнее всего движется из малых групп в ассоциации, а далее из них в крупные институты общества (44, с. 233–234).

Вклад социальных наук в эту трехчастную реконструкцию двоякий. Во-первых, необходимо повысить знание и понимание того, как может быть достигнуто индивидуальное преобразование в сторону большего альтруизма и доброты и как вызываются позитивные социальные и культур-

ные изменения. Во-вторых, благодаря такому росту знания и осознанию более эффективных методов могут составляться планы реконструкции. Эти планы должны затем доноситься до все более широкого круга людей вместе с обоснованием их важности и настоятельности их осуществления (44, с. 234–235).

Тезис X: Интегрализм – это парадигма, подчиняющая себе все социальные науки и их специальные разделы

В работе Куна (22) утверждается, что крупные продвижения в науках осуществляются посредством научных революций. Они включают введение и развитие фундаментально новых способов мышления, преобразующих перспективы науки. Это базовое изменение в точке зрения на предмет вызывает переключение научной практики на другие проблемы и другие критерии обоснования. Когда эти новые идеи обретают приверженцев в научном сообществе, возникает новый контекст мышления, в котором может эффективно продолжаться регулярная практика научных исследований.

Рафинируя понятие парадигмы и адаптируя его к социальным наукам, Ритцер (32, с. 1–34) отмечает, что парадигма предполагает базовое описание предмета науки. Парадигма определяет изучаемые проблемы, фокусирует исследования и способ интерпретации исследовательских открытий. Научные сообщества идентифицируются и ограничиваются друг от друга с помощью парадигм. Дисциплины в социальных науках имеют, как правило, более одной парадигмы, и каждая обычно включает более чем одну теорию.

Интегрализм, учитывая природу его базовых идей, можно считать зарождающейся парадигмой (13). Эти идеи оригинальны, всеохватны, преодолевают дисциплинарные границы и фокусируются на особом и отличительном комплексе научных проблем.

Онтология и эпистемология интегрализма делают эту перспективу оригинальной и отличной от других. Базовая предпосылка интегрализма состоит в том, что научная деятельность может быть насыщена верой, а не только разумом и чувствами. Наличие веры как компонента в интегрализме влечет включение в него идей из мировых религий, релевантных социальным наукам. Хотя в какие-то периоды истории и в каких-то культурах бытовали иные виды интегрализма, интегральная онтология и эпистемология делают его оригинальным и отличным от доминирующих школ мысли в социальных науках в нашу историческую эпоху.

Интегрализм в социальных науках всеохватен, поскольку идеи, основанные на вере, могут быть инкорпорированы на всех уровнях научной практики, от метаэпистемического до эмпирического. Например, такие идеи, как добродетель или благожелательная любовь, могут использоваться как ценностные послышки, соединяться с разными теоретическими традициями, входить в качестве зависимых или независимых переменных в

теоретические или операциональные положения и изучаться разными исследовательскими методами. Инкорпорация и постановка в центр внимания идей, почерпнутых из религиозных традиций, меняют направления научных усилий, меня базовые проблемы и темы конкретных исследований.

Потенциально преобразующая природа интегрализма устанавливается также широким диапазоном его потенциального применения. Интегральная теоретическая и исследовательская повестка дня преодолевает сложившиеся в социальных науках дисциплинарные границы. Она порождает научно значимые темы, которые могут быть исследованы в разных теоретических традициях, разных социальных науках и разных специальных областях этих дисциплин. Например, тема справедливости может быть исследована как психологическая склонность, как переменная в социальном взаимодействии, как критерий для сравнения разных обществ, как компонент экономических или политических систем. В такой конкретной дисциплине, как социология, справедливость может исследоваться в таких специальных областях, как брак, формальные организации, система уголовного правосудия, расовые отношения и социальная стратификация. Таким образом, интегрализм может объединить социальные науки в общем теоретическом и исследовательском предприятии, включающем профессиональные, критические, прикладные и публичные аспекты научной практики.

Тезис XI: Социальные ученые находятся в стратегически важной позиции, чтобы внести вклад в реконструкцию

Предпринятый Сорокиным анализ кризиса общества и культуры нашей исторической эпохи (41) дает социальным наукам призыв к действию. С его точки зрения, доминирующая чувственная культура, сконцентрированная на идее о том, что материальное есть важнейшая реальность и ценность, миновала пик своей креативности. Она не дает необходимых универсальных ценностей и обязывающей нормативной структуры, нужной для социальной солидарности и мирных межличностных, межгрупповых и международных отношений (41; 43, с. 119–131; 64).

Но рождается новая культура, основанная на иных идеях реальности и ценности (41, с. 315–321; 44, с. 107–108; 59; 64). Согласно своей теории культурного изменения, Сорокин описывает предпочтительную форму этой культуры как интегральную / идеалистическую. Преобладающее определение природы реальности соединит материальное, смысловое и трансцендентное в гармоничную систему. Это будет культура, в которой истина веры и религиозные идеи займут в структуре культурной интеграции место, близкое к центру. Система истины и знания будет интегральной. Релятивизированные ценности и нормы преобладающей культуры будут там, где это необходимо, заменены более универсальными. Больший упор будет сделан на трансцендентальные ценности и важность альтруи-

стической любви. Проблемы, связанные с чувственной культурой – такие как крайняя степень имущественного неравенства, подрывающая благосостояние больших сегментов населения, нестабильность и частая разрушительность межличностных, межгрупповых и международных конфликтов, – будут в такой культуре в значительной степени смягчены.

Теория культуры Сорокина гласит, что фокальной точкой интеграции является культурная предпосылка относительно природы реальности (37, с. 3–101; 53, с. 2–39). Этот аспект культуры наиболее явным образом относится к системе истины и веры. Эта часть культуры включает социальные науки и ставит социальных ученых в стратегическую позицию по отношению к реконструкции. В этой ключевой позиции есть два аспекта. Во-первых, Сорокин (44, с. 99–100) утверждает, что благодаря центральному положению системы истины и знания в культурной интеграции наиболее эффективным способом изменения всей культурной системы является изменение системы истины и знания. Таким образом, развитие интегральной школы социальной науки вносит прямой вклад в позитивное культурное изменение, двигая эту систему в сторону интегральной онтологии и эпистемологии. Во-вторых, социальные ученые имеют также возможность внести вклад в это изменение, донося знание и понимание до публики, и это может вести к уменьшению социальных бед, обогащению человеческого опыта, росту нравственности и альтруистической любви и, в целом, к прояснению эффективных средств достижения благотворных и вечных ценностей (44, с. 158, 234–235; 48, с. 473–480; 63; 64; 66, с. 147).

Литература

1. *Alexander J.C.* Theoretical logic in sociology: Positivism, presuppositions, and current controversies. – Berkeley: Univ. of California press, 1982. – Vol. 1. – 234 p.
2. *Alexander J.C., Colomy P.* Traditions and competition: Preface to a postpositivist approach to knowledge cumulation // *Metatheorizing* / Ed. by G. Ritzer. – Newbury Park (CA): SAGE, 1992. – P. 27–52.
3. Aquinas T. *Summa theologica*: In 5 vols. – Westminster (MD): Christian classics, 1981.
4. *Aristotle.* The basic works of Aristotle. – N.Y.: Random House, 1941. – 1487 p.
5. *Burawoy M.* Public sociologies: Contradictions, dilemmas, and possibilities // *Social forces*. – Chapel Hill (NC), 2004. – Vol. 82, N 4. – P. 1613–1626.
6. *Burawoy M.* For public sociology // *American sociological rev.* – Wash., 2005. – Vol. 70, N 1. – P. 4–28. (Рус. пер.: Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии* / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2008. – С. 8–51.
7. *Burawoy M.* Provincializing the social sciences // *The politics of method in the human sciences* / Ed. by G. Steinmetz. – Durham (NC): Duke univ. press, 2005. – P. 508–525.
8. *Ford J.B.* Sorokin as philosopher // *Pitirim A. Sorokin in review* / Ed. by P.J. Allen. – Durham (NC): Duke univ. press, 1963. – P. 39–66.
9. *Ford J.B.* Sorokin's methodology: Integralism as the key // *Sorokin and civilization: A centennial assessment* / Ed. by J.B. Ford, M.P. Richard, P.C. Talbutt. – New Brunswick (NJ): Transaction, 1996. – P. 83–92.
10. *Hick J.* An interpretation of religion. – New Haven (CT): Yale univ. press, 1989. – 412 p.

11. *Hunt A.B., Crotty M.E., Crotty R.B.* Ethics of world religions. – San Diego: Greenhaven, 1991. – 216 p.
12. *Jeffries V.* Virtue and the altruistic personality // Sociological perspectives. – Berkeley, 1998. – Vol. 41, N 1. – P. 151–166.
13. *Jeffries V.* The integral paradigm: The truth of faith and the social sciences // American sociologist. – N.Y., 1999. – Vol. 30, N 4. – P. 36–55.
14. *Jeffries V.* Foundational ideas for an integral social science in the thought of St. Thomas Aquinas // Catholic social science rev. – Steubenville (OH), 2001. – Vol. 6. – P. 25–47.
15. *Jeffries V.* Integralism: The promising legacy of Pitirim A. Sorokin // Lost sociologists reconsidered / Ed. by M.A. Romano. – Lewiston (NY): Mellon, 2002. – P. 99–135.
16. *Jeffries V.* Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology // American sociologist. – N.Y., 2005. – Vol. 36, N 3. – P. 66–87.
17. *Johnston B.V.* Pitirim A. Sorokin: An intellectual biography. – Lawrence: Univ. of Kansas press, 1995. – 380 p.
18. *Johnston B.V.* Sorokin's life and work // Sorokin and civilization: A centennial assessment / Ed. by J.B. Ford, M.P. Richard, P.C. Talbutt. – New Brunswick (NJ): Transaction, 1996. – P. 3–14.
19. *Johnston B.V.* Pitirim Sorokin's science of sociology and social reconstruction // Pitirim Sorokin: On the practice of sociology / Ed. by B.V. Johnston. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1998. – P. 1–55.
20. *Johnston B.V.* Integralism, altruism, and social emancipation: A Sorokinian model of prosocial behavior and social organization // Catholic social science rev. – Steubenville (OH), 2001. – Vol. 6. – P. 41–55.
21. *Krishna D.* Pitirim Sorokin and the problem of knowledge // Indian j. of philosophy. – Bombay, 1960. – Vol. 10, N 1. – P. 175–184.
22. *Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. – 2nd enlarged ed. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1970. – 210 p.
23. *Lakatos I.* Falsification and the methodology of scientific research programs // Criticism and the growth of knowledge / Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1970. – P. 91–196.
24. *Nichols L.T.* Science, politics, and moral activism: Sorokin's integralism reconsidered // J. of the history of the behavioral sciences. – Oxford, 1999. – Vol. 35, N 2. – P. 139–155.
25. *Nichols L.T.* Sorokin's integralism and Catholic social science: Concordance and ambivalence // Catholic social science rev. – Steubenville (OH), 2001. – Vol. 6. – P. 11–24.
26. *Nichols L.T.* Integralism and positive psychology: A comparison of Sorokin and Seligman // Catholic social science rev. – Steubenville (OH), 2005. – Vol. 10. – P. 21–40.
27. *Parsons T.* An outline of the social system // Theories of society / Ed. by T. Parsons, E. Shils, K.D. Naegle, J.R. Pitts. – N.Y.: Free press, 1961. – Vol. 1. – P. 30–79.
28. *Parsons T., Shils E.* Toward a general theory of action. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1951. – 506 p.
29. *Peterson C., Seligman M.E.P.* Character strengths and virtues. – N.Y.; Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 800 p.
30. *Pieper J.* The four cardinal virtues. – Notre Dame: Univ. of Indiana press, 1966. – 206 p.
31. *Post S.G.* Unlimited love. – Philadelphia: Templeton foundation press, 2003. – 232 p.
32. *Ritzer G.* Sociology: A multiple paradigm science. – Boston: Allyn & Bacon, 1975. – 234 p.
33. *Ritzer G.* Toward an integrated sociological paradigm // Contemporary issues in theory and research: A metasociological perspective / Ed. by W.E. Snizek, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. – Westport (CT): Greenwood, 1979. – P. 25–46.
34. *Schimmel S.* The seven deadly sins. – N.Y.: Free press, 1992. – 298 p.

35. *Sorokin P.A.* The sociology of revolution. – Philadelphia: Lippincott, 1925. – 428 p.
36. *Sorokin P.A.* Contemporary sociological theories. – N.Y.: Harper & bros, 1928. – 785 p.
37. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. – N.Y.: American book co., 1937. – Vol. 1. – 745 p.
38. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. – N.Y.: American book co., 1937. – Vol. 2. – 727 p.
39. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. – N.Y.: American book co., 1937. – Vol. 3. – 636 p.
40. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. – N.Y.: American book co., 1941. – Vol. 4. – 804 p.
41. *Sorokin P.A.* The crisis of our age. – N.Y.: Dutton, 1941. – 338 p.
42. *Sorokin P.A.* Man and society in calamity. – N.Y.: Dutton, 1942. – 352 p.
43. *Sorokin P.A.* Society, culture, and personality. – N.Y.: Harper & bros, 1947. – 742 p.
44. *Sorokin P.A.* The reconstruction of humanity. – Boston: Beacon, 1948. – 247 p.
45. *Sorokin P.A.* Social philosophies of an age of crisis. – Boston: Beacon, 1950. – 345 p.
46. *Sorokin P.A.* Altruistic love. – Boston: Beacon, 1950. – 253 p.
47. *Sorokin P.A.* Explorations in altruistic love and behavior. – Boston: Beacon, 1950. – 353 p.
48. *Sorokin P.A.* The ways and power of love. – Boston: Beacon, 1954. – 552 p.
49. *Sorokin P.A.* Forms and techniques of altruistic and spiritual growth. – Boston: Beacon, 1954. – 476 p.
50. *Sorokin P.A.* This is my faith // This is my faith / Ed. by S.G. Cole. – N.Y.: Harper & bros, 1956. – P. 212–227.
51. *Sorokin P.A.* The American sex revolution. – Boston: Sargent, 1956. – 186 p.
52. *Sorokin P.A.* Fads and foibles in modern sociology and related sciences. – Chicago: Regnery, 1956. – 357 p.
53. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics: One-volume edition. – Boston: Porter Sargent, 1957. – 718 p.
54. *Sorokin P.A.* Integralism in my philosophy // This is my philosophy / Ed. by W. Burnett. – N.Y.: Harper & bros, 1957. – P. 178–179.
55. *Sorokin P.A.* Social and cultural mobility. – Glencoe (IL): Free press, 1959. – 645 p.
56. *Sorokin P.A.* A quest for an integral system of sociology // Memoire du XIX Congres International de Sociologie. – Mexico: Comité organisateur du XIX Congres International de Sociologie, 1961. – Vol. 3. – P. 71–108.
57. *Sorokin P.A.* Reply to my critics // Pitirim A. Sorokin in review / Ed. by P.J. Allen. – Durham (NC): Duke univ. press, 1963. – P. 371–496.
58. *Sorokin P.A.* Sociocultural causality, space, time. – N.Y.: Russell & Russell, 1964. – 246 p.
59. *Sorokin P.A.* The basic trends of our times. – New Haven (CT): College & univ. press, 1964. – 208 p.
60. *Sorokin P.A.* Sociology of yesterday, today and tomorrow // American sociological rev. – Wash., 1965. – Vol. 30, N 6. – P. 833–843.
61. *Sorokin P.A.* Sociological theories of today. – N.Y.: Harper & Row, 1966.
62. *Sorokin P.A.* Declaration of independence of the social sciences // Pitirim Sorokin: On the practice of sociology / Ed. by B.V. Johnston. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1998. – P. 93–103.
63. *Sorokin P.A.* The causes and factors of war and peace // Ibid. – P. 265–278.
64. *Sorokin P.A.* The condition and prospects for a world without war // Ibid. – P. 279–291.
65. *Sorokin P.A.* Amitology as an applied science of amity and unselfish love // Ibid. – P. 302–304.
66. *Sorokin P.A., Lunden W.A.* Power and morality. – Boston: Sargent, 1959. – 204 p.
67. *Templeton J.* Agape love. – Philadelphia: Templeton foundation press, 1999. – 106 p.

68. *Tiryakian E.A.* The significance of schools in the development of sociology // Contemporary issues in theory and research: A metasociological perspective / Ed. by W.E. Snizek, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. – Westport (CT): Greenwood, 1979. – P. 211–233.
69. *Tiryakian E.A. Pitirim A. Sorokin* on social change // Encyclopedia of sociology / Ed. by G. Ritzer. – Malden (MA): Blackwell, 2006. – Mode of access to the Blackwell encyclopedia of sociology online: <http://www.sociologyencyclopedia.com/public/>
70. *Turner J.* The structure of sociological theory. – Belmont (CA): Wadsworth, 1991. – 661 p.
71. *Vitz P.G.* Psychology in recovery // First things. – N.Y., 2005. – Vol. 151, N 3. – P. 17–21.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

А.Ю. Долгов

**ПИТИРИМ СОРОКИН И РОБЕРТ МЕРТОН:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В НАУКЕ И В ЖИЗНИ**

Питирим Сорокин и Роберт Мертон – два классика социологии, проделавшие разные пути в науке – Мертон, оказавшийся на вершине научного Олимпа в годы популярности парадигмы структурного функционализма и монополии парсонсовской школы, и Сорокин, пытавшийся расширить границы социологии, включив в нее анализ культурных суперсистем и позитивных девиаций, подвергнувшийся за это острой критике, и, как следствие, забвению со стороны американских коллег.

Одна из главных тенденций, которую заложил Сорокин в науке, – это переход от классического представления об эволюционном развитии к циклистской «неклассической» социологии. Опираясь на личный опыт наблюдения за социальными кризисами (русская революция, Первая и Вторая мировые войны), он одним из первых включил в единицу анализа такую переменную как ценность, обозначив тем самым «культурный поворот» в науке.

В методологическом плане исследования Сорокина способствовали «смягчению» позиции «чистого эмпиризма», или, как он выражался, «квантофрении» в науке. В некотором роде уже при жизни Сорокин получил признание «эмпириков». Парсонс в письме Сорокину признавался: «Я уже давно считаю, что в по-настоящему важной теории в нашей области значительно больше сходств, чем различий, если мы возьмем на себя труд взяться за анализ основ» (4, с. 107). Сорокин в своих теоретических построениях создал «мостик», соединивший человека с его ценностями и глобальные изменения.

Трудно говорить о каком-либо идейном влиянии Сорокина на Мертона. В то же время стоит отметить, что становление Мертона-социолога происходило в Гарварде благодаря и при помощи Сорокина-руководителя. Сам Мертон в своей «Социальной теории и социальной структуры» называет Сорокина одним из шести коллег, у которых он «в особом долгу»: «Еще до того, как Питирим Сорокин погрузился в изучение всемирных исторических процессов (что представлено в его “Социальной и культур-

ной динамике”), он помог мне избавиться от узости кругозора, разрушив представление о том, что эффективное изучение общества ограничивается территорией Америки, и от подсказанного трущобами представления, что основная тема социологии заключается в изучении таких периферийных проблем общественной жизни, как развод и преступность несовершеннолетних. Я с радостью и честно признаю свой долг перед ним, который я еще не отдал» (2, с. 13–14).

Для Мертона существует «ранний» и «поздний» Сорокин, Сорокин до и после «Социальной и культурной динамики», к которой Мертон отнесся негативно, хотя и помогал в сборе статистических материалов. Однако для Мертона Сорокин никогда не переставал быть авторитетом в общественных науках, о чем свидетельствуют частые ссылки на его работы в той же «Социальной теории и социальной структуре», где научные теории Сорокина он анализировал наряду с теориями Маркса, Шелера, Мангейма, Дюркгейма и других классиков.

Хотя в своих воспоминаниях (3) Мертон довольно сдержанно отзывался о фигуре Сорокина, приведенная ниже переписка демонстрирует довольно теплые отношения между социологами. В письмах они по-дружески делятся поздравлениями в связи с выходом новых работ, рассказывают о своих семьях, делятся планами на будущее, просят оказать поддержку в той или иной ситуации.

О противоречивых отношениях между социологами свидетельствует надпись, на одномтомном переиздании «Динамики», которую Мертону прислал Сорокин. Мертон вспоминал: «Надпись была подчеркнута и, я думаю, не без симпатии, двусмысленна. Ее первая часть должна была напомнить о моем несогласии использовать сорокинскую теорию как тему моей диссертации; вторая намекала на наши очень тесные отношения в то время: я был молодым и трудолюбивым помощником в его преподавательской и исследовательской работе и даже ценителем его шедевра (хотя и не одобрявшим его). Надпись гласила: “Моему заклятому врагу и самому дорогому другу Роберту от Питириима”» (цит. по: 1, с. 167–168).

Если Мертон был и остается популярен, а его признание повсеместно, то ренессанс многих сорокинских идей начинает происходить только сейчас. В сентябре 2010 г. Республику Коми, родину Питириима Сорокина, в рамках работы над проектом «Возможности культурной социологии: Питириим Сорокин» посетили профессор Университета Киото Татибана Митикуни Оно и его ассистентка, доцент литературного факультета университета Тэйкё, Светлана Корнеева. В одной из бесед профессор Оно рассказал, что о Сорокине он узнал в 1960-е годы именно из работ Мертона и уже много позже, почти через 40 лет вновь заинтересовался творчеством русско-американского социолога. Между тем как и во всем мире, в Японии безоговорочным авторитетом в социологии был Парсонс, а Сорокин оставался «забытым мыслителем». Но события последних лет демонстрируют определенное оживление интереса к теориям Сорокина со сто-

роны ученых из разных стран. Об этом, в частности, свидетельствует и сам визит японского социолога, который получил грант от Японского общества содействия науке (Grant-in-Aid for Scientific Research (с), Japan Society for the Promotion of Science: JSPS) и дальнейшие планы по популяризации имени Сорокина в Японии, где планируется создание Научного собрания последователей Питирима Сорокина.

Интерес к творческому наследию П. Сорокина проявляется и в США, где в рамках Американской социологической ассоциации создается новая секция «Альтруизм и социальная солидарность». Цель секции состоит в том, чтобы способствовать теоретическому развитию и эмпирическому исследованию, имеющему отношение к альтруизму и социальной солидарности. Как сообщалось в официальных заявлениях и обращениях, работа секции во многом будет основана на научных достижениях русско-американского социолога Питирима Сорокина. Именно он в свое время стал пионером в области изучения амитологии и позитивных девиаций, в частности альтруизма, любви, самопожертвования и т.д.

В целом, понимание того, что структурный функционализм – лишь одна из возможных альтернатив развития общественных наук, – дает возможность по-новому взглянуть на многие моменты в творчестве «забытого мыслителя», а современные экономический, социальный и нравственный кризисы вновь возрождают актуальность работ по исследованиям созидательного альтруизма, необходимость которых доказывал П.А. Сорокин.

Литература

1. *Зюев Н.Ф.* «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. – Сыктывкар: Эском, 2009. – 237 с.
2. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. — М.: АСТ, 2006. – 880 с.
3. *Мертон Р.К.* Фрагменты из воспоминаний // СоцИс. – М., 1992. – № 10. – С. 128–133.
4. Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – 336 с.

ПЕРЕПИСКА П.А. СОРОКИНА И Р.К. МЕРТОНА¹

1. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, комиссия по социологии и социальной этике

Кембридж, шт. Массачусетс, 88 Вашингтон авеню
9 декабря 1930

Мой дорогой г-н Мертон!

Факультет социологии у нас еще только организуется и будет открыт в следующем академическом году. В университете довольно много стипендий и для студентов, и для выпускников. Они даются самым многообещающим и блестящим студентам-исследователям независимо от факультета (внеучебная деятельность имеет мало значения). Это значит, что Вам желательно подать заявку на стипендию в принятом порядке – со всеми Вашими публикациями, рекомендациями, прослушанными курсами, полученными оценками, Вашим преподавательским опытом, если таковой есть, и т.д.

Заявку можно послать либо мне, либо напрямую декану магистратуры.

Искренне Ваш,

П. Сорокин

2. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
15 июня 1931

Дорогой г-н Мертон!

С сожалением сообщая, что здесь (в Гарварде) нет *определенности* с «местами», по крайней мере, на факультете социологии. Преподаватель-

¹ В настоящую подборку включены дополнительные материалы, содержащие важную информацию о взаимоотношениях Питирима Сорокина и Роберта Мертона: письмо П.А. Сорокина Э.А. Россу (3), письма П. Сарджента (6) и Р.К. Мертона (7) друг другу, письмо У.М. Макпика Р.К. Мертону (29).

ские и подобные им позиции все заняты. По случаю Вы можете получить какую-то работу, но шансы невелики (особенно на следующий год; как-никак времена депрессии). *Для Вас было бы мудрее, планируя свое будущее, не ждать здесь никакой университетской работы.* Если бы Вы все же смогли к нам прийти и какая-то работа затем появилась, то это было бы славно. Или же если бы Вам удалось оказаться в иной финансовой ситуации. Сожалею, что мы не можем предложить Вам большего, но стипендия – это все, что мы можем Вам дать и гарантировать.

Искренне Ваш,
П.А. Сорокин

3. П.А. Сорокин – Э.А. Россу**

Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
18 февраля 1932

Профессору Э.А. Россу
Университет Висконсина,
Мэдисон, шт. Висконсин

Дорогой профессор Росс!

С удовольствием рекомендую Вашему благосклонному вниманию г-на Роберта К. Мертон, выпускника университета Темпла, в котором он учился на факультете социологии и сотрудники которого его нам рекомендовали.

В настоящее время г-н Мертон проводит дипломное исследование на факультете социологии, преимущественно под моим личным руководством. На середину учебного года у него были только отличные оценки, и, вероятно, он лучший из наших выпускников этого года. Мне определенно хотелось бы оставить его здесь, но я не уверен, что мы можем предложить ему достаточно большую стипендию, чтобы он имел возможность остаться еще на один год.

Искренне Ваш,
П. Сорокин

4. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
23 мая 1933

Дорогой г-н Мертон!

Разумеется, я нисколько не возражаю против того, чтобы Вы остались ввиду болезни со своей семьей; надеюсь, все будет хорошо.

Буду рад получить от Вас законченный материал, над которым Вы для меня работаете.

Искренне Ваш,

П. Сорокин

5. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, факультет социологии

Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс

22 января 1936

Д-ру Роберту К. Мертону

Эмерсон-Холл

Кембридж, шт. Массачусетс

Дорогой д-р Мертон!

Могу ли я попросить Вас быть членом рабочей комиссии по подготовке вопросов к экзаменам вместе с д-ром Джослином и д-ром Парсоном? За эту дополнительную работу я попрошу декана добавить Вам 100 долларов к жалованию как внештатному ассистенту.

Искренне Ваш,

П. Сорокин

6. П. Сарджент – Р.К. Мертону**

Бостон, Бикон-стрит, 11

6 июня 1939

Г-ну Р.К. Мертону

1837 Трапело-роуд

Уолтхем, шт. Массачусетс

Дорогой г-н Мертон!

Через многих Ваших друзей я чувствую себя хорошо с Вами знакомым, и мне очень жаль слышать, что Вы перебираетесь из Гарварда в Тулейн.

Поскольку Вы, вероятно, ничего обо мне не знаете, вложу несколько страниц из своего прошлого года обзора ситуации в Гарварде; возможно, Вам будет интересно взглянуть.

В обзоре «Образование 1939: Реалистическая оценка», опубликованном отдельно в качестве части 23-го издания моего Справочника, содержание которого я тоже вкладываю в письмо, я разбираю все это подробнее.

Если эта тема и моя интерпретация покажутся Вам интересными, я был бы очень рад выслать Вам полный экземпляр. Ваш комментарий будет для меня тем ценнее, что Вы уезжаете, а я собираюсь дальше развивать эту тему в очередном издании «Human Affairs», которое вскоре увидит свет.

С искренним восхищением Вашей работой и пожеланием блестящего будущего,

преданный Вам,
Портер Сарджент

7. Р.К. Мертон – П. Сардженту**
1839 Трапело-роуд, Уолтхем, шт. Массачусетс
10 июня 1939

Дорогой г-н Сарджент!

Хочу поблагодарить Вас за любезное письмо и выразить свой интерес к Вашему исследованию образования. Я мог бы откровенно добавить, что, хотя тоже не разделяю некоторых теорий Сорокина, все же не могу согласиться с Вашей оценкой его работы. Но этот вопрос вряд ли можно обсудить на нескольких страницах. Если с моей стороны нужны конкретные комментарии к Вашим мыслям о «Human Affairs», то можете быть уверены, что я Вам их вышлю.

Искренне Ваш,
Р.К. Мертон

8. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс
2 октября 1939

Профессору Роберту К. Мертону
Тулейнский университет
Новый Орлеан, Луизиана

Мой дорогой Мертон!

Прежде всего, пора, наконец, отбросить все эти «доктор» и «профессор». К тому же пальмы с собой не заберешь, да и ничего они не стоят. Для меня они все равно что бутафорские деревья, на которые я не променяю ни одну из своих азалий, но это, конечно, предрассудок северянина. Я рад, что у Вас в Луизиане, видимо, все хорошо. Я бы даже не считал пользование косметикой оскорблением для г-жи Мертон. В конце концов, это выражение безбрежного южного гостеприимства! Не знаю, согласитесь ли Вы с этим толкованием, Вы ведь Чувственный человек, а я все еще на идеалистической стадии.

Еще до того, как земля покрылась снегом и льдом, обоих вас дома и на факультете часто вспоминали. С Вашим старым семинаром дела обстоят неплохо. Специализирующихся студентов, выпускников, записавшихся примерно столько же, сколько и в прежние годы, если не больше. Конечно, Ваш уход будет какое-то время ощущаться, но тут уж ничего не поделаешь.

Что до меня, то у меня было лето, полное тихого прозябания. По возвращении из отпуска я простудился, опять, по обыкновению, поднялась температура, и пришлось пару дней сидеть дома. Теперь температура спала, и я могу нормально продолжить работу.

С наилучшими пожеланиями Вам и госпоже Мертон,
искренне Ваш,
Сорокин.

9. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Винчестер, шт. Массачусетс, Клифф-стрит, 8
январь 1940 (без даты)

Дорогие Мертоны!

Примите мои сердечные поздравления!

Всем от нас наилучшие пожелания, особенно Стефани – желаем ей счастливого и ровного путешествия по тернистой и ухабистой дороге жизни, которая перед нею простерлась!

Теперь Роберт узнает кое-что о второй «фазе» Семейной жизни, по крайней мере столько, чтобы суметь прочесть хороший курс о Семей.

7 7/8 фунта – отличное начало для новорожденной!

От всего сердца,
Сорокины

10. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину**
28 января 1940

Дорогой П.А.!

Хочу первым делом поблагодарить Вас за добрые пожелания в связи с рождением Стефани. Я уже понял, что на небе и на земле много больше, чем мнилось нам в нашей философии до ее появления. Между тем она оказалась очень тактична и позволяет мне теперь каждую третью ночь восстанавливать силы после напряжения предыдущих ночей.

Я не писал Вам еще о начале работы в Ньюком-колледже (это что-то вроде Радклиффа при Тулейне), полагая, что кандидатами на места там будут люди, которых я знаю по годам, проведенным в Кембридже. Главная трудность с этой работой состоит в том, что у меня не будет права

принятия окончательного решения при подборе сотрудников, поскольку на должность я назначен именно в Ньюкоме, а не в самом Тулейне. Решения принимаются деканом Ньюкома. Тем не менее я предложил кандидатуры Мура и Демерата и надеюсь на лучшее. В ближайшие недели декан не будет рассматривать эти предложения, и за это время Вы могли бы существенно помочь мне, если бы прислали рекомендательное письмо на этих людей. Такое письмо послужило бы поддержкой моим рекомендациям, показав, что я разделяю мнение декана факультета, на котором я прежде работал.

Разумеется, я был занят неизбежной «административной» рутинной, но надеюсь в скором времени вернуться к своей работе. По какой-то странной причине «Американский социологический журнал» попросил меня написать рецензию на второй том трехтомника Тойнби «Изучение истории». На мой взгляд, книга весьма впечатляющая, хотя в некоторых частях и хаотичная. Не считаете ли Вы примечательным, что Ваши и его исследования появились практически одновременно? Было бы поучительно – хотя и крайне трудно – сравнить проблемы, методы, материалы и выводы этих двух исследований. У меня есть впечатление, что они отчасти параллельны друг другу, отчасти пересекаются, а отчасти совершенно отделены и почти никак друг с другом не связаны.

Но не буду обременять Вас слишком длинным письмом. Моя супруга присоединяется ко мне в наилучших пожеланиях всей четверке Сорокиных.

Ваш,
[Р.К. Мертон]

11. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину**
6 декабря 1940

Профессору Питириму А. Сорокину
Клифф-стрит, 8
Винчестер, шт. Массачусетс

Дорогой П.А.!

Удивительно, как много времени прошло с тех пор, как я последний раз писал Вам о новостях, касающихся одной из гарвардских колоний на Юге. С тех пор много чего произошло: несколько месяцев среди индейцев-сапотеков в Мексике; экзотический тропический недуг (под названием спру), от коего я теперь уже полностью оправился; наконец, но не в последнюю очередь, моя дочь выросла и стала юной леди.

С огромным интересом прочитал Вашу обзорную статью о Тойнби и еще раз полностью убедился в том, что было бы очень поучительно провести детальное сравнительное исследование современных философий истории, в том числе, по крайней мере, Тойнби, Шпенглера и Вашей в ка-

честве основы. Я чувствую, что в каких-то отношениях Тойнби пытался решить другие проблемы, нежели решаемые в «Динамике». Его исследование правильнее было бы назвать «вопросами» социальной истории. Например, он уделяет сравнительно мало внимания культурным продуктам рассматриваемых им разных цивилизаций; похоже, его в первую очередь интересуют социальное взаимодействие, социальные отношения и социальная организация. В этом смысле значительная часть того, что сделали Вы, практически не имеет в его работе аналогов. (В этом отношении Ваша работа, как мне кажется, гораздо ближе к шпенглеровской.) Во-вторых, поскольку он интересуется, прежде всего, социальной организацией, он уделяет больше внимания, чем Вы, теме социальных классов (это, например, его концепция «творческого меньшинства», различных типов пролетариата и т.д.), которой Вы касаетесь лишь походя в третьем томе. Опять же, у него есть в лучшем случае вольное понимание *социального* взаимодействия (на уровне социальной организации) и, как Вы отмечаете в своем обзоре, нет понимания проблем, связанных с *культурной* интеграцией. Но не буду продолжать дальше, это и так для Вас совершенно очевидно.

Год этот выдался очень приятным, отчасти потому что я все время был чем-то занят. Я согласился написать книгу о социальной структуре для «Джинна» в серии, которую редактирует Макайвер. Недавно Бёрджесс из Чикаго попросил меня написать монографию в серию Совета по социально-научным исследованиям, в которой Блумер опубликовал критику «Польского крестьянина». Задача поставлена интересная, поэтому я согласился над ней поработать, хотя мне, наверное, следовало бы тщательнее ограничивать свои обязательства.

Когда выйдет запланированный четвертый том? Барбер и Джонсон сказали мне, что, когда они уезжали из Кембриджа, он был уже завершен; так что в ближайшее время буду ждать вестей о его публикации.

Демерат превосходно работает в Ньюком-колледже. Он очень хороший преподаватель, я слышал весьма лестные отзывы о его работе. В переработке диссертации он, насколько я понимаю, продвинулся больше чем наполовину. Джонсону и Барберу полученный в этом новом «культурном ареале» опыт, похоже, пошел на пользу. Надеюсь, Вы сочтете возможным, чтобы они после года, прожитого в «провинции», вернулись для получения степеней в Гарвард. Теперь я больше, чем когда-либо, уверен в том, что оба они очень способные и в высшей степени надежные студенты.

Не планируете ли приехать на Рождественские встречи в Чикаго? Я хотел бы, чтобы Вы выступили с обращением на Общем собрании; надеюсь, Вы там будете. Буду ждать встречи с Вами, первой с последнего Рождества.

Наилучшие пожелания от нас с Сюзанной г-же Сорокиной.

Искренне Ваш,
[Р.К. Мертон]

12. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, факультет социологии

Эмerson-Холл, Кембридж, шт. Массачусетс

12 декабря 1940

Дорогой Роберт!

Получил Ваше письмо, как всегда интересное. Мы рады, что дела у всех Мертонов идут хорошо. Недавно вспоминали о Вас в связи с Летней школой, но зная о Вашей занятости и не будучи уверенными в том, что Вы приедете, решили этим летом Вас не беспокоить; но это не гарантия того, что мы не побеспокоим Вас в не столь уж далеком будущем.

Ваши замечания насчет Тойнби и «Динамики» любопытны. Мне было приятно получить письмо от Тойнби по поводу моего обзора, который он увидел и прочитал. Тойнби пишет, что это единственная рецензия, в которой «точно схватывается, что именно я пытался сделать, и Ваши критические замечания предельно ясны, поскольку фундаментальны», и т.д. Сейчас он в Оксфорде и сосредоточился на теме войны. Кое-какие параллели в наших работах уже отмечены некоторыми несоциологами. Одно из таких сравнений вкупе с критикой дано в недавно опубликованной книге У.Ф. Олбрайта «От каменного века к христианству» (John Hopkins Press). В прочитанных мною немногочисленных работах несоциологов я нахожу гораздо лучший анализ, чем в работах таких социологов, как Г. Беккер, Н. Симс и др.

Четвертый том только что пошел в печать и выйдет, наверное, где-то в марте или апреле. Примерно тогда же я ожидаю выхода еще одной книжки, «Сумерки чувственной культуры: Нынешний социальный и культурный кризис»; она неожиданно родилась при подготовке к Лоуэлловским лекциям на эту тему, которые должны быть прочитаны в феврале. Это своего рода обобщенная, упрощенная и сокращенная «Динамика», нацеленная на анализ Нынешнего Кризиса и предназначенная для несколько более широкой аудитории. Третью монографию – «Схема опорных принципов социологии: время, пространство и причинность и т.д.» – я рассчитываю завершить во втором семестре. Я собирался опубликовать ее как пятый том «Динамики», но в конце концов решил, что лучше будет выпустить ее отдельной книгой. Всем этим плюс кое-какими статьями я был и буду занят весь учебный год. Надеюсь справиться со всеми этими планами, а уж затем, если Провидению будет угодно, провести лето, ничего не делая, на природе.

Здесь, на факультете, ситуация в каком-то смысле очень хорошая, а в каком-то не совсем. У нас сейчас специализируются 87 студентов – больше, чем когда-либо, и 31 студент в магистратуре – тоже больше, чем когда-либо. Занятий, по крайней мере у меня, стало гораздо больше, чем раньше. В то же время штат преподавателей съезживается. Тимашев ушел, Хатчинсон тоже; у Хоманса две трети времени уходит на совместное ис-

следование с Мэйо, а в следующем году, наверное, будет уходить все; Хартшорт, вероятно, возьмет академический отпуск. Так вот и обстоят у нас дела: студентов становится все больше, преподавателей – все меньше. На второй семестр мы пригласили Лумиса прочесть два полукурса, а если приток студентов не уменьшится, то, видимо, нужно будет пригласить на следующий год кого-то еще.

Рад, что у Демерата, Барбера и Джонсона все складывается хорошо. Если они планируют вернуться сюда и если дела – финансовые и прочие – сложатся удачно, то им, естественно, будет уделено все внимание и оказана любая возможная помощь; но Вы ведь сами знаете, насколько в наши дни неопределенны всякие перспективы. Среди наших нынешних выпускников некоторые очень многообещающие.

Коль скоро Вы планируете быть в Чикаго, то там мы и встретимся. Я буду там по программе Общества, а также Католического социол[огического] общ[ества], и кроме того еще братства Р.Г.М. Я собираюсь приехать утром 28-го и останусь до полудня 29-го.

Там и поговорим подробнее. Буду с интересом ждать Вашей книги о социальной структуре. Это малоработанная область знания важна и многообещающа.

Наилучшие пожелания всем Мертонам от всех Сорокиных, передавайте от нас привет всем остальным гарвардцам на Вашем факультете.

Искренне Ваш,
Питирим.

Р.С.: На Летнюю школу мы пригласили Фреда Фрая из университета штата Луизиана. Он принял приглашение.

13. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину**
10 октября 1945

Дорогой Питирим!

Было очень любезно с Вашей стороны дать подробный комментарий к моей статье по социологии знания. Ваши комментарии согласуются с некоторыми моими (слишком краткими) замечаниями относительно Вашей теории, но не целиком. В каком-то смысле отправным для меня является как раз тот пункт, который Вы планируете принять в своей «Системе», а именно необходимость *размещения* различных культурных ценностей в различных социальных группах внутри общества. Мне кажется, что о «скоплениях» лучше говорить в первую очередь при постановке проблемы исследования. Эти не связанные друг с другом скопления можно рассматривать как «отклонения» от «центральных тенденций» (доминирующей ценностной системы) данной культуры. Если так, то сразу возникает проблема: можем ли мы вообще объяснить эти девиации? И здесь, я бы предположил, возникает необходимость обратиться к *социальным*

основаниям этих отклоняющихся ценностей: обладают ли ими какие-то особые группы или слои общества? И почему эти группы, а не другие? Не приобретают ли эти сдвиги в социальных группах и слоях культурное лидерство? Посредством каких процессов эти новые «культурно властвующие группы» возникают и обретают культурное господство над обществом или даже целой эпохой? Все это очень тезисно, но здесь угадывается направление дальнейших исследований, которое, как мне представляется, заложено в Вашей теории. Иначе говоря, как Ваша работа со *степенью* интеграции внутри культур знаменует несомненный шаг вперед по сравнению с прежними попытками говорить о целых культурах так, как если бы они были неизменно интегрированными, так и следующий шаг вперед – это исследование единообразий в *типах групп и слоев*, интегрированных и не интегрированных с центральными, доминирующими ценностями общества. Более основательная работа с социальным параметром прояснила бы также процессы социального и культурного изменения.

Такие краткие ремарки могут звучать недостаточно догматично. Я и не хотел бы, чтобы они таковыми были. Но при этом убежден, что эти линии развития определенно заложены в Вашей теории, и если двинуться в этом направлении, то это позволит избавиться от эманационистских аспектов Вашей теории. Надеюсь, характер поставленных мною вопросов ясен.

Мне, разумеется, было очень интересно услышать о том, что нового намечается в Гарварде. Я знал, что Вы подумываете об увеличении штата, но Парсонс не говорил мне, что рассматривается моя кандидатура. Сразу скажу, что полностью понимаю вопросы, поднятые Вами в связи с моим возможным приглашением. Согласен, что факультеты должны стремиться к некоторому «балансу» интересов и специальных умений сотрудников. (Наш факультет, естественно, рассматривает в настоящее время ту же проблему: каким будет наиболее эффективное распределение интересов?) Но, честно говоря, я не думаю, что мои интересы пересекаются с интересами нынешних сотрудников гарвардского факультета настолько, насколько они с ними пересекались лет шесть-семь назад. Так вышло, что мои исследования в последние годы были сосредоточены на проблемах социальной организации, ее связях с «социальной психологией» (мнениями, установками и т.д.), методах полевых исследований, сочетающих «количественные» и «качественные» материалы, и т.д. Этот опыт помог и продолжает помогать мне в переводе теоретических идей в плоскость надлежащей эмпирической их проверки через посредство полевых исследований.

Коль скоро встал вопрос о факультетском балансе, то, может быть, Вас заинтересует точка зрения, получившая развитие в Колумбии. Мы движемся к тому взгляду, что факультет социологии будет более эффективным, если откажется от попыток «охватить» *все* содержательные области социологии. Один-другой курс по каждому из бесчисленных предметов не даст студенту ни компетентности, ни кумулятивного иссле-

дования; скорее он приведет к поверхностности и невежеству. Мы считаем желательным сосредоточить интересы нашего факультета на трех-четырех областях и целенаправленно отказаться от других «традиционных» курсов. Для адекватного охвата всего круга предметов потребовалось бы держать в штате от 15 до 18 человек – но такая возможность, во всяком случае, в Колумбии, не кажется реалистичной. (Довольно интересно, что наш «старший» сосед, история, имеет факультет такого размера и, стало быть, может шире охватить весь спектр специальных областей. Социологии же как сравнительному новичку все еще приходится бороться за штат численностью 7–8 человек.) При меньшем штате, видимо, другого выбора нет. Следуя этому плану, каждый крупный университет стал бы центром развития каких-то областей социологии, а студенты выбирали бы тот или иной из факультетов в зависимости от своих интересов. Иначе говоря, мы движемся к континентальной системе, где каждый факультет культивирует свои особые акценты и интересы. Нам было бы полезно знать Ваше мнение по поводу этого общего плана.

Я не знал о Вашей переписке с Макайвером, Линдом и др., но мне, разумеется, было очень интересно о них услышать. Прошлой весной меня рекомендовали к продвижению, и в июле это наконец случилось. Мы тоже в настоящее время сталкиваемся с проблемой нехватки штатных сотрудников. Начать с того, что все мы чрезмерно перегружены работой со студентами, но тут еще и совершенно неожиданная кончина Уоллера, усугубившая проблему. Похоже, по всей стране будет происходить общее укрупнение факультетов социологии, во всяком случае исходя из того, что я слышал.

Я заметил оживление интереса к «Кризису». Похоже, война заставила многих задуматься о базовых проблемах нашего больного общества. Если это так, то мне думается, что «Кризис» ждет непрерывная череда переизданий. И, насколько можно судить по переводам, то же самое будет происходить, по всей вероятности, и в европейских странах.

Как Вам удастся так много работать и при этом вести полноценную, насыщенную жизнь (с музыкой, садом, семьей и т.д.) – этого я никогда не понимал и до сих пор не понимаю. У меня время настолько уплотнилось, что мне всякий раз приходится жертвовать в жизни чем-то одним ради чего-то другого. Но, может быть, решение приходит вместе с растущим осознанием ценностей, когда разные вещи расставляются по своим местам.

Наши наилучшие пожелания г-же Сорокиной – у Сью и детей (Стефани и Роберта) все благополучно.

Ваш,
Роберт

14. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, факультет социологии
Эмерсон-Холл, Кембридж 38, шт. Массачусетс
4 июня 1946

Дорогой Мертон!

Спасибо за перепечатку «Фокусированного интервью». Эта проблема отчасти связана с одной из важных подпроблем нашего исследования «того, что делает людей хорошими» (проблем межличностной и межгрупповой солидарности и альтруизма), которое я сейчас организую, а именно вот какой проблемой: почему идеологическое внедрение данной нормы поведения в одних случаях ведет к ее практикованию во внешнем поведении человека или группы (когда между идеологическим и поведенческим аспектами нормы перебрасывается каузальный ремень) и почему в других случаях норма остается всего лишь идеологическим представлением человека, не становясь частью его поведенческой культуры.

Несмотря на широкое изучение пропаганды (и солидарности), знания по этой проблеме и более широкой проблеме солидарности, которыми мы располагаем, еще очень скудны, а потому не дают нам эффективного метода преобразования внешнего поведения людей и групп в желаемую сторону. Это хорошо подтверждается обилием диких межличностных, межгрупповых и международных конфликтов в нашу эпоху и совершеннейшим бессилием благодушных «недель братства» и иных говорильных техник в борьбе с конфликтами. Убежденный в том, что без реальной альтруизации внешнего поведения людей и групп невозможны никакой долгосрочный мир и никакое «братство» и что катастрофу грядущих войн предотвратить нельзя, я решил впредь посвятить свое свободное время изучению проблемы солидарности, которую, в свою очередь, можно разбить на множество подпроблем, одной из которых является вышеуказанная.

На прошлой неделе я разослал американским, французским, испанским и чешским издателям копии рукописи моей книги «Общество, культура и личность: Их структура и динамика» («Система общей социологии»); теперь же предпринимаю предварительные шаги для организации и координации исследований (солидарности) ряда специалистов, интересующихся теми или иными сторонами этой проблемы. Один из моих читателей дает мне на это дело \$20 000, и эта сумма, скорее всего, возрастет благодаря вкладам других моих читателей (не считая средств от фондов, в которые я заявок пока не подавал). Я собираюсь расходовать эти средства в форме небольших грантов для финансовой поддержки исследований других ученых, интересующихся теми или иными подпроблемами этой большой проблемы. Я уже установил сотрудничество с несколькими специалистами в Гарварде и вне его.

Если кто-то из молодых ученых вокруг Вас или Вы сами изучаете вдруг какие-то подпроблемы солидарности и если эти исследования обещают быть плодотворными, а для их реализации требуется небольшая финансовая поддержка, то я был бы рад узнать о таких исследованиях и по возможности немного помочь деньгами. Разумеется, исследования останутся авторскими; только, наверное, желательно будет опубликовать их вместе в форме книги или серии книг.

Темы, методы, техники всех исследований открыты для творчества и экспериментирования. Надеюсь, однако, что это будут экспериментальный, полужэкспериментальный и клинический подходы (поскольку статистический метод, видимо, менее плодотворен для открытия причинных связей).

Мое и другие исследования, пока лишь разведочные, должны начаться осенью. На данный момент я должен их организовать. Если в распоряжении у нас окажутся значительно большие средства (что вероятно), то нужно будет учредить официальный исследовательский институт или фонд для изучения солидарности с попечительским советом и членским составом, включающим всех ученых, работающих над этими проблемами. Такой институт или фонд должен быть «междоминационным», не привязанным ни к какому университету или институту (чем-то наподобие Фонда исследования рака). Но это дело будущего, сейчас же я счел нужным сказать Вам об этом ввиду того, что некоторые Ваши исследования связаны с этой общей темой.

Я рад, что завершил, наконец, свою «Систему», от которой смертельно устал. Кроме того по какой-то неведомой причине меня в последние месяцы завалили множеством (порядка 23-х) предложений зарубежных издатели; они просят предоставить им права на перевод моих трудов («Мобильности», «Теорий», «Кризиса», «Системы», «Динамики») на французский, румынский, польский, испанский, чешский, итальянский, португальский языки. Около 16 переводов уже делаются (кроме многочисленных предыдущих). Этой зимой и весной мне сильно досаждали мои «таинственные» подъемы температуры. Чувствуя усталость и имея теперь глубокое отвращение ко всякой писанине, я собираюсь уехать на все лето на виллу (ориентировочно 20 июня), а затем, осенью, надеюсь приступить к своим исследованиям.

Наилучшие пожелания от всех нас всем Мертонам!

Искренне Ваш,
Сорокин

15. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

1 октября 1949

Доктору Р. Мертону
424 Файеруев

Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Благодарю Вас за присланный экземпляр Вашей книги. Я очень рад, что она вышла. Оставляя в стороне комплименты я тем не менее очень высоко оцениваю ряд исследований, приведенных в этой работе, и искренне Вас поздравляю.

Как Ваши дела? Надеюсь, что Ваше сердце находится в хорошей форме. Пожалуйста, не перегружайте его и заботьтесь о своем здоровье. Что касается Сорокиных, то у нас все нормально. Продолжается работа Исследовательского центра. Я только что отдал издателю том о «1000 американских добрых соседях» и «3090 христианских святых»¹ (статистические социологические исследования). Не прекращаются и другие мои исследования.

С наилучшими пожеланиями, сердечно Ваш

Питирим А. Сорокин

P.S. Получили ли Вы работу доктора Маке «Социология знания»²? Он достаточно много цитирует Ваши исследования в этой области. Я нашел эту книгу весьма основательной.

16. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

9 сентября 1952

Профессору Роберту Мертону

Департамент социологии

Колумбийский университет

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой профессор Мертон!

Чтобы удовлетворить Ваше любопытство, я высылаю Вам в отдельном конверте экземпляр работы Ф.Р. Кауэлла «История, цивилизация и культура: введение в философию истории и социальную философию Питирима А. Сорокина»³, которая представляет собой однотомное «сжатое» обобщение моих теорий.

Господин Кауэлл – ученый из Оксфорда, заместитель министра образования Великобритании, глава британской делегации в ЮНЕСКО и один из редакторов литературного приложения к лондонскому «Таймс». Я не знаком с ним лично. Насколько я могу судить, его «обобщение» сделано

¹ Имеется в виду работа: *Sorokin P.A. Altruistic love: A study of American good neighbors and Christian saints.* – Boston: Beacon, 1950.

² *Maquet J.J. Sociologie de la connaissance.* – Louvain: Nauwelaerts, 1949.

³ *Cowell F.R. History, civilization, and culture: An introduction to the historical and social philosophy of P.A. Sorokin.* – Boston: Beacon, 1952.

очень неплохо. Таким образом, кроме уже существующего большого количества научных и популярных работ о моих трудах и все возрастающего числа докторских диссертаций о моих исследованиях, сейчас они начали публиковать книги о моих книгах. В ближайшем будущем, насколько мне известно, еще пять работ будет опубликовано видными учеными из разных стран.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

17. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, Центр исследований
альтруистической интеграции и креативности
Эмерсон-Холл, Кембридж 38, шт. Массачусетс
16 сентября 1952

Дорогой Мертон!

Извините, что выслал Вам *Введение* Кауэлла в теории Сорокина. Если бы перед тем, как отправлять его, я прочитал *Библиографию по социологии науки* Мертон и Барбера, я бы определенно не стал посылать Вам книгу, вопиюще противоречащую Вашему упоминанию имени Сорокина в списке тех, кто внес вклад в социологию знания, и отводящую ему исключительно большое место в этой области и в области социальных наук вообще. Я бы не стал посылать книгу, ибо не хочу причинять неудобств ни Вам, ни Барберу, ни Шилзу (который тоже никогда не слышал о социологе Сорокине, судя по его памфлету), так же как и некоторым моим бывшим ученикам, которые, видимо, озабочены тем, как бы «вычеркнуть» имя и вклады Сорокина.

Насколько Вы можете увидеть из вложенного списка переводов моих работ, не говоря уже о десятках докторских диссертаций, сотнях статей и нынешнем нарастающем потоке монографий и книг о моих сочинениях, мир в целом, по-видимому, совершенно не согласен с этими «вычеркивающими». В каком-то смысле меня огорчает это противоречие, но что поделать: все эти переводы, статьи, диссертации и книги о моих книгах пишутся без всякого ведома с моей стороны.

Ваш покорный слуга,
Сорокин

18. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
16 сентября 1952

Дорогой Питирим!

Я только что получил Ваше сообщение, которое огорчило и глубоко ранило меня несправедливостью по отношению к Вам и ко мне. Отсутст-

вие ссылки на Вашу работу в библиографии по социологии науки было непростительной оплошностью, приведшей к обесцениванию всего списка книг. Я не понимаю, как это случилось. Конечно же, я знал, что целые главы в «Динамике» посвящены социологии науки, ведь Вы даже отвлекались от основного содержания, чтобы упомянуть мое содействие при написании этой части книги. Поэтому было бы бессмысленно для меня изобретать объяснение этой абсурдной ошибке. Я просто не представляю, как такое могло произойти. Хотя мои сожаления уже не исправят ошибки, тем не менее я хочу, чтобы Вы все-таки знали, насколько глубоко я об этом сожалею.

В то же время, с Вашей стороны говорить о том, что я ищу способы предать забвению Ваше имя и заслуги очень несправедливо по отношению ко мне. Я всегда с гордостью подчеркивал как одно, так и другое. Если же по какой-то нелепой случайности я не сделал ссылку на Вашу работу, можно предположить все что угодно, только не то заключение, которое Вы делаете на этом основании. Как только представлялась возможность, я всегда с радостью выражал Вам свою благодарность публично, так же как и выражал ее Толкотту Парсонсу, за личную помощь и консультирование, которые вы оба оказали мне, неопытному студенту, в счастливые гарвардские годы. Когда моя диссертация была опубликована, я пытался это выразить в предисловии. Более того, в той работе я цитировал П.А. Сорокина чаще, чем любого другого из ныне живущих социологов, и чаще, чем какого-либо социолога прошлого времени, за исключением Трельча, Зомбарта и Вебера (что было неизбежно ввиду самого предмета). Но, может быть, это объяснялось тем фактом, что тогда я еще был молодым преподавателем в Гарварде?

Держа это в уме, я обратился к своему указателю работ, который точно регистрирует степень интеллектуальной признательности, выраженной (или не выраженной) Вам как в социологии науки, так и в других областях. Здесь я еще раз убедился, насколько несправедливо Ваше обвинение в том, что я ищу возможности «замолчать» Ваше имя. В указателе к «Социальной теории и социальной структуре» я цитировал П.А.С.¹ двадцать два раза – вновь больше, чем я цитировал любого из ныне живущих социологов, что было превышено только Дюркгеймом, Марксом и Вебером среди социологов-классиков прошлого. Это должно объяснить мои чувства по поводу Вашего замечания.

Мне вспомнился еще один эпизод, имеющий отношение к данной теме. После приезда в Колумбийский университет меня попросили подготовить аналитический материал, дающий оценку социологии знания. Я сконцентрировал свое эссе на пяти фигурах, которые, как я полагал, каждая по-своему, сделала выдающийся вклад в эту область: Маркс, Шелер, Мангейм, Дюркгейм и Сорокин. То, что я включил в работу П.А.С., было

¹ П.А.С. (PAS) – Питирим Александрович Сорокин.

не актом преданности, но здравым суждением, что он вместе с остальными оказал заметное влияние на указанную область (если бы подобное влияние оказал Толкотт Парсонс, я бы включил его, как я это делал, когда видел, что такое имело место). И когда Маке написал свою книгу о Вашем вкладе в социологию знания, он искренне признался, что он нашел мое обсуждение Вашей работы очень полезным.

Я мог бы с тем же успехом привести и другие доказательства. Упомяну же все это только для того, чтобы объяснить, почему Ваше замечание поражает так болезненно. Оплошность, даже повторяющаяся, – это одно дело, но обвинение в систематическом пренебрежении значительной частью Вашей работы – совсем другое. У меня никогда не было намерения игнорировать или предавать забвению Вашу работу.

Ваше замечание особенно задело, поскольку к Вам и Толкотту Парсонсу я всегда испытывал огромную преданность. Подобное раздвоение, как Вы знаете, может привести к сильному напряжению. Я всегда это ощущал, но никогда не поступился бы ни одним, ни другим, даже если бы сложилась ситуация конфликта, что делало бы исключительно трудным сохранение обоих.

Обидно еще и потому, что Ваше сообщение пришло как раз в момент, когда я только собирался писать Вам, чтобы поблагодарить за книгу Кауэлла, прочитанную мной с большим интересом. Более того, поскольку я недавно начал собирать фотографии современных исследователей в области социальных наук, оставивших свой след в общественной мысли нашего времени, я в том же письме собирался просить Вашу фотографию, дабы повесить ее на стене моего кабинета наряду с портретами Парето, Дюркгейма, Вебера, Гилберта Мюррея, а также я надеялся добавить в мою маленькую коллекцию и фото Кребера. Таким образом, было большим потрясением среди всего этого получить Ваше письмо, обличающее мои побуждения, вместо того, чтобы просто привлечь мое внимание к оплошности, которой я несколько не горжусь. Если я раздосадовал Вас, то мне очень жаль, и я могу понять причины. Вместе с тем считал своим долгом сказать, что Ваше обвинение является абсолютно беспочвенным.

Я, конечно же, сделаю все, что Вы просите и приготовлю Кауэлла, чтобы вернуть Вам. В четверг я буду в университете и попрошу секретаря выслать Вам книгу.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Роберт Мертон

19. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**
Гарвардский университет, Центр исследований
альтруистической интеграции и креативности

Эмерсон-Холл, Кембридж 38, шт. Массачусетс
17 сентября 1952

Дорогой Мертон!

Прошу Вас не обращать внимания на мое вчерашнее письмо. Это была импульсивная, сиюминутная реакция раздражительного мелочного человека, который не смог удержать свое мелкое эго под контролем большего и более мудрого «Я».

Искренне Ваш,
Сорокин

20. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

18 сентября 1952

Специальная доставка

Профессору Роберту К. Мертону

111 Пайнкрест драйв, Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я надеюсь, что Вы получили мое второе письмо, написанное на следующий день после отправки моего первого письма и до того, как я получил от Вас ответ. Из этого второго письма, я надеюсь, Вы сможете понять, что я сожалею о своем первом послании и прошу не обращать на него внимания. Я очень благодарен Вам за Ваш ответ и еще раз приношу Вам свои извинения за мое первое письмо. Пожалуйста, оставьте у себя книгу Кауэлла.

С моими искренними и наилучшими пожеланиями Вам и всей семье Мертонов.

Искренне Ваш,
Питирим А. Сорокин

21. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111

22 сентября 1952

Дорогой Питирим!

Прежде всего, спасибо за сообщение, которое Вы послали мне еще до того, как получили мое письмо. Это был благородный поступок человека, выбирающего цельность собственной личности вопреки кратковременной удовлетворенности собственного «эго». Часто жизнь делает трудным выражение перед другими того, что мы чувствуем глубоко внутри.

Я поистине рад, что этот недавний эпизод произошел. Поскольку он позволяет мне сказать Вам, что я не забуду недавнее выражение Вашей подлинной личности, так же как я не забыл Ваше великодушие ко мне,

когда я был студентом полных двадцать лет тому назад. Более поздние разногласия никогда не сотрут это из моей памяти.

Как я уже писал Вам, мне бы очень хотелось получить Вашу фотографию, если у Вас на руках есть лишний экземпляр. Помимо просто желания ее получить, фотография содействовала бы моим усилиям оживить для моих детей истории людей, которые сделали современную социологию. Если же нет лишней, то я был бы признателен за возможность снять копию с одной из Ваших фотографий, если Вы ее пришлете на короткое время.

С наилучшими пожеланиями госпоже Сорокиной и с личной благодарностью Вам,
Ваш Роберт

22. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

5 ноября 1957

Профессору Роберту Мертону

Департамент социологии

Колумбийский университет

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я глубоко тронут Вашим письмом и Вашими двумя книгами с посвящениями, которые Вы мне любезно прислали. Они безошибочно демонстрируют Вашу искреннюю привязанность ко мне и настоящую дружбу. Что же до меня, то в моем сердце всегда есть теплый уголок для Вас и для госпожи Мертон. И я рад, что теперь мы выразили нашу взаимную привязанность друг к другу. Надеюсь, что эти нынешние отношения будут соединять нас и в будущем. Вам хорошо известно, что пока Вы были студентом, равно как и во время Вашей преподавательской работы, я считал Вас практически самым лучшим студентом среди всех выпускников Миннесоты и Гарварда. С великим интересом я следил за Вашим последующим ростом, который привел Вас к тому, что Вы заняли положение, возможно, наиболее влиятельного лидера американской социологии младшего и среднего поколений. Я рад видеть, что это лидерство сохраняется.

Хотя у меня есть первое издание Вашей «Социальной теории и социальной структуры», я счастлив иметь второе издание, улучшенное и дополненное. К настоящему моменту у меня было время только просмотреть работу, но в ближайшем будущем я собираюсь изучить специально ее новые дополнения.

Что до меня, то, кроме издания практически каждый год какого-либо нового труда, я также занят какой-нибудь легкой работой, связанной с многочисленными переводами моих работ на иностранные языки, крат-

ким изложением моей «Динамики», подготовкой нескольких статей, главным образом, для сборников статей по философии и религии, публикуемых издательством «Харперс», и, наконец, исследованиями и управлением маленьким Исследовательским центром и учреждением нового Общества исследования созидательного альтруизма, которое в октябре провело свою первую публичную конференцию в Массачусетском технологическом институте.

В добавление к этому, из многих приглашений почитать лекции, которые я получил из Сорбонны, университетов Рима, Бразилии, Мексики, от правительства Индонезии и университета в Джакарте, а также нескольких американских и других иностранных университетов и правительств, я принял только несколько приглашений от близлежащих университетов и колледжей на февраль и март – от университета Флориды, и на этот год – от четырех университетов Джорджии, где в эти месяцы как раз лучший сезон, а здесь – худшие зимние месяцы.

Как раз сейчас я пытаюсь закончить небольшую работу «Преступность правящих групп» для одного из нью-йоркских издательств. Я бы добавил, что я увеличиваю время своего досуга, главным образом, для сада (в прошлом апреле я получил золотую медаль за свой сад, что было отмечено полностраничной цветной фотографией в нескольких национальных журналах), а также для «ничего неделанья» в моей летней резиденции в Квебеке.

Вы правы – действительно «tempus fugit»¹. Ваша дочь уже в Рэдклиффе. Мой старший сын только что закончил все, что нужно для получения докторской степени по физике, и с сентября он работает с IBM в качестве ученого-физика, проводя исследования на темы, которые сам свободно выбирает. Мой младший сын, Сергей, сейчас учится на четвертом курсе в Медицинской школе в Гарварде, и на следующий год он собирается в интернатуру, главным образом, заниматься исследованиями, и не планирует становиться практикующим врачом².

Госпожа Сорокина несколько лет назад возобновила свою исследовательскую работу, которую она довольно успешно вела, и стала одним из ведущих исследователей в области цитологии.

Если будете в наших краях, Елена и я всегда очень рады Вас видеть с госпожой Мертон и Вашей дочерью. А пока с наилучшими пожеланиями от нас двоих вам двоим,

искренне Ваш,

Питирим А. Сорокин

¹ Время бежит (лат.).

² Сергей Питиримович Сорокин занимался исследованиями в области биологии клетки, в настоящее время сочиняет музыку.

23. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
2 января 1958

Дорогой Питирим!

Пару слов, чтобы пожелать Вам и Вашей семье хорошего нового года и сказать Вам, как мне понравилась маленькая зарисовка в «Нью-Йоркере». В ней удалось уловить суть подлинного и, что так непохоже на распространенную практику этих колонок, избежать фальшивого подтекста.

С наилучшими пожеланиями по этой и всем другим причинам,
Ваш Роберт

24. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
6 января 1958
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв
Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Спасибо за Ваше дружеское послание.

18 ноября я был вынужден выехать в Нью-Йорк на день и дать пять интервью для «Нью-Йоркер», для радиостанции «Нью-Йорк Таймс», «УОР Нетворк», «Ассошиэйтед пресс» и для Майка Уолласа¹. Заметка в «Нью-Йоркере» – один из результатов всех этих интервью. Вообще, во время Рождества несколько увеличился «урожай» работ обо мне и моих теориях.

За неделю до Рождества я получил норвежскую работу, озаглавленную «Kultur og Fred: Pitirim A. Sorokins Sosiale og Historiske Filosofi»², написанную доктором Йоханом Рейтцем Гьермо³ из Норвегии, посвященную мне и моим трудам. Затем я получил книгу французского профессора

¹ Майк Уоллас – известный американский тележурналист, комментатор CBS News, ведущий популярной общественно-политической программы «60 минут».

² «Культура и мир: Социальная философия и философия истории П.А. Сорокина» (норв.).

³ Йохано Рейтц Гьермо (Johanne Reutz Gjermoe, 1896–1989) – норвежский экономист. В 1964–1965 гг. был сотрудником Международного научно-исследовательского института Мира в Осло (The International Peace Research Institute, PRIO). В 1957 г. написал работу, посвященную исследованиям П.А. Сорокина в области социальной философии и философии истории (Gjermoe, Johanne Reutz. Kultur og fred. P.A. Sorokins sosiale og historiske filosofi. – Oslo: Norlis, 1957).

Мориса Крюбелье под названием «Sens de l'histoire et religion»¹, которая посвящена Огюсту Конту²⁹⁸, Тойнби, Нортропу и мне, где, по меньшей мере, четверть тома отведена мне. В начале декабря я получил только что вышедшую книгу профессора Кребера, наиболее авторитетного из ныне живущих американских антропологов, озаглавленную «Стиль и цивилизации», в которой от одной четвертой до одной трети работы вновь посвящена моим теориям. Не говоря уже о нескольких больших немецких репринтах статей из исторических журналов и так далее, посвященных проблемам античности и ее интерпретациям современными историками и философами истории. Эти книги и большие главы, все весьма хвalebные, стали для меня очень приятными рождественскими подарками.

Я, наверное, упоминал в предыдущем письме, что отклонил большинство предложений от американских, а также от европейских, латиноамериканских и восточных университетов и правительств, но все-таки принял приглашения от университетов Флориды и Джорджии на февраль и март будущего года; а на этот год принял приглашение на февраль от Университета Огайо и Гейдельбергского колледжа прочитать несколько лекций (немногочисленных, но весьма хорошо оплачиваемых). В последние несколько недель у меня обострился хронический ларингит и позавчера я был вынужден отменить лекции в Университете Огайо и в колледже в Гейдельберге. Но я все-таки надеюсь поехать в Джорджию и Флориду на семь или восемь лекций, а также вновь провести некоторое время во Флориде почетным гостем университета штата.

Сейчас я завершаю небольшую работу «Преступность и мораль правящих групп»². После этого планирую начать, возможно, мою последнюю значимую работу, посвященную имеющей сегодня место существенной переоценке всех основных ценностей, и особенно нравственных, которая будет рассматриваться с позиций моей интегральной философии. По всей видимости, эта работа займет следующие несколько лет.

Наилучшие пожелания Вам и госпоже Мертон, а также подрастающему поколению Мертонов в наступающем новом году.

Искренне Ваш,

Питирим А. Сорокин

25. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

24 февраля 1959

Профессору Роберту К. Мертону

Департамент социологии

¹ «Смысл истории и религии» (фр.).

² Вероятно, «Преступность правящих групп» («Criminality of ruling groups») – это рабочее название книги: Sorokin P.A., Lunden W.A. Power and morality: Who shall guard the guardians? – Boston: Sargent, 1959. («Власть и нравственность»).

Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

После долгого периода нерешительности я все же решился попросить Вашего совета и помощи по следующему вопросу. Прежде чем я стану дряхлым или умру, я хочу закончить следующие три работы, которые уже начаты и прогрессируют некоторым образом, но для своего завершения требуют два-три года работы, а именно: 1) «Динамика нравственных явлений и ценностей»; 2) «Современные социологические теории»; 3) «Интегральная философия (интегральная теория реальности, ценностей, познания, личности и природы психологических и социокультурных феноменов)». Планируется, что каждая из этих работ будет самостоятельным внушительным томом.

Из приложенного отчета Исследовательского центра (последняя страница) Вы можете видеть, что гранты Лилли Эндowment¹ этому центру почти полностью израсходованы. Как отмечено в отчете, я никогда не просил этих грантов, но они были выделены по инициативе Лилли Эндowment и господина Эли Лилли². Весьма вероятно, что если я напишу коротенькое письмо господину Эли Лилли с просьбой о дополнительном гранте, эта просьба будет поддержана. Однако прежде, чем это делать, я подумал, что можно получить скромный грант от 10 до 30 тысяч долларов для завершения упомянутых работ от Фонда Форда³. Я никогда не просил ни Фонд Форда, ни какой-либо другой фонд о какой-либо финансовой поддержке. Но в нынешних обстоятельствах я подумал, что, возможно, наступило время, когда мне нужно сделать такую попытку.

К моей великой радости, Вы являетесь одним из влиятельных членов департамента наук о поведении Фонда Форда. Раз так, то Вам должно быть известно, что можно было бы посоветовать мне предпринять для составления упомянутой заявки, желаете ли Вы и имеете ли возможность помочь мне в получении такого гранта. Это моя к Вам просьба. Если Вы найдете возможным ответить на нее, я буду Вам очень благодарен. Если

¹ Лилли Эндowment (Lilly Endowment Inc.) – один из самых больших в мире частных благотворительных фондов. Фонд основан в 1937 г. владельцем фармацевтической компании «Eli Lilly & co.» Эли Лилли.

² Эли Лилли, (1 апреля 1885 – 24 января 1977) – известный американский промышленник, бизнесмен и благотворитель. Благодаря грантам, предоставленным Э. Лилли, П. Сорокин провел множество исследований в рамках изучения созидательного альтруизма.

³ Фонд Форда (Ford Foundation) – американский благотворительный фонд, созданный в 1936 г. Эдселем Фордом, сыном Генри Форда, дирекцией «Ford Motor Company». Согласно уставу, Фонд осуществляет деятельность в сфере выделения грантов и займов в целях укрепления демократических ценностей, искоренения бедности и устранения несправедливости, развития международного сотрудничества, распространения достижений человечества.

Вы найдете более благоразумным пренебречь ею, подобный ответ также будет для меня хорош.

С искренними извинениями за эту просьбу и наилучшими пожеланиями,

с уважением,

Питирим А. Сорокин

26. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111

8 марта 1959

Дорогой Питирим!

Поскольку я нахожусь в отпуске и отсутствую в университете в этом семестре, я уезжал на несколько недель для того, чтобы доделать одну работу. Было приятным сюрпризом по возвращении найти Ваше письмо, так что я отвечаю сразу.

Едва ли мне нужно говорить, что я немедленно сделаю все возможное, чтобы узнать о перспективах финансового гранта, который позволил бы Вам закончить три книги, которые Вы сейчас пишете. Было бы абсурдным задерживать работу из-за недостатка средств на секретарские услуги, исследовательскую помощь и тому подобное. Занимаясь этим делом, я возьму на себя смелость поднять вопросы по поводу всего этого по своей собственной инициативе без необходимости для Вас делать какой-либо формальный запрос до тех пор, пока не прояснится, каким образом, когда и кому он должен быть сделан. Я, конечно, не знаю, каковы наиболее перспективные источники, но я постараюсь это выяснить, как только приступлю. В любом случае, я намереваюсь начать обсуждение вопроса с некоторыми людьми из Фонда Форда.

По этому поводу, однако, я должен заметить, что информация, дошедшая до Вас, не вполне соответствует истинному положению дел. Я не имею никакого отношения к Отделению наук о поведении Фонда Форда и на самом деле никогда не имел. У меня есть консультативные связи с Центром повышения квалификации в области наук о поведении, который был основан представителями Фонда Форда, но который никак в дальнейшем с этим фондом связан не был. Этот центр просто предоставляет стипендии тем, кто там работает; у него нет никаких ресурсов или фондов для грантовой деятельности. Я также должен Вам сообщить, что в прошлом году Фонд Форда прекратил существование особого Отделения для проведения исследований в области «поведенческих наук» (таких, как социология, психология или антропология), когда было решено перейти в области технических, естественных или гуманитарных наук. Это, конечно, означает, что получить грант для проведения работы в социологии сейчас трудно. Однако все же должен быть какой-нибудь вариант, позволяющий полу-

чить грант, и я намереваюсь найти его посредством прямого обращения. Как только я смогу получить информацию, я напишу Вам, что бы я ни узнал.

Я благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность заняться поисками вариантов финансирования, которые позволили бы Вам продолжать работу, и я рад, что Вы преодолели нежелание вообще поднимать этот вопрос. Возможно, что я и не получу ничего, но, если так, то это будет означать, что грантовые учреждения, направленные на поддержку научной деятельности в области социологии, потеряли всяческое видение основ.

С наилучшими пожеланиями,
Ваш Роберт Мертон

27. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
11 марта 1959
Профессору Роберту К. Мертону
111 Пайнкрест драйв
Гастингс-на-Гудзоне, 6
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Я глубоко тронут Вашим письмом и Вашим желанием помочь мне в вопросе поиска грантов для завершения моих исследований. Безотносительно к тому, будут ли предприниматься Вами энергичные попытки успешными, я тепло благодарю Вас за Вашу доброту.

Когда бы Вы только ни оказались по соседству, Елена и я будем очень рады принимать Вас и долго беседовать на бесконечные темы, интересующие нас обоих.

11 апреля я должен прочитать две лекции в Филадельфии и затем с 15 по 17 апреля провести конференцию в Йельском университете. 22 апреля я приглашен на обед к министру труда господину Митчеллу и к его заместителям с тем, чтобы после обеда выступить с докладом перед сотней высших руководителей в департаменте труда по поводу двух-трех основных проблем, касающихся Соединенных Штатов и организации Управления труда этой страны. Затем, если я не уеду в Индию, Мексику или Европу (я получил в третий раз предложения от организаций и правительств этих стран), надеюсь пробыть здесь весь май и июнь, а затем летом поехать недель на шесть или восемь в мою летнюю резиденцию в Квебек.

С наилучшими пожеланиями Вам, госпоже Мертон и молодому поколению Мертонов, сердечно Ваш

Питирим А. Сорокин

28. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

30 марта 1959

Профессору Роберту Мертону

Департамент социологии

Колумбийский университет

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Благодарю Вас за Ваше теплое письмо и поздравляю Вас и других редакторов с выходом Вашей «Социологии сегодня»¹.

До сих пор у меня было совсем немного времени, чтобы мельком просмотреть различные статьи Вашей «Социологии сегодня». И при этом спешном просмотре я нашел несколько статей, как Вашу собственную, так и несколько других, значимыми и интересными, в то же время некоторые другие произвели на меня впечатление вполне посредственных.

Я глубоко ценю Ваши попытки помочь мне в получении грантовой поддержки фондов. С другой стороны, мне не хотелось бы перегружать Вас этой задачей.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш,

Питирим А. Сорокин

29. У.М. Макпик – Р.К. Мертону**

Фонд Форда

28 апреля 1959

Дорогой Боб!

Хочу еще раз поблагодарить Вас за то, что довели до моего внимания вопрос о гранте профессору Сорокину, который бы позволил ему завершить эти три работы, и выразить еще раз мои сожаления в связи с тем, что мы в Фонде Форда не можем предоставить такие гранты, поскольку программа по поведенческим наукам уже два года как приостановлена.

Именно для таких начинаний, а именно работ выдающихся ученых с большим опытом, программы Фонда прежде всего и нужны. Я продолжаю надеяться, что когда-то в будущем реорганизация программ Фонда приведет к возобновлению интереса к таким начинаниям. Но в настоящее время, как я уже Вам говорил этим утром, грантов, которые мы могли бы на это дело предоставить, у нас нет.

Надеюсь, Вы продолжите Ваши поиски в других местах и где-нибудь Вам улыбнется удача.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваш,

У.М. Макпик

¹ Merton R.K. Sociology today: Problems and prospects. – N.Y.: Basic books, 1959.

30. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
1 мая 1959

Дорогой Питирим!

Как Вы увидите из приложения, я предпринял еще одну попытку обратиться к представителям Фонда Форда, чтобы узнать, существует ли какая-нибудь перспектива получить индивидуальный исследовательский грант сейчас, когда они отказались от отделения общественных наук. (Я четко обозначил, что это был мой запрос, не Ваш, но даже в этом случае он был безуспешен. Я должен отметить, что они всячески демонстрировали желание помочь в предоставлении гранта, если бы только это было возможно. Они просто связаны своими собственными нормами и правилами).

Сейчас, когда вариант с Фордом ни к чему не привел, я беру на себя смелость попробовать другие ходы. Во всяком случае, я должен получить информацию к десятому числу этого месяца. Основное впечатление, которое у меня сложилось, заключается в том, что существует много перспектив получения индивидуальных исследовательских грантов для подготовки к изданию готовящихся книг, предоставляемых в области гуманитарных наук. Но кажется, что в области общественных наук существует совсем немного подобных грантов. Если бы только было возможно выяснить, какие из более «мелких» фондов предоставляют гранты второго рода, я уверен, вопрос был бы сразу же урегулирован. Но никто из тех, с кем я говорил, – обрисовывая ситуацию в общих словах и не упоминая имен, – не смог направить меня в один из таких фондов. Я нахожу, что мир американских фондов – не столько страна чудес, сколько пустыня. Трудно найти выход.

Если Вы согласитесь потерпеть, я бы хотел попробовать другие возможности, хотя бы ради удовлетворения собственного любопытства. Должны же существовать фонды, которые предоставляют секретарскую и иную подобную помощь выдающимся исследователям в области общественных наук. С наилучшими пожеланиями,

Ваш Роберт Мертон

31. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*
4 мая 1959
Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Примите мою сердечную благодарность за Ваше добрейшее письмо и за все те усилия, которые Вы предпринимали в моих интересах. Вне за-

висимости от того, принесут они результат или нет, я глубоко ценю их. Однако я не хочу, чтобы Вы продолжали загружать себя этой задачей, хотя какой-нибудь финансовый грант и мог бы быть полезным для моей работы, но тем не менее он не является решающим фактором. До тех пор, пока не вмешается мой возраст, я еще смогу продолжать, по крайней мере, одну из двух упомянутых мною работ. В самом худшем случае я могу попросить помочь в этом вопросе Лилли Эндоумент, и я вполне уверен, что какая-то помощь от них придет.

Что же касается моих расходов на жизнь, если доллар не будет сильно обесцениваться, то мы с моей женой сможем жить так же, как и жили до выхода на пенсию. (Оба моих сына теперь живут самостоятельно и не нуждаются в дальнейшей поддержке с моей стороны.)

Я только что вернулся из короткой трехдневной поездки на конференцию и чтение лекций в Йельском университете; затем – еще одно выступление в Принстонском университете и после – прием и беседа с министром труда господином Митчеллом и его заместителями. После двухчасового выступления, главным образом, о моих взглядах и теориях по поводу современного состояния мира, меня попросили выступить с лекцией и ответить на вопросы перед сотней высших должностных лиц департамента труда. Вся поездка заняла около шести дней, и сейчас я вернулся.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш,
Питирим А. Сорокин

32. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

9 ноября 1959

Профессору Роберту Мертону
Департамент социологии
Колумбийский университет
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Дорогой Роберт!

Спасибо за экземпляр Вашего «Социального конфликта». Я читаю его с интересом и нахожу, что согласен с основными моментами Вашей статьи.

В отдельном конверте я высылаю Вам экземпляр моей и Лундена небольшой работы «Власть и нравственность». Я надеюсь, что Вы найдете в ней некоторые свежие идеи в противовес довольно избитой литературе современной политической науки и политической социологии.

«Причуды и недостатки», которые Вы упоминаете в своей статье, уже были изданы в испанском и французском переводе, а немецкий и японский переводы готовятся к выходу. Два дня назад я получил экземпляр нового издания моей «Социальной мобильности» с дополнительной

сотней страниц, посвященных мобильности культурных феноменов в пространстве. На той неделе я получил индийское издание моей «Американской сексуальной революции» (которая уже вышла в свет на японском, шведском и испанском).

В августе я сделал две магнитофонные записи моих лекций в рамках серии записей лекций, осуществленных фирмой «Кампус Ворлд»¹. До окончания года я ожидаю получить испанское издание моей книги «Общество, культура и личность» и, возможно, моей «Социальной и культурной динамики». Не упоминая нескольких статей, все это подводит итоги моим публикациям в этом году.

В сентябре я был вынужден лечь в больницу по причине острой анемии, которую обнаружили доктора. Через восемь дней меня выписали и прописали инъекции с содержанием железа. Они мне очень помогли и в настоящее время моя кровь совершенно в норме. Эта анемия помешала мне поехать как гостевому профессору в Вaley Стейт Колледж в Сан-Фернандо и в другие колледжи и университеты в Калифорнии; но я, возможно, поеду туда в феврале или марте, если мое здоровье будет удовлетворительным.

Таков краткий обзор моей «бумагомарательной» деятельности и моего здоровья на сегодняшний день.

Наилучшие пожелания госпоже Мертон и остальным членам семьи.

Искренне Ваш,

Питирим А. Сорокин

33. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Гарвардский университет, Центр исследований

альтруистической интеграции и креативности

Клифф-стрит, 8, Винчестер, шт. Массачусетс

22 января 1960 г.

Дорогой Роберт!

В связи с небольшим очерком «Автобиографическая микросоциология знания», который я собираюсь написать (используя себя и свой ментальный багаж и душевные преобразования в качестве материала), я перечитал часть III «Социология знания» в Вашей книге «Социальная теория и социальная структура». Пишу эту записку лишь для того, чтобы сказать Вам, что нахожу эти главы очень добротными, компетентными и восхитительными. Особенно глубокомысленны Ваши критические замечания (в том числе критика моих «выдумок»). Сердечно поздравляю!

В сентябре я был болен анемией, и это не позволило мне посетить калифорнийские колледжи и институты (в роли приглашенного профессо-

¹ Компания «Campus World» осуществляла записи лекций известных ученых.

ра или лектора). Сейчас у меня все в порядке, и я лениво возвращаюсь к своему «бумагомаранию».

С наилучшими пожеланиями,
Питирим

34. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

6 декабря 1960

Профессору Роберту К. Мертону

111 Пайнкрест Драйв

Гастингс-на-Гудзоне 6

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый профессор Мертон!

Сердечное Вам спасибо за дружеское послание. Мои чувства сродни Вашим. Я всегда испытывал смешанное чувство гордости и уважения к Вашим достижениям.

Мне очень жаль, что не смог Вас увидеть на социологической сессии, где я пробыл всего лишь несколько часов и 30 апреля улетел на 19-й Международный социологический конгресс в Мексику, где я выступил с двумя основными докладами «В поисках интегральной системы социологии» и «Конвергенция США и СССР». По решению конгресса и редакторов «Zeitschrift für Politik»¹, «Journal of comparative sociology» и «Revista Mexicana de sociologia»² эти доклады, кроме того, что они будут опубликованы в материалах конгресса, также будут опубликованы в этих журналах в качестве статей и выйдут отдельными брошюрами на испанском и английском языках.

Кстати, такое отношение к моим докладам резко контрастирует с тем, как отнеслись к моему докладу «Вариации спенсерианской темы в милитаризованном и индустриальном обществах» в АСА. Как Вы, возможно, знаете, я не планировал принимать участие в сессии, но профессора Беккер и Чамблис неоднократно настаивали на моем докладе. Как тоже, возможно, знаете, доклад привлек наибольшую аудиторию на сессии и был встречен с наибольшим энтузиазмом. Думая, что этот доклад являлся ведущим, я послал его в «Американское социологическое обозрение». Недавно этот материал вернулся от нынешнего редактора «Обозрения» без всяких объяснений. Я отнесся к этому решению с философским спокойствием и даже с юмором, не протестуя и без раздражения. Вполне возможно, что упомяну об этом интересном факте в моей автобиографии, над которой я сейчас работаю.

¹ «Политический журнал» (нем.).

² «Мексиканский социологический журнал» (исп.).

Помимо этого, несколько статей и 4–5 переводов моих книг вышло в этом году, достигнув 40 в их общем количестве. В этом году я читал лекции в 15 американских университетах и колледжах, кроме того, получил приглашения от большого числа других университетов в этой стране, Индии, Мексике, Турции и других странах. Некоторые из этих университетов предлагали мне по 25 000 долларов за два семестра в качестве гостевого профессора. Пока что я отклонил все эти приглашения, за исключением университетов Южной Каролины и Флориды, где я хотел бы провести отпускные зимние месяцы с оплатой расходов. Прошлое лето я провел в Калифорнии.

Госпожа Сорокина и сыновья продолжают свои научные исследования. Сергей работает младшим преподавателем в медицинской школе Гарварда, Петр – физик в Ай-Би-Эм¹. Несколько недель назад он сделал заметное открытие – изобретение нового поля физики, оптического MASER. В следующем номере «Физического обозрения» появится его статья, описывающая открытие, после чего, может быть, оно найдет отражение и в общей прессе. Пока же юристы Ай-Би-Эм оформляют патент на это изобретение, а его зарплата увеличилась на 2000 долларов.

С моими и Елениными наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
Питирим А. Сорокин

35. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*
Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111
23 декабря 1960

Уважаемый Питирим!

У меня странное чувство, что быстро сделанная мною опечатка – это намек на длинное и путаное письмо, которое может стать испытанием Вашего терпения. На самом деле, может Вашего терпения и не хватит дочитать его до конца. Как бы то ни было, я обдумывал его в течение последнего часа и, в конце концов, поддался импульсу и решился написать, своими разброшенными мыслями и пометками рискуя чересчур обременить Вас.

Причина, сподвигнувшая меня, следующая: сейчас почти уже семь утра и первые лучи солнца уже заблестели над Палисадами (не знаю насколько Вы знакомы с окрестностями Гастингса, в котором мы проживаем с тех пор, как вернулись из Нью-Орлеана в эту часть страны почти 20 лет

¹ В ноябре 1960 г. Петр Питиримович Сорокин с коллегами создал первый урановый лазер, второй вид лазера вообще. В 1984 г. Петр Сорокин стал лауреатом Премии Харви за крупный вклад в развитие квантовой электроники и лазеров. Премия Харви (Harvey Prize) – международная премия в области технических наук, ежегодно присуждаемая Технионом (Хайфа) ученым за выдающиеся достижения в области медицины, естественных и гуманитарных наук.

назад. Я должен объяснить, что Палисады – это скалистая часть западного берега Гудзона, простирающаяся почти на 15 миль. Мой стол очень удачно расположен напротив окна с открывающимся чудным видом, и я встречаю каждый день, уверенный в божественной красоте природы). Три часа назад я сидел за столом с твердым намерением написать главу в учебник, который я редактирую; моя первая попытка была подготовить методическое пособие для студентов, эта же книга пишется по скучному предмету, обычно определяемому как «Социальные проблемы». Крайний срок предоставления книги – 1 января, иначе мне придется отложить ее на целый год, не говоря уже об ответственности перед десятком соавторов. Но вместо того чтобы приступить к написанию главы, о чем я «твердо» решил, я взял книгу, которую только вчера получил, и забылся в ней вплоть до сего момента. Эта книга – письма Зигмунда Фрейда под редакцией его сына Эрнеста.

Конечно же, я в курсе Ваших устойчивых сомнений в истинности и значении работ Фрейда, однако, даже будучи Вашим учеником, я не разделяю существенной части Вашей критики. Тем не менее я возьму на себя смелость послать Вам экземпляр «Писем...» с надеждой, что, может быть, они пополнят Ваше ночное чтение. Тем более что в центре внимания в этой подборке писем не работы Фрейда, а качества человека. И какова бы ни была оценка идей, я думаю, что не может быть сомнений в монументальности личности Фрейда, которая проступает из его писем значительно явственнее, чем из объемной, подробной, но бесконечно плоской и неинтересной биографии Джонса¹. Так, по крайней мере, мне показалось. Читая письма, я вспомнил то счастливое обстоятельство, что Вас убедили написать автобиографический фрагмент для готовящейся книги, именно поэтому, как я полагаю, я и решил Вам написать о письмах Фрейда. Оставляя в стороне различия в мыслях, я почти не сказал о различиях в доктринах, не думаю, что Вы оспорите ВЕЛИЧИЕ Фрейда, его неустанные и нарастающие усилия исследовать новую область, которая, хотя и затрагивалась иногда, но не была подробно систематизирована. И это много значит для тех из нас, кому повезло быть частично современниками и знать, хотя бы немного об этом человеке, который проделал такую важную для нас и громадную работу. По тем же причинам я призываю Вас расширить и углубить Вашу автобиографию настолько, насколько позволят время, энергия и интерес. Я, конечно, не знаю, какой масштаб «самостоятели» Вы выбрали для Вашей автобиографии. Возможно, Вы уже сделали то, к чему я Вас сейчас призываю. Но, в том случае, если Вы решили ограничиться только самыми крупными событиями, определившими развитие, я, как навсегда обязанный Вам студент, прошу Вас подумать о возможности расширения насколько возможно сферы Вашей автобиографии. Конечно же, написанная Марианной Вебер биография ее мужа подготовлена всеобъемлюще, но, с точки зрения тех, кто никогда его не знал, она

¹ Альфред Эрнест Джонс, (1 января 1879 – 11 февраля 1958) – уэльский невропатолог, психоаналитик и официальный биограф Зигмунда Фрейда.

может показаться неинтересной, косной и неуклюжей. Дюркгейм более известен нам не как человек, а как социологическая машина, способная вторгнуться на территорию, на которую многие заглядывали, но только он умел найти силы освоить ее. Кули был застенчивым, работающим и честным человеком, но, в итоге, даже те, кто уважали его, признавали, что о нем просто нечего сказать. Он был по понятным причинам переоценен, поскольку был одним в пустыне американской социологии и поэтому все были ему признательны, что кто-то хоть как-то выделяется из массы карликов зарождающейся дисциплины. Самнер был куда более личностью, но страдал проблемой следования тем принципам, о которых сам заявлял. Список можно продолжать, но пока что все они были фигурами из папьемаше, в основном, в силу собственной ограниченности, но также и ввиду почти полного отсутствия материала в автобиографии. Здесь лучше остановиться, а то уже попадаю под влияние того, что пишу. Надеюсь, что мои усилия не пропадут даром, и Вы существенно пересмотрите краткость Вашего автобиографического фрагмента.

Подытоживая мою повторяющуюся просьбу, я напомнил себе, и не без причины, высказывание, которое приписывают молодому дарованию норвежских математиков Нильсу Абелю, смерть коего в 29 лет прервала цепь выдающихся открытий. На полях своих математических записей в дневнике он с восхищением пишет о Лапласе: «Я думаю, чтобы достичь прогресса в математике, надо учиться у мастеров, а не у учеников». Дюркгейм сказал что-то подобное в отношении социологии. (Недавно я обратил внимание, как нельзя кстати, что Тед Абель, перефразируя высказывание своего великого однофамильца, отметил, что даже случайное наблюдение, сделанное великим человеком, заслуживает внимания.) Но знать работы мастера – недостаточно, важно также знать что-то о его плоти и крови, за исключением тех немногих учеников, которым довелось узнать о мастере, да и то, только то, что он выбрал для них.

После всех своих намеков на Вашу книгу, я должен сделать признание. Когда Аллен обратился ко мне написать главу для его книги, я с большим энтузиазмом согласился¹. Причем, по признанию Аллена, именно мой энтузиазм вдохновил его начать этот новый для него проект. Моя глава будет о Ваших работах в области социологии науки. Одновременно Аллен обратился к Барберу написать сопутствующую работу о Вашей социологии знания. Я высказал свое сомнение правомерностью такого разделения. Действительно, в некоторых Ваших наблюдениях Вы отмечаете особенности социального контекста науки. Но самая значительная и с неизбежностью наиболее важная часть Вашей теории в социологии знания, конечно же, относится к особым областям знания, содержащимся в науке (технологии). Аллен оказался очень восприимчивым к моим замечаниям.

¹ *Merton R.K., Barber B.* Sorokin's formulations in the sociology of science // Pitirim Sorokin in review / Ed. by P.J. Allen. – Durham (NC): Duke univ. press, 1963.

Он тут же согласился и должен переговорить с Барбером, чтобы писать совместную главу, иначе не избежать повторений. Вот все, что касается предшествующих событий, теперь же, с некоторой болью, к моему признанию. Барбер уже закончил черновик главы, но я еще не сумел расширить и отредактировать ее до должного состояния. Что еще хуже, я не вижу возможности обратиться к этому до конца января. Причина такой долгой задержки не делает мне чести. Вы, конечно же, не могли знать, что всю свою взрослую жизнь я страдал очень долгой подготовкой к написанию любой научной работы. На то, что другие ученые делают в течение дней, у меня уходят недели, что у других занимает недели, у меня занимает месяцы. Когда я говорю о конце января, я имею в виду то, что мне необходимо закончить главу, о которой я упоминал в начале этого путанного письма, которая уже очень просрочена, и которую я должен представить издателю в начале года, чтобы не нарушить издательского процесса на целый год. Не позднее этого я должен подготовить материал для заседания Американского философского общества, посвященного 400-летию со дня рождения Бэкона. Конечно же, эту работу я уже давно выносил в своих мыслях. Это работа, связанная с социологией науки, к которой я обращаюсь периодически буквально в течение вот уже 25 лет, и только сейчас я осознал, что разбираюсь здесь достаточно хорошо. Как бы то ни было, каждый свободный момент в январе я задействую для написания главы. Хотя январь с его избытком докторских и других экзаменов, оставляет совсем мало времени для «своей работы». Как я написал Аллену, я ни при каких обстоятельствах не хочу задерживать публикацию книги о Вас. Учитывая мое расписание и необходимость подготовки главы для книги для ее своевременного выхода, получается так, что я не смогу присоединиться к тем, кто освещает Ваш прижизненный вклад в науку. Это и есть мое признание; *mea culpa*¹, которая ничем не умаляется, за исключением, может быть, ограниченности моего духа.

Когда Вы мне написали о предстоящем объявлении открытия Вашего сына, Петра, я не представлял очевидной значимости его вклада. С тех пор же «Таймс» переполнена подробными уважительными статьями, указывающими на существенность природы его открытия для всего прогресса. Если обыкновенные граждане могут лишь хранить важное молчание на этот счет, то глава нашего департамента физики, специалист в области MASER, расценивает открытие Петра как поистине выдающееся. Это, должно быть, доставляет госпоже Сорокиной и Вам истинное наслаждение. В королевство науки многие позваны, но лишь единицы избраны.

Я не нахожу подходящих слов, чтобы выразить мое негодование по поводу отклонения Вашей статьи о Спенсере «Американским социологическим обозрением». Конечно же, для Вас это не имеет никаких последствий, да и каковы они могут быть? Но даже мысль о том, что это произош-

¹ Моя вина (лат.).

ло, оставляет у меня неприятный осадок. Следующее, что можно от них ожидать, это то, что «Социальная мобильность» безвестного гарвардского социолога Питирима Сорокина не получит даже обычной рецензии. Блошинные укусы нельзя воспринимать всерьез, но они раздражают.

Но и мне пора заканчивать. С надеждой, что Вы все-таки добрались до этой части письма, мне хотелось бы привести короткие выдержки из писем Фрейда. В 1901 г. он пишет Елизе Гомперс, жене Гейнриха, который пытается убедить министра дать Фрейду профессорство: «Если это содержание и направление моей работы, в которой, согласно Экснеру, определенные круги найдут “над чем посмеяться”, тогда, по крайней мере, я узнаю, что ей мешает и смогу решить поменять направление либо сменить название. Путь совершенствования не должен быть закрыт заблудшим душам. Или же, до того как я пришел к этому решению (здесь я уже слышу иронию), не будет ли Ваш муж, Хофрат Гомпес, для которого не чужд научный мир, столь любезен обратить внимание его Величества на то, сколь мало правды в насмешках кругов, мне неизвестных, и как часто забывчивое человечество пыталось высмеять идеи, которые в один день оно вынуждено частично или полностью признать? Сейчас я слышу, что моя деятельность только раздражает людей, и я нахожу это вполне понятным, такой первая реакция и должна быть» (с. 243–244).

И снова, в 1907 г., Юнгу: «Не беспокойся, все будет нормально. Ты доживешь до этого дня, даже если я не доживу. Мы не первые, кто вынужден ждать, пока человечество поймет наш язык. Я всегда думаю, что у нас значительно больше скрытых последователей, чем мы знаем; я уверен, Вы не будете в одиночестве на конгрессе в Амстердаме. Каждый раз, когда над нами смеются, я убеждаюсь, что мы владем чем-то выдающимся. В некрологе, который Вы в свое время напишете мне, не забудьте указать, что были свидетелем, как всей оппозиции ни разу не удалось заставить меня отречься от моей цели» (с. 254).

Поздравления с новогодними праздниками от всех моих всем Вашим.
Роберт Мертон

36. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Колумбийский университет, департамент социологии

3 октября 1961

Доктору Питириму Сорокину

8 Клифф Стрит

Винчестер, Массачусетс

Дорогой Питирим!

Я встретился с профессором Лазарсфельдом после его возвращения из Парижа всего лишь на несколько минут и пишу это письмо от его и своего имени, чтобы посодействовать решению вопроса.

Во-первых, мы хотим поблагодарить Вас за приглашение в Зальцбург на международный конгресс, начинающий работу на следующей неделе. Если бы у нас была хоть малейшая возможность оставить университет на это время, мы бы, конечно же, это сделали. Но учитывая, что начинаются первые недели нового семестра, это просто нереально. Мы передаем Вам пожелания самого большого успеха конгрессу и с нетерпением ждем его рабочие материалы.

Конечно же, сама мысль о том, что Вы выступите с докладом на сессии АСА в 1962 г., нас радует. Я взял на себя смелость уже включить Ваш доклад в программу секции, в которой я председательствую. Программа еще окончательно не определена, и мы можем обсудить Ваш доклад уже после Вашего возвращения из Европы. Я особенно рад тому факту, что Вы примете участие в работе нашей секции.

Что касается пятого конгресса Международной социологической ассоциации, то ни я, ни профессор Лазарсфельд не имеем отношения к формированию его программы. Насколько я понимаю, программой занимается программный комитет во главе с генеральным секретарем МСА Пьером де Би. Я уверен, он будет рад получить от Вас известия и сделать все, что необходимо.

Еще раз благодарю Вас за письмо и желаю приятного путешествия. Надеюсь скоро Вас услышать. Искренне,
Роберт К. Мертон

37. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

6 октября 1961

Профессору Роберту К. Мертону

Департамент социологии

Колумбийский университет

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый профессор Мертон!

Я очень благодарен за включение моего доклада в работу Вашей секции. Передайте также мои приветствия профессору Лазарсфельду. Не будете ли так добры подсказать, к какому аспекту тематики секции Вы хотели бы отнести мой доклад и каким он должен быть по продолжительности? Со своей стороны, как пример эффективности воздействия и практического применения теории, я хотел бы рассмотреть, как мне кажется, наиболее глубокий эффект влияния социальной теории на практику: правые и неправые общественные теории, такие как марксизм, фрейдизм, позитивизм, теории Джона Локка, Адама Смита, Гитлера и так далее. Эта форма практического воздействия различных социологических теорий, философий и идеологий требует, по крайней мере, очень четкой систематизации.

Следуя Вашему совету, я одновременно обращаюсь к доктору Де Би, с тем, чтобы выяснить возможность моего более активного участия в международном конгрессе. Через несколько часов я вылетаю в Зальцбург. Подробности моего доклада можно будет получить по возвращении с конгресса 16 октября.

Вместе с госпожой Сорокиной направляем Вам и Вашей семье наилучшие пожелания.

Преданный Вам

П.А. Сорокин

P.S. Если будете в наших краях, мы были бы рады видеть Вас у нас дома и отужинать с бордо или бургундским.

38. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111

11 января 1962

Дорогой Питирим!

Я сконфужен первой частью Вашего послания. Дело в том, что я не получал письма, на которое Вы ссылаетесь, нет необходимости поэтому говорить о том, что Вы не получили на него ответа. Я единственно могу предположить, что, либо оно не дошло до моего офиса, либо пришло тогда, когда мой секретарь уже уволился и письмо куда-то положили. Естественно, мой новый секретарь письмо найти не смог. Примите мои глубочайшие извинения за доставленные хлопоты.

Я рассчитываю на Ваш доклад на моей секции Американской социологической ассоциации по многим причинам. Председательствовать на секции, где Вы будете выступать с докладом – очень почетно; помимо важности предмета Вашего доклада, я всегда помню, что я Ваш ученик сейчас, как и много лет назад. Кроме того, как я, так и аудитория секции проявляют большой интерес к развиваемым Вами идеям. Этого более чем достаточно, чтоб принять Ваш доклад на секции. Безусловно, будет очень интересно услышать Ваш анализ «практических влияний» абстрактных теорий, тематика эта еще очень слабо анализируется глубоко и систематически, хотя время от времени и появляются отдельные работы историков, затрагивающие эту тему. Наконец, Ваш доклад полностью соответствует тематике конгресса этого года, а именно ИСПОЛЬЗОВАНИЕ социологии, не в узком прагматичном смысле, а в более широком и диверсифицированном смысле влияния идей на интеллектуальную и прикладную стороны жизни общества.

Я буду очень рассчитывать на Ваш доклад. Если Вам потребуется для изложения Ваших идей и материала 40–45 минут, я буду рад организовать Вам это время, хотя в других секциях установленная продолжи-

тельность докладов меньше. Но я не хочу, чтобы Вы чувствовали какое-либо ущемление во времени.

У меня есть лишь небольшие предложения и Вам самому решать, в какой мере ими воспользоваться. Они касаются названия доклада «Глубочайшее практическое влияние абстрактных социологических теорий». Я, конечно, не знаю, какие именно влияния Вы собираетесь излагать. Я только предполагаю, что это могут быть институциональные, организационные, возможно, политические, экономические и подобные влияния. Как бы то ни было, Вы, по всей видимости, не хотите ограничивать название идеологическими влияниями. Если это так, то я предложил бы название, которое, как мне кажется, будет более правомерным для содержания Вашего доклада. Например, «Основные социальные воздействия абстрактных социологических теорий», или «Фундаментальные социальные последствия...», или «Основные последствия АСТ для общества и культуры».

Через несколько дней я уезжаю в Чили на две недели. Это моя первая поездка в Южную Америку и я ожидаю ее с большим нетерпением. По возвращении в феврале я начну заниматься программой секции, и я буду более чем рад это делать, зная, что Вы будете принимать участие в ее работе. Пока же я займусь качеством других докладов, хотя непонятно, что я могу с ним поделать.

С наилучшими пожеланиями, Ваш

Роберт К. Мертон

P.S. Каким-то чудесным образом, Ваш доклад совершил вокруг меня магический круг. Мне помнится, около 25 лет назад, в 1928 или 1929 г., Социологическое общество собиралось в Вашингтоне. Тогда, будучи студентом младших курсов колледжа, я принял участие в его сессии. Это бы мой первый опыт. Именно тогда я услышал Ваш доклад о современных идеях Хорнелла Харта. В результате я принял для себя два решения: во-первых, что я посвящу себя социологии и, во-вторых, что пойду в аспирантуру под Ваше руководство.

39. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону*

13 апреля 1962

Профессору Роберту Мертону

111 Пайнкрест Драйв

Гастингз-на-Гудзоне

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Уважаемый Роберт!

Высылаю машинописную копию доклада, который планирую представить на заседании Вашей секции Американской социологической ассоциации. Ограниченный во времени и пространстве, он представляет не-

большое эссе, которое тем не менее приводит существенные доказательства практических последствий воздействия общих социологических теорий.

Я надеюсь, что Вы найдете его приемлемым для Вашей секции. Наверно, профессор Ганс Зеттерберг уже сообщил Вам, что «Бедминстер Пресс» в конце месяца готовит новое издание моей «Динамики...» Я получил образцы переплета и обложки, которые выполнены с большим вкусом.

Профессор Аллен, по-видимому, Вам написал, что получил от меня «Ответ...» на ваше с профессором Барбером замечательное эссе для его книги, которая сейчас уже готова, на ее издание подписан контракт с «Дюк Юниверсити Пресс» и в конце этого года или в конце следующего она должна выйти в свет.

Наряду со всем прочим в последнем выпуске «Saeculum» его редактор, доктор Оскар Келер, опубликовал подробный отчет о Первом международном конгрессе сравнительных исследований цивилизаций, который прошел в Зальцбурге в октябре прошлого года¹, и сопроводил отчет двумя прекрасными фотографиями меня и Тойнби. Как мне сообщили, в следующем номере «Saeculum» должна выйти статья о моих теориях с подробной библиографией моих работ и с краткой библиографией работ обо мне. Это один из лучших исторических журналов, который обращает внимание историков на мои исследования. Профессор Тириахьян сообщил мне о том, что подписал контракт на том юбилейного сборника с «Фри Пресс Оленкоу» и этот труд должен выйти в течение года. Переводы моих работ продолжают и на данный момент их число достигло 42.

Мне удалось получить 5000 долларов на издание рабочих материалов Первого международного конгресса в Зальцбурге и ряд европейских историков уже готовят свои статьи для него.

Вы как-то упомянули, что, может быть, будете в наших краях. В таком случае, мы были бы рады видеть Вас у нас дома и побеседовать.

Наш сад, если не помешает изменчивая погода, в этом году должен быть очень хорош.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш

П.А. Сорокин

40. Р.К. Мертон – П.А. Сорокину*

Нью-Йорк, Гастингс-на-Гудзоне, 6, Пайнкрест драйв, 111

6 октября 1963

Дорогой Питирим!

Будучи новой жертвой эпидемии гриппа, я уже три дня наслаждаюсь домашним уютом. К счастью, новый выпуск «Американского социологи-

¹ В 1960 г. в Зальцбурге по инициативе западноевропейских ученых было создано «Международное общество сравнительного изучения цивилизации». П.А. Сорокин был избран его первым президентом. В 1961 г. состоялся первый съезд этого общества.

ческого обозрения» с хорошей рецензией на работу «Питирим Сорокин в обозрении» застал меня во время постельной осады. Так случилось, что я не знаком с рецензентом Чарльзом Тилли, но ему без сомнения удалось передать дух, содержание и значимость объекта, которому она посвящена. С честностью должен признать, что особое удовольствие мне доставило то, что автор подметил ряд ограничений РКМ-ББ¹ книги о ПА, свидетельствующее о признании автором глубокой серьезности, с которой мы писали эту книгу. Как я уже отмечал на встрече Восточной конференции, этот период является периодом продолжающегося празднования ренессанса ПАС.

До сих пор я не писал Вам о том, что поздравил членов Американской социологической ассоциации за способность коллективно признать общий абсурд и близорукость последних двадцати лет. Написав об этом, значило бы, что я хотя бы на минуту усомнился в этом событии, но это не так, и это моя официальная позиция. Будьте снисходительны, не как Фарадей, Спенсер, Веблен, Д'Арси Вентворт Томпсон, судья Холмс и бесчисленное множество других, которых современники воспринимали как данность и по-настоящему оценили их только десятилетия спустя; не говорите ни слова об абсурдной задержке в должном признании. (Да простите Вы их, обращаюсь как сын пролетария к сыну крестьянина с просьбой о благородном снисхождении.) Во всяком случае, *épater le bourgeois*², продемонстрировав, что в свое свободное время Вы можете передать административные дела администраторам Ассоциации, так же, как Вы организовали памятное годовое собрание Ассоциации.

Это был день, когда я выразил всё вышесказанное. Мой поклон Елене.

Ваш Роберт Мертон

41. П.А. Сорокин – Р.К. Мертону**

Клифф-стрит, 8, Винчестер, шт. Массачусетс
27 ноября 1967

Дорогой Роберт!

Подобно Вам, я хотел бы написать эту записку от руки, но мой почерк стал настолько плох, что лучше уж ее напечатать, чтобы сделать читаемой.

Огромнейшее спасибо за Ваше теплое и подлинно дружеское письмо! Ваши добрые чувства и отношение ко мне в полной мере взаимны с

¹ Имеется в виду работа Роберта Кинга Мертон и Бернарда Бабера, посвященная П. Сорокину: Merton R.K., Barber B. Sorokin's formulations in the sociology of science // Pitirim Sorokin in review / Ed. by P.J. Allen. – Durham (NC): Duke univ. press, 1963.

² Фраза, ставшая лозунгом французских поэтов, представителей декадентского движения в конце XIX в., означавшая «шокируйте мещанина».

моей стороны. Для Вас всегда было согрето место в моем «сердце»; я радовался Вашей творческой работе и Вашему росту, приведшему Вас к выдающемуся лидерству среди американских и мировых социологов; я был горд тем, что в какой-то мере был причастен к этому лидерству через наше с Вами раннее сотрудничество. Короче говоря (и это любопытный феномен), похоже, мы оба ценили друг друга больше и были связаны друг с другом ближе, чем выказывали это «внешне» в своих статьях друг о друге и своим внешним взаимным поведением. В этот последний кусочек моей жизни я счастлив тем, что связан с Вами, и желаю Вам еще более грандиозного продолжения Вашей творческой работы в будущем. Помимо всего прочего, я рад тому, что Ваш издатель использует в рекламе Вашего «литературного шедевра» именно эту оценку Вашей книги, ибо она и в самом деле не только имеет огромное научное значение, но и в подлинном смысле «литературный шедевр» (чего удавалось достичь лишь очень немногим ученым). Из этих строк (несколько сумбурных и неуклюжих) Вы можете увидеть, каковы были мое уважение к Вам, восхищение Вами и близкая дружба с Вами все эти годы.

В мои 78 лет (в январе будет 79) рак легких, эмфизематозный бронхит и ослабшее сердце медленно, но уверенно делают свое дело. За один год они превратили меня из еще вполне энергичного и активного человека в скелет, в слабое подобие меня прежнего. Врачи-диагносты дают мне еще около года жизни – и не делают ничего для «лечения» моей болезни, ведь сегодняшней медициной она не лечится: поскольку рак распознлся по всей лимфатической системе, его нельзя удалить хирургическим путем; химия и радиологические методы тоже в моей возрасте неприменимы. Так что все лечение сводится к «откачиванию» жидкостей из организма раз в примерно три месяца.

Я утратил естественный сон и сплю по часу или немного больше с помощью «не вызывающего привыкания» снотворного. Мне пришлось отказаться от всех своих занятий и серьезной умственной и физической работы. Я пока еще не прикован к кровати, но в ближайшие месяцы эта фаза, скорее всего, наступит.

Поскольку мне выпала долгая и весьма насыщенная событиями жизнь, у меня нет никаких оснований жаловаться на Провидение (или на комплекс слепых сил). Поэтому я подчиняюсь неизбежному «уходу» из царства жизни и в каком-то смысле жду его, молясь о том, чтобы он был безболезненным и быстрым. При моем состоянии моя жизнь превратилась в последние месяцы в несколько утомительное, мучительное и гнетущее «существование». Это «существование» не очень хочется продлевать надолго. Настроение у меня по большей части депрессивное, если не брать редкие мгновения «света любви и радости, идущего от членов семьи и друзей». Различные «почести», которые приходили ко мне в этот последний час, и продолжение каких-то признаков сравнительно творческой деятельности тоже несколько смягчали это депрессивное настроение. Под

этими деятельностями и почестями я имею в виду: продолжающиеся переводы моих трудов (хотя опубликовано уже около 50 переводов; моя последняя книга переводится на испанский, португальский, итальянский, китайский языки, даже на русский! Это делает советская Академия наук, и это первая переводимая на русский язык книга со времен моего изгнания из России); продолжающееся переиздание некоторых моих книг, в течение нескольких лет не публиковавшихся (даже моя «Социология революции» переиздается тем же самым издателем, который переиздал Вашу книгу о пуританах и английской науке); продолжающуюся публикацию зарубежными, американскими и даже советскими учеными книг и статей о моих книгах и статьях; учреждение «Сорокинских лекций» и соответствующих наград АСА, 21-м Международным социологическим конгрессом, университетом Саскачевана; составление самого полного собрания моих работ, переводов, литературы о моих «вымыслах», образцов моих рукописей, переписки и других «реликвий».

Некоторые другие университеты и научные учреждения организуют «Сорокинские центры» или «Архивы» (включая мою *alma mater*, Ленинградский университет; советские ученые пишут все больше книг, диссертаций и статей о моих «вымыслах»); некоторые другие университеты, как, например, университет Ватле в Колумбии, организуют 29–31 января 1968 г. «Сорокинский фестиваль»; и т.д. Эти вещи, в которых я активно не участвую, несколько смягчают мое гнетущее настроение, но, естественно, не устраняют его.

Эти строки дадут Вам представление о том, как я ныне «существую» (не живу), что я еще делаю и чего уже не делаю.

Ну ладно. Мое письмо стало слишком длинным.

Еще раз благодарю Вас за Ваше теплое и в высшей степени дружеское письмо. С величайшим уважением к Вам и самыми лучшими пожеланиями Вам и Вашей творческой работе.

Искренне Ваш,
Питирим

Перевод с англ. П.П. Кротова () и В.Г. Николаева (**)*

Н.Е. Покровский

**РАННИЙ ВЕЧЕР НА УТРЕННИХ ХОЛМАХ, ГОД 1990-й
(Предельно субъективные заметки о Роберте Мертоне)**

Учебный сезон 1989–1990 гг. мне довелось проводить в Северной Каролине. Поверьте, это далеко не худшее место на Земле, особенно весной, когда все видимое пространство в одночасье покрывается цветами невиданной красоты. Даже самые неприметные и кривые сучья, «палки», как я их называл, вдруг превращаются в неповторимые цветущие образчики искусства икебаны. Думаю, что для нормального человека достаточно один раз в жизни увидеть это, ибо от ежегодного созерцания сей картины может развиться опасная изнеженность духа и мысли тоже.

Оказывается, Мертон жив...

Там, в Северной Каролине, в расположении Национального гуманитарного центра США тихо и неприметно текла моя научная деятельность на ниве истории американской социальной философии и социологии. Несмотря на то, что Национальный гуманитарный центр даже чисто географически находится на полпути между близлежащими университетскими гигантами – Дюкским университетом и Университетом Северной Каролины в Чепел Хилле – оба упомянутых учебных заведения, видимо по причине присущего им снобизма, проявляют мало интереса к работающим в НГЦ сорока отобранным со всех США и за границы гуманитариям и социальным исследователям.

Между тем мне повезло. Случайно представленный на одном из малозначимых общественных мероприятий Эдварду Тирикьяну, профессору социологии Дюкского университета, я вскоре и как-то незаметно для себя стал не только часто и подолгу общаться с этим выдающимся социологом, но превратился в своего рода ассистента «Эда» Тирикьяна, посещающего все его занятия со студентами и аспирантами, а во время его частых отъездов по академическим делам замещающего его в преподавании.

В начале февраля, а это уже близкое начало весны в тех краях, я вскозь упомянул Тирикьяну, что собираюсь в Нью-Йорк на День св. Валентина – один из самых любимых и уважаемых праздников в Америке. Поездка моя, к сожалению, никакого отношения к Дню св. Валентина не имела, но как бы совпала с ним по чистой случайности.

Стоило Эду Тирикьяну услышать о моем вояже в Нью-Йорк, как мысль его стала активно работать. Продолжая прежде начатый разговор со мной, он вошел в «параллельный» слой мышления, делая какие-то свои мнемонические вычисления.

«Вам надо повидать в Нью-Йорке одного-единственного человека, Боба Мертона», – неожиданно и безо всякой связи с контекстом нашего разговора «выдал» Тирикьян итог параллельных калькуляций.

Все это прозвучало для меня несколько неожиданно. Трудно было на слух воспринять имя Мертона – «Боб». Как-никак, великого классика мы здесь, в России, привыкли именовать полным именем. Кроме того, я понятия не имел, что он живет в Нью-Йорке, и, если честно, вообще не знал, жив ли он – настолько он был канонизирован нашими историками социологии, а это обычно, согласно доброй русской традиции, происходит с теми, кто уже давно почил в бозе.

Как бы то ни было, все оказалось иначе. И Эд Тирикьян, сам, можно сказать, живой классик или кандидат на этот «пост», вызвался написать рекомендательное письмо или совершить звонок Мертону. Тут же я узнал и то, что оба, Мертон и Тирикьян, учились в Гарвардском университете, хотя и в разное время, у Питирима Сорокина. А надо сказать, что все ученики Сорокина, вне зависимости от их дальнейшей судьбы в социологии, сохраняют своего рода братство.

Когда пришел день паковать чемодан и ехать в аэропорт, увы, рекомендательного письма к Мертону у меня не было. Эд Тирикьян, выполняющий в своем университете массу всяческих административных функций, был унесен бюрократическим ветром, закручен в вихре событий и в итоге недостижим для простых смертных.

«Быть может, он все-таки позвонил Мертону», – утешил я себя весьма слабой надеждой. Но вспомнив внешний вид письменного стола Тирикьяна в кабинете на социологическом факультете, отказался и от этой надежды. (На этом историческом столе можно лицезреть многолетние напластования писем, оттисков статей, официальных меморандумов, черновиков, ненужных рекламных проспектов, «выдирок» из журналов и т.д. и т.п. Все это венчалось небольшим лозунгом, выгравированным на пластинке красного дерева, стоящей на единственном свободном кусочке стола и обращенном к посетителям: «Степень беспорядка на столе прямо пропорциональна гениальности того, кто сидит за столом». Что-то в этом духе.)

Невольно воскресив в памяти все это, я и засомневался в том, что звонок в Нью-Йорк был сделан. (На самом же деле он был сделан, что и предопределило в значительной мере ход дальнейших событий.)

Нью-Йорк – город странный

Нью-Йорк – город странный. Грандиозный и непродуктивный.

Почему грандиозный, разумеется, ясно. Но отчего непродуктивный?

Пытаясь понять, почему этот мегаполис не вызывает во мне прилива благоговения, я пришел к неожиданному соображению.

Проведя в сумме и в разное время изрядное число недель в этом городе, я никогда не занимался в нем продуктивной профессиональной деятельностью. Как-то не совпадал Нью-Йорк с моими научными интересами и, я бы сказал, с моими интересами вообще. Здесь не «клеились» дела. Все знакомства, возникшие в Нью-Йорке, рано или поздно (скорее, рано, чем поздно) исчерпывали себя. Моя жизнь скользила по поверхности, что никак не гармонировало с монументальной урбанистской декорацией, созданной усилиями миллионов вполне продуктивных творцов городской среды.

Зато чего хватало в «моем» Нью-Йорке, так это всякого рода инфраструктурной деятельности. Беготни по магазинам, билетным кассам «Аэрофлота», совдипучреждениям (в прежние годы, не сейчас), обязательным деловым визитам, в которых не было никакого интереса ко мне, организационных попыток добраться с багажом до отдаленного аэропорта имени Кеннеди и прочее в том же духе.

Да, конечно, были великие нью-йоркские музеи. Но во всей этой достаточно малозначимой суете представлялось крайне трудным перейти с «инфраструктурной» волны на волну восприятия нетленных произведений искусства. Поэтому с некоторых пор я стал приходить в Музей Метрополитен только для свидания с двумя-тремя картинами, с которыми у меня возникли мои собственные отношения. Но даже эти сугубо личные свидания никак не могли уравновесить моего общего «непроникновения» в структуры местной жизни.

Впрочем, в конце концов, все это не столь уж и важно для главной темы нашего разговора.

Как бы то ни было, но в тот раз, о котором идет речь, Нью-Йорк отнюдь не стремился разрушить свой привычный образ. К тому же и февральская погода здесь вовсе не походила на цветущий февраль в Северной Каролине – холодный ветер насквозь прометал авеню и стриты, ничто не цвело по причине отсутствия растительности как таковой (Центральный парк не в счет), повсюду бросающаяся в глаза холерическая деятельность нью-йоркцев по-прежнему рождала вопрос: «К чему все это? В чем смысл именно такой неумной активности, не ведущей в итоге ни к чему продуктивному?»

А через пару дней возник и еще один вопрос: «А что, собственно говоря, мне и дальше делать в этом городе?»

Именно в тот момент, когда эта тема и стала предметом моего внутреннего диалога с самим собой (дело происходило в до удивительности просторной и уютной квартире на Саттон-плейс, призревшей меня) взгляд мой нечаянно упал на телефонный столик и стопку телефонных справочников, лежавших на его внутренней полке. Взяв в руки пухлый том «белых страниц» (т.е. справочника квартирных телефонов, в отличие от «желтых страниц» – справочник коммерческих и учрежденческих телефонов и адресов), я пролистывал его без всякой особой цели.

«Интересно, есть ли там телефон Мертона?», – подумал я, первый раз за время нынешнего путешествия в Нью-Йорк вспомнив о предполагавшейся было встрече. На соответствующей странице было обозначено не менее двух десятков самых разных Мертонов, но только один с характерными инициалами «R.K.» – Роберт Кинг.

«А что если взять и позвонить? Прямо как есть? Сейчас?»

Вообще говоря, не в моих традициях поступать таким образом, импровизировать в отношениях с людьми и, что называется, без всякого предисловия навязываться на знакомства.

Я еще полистал справочник, но потом вновь вернулся на «мертоновскую» страницу.

Короче, номер набрался как бы сам собой.

...Было десять утра. Впереди лежало не только хмурое утро, но и обещающий быть хмурым февральский день... После второго или третьего гудка трубку сняли. Ответил спокойный и уверенный мужской голос. Это был Мертон. Тот самый и никакой другой. Немало робея (отчего наружу вылез мой русский акцент, который, хочется думать, не столь очевиден при обычных обстоятельствах), я представился как «советский социолог», работающий в Национальном гуманитарном центре и проездом оказавшийся в Нью-Йорке. Кажется, я так же что-то пролепетал о готовившемся, но не состоявшемся рекомендательном письме Тирикьяна.

«Да», – сказал Мертон тем же спокойным и уверенным голосом.

В разговоре образовалась некоторая пауза. Я продолжил. «Нельзя ли предположить такую возможность, что при определенных обстоятельствах я мог бы надеяться встретить вас там и тогда, где и когда это будет вам удобно», – произнес я эту длинную фразу, которая по-русски звучит коряво и нелепо, но по-английски – в самый раз.

«Да», – ответил Мертон все с той же интонацией. Это навело меня на мысль, что это «да» своего рода форма выражения его внимания, но отнюдь не утверждения чего-либо.

На телефоне с обоих концов вновь повисла пауза. Наконец Мертон сказал все тем же невозмутимым, но вовсе не холодно-равнодушным голосом: «Как насчет шести вечера?» – «Сегодня?» – робко поинтересовался я. «Нет, все же лучше в шесть тридцать», – не отвечая на мой вопрос,

уточнил он, и в конце добавил: «Да, разумеется, сегодня. Зачем же откладывать?».

Мертон продиктовал адрес и даже объяснил, как добраться к нему домой на метро, т.е. на «сабвее», чтобы быть точным. При этом он уточнил: «Есть две станции “116-я улица” на двух разных линиях. Вам нужна “116-я улица” на той линии, что идет вверх Манхэттена вдоль Гудзона, и ни в коем случае не та, что идет через Центральный парк». Обе линии лучами расходятся со станции «59-улица».

Мерзкая особенность моей памяти и моего восприятия вообще состоит в том, что я фиксируюсь на первой порции информации, («пережевываю» ее, а вторая, последующая порция при этом как бы проскакивает, не закрепляясь. Ко всему прочему, надо честно признаться, я был так ошарашен моим предстоящим визитом в дом к Мертону, что удивляюсь тому, как я вообще запомнил хоть что-то из его адреса. Это и повлекло за собой, не в первый раз, некоторые следствия...

Социологическая Голгофа

Представляя себя опытным знатоком Нью-Йорка, я прикинул в уме, что со станции «59-я улица» до Мертона я доберусь минут за сорок пять. В Манхэттене куда угодно можно добраться в среднем за сорок-сорок пять минут. Такое правило я вывел для себя.

Проведя первую часть дня в разного рода чисто нью-йоркских бесконтактных занятиях, я тем не менее мысленно планировал нашу предстоящую встречу, постоянно проигрывая сценарии того, что могло произойти и о чем могла пойти беседа.

...Слегка, но не катастрофически опаздывая, я сел в поезд сабвея и предался размышлениям о приближавшейся встрече с великим социологом XX в. Взгляд мой бесцельно бродил по лицам пассажиров, в большинстве своем возвращавшимся с работы. Картина вагона манхэттенского сабвея ровным счетом ничем не отличалась от соответствующей картины вагона московского метро. Разве что преобладали смуглые и совсем смуглые лица и народу было в вагоне поменьше, чем бывает у нас.

По мере приближения к «116-й улице» мое раздумчивое оцепенение несколько прошло. На схеме линий сабвея, приклеенной к стенке вагона (точно так же, как и в московском метро), я вновь обнаружил, что существуют две станции «116-я улица» на двух разных линиях. Притом одна из этих линий отклоняется как бы ближе к Гудзону, другая же «рубит» Манхэттен по вертикали снизу вверх и почти по оси симметрии.

«По какой же линии я еду?» – пронеслась в голове, быть может, первая здравая мысль. Моя темнокожая соседка, не опускаясь до общения со мной и не отвечая на мой вопрос, провела своим длинным пальцем по схеме. Из этого следовало, что, естественно, я стремил свой бег по линии, упорно удивившей меня в сторону от Мертона. Надо было принимать

срочное решение, что делать дальше: либо возвращаться до исходной «59-й улицы» и терять на этом минимум тридцать минут, либо выходить на станции «116-я улица», где б ни была она, и идти к дому Мертона, пересекая поперек пол-Манхэттена по этой самой 116-й улице. «Как-никак это должна быть одна и та же улица. Немного ходьбы и все решится», – предположил я. При последнем варианте я мог бы успеть с минимальным опозданием, хотя бы и теоретически.

Когда через неожиданно пустую станцию я вышел на свет божий, то как раз этого света и не обнаружил.

Вокруг простиралось городское пространство, заполненное сравнительно невысокими четырех-пятиэтажными домами, некогда вполне respectable, а ныне весьма в плачевном состоянии. Вся цветовая гамма представляла собой сочетания глухого черного, темно серого и грязно-серого. Уличных огней не было видно.

Это – Гарлем.

...За всеми своими вычислениями, где выйти из сабвея, я упустил одно важное обстоятельство, а именно то, что наверху, на поверхности, город менялся по мере того, как поезд пробирался по своей линии на север Манхэттена...

Раньше много раз я проезжал здесь на машине с плотно задраенными окнами. Но городские кварталы, обозреваемые сквозь стекла автомобиля, и те же кварталы «в натуре», рассматриваемы в пешем порядке, – это весьма несхожие явления. В этом мне и предстояло убедиться на пути к Мертону.

На тротуарах вдоль домов и на углах улиц стояли группы людей без определенного занятия или цели своей деятельности. Цвет их кожи полностью сливался с общей окраской всего пространства, и потому словно в романе «Человек-невидимка» я видел по преимуществу только одежду этих людей, но никак не их лица.

«Похоже на то, что судьба перед встречей с Мертоном дает мне иллюстрации социологии урбанистского зонирования. Но ведь я иду в гости к Мертону, а не Роберту Парку», – подбадривал я себя юмористическими мыслями, боязливо обходя группки людей, перегораживавших тротуар и не думавших хотя бы слегка уступать мне дорогу. «Нет, это положительно из другого социологического “романа”, из “Общества на перекрестках” (“Street Corner Society”) Уильяма Фута Уайта», – продолжал я свои параллели. – «Правда, у Уайта речь шла о бостонских итальянских кварталах, а здесь...»

Жители Гарлема на расстоянии по большей части не замечали меня. Но стоило мне приблизиться, как в мою сторону бросался один, но весьма выразительный взгляд. Его нельзя было назвать оценивающим, это был наказующий взгляд.

Через десяток минут несколько освоившись и оглядевшись в Гарлеме, я осмелел несказанно и даже задал некоей личности, беспечно при-

слонившейся к парапету дома, вопрос, правильно ли я держу направление. Как и в метро, «личность» не удостоила меня устным ответом, а просто махнула рукой в нужном мне направлении, не глядя ни на меня, ни в указываемую сторону. 116-я улица стрелой углублялась в недра Гарлема, сходясь всеми своими прямыми линиями на горизонте. Впрочем, перспектива улицы терялась в февральской вечерней мгле.

Минуты на электронном циферблате моих часов предательски «со скакивали». Я прибавил шаг, и поперечные улицы замелькали с кинематографической быстротой.

Наконец, из темноты появился и обозначился конец 116-й. Она упиралась в небольшой парк, а за ним высоко к небу вздымалась гранитная гора.

Это был тупик. Моей сообразительности хватило для того, чтобы сообразить: 116-я разрубалась пополам парком и горой, а дальше она продолжалась, но по «ту сторону».

Ни одного намека на обходной путь, боковую улочку либо тропинку я не мог разглядеть.

На подступах к парку под нависающими кустами бездейтельно сидело несколько десятков человек. За их спинами простирались густые заросли и вздымалась отвесная стена гранитной махины.

В хорошем темпе человека, опаздывающего на первую встречу с классиком социологии, я подошел к первому из них и, едва переводя дыхание, поинтересовался, как найти продолжение 116-й улицы. «Личность» медленно подняла голову, и впервые за весь вечер в Гарлеме я увидел белый цвет – цвет глазных белков. Ответа между тем не последовало.

Тогда я пошел вдоль всей этой сидящей компании, повторяя как автоответчик одну и ту же фразу: «Ребята, где тут можно через гору перебраться на ту сторону 116-й?»

Одна «личность» среагировала: «Это не гора, а Утренние Холмы (Morning Heights)».

Начало диалогу было положено. Другая «личность» вяло поднялась на ноги и, отряхнув сор с брюк, и так весьма нечистых, произнесла:

– Пойдем. Покажу, как перебраться на «их» сторону.

– Да нет, не утруждайтесь, – залепетал я. – Вы лучше на словах. Я и так пойму.

– Пойдем, пойдем. Так не найдешь. И мой добровольный гарлемский чичероне, углубился в темень кустов. Не будучи человеком религиозным, я все же в мольбе своей вспомнил мадонну и в полнейшем отчаянии шагнул за проводником.

Меня полностью поглотила могильная темнота. И сырость тоже.

Под ногами шуршала много лет не убиравшаяся листва и столь же многолетний мусор. Чем ближе к скале, т.е. «Утренним Холмам», тем гуще становились заросли. Присутствие проводника угадывалось лишь по

звуку тяжело опускаемых ног, загребавших листья, и трескучему кашлю, то и дело доносившемуся до меня.

«Все это мало похоже на реальность, – подумалось мне. – Прямо Тарковский какой-то». Но, увы, это была самая настоящая реальность, реальнее которой не бывает.

– Вот здесь. Все. Дальше я не пойду, – «личность» вплотную приблизилась ко мне.

Я невольно посмотрел себе под ноги и вокруг, ища глазами входа в подземный тоннель или что-то в этом роде.

– Не туда смотришь. Тут лестница наверх имеется. И действительно, прямо от ближайшего куста и скрытая другими деревьями по скале вверх простиралась несколькими свободными пролетами довольно шикарная парковая лестница. На ее пролетных площадках были укреплены изящные фонари со стеклянными колпаками, впрочем, разбитыми и потому щетинившимися стеклянными зубцами-огрызками. Ступеньки были полностью засыпаны пожелтой листвой и только лишь угадывались под ней.

Но хуже всего было другое. Красивая и капитально спроектированная лестница на всех своих пролетах перекрывалась поперек высокими сетками, делавшими любое сквозное движение вверх или вниз совершенно невозможным.

– Не бойся, – «личность» уловила мой немой вопрос. – Там везде лазы есть.

– Лазы? – не сразу понял я и посмотрел на свои парадные костюм и плащ, еще относительно чистые ботинки и аккуратный атташе-кейс с золочеными замочками.

Проводник ничего не ответил и растворился во мгле. Я двинулся вверх. Однако и в самом деле в первой же сетке, к которой я приблизился, имелся большой разрыв. Без труда вспомнив весь свой богатый московский опыт, я с легкостью преодолел преграду. За ней покорились и все остальные.

Парк внизу все отдалялся, а заветная вершина Утренних Холмов приближалась.

Но это была даже не столько вершина, сколько гребень крепостной стены. Срез холма обрамлялся мощнейшей стеной с зубцами и, если мне не изменяет память, бойницами, обращенными в сторону Гарлема. «Это уже в духе социологии Карла Маркса. Как бы тут порадовался на моем месте корреспондент “Правды” или очеркист из “Коммуниста”. Два мира – две системы!» – вспомнил я любимые штампы отечественных журналистов. – «Воистину сама жизнь рождает больше символов, чем любая, даже самая изощренная фантазия».

За крепостной стеной начинался другой город и начиналась другая жизнь.

Здесь господствовали яркий свет и эстетическое великолепие. Прекрасные элитарные дома напоминали голливудские декорации. Но без

труда можно было обнаружить, что это вовсе не фанерные декорации, а самые настоящие дома и что там большими, почти витринными окнами и пастельного цвета гардинами, подсвеченными изнутри мягко льющим из глубин квартир светом, живут всамделишные люди. И хотя ни одного из них не было видно, но шикарные лимузины, ни один не хуже «Бьюика» «Парк-авеню», еще хранили тепло недавно заглушенных двигателей.

На табличке, прикрепленной к стене углового дома, значилось: «116-я улица».

Мои часы «выбросили» циферки «6:28».

116-я улица, ставшая мне после всех мучений почти что родной, «врезалась» в территорию Колумбийского университета и к моему изумлению вынесла меня не куда-нибудь, а прямо на центральную площадь университета с его всемирно известной статуей сидящей «Альма Матер» и зданием библиотеки.

Но архитектурные красоты уже не волновали меня. Быстро пронесаясь по «колумбийке», я по все той же 116-й пересек Бродвей и, не чуя под собой ног, оказался на набережной Гудзона – Ривер-сайд Драйв.

Дом Мертона отыскался весьма быстро. Как выяснилось позже, в этом и близлежащих домах по преимуществу живут профессора Колумбийского университета. Что-то вроде наших профессорских апартamentов в Центральном здании МГУ и домов на Ломоносовском проспекте.

Консьерж без лишних церемоний пустил меня в лифт. И через минуту я уже нажимал кнопку звонка.

За дверью

Открыл Мертон.

Я никогда не видел фотографий Мертона, но то, что это был он, не вызывало никаких сомнений. Выше среднего роста, подтянутый человек с исполненной исключительного достоинства осанкой и чисто англосаксонской внешностью. Судя по справочникам, Мертону вот-вот должно было исполниться восемьдесят лет. Не хочется говорить штампами, но по первому впечатлению он выглядел лет на двадцать моложе. Впрочем, не это главное.

На меня смотрели удивительно внимательные, как бы испытывающие темные глаза. Взгляд Мертона был обращен к вам, и вы его положительно интересовали – и в данную минуту и вообще. Основатель функционализма, делающего акцент на функциональной подоплеке общения и взаимодействия людей, казалось, видел в человеке несравненно больше, чем совокупность функций.

Это была воплощенная любознательность по отношению к человеку, столь редкая, можно сказать реликтовая, в современной Америке.

...В небольшой прихожей, совершенно московской и по своим размерам и по своей обстановке, я взгромоздил свой плащ на завешанную

одеждой вешалку. В глубине опять же смотревшейся вполне по-московски квартиры, сквозь открытые двери комнаты была видна молодая женщина, работавшая за компьютером. Она лишь слегка взглянула в мою сторону, не то кивнув, не то просто повернувшись к рукописи, лежавшей на столе. Мертон не представил ее. На всякий случай я вежливо ответил.

Мертон спокойным широким жестом пригласил меня в свой кабинет.

Это была маленькая комната, метров 14, достаточно аккуратная, но вполне рабочего вида.

Усадив меня в гостевое кресло, направо от двери, Мертон сел в свое стоявшее у письменного стола рабочее кресло, слегка развернув его в мою сторону.

На столе красовался последней серии компьютер «Макинтош». Его непревзойденный яркости жемчужно-белый экран светился набранным текстом. В ходе нашей беседы Мертон время от времени поглаживал клавиатуру, как бы убеждаясь на ощупь, что «Макинтош» жив и здоров. Так «Макинтош» и стал третьим немым участником разговора.

Не успел Мертон сесть, как вновь поднялся. «Вы любите виски?», – спросил он несколько неожиданно.

Виски я не люблю, да и после пробежки по Гарлему и восхождения на Утренние Холмы меня как-то не очень тянуло к алкоголю. От усталости и возбуждения могло слегка ударить в голову даже от одного глотка. А так хотелось выглядеть молодцом в глазах классика!

Я отказался. Мертон между тем налил и себе и мне. И свою рюмочку не без жизнелюбивога удовольствия позднее выпил.

– Ну расскажите, чем вы у нас занимаетесь. Вы ведь из Москвы? – начал он беседу вежливым вопросом.

Я попытался было уйти от обсуждения моей персоны, ибо это казалось мне не очень скромным, но Мертон вернул меня к начатой теме. Пришлось рассказать и о Национальном гуманитарном центре, и об открытии в Московском университете социологического факультета, к которому я как бы имею служебное отношение. Тут Мертон вспомнил свое путешествие в Советский Союз и встречи с нашими тогдашними академиками и социологическими супер-боссами Федосеевым и Румянцевым. (Позднее Мертон дал мне репринт своей статьи-отчета о той своей поездке. Читая ее, я поражался с каждой страницей, как совершенно «зарубежный» нашим реалиям американский социолог за какие-нибудь десять дней прекрасно разобрался в том, кто есть кто и что есть что в советской социологии того времени.)

Все эти свои воспоминания о давнишнем путешествии и вопросы обо мне Мертон нацеливал удивительно точно, сам говорил мало и словно «извлекал» из собеседника лаконичную и «заостренную» информацию.

– И все же, что вы сами делаете в социологии? – настаивал Мертон. Готовясь к нашей встрече и планируя ее издалека, я испытывал некоторое неудобство от того, что обладаю не социологическим, а философским об-

разованием и что мои основные публикации скорее относятся к истории социальной философии, а не социологии. Мне представлялось, что такой классик, как Мертон, узнав об этом, слегка поморщится и потеряет ко мне остатки своего интереса. Немного подумав, я честно и признался ему в своих сомнениях и в своей социологической неполноценности. На это Мертон спокойно и внимательно глядя на меня сказал:

– Вы не правы. Никогда не стремитесь ограничивать область социологии. Она – гостеприимная дисциплина. В сущности, каждый специалист может стать социологом, если его интересует то, как область знания или умения «премолгается» с социальной ситуацией.

Весьма ободренный и даже воодушевленный этим замечанием, я принялся извлекать из чемоданчика свои книжки и передавать их Мерто-ну. Он внимательно и аккуратно разглядывал их. Посетовал, что не знает русского языка. «Хотя моя дочь вроде бы читает по-русски. Она переведет мне оглавления ваших книг». Углубился в изучение библиографий. (Как я тут пожалел, что несколько небрежно подходил к этой части своих работ, не обновляя их перед подписанием рукописи к печати.) Пообещал прочитывать мою книжку о Торо, к счастью изданную и на английском.

– Ну а чем вы занимаетесь сейчас? – прозвучал еще один настойчивый вопрос Мертона.

Уже вполне осмелевший, я принялся излагать ему структуру и концепцию своей докторской диссертации по проблемам социальной философии и социологии одиночества. Мертон явно оживился. Не прерывая, он еще более внимательно «прожигал» меня своими темными глазами. Подняв указательный палец руки, спокойно лежавшей на подлокотнике кресла, Мертон обозначил паузу в моем монологе.

– Так ваша работа об одиночестве или отчуждении?

– Именно об одиночестве, – вполне определенно заявил я.

– Прекрасно. Прекрасно, – как бы с облегчением сказал он.

– Я вообще не понимаю, как можно говорить о социологии отчуждения. Что это такое? Никак не возьму в толк. И если бы вы писали об отчуждении, то это была бы очередная, сто первая и никому не нужная работа на эту тему. Вот одиночество – это реальный, осязаемый предмет.

Как я возрадовался в тот момент, что и в самом деле ушел в свое время от концепции отчуждения, хотя и не был столь же однозначно уверен в ее бессмысленности подобно Мерто-ну.

Мертон принялся диктовать мне на память книги и статьи, а также имена социологов, с которыми мне, по его мнению, следовало бы в первую очередь познакомиться. Все это я аккуратно записывал в блокноте, разложенном на коленях.

Тема, связанная с одиночеством, плавно перешла в другую. Я поинтересовался, кто был изображен на добрых двух десятках окантованных фотографий, висевших на стене напротив Мертона.

Первым Мертон указал на Питирима Сорокина. Потом последовали имена Парсонса, Редклифф-Брауна, Лазарсфельда и других классиков социологии и истории науки, с каждым из которых Мертона связывали особые дружеские отношения. Здесь, винюся, мне изменила элементарная сообразительность. Вместо того чтобы тут же записать этот рассказ Мертона, я, как дурак, кивал головой и судорожно вспоминал, что я знаю о каждом из друзей Мертона, дабы не сказать что-нибудь невпопад. Как бы сейчас пригодились эти записи! Но их нет. И остается лишь надеяться, что, быть может, когда-нибудь мне еще удастся побывать в этом кабинете...

Окончив свой обзор фотографий на стене, Мертон повел разговор об иных вещах. А именно о двух огромных программах, инициатором которых он был. О Центре поведенческих наук в Пало-Альто в Калифорнии и Фонде Рассела Сейджа в Нью-Йорке.

Обе эти научные организации на конкурсной основе принимают обществоведов на срок до одного года и предоставляют им все условия для завершения той или иной научной программы или рукописи. Тут же Мертон поинтересовался, есть ли сейчас в Союзе интересные социологи. Я ответил, что, наверное, есть. «А вы можете дать список их имен и очень краткие характеристики, мол, чем занимаются, чем известны?» С этим для меня было сложнее. Но я пообещал сделать этот список. (И позднее, действительно, не без труда набрал десяток имен и переслал их Мертону.)

Как сейчас понимаю, просьба Мертона, немного странная на первый взгляд, заключала в себе определенный смысл. Когда постепенно скопится несколько таких списков, то будет легче легкого сравнить их и выделить имена тех, кто называется лучшим большим числом независимых респондентов. И тогда «авторитетные» мнения нашей Академии наук, Института социологии и университетов, по большей части весьма командно-бюрократические, наложатся на реальное мнение профессионального сообщества российских социологов. А американцы, в общем и целом, интересуются действительным положением дел. И в социологии тоже.

...Уже более часа мы беседовали с Мертоном. Логика требовала от меня проявления вежливости. Пора было собираться обратно.

Мертон подошел к книжной полке и совершенно неожиданно для меня стал снимать с нее один объемистый том за другим. На каждом из них он сделал трогательную надпись. Так я стал обладателем авторских экземпляров «Social theory and social structure» (1969), «The sociology of science» (1973), «On the shoulders of giants» (1985) и целой пачки отписок статей Мертона.

...А еще через пять минут я уже шел по Бродвею. Шел без всякой цели, «разбирая» в голове впечатления последнего часа. Стало по-вечернему темно, но на этом отрезке единственной диагональной улицы Нью-Йорка, граничащим с Колумбийским университетом, было светло, чисто и «книжно». Книжные магазины попадались на каждом углу и в каждом квартале. Почти автоматически я открыл дверь одного из них и без

всякой идеи зашел внутрь. Побродив среди стеллажей, я набрел на социологический раздел. На одной из полок на меня смотрели корешки тех же томов, что лежали в моем чемоданчике. Это тоже был Роберт Кинг Мертон. Но отделенный от меня стеной своего научного величия и своей классичности.

Тот же Мертон, который жил по соседству, был иным – самым умным из известных мне американцев, тонким психологом и искренне сердечным человеком (редкий дар в Америке!). И потому, быть может, что-то мешает мне, как тогда, так и теперь, считать Мертона чисто американским социологом и американцем вообще. Он измеряется иными человеческими категориями.

Post Scriptum: Книги, Которые Еще Читают

Мой разговор с Мертоном был недолгим. Но есть события, значимость коих не определяется их хронологической продолжительностью. Встреча в феврале в доме на Утренних Холмах положила начало серии других встреч с Мертоном, переписке, одновременно носящей и дружеский, и теоретический, и практический характер. Именно тот характер, которым обладает сам Мертон. (Ко всему прочему Мертон, один из самых аккуратных и творческих корреспондентов в частной переписке, коих мне приходилось встречать в своей жизни. На полученные письма он отвечает немедленно и с трогательной «проработкой» всех тем и вопросов, содержащихся в моем письме.)

Еще в США, а теперь и в Москве стала складываться моя библиотека Mertoniana. Со временем она пополнилась присланными мне Мертоном копиями писем к нему Толкотта Парсонса, посвященными наследию Сорокина, целым рядом других историко-социологических документов, которые недвижно лежали в глубинах архива Мертона. Надо думать, наступит время, когда они будут опубликованы на русском языке.

По счастливому стечению обстоятельств по приезде в Москву я сразу же начал читать курс функционализма Роберта Мертона для студентов социологического факультета. «Священные» фолианты Мертона вскоре перекочевали к моим студентам, и потому сейчас не стоит удивляться, что эти книги с дарственными посвящениями автора несколько подистрепались. Но это, хочется думать, самый благородный вид старения книг – Книг, Которые Еще Читают.

Чтение, если это настоящее чтение, не может быть пассивным. Так на свет появились уже частично реализованные нашими студентами проекты переводов, реферативных сборников и новых русских публикаций произведений Роберта Мертона.

Что ж, можно лишь надеяться на то, что, наконец, идеи этого выдающегося мыслителя, оставив в неприкосновенности мое поколение вре-

мен «стагнации», быть может, окажут свое влияние на новое поколение наших социологов эпохи «постперестройки».

*Нью-Йорк, Чепел-Хилл (Сев. Каролина), Москва,
1990–1991 гг.*

* * *

Рекомендации, которым не следуют

Очерк о знакомстве с Робертом Мертоном абсолютно документален.

С тех пор прошло двадцать лет, но по-прежнему обстоятельства первой встречи с великим социологом встают передо мной словно все это произошло вчера. В каком-то смысле эта встреча была случайной. В ней не было тщательной спланированности и предзаданности. Все произошло, как говорится, само собой, по воле случая. Почти так.

Но во всем этом была и своя непознанная закономерность. Мертон стал для меня своего рода путеводной звездой в определении моего маршрута в социологии. Трудно сказать, кем бы я стал, если бы не получил уроков профессии и науки у этого классика. В любом случае «Социальная теория и социальная структура» Мертона сыграли роль библии в обретении мной «истинной» веры, а именно социологической. Но в этой судьбоносности есть и достаточно объективный смысл. Как мне кажется, для современной российской социологии, погрязшей во внутренних коллизиях на пути из прошлого в будущее, нет лучшего способа очиститься от *вне-, пара-, недо-, псевдосоциологического* дискурса, как сделать книгу Мертона своим настольным катехизисом. Говоря конкретнее, я разделяю всех нынешних социологов на тех, кто может говорить на понятийном языке «Социальной теории и социальной структуры», и тех, кто по разным причинам этим языком не владеет, либо отказывается от него.

...В 2006 г. с группой студентов-социологов из ГУ–ВШЭ я прошел по Гарлему в направлении Утренних Холмов в точности по ориентирам 1990 г. Гарлем сильно изменился с тех пор. Теперь это вполне респектабельный район Нью-Йорка, хотя, конечно, и не самый лучший на Манхэттене. Но достаточно безопасный в любое время суток. Да и парк на границе Гарлема и Колумбийского университета превратился в ландшафтный рай с несколькими площадками для обозрения окружающего города. Очень жаль, трагически жаль, что посетить самого Мертона мы уже не могли. Он умер в феврале 2003 г. Думаю, что если бы эта встреча социологической молодежи из России и американского классика состоялась, то она имела бы символически-эпохальный смысл – передача эстафеты поколений. Но и без этого воображаемого события «цепь бытия» (chain of being) по Лавджоу сплетает своими звеньями различные культуры и эпохи.

Впрочем, одну небольшую главу в очерк о Роберте Мертоне нужно включить. Назовем ее «Рекомендации, которым не следуют».

...В одной из позднейших бесед с Мертоном я принялся горько и с большой досадой рассказывать о бедственном положении российской социологии начала 1990-х годов. (Это такой особый жанр самоизлияния российской души – жалобы на мир и судьбу. Другим нациям и особенно американской он не свойственен. И хотя я всегда старался бороться в себе с этим негативным уклоном, успех был переменным.) А посетовать на судьбу было за что. Не говоря уже о пустых полках в магазинах и невыплачиваемых зарплатах, даже университеты вошли в режим затухания. Учебный процесс, в том числе на социологическом факультете, становился все более условным и чисто формальным. Преподаватели неделями не появлялись на факультете. Учебные курсы не то читались, не то – нет. Кто именно работает на кафедре, было трудно сказать. Коллеги куда-то уезжали, исчезали на месяцы и даже годы. Потом вдруг появлялись из ниоткуда. Все приобретало несколько ирреальный характер.

Мертон внимательно и не задавая вопросов, выслушал меня. Никакой сочувственной реакции на лице его, к своему удивлению, я не прочитал. А как хотелось, чтобы тебя пожалел сам Мертон! Вместо этого он сказал: «Могу дать одну рекомендацию. Каждый день завершайте подробными записями о том, что с вами случилось. Прикладывайте к записям вырезки из газет и журналов, полученные письма и даже самые пустяковые документы, квитанции, чеки. Со временем все это станет бесценным материалом, который просто вас озолотит. Поверьте мне. Ведь вы – социолог, и ваш выбор уже изначально содержит в себе силу и значимость научного исследования, которое позднее уже нельзя будет восполнить или реконструировать. Имейте это в виду».

Замечательному совету Мертона я не последовал. По разным причинам, ни одну из которых нельзя считать уважительной. И теперь каждый год, читая курс лекций по социологии, в котором звучит имя Мертона, я передаю его рекомендацию молодым социологам. Бог весть, быть может, кто-то из них исполнит эту рекомендацию.

Москва, 2010 г.

ПИСЬМА Р.К. МЕРТОНА Н.Е. ПОКРОВСКОМУ

1. 1 февраля 1999 г.

Дорогой Никита!

Как Вы знаете, в эти несколько дней я, разумеется, хотел бы косвенно быть среди тех многих людей, которые собрались почтить моего учителя и друга, Питирима Александровича. Как Вы также знаете (но я не хотел бы, чтобы это получило широкую огласку), я в настоящее время нахожусь под врачебным присмотром в связи с болезнью крови, и мне в ближайшее время предстоят повторные обследования. Кроме того (и этого Вы не знаете), в последние десять дней я стал еще одной жертвой сильного гриппа, который прошелся по Нью-Йорку и другим местам. Тем не менее мне удалось собрать полдюжины страниц воспоминаний о днях моего студенчества, прошедших вместе с Питиримом (что само по себе не могло бы, по моему мнению, стать подходящей темой для вступительного слова на Конференции, как Вы мне предлагали). Я, несомненно, могу написать страничку-другую вводных слов общего характера к этому небольшому докладу, когда вернусь утром после визита к врачу. Возможно, это послужит введением в мои воспоминания о днях, когда я был у него студентом-и-ассистентом.

Теперь хотел бы узнать, как, с Вашей точки зрения, будет лучше. Если я пришлю Вам эти странички позже факсом – а у Вас, разумеется, день уже будет заканчиваться, – поспеют ли они вовремя, чтобы их перевести, что, как Вы сказали, надо будет сделать? Мне было бы предпочтительнее отправить эти 6–7 страниц факсом, чем пытаться послать по электронной почте, так как я испытываю трудности с пересылкой по электронной почте таких больших сообщений из своего дома. Пришлите мне, пожалуйста, номер Вашего факса. И посоветуйте мне, как поступить со сроками, с Вашей точки зрения.

Пишу в спешке,
с теплыми пожеланиями,
ркм

2. 1 февраля 1999 г.

Дорогой Никита!

Только что вернулся от своего доктора. Как ни пытался я его убедить, что должен кое-что написать к открытию Конференции, он настоял, чтобы я отдохнул. Так что, к сожалению, мне запрещено садиться за компьютер, чтобы сделать необходимую работу.

Как я уже писал в прошлом письме, я набросал короткое воспоминание о своих ранних встречах с ПАС, но это никак не торжественная речь, которая могла бы послужить ВСТУПИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ на Конференции.

Оно могло бы послужить своего рода неформальным историческим сообщением, собранным из документов, о ранней встрече юного ассистента с великим человеком. Однако в нем ничего не говорится о его многочисленных новаторских трудах и их непреходящей значимости.

Я попрошу мою научную ассистентку (на полставки) Элизабет Нидхем отправить Вам по факсу эти странички с воспоминаниями и посмотреть, не сможет ли она также послать их Вам по электронной почте.

Мои наилучшие пожелания Вам и коллегам, которые соберутся на это крупное событие в Москве. И от всей души желаю успеха Конференции.

Роберт К. Мертон

3. 2 февраля 1999 г.

Дорогой Никита!

Как Вы (надеюсь) видите, моя ассистентка Элизабет Нидхем посылает Вам мою статью и в виде письма, и как приложение (для надежности). Мы попытались также отправить Вам ее копию факсом, но постоянно идет ответ «занято» (это означает лишь, что нам никак не удастся пробиться, а не то, что Ваш факс / телефон непременно занят).

Из этой документальной заметки Вы поймете, почему я сомневаюсь в том, что она будет подходящей ВСТУПИТЕЛЬНОЙ речью для Конференции, ведь она посвящена ранним дням, когда я был у Питирима Александровича студентом-ассистентом.

Тем не менее распоряжайтесь ею так, как сочтете нужным.

Вот пока и все.

С добрыми пожеланиями,
ркм

4. 3 февраля 1999 г.

Дорогой Никита!

Понимаю, что Вы, должно быть, очень заняты колоссальной работой по подготовке большой Сорокинской конференции. Этим, несомненно, и объясняется то, что я пока не получил от Вас ни по электронной почте, ни по факсу ответа на настойчивые попытки моей ассистентки Элизабет Нидхем и меня переслать Вам мою статью для конференции. В последний

раз это был обновленный полный текст, где все форматирование, возможно, мешавшее пересылке, было снято в надежде на то, что это, возможно, позволит Вам получить текст полностью читаемым. (Несколько попыток дополнительно переслать его по факсу на Ваш домашний номер оказались бесплодными.) Дайте, пожалуйста, знать мне или Элизабет, был ли получен хотя бы как-то целиком разборчивый текст.

Еще раз хотел бы пожелать полного успеха этой исторической конференции, которая, уверен, ознаменует новую веху в нынешней истории Социологии в России. И как же верно, что она проводится в честь великого мастера искусства, ремесла и науки Социологии – Питирима Александровича Сорокина!

Мой самый теплый товарищеский привет участникам конференции!

Роберт К. Мертон

Ах, если бы я мог вместе со всеми почтить Питирима Александровича!

5. 17 мая 2000 г.

Дорогой Никита!

До глубины души тронут Вашим письмом. Вы совершенно очевидно занимаете ведущие позиции в необходимой и трудной институционализации хорошо укорененной Социологии. Я почти слышу бурные аплодисменты Питирима Александровича, входящего в «Кабинет общей социологии». И как же правильно, что Вы и Ваши коллеги проследили за тем, чтобы там был общепризнанный Отец Русской Социологии! Я смотрю на любимую его фотографию, висящую над моим письменным столом, и вижу, как он весело кивает в знак одобрения.

Поздравляю также Ваших коллег с тем, что они признали Ваше интеллектуальное и институциональное лидерство, избрав Вас президентом Профессиональной социологической ассоциации. Это залог непрерывного и кумулятивного роста и развития, если, конечно, Вы не перенапряжете свои силы. Следите за этим.

Приятно также узнать, что в МСА Вы работаете с Петром Штомпой. Это не может не быть благотворным.

Слова о том, что «СТиСС» уже в издательстве, будят дремавшие во мне воспоминания о визите в Москву в 1962 г. (я был единственным социологом среди членов первой официальной делегации социальных ученых из Национальной академии наук, приехавшей по приглашению Академии наук СССР). Один русский коллега – не вспомню кто – тайно поведал мне тогда о хождении самиздатовской версии «СТиСС», но ни одного экземпляра ее я не видел. И вот пропажа нашлась.

Передайте Сергею Кравченко и Геннадии Ашину, что их визит был очень приятным (хотя нам пришлось отказаться от официального завтрака в бистро и довольствоваться пампушками в местной китайской кулинарии).

Будьте на связи, не пропадайте.
С добрыми пожеланиями,
ркм

6. 7 октября 2000 г.

Дорогой Никита!

По прошествии многих месяцев это вряд ли ответ на письмо, скорее некоторое множество конкретных и, возможно, странно звучащих вопросов. Поскольку Вы сообщили мне, что книга «СТИСС» переведена и находится в печати (или, быть может, к сему времени уже вышла), не скажете ли мне, как было переведено и транслитерировано в кириллице слово «serendipity»?

Кроме того, появлялось ли это слово отдельной статьей в каком-либо русско-английском и англо-русском словаре? И наконец, что покажется самым странным, если оно каким-то невероятным образом появилось в таком двуязычном словаре, между какими двумя статьями находилось в английской и русской частях словаря статья «serendipity»?

Теперь объясню, зачем я обо всем этом спросил. Я пишу послесловие к книге, написанной в конце 50-х годов совместно с Элиной Барбер. В то время я решил ее не публиковать. Но мой многоуважаемый итальянский издатель Иль Мулино в конце концов убедил меня опубликовать перевод этого текста в том виде, в каком он был оставлен в 50-е годы, как своего рода «временную капсулу», показывающую, как я мыслил тогда о такой малозамечаемой теме, как «serendipity» (особенно в научной открытии). По-английски эта книга называется «THE TRAVELS & ADVENTURES OF SERENDIPITY: A STUDY IN SOCIOLOGICAL SEMANTICS & THE SOCIOLOGY OF SCIENCE» (включенный в название компонент «Путешествия и приключения» отсылает к названию «глупой» сказки, подвигшей Хораса Уолпола в 1754 г. ввести слово «serendipity», а именно: «ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРЕХ ПРИНЦЕВ СЕРЕНДИПА»).

Я написал бы Вам гораздо раньше, если бы не был свален в последние месяцы различными болезнями, но теперь я почти полностью поправился. Надеюсь, у Вас и у Ваших близких все хорошо.

С теплыми дружескими пожеланиями
ркм

7. 25 марта 2002 г.

Дорогой Никита!

Приятно получить весточку от Вас после долгого перерыва, вызванного четырьмя операциями, которые я за последние полгода перенес. Разные мои хирурги говорят мне, что я поправляюсь «пока в среднем темпе» (особенно заметном для человека, которому за девяносто). Из всего, что я слышал от Барри Джонстона о Ваших многочисленных и разнообразных обязанностях, для меня становится легко объяснимым и Ваше молчание.

Нет, из издательства «МАИК Наука Интерпериодика» мне не писали, а потому было особенно приятно получить от Вас весть, что Вы договорились о первом русском переводе «СТИСС». Тем более о том, что он выйдет первой книгой в руководимой Вами «Большой социологической серии». Авторскими правами на «СТИСС» владеет всеядный издательский дом «Simon & Schuster», приобретший «The Free Press» в качестве одного из подразделений. Правами на публикации за рубежом распоряжается Эшли Мэббит. Адрес ее электронной почты Ashley.Mabbitt@SimonandSchuster.com. Ее телефон – 212 698 7329, факс – 212 632 8099. Дайте мне знать, не могу ли я чем-то помочь, особенно учитывая то, что моя сотрудница Элизабет Нидхем очень хорошо помогает зарубежным издательствам в установлении контакта с моими издателями.

Мне весьма приятна мысль, что мой портрет будет размещен рядом с портретом Питирима Александровича на стене в университете, хотя бы до тех пор, пока не явится какой-нибудь новый Брежнев и не осуществит свою прерогативу на занятие этого драгоценного места. Из того, что мне говорит Барри, я понял, что Вы поистине развиваете центр социологической работы в университете.

Программа по теории аномии, которую Вы составили для Всемирного Конгресса, впечатляет. Что касается «главного» докладчика, то я обратился бы прежде всего к Раймону Будону в Париже, хотя мне кажется, что сейчас он менее склонен путешествовать на дальние расстояния, чем раньше. Я считаю его одним из самых знающих и глубоких социологов наших дней. Другим мог бы быть Нейл Смелзер; его работу Вы, конечно же, знаете. Он только что сложил с себя две большие обязанности: директора Центра продвинутых исследований в поведенческих науках и одного из главных редакторов вновь публикуемой «Международной энциклопедии социальных и поведенческих наук» (порядка 26 томов). Каждый из них добавил бы лоска в Вашу программу.

Остаюсь на связи.

С теплыми дружескими пожеланиями,

Роберт К. Мертон

P.S: По случаю воспроизвожу здесь письмо, которое я отправил на днях в Москву в ответ на просьбу (молодого?) студента дать ему разрешение на перевод «НАУКИ, ТЕХНОЛОГИИ И ОБЩЕСТВА В АНГИИ XVII ВЕКА».

Я не хотел охлаждать пыл, по всей видимости, энергичного студента, но, боюсь, его целеустремленность опережает его текущие способности. Во всяком случае, как Вы видите, я предложил ему проконсультироваться у Вас; надеюсь, это сильно Вас не обременит.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

Д.В. Ефременко
НЕЮБИЛЕЙНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хронологическая близость двух памятных дат – 120-летия со дня рождения Питирима Александровича Сорокина (2009) и столетней годовщины со дня рождения Роберта Кинга Мертон (2010) – стала отправной точкой для подготовки настоящего раздела. Но помимо формального повода, сразу же стало понятно, что переплетение судеб этих великих социологов XX в. должно быть подлинным стержнем «юбилейного» раздела. Сорокин и Мертон – две знаковые фигуры в истории социологии – символизируют также плодотворность диалога и взаимообогащения русской и американской традиций социологической мысли. И если история начавшегося в 1930-е годы сотрудничества Питирима Сорокина и Роберта Мертона служит ярким примером такого диалога, то материалы настоящего раздела явно показывают, что эта эстафета подхватывается и следующими поколениями российских и американских социологов.

Среди включенных в этот раздел текстов особо хотелось бы выделить самую полную подборку материалов длившейся на протяжении десятилетий переписки между Питиримом Сорокиным и Робертом Мертоном. В подборке объединены письма, хранящиеся в собрании Саскачеванского университета (Канада) и опубликованные в 2009 г. в русском переводе (1), а также письма, которые Роберт Мертон незадолго до смерти передал Н.Е. Покровскому (эти письма публикуются впервые; перевод выполнен В.Г. Николаевым). Данная публикация стала результатом сотрудничества редакционной коллегии «Социологического ежегодника» и Регионального учебно-научного центра имени Питирима Сорокина в Сыктывкаре. По нашему мнению, воссоединение прежде разрозненных материалов переписки Питирима Сорокина и Роберта Мертона позволяет не только с максимальной полнотой реконструировать историю личных взаимоотношений этих выдающихся мыслителей, но и расширяет представления о тех этапах развития мировой социологии, ключевыми фигурами которых были Сорокин и Мертон.

К сожалению, реалии существования российской социологии не дают оснований для юбилейной благостности. В конце октября 2010 г., незадолго до сдачи этого выпуска Ежегодника в печать, пришла неожиданная новость: решением ректора Сыктывкарского госуниверситета Василия Задорожного был закрыт Региональный учебно-научный центр имени Питирима Сорокина. Центр был создан при Сыктывкарском университете всего лишь полтора года назад в рамках празднования 120-летнего юбилея Питирима Сорокина, который, как известно, родился в старинном селе Турья, находящемся сегодня в административно-территориальных границах Республики Коми. Создание Центра стало не только ключевым событием юбилейных мероприятий – оно должно было служить демонстрацией серьезности намерений региональной управленческой и интеллектуальной элиты сформировать в республике устойчивую традицию изучения научного наследия Питирима Сорокина и – шире – социально-гуманитарных исследований, раскрывающих потенциал идей этого великого социолога. В считанные месяцы немногочисленный коллектив сотрудников Центра во главе с П.П. Кротовым сформировал обширную и постоянно пополняемую базу данных о научном наследии и биографии Питирима Сорокина; интернет-сайт центра (<http://www.pitirimsorokin.org>) благодаря высокой информативности и оперативному обновлению материалов вошел в число сетевых ресурсов, востребованных российскими социологами. Деятельность Центра привлекла внимание как российского научного сообщества, так и зарубежных исследователей. Главным достижением специалистов Центра стала научная публикация сорокинского эпистолярного наследия – почти четырех сотен писем Питирима Сорокина и его корреспондентов (1). Близилась к завершению и подготовка к изданию книги «От войны к миру: Семья Сорокиных в борьбе против фашизма», основанной на архивных материалах, переданных Центру сыном Питирима Сорокина Сергеем.

Каковы же мотивы закрытия Сорокинского центра в Сыктывкарском госуниверситете? Насколько можно судить по опубликованным заявлениям и комментариям, их два – официальные планы по созданию в республике «Центра наследия Питирима Сорокина» и коммерческая неэффективность. Аргумент ректора В.Н. Задорожного о том, что параллельное существование двух центров по изучению наследия Сорокина неоправданно (2), как будто звучит вполне весомо. Однако дистанция от принятия официального постановления до его практической реализации далеко не пройдена. Согласно постановлению, новый центр должен начать свою работу лишь в марте 2011 г. К тому же нет достаточных гарантий, что этот срок будет соблюден, а вновь созданная организация станет действительно полноценным исследовательским учреждением. Между тем, изгнание ранее функционировавшего Сорокинского центра из стен университета означает дезорганизацию его работы. И если издательские проекты могут успешно осуществляться за пределами СГУ, то по научной работе рядя

студентов университета, которые принимали активное участие в деятельности Центра, нанесен тяжелейший удар.

Что касается «коммерческой неэффективности», на которую сетует ректор Задорожный, то и в России, и за рубежом подавляющее большинство структур, подобных Сорокинскому центру, являются бесприбыльными, существуют за счет бюджетного финансирования, целевой грантовой поддержки научных фондов или пожертвований благотворителей. Надо полагать, что теперь, после изгнания Сорокинского центра, ректорат сумеет распорядиться «освободившимся» помещением таким образом, чтобы «возместить» затраченные на его ремонт 150 тыс. руб. (2). Однако продемонстрированное В.Н. Задорожным понимание экономической эффективности – это, действительно, «нашего времени случай-с». Далеко не секрет, что в российской науке и российском образовании сегодня укрепляются позиции именно тех управленцев, для которых понятия «репутация» и «долгосрочные инвестиции в интеллектуальный и человеческий капитал» являются пустым звуком.

...В отличие от рождения и смерти одного человека, их юбилеям присуща повторяемость. Памятные даты выстраиваются в длинную череду, обрывающуюся лишь тогда, когда больше не находится желающих их отмечать. Питирима Сорокина и Роберта Мертона будут помнить до тех пор, пока существует социология. Только празднование ближайших памятных дат – 125-летия или 130-летия со дня рождения Сорокина – в Республике Коми будет, по всей видимости, сопровождаться недоуменными вопросами относительно тех обещаний и деклараций, которые щедро раздавались во время предыдущего юбилея. Вероятно, найдутся те, кто захочет подвести баланс торжественных заявлений и практических дел. И тогда на одной чаше весов окажутся реальные достижения сотрудников Сорокинского центра, а на другой – решение ректора Задорожного. Что же, в конце концов, перевесит?

Литература

1. Питирим Сорокин: Избранная переписка / Под. ред. П.П. Кротова. – Вологда: Древности Севера, 2009. – 336 с.
2. Центром наследия Питирима Сорокина должна заняться Коми – ректор СыктГУ Василий Задорожный. – Режим доступа: <http://komiinform.ru/news/72057/>

VI. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАФЕДРА

Н.Е. Покровский

УНИВЕРСИТЕТ УХОДИТ В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Перефразируя известное высказывание, можно с большой долей уверенности заявить, что тот, кто владеет современными инфокоммуникациями, владеет миром.

В понятии «инфокоммуникации» естественным образом объединяются два понятия – «информация» и «коммуникации». Таким образом, уже недостаточно просто обладать информацией или генерировать ее. Необходимо осуществлять ее перенос и распространение в заданной среде и по обусловленным целевым ориентирам.

Эти достаточно абстрактные истины между тем имеют прямое отношение к практике университетского образования и реализации научных проектов. Если в свое время был актуален призыв: «Ни одно социологическое исследование не существует, пока оно не отражено в СМИ» (М.К. Горшков, директор Института социологии РАН), то сегодня уже приходится говорить о комплексных программах распространения научного знания и передовой экспертизы в сложном информационно-коммуникационном пространстве с использованием разнообразных форм («форматов»). При этом производители образовательных и научных продуктов теперь одновременно становятся и их распространителями, владеющими всеми средствами коммуникаций. В этих условиях учебный процесс в университетах превращается в инфокоммуникационный процесс, требующий сложных настроек, ранее не присутствовавших в арсенале университетов.

На недавнем Всемирном социологическом конгрессе в Гётеборге вопрос об инфокоммуникационном присутствии социологии в мире был поднят на новую высоту. По мысли нового президента Международной социологической ассоциации профессора Майкла Буравого (США), электронные медиа становятся кардинальными для ведущей организации всех социологов мира. Это включает различного рода электронные бюллетени, достигающие посредством Интернета удаленных социологических центров и факультетов, интернет-сайт «Университеты в кризисе», превращающийся в поле обсуждения перспектив высшего образования, «портре-

ты социологов» – трибуна ведущих мировых экспертов-социологов, обращающихся посредством электронных коммуникаций к широким слоям мирового сообщества. Программа МСА по внедрению в систему современных коммуникаций лишний раз подчеркивает значимость этого направления.

Особое измерение инфокоммуникационной трансформации гуманитарной сферы и образования связано с виртуализацией. Это процесс утраты важнейшими институтами общества их материальной «осязаемости», предметности, эмпиричности, даваемой нам в ощущениях, и переходом в электронно-цифровую-медийную-коммуникационную форму.

Для традиционалистского сознания понятие «университет» ассоциируется, прежде всего, с представлениями о комплексе зданий (кампусе), аудиториях, наполняемых студентами, руководимыми профессорами. Все рисуется воображением в конкретной материальной оболочке и непременно в режиме очного присутствия. От этих стереотипов восприятия университета теперь приходится все чаще и чаще отказываться. Университет продолжает оставаться сложно настраивающейся системой, все большую роль в которой начинают играть виртуальные отношения и процессы, т.е. опосредованные цифровыми технологиями перенесения информации и контроля.

Университет постепенно и частично уходит «в виртуал» в том смысле, что учебный процесс преодолевает физические дистанции, во многих случаях не требуя очного присутствия в одном пространстве и в одно время всех вовлеченных субъектов действия. Коммуникативные отношения в университетской среде переходят в свое иное качество – в инфокоммуникационный онлайн.

Этот процесс носит объективный характер. Он не есть дань инновационной моде. Напротив, указанная тенденция существенно повышает эффективность всей учебной деятельности и открывает перед ней принципиально новые горизонты.

* * *

Группа молодых социологов, работающая на кафедре общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики под руководством профессора Н.Е. Покровского, поставила своей целью исследовать процесс виртуализации университетских и научных коммуникаций в современном мире, смоделировать это явление, протестировать его в режиме эксперимента. Какие-то аспекты виртуализации представляются самоочевидными, например широкая компьютеризация и оцифровка учебных материалов, использование визуальных медийных средств подачи текстов и сопровождения лекций. Все большее распространение получают такие явления, как продолжение диалога студента и преподавателя по учебным вопросам, перенос этого диалога в среду Интернета. Однако еще более радикальные новшества связаны с развитием дистантного обра-

зования в формате онлайн-телеконференций и спутникового телевидения. Онлайн фактически становится параллельной формой образовательного процесса, а в каких-то случаях и основной.

Так, на кафедре общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики уже существует целая система онлайн дистантных курсов, основывающаяся на телемостах в реальном времени. Виртуальные телемосты связывают социологов из ГУ–ВШЭ с коллегами в ведущих российских и зарубежных университетах. Само онлайн-преподавание превратилось в своего рода повседневность учебного процесса. Важным компонентом этого процесса стали мастер-классы выдающихся современных социологов, через океаны и границы непосредственно обращающихся к будущим магистрам социологии.

* * *

Ниже помещаются транскрипты (записи-протоколы) телемостов с современными классиками социологии. Все тексты авторизованы.

Организационную и редакторскую работу выполнил А.Е. Боклин, (аспирант кафедры общей социологии ГУ–ВШЭ и Университета Дж. Мейсона, США).

Подготовительная работа – А.Н. Андреев

МИР В ДВИЖЕНИИ / ТЕЛЕМОСТ С ДЖОНОМ УРРИ
World on the move / Telebridge with John Urry;
Higher school of economics (Moscow, Russia) –
Lancaster university (Lancaster, UK), 10 September 2009

Джон Урри (род. 1946)

Выдающийся современный британский социолог, профессор Ланкастерского университета, руководитель Центра исследований мобильности. Им написаны работы в области социологии окружающей среды, социологии туризма, социологии мобильности и в области социальной теории в целом.

В ранних работах Урри внимание было сосредоточено на социальной теории и философии социальных наук. В соавторстве с Расселом Китом он подготовил труд «Социальная теория как наука» (1975, 1982), в котором изложены основные черты реалистической философии науки. В «Анатомии капиталистических обществ» (1981) представлены критические очерки к ряду марксистских традиций, структурализму Л. Алтьюссера, немецкой теории государства и к последователям А. Грамши. В последнее время Джон Урри фокусирует свое внимание на изучении изменений в характере мобильности в современном обществе. Среди последних работ Дж. Урри: «Социология за пределами общества» (2000), «Мобильные технологии города» (соредактор с М. Шелером, 2006).

Participants

JU – John Urry, Lancaster University

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

SB – Svetlana Bankovskaya, HSE

AB – Alex Boklin, HSE

Q – Questions from HSE MA students

JU: It sometimes seems as if all the world is on the move. The early retired, international students, terrorists, members of diasporas, holidaymakers, business people, slaves, sports stars, asylum seekers, refugees, backpackers,

commuters, young mobile professionals, prostitutes – these and many others – seem to find the contemporary world is their oyster or at least their destiny. Criss-crossing the globe are the routeways of these many groups intermittently encountering one another in transportation and communication hubs, searching out in real and electronic databases the next coach, message, plane, back of lorry, text, bus, lift, ferry, train, car, web site, wifi hot spot and so on. So we have sort of pattern of movement and various hubs where different groups in different sorts of ways – virtually or really – encounter each other.

The scale of this travelling is immense. It is predicted that by 2010 there will be at least one billion legal international arrivals each year (compared with 25 million in 1950); there are four million air passengers each day; at any one time 360,000 passengers are at any time in flight above the United States, equivalent to a substantial city; 31 million refugees roam the globe; and there were 552 m cars in 1998 with a projected 730 m in 2020, equivalent to one for every 8,6 people. In 1800 people in the United States travelled on average 50 metres a day – they now travel 50 kilometres a day. Today world citizens move 23 billion kilometres; by 2050 it is predicted that that figure will have increased fourfold to 106 billion.

Today world citizens move 23 billion kilometres; by 2050 it is predicted that that figure will have increased fourfold to 106 billion. But interestingly, people actually don't spend more time travelling, since this seems to have remained more or less constant at about one hour or so a day. Also, people do not necessarily make more journeys, they don't travel more time – but they travel faster and further, so what is crucial is the speed of travel. And of course what has happened has been the shift from walking, cycling or being on the back of a horse to sitting in the car, being on the train or in an airplane, the shift from slow modes to fast modes of travel.

The amount of travel industry accounts for about 10% of the world economy, about 10% of the world employment and about 10% of world income, and almost everywhere is to some degree affected by it. The World Tourism Organization, for example, publishes statistics for over 200 countries: most countries send and most countries receive some visitors. Perhaps North Korea has very few of them, but almost every other country of the world is a recipient of some visitors.

We have a pattern of voluntary or mostly voluntary travelling. It is the largest ever peaceful movement of people across borders. To some degree for people who are relatively affluent, maybe the rich – quarter or the third of the world population – the world has become a «department store of countrysides and cities» that can be at least from time to time sampled. And it is also interesting: even with various global catastrophes like September 11 or the bombings in Madrid, Bali, Moscow and London, various global pandemics and so on this pattern of general increase in physical movement and in communications has not significantly gone down. If you look at the statistics after September 2001 or after these various bombings you got a little deep and then it reasserts itself.

The only exception to that has been after the financial collapse in various countries – it has been a significant worldwide deep after October 2008. Interesting question as well is whether that upward line will reassert itself or whether this is a significant shift eating mobility patterns around the world.

I should also point out that not only people are physically mobile but also materials are on the move, often carried by moving bodies and of course many products are made up of many different components that have been moved in and assembled in different sorts of ways. Physical movement takes place at the same with an astonishing growth of the Internet from 1993 and 1994 when the first Internet practices were brought in, and since the growth of mobile telephony as well. Internet, mobile telephony have reorganized communications between people and yet you have also had a large and significant increase in physical movements simultaneously.

It is now thought like 2 to 3 billion mobile phones in the world, with the population of 6,5 billion people and a billion to 2 billion internet users. So you have a worldwide mobilizing of mobile phones, Internet and also physical movements. Mobile technologies appear to be transforming many aspects of economic and social life that are in some sense on the «move» or away from «home». What we have are extensive, intricate connections between physical travel and modes of communication. Some people say that physical changes appear to be «de-materializing» connections, as people, machines, images, information, money and finance, ideas and dangers are «on the move», making and remaking connections at rapid speeds around the world. I think that issues of too much movement for some and too little for others, the wrong sort of movement or the wrong time are central to people's lives and central to the operations of many organizations, public institutions, private companies, NGOs and so on, they are centre-stage on many policy and academic agendas.

Q: What do you think about the recent development of mobile technology? Does it change the experience of movement? Does it actually destroy the experience of movement? Because irrelevant of where you are, you are constantly linked to your personal networks, you can even receive a call from your mother asking what you had for breakfast.

JU: Yes, sure. One of the things I would suggest is the way in which people are not quite away, intimately connected, and some people describe this as «imagined presence». As you move you are in your little mobile machine carrying around your connections and your relationships.

And of course address books. In a way, everybody's address book is different from others. So rather than in former times most people would have known roughly the same other people, what mobile life is a situation in which people know a lot of different people and each person's network is distinct, we have personalized networks. It is also interesting because although we don't know each other, but probably there are connections between our networks: there are people in my address book who know some other people, who would

then know Nikita, so there are interesting interconnections around the world through these networks.

* * *

JU: There are four main senses of the term «mobile» or «mobility». I use it a lot and write about the idea of mobile sociology. I think «mobile» has at least 4 meanings.

First, there is the use of mobile to mean something that moves or is capable of movement, as with the iconic mobile (portable) phone but also with the mobile person, home, hospital, kitchen, and so on. Mobile is a property of things and of people (as with the class designated the «new mobility»). Many technologies in the contemporary era appear to have set in motion new ways of people being temporarily mobile, including various physical prostheses that enable the «disabled immobile» to acquire some means of movement. Mostly the term mobile here is a positive category, except in the various critiques of what has been termed «hypermobility».

Second, there is the sense of mobile as a mob, a rabble or an unruly crowd. The mob is seen as disorderly precisely because it is mobile, not fully fixed within boundaries and therefore needs to be tracked and socially regulated. The contemporary world appears to be generating many new dangerous mobs or multitudes, including so-called smart mobs, which are less easily regulated and require for their governance, new and extensive physical and / or electronic systems of counting, regulation and fixing within known places or specified borders.

Third, there is the sense of mobility deployed in mainstream sociology / social science. This is upward or downward social mobility. Mobility is here vertical. It is presumed that there is relatively clear cut vertical hierarchy of positions and that individuals can be located by comparison with their parent's position or with their own starting position within such hierarchies. There is debate as to whether or not contemporary societies have increased the circulation of people up and down such hierarchies, making the modern world more or less mobile. Some argue that extra circulation only results from changes in the number of top positions and not in increased movement between them. There are complex relations between elements of physical movement and social mobility.

And finally, there is mobility in the longer term sense of migration or other kinds of semi-permanent geographical movement. This is a horizontal sense of being «on the move», and refers especially to moving country or continent often in search of a «better life» or to escape from drought, persecution, war, starvation and so on. Although it is thought that contemporary societies entail much mobility in this sense, previous cultures often presupposed considerable movement such as from Europe to the dominated countries of their various Empires or later to North America.

I am going to use «mobility» to cover all of these senses but we have to be careful to be precise about which we are using.

One of the things that happened in the last 20–30 years has been the growth of an enormous number of different kinds of social patterns that presume physical movement and communications at a distance.

First of all, there has been the growth of forced migration, asylum seeking, refugees, the homeless, travelling and migrating. And of course some of these are now said to be the product of the effects of the climate change (droughts, floods etc), of huge problems in securing sufficient food in various countries and continents. And indeed some are related to the growth of slavery: some people now say there are more slaves in the contemporary world than there were at the heights of the European slave trade in the late 18th century – the period of the European history that Europeans are often keen to forget. But there is a large amount of forced or more or less forced movement and often obviously in circumstances which are unbelievably exploitative and oppressive.

Second kind of travel is the huge amount of business and professional travel and the proliferation of all sorts of places – hotels, conference centers – which have sprung up to provide temporary homes for business and academic folks, architects and artists and so on to meet up, often explicitly in neutral territories. The scale of that is very extensive.

Thirdly, there has been the growth of international students and the travel by young people often developing what in New Zealand is called «overseas experience». I guess a lot of people at least in Europe would also have patterns of overseas experience, they believe that in order to discover yourself you have to have travelled – away from the place that you were brought up in. That is quite significant

Fourth category has been the growth of a large amount of medical travel. In fact medical travel was very important in the early development of leisurely travel because of the importance of spa-towns – places to take water. These days, in the contemporary world there are many different kinds of what people call «medical tourism». I think one of the interesting countries for medical tourism is Cuba. It has a good health service and now tries to attract large numbers of west-European visitors and Canadians.

Fifthly, there is a significance of what we might call military mobility of armies, tanks, helicopters, aircrafts, satellites and so on, some of which have important spin-offs into civilian usages: for example, airports often change from being military to then being civilian.

Then is a quite significant pattern of what I call «post-employment travel», that is people retiring to the same country or to sunnier places – a lot of people from Scandinavia often retire to Spain and other parts of the Mediterranean, so persons of retirement are forming transnational post-employment lifestyles.

Then also what I call «trailing travel», the trailing travel of children, partners, other relatives and domestic servants who have to follow around the primary breadwinner, that is a trailing pattern of dependence.

Then there is travelling migration within diasporas; the most interesting diaspora, I think, is the Chinese diaspora which some people think has at least 45 million people, pretty big society. The Chinese diaspora spread around the world and obviously all sorts of patterns of movement are increasing between that it and China itself.

There are many travelling service workers in somewhere like Dubai for example, so Dubai is both a place of huge numbers of temporary visitors and then huge numbers of temporary visitors who are workers including sex workers «servicing» the visitors.

There is tourist travel and within it a particularly important and the fastest growing category is visiting friends and relatives. That is partly because of the all of the things I said earlier about young people's travel or business and professional travel that sets up connections, networks and as a consequence of these networks from time to time friends and relatives get travelled too.

Then finally, there are all sorts of work-related travel and especially commuting travelling to other places daily or weekly.

A consequence of all these different patterns of social life is what I call «the mobility turn». Thinking about how mobilities should be built into social science, trying to mobilize analyses that have tended to be static, fixed and relatively non-spatial, non-mobile. This mobility turn is thus concerned with multiple ways in which economic and social life is performed and organized through time and across various kinds of space and especially the ways in which social relations get «stretched» across the globe. I try to think about the methods that follow and the phrase I have for this is «the developing mobile methods» so if people, ideas, information, money and objects are moving about how is it that social scientists try to capture and understand and analyze those movements? By definition, they are hard to capture, they are on the move, often they are not very visible and not very clear and some of the methods that social science has used are not very effective at capturing the slippery and changeable character of these patterns of movement.

In general, mobilities have been a black box, something people do not know about and do not investigate. Normally movement is seen as a neutral set of processes that permit the forms of economic, social and political life that need to be explained by other processes such as by economics or by politics. And to the extent which travel and communication have been studied, they have normally been placed in very separated categories so you have the study of transport, geography, the sociology of tourism or the study of communications. Of course holiday making, driving, walking phoning, flying and so on are manifestly significant within people's lives and yet they tend to be under-examined.

One of the things that I think is necessary to develop in relation to thinking about mobility is to take account of what I call «the mobility system».

These systems make possible movement, they mean that there are spaces for what I have been called «spaces of anticipation» that the journey can be made, that the message will get through, that the parcel will arrive, that the family group can meet up. These systems permit relatively predictable and relatively risk-free replication of the movement in question. And in the contemporary world there are an extraordinary number of these systems such as systems of tickets, addresses, safety, hubs, web-sites, money transfer, tours, storage of luggage, air traffic control, bar codes, timetables and there are many others of course. These systems are very interesting and are parts of the way in which the physical world has been overcome and made relatively secure regulated and relatively risk-free.

SB: Movement is always being and not-being in the present point; a question on movement ambiguity and movement unpredictability: does your notion of systems solve this problem?

JU: My view of systems is that they never finalize, never complete, and they are never a matter of equilibrium. Physicists have a term which I like – «metastable»: not stable and not anarchic, contingently stable. Systems are held in a state in which quite minor things – bearing in mind the idea of complexity – can in certain circumstances disrupt what appears to be a highly stabilized system or a set of systems. Also, of course, systems are very interdependent with each other, so again – a small change somewhere in one system can then have a knock-on effect, reverberations which then impact on other systems.

* * *

JU: I see the capacity to network as a form of capital like economic capital or cultural capital. Network capital, I want to argue, is increasingly important in the contemporary world and it is probably more unequally distributed as other forms of capital.

Movement of some creates new industries, new things like airports, service stations, hotels, leisure centers because for others they are employees. But for me, an utterly central part of the mobilities' program of research is to think about the new ways in which movement for some is non-movement for others.

A very interesting example is the big cities that now are come to develop around airports. Airports are epitome of movement aspects – people are moving in and out all the time. But of course there are large numbers of people who are relatively immobilized living and working in cities which often employ 50 or 100 thousand people. Sometimes they are mobile, but mobile to work for others – like my example with Dubai where the 80% of workforce are made up from migrant workers from Pakistan and India – incredible flows coming in to service. And when the workers arrive in Dubai their passports are taken away from them and they only get them back when leaving.

Yes, I completely agree and my method of looking at that is the concept of network capital. Also, I think there is an ideology of movement, the notion that to be a successful professional person you should have travelled about and

you should have accumulated network capital from movement – I guess that is something that all of us are complicit in to some degree.

* * *

The significance of ideas of movement and circulation in the early scientific thinking, especially followed Harvey's discovery of how blood circulates within the human body and Galileo's notion that a natural state is to be in motion and not at rest, was the very idea that motion is «natural» and is something that ought to be identified, registered, promoted and so on. Some of the ideas that circulation is good you can see in a lot of early discussions on what should be done about cities in the early 20th century with the development of the motorcar with the car being something that would promote good healthy circulation in the body of society or the body of the city. So I think in Western thought the virtues of movement are very significant. There is in the modern world an accumulation of movement that is analogous to the accumulation of capital – repetitive movement or circulation made possible by diverse, interdependent mobility-systems.

Some pre-industrial mobility-systems included walking, horse-riding, sedan chairs, coach travel, inland waterways, sea shipping and so on. But many of the mobility-systems which are now significant date from England and France in the 1840s and 1850s. Their interdependent development defines the contours of the modern mobilized world that brings about an awesome «mastery» of the physical world (generally known as the «industrial revolution»). Nature gets dramatically and systematically «mobilized» in mid nineteenth-century Europe. Systems dating from that exceptional moment include a national post system in 1840 (Rowland Hill's Penny Post in Britain based upon the simple invention of the prepaid stamp), the first commercial electrical telegram in 1839 (constructed by Sir Charles Wheatstone and Sir William Fothergill Cooke for use on the Great Western Railway), the invention of photography and its use within guide books and advertising more generally (Daguerre in France in 1839, Fox Talbot in England in 1840), the first Baedeker guide (about the Rhine), the first railway age and the first ever national railway timetable in 1839 (Bradshaws), the first city built for the tourist gaze (Paris), the first inclusive or «package» tour in 1841 (organized by Thomas Cook between Leicester and Loughborough in Britain), the first scheduled ocean steamship service (Cunard), the first railway hotel (York), the early department stores (first in Paris in 1843), the first system for the separate circulation of water and sewage (Chadwick in Britain) and so on. In 1854 Thomas Cook declared as the slogan for such a period: «To remain stationary in these times of change, when all the world is on the move, would be a crime. Hurrah for the Trip – the cheap, cheap Trip».

But of course it turned out to be very limited changes – the twentieth century then saw a huge array of other «mobility-systems» develop, including the car-system, national telephone system, air power, high speed trains, modern urban systems, budget air travel, mobile phones, networked computers. As we

move into the twenty first century these «mobility systems» are developing further novel characteristics.

First, systems are getting even more complicated, made up of many elements and based upon an array of specialized and arcane forms of expertise. Mobilities have always involved expert systems but these are now highly specific, many are based upon entire university degree programmes and there is the development of highly specialized companies. Second, such systems are much more interdependent with each other so that individual journeys or pieces of communication depend upon multiple systems, all needing to function and interface effectively with each other. Third, since the 1970s onwards, systems are much more dependent upon computers and software. There has been a large-scale generation of specific software systems that need to speak to each other in order that particular mobilities take place. Fourth, these systems have become especially vulnerable to what Charles Perrow «normal accidents», accidents that are almost certain to occur from time to time, given the tightly locked-in and mobile nature of many such interdependent systems: if one bit goes wrong, the whole system goes wrong.

What has been generated is what I like to call «mobility complex» which is a new system of economy, society and resources. That have spread around the world and this mobility complex is remaking consumption, pleasure, work, friendship and family life.

One of the most interesting writers about that is Zygmunt Bauman. He says, as a consequence of this complex «mobility climbs to the rank of the uppermost among the coveted values – and the freedom to move, perpetually a scarce and unequally distributed commodity, fast becomes the main stratifying factor of our late-modern or postmodern times». Mobility inequalities become central to understanding contemporary societies. And of course as people move about gaining new addresses in their address books so that network extends, they then become more networked and networking thus is a form of inequality.

As I said earlier, movement and especially the capacity to move through what I call network capital have become particularly significant. Network capital may consist of the number of features: the ability to access forms of movement (the capacity to repair a journey when something goes wrong with it and then other alternative could replace it), to know about these forms of movement through, for example, timetables, access to information and communication systems.

My argument is that the contemporary social science ought to take very much into the hand these inequalities of network capital and network capital is obviously connected to income and wealth, it is, as Bauman says, a main stratifying factor in contemporary times and we should study network capital alongside economic capital and cultural capital.

Q: Is network capital measurable or is it just a metaphor?

JU: Yes, it is certainly not as easily measurable as you could measure the economic capital or the distribution of income or wealth but of course normally

we would think that, for example, relationships of social class involves more than just a distribution of income and wealth but these are sets of relations, so network capital would also be a set of relations and it would involve therefore indicators – say, the number of different forms of transport that any individual has access to, forms of communications, the reliability and consistency of those, the degree to which in a given society those were consistent and integrated with each other, the degree to which it was possible for particular groups to repair situations where there might be a some kind of a breakdown. So I think what we could do is to study it at a specific level – particular social groups, to establish how and why these groups have high or low network capital. It would be difficult to produce a national distribution but then that would be true for other forms of basis of stratification as well.

I am writing a book with Anthony Elliott called «Mobile lives» and he is been doing a research on what we call «the globals» – those who are hugely rich and with high levels of network capital and we have to some degree being exploring through his research how to study the network capital of what we might loosely call «the super rich» whose lives are formed through movement. There is no problem in moving from one country to another because «the super rich» would have homes in those countries as opposed to merely having to book a hotel room or sleeping on somebody's couch. And of course also there are some groups who compensate for relatively low network capital such as youngish people who in a way often travel in ways more than they «ought to», given their income – for example couchsurfing networks is an interesting way of getting around or compensating for limitations on network capital. So there lots of ways in which one can begin to study at least for specific groups the huge inequalities. I'm not sure whether these inequalities are more pronounced than distribution of income and wealth but they are certainly very pronounced and also they are obviously very significant by ethnicity, by gender, in complicated ways by age and so on.

* * *

AB: I would like to know your opinion of what might be called «dematerialization of human experience» or «decrease of vitality». For example, instead of making a real journey I can sit in front of a TV or a computer and watch pictures, videos or take a virtual tour on the Internet. What do you think about the perspectives of this phenomenon?

JU: The contemporary world is extremely difficult to research because the conditions of physical travel and communications are so rapidly changing, and figuring out how that is going to develop in the future is a huge question.

I think there is still a very strong notion of material connections, at least from time to time. This event wouldn't have been possible if I hadn't met couple of colleagues and organized this previously somehow. There has been an establishment and a certain sort of trust between us because we physically met – it is a material basis. And then, on this basis, we have other kinds of communi-

cations, such as we are having now, or through mobile telephony, e-mails or Skype. So at the moment it seems to me that the virtual is adding into material.

What is really interesting is whether people would substitute for the physical or body relationships or encounters with purely virtual. I don't think there is much evidence that this happens so far, but we don't know in what ways technologies will change – this might be a much more dematerialized possibility. What would the Internet be like in a, say, 20-years time? How would we be doing this encounter 20 years from now? I guess it would be pretty different and maybe each of you and I would be 3D-figures, many of the features of the faces would be experienced by the virtual communication systems and we might well say: «Ok, that's the more real experience we said of the physical travel».

NP: I believe that in the prospective of a few years from now or few decades perhaps, we will have less need for physical travel and there is a lot of evidence how physical travel in the world is replaced with virtual (not to mention what we are having now). Take virtual tourism for example: now we are installing web-cams in different geographical spots of the world in order to give people the illusion of being present somewhere where they can go physically! But they don't have time or desire enough – just to see the picture of what is happening there online.

In my view, non-material, dematerialized factors will take the leading and prevailing role – in one way or another, and the segment of dematerialized world would increase substantially. Virtual mobilities will replace the lack of physical motion; it will even bring some changes in human bodies – we will look differently from what we are now.

SB: What will happen if the virtual communication replaces physical movement on which all the tourist industry stands upon? Or why people are willing to be there physically, by their own bodies?

NP: This is debatable – some people do, some people don't. I don't think that everybody is just dying to travel – this is sometimes forced by the circumstances, by mass media, by public opinion, but sometimes to stay where you are is a bit more rewarding than to go somewhere.

JU: The physical movement that we have known, at least in a part of the world, over the last century or so, have all been premised upon cheap oil. The politics of oil and the fact that at the moment there is no real substitute for oil for moving water, people and objects around the world – this is all a big issue. And, of course carbon emissions from that oil and the effects on climate change are incredibly significant and that would add to the complexities of your point that life would be increasingly «living a life on the screen» as opposed to «living a life on the road».

**ПРОИЗВОДСТВО-ПОТРЕБЛЕНИЕ:
НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН /**
Телемост с Джорджем Ритцером
Prosumption: A new social creature / Telebridge with George Ritzer;
Higher school of economics (Moscow, Russia) –
University of Maryland (College Park, USA), 11 December 2009

Джордж Ритцер (род. 1940)

Американский социолог, один из лидеров современной социологии, заслуженный профессор Мэрилендского университета (США). Более всего Дж. Ритцер известен своей концепцией «макдональдизации», в которой расширил классическую теорию рационализации Макса Вебера. Дж. Ритцер утверждает, что рестораны «МакДоналдс» оказались яркими проявлениями возрастающей инструментальной рационализации и иррациональных последствий человеческого существования. Также Дж. Ритцер является одним из ведущих теоретиков теории глобализации и общества потребления. Среди последних работ Дж. Ритцера: «Макдональдизация общества» (пятое издание, 2008), «Глобализация Ничего» (2004).

Participants

GR – George Ritzer, University of Maryland

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

NJ – Nathan Jurgenson, University of Maryland

PJ – P.J. Rey, University of Maryland

AB – Alex Boklin, HSE

TR – Tatiana Razumovskaya, HSE

Q – Questions from HSE MA students

GR: I have long been working on the topic of prosumption although I did not have the term «presumption». The term first appears in Alvin Toffler's work in 1980 and was very popular, but I don't think that his use of the concept of prosumption had very strong effect on me nor on very many people. There are

many other things about Toffler's work that caught people's attention – not that one in particular.

When I was writing the book on McDonaldization and writing about the issues of efficiency I started talking about the idea that one of the ways in which McDonalds made operations efficient was to put customers to work. So there has long been a section in the book headed «Putting customers to work» and obviously that's the forerunner in many ways at least to my thinking on prosumption. Some years later I started to think about this phenomenon in terms of a continuum: on the one hand we have a pure consumer – someone who does nothing but consume; and on the other hand we have a pure producer, if such thing is possible, where there is no consumption going on.

At one point I played with terminology of using the term «prosumer» in a more limited sense to be the kind of person who is more producer than consumer: a prosumer would be toward the production end of the continuum. Then I played on the other end of the continuum with the idea of what I all «conducer», which is obviously just reversing the priorities. The conducer is somebody who is more of a consumer than a producer. I found it so unpleasant that I actually never did anything more with that idea. But still – at least in general – we need to think in terms of a continuum – from a pure producer to a pure consumer and then think of mixed types in the middle.

NP: On my part, if you allow me, I would suggest one more entry to the list of those new functions of consumers who are becoming producers. This is the entry of those consumers who buy electronic equipment and, in order to start all the functions, are forced to study very thick manuals which is quite a labor to do in fact and takes a lot of time and practicing. So, you really need to have a special training before you can become a well-operating person. There is no way to do anything without producing this knowledge for yourself.

NJ: Can you give an example? A lot of new technologies are increasingly easier to use user-friendly that don't require the sort of production of knowledge on the part of the consumer?

NP: I think this format of «easy-using» or «friendly-using» equipment is a fake thing, because if you go deeper in studying those functions, physically speaking, you get lost. You need to have a very special knowledge of how to use them and when a technician comes to help you to install the equipment he operates very easily with those things but as soon as s(he) leaves, you're absolutely lost and you have to learn a lot. It refers to some software, hardware, notebooks, HD television sets, HD satellite receivers, washing machines, dish washers, everything. It is my general attitude.

AB: I would refer to Linux which you largely discuss in your mutual paper. Even most friendly-made editions of Linux operating systems are hard to use because if we compare them with Windows which is very friendly and which does almost all the things for you, in Linux you really have to learn in order to operate it well and not to face any critical errors.

GR: On the one hand there is interesting prosumer and on the other hand there is the interesting Web 2.0. Of course they come together since the most important contemporary examples of the prosumer exist on Web 2.0.

One of the arguments that I make in one of my papers is first of all that in thinking about prosumption and production and consumption we need to correct two historical errors. I think it comes from the tendency in economics to differentiate between supply and demand, basically supply being production and demand being consumption. Then in other fields, and in sociology – a separation of production and consumption. I think there is a problem here historically of making this conceptual distinctions but also seeing them as in some way opposed to one another while privileging supply in economics and production in sociology. So two related errors are that we are separating these ideas and then privileging supply and production over demand and consumption.

Over the last century and a half or more, there is a tendency among social theorists to emphasize either production or consumption. Most of the early theorists – and Marx being the most important example – emphasized issues of production. Consumption was of secondary importance to Marx and consumption he dealt with really had to do with something taking place in the process of production, not the kind of consumption that we generally think of today.

Conversely, beginning in the post-war era, in the United States especially, the focus began to shift from production to consumption as production in the United States started to decline – early with the decline of the steel industry and then more recently with the decline of the automobile industry. I think you know I'm interested in what I call the cathedrals of consumption – Disney World, shopping malls, Las Vegas and things like that. All of those were products that began in the United States in the 1950s and boomed in the 1950s, 1960s and 1970s and reflected, in the United States, the shift from society dominated by production to one in which consumption was more and more important, and the statistics that we use a lot in the US these days, is to say that 70% of the American economy relates to consumption. There is some controversy about how accurate that figure is but in any case it's an indication of the degree to which consumption has become predominant in the United States.

Of course the scholarship began to shift as well. We have the beginning of the field of the sociology of consumption as a result of this although interestingly the sociology of consumption has never been strong in the United States. It's great paradox – the fact that here we have the world leader in consumption and the world leader of exportation of consumer goods and modes of consumption but at the same time we have a rather undeveloped sociology of consumption. Probably the richest work in the sociology of consumption has been done for years in Great Britain. The key document was done by Jean Baudrillard in his «Consumer society» which was published in 1970. Baudrillard announced there the arrival of consumer society and it was very important that someone within Marxist tradition made this point. Of course later on he published books

on his break with Marxism and then his more radical ideas; anyway, I think that volume was important in the history of thinking about this. But the essential point is if you think of Marx as being overwhelmingly a theorist of production and Baudrillard at least in 1970 as being overwhelmingly a theorist of consumption what you have here is that dysfunctional separation between production and consumption, which has adversely affected our ability to think about many things by feeling that we necessarily had to categorize them as either production and consumption.

From my point of view, I would say: we have always been prosumers. To me, the primordial state is the prosumption state. If we go back to the earliest history, back to Middle Ages where people are raising their food, hunting for their food or however get what they need to eat – they are more or less or simultaneously are producers and consumers of what they need in order to live. I think that historically that is the primary state. What happened in the Industrial Revolution is that we came – as Marx did – to separation of home and a workplace (a factory). We came to think of those people who went to the factory as producers without taking into consideration the fact that – as Marx recognized but did not emphasized enough – even in their active producing within the factory they were prosuming because they had to at the minimum consume – they had to consume Marx's means of production in order to produce. So what we thought of as a production worker was a prosumer.

As we move into the era of the last half-century or so in the United States, we think in terms of a consumer society. The fact is of course that increasingly – as you, Nikita, pointed out with your examples – consumers are producers. And it's back to my idea «putting consumers to work» but it seems to me that we see an explosion of prosumption – for a variety of different reasons. Enormous basis of costs saving, for example. It's much cheaper to have you buy that expensive book and look things up and do it all yourself then to send somebody out to your house to do that. Obviously, it's very difficult these days to get corporations to provide those kinds of services, they want you to do your work for yourself. Of course the real force at the moment in the explosion of prosumption is on the Internet, it's on Web 2.0: Wikipedia, Facebook and sites like that are fundamentally prosumption sites: one is consuming what is on those sites but is also producing what is there. Everyone expects the Internet to explode, Web 2.0 to explode and evolve perhaps in Web 3.0 whatever that might be. The future is much greater explosion of prosumption and of the utility of that concept.

NJ: Facebook, for instance, is essentially an entire system where the users create almost all of the content. Obviously the structure of this site is created by the corporation but all the content, every reading is created and also consumed by users so that's a really good example of the importance of prosumption.

* * *

GR: Let's discuss the issue of exploitation. To some degree it depends on your theoretical perspective as to whether you see this as a system of exploitation. I remember going back to very primitive forms of this when they first arose in the US – self-service gasoline stations. The idea was that: do it yourself and the price of gasoline will be cheaper. But very quickly, however, after that initial lowering of the price the price pretty quickly went back to where it was before so you were paying the same price and now you were doing the work. I guess that begins to communicate my perspective on this: in my opinion, that this is genuinely a new form of exploitation.

If you take a Marxian view on this, obviously capitalism is a system which was based on the exploitation of the worker so the idea was to reduce the worker's pay to as little as possible – just pay the worker enough so the worker can survive and come back the next day. And obviously that has worked very well for capitalism. However I think the prosumer is an amazing gift to the capitalist. All of a sudden you have a whole mass of people who are willing to do all sorts of work for nothing, for no pay at all. I'm not sure and I guess if you take business literature on this topic which comes under topics like «co-creation», the business orientation toward this is not to look at this from the point of view of exploitation. But I do think of it as a kind of exploitation because the level of exploitation of a prosumer is in many ways much greater than the level of exploitation of a worker. You have to pay workers something, you have to provide them with various sorts of things and in the case of prosumers you don't pay them anything and they provide everything – their own computers, their own electricity, their labor power – they do it all for nothing. This is a controversial issue and other people argue: «How can you call it exploitation? People love to do this, they have fun doing this, they are fulfilling themselves and therefore it's not exploitation».

NP: Well, personally I can interpret this as a personal love for being exploited which is a neo-Freudian way of approaching it. Another example of what you are saying, George, is IKEA type of furniture.

GR: Absolutely.

NP: The whole business of IKEA is based on that you build your own furniture using your own labor and your tools and this is why – they say – it's cheaper than in other stores although it is not cheaper, I guess, at least in our country. This is what we can call «the hidden exploitation».

GR: IKEA is a good example and you could think of it as a new form of false consciousness, I suppose: we all think we are having all sorts of fun putting together IKEA furniture or doing any number of these presumption tasks but you are still doing lots of work for them that they used to have to pay people to do. Now you are doing it for them and you are doing it for nothing. And you are smiling as you do it – it's ideal from the capitalist point of view.

* * *

NP: Another issue, a very sharp one. Can you, at least at some point, give an example of prosumer strategies at the universities, in high education, since you are an expert on McDonalds university? Do you think that we have prosumer phenomena in this sphere?

GR: Well, I think online universities would be more ideal prosumer kind of universities where professors are doing little or no work and the students are at home on their computers basically educating themselves, using the variety of things that have been provided by the universities. That would be the major example.

NP: Usually it is considered – at least in our country and I'm sure in the US as well – to be very progressive, to be very up-to-date to enable students to work themselves on searching the information or just educating themselves instead of teaching them certain things in class.

GR: I'm sure that ideology exists; it is also a lot cheaper, right? They don't have to pay me or they don't have to pay you. I don't have to be here – go off on the Internet, look up my papers and read them – and I will give you a multiple choice exam that you can take at home. That would be ideal from the university's point of view but I'm not sure it is ideal from the educational point of view. It is probably a good idea that we have combine traditional kinds of education with using that to have students go off and create acknowledge themselves or find knowledge for themselves. But I'm not sure that we want to go to the university where students are prosuming their entire education. I would be troubled by that – I guess because I would be out of the job.

* * *

PJ: Returning to the issue of exploitation. While I largely agree with characterization of prosumption on the Internet as exploitation, the counter-argument exists. A lot of people who are doing prosumption – most prominent example maybe is bloggers – are doing activities, for much of which they are not getting paid, but they are earning a degree of social capital that they can ultimately leverage and monetize and make real money often. You have a number of examples of Internet millionaires – people who would be able to use their prosumption on the Internet to become famous or to be recognized as having a level of expertise because of the free labor that they contribute and ultimately gained a great deal of indirect benefits from that activities. So while of course no direct wages are being paid through that system bloggers are receiving money from the web-sites, they ultimately are able to monetize their activity and many make a living from the free content that they had originally produced.

NJ: The general point is that even if we are not being paid to use Facebook for instance there is also non-monetary value – social capital, social networks that we make. We can find jobs in the future or just get personal enjoyment. It maybe doesn't have to do with direct wages but value can be calculated in different ways because if you only calculate value by direct wages then exploitation on Facebook is infinite.

GR: Right.

NJ: If the producers are not being paid, then the exploitation is infinite because in Marx's sense you are only calculating value on direct monetary wages. So if we want to talk about exploitation we also need to see the other sorts of non-monetary value that are created.

PJ: I think some people have drawn the analogy that is more useful to look at gift economies which operate on indirect reciprocity, reputation economies. The issue is that certainly exploitation is occurring with prosumption online but there's also a lot more going on, it's a much more complex story and to really fully understand this process you have to step outside the conventional Marxist framework.

GR: This gets into an issue getting a lot of attention here these days – an argument by Anderson about the free economy. Are you familiar with that argument there?

NP: Can you be more specific?

GR: I'll let Nathan do it, but the basic argument is that mainly because of the Internet we have become more and more accustomed to getting things free. Lots of the services that we get on the Internet we get for nothing. I would say it costs Facebook (and many other companies) huge amount of money to provide the infrastructure. They are providing us with the service and we are not paying for it. The other side: you have lots of things that are available to you on the Internet that are free.

That creates an ethic where what you do on the Internet is free. The argument is that we have emerging here a free economy which raises all sorts of interesting issues to think about in the future and how it is that all of these people who are often doing GPS mapping in order to map the world or writing book reviews for Amazon.com and they're doing it because they like to do it. How are they going to survive?

NJ: I think it's a good summary. We are working on the Internet for free and we're buying our products for free – that's the free economy.

PJ: The other issue is this: a company will provide, say, 90% of their services for free but once you are hooked, once you like what they have to offer, in order to access the full value of their products you need to start paying, buy a premium – and then additional services are made available to you. I think that a lot of online companies have moved to that model.

GR: An interesting example of this is iPod with its apps. People send in apps and iPod decides which they are going to include and which not. Many of them are free, some they charge for. It's a hugely growing number of these applications which greatly expand the capability of an iPod. Now the point here is that many people are creating these apps this for free but by having more applications iPod is enriched, it becomes more attractive and acquires more power in the market place. I think Google now has a version of this and has gone to a model of the «accept them all». In any case, prosumers are doing all sorts of work that is greatly benefiting. Maybe it's a beginning of a career, maybe they

can start charging for it but in many cases they end up getting nothing but pleasure that iPod is using their application.

NP: So, the question is, why do people do that? What's in your opinion the main motivation for people to share their free products and put them online or send them to Wikipedia or any other Internet source and giving them for free for the common use?

NJ: You use the word «common» – we hear it behind the ethic of Linux and other open source software. In a «creative commons» community like Wikipedia the idea is collaborating in creating some sort of a social good. It is a very socially rich environment that people get a lot out of.

NP: This is what we call «free economy», then.

GR: Yes. There is an ideological conflict on the Internet between a capitalistic mentality and what's called the cyber libertarian notion. Linux, for example, would be a part of this. There are people who adopt the cyber libertarian notion – that Internet should be free and controlled by the mass of prosumers – they derive pleasure from being involved in this movement. Linux succeeds as opposed to the other available systems that charge large sums of money to provide essentially the same kinds of services. So there's kind of an ideological satisfaction for many people that is derived from this as well.

AB: I have a question that would refer to the issues that we have just mentioned – exploitation and free economy ethics. How would you threat the phenomenon of Internet piracy? Is it just a way of breaking the law or that's a way of protesting or even bringing that free economy ethics to greater extent? For example, if I contribute to Wikipedia or Linux or to other things it wouldn't that be quite logical for me if I expected to get music, video files, or watch online television for free as well? Just because I would like to see some feedback from corporations.

NP: Indirectly it also refers to plagiarism on the Internet – not the same subject but they intersect one another very closely – which is widely spread among students in all the countries. At the university where now I work there is a special division and a software program for tracing plagiarism and not a single student's paper can get any satisfactory degree without getting through this program.

GR: So are you both saying that because you are doing those things free on the Internet it is ok to steal music or to steal ideas?

NP: No, this is a question, this is not an affirmation or anything like this. If Internet is a free zone, then everything is free on the Internet.

AB: And this is about the question of a new form of capitalism, I suppose, in general. A total free market which will replace the old-fashioned capitalism aimed at selling goods and at the same time exploiting people for free. That is just a question, not a thesis.

GR: Yes, I think it's a big new issue. There are a lot of questions associated with it, of developing a total economic model where people do things for free and get things for free. That is such a revolutionary idea.

I was just in Italy. We spent a week there and we had a guy who was our driver for the week. I thought he was the employee of my host. Two or three days into the trip I asked, «How long have you been driving for so and so?» and he answered, «I don't drive for him, I'm his friend». A couple of days later I said to my host, «It is quite unusual that this guy is willing to take a week out of his life and out of his work to drive us around all over Italy». And he replied, «That's the Mediterranean way». It's a version of a free economy. Maybe there are more places in the world where we have these pockets of free economy.

NP: I think it is primordial, prehistoric ethic. Italy, Greece, sometimes the south of Russia (it used to be in Russia at least) – same things. You can get a lot of services for free.

GR: Well, perhaps what we have here is a coming together of primordial performance of services for free and the Internet performance of services for free. Obviously, however, we have daunting problems in creating the free economy, the actual implementation of that. It bubbles the mind to try to think about how you would run an entire economy in that way.

NJ: I think the issue of piracy is really good to give another sort of not-so-capitalist slant to what is going on with presumption, even though I'm sure it will leverage for profit in the long run. I don't think that presumption is an invention of capitalist to just trick us all into working for free; with piracy or related developments we see collapsing of giant capitalist institutions in the economy such as the publishing industry or music industry.

* * *

GR: With Nathan, we have also been thinking and writing about efficiency versus effectiveness. Efficiency is, of course, one of the basic characteristics of Weber's theory of rationalization and my theory of McDonaldization and certainly a basic component of capitalism as well. All of these refer to what we do or what is ought to be done if efficient kind of way.

Sometimes efficiency is effective too, but other times efficiency ends up being ineffective. We have the examples of recent failure of the American automobile companies which were operating very efficiently but not very effectively in the sense that they were not producing competitive automobiles, automobiles that were well adapted to the environmental problems we have, to gasoline prices etc.

The argument is that what we see on the Internet and Web 2.0 is the issue of effectiveness rather than efficiency. It is not efficient for ten thousand people to be involved in the creation of Wikipedia entry, a very inefficient model, right? But it is quite an effective model. I think increasingly people are accepting Wikipedia as a legitimate source. I edited a few years ago the Encyclopedia of Sociology which is 11 volumes long – a traditional model where I used 17 hundred scholars around the world to write the entries. And one of the reviews said something like: «Well, many of the entries are not as good as or no better than Wikipedia entries». I thought it was a good contrast between the older,

relatively efficient model of getting 17 hundred scholars to write in their areas of expertise – efficient but maybe not so effective – and the Wikipedia model which is not very efficient but quite effective.

* * *

GR: Another idea that I have been working on with Nathan has to do with various models of surveillance and control within society. What we start with there is Michel Foucault's notion (based on the work of Jeremy Bentham) of the Panopticon in his book «Discipline and punish». His model is the prison and the tower in the prison. The prison cells are open to the tower and you can have hundreds or thousands of prisoners who are being surveilled and controlled by a very small number of prison guards. And in fact in the end you don't necessarily even need to have anybody in the tower because the prisoners cannot see into the tower and so they conform simply out of the idea that there might be somebody in there. That is the «few-many issue» – the few controlling the many.

Other models have recently been suggested. The second one is «synopticon» which is «the many surveilling the few». Television would be the example of that where there are many viewers who are watching popular shows. You can have millions of people watching Oprah Winfrey's guests and they will reveal things about themselves.

A third possibility is what we are calling the «miniopiticon» – that is «the few surveilling the few». We are using here Norbert Elias' work and his idea of lengthening dependency chains. But the point is that earlier in that process you have only a few people surveilling a few people. It's not important for our purposes.

The key point here is the forth type – what we call the «omniopiticon». And the «omniopiticon» is «the many watching the many». What we want to argue is that in the contemporary world – especially on the Internet – what you have and what has become a much more important model than the classic «the few watching the many» is «the many watching the many» so we see this is emerging new model of surveillance and control. Facebook would be an example here. This is an important corrective on Foucault's perspective.

AB: If we talk about the last example, Facebook, even despite the fact that still the many are watching the many another premise is implicated – the Foucauldian premise – which is that the few are watching the many. So it is argued sometimes that Facebook reveals too much personal information from the users which they upload to their profiles to secret services.

GR: That is a good point because what you are really saying is that we basically create here four types but of course in the real world you have a combination of types. So I think it is entirely possible that we have «many-many» model going on and the few out there who are watching the many-many kind of model. I think that would be a useful addition to the paper we are working on.

AB: That also might be about the Frankfurt School problem between what is pronounced and what is true, what is behind. As a pronounced model you can have this «omnipticon» translated to lay people while in fact you have classical panopticon.

NJ: But I think it is important not to fall back into this. We all should be wary of very important critiques about how panopticon surveillance exists on Facebook. All those critiques are very important and a lot of people are focused on them with respect to the Internet. But what has not really been written and what has not been focused on is finding issue with the «omnipticon». Again – not to say we should not talk about government or corporate surveillance on Facebook, but I think there is a new problematic, a new potential for new theorizing on «the many are watching the many».

* * *

AB: Just a short note about «effectiveness versus efficiency». If we discuss effectiveness it is important to bear in mind which sphere we take – for example the Italian man Professor Ritzer was talking about was effective in gaining social capital but he was not effective in gaining money. And the same can be said about Wikipedia: you can be effective in providing useful knowledge for all the people around the world but it is not effective to give money to those who contribute to this project.

GR: Yes, fair point.

* * *

GR: One of the things we are interested in is the transition from Web 1.0 to Web 2.0 and the implications of that. It relates to the ideas that I develop in «The Globalization of Nothing». The general argument that we make is that Web 1.0 was dominated more by what I call «nothing». «Nothing» is any social form which is centrally conceived, centrally controlled and lacking in distinctive content. The classic Yahoo page that is closer to the «nothing» end of the continuum is centrally controlled by Yahoo, centrally conceived by Yahoo and lacking in distinctive content – and historically, at least in the early years of Web 1.0, everybody got basically the same page. On Web 2.0, it seems to me, there is much greater possibility for the existence of «something» – on Web 2.0 we can see the development of many more social forms that are more indigenously conceived by the people who happen to be involved in, controlled by those people and producing as a result distinctive content rather than the homogenous content that gets produced on Web 1.0. In that sense that is a rather optimistic view of social change and optimistic view of Web 2.0 as opposed to Web 1.0: Web 2.0 is more a domain of «somethingness» and on Web 2.0 there are much greater possibilities for the creation of it than on Web 1.0.

AB: If we treat Web 2.0 as a positive transmission from its previous variant, do we face the problems we have just mentioned – social control and the problem of manipulation? I guess we should take both sides of the coin in our analysis.

GR: What I always like to do is to look at a social phenomenon from a variety of different theoretical lenses and I think we need to be wary of adopting one overarching lens and always seeing things from the point of view of that lens. In terms of what we talk about today we get rather contradictory conclusions: on the one hand, Web 2.0 is an exploitative domain and on the other hand it is also a domain in which we see more «somethingness» that «nothingness». So you have simultaneously a critical orientation and a laudatory orientation. For me, social theory is like a huge toolkit and I think from a student's point of view what is desirable is to know as much about the tools that exist in that kit as possible. I suppose I should do a TV show, «Theorizing anything».

NP: But behind this joke, I suppose, there is a very serious content because being a theorist today in sociology means that, basically speaking, in my opinion one has to have an interpretation for almost everything in the world. This is in what sociological theory is today how I think. I am not sure you have the same attitude, perhaps you do.

GR: Yes, I always try to make sense out of whatever I am encountering and usually I fall back on my own theoretical ideas or other theoretical ideas, or develop new ones. There are always new developments, vast warehouse stores of ideas that you can use to think about various things or to come up with new ideas. The other thing about being a theorist is that you can theorize as long as you have two or three brain cells left – and maybe beyond that. I may have gone beyond that.

* * *

TR: Have I understood correctly that consuming process in IKEA or Facebook examples is a free kind of labor that actually brings pleasure just because people do it for themselves so they are, in Marx's terminology, not really separated from the result of their work and the labor process?

PJ: I would say that what you bring up is that prosumption to some degree may overcome alienation. I think another important thing that we have not brought up in the conversation about prosumption is the fact that visual content is infinitely reproducible. I think what is interesting about the way that economy works on the Internet is that you can actually produce something for your own enjoyment not being separated from the product of your own labor. But then everyone else can come along and simply copy that million times, infinitely. For example, with the iPod and iPhone apps, you can make a program that is useful to you and then Apple can come along and reproduce it and leverage value from that product. And I think that understanding the aspect of infinite reproducibility in conjunction with the idea that labor is less alienated has a lot of potential for explaining why prosumption has exploded in the context of Web 2.0.

NJ: As a possibility, we can have exploitation and not alienation – maybe what we have is that people are not alienated and not moved from their work but they can still be exploited.

GR: I would answer that you need to distinguish between structural realities and attitudes and feelings. You may feel not alienated, you may feel not exploited, you may feel really good about what you are going, but from a structural point of view – Marx’s definition of alienation was really a structural definition – you lose control over, you get separated from that. The same thing with exploitation – these are to me concepts which relate to the fundamental structure of capitalism. And I think those fundamental realities continue to be in place while more and more people are putting their IKEA furniture together or writing on their Facebook wall and things like that. They are feeling good about it but at the same time Facebook’s market value goes up a billion dollars a year and IKEA is more and more profitable. So you feel good and they are growing richer. One of the ways they are growing richer is what you are doing for them. It is a great system from a capitalistic point of view because we are all joyfully enriching Facebook, Apple Computer, IKEA. If I could only get you all to write my books for me and apply this that way I could become wealthy myself.

AB: That is once again about compensatory mechanisms which can help to overcome exploitation. Even if the system is really exploitative you may still have a lot of joy and if you are copied millions of time – doesn’t it mean that you are popular, that you have gained social capital?

NP: I would say that what we are discussing today is the post-consumer society type of free economy where people would be contributing to the common market or different kinds of markets without having such a self-consciousness of being exploited. It is the free donations of products and free consumption – but only under the condition that the economic and social security of people is guaranteed by the society. Otherwise I cannot imagine it to be something real. The question is whether we have enough evidence of those new-coming phenomena and the key issue is what is going to be after the economic crisis – is it going to be a new stage of development of the consumer ideology and consumption, a post-consumerism type of thing which I think you, George, is describing as the totality of prosumer culture where everyone will be contributing to consuming from the same reservoir.

GR: Yes, that is right. I think there is a lot of evidence that there is a new world emerging here. Your point is a good one, that is if we are all doing this stuff for free that might work if we lived in a society where everyone was being cared for at some at least minimum level by the society but that is certainly not the case in the United States – we don’t have that kind of ethic. We have a real contradiction here in the sense that lots of people often do things for free not really knowing how they are going to profit from it but doing it nonetheless because they like doing it. But it is in the context of the society which is not going to be there to protect them. This is another dilemma that we need to address in the future. This is all exploding around us – we are all part of it, we can all see it very clearly, and so we all can analyze this as we go on a day-to-day basis.

ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ОБЗОР ТЕНДЕНЦИЙ /
Телемост с Майклом Буравым
Public sociology in review / Telebridge with Michael Burawoy;
Higher school of economics (Moscow, Russia) –
University of California (Berkeley, USA), 18 December 2009

Майкл Буравой

Выдающийся американский социолог, в настоящее время профессор Университета Калифорнии, Беркли, на XVII Всемирном социологическом конгрессе был избран президентом Международной социологической ассоциации на период 2010–2014 гг. Майкл Буравой наиболее известен как автор работы «Производство согласия: Изменения в трудовом процессе в условиях монополистического капитализма» (1979). Первые работы Майкла Буравого были построены на методе включенного наблюдения в производственные процессы на промышленных предприятиях в различных странах: в Замбии, США, Венгрии, России. Отстаивая концепцию «публичной социологии», Буравой акцентирует свое внимание на том, каким образом социология как тип знания внедряется в публичную сферу, становится общественным достоянием. Для этого в качестве аналитических идеал-типических конструкций используются сферы академической / профессиональной социологии, прикладной социологии, критической социологии и непосредственно социологии публичной. Среди последних публикаций: «Что случилось с рабочим классом?» (2002), «Приватное беспокойство и публичные проблемы» (2007), «Публичная социология в Калифорнии» (2008).

Participants

MB – Michael Burawoy, University of California

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

Q – Questions from HSE MA students.

MB: What I want to do is to give an introduction to public sociology based on my own experience and then more abstractly so you have a sense of its genesis and then we can have a discussion about its relevance for Russia.

I am going to start in 1990. I was invited to join a boat full of Russian sociologists going down the Volga river for 10 days – it was a wonderful trip and introduced me to Russian sociology – many of these sociologists, of course, were working in large enterprises and so were very applied sociologists. 1990 was a very exciting year in the history of the Soviet Union, it was just about the end although at that time we did not know it. I had been to the Soviet Union before but this was the first time I had a chance to speak to sociologists on an informal basis.

After Moscow I went to South Africa. This was the first time I had been there since 1968. I had never returned because of the academic boycott against the South African apartheid regime organized by the African National Congress. But I was invited in 1990 after the boycott had been lifted to go and address sociologists in South Africa. This was a very strange and extraordinary experience for me particularly after going down the Volga with all those Russian sociologists.

What I discovered in South Africa was a sociology I had never seen before, just as Russian sociology was also quite unique at that time. I found sociologists – as well as people whom I had known for many years in exile – people who were deeply engaged in the social movements of the time whether in communities or factories. These sociologists, deeply embedded in such movements and doing a very activist sociology, were generating all sorts of new ideas and challenges to the conventional sociology I was accustomed to. This was my first intimation that sociology could be really different than the sociology I practiced and that was generally practiced in United States. It was a very professional – by «professional» I mean sociologists in the United States spend a lot of their time talking to one another, exchanging papers with one another and evaluating one another's work, teaching students in the university but for the most part they are insulated from the wider society.

I was intrigued by this new alternative sociology and I came back to the United States with an imagination of how sociology could be different – the combination of going down the Volga with Russian sociologists at the time of the disintegration of the Soviet Union and being in South Africa with South African sociologists challenging the apartheid regime.

Out of this emerged, over time, reflections that became the basis of my vision of sociology as composed of 4 elements: professional, public, policy and critical. The idea of public sociology emerged very much from my experience in South Africa in 1990 and indeed in subsequent trips to South Africa during the 1990s and I still continue to go back there. That is the context within which my understanding of public sociology developed – that and the contrast with US sociology, which was so involuted and so professionalized.

* * *

DIVISION OF SOCIOLOGICAL LABOR		
Knowledge \ Audience	Academic Audience	Extra-Academic Audience
Instrumental Knowledge	PROFESSIONAL	POLICY
Reflexive Knowledge	CRITICAL	PUBLIC

The prototype of professional sociology can be found in the United States. It is the extreme form of professional sociology and I am going to contrast it with what I call «public sociology». In professional sociology sociologists engage with one another, work within their own research programs, develop research agendas. A variety of research programs exist and are developed usually in a university or academic context, sometimes in institutes outside the university. Professional sociology is a sociology for sociologists or largely for sociologists as opposed to public sociology, which engages broader publics, lay audiences – it is a dialogical relationship in which each side is accountable to the other in which sociologists respond to the problems and interests of publics and publics respond to sociological insights. So here the idea is not to produce a sociology only accessible to professionals but to produce a sociology that can provide the foundations of public debate and public discussion.

I want to contrast public sociology with what I call policy sociology. Policy sociology is less a dialogic relationship, it is the application of professional sociology in the service of some client. The client may be a government agency, an NGO, a labor organization. In policy sociology it is the client that determines or defines the terms of sociology, defines a problem to be solved by a sociologist.

And finally, there is a fourth type of sociology, which I call critical sociology. Critical sociology is often in opposition to policy sociology but aims first and foremost at professional sociology. Critical sociology is sociology that in-

vestigates, interrogates the assumptions of professional sociology and subjects them to critical discourse, critical discussion.

Where do we find a lot of policy sociology? I talked about professional sociology in the US, public sociology in South Africa. I found a lot of policy sociology in what was the Soviet Union. In fact sociology in the Soviet Union was largely a sociology that was orchestrated and organized on behalf of the Party. It was a sociology that provided the ideology of the Party state. So the prototype of policy sociology could be found in the Soviet Union.

Critical sociology you might say emerged in response to policy sociology – in places like Hungary or Poland where socialist regimes called forth critical sociology, critical of the policy sociology – although that could be very risky. In the West, on the other hand, critical sociology was more oriented to professional world. In the United States we think of people like C. Wright Mills or Robert Lynd, one could even include Pitirim Sorokin who, in his later years, played the role of the critical sociologist in the United States.

NP: How about Robert Merton, where would you put him?

MB: That is interesting. He was a key architect of professional sociology in the United States although one of the ways he built professional sociology was by giving it a public image –so he was also a public sociologist but only in the service of professional sociology. His student, Alvin Gouldner was very much a critical sociologist, critical of the professional sociology that was current in the 1950s and 1960s.

Anyway there we have our two-by-two table, and the question is: how do we justify it? I have constructed it inductively and, thus, justified it empirically, but I think that we can also generate these four types of sociology by asking two fundamental questions:

1. Knowledge for whom?

This is a question that sociologists and social scientists ask too infrequently. Who are we writing for? Are we writing for ourselves, an academic audience, or are we writing for an extra-academic audience? That is one dimension of our two-by-two table.

2. Knowledge for what?

For what ends, purposes do we want to produce sociology? When we are policy sociologists we have an extra-academic audience, a client who defines the problem, and we, sociologists, try to solve the problem, that is one form of instrumental knowledge. On the other hand, as professional sociologists we have an academic audience and we are in the business of solving puzzles. I think that is what we do as social scientists, we have our research programs or paradigms, and they generate puzzles and as sociologists we try to solve those puzzles, that is how Thomas Kuhn defines science and I think that is what we do as scientists. Those are the two types of instrumental knowledge – solving puzzles which is professional sociology or solving problems, which is policy sociology.

Now we turn to the second dimension – reflexive knowledge, which is not so much concerned with means for given ends but concerned with discussion of those ends, ultimate goals, values of society. This reflexive knowledge is what Max Weber would call «value discussion» and this distinction between instrumental and reflexive knowledge is at the heart of the Frankfurt School of critical theory.

In the extra-academic context reflexive sociology is public sociology – that is a dialogue among sociologists, social scientists and broader publics about the directions or the values of the society in which they live. Critical sociology, on the other hand, is a discussion within the sociological community itself, a discussion about the methodological and philosophical assumptions of professional sociology, about the foundations of our discipline. It is important to interrogate the values that inform professional sociology, but that interrogation – that critical sociology – should also infuse public and policy interventions. The values that form the foundations of sociology – notions of justice, of rationality or equality – should also inform public and policy sociologies. So if professional sociology is the «brain» then critical sociology is the «heart» of sociology – it is where we find our reason for existence and the motivation for our work.

This is my division of sociological labor. Now let me make a few qualifying remarks. First, individual sociologists can be professional and public sociologists at the same time or they can be policy and professional sociologists, or they could be simply public sociologists alone. The link between sociologist and type of sociology is not given, it is a complex relationship and indeed sociologists often have careers that take them sequential through these various boxes.

What about the relationships among the 4 sociologies? The underlying assumption of this division of labor is that these four types are in a relationship of interdependence. That is to say, each one of these sociologies depends upon the other three. The flourishing of each depends upon the flourishing of all.

To the extent that these four types of sociology are in intimate connection with one another we have a vibrant discipline. To the extent – this is the danger – that the public sociologist becomes populist sociologist and is only concerned with being accountable to publics and loses touch with policy and critical and professional sociologies, that is a problem for public sociology and a problem for the discipline as a whole. To the extent that professional sociology insulates itself from policy, critical and public sociologies, as to some extent it does in the United States, that is a problem not for professional sociology but for the discipline as a whole. Insofar as critical sociology becomes simply dogmatic sociology and becomes unresponsive to professional, public and policy sociologies, it too becomes problematic.

So my claim is that flourishing discipline depends upon the interrelationship, upon a synergy of these interdependent sociologies, forming what we might call an organic solidarity. That is my dream. But reality, of course, is very

different. The reality is that these four sociologies – in whatever context we look at them whether it be local, national, regional, global – are turn out to be part of a hierarchy, they are in relationship of domination whose configuration looks very different in different countries.

* * *

Let's have a little fun. All the following people are sociologists in one way or another. By talking about them the idea is to show the ways in which they do not fit perfectly into these boxes. All I want to suggest by these short biographies how different people are located at different places in this matrix, often people combine different types of sociology together and we can see in the Russian context that different generations of sociologists are engaged with the wider world and with sociology in different ways.

Leon Trotsky. Trotsky was of course a very public figure and a wonderful orator, he spent a lot of time haranguing people about the revolution, especially in 1917 with those in Saint Petersburg. But he was also an architect of the early Soviet state – his policies under war communism during the civil war and the militarization of labor afterwards turned out to be very authoritarian. But he was a major figure in charting out economic policy and he was, of course, the brilliant commander of the Red Army during the The Civil War. An extraordinary character. On the one hand he was a public sociologist – his *History of the Russian revolution* is still one of the greatest books ever written about the Russian revolution, and one written by a participant observer. You might say he was a professional sociologist but there was no professional sociology He was also a critical sociologist. *The History of the Russian revolution* was written in exile as a critique of what became of the revolution. We see how he is located in at least three of these boxes.

Alexander Chayanov was a great rural sociologist who defended the idea of the peasant economy against collectivization. And his theories of the peasant economy are widely read, at least, in the West to this day. Theodor Shanin, a well-known sociologist and big figure in peasant studies, and who has now returned to Russia, became Chayanov's champion and popularizer in the West. Chayanov was also a policy sociologist and a critical sociologist like Trotsky.

Nikolai Bukharin. He wrote a book called *Historical materialism* and a very famous book on imperialism as well. So you might say he too was a policy sociologist but also contributing to the emerging paradigm of Marxist sociology, but from outside the professional world.

But what do all these three people have in common? All are public sociologists in one way or another but they have something else in common. They were members of a single party but what happened to all of them? They were killed by the Stalinist regime (Bukharin 1938 as far as we know, Chayanov was 1937, and Trotsky was assassinated in 1940). My point is this: public sociology is not for sissies, it can be very dangerous. For example, public sociologists in South Africa were assassinated, others found themselves in prison and harassed.

If we think about the Iran today, sociology is under assault precisely because it has public moments and critical moments. Here in the United States, there is no threat to your life, there is nothing at stake – it is just a matter of what you might lose in terms of your career.

Pitirim Sorokin. In his early years in the United States in the 1920s and 1930s Sorokin was a major figure in professional sociology. He introduced the idea of social mobility into US sociology – something we now take completely for granted. He was also a major figure in bringing history to sociology. Yes he brought it to sociology in a relatively crude manner but his vision, his panorama was extraordinary. That is on the one side. But on the other side he tried to promote a public sociology with his ideas of love or altruism, which he thought of in religious terms and sought to disseminate them among publics beyond sociology. In fact he lost his sociological audience because he was so critical of sociology. In his Russian phase Sorokin was also a policy sociologist – he was a secretary to Kerensky in the Provisional Government during the Revolution and after the Revolution he conducted sociological surveys investigating rural policies. His work became a real challenge to the regime and he was imprisoned. He secured a reprieve from Lenin but was expelled from the country. That is how he survived as a critical-public sociologist and escaped the tragic fate of so many others. He is a fascinating figure because he moved between all four types of sociology at different periods in his life.

Tatiana Zaslavskaya. In Novosibirsk, she worked on inequality within Soviet society. But she was more than just a professional sociologist.

NP: She issued a very important report in 1980 about the social conditions of Soviet society which was very critical, challenging its foundations. It was a very important professional deed and very risky in a certain way. She was highly criticized by the Communist party bosses and was almost on the edge of being expelled from the university in 1980. It was the late Brezhnev period, we call it the time of «The dream of reason». Zaslavskaya was a rebel, she started a very important movement and I think she is the founder of contemporary Russian sociology – public sociology as well as professional. But she is also a policy sociologist. She worked with clients, with contracts and she conducted her research not just for the sake of academia but for practical applied purposes, especially in rural sociology.

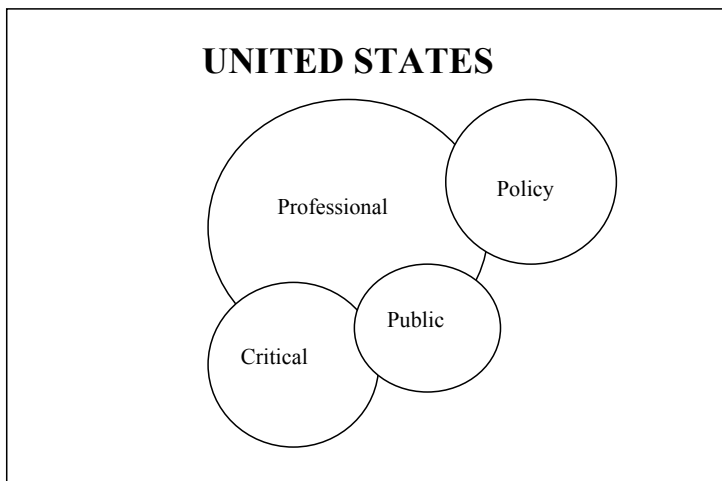
MB: I think she used to say that being in Novosibirsk there was no way to punish her as there was no place further from Moscow where they could send her. So she could be critical and safe in Novosibirsk.

Vladimir Yadov. He is of course another figure very similar to Zaslavskaya – similar generation, similar public role and similar professional role in sociology.

* * *

MB: Let me summarize where we are by presenting this in a different way – not talking about individual sociologists but the sociologies of different countries.

Here is the United States.

This is my impression of the United States, a gross generalization of a complex field. Still, we can say it is heavy on professional sociology with relatively weak public, policy and critical sociologies. The professional dominates the discipline.

NP: Why do you have such a big professional sociology – because there is no public demand for sociology? What is the social reason for having such an enormously huge bulk of professional sociologists in your country?

MB: We can say historically that all the disciplines not just sociology are hyper-professionalized in the United States, and they developed in the mid- and post-war period with what we call «the Academic Revolution», with the rapid expansion of the universities that combined both teaching and research, universities became societies into themselves.

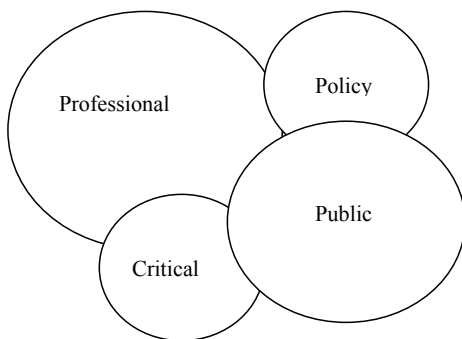
This is interesting: we always asked the great French philosopher, Michel Foucault, when he used to come to the University of California, «Why do you come to Berkeley? Why would a French intellectual want to come to the United States?» He said, «Because in the United States the university is like a huge public sphere unto itself». And he was able here to debate with people as though it were a public sphere. Such a university does not exist in France.

Specifically about sociology, we have a real problem – why is the public, the critical and the policy so small? Because sociology has always had a problem in the United States in conveying its wisdom to a broader community. Why? Because in the United States the idea of the social, the very assumptions of sociology are antithetical to the common sense of its people. In the United States people think as individuals, they think psychologically, the world and so the sociological perspective has great difficulty in conveying the social structural limitations of human action. In the US individuals believe they can accomplish anything, they just have to want to do it badly enough! Why is policy sociology so weak? Policy science was stronger in the period when there was a more elaborated welfare state in the 1960s, when there were publicly recognized «social problems», such as poverty, or civil rights, but today these problems may be worse but they are not defined as social problems – the welfare state has shrunk and problems are defined as an individual affair. The concept of society is alien not just to the citizens but also to the state. We sociologists are on a very defensive position: we exist because we have so many students to teach, it is our major function. In my view, teaching is a very important aspect of public sociology and we should think of students as our publics with whom we have conversations, two-way conversations, about the world.

NP: But why would your students take sociology courses if they are not applicable to what is happening in the country?

MB: Sociology is very applicable to what is happening in the country! While the world at large may not see it that way, many students do. For example, many of our sociology students are immigrants: when they come to the United States they find themselves in a very difficult situation to grasp. Sociology gives them a vision of how this society is constructed, they recognize hierarchy, domination, inequalities but also diversity, plurality, different ethnic and racial groups. But the wider public does not see the world through a sociological lens. Not to say the sociology does not explain the world – far from it, it is just that its explanations, the emphasis on social structure is not in the common sense, not readily accessible to people. It's very different in France, Scandinavia, England, for example. There they do understand social structure, but the United States is a mass society which worships the individual, has created what Durkheim called «the cult of the individual». Therefore it is difficult to get the ideas of sociology across.

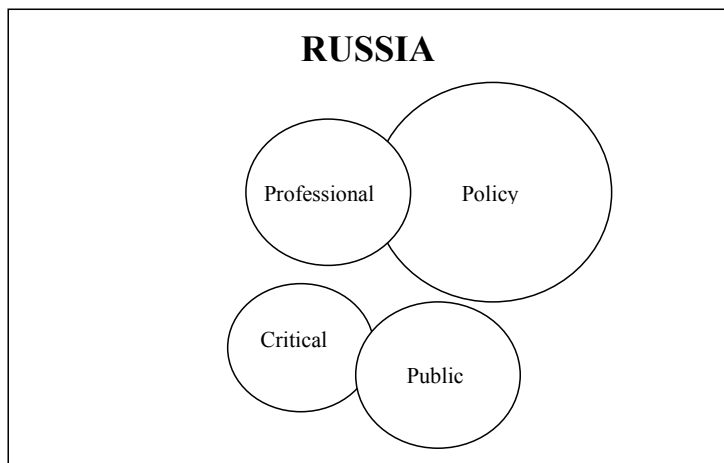
SOUTH AFRICA

In South Africa there was a strong public sociology because it was so linked to the apartheid struggles of the 1970s, 1980s and the early 1990s. What is interesting, today in a new post-apartheid South Africa sociology is in retreat, it is becoming less public. Civil society is now much more contained, leaders of the civil society have moved into the state, the state itself has insisted that sociologists spend more time teaching and has made the conditions of sociology more and more difficult. So what you have is a movement back out of the society, away from public sociology into the professional and policy sphere. Many sociologists in South Africa cannot exist on their university income alone, but have to supplement it with policy work for NGOs or often state organizations. A similar story we could tell for India or Brazil.

In 1990 Russian sociology was in a very vibrant mood. This was the Perestroika period in which civil society and sociology took on a new lease of life particularly around small cooperatives which energized civil society. I think in the post-Soviet era, the public face of sociology has been in retreat. Elena Zdravomyslova has said that public sociology in Russia has to be the public defense of professional sociology. Only now is professional sociology being built up, like here at the HSE. But it is still fragmented without a coherent framework. This the legacy of the Soviet period when sociology – inasmuch as it existed – was the ideological arm of the party state. That is to say, with a few exceptions such as those I have already mentioned, sociology was an extremely limited policy science. You live with that legacy today, as we can see in the abundance of survey research for NGOs, for corporations, for government

agencies, for politicians. An autonomous professional sociology is still very weak.

NP: I have pretty much the same type of understanding of what is happening. The only point is that we probably need to put those circles closer to one another because critical and public sociology are not isolated from policy and professional – many figures among my colleagues work in all four domains simultaneously. They come closer with an exception that probably policy sociology is a little more distant from the others. Policy sociologists feel like being more self-contained, they are more or less well paid, they probably do not need us, they have their own world – their own contracts, their own clients – probably not in the time of crisis today but a few years ago.

What is your anticipation of the future development of public sociology in your country and in our country? Do you think it could be on the rise and under what conditions? What can our students do with the knowledge of public sociology in the future?

MB: The future of public sociology varies from country to country. When I was talking about public sociology in the US this time last year I was optimistic that the new Obama regime, facing an economic crisis, would subscribe to a more sociological vision of the world. And I was not the only one hoping this might be the case. This hasn't come to pass even though the economic crisis continues. Particularly hard hits are the universities which are moving ever more in the direction of privatization, corporatization and there is now the question of what will happen to disciplines like sociology, or history or English that

cannot deliver commercially redeemable goods. The public universities in the United States at this moment in history – and we feel it very strongly here in Berkeley – are very much in retreat, in a defensive position. Of course the university is organized so that the first to suffer are the non-academic staff who get laid off and the students who have to pay higher fees, but, slowly but surely, it is going to affect everybody and, indeed, it is already affecting everybody. Under these circumstances sociology has both greater obstacles to overcome but it will also be presented with new opportunities. We have to think of new ways of giving sociology a public face in these new circumstances. Today public sociology is ever more necessary because there are no clear economic solutions to our economic problems, there are only sociological solutions. Still, as I have said, it is not clear who believes this – even many sociologists don't – and, therefore, what constituencies public sociology will have. That is the story here in the United States.

NP: How about China? I am asking because you are a great admirer of inviting Chinese colleagues into the ISA so I am asking you about your evaluation of the perspectives of the Chinese sociology. They have very special social and political conditions.

MB: It is a very fascinating story and very different to the Russian one. Chinese sociology did not exist until the 1980s. It had been squashed by the state. How was it resurrected? In the 1980s they brought in experts of Chinese descent from the United States – Nan Lin was the most famous of these – to bring US sociology to China and they did that very successfully. At the same time the government sent lots of Chinese students mainly to the United States, but Europe too, where they were trained. Many of them returned with their PhDs and now populate the major departments of sociology. Sociology is also very strong in the Chinese Academy of Social Sciences where more policy driven work is done. All this indicates that the Chinese state considers sociology as having great potential in tackling social problems and also creating an ideology that will cement a society that is dangerously falling apart. The state has much more faith in sociology than most other states!

Now, alongside this professional and policy driven sociology, there also inevitably develops a critical sociology and even a public sociology. Today in China it is possible to actually have a public sociology because there exists a thin and precarious but nevertheless real public sphere. There is the possibility through the Internet, through NGOs, through social movements of a very limited kind to convey sociology to a wider society. And there have been some very interesting projects conducted by sociologists working with communities and labor organizations in different parts of China. You never know if and when the state will stamp them out of existence, but nevertheless this is a very promising development of sociology. At this point Chinese sociology is one of the most vibrant sociologies in the world.

Another interesting part of the world is Latin America with a long tradition of engaged sociology, public and policy sociology. There we find politi-

cians who are sociologists or were sociologists and public intellectuals orchestrating debates about the direction of society. Brazil is the best example, but also Mexico, Bolivia and Argentina.

NP: Cardoso, a very famous sociologist who was once the president of the ISA, became the president of Brazil. And I heard that there are more sociologists in Brazil than in the United States.

MB: If you are a sociologist in a university in Brazil, you can live on your salary – that is not true in any other country in Latin America where a sociologist employed in the university has 2–3–4–5 other jobs. This really limits the effectiveness of teaching, conducting research, becoming a public figure. Brazil has always funded its public universities in a way that was quite unusual for the third world. But you find a lot of organic public sociology, that is sociologists working closely with communities in many parts of Latin America. They have developed what is called «participatory action research» – that is collaborative research between sociologists as well as other social scientists and communities. It is quite a fascinating region of the world with respect to public sociology!

* * *

Q: Can sociologists exist in countries which don't have civil society? What do you think about civil society in Russia?

MB: As I see it sociology is a view of the world taken from the standpoint of civil society, so if there is no civil society there is no sociology. And I think there is a lot of evidence for that – in Stalinist Russia there was no sociology, in Mao's China there was no sociology, and there was no civil society in either of those countries. The same happened in Pinochet's Chile, or in Nazi Germany. Without civil society sociology cannot survive, they are connected by an umbilical cord. They are Siamese twins, firmly attached to one another, growing up together.

I think what we sociologists have failed to do is to develop a convincing scheme of mapping civil societies in different parts of the world. Any such map must also show the relationship between civil society and the state, civil society and the economy at the same time as being sensitive to the internal structure of civil society. What is civil society? Its elements are institutions, organizations, social movements and publics that are neither part of the state nor part of the economy. What does it look like in Russia? It looks very different in Moscow than it does in Syktyvkar; Novosibirsk is different from Saint Petersburg. Russia is an enormous country and I think the first thing to say is that Russian civil society is not a single integrated one, it is a fractured civil society and therefore you get a fractured sociology. It is no accident, therefore, that sociology tends to develop in one or two centers in Russia. I have not been studying Russia since 2002 so I don't have a good sense of what has happened since then in terms of the development for example of social movements or organizations that transcend regional boundaries.

NP: I agree with you again. Sociology is fragmented and, in my opinion, civil society today in this part of the world is not living through its happiest times. The public demand for sociology is falling as compared to what it used to be, let's say 5–8 years ago. We probably need to agitate publics, this is why we have invited our students to study public sociology, because we cannot wait to be asked to do something in society, we need to look for work in society, to recruit more publics to study sociology, to take the initiative in meeting people, in going on television and radio, the press so as to convey analysis, our critical evaluation of what is happening in society. This is what we can and should do – there is some room for that, there is a freedom today to do that. In other words we need to be a little bit more militant.

MB: Absolutely. On the one hand, there is the idea of a traditional public sociology in which you communicate sociological visions and their relevance through the mass media. On the other hand, there is the organic public sociology in which you have direct face-to-face unmediated relationships between sociologists and communities, building up projects and researches through collaboration.

Sociology has its own projects but it cannot be isolated from other disciplines. Particularly in public sociology, we have to collaborate across disciplinary boundaries. That is not to say that we dissolve sociology, it means that we strengthen the discipline by having relationships with other disciplines. I think public sociology must become a part, a distinct part of a public social science.

Some people think that there should be only one social science, that there should not be sociology, political science, geography, anthropology or economics but instead just one social science. This one social science at this time in history would turn out to be economics and that would be problematic, at least from my point of view. Social sciences have different interests: although each social science is a complex and contested field, nevertheless each has a dominant perspective: in political science it is to support the stability of political orders, in economics it is to expand markets. As I've said I think sociology's interest is to defend civil society and I think these are antagonistic projects. Particularly in an era of run-away marketization, sociology has a very important role to play – to keep markets and the state at bay, to prevent them from destroying civil society. In this regard sociology is at odds with the dominant perspectives in economics and political science, but it is allied to anthropology and to geography. I suppose I am a «sociological chauvinist» – I still believe in the importance of a sociological vision. And as I say this is very much tied to civil society.

Q: Can one be a sociologist without having a credentialed official training as a sociologist?

MB: I don't think there is any doubt that one can be a public sociologist without a diploma in sociology. In this country, there are thousands of journalists, many of whom are spontaneous, intuitive sociologists or even sociologists that have read a lot of sociology. There are quite a few outstanding journalists

who write brilliant analyses of important issues of a sociological character. The *New Yorker* is particularly strong in this regard, and the *New York Times* is like a daily journal of sociology!

So, yes, there are public sociologists doing good work, who are not part of a university, who may not even be trained in sociology and it is our role, sociologists in the university, to enter into a dialogue, a discussion with them. When I was a president of the American Sociological Association, I introduced a new award for excellence in the reporting of social issues. The idea was to reward and recognize people outside the discipline who are doing good sociology, and that is what we do every year. We should not see them as competitors but as collaborators and we should learn from them.

Q: What type of knowledge and practical skills are important in training a public sociologist?

MB: There are two types of public sociology, traditional and organic, and they require very different skills. The traditional public sociologist has to be very skilled at translating – they both have to be of course – sociological ideas into an accessible language so that they resonate with the experience of those with whom we are communicating. Training to be an ethnographer who joins communities in their time and space would be good training for all forms of public sociology. Before we can communicate sociology, we have to understand the common sense of the people with whom we are communicating. That is a necessary foundation for both the organic and the traditional type of public sociology.

In training public sociologists, we should also spend much more time listening to journalists talk about how they communicate and write for public audiences – they do it every day of their lives. We should bring in photographers and see how they think and how they imagine their subjects. We should bring in practitioners of communication and become apprentices to such experts.

Sociology has not done enough to explore different media; anthropologists are way ahead of us. If we are a part of sociology, we should very deeply engage with, for example, film as a way of presenting our ideas. There are all sorts of ways of presenting our ideas through the Internet, just like the very conversation we are having today. We should be doing more of this. A friend of mine, Erik Wright, who teaches in Wisconsin holds conversations between himself and political activists in Bogota, Columbia, about his ideas on participatory government and democratic budgeting. This trans-continental dialogue is now facilitated by the communications technology that we have. That is the optimistic side of public sociology – we have at our disposal new technologies that would facilitate getting our ideas across.

Q: On the one hand, sociologists should work with concrete publics that exist in reality. On the other hand, public sociologists should create and organize their own public. What do you think about sociologists themselves constituting a public?

MB: One of my projects in the International Sociological Association has been to create a global community of sociologists. We have to learn to talk to ourselves and among ourselves, to constitute ourselves as a public before we can be effective in communicating with others. Or at least these two should go hand in hand. We are simultaneously observers of society but also participants in society. As observers we constitute ourselves as scientists, professional sociologists, but as participants we constitute ourselves as public sociologists. I feel strongly that we have to think of ourselves as a collective actor and we have to turn sociology on ourselves and think imaginatively how we can work together across national boundaries, overcoming all the inequalities and differences that divide us. It is a difficult project particularly especially if we are thinking globally, but I am encouraged that this is really possible – to develop a distinctive vision of sociology that we can indeed all share.

ГРАЖДАНСКАЯ СФЕРА VS ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА /
Телемост с Джеффри Александером
Civil sphere vs public sphere / Telebridge with Jeffrey Alexander;
Higher school of economics (Moscow, Russia) –
Yale university (New Haven, USA), 10 February 2010

Джеффри Александер (род. 1945)

Один из бесспорных лидеров современной социологии, профессор Йельского университета, заслуженный профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, совместно с Р. Айерманом возглавляет Центр культурной социологии Йельского университета. Представитель неофункционализма (термин «неофункционализм» был введен в научный оборот им самим в 1985 г.). Учитывая критику функционализма 1960–1970-х годов, дополнил концепцию Т. Парсонса достижениями других социологических школ, прежде всего идеями, связанными с конфликтом и феноменологией. Среди последних работ Александера: «Значения социальной жизни: Культурная социология» (2003), «Гражданская сфера» (2006).

Participants

JA – Jeffrey Alexander, Yale University

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

AB – Alex Boklin, HSE

DP – Dmitry Popov, HSE

SL – Sergei Lebedev, Moscow State University

JA: I would start with some background introduction to my work on the civil sphere. «The civil sphere» draws out of different trends of my work but what is most distinctive about it is its cultural sociological dimension.

Cultural sociology is something that I began to define in my own particular manner in the middle and late 1980s. This is an effort to put meaning, pat-

terns of meaning and meaning-making at the center of social science, to make meaning into an independent variable to give culture relative autonomy.

The background of this goes back to Durkheim. In the early 1980s I said that we needed to make a distinction between the middle theory of Durkheim and late Durkheim. Late Durkheim is especially in «The elementary forms of the religious life», which is a study of the symbolic classification system of the Australian aborigines, the rituals, the division of symbols into the sacred and profane, the energy that circulates among the aborigines, and the importance of culture. That book by Durkheim, published in 1912, was taken as a foundational text for anthropology but not sociology. Sociology focused on «The division of labour in society» (1893), «Suicide» (1897) and «The rules of the sociological method» (1895). My interpretation of Durkheim was that those middle period works of the 1890s were too functionalist and too mechanical; it was really Durkheim toward the end of his life who emphasized symbolic and emotional energy which we should focus on.

In doing so, I wanted to argue against the idea that traditional and modern lives are radically different in terms of the role of emotions, tradition, and meanings. This is one of the most pernicious divides that marks modern social science. Of course, there is a big difference between a traditional and a modern society, there is no doubt about the role of science, urbanism, education, rationality etc, but does that mean that modern people have given up irrational feelings and commitments to belief systems that can't be proven by science? The assumption of Marx, Weber, early Durkheim, also Simmel in many respects, and many others since is that there is this radical break between tradition and modernity: for example, when anthropologists study traditional societies, they might use the tools of symbolic analysis, but when they study modern societies, they have to focus entirely on the economic organization, on the role of demographic variables, on society as purely bureaucratic.

In the 1980s, I tried to develop conceptual tools for studying culture, meaning, codes and narratives inside the modern societies. For instance, I wrote an article on the computer, «The *sacred* and *profane* information *machine*» which is in a book called «*The meanings of social life: A cultural sociology*». I said that the computer is, of course, a piece of immensely efficient and rational technology, but it is also a gigantic symbol that people have very irrational feelings about; they look to the computer as a vehicle of salvation and a machine that threatens damnation, that threatens to bring an apocalyptic end of the world.

In the late 1980s I was studying politics, in which I have always been interested, and wrote an essay on the Watergate crisis in the US, which was created by president Nixon. One of the things I realized, as I was beginning to learn about symbolic structures, is that late Durkheim has to be updated and connected to semiotic theories – for example, Barthes, Lévi-Strauss, later on Foucault and also to the hermeneutical theories of Dilthey and others, and – in the contemporary context – to the great symbolic anthropology of the late 20th

century – for example, Mary Douglas, Clifford Geertz, and Victor Turner. So basically my concern as a cultural sociologist was to synthesize these different elements in a way that would produce models of analysis that could be subjected to rational empirical methods and come up with strong and robust findings.

In the late 1980s and 1990s, I studied the history and contemporary contours of political, social, economic, governmental, racial, gender, religious conflicts that occur in the public sphere of the United States particularly, but other countries as well. And instead of thinking of those conflicts as conflicts primarily over the material resources or social capital (such that the actors had nothing in common with each other – in other words, a game theoretical model), it seemed more true to me that the actors often actually spoke a common language. Even while they were in a very serious conflict with each other, they articulated their different interests in terms of a shared public language of which they were not really aware. I decipher this language as a binary code which I call «the discourse of civil society». I decided that was the language about motives, relations and institutions that had highly polarized quality of the sacred and profane, good and bad, and that what people were fighting over was not only material interest but the symbolic construction of themselves and others and that if they could construct their opponents in a polluted manner then those would look to the public audience as if they were undeserving of opposition in the civil sphere and were not worthy people in civil terms.

Once I had that insight, I built a new theory of the civil sphere and in doing that I could take on board not only cultural theories, but also institutional theories which were a bit of Durkheim, partly Weber, a lot of Parsons. Weber and Parsons developed a theory of different value spheres and different institutional worlds, and they develop a basic notion of systems – so you could talk about the relative autonomy of different spheres (civil, political, sphere, family, religious, ethnic or racial) from each other. It seemed to me that I could develop a more sociological understanding of democracy – that democracy exists to the degree that civil sphere assumes relative independence from other spheres. And I define the civil sphere as a sphere organized around an ideal of solidarity where each person has strong feelings of identification with every other member of the society, but the identification with people defined as autonomous individuals. So it is an attempt to combine individual with the communal and this is quite close to Durkheim's understanding of «the cult of the individual» or to what Parsons called «institutionalized individualism».

I don't believe that civil solidarity has been given nearly enough attention in social theory or in social sciences. Social sciences have mainly talked about the nation, the state, a bit about the legal order, of course, economic inequality a lot, ethnicity etc, but the sphere of civil solidarity is rarely the object of social analysis, so my aim was to develop a new object of study. What I wanted to lay out was, in a kind of Mertonian way, a middle range theory of the civil sphere, not simply a meta-theory in a philosophical or normative sense of which

Habermas' work «The structural transformation of the public sphere» is an example. But my aim was very sociological – I wanted to elaborate a set of concepts which would enable people to do research and to develop explanations.

I have two main levels: the level of the discourse of civil society which I have described in a set of complex languages and then the institutional level which I divide into the communicative and the regulative. The communicative gives a central role for mass communication, for public opinion polling, and for civil associations, and the regulative has more to do with using the discourse of civil society to develop coercive instructions to the state and to the individuals in the society. Of course, the key to a democracy is if the people on their own can regulate state power. That is the critical issue, because if they can do that to a significant degree, then they can also regulate economic, religious or patriarchal power. For example, if you have a relatively autonomous mass media, that is tremendously significant in affecting public opinion and social consciousness, and people who are in power have to answer to this public opinion. That is why when a society moves away from democracy, it is extremely important for authoritarian powers to gradually gain control of newspapers and television stations and why professional journalism is one of the least studied but most significant institutions in a civil society.

It is a shame – I don't know what it is like in Russia but in the United States – the study of mass media is in specialized schools that are called «media schools» or «journalism schools» and it is rarely a part of the social science – sociologists rarely study newspapers or televisions. Anyway, the communicative institutions are critical – another example is polls. The more a society becomes authoritarian the less is public polling important. Polls seem as if they are purely scientific – they take random sampling to develop public opinion, but polling provides a public force that can shock people in a moral manner – for instance, it can say that the public doesn't like what the president of the United States is doing. If Obama is doing something and people think it is popular, and then public opinion polls reveal that actually there is skepticism among the majority of citizen about President Obama's health care plan – well that kind of stops him! There is no institutional regulation, but then the journalists say: «How do you respond to the fact that the public doesn't like what you are doing?» and he feels compelled to answer in a way because he is under obligation of solidarity. Of course he is also worried for his own material interest and that gets to the regulatory institutions, because every one, two, three or four years there are elections. The electoral system (free and fair voting) is a critical regulation: every once in a while public opinion translates into a vote which means that people can be kicked out of the office.

* * *

One of the things that I struggle with in developing this theory is the relationship between civil sphere and public sphere – there is a mess with the terms and I address this when I talk about the civil society. In the literature you must

have met mostly civil society; I wanted to try to develop a distinctive way of speaking of civil society as a sphere that is vis-à-vis other social spheres whereas the traditional political theory and social theory way of thinking about civil society is all spheres outside of the state or all social issues outside of the state. For me, the civil sphere is different than the public sphere; many of the performances in the public sphere are oriented towards the extensions or contractions of civil society and civil obligations, but many are not. This is the argument that I have made.

The Habermasian perspective, which is very powerful today, traces its roots back to Plato and Aristotle and the ideas of Socrates – back to the Greek polis in republican Greece. «Publicness is identical with democracy» – that is Habermas' argument. I don't agree with that because what I see is that publicness is a performative space in which people – political actors, social actors – can make arguments against democracy that can be projected to everybody. In the 1920s and early 1930s in Germany, the Hitler movement and the Nazi movement performed on the public stage as very effective actors and increased anti-Semitism, nationalism and eventually succeeded in gaining the most votes in 1933! And in the United States I see many very conservative actors making effective performances on the public stage.

Hannah Arendt is very interested in the public as well and she also, as Habermas does, takes her interest back to the Greek polis and to the classical writings of the ancient philosophers. But Arendt has a much more cultural and symbolic understanding of the public sphere. Habermas' understanding of the public sphere is very rationalistic: he believes that people are compelled to present good reasons, that there is an urge to reach consensus, that you are bound by certain norms of transparency etc, whereas Arendt realizes that the public sphere is a sphere of what she calls «agonism» and she uses the notion of performativity – the sphere of speaking and acting individuals. I feel that my understanding of the public sphere is closer to Arendt's.

In the last decade, I have tried to develop a theory of social performances. Social performances are ways that actors try to get results in interaction, but they do so culturally and symbolically, not through rational action. The idea of social performance tries to embrace a more pragmatic dimension and connect it to a cultural dimension – that is why I call it a theory of cultural pragmatics. If you look at the history of post-World War II sociology you see the work of Erving Goffman and his first and most important book «The presentation of self in everyday life» published in 1956. It is all about presentation, performativity, and there are a lot of other developments like the work of John Austin with the notions of ordinary language and performance. So I try to bring theater studies, performance studies into cultural theory.

* * *

AB: My question will generally refer to the relation between the civil sphere and Internet technologies. We may point out quite a number of negative

intrusions that can be made into civil sphere – by capitalism, by state, by religion etc. But as far as I understand there is at least one danger that comes from within – this is the problem of commercialization or bureaucratization of civil sphere. If we take what is called «independent mass media» or trade unions fighting for workers' rights, they all imply inequality within their organization (including unequal distribution of power), they all need some funds in order to keep on existing. And this may turn to noncivil institutions which demonstrate these features. So the question is: how would you evaluate the potential and the role of Internet technologies – in particular Wikipedia which helps to share information for free and can be contributed to freely, or Youtube which was the only channel for information from Iran when all other media were blocked by authorities after the election, or social networks like Facebook? I suppose, these could be really useful instruments for constructing and sustaining civil sphere.

JA: Concerning the first point about commercialism, I would say that spheres outside of the civil sphere including economic and private capitalism are not necessarily anticivil, but they are noncivil. I identify three ideal-typical modes of relation between civil and noncivil: facilitating input, destructive intrusion and civil repair. I argue there it is up to the society at particular time to decide if something is a destructive intrusion or not – in other words, whether it is anticivil. It is not objectively anticivil: for example, the patriarchal arrangements of a traditional family where a male was in power over the female was not regarded as an anticivil institution for most of modern societies. If you look at Habermas' book, he actually argues that patriarchal family was essential to the vigorous public sphere and ethics, but in our days – at least insofar as we accept feminism as a strong moral argument – we often feel that that family was anticivil, that it does not give facilitating inputs to the civil sphere, but is something that the civil sphere needs to reconstruct to give more rights to women so to protect them.

I would say, the same is with business. The history of the relations of private capitalism and the civil sphere is always changing and always dynamic. For example, the safety and the conditions of workers in factory, which are fairly regulated now, used to be unregulated. Is there unemployment insurance for people when they are fired? Is there right for workers to organize their own trade unions? These are continually negotiated.

The issue of independent media is also very important. On the one hand, the media is made for the purpose of making profit and one would say this is anticivil. But I would argue that that it really depends more on the profession of journalism – to what degree does it form a self-regulating professional organization – and the freedom of the people who write the scripts and the news. How much do they control? How much do the people who own the media control? These are big issues to study.

The second part of your question that was about all the new, let's say, «social relations media». Definitely in a society which is very state-controlled, where there is a suppression of the autonomy of media, you find that these so-

cial networking tools are absolutely essential because they are the only way people can communicate directly with one another and public opinion can form, and broader solidarity constructed. In a society like the United States, however, networking media do are not as crucial, for there are other, more professional, and more deeply institutionalized communicative institutions in the civil sphere.

It is quite a challenging problem, for example, to figure out what the relationship is of blogging to the communicative media of the civil sphere. If you look at the blogging you see blogs are very partisan and very «prejudiced». Blogs are organized nationally around right wing and left wing opinions; they don't correspond to the utopian ideology or the utopian discourse of the Internet. As a cultural sociologist I would look at the Internet not as an objective thing (although it does have objective possibilities), but there has also been a utopian discourse in a company of the introduction of the Internet – a utopian discourse of freedom, solidarity, democracy.

For example, people say: «The Chinese government will not be able to maintain its authoritarian control once that Internet comes to China» as if a purely technological development has a gigantic cultural meaning attached to it, and thus its effects are inevitable. But as we see in China, the Internet will be controlled to a high degree by the state and we experienced a tremendous conflict between Google and the Chinese Communist Party. As I understand, in Russia it is not like that and there is still complete freedom of the Internet use. All of these social networking technologies are a new kind of communicative institution and they should be written about, but in a manner that is careful not to endorse them as an inherently democratic institution.

SL: I would like to bring up again the topic of mass media and communication. Could you please expand on how they produce ideology, myths and in this way influence society and act as a means of power?

JA: In the United States and Europe there has been a very long standing debate about the relationship between mass media and mass public opinion. Basically, there are two very well established standpoints – one is that the mass media is a manipulator of opinion, independently of society, but the other side of research says that is not true, that ideologies or narratives of the mass media are filtered through the primary and secondary groups of the civil society. Projection and reception may be not synchronized, and you can have a state mass media projecting things which people just do not believe. Of course, when the mass media are controlled not by the civil society but by the state or by a rapacious capitalist and are not affected by independent journalism, they are an anti-civil force – but it does not mean that they have complete control of what people think; there are other ways for people to form opinion. Even in the darkest days of the Soviet Union, from my observation, it was not clear that the mass of the people believed the propaganda machine of the state, and there were independent circulations of opinions, there were artists, there were intellectuals.

Here is the way that I think of this: let's say a giant company hires an expensive advertising firm and they design a huge advertising campaign to con-

vince people of X, Y or Z – they do not necessarily succeed and convince. There are many studies of such failures. So we can't assume that all the messages that come in are accepted. It depends on what other opportunities people do have to form opinions and on what is the role of informal communication. What about religion? Is religion a form of public opinion formation that has autonomy vis-à-vis the mass-media? What is the media's relation of family structure or ethnicity? What region are you from? Does this affect your opinion of things apart from the media? There are many ways to sustain counter opinion that can be quite separated from mass media.

DP: You are talking about mass media as a means of creating civil definitions, but it can also become a tool of creating simulacra, in terms of Baudrillard, so this might be just another type of controlling the society, another way of making people believe something what those who control the mass media want them to believe. The question is, in other words, if civil sphere can be simulated? Is it a real threat, from your point of view?

JA: I like the way this question puts Baudrillard's, post-modern, and Neo-Marxist critique of contemporary society in contact with my theory of the civil sphere.

Once you have a society where mass media is present, then performativity has a central place. None of us will ever meet personally and have a chance to evaluate in a face-to-face way those who are in power over us. 99.9% percent of us will never meet these people really – that is the fundamental condition of a large-scale modern and post-modern society. But that means that our understanding of who they are and their moral stature is a matter of projecting performance. When we evaluate performances we are always answering if they are fake or authentic, so a simulacrum is a judgment that the performance is fake. Baudrillard worked with the idea that there is an authentic reality which he knows as an analyst and a fake reality which he also knows, and that puts him close to Frankfurt critical theory. He sees mass media as culture industry and argues that in a post-modern society most of performances in the public are fake.

All public lives, all representations of power are matters of performativity and it is up to the public or what I call «citizen audience» to attribute authenticity and sincerity or to make a critical judgment that the performances are fake or not. In fact, the currency that circulates through a civil society, through its public spaces, is judgments as to «that is fake», «that is authentic», «he is moral», «he is pretending». Yes, other social conditions would make it more easy to pretend to be somebody whom you are not, and the answer would be if the mass media are controlled by a government or a corrupt capitalist class or businessmen people who are in league with the government, and if there is no competition between media and between political parties – that makes it harder for the public to reach an opinion about authenticity.

I wrote about this problem in a book that I have recently completed: *The performance of politics: Obama's victory and the democratic struggle for*

power (Oxford University Press, 2010). I said it would be technologically possible, for example, for the Obama or the McCain campaign to fake every single image, that they could pretend there were giant crowds when there were just a few people, they could pretend that people were applauding when they were not. There are immense technological possibilities. So the question is: why does not that happen in more or less competitive democracy? There is a chance to manipulate, so why don't political candidates go all the way towards a real simulacra? I think it is because if you did that, you would be exposed in a day, or a week, or a month by the other side, by other media, and you would be exposed as violating the normative constraints of the discourse of civil society which demands honesty, responsibility, sincerity. You could be impeached, arrested or put in jail.

NP: How would you see the role of a sociologist in such conditions – whether a sociologist should demonstrate the authenticity of the process? Do you think the sociologist should be involved in analyzing the situation or a sociologist should be outside of those things? What would be a specific role of a sociologist in civil sphere?

JA: There are two different roles: there is a role of an intellectual and the role of a professional sociologist. Certainly, sometimes a person is both a public intellectual and an academic sociologist, but often not. Intellectuals can play different roles. One is very partisan – right-wing intellectuals, left-wing intellectuals. The role of such an intellectual is to speak not on behalf of the civil sphere but on behalf of particular interests. Yes, they are on the public stage, but they are people who formulate ideologies.

On the other hand, there is an intellectualist ideal, that goes back to Sokrates, of people who speak on behalf of critical discourse of the civil sphere: Sakharov or Solzhenitsyn in the history of Russia, Habermas in Germany, Sartre and sometimes even Foucault in France. The key to this role is the word «disinterest»: «disinterested» means somebody who does not have a particular side and can step back therefore from a contest. I think that is the role of the academic intellectual as well. In a civil society an academic could enter a debate and say: «This is a fixed election, this is a simulacrum, this is not democracy», because the authority of a sociologist or an academic can be that we are speaking from a more universalistic point: «I am making a general remark about this entire situation, I am not for the left, I am not for the right, I represent myself from the point of view of the public».

NP: If I speak as an intellectual like Sakharov or Solzhenitsyn, but being a sociologist myself, I should first of all announce my role and status as an interested moral speaker, although I am a sociologist, but I am speaking on behalf of the society as a citizen. But in other case I should represent myself as a professional, disinterested, neutral value-free sociologist and say «I am speaking as a medical doctor to you, I am telling you your diagnosis». Is it true that you or myself or any other colleagues of ours should definitely represent themselves either as citizens or sociologists and not mix up those two roles?

JA: Those are ideal types, and in concrete reality we all mix those roles. An economist, a constitutional lawyer, a medical expert or an expert in public health might say: 'I am an expert in this and I am telling you that the Russian economy has so much corruption' (I am purely hypothetical here!). «The level of corruption is 55%, and if we don't lower it to 20%, we will not have a productive economy» – that is a person speaking as an expert but obviously also as a citizen, because why would he care about corruption? Because he cares about solidarity, about obligations to others, about honesty – so we do mix these two roles together. But it is possibly different from saying «I am a member of a liberal party and therefore I want you to do this or that».

NP: Then definitely you are not an expert, but a representative of the political party.

JA: And a lot of intellectuals like to do that.

* * *

AB: To what extent does iconic experience affect modern society, what is the influence of it and whether it is a universal process which we may find in all the cultures and societies all over the world?

JA: For me, the critical issue is this: is iconic experience and iconic representation also present in a mechanical society, a modern society or it is only part of a religious society or a traditional society? For example, Russian orthodox churches are famous for icons, but undoubtedly the Soviet Union was filled with icons too?

As I said at the beginning of this seminar, I am very critical of the idea that there is a major break or epistemological difference between traditional and modern societies. Roland Barthes, in his collection of essays called «Mythologies», wrote a short and brilliant essay called «Einstein's brain». To speak of the image of Einstein is to see the significance of iconic representation, because that image is a way of communicating a whole set of descriptive meanings about the modern world – the role of physics, the role of mathematics, the mystery of science, positive and negative possibilities. So for me, the iconic means that we represent cultural meanings not only through our discourse, in written and spoken languages, but also through the material culture meaning through the aesthetic constructions of the surfaces of things.

I don't know any of you except Nikita (I had a pleasure of him coming into my house in New Haven). But I am looking at you and I see your faces, your hairstyles, how you are holding your hands, how you dress, and I am making – unconsciously largely – inductions about how you are thinking, feeling, who you are. I may probably be mistaken about 95% of the things I am thinking. But that is the role of surface, of representation, so my answer is that iconic experience is very important everywhere – that is why we have pictures of our beloved leaders on billboard.

NP: Jeffrey, why do you say you are 95% mistaken? Because you are from a different culture. When I look at my students, I am not 95% mistaken,

because I belong to this culture and I have the power of interpretation and reading the iconic, right?

JA: Exactly. Of course, to the degree that your students and I are a part of the global culture where there is an international sense of style, then I have more security and can make more judgments better than 95%.

AB: You have already said that from your standpoint, iconic experience is truly important for different cultures in all historical periods. What is the role of emotions in iconic experience and, in general, in social and cultural systems?

JA: It is difficult for me to understand emotions without thinking of their symbolic representation. Say, ideas of pollution, fear of things stigmatized, feelings of shame or an embarrassment – emotions are attached to cultural codes, these social codes are patterned, they are institutionalized, and they are not something that we possess as individuals. Why do we wear clothes instead of walking naked? It is a pretty significant thing and it is obviously about the coding of the emotions. Anger, joy, sadness – these are connected to narratives and brought forth by text – by progressive, tragic or melodramatic narratives. We should not study emotions in isolation from cultural sociology.

AB: You write that contact with iconic goes through our senses and transmits meaning, but at the same time that is a transmission without communicating. You also point out that iconical is about experience and to be iconically conscious is to be able to understand without knowing. How do you think, is reflection about why we worship icons or why somebody wants to be an icon, somehow kills or stops «iconic consciousness»? *Schütz* wrote that at the very moment we start reflecting on dreams or fantasies, we are no longer dreaming or engaged in the sphere of fantasies.

JA: Reflection is not the same as iconic experience – it is an attempt to step outside of the flow of iconic experience, but being able to engage in reflection is itself partly stimulated by iconic attachments. For example, if you become attached to your sociology professor as an iconic figure and you learn to imitate him or her and you internalize his critical thinking in education – that iconic experience can allow you to be reflective and non-iconic vis-à-vis society. For example, in a radical social movement it is quite common to admire, even to worship a popular mass leader. This means there is iconic experience, so membership in the group is often a very unreflective set of emotions. But the members of that movement have critical reflection towards, let's say, business or capitalist media.

I don't think that there is a danger that reflection ends iconic experience forever: you can have reflections on dreams but you are still going to dream every night. You don't stop yourself from dreaming, you wake up and you try like Freud did in the interpretation of dreams to gain some independence from the act of dreaming, but it does not mean you are not going to dream. You can think and write a book about love, but it does not mean you are not going to fall in love. And when you fall in love, you have lost your ability for reflection.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА /
Abstracts and keywords

Дж. Ритцер
Потребление по ту сторону кризиса

Анализируется роль потребления в нынешнем кризисе («Великой рецессии») и прогнозируется его судьба после кризиса, прежде всего в американском обществе. Констатируется зависимость американской экономики от потребления в его крайних формах (гиперпотребление, храмы потребления, долги). В свете этой зависимости предполагается, что данные формы потребления скорее всего сохранятся в американском обществе и после кризиса вместе с порождаемыми ими проблемами.

Ключевые слова: потребление, кризис, «Великая рецессия», американское общество

G. Ritzer
Consumption beyond the crisis

The author analyzes the role of consumption in the current crisis («the Great Recession») and predicts its prospects after the crisis, especially in American society. He states the dependence of American economy from consumption in its extreme forms (hyperconsumption, shrines of consumption, debts). In the light of this dependence it is supposed that these forms of consumption are likely to be retained in American society after the crisis together with problems generated by them.

Keywords: consumption, crisis, «the Great Recession», American society

В.Г. Федотова
Модернизация: Переосмысливая теорию и практику

Задачи реформирования Российского общества побуждают к содержательному переосмыслению понятия «модернизация». Предметом острой дискуссии в рамках современной теории общественного развития ста-

новится выбор модели модернизации на фоне столкновения концепций догоняющей модернизации (вестернизации) и множественной (опирающейся на локальную самобытность) модернизации. Процессы и трансформации в самих западных странах, успехи «перехода в современность» стран Юго-Восточной Азии (особенно показателен в этом смысле опыт Китая), глобальный экономический кризис делают все более актуальным вопрос об альтернативных сценариях общественного развития, о национальных моделях модернизации. В связи с этим социальные аналитики ставят под сомнение жесткую оппозицию категорий капитализм / социализм, глобальное / локальное, Запад / не-Запад. Адекватное обсуждение общественных перспектив возможно сегодня только на контекстуальной основе, на выявлении связи когнитивных социальных технологий и с внутренними инновационными целями (культурной спецификой общества), и с общим направлением мировых цивилизационных изменений.

Ключевые слова: модернизация, догоняющая модернизация, национальная модернизация, многообразие моделей развития

V.G. Fedotova

Modernization: Rethinking theory and practice

Aims of reforming Russian society prompt us to rethink the content of the notion «modernization». Against the background of the clash of the concepts of catch-up modernization (westernization) and multiple modernization models (to be based on local peculiarity) the choice of the modernization path has become an object of heated debate in contemporary theory of society development. Current processes and transformations in Western countries themselves, success in «transition to modern culture» demonstrated by South-Eastern Asian countries (particularly revealing is in this sense the Chinese experience), as well as the global economic crisis make still more relevant the issue of alternative scenarios of society development and national modernization models. In this connection society analysts call into question the rigid opposition of such categories as capitalism / socialism, global / local, West / non-West. Adequate discussion of society perspectives is only possible today on a contextual basis, with the link defined between cognitive social technologies and both inner innovation goals (the society's cultural peculiarity) and the general trend of world civilization changes.

Keywords: modernization, catch-up modernization, national modernization, multiple development models

С.Н. Смирнов
Модернизация в атомизированном обществе

Основная задача модернизации в России состоит в том, чтобы консолидировать атомизированное общество по интересам и потребностям, прежде всего на уровне муниципий и создать противовес органам государственного управления. В конечном счете модернизация – это комфортная среда обитания для жителей страны, создаваемая и воспроизводимая на основе современных технологий и демократического управления, а не абстрактная национальная идея. Разумное самоограничение потребления может быть достигнуто только на основе доверия к государственным институтам, низкого в современной России. В этом контексте догоняющая модернизация представляется наиболее разумным для страны вариантом.

Ключевые слова: догоняющее развитие, местные сообщества, социально-экономические интересы, потребление, «замыкающие» группы населения

S.N. Smirnov
Modernization in an atomized society

The main aim of modernization in Russia consists in consolidating the atomized society according to interests and needs, first of all, at municipality level, and in creating a counterbalance to state governing institutions. Ultimately, modernization means comfortable environment for the citizens, produced and reproduced on the basis of modern technologies and democratic governing, not an abstract national idea. Reasonable self-limitation of consumption can only be achieved on the grounds of confidence in state institutions, the level of that confidence being quite low in contemporary Russia. In the given context catch-up modernization seems the most rational variant for the country.

Keywords: catch-up development, local communities, socio-economic interests, consumption, «closing» population groups

О.Н. Яницкий
Модернизация России: Гуманитарные проблемы

В статье анализируются предпосылки, возможности и ограничения предстоящего этапа модернизации российского общества. Развивается идея перехода от техно-бюрократической к социально-гуманитарной ее модели, с опорой на союз науки и гражданского общества, и роль общественных наук в этом процессе.

Ключевые слова: модернизация и ее типы, коридор возможностей, ресурсы, гражданское общество, социология, Россия

O.N. Yanitsky
Modernization in Russia: Humanitarian issues

Prerequisites, possibilities and impediments of the forthcoming stage of modernization of Russia are analyzed with the focus on the shift from its techno-bureaucratic model to a socio-humanitarian one. This shift should be based on the alliance of the academic community and civil society which, in turn, means the necessity of growing involvement of humanities in the process.

Keywords: modernization and its types, opportunity corridor, resources, civil society, sociology, Russia

А.Б. Гофман
Социальное, социокультурное, культурное:
Историко-социологические заметки
о соотношении понятий «общество» и «культура»

Статья посвящена рассмотрению соотношения значения понятий «общество» и «культура» в истории социологической мысли. В ней наблюдается постепенное вытеснение, «захват» и замещение первого понятия последним. В связи с этим в социологической мысли XIX–XX вв. можно констатировать три «поворота», если использовать модный в последние годы термин: 1) к «обществу» («социальному»); 2) к «обществу-культуре» («социокультурному»); 3) к «культуре» («культурному»).

Ключевые слова: общество, культура, социальное, социокультурное, культурное

A.B. Gofman
The social – the sociocultural – the cultural:
Historico-sociological notes
on the correlation of the notions «society» and «culture»

The article considers the correlation of the meanings of the notions «society» and «culture» in the history of sociological thought. In the said thought one can observe gradual ousting, «seizure» and replacement of the former notion by the latter. In this connection in the sociological thought of the 19th – 20th century one can state three turns, if we use the now fashionable term: 1) to «society» («the social»); 2) to «society-culture» («the sociocultural»); 3) to «culture» («the cultural»).

Keywords: society, culture, the social, the sociocultural, the cultural

О.А. Симонова

**Пути реализации «сильной программы»
в культурной социологии Дж. Александера:**

Концепции иконического сознания и иконического опыта

В статье анализируются новейшие тенденции в социологических исследованиях культуры Джеффри Александера. Его научная задача заключается в реализации выдвинутой им «сильной программы» культурной социологии, цель которой состоит в переопределении социологического понимания смысла социального действия, переработка понятия социального действия и смысла социального действия как категорий социологии. Это означает, что для Александера культура, культурная структура аналитически автономна от социальной структуры и является внутренней средой социального действия. Именно такой подход позволяет лучше понимать социальные, политические и экономические сферы общества. Концепция иконического сознания и иконического опыта показывает, как культурные структуры «оперируют» в социальных взаимодействиях, как обуславливают мотивацию человеческих действий посредством восприятия знаково-символических элементов социальной реальности. С помощью этих концепций Александер стремится реализовать заявленную методологическую программу и описать механизмы социальных взаимодействий, характерные и для традиционных, и для современных обществ.

Ключевые слова: культурная социология, сильная программа в культурной социологии, культурная система, интерпретация, знаки-иконы, иконический опыт, иконическое сознание, социология и искусство

O.A. Simonova

***Ways of realizing the «strong program»
in Jeffrey Alexander's cultural sociology:***

The concepts of iconic consciousness and iconic experience

The article is devoted to the newest tendencies in Jeffrey Alexander's sociological studies of culture, namely the «strong program» in cultural sociology. The purpose of the program is to redefine sociological understanding of meaning in relation to social action as well as to elaborate both meaning and social action as categories for social research in general. This implies that, for Alexander, culture is a structure analytically different and autonomous from society, which is, in turn, understood as the internal environment of social action. The given approach provides a better understanding of social, political and economic spheres of society. Concepts of iconic consciousness and iconic experience describe how cultural structures «operate» in social interactions and generate motivations of human actions by perception of signs and symbols in everyday life. These concepts are part of the realization of methodological principles of the «strong program» in the explanation of social actions in traditional and modern societies.

Keywords: J.C. Alexander, cultural sociology, «strong program» in cultural sociology, culture as system, interpretation, icons, iconic consciousness, iconic experience, sociology and art

Е.З. Мирская

Состояние и роль ИКТ в российской науке:

Результаты социологического мониторинга 1994–2002 гг.

Непрерывно возрастающее использование в науке современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенно расширяет возможности ученых получать актуальную научную информацию и оперативно использовать профессиональные коммуникации, которые представляют собой важнейшие элементы процесса производства нового знания. В статье анализируется процесс ассимиляции ИКТ в российском академическом сообществе и коррелирующая с ним динамика показателей профессиональной деятельности и продуктивности ученых. Появление и действие нового фактора в отечественной науке рассмотрено на базе эмпирических данных социологического мониторинга, проводившегося в элитных институтах Российской академии наук в 1994–2002 гг. Социологическое исследование зафиксировало существенное позитивное влияние использования ИКТ на продуктивность научной деятельности. Этот результат можно считать важным открытием, так как количественное подтверждение повышения профессиональной успешности ученых, связанное с применением ими современных ИКТ, получено впервые.

Ключевые слова: наука, научное сообщество, научная деятельность, продуктивность, новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)

E.Z. Mirskaya

The state and role of ICT in Russian science:

Results of the 1994–2002 sociological monitoring

Continuously growing use of modern information and communication technologies (ICT) in science essentially expands scientists' potential to receive topical scientific information and to extend professional communications that are crucial elements for producing new knowledge. The article analyses the process of ICT assimilation in the Russian academic community and the correlative dynamics of indicators of the professional productivity of scientists. It is based on the data of the longitudinal sociological survey (1994–2002) realized in elite teams of the Russian Academy of Sciences. On the quantitative basis of these empirical data, the article shows an undoubtedly positive correlation between the level of ICT use and the scientists' professional success. That is a

weighty research result because it was the first empirical confirmation of real benefit from modern ICT for science.

Keywords: science, scientific community, scientific activity, productivity, modern information and communication technologies (ICT)

М.Е. Соколова

**Социальные научные сети Рунета и «открытый код»
«поколения Google» в отечественной науке**

В статье рассматриваются история и особенности развития социальных научных сетей Рунета на современном этапе. Показывается разрыв между поколениями российских ученых в освоении новых интерактивных сервисов Веб 2.0, предназначенных для научных коммуникаций. Рассматривается коммуникационные навыки нового поколения исследователей («поколения Google») в российской науке.

Ключевые слова: исследовательские сети, социальные сети, разрыв между поколениями, «поколение Google»

M.E. Sokolova

***Runet social research networks and the open source
of the «Google generation» in Russian science***

The article deals with the history and features of social research networks on the Runet at the present stage. It shows the gap between the generations of Russian scientists in the use of new interactive services Web 2.0 for research communication. The article considers scientific communication skills of the new generation of researchers («Google generation») and argues the necessity of political support for the new network generation in contemporary Russia.

Keywords: research networks, social networks, generation gap, «Google generation»

В. Джеффрис

Одиннадцать тезисов об интегрализме

В статье обсуждается значимость наследия Сорокина и идей интегрализма, получивших развитие в его работах. Интегрализм трактуется как особая научная система мышления, претендующая на статус новой парадигмы для интегральной социальной науки. Основные идеи этой парадигмы представлены в статье в виде одиннадцати тезисов, для которых труды Сорокина имеют основополагающее и конститутивное значение.

Ключевые слова: социологическое наследие П.А. Сорокина, интегрализм

V. Jeffries
The eleven theses of integralism

In this paper the author discusses the significance of P.A. Sorokin's heritage and that of ideas of integralism as they were developed in his works. Integralism is treated as a scientific system of thought claiming the status of a new paradigm for an integral social science. The main ideas of this paradigm are presented in eleven theses for which Sorokin's works are fundamental and constitutive.

Keywords: sociological heritage of P.A. Sorokin, integralism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Джеффри Чарльз – профессор социологии и содиректор Центра культурной социологии Йельского университета, США

Боклин Алексей Евгеньевич – аспирант кафедры общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики и Университета Дж. Мейсона (США)

Буравой Майкл – профессор Университета Калифорнии, г. Беркли, США, президент Международной социологической ассоциации

Гирко Людмила Владимировна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Гофман Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, заведующий сектором социологии культуры Института социологии РАН

Долгов Александр Юрьевич – сотрудник Центра имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, студент Сыктывкарского государственного университета

Джеффрис Винсент – профессор социологии Калифорнийского университета, г. Нортридж, США

Евсеева Ярослава Вячеславовна – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук, заведующий отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН

Кротов Павел Петрович – доктор философских наук, руководитель Центра имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Мирская Елена Зиновьевна – доктор социологических наук, заведующая сектором социологии науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент Государственного университета – Высшей школы экономики,

старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член исполнительного комитета Международной социологической ассоциации, президент Сообщества профессиональных социологов России

Ратников Александр Александрович – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Ритцер Джордж – почетный профессор Университета штата Мэриленд, США

Симонова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Государственного университета – Высшей школы экономики, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Смирнов Сергей Николаевич – доктор экономических наук, заместитель проректора Государственного университета – Высшей школы экономики, директор Института социальной политики и социально-экономических программ Государственного университета – Высшей школы экономики

Соколова Марианна Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Урри Джон – профессор Ланкастерского университета, Великобритания

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН

Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2010

Сборник научных трудов

Художник обложки И.А. Михеев

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректоры О.П. Дормидонтова, Н.И. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 21/XII – 2010 г.

Формат 70×100/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 27,75 Уч.-изд.л. 27,9

Тираж 300 экз. Заказ № 26

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
Тел. /Факс 8(499) 120–4514
E-mail: market@INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9